ЭЛЛЕН ДАТЛОУ

СКАЗКИ О ВООБРАЖАЕМЫХ ЧУДЕСАХ

РИПОЛ КЛАССИК

ЭЛЛЕН ДАТЛОУ

С РАССКАЗАМИ **НИЛА ГЕЙМАНА, ДЖОРДЖА Р. Р. МАРТИНА** И **СТИВЕНА КИНГА**

СКАЗКИ О ВООБРАЖАЕМЫХ ЧУДЕСАХ

Сказки о воображаемых чудесах

Эллен Датлоу, А. Р. Морлан, Нил Гейман, Чарльз Де Линт, Майкл Маршалл Смит, Рэй Вукчевич, Джеффри Форд, Келли Линк, Микаэла Реснер, Джордж Мартин, Майкл Бишоп, Питер Сойер Бигл, Люциус Шепард, Танит Ли, Мэри Турзилло, Лоуренс Блок, Джойс Кэрол Оутс, Джек Кетчам, Регги Оливер, Нэнси Этчеменди, Кэрол Нельсон Дуглас, Элизабет Хэнд, Стивен Кинг, Джон Кессел, Грэм Джойс, Николас Ройл, Эдвард Брайант, Джон Краули, Кэтрин Морган Валенте, Нэнси Спрингер, Дэвид Сэнднер, Кэрол Эмшвиллер, Шэрин Маккрамб, Каарон Уоррен, Люси Сассекс, Кристин Лукас, Дэниел Уинн Барбер, Сюзанна Кларк, Деннис Дэнверс, Теодора Госс

Аннотация
Сказки о воображаемых чудесах. Составитель Э. Датлоу
Благодарности
Введение
И даже Рай мне будет царством пустоты…. А. Р. Морлан
Жертва. Нил Гейман
Тёмные очи, вера и преданность. Чарльз де Линт
Не помахав на прощанье. Майкл Маршалл Смит
Поймай. Рей Вукчевич
Чары мантикоры. Джеффри Форд
Кошачья шкурка. Келли Линк
Мице исправляет неполный образ реальности. Микаэла Реснер
Защитники. Джордж Р. Р. Мартин
Жизнь как пазл, составленный из чрезвычайно лучезарных кошек. Майкл Бишоп
Гордон: кот, который сделал себя сам. Питер С. Бигл
Охотник на ягуаров. Люциус Шепард
Артуров лев. Танит Ли
Прайд. Мэри А. Турзилло
Взломщик обзаводится котом. Лоуренс Блок
Белая кошка. Джойс Кэрол Оутс
Возвращения. Джек Кетчам

Кошечка. Регги Оливер
Кошка в стекле. Нэнси Этчеменди
Койот Пейот. Кэрол Нельсон Дуглас
Поэт и дочь изготовителя чернил. Элизабет Хэнд
Ночь тигра. Стивен Кинг
Каждый ангел ужасен. Джон Кэссел
Кандия. Грэм Джойс
Мбо. Николас Ройл
Кошки-пуфики®. Эдвард Брайант
Реликвии. Джон Краули
Сказка мантикоры. Кэтрин М. Валенте
Воплощенная. Нэнси Спрингер
И Старым Фоссом все зовут его кота. Дэвид Сэндснер
Безопасное место. Кэрол Эмшвиллер
Девять жизней. Шэрин Маккрамб
Тигриная ловушка. Каарон Уоррен
Что-нибудь получше смерти. Люси Сассекс
Господство. Кристин Лукас
Тигр в снегу. Дэниел Уинн Барбер
Обитатель Высот. Сюзанна Кларк
Исцеление Бенджамина. Деннис Дэнверс
Пума. Теодора Госс

Аннотация

Легендарный редактор, лауреат многих премий Эллен Датлоу дарит своим читателям новую потрясающую антологию. Стивен Кинг, Нил Гейман, Джордж Р. Р. Мартин, Чарльз Де Линт, Майкл Бишоп и другие прославленные авторы откроют для вас удивительный и жуткий фантастический мир, где кошки наравне с людьми являются главными действующими лицами повествования. И это отнюдь не умилительное чтение!

Перед вами лучшие 40 рассказов о кошках в жанрах фэнтези и хоррор за последние 30 лет. Здесь вы встретите истории с участием домашних кошек, ягуаров, пум, тигров и львов, а также сфинксов и мантикор, однако акцент в рассказах сделан на людях и человеческой природе, что всегда является знаком настоящей литературы.

Сказки о воображаемых чудесах
Составитель Э. Датлоу

Благодарности

Мы бы хотели поблагодарить Дэниела Браума, Дейва Хинчбергера, Джейкоба Вайсмана, Джона Джозефа Адамса, Джон Кесселя, Джорджа Скизерса, Колин Келли, Элеанор Лэнг, Чарльза Тэна, Горда Селлара и Ричарда Боуса за их советы и поддержку.

Введение

Что же такого особенного в кошках? Почему они с такой легкостью пробираются на страницы книг? Уже вышли в свет многочисленные антологии историй о кошках (а иные сборники даже в нескольких томах). Кажется, нет другого животного, которым были бы столь одержимы писатели самых разных жанров. Мистика, хоррор, научная фантастика, фэнтези — кошки проникли всюду.

Принято думать, что человек одомашнил кошачьих по чистой случайности. Возможно, именно поэтому они кажутся загадочней других зверей и писать о них интересней. Собаки выражают свои чувства довольно прямолинейно; люди считают их преданными, послушными и веселыми. Приручeнные раньше всех прочих, эти существа успели превратиться в некое подобие человека. Но кошки — другое дело. Они все еще остаются в доме чужаками. Делают, что взбредет на ум, и ходят сами по себе. Неудивительно, что за ними закрепилась недобрая слава созданий мрачноватых, эгоистичных и таинственных.

Говорят, что люди делятся на собачников и кошатников. Мне довелось побывать в обеих ролях. В детстве у меня был восхитительный кокер-спаниель, с которым мы «исследовали» леса неподалеку от дома. Не припомню, чтобы мне часто попадались кошки, и знала я о них тогда всего ничего: они ловят и поедают мышей в странном мультике про фермера Грея, который я смотрела в детстве, — немом, черно-белом и очень примитивном. А еще моя тетка, жившая на западе Германии, имела обыкновение засыпать нас письмами о проделках своей кошечки. Так вот эта кошечка постоянно попадала в переделки с соседями из-за своей любви к охоте на птиц — а с ней и сама тетка.

Своей же собственной кошкой я обзавелась, только переехав в Манхэттен. Мне она досталась от соседки по комнате. Та, не успев въехать, тут же приволокла двух котят, а потом сбежала из Манхэттена и оставила мне одного из питомцев: родители не позволили ей вернуться в Энн-Арбор с обоими животными. Так я внезапно стала обладательницей кошки, а вскоре к ней присоединилась еще одна, постарше (дожившая до двадцати трех лет!). И вот в моей жизни тоже появились мертвые и умирающие птицы. Дело

в том, что окна моей комнаты выходили на крышу, вот на этой-то ограниченной территории и бродили мои хищники.

С тех пор у меня всегда водились кошки. Или это я у них водилась?

Истории, что вы встретите здесь, были собраны по крупицам из антологий, журналов и сборников; большинство из них написаны в период между 1980 и 2009 годами, а некоторые (вроде отрывка из Льюиса Кэрролла и работ, авторами которых являются Джон Кроули и Стивен Кинг) — в конце 1970-х. В некоторых рассказах кошки предстают героями, в других — злодеями. Тут есть домашние кисы, тигры, львы, мифические полукошки, люди, превратившиеся в кошек, и кошки, обернувшиеся людьми. И все это в жанрах научной фантастики, фэнтези, мистики или хоррора. Есть даже одна история, которую вполне можно отнести к поп-культуре. И да, несколько прелестных котяток.

Я уже редактировала антологии, посвященные кошкам. В 1996 году вышел сборник «Финт хвостом» («Twists of the Tale»). В нем, по большей части, содержались рассказы жанра хоррор, три из которых вы увидите и на страницах данного издания.

Эллен Датлоу

И даже Рай мне будет царством пустоты…
А. Р. Морлан

Не бывает никаких обыкновенных кошек.

Колетт

Если вам случалось не так уж давно проезжать по Литтл-Иджипт там, где южный Иллинойс переходит в Кентукки, то за три-четыре часа пути вы могли увидеть на придорожных сараях… ох, ну, скажем, пять или шесть рисунков, рекламирующих жевательный табак от Катца. Да, в свои лучшие годы Хобарт Гёрни был человеком занятым. Теперь же, коль кто-нибудь вздумает полюбоваться на его работы, то придется ехать на машине или лететь в Нью-Йорк, и там, если повезет, можно застать одну из его передвижных выставок. Да и то лишь в том случае, если организаторам удастся раздобыть страховку; Гёрни был кем-то вроде Джексона Поллока в мире сарайной живописи; он рисовал всеми красками, что попадались под руку, и стремился как можно раньше расправиться с заказом, чтобы потом побыстрее

получить оплату. А поэтому с этими кусками стен приходилось носиться так, будто они были творениями из хрупких леденцов и паутины, а не просто гнилой древесиной, с которой чешуйками отслаивается краска. Я слышала от кого-то, будто для уцелевших работ Гёрни применяются те же методы консервации, что и для останков, откопанных в египетских гробницах. Вот что воистину пришлось бы старине Хобарту Гёрни по нутру (как он любил выражаться).

И дело тут не столько в захоронениях, сколько в самой египетской тематике. Ведь Гёрни не просто зарабатывал на жизнь, рисуя вывески для жевательного табака от Катца (можно и не упоминать, что занимался он этим большую часть своей жизни); он жил ради своих «кошек Катца».

Ради них он и умер. Впрочем, это совсем другая история… о ней вы не прочтете ни в одной из книг, под завязку набитых репродукциями вывесок, что Гёрни рисовал на сараях, и не услышите в передачах о его жизни и творчестве на каналах *PBS* или *Art & Entertainment.* Тем не менее история эта может посостязаться с любой из тех, что рассказывают о котопоклонниках-египтянах… особенно потому, что Гёрни не считал своих кошек божествами, но все-таки любил их. И потому,

что они любили его в ответ.

Когда я впервые встретила Хобарта Гёрни, мне он показался одним из тех старичков, что встречаются почти в любом захудалом городишке в глухой провинции. Все вы их видели: пожилые, низкорослые, в длиннющих брюках, которые вдобавок широки им в поясе, а потому держатся на подтяжках или затянуты ремнями так туго, что обладатель их едва может дышать. Спины их похожи на плавный изгиб буквы «С», плечи сходятся над ключицами… Ну, те самые старички, которые носят слишком чисто выстиранные бейсболки или, может, береты с пушистыми помпонами. И не важно, как часто они бреются: все равно пергамент их щек вечно припорошен щетиной в несколько миллиметров длиной. Они шаркают и замирают на краю тротуара, а потом, все-таки сойдя вниз, останавливаются и стоят в глубокой задумчивости. Таких стариков попросту не замечаешь, пока они не харкнут мокротой прямо под ноги — не по злобе, нет! Просто в их годы люди действительно поступали так, совершенно не задумываясь.

Я как раз настраивала выдержку на фотоаппарате, когда услышала, как он шумно откашлялся

и сплюнул всего в паре шагов, тем самым лишив меня способности сконцентрироваться. А ведь был один из тех дней, когда облака непрестанно снуют туда-сюда, то загораживая солнце, то открывая его. Из-за этого менялось количество дневного света, падающего на разрисованную стену сарая, которую я пыталась сфотографировать… Не задумываясь, я обернулась и сердито буркнула:

— Простите, *пожалуйста*… Я тут как бы пытаюсь настроить камеру…

А старик просто продолжал стоять, чуть ли не по локоть засунув руки в карманы брюк. Тонкая струйка темной табачной жижи цеплялась за его колючий подбородок, а бледно-голубые глаза с пристальной мягкостью смотрели на меня из-под козырька кепки. Потрескавшиеся губы подрагивали, словно он тщетно пытался заговорить со мной, и наконец старик произнес:

— Ни одна уважающая себя кошка не захочет позировать… Вам придется типа как подкараулить, пока они на вас не глядят.

— Хм-хм, — ответила я, возвращая свое внимание к почти двухметровой кошке, нарисованной рядом с аккуратной надписью «ТАБАК КАТЦА ЖЕВАТЕЛЬНЫЙ — ПРОСТО

ЗАМУРРРЧАТЕЛЬНЫЙ». Эта кошка Катца была одной из лучших, что я видела — в отличие от прочих кошек с логотипов (взять, к примеру, железнодорожную Чесси), каждая из катцевских была индивидуальностью: менялись расцветки, позы, а порой и количество животных на вывеске. А этот рисунок был так и вовсе шедевром: серый тигр, чья шерсть — вы попросту знали это! — была бы мягкой на ощупь. Каждый волосок, переливающийся разными оттенками, на конце заканчивался каплей белизны: ее было как раз достаточно, чтобы кота окутало какой-то сияющей аурой. Мягкая полнота его шеи говорила: это самец, причем самец некастрированный; в том возрасте, когда он уже мог стать отцом нескольких выводков котят, но еще не настолько взрослый, чтобы метить углы из вредности или покрыться боевыми шрамами. Молодой самец лет двух или, может, трех. И глаза его тоже глядели мягко: доверчивые, словно подернутые дымкой зеленые радужки с желтой каймой вокруг овальных зрачков. Серовато-розовый нос и рот, из которого едва выглядывают острия клыков. Он отдыхал, лежа на боку, поэтому были видны подушечки всех его четырех лап; каждая была окрашена в тот цвет на пересечении серо-

го и розового, которого не найдешь в цветовой гамме ни у одного художника. Хвост в светлых и темных кольцах покоился, свернувшись завитком, на задних лапах. Но что-то в его милой мордочке словно говорило, что этот кот прыгнет вам на руки, стоит лишь слегка похлопать себя по груди и позвать его…

Однако, принимая во внимание, что кот был почти целиком серый, а стена сарая уже почти совсем обветшала, мне нужно было добиться безупречной выдержки затвора — или прости-прощай фотокарточка этого конкретного катцевского кота. А облака мчались все быстрее и быстрее…

— Похоже, Приятель сегодня не в настроении сниматься, — услужливо прокомментировал старичок, сплюнув табак, и я пропустила еще один миг солнечного света, в который могла бы запечатлеть образ лежащего кота. И тут меня прорвало. Я выпустила камеру из рук (она стукнула меня по груди, повиснув на ремешке), обернулась и спросила:

— Это ваш сарай? Мне заплатить вам за снимок или что?

Старик посмотрел на меня из-под козырька, и взгляд его широко распахнутых глаз был одно-

временно кротким и обиженным. Продолжая пережевывать табак, он проговорил:

— За этого мне уже заплатили, но, пожалуй, можно сказать, что это *мой* кот…

Стоило ему произнести эти слова, как от моего гнева и нетерпения осталась лишь влажная лужица стыда. Сердце гулко забарабанило от восторга. Этот дед в мешковатых брюках, должно быть, и есть сам Хобарт Гёрни, художник, кисти которого принадлежат рекламные объявления для Табачной компании Катца — эти вывески, что испещряли ныне амбары по всему южному Иллинойсу и западному Кентукки; это и есть человек, который лишь пару лет назад расписывал стены, пока преклонный возраст не лишил его возможности легко взбираться на стремянку и спускаться с нее.

Когда-то я видела короткую передачу о нем по *CNN;* тогда он рисовал свою последнюю (или, может, предпоследнюю?) вывеску для Катца, но старики, как правило, все выглядят одинаково, особенно наряженные в эту вездесущую униформу из бейсболки и заляпанного краской комбинезона. Да и в любом случае, произведение впечатлило меня тогда куда сильнее, чем его создатель.

Протягивая руку, я сказала:

— Послушайте, я прошу прощения за свои слова… Я… я не это имела в виду, просто, понимаете, отпуск почти закончился, и погода стоит не совсем подходящая…

Ладонь Гёрни была сухой и твердой; отвечая, он тряс мне руку до тех пор, пока мне не пришлось убрать занывшую кисть:

— Без обид так без обид. Думаю, Приятель подождет чуток, пока облака не станут сговорчивей. Он терпеливый, наш Приятель, но незнакомцев сторонится… — Он так произносил это «Приятель», что не оставалось сомнений: это не просто словечко, которым Гёрни называет любого подвернувшегося под руку кота, а имя, и писать его следует с большой буквы.

Судя по тому, как неслись по небу облака, Приятелю предстояло ждать долго, а потому я кивнула в сторону взятого напрокат автомобиля (я припарковала его в нескольких метрах от амбара), приглашая художника на баночку пепси из холодильника с заднего сиденья. Штанины Гёрни шуршали при ходьбе, и это напоминало звук, который вы слышите, когда кошка лижет вам руку. А когда он говорил, придвигаясь поближе, то его дыхание, смешанное с табаком, тоже слег-

ка смердело котом: запах был дикий и теплый. Старик разместился не то внутри машины, не то снаружи; так он мог вдоволь глядеть на своего Приятеля, находясь в относительном тепле салона. Между шумными глотками газировки он сообщил мне:

— Как я уже сказал, ни одна уважающая себя кошка не собирается вам позировать, поэтому единственный способ сделать дело — это создать свою собственную кошку. Память — вот лучшая модель!

Я чуть не подавилась своим пепси, когда он сказал это; с самого начала я предполагала, что Гёрни вдохновлялся бродячими кошками, что шныряли вокруг сараев. Но создавать таких живых, таких прекрасных кошек, пользуясь только памятью и воображением…

— Шутка в том, что, когда я нанялся к Катцу, еще в тридцатые, им было нужно лишь, чтобы название компании мозолило глаза честному народу, да чтобы буквы были покрупнее — чем больше, тем лучше. А кошек я уже сам стал дорисовывать, и мне за это ничегошеньки не платили. Но это просто пришло само собой, понимаете? И, надо сказать, люди стали замечать вывески. Да и, по правде говоря, кошки эти не

давали мне скучать, пока я работал. Когда стоишь на стремянке, а ветер заползает за воротник, и поговорить на такой верхотуре ровным счетом не с кем, становится очень уж одиноко. Помню, вычищал в детстве отцовский сарай, и они так же терлись у моих ног, мурлыкали, а случалось, и прыгали мне прямо на плечи — хотели бесплатно прокатиться, пока я работал… Только не случилось мне имена им всем дать. Видите ли, одни приходили, другие уходили, ну или коровы их давили — ох, вовсе не по злобе, просто они такие громадные, а кошки такие махонькие. Они пытались прижаться друг к дружке потесней холодными ночами. Но мне нравилось бывать с ними, это уж точно. Вы, конечно, можете смеяться, но… — тут он понизил голос, хотя кто мог его слышать? Лишь я, да огромный нарисованный Приятель, отдыхающий на стене заброшенного амбара. — …когда я был мальцом, да и позже тоже, мне, бывало, снился сон. Хотелось стать маленьким, как кошка, — ну хотя бы на одну ночь. Просто чтобы разок свернуться уютно с целым выводком котят, четырьмя или пятью, и чтобы мы все были одинакового роста. Мы бы пригрелись на сеновале, целой кучей — лапы, хвосты, все вперемешку! — и они лизали бы мне

лицо, а потом зарывались бы мордочками мне под подбородок… или я бы сам утыкался в них, и мы бы вздремнули вместе. Нет средства от бессонницы лучше, чем полежать с котом, что мурчит под ухом. Истинная правда. Сдались они мне, эти ваши снотворные, когда рядом есть кот.

Вот поэтому я и согласился работать в «Табаке Катца», как услышал о них. Вообще-то работать на высоте я не люблю. Конечно, и Депрессия тут тоже свою роль сыграла, но само имя «Катц» слишком уж хорошо звучало, чтобы я смог пройти мимо. Вдобавок они были не против, чтобы я приукрашал их рекламу на свой лад — чудо, а не работа. Забавно было, когда эти ребята из телевизора приехали, взяли интервью и все такое. Я тогда рисовал моих малышек…

Слова Гёрни напомнили мне об альбоме с вывесками Катца, что я хранила в багажнике (не единственный мой экземпляр; этот, второй, я возила с собой, чтобы сверяться по нему, особенно когда натыкалась на сарай, который, возможно, уже фотографировала раньше при другом освещении или в другую погоду). Не в силах говорить от волнения, я выбралась с заднего сиденья и поспешила к багажнику, а Гёрни все рассказывал про того «мальчишку-репортера», который опра-

шивал его для трехминутного интервью:

— И ведь он даже не спросил, как зовут кошечек, словно это вообще не важно…

— Вот эти «малышки»? — спросила я, пролистывая альбом, пока наконец не наткнулась на снимок одной из самых изысканных его работ; снимок держался на странице при помощи самоклеящейся пленки. Четверо котят на нем жались друг к другу в куче примятой соломы; на их острых мордочках проглядывало любопытство, но все же было заметно, что они настороже: подойдите к ним на шаг ближе — и они нырнут в подстилку с головой. Даже если забыть про стог сена, они все равно выглядели в точности как котята, что родились в сарае; эти детеныши не были похожи на зверьков с рождественских открыток. Они не стали бы играть напоказ, как приютские кошечки для художника с Мэдисон-авеню; нет, то были дикие сущие дикари. Лишь счастливчику удалось бы подманить их так близко, чтобы они понюхали его пальцы, а потом умчались стремглав в дальний угол пропахшего навозом сарая; в тот самый угол, где появились на свет. Такие котята вырастают тощими, как щепка, и длиннохвостыми, крадутся по углам, словно тени, или внезапно появляются у вас из-за спины, будто

бы примеряясь: стоит ли вцепиться когтями вам в ботинок, прежде чем скрыться снова. Такая кошка — вы знали наверняка! — вся иссохнет от родов прежде, чем ей исполнится три года, а к четырем живот ее обвиснет, и она приучится быть постоянно настороже.

Стоило Гёрни увидеть снимок 8×10, как лицо его засияло. Сморщенные губы растянулись в широкой улыбке, приоткрыв то, что мой собственный дед называл «мясорубкой по центу за штуку»: идеальные, пугающе ровные (словно подушечки жвачки!) зубы, сияющие металлической белизной.

— Вы сфотографировали моих малышек! Обычно они так запросто не даются, Присси и Миш-Миш ведь похожи до невозможности. Но вы ухватили их! Разрази меня гром, поймали! И свет подходящий…

— Погодите, погодите! Дайте-ка, я запишу, — сказала я и потянулась за блокнотом и ручкой, что лежали на переднем сиденье. — Итак, кто из них кто?

С торжествующей гордостью, с которой почти все мужчины его возраста хвастаются фотокарточками внуков (а порой и правнуков), Гёрни указал на каждую из кошечек по очереди. Он

поглаживал эти изображения, перенесенные на бумагу при помощи химикатов, и палец его двигался с такой нежностью и лаской, словно он чесал котят под нарисованными подбородками.

— Вот эта, серая в полоску, Смоки, а вот Присси — видите, какая складная! Глаза словно у лисички, и кисточки на ушах! А справа от нее Миш-Миш. Они обе трехцветные, но у Миш пятнышек больше, чем положено…

— Миш-Миш? — переспросила я, недоумевая, как он додумался до такой клички. Ответ и удивил меня, и растрогал.

— Увидел в приложении к «Милуоки Джорнал» — ну, знаете, то, что на зеленой бумаге. Туда попадают всякие смешные и странные штуковины… так вот, была там статья про Ближний Восток, и я прочел про этих, как их… арабов. Они страсть как любят кошек, но вместо «кис-кис» говорят «миш-миш» — по-ихнему это «персик», бродячие-то у них почти все рыжие, как персики. Видите пятно на мордашке Миш-Миш? То есть я знаю, что нам не след интересоваться, что там думают эти арабы, они ведь вроде как враги нам, но разве можно винить людей за то, что они очень любят кошек? Я слышал еще, что египтяне почитали своих, как богов… делали из

них мумии, прям из целой животинки. Так что мне все равно. Пусть их потомки говорят, что терпеть нас не могут, лишь бы о кошках своих заботились — ведь кто ненавидит кошек, тот и от себя не в восторге. Я так считаю.

Я не смогла удержаться от смеха; пока Гёрни не заговорил снова, я на память процитировала Марка Твена: «Если можно было бы *скрестить человека* и *кошку*, это улучшило бы *человека,* но ухудшило бы кошку».

Теперь рассмеялся и Гёрни. Когда же он продолжил свою речь, я увидела, что воротник его рубашки забрызган табачной слюной.

— Так вот. Та, что рядом с Миш-Миш, — это Тинкер. Глядя на нее, правда, не скажешь, что это девочка, шерстка-то у нее всего двух цветов. Но по опыту скажу: почти все серые с белыми лапками — девочки. Не знаю, отчего уж так… Еще, например, никогда не встретишь белую кошку с черными лапками и грудкой, но наоборот — пожалуйста. Забавно, как работает природа, а?

Поведав мне имена «малышек» (я прилежно записала клички в блокнот), Гёрни принялся листать альбом, называя по именам доселе безымянных для меня кошек и котов. От этого животные словно оживали — во всяком случае, для их

создателя. Черный, с белыми носочками — Минг, кот с невероятно прозрачным зеленым взглядом и роскошной шерстью, что на груди свалялась в пару колтунов. Трехцветная Юли с круглым подбородком и желто-зелеными, как у совы, глазами. Стэн и Олли, пушистые, будто одуванчики, в своих черно-белых смокингах. Один из них был явно упитанней другого, но оба так очаровательно нетвердо держались на лапках, и ушки у обоих были такими крошечными, что всем своим прелестным видом котята словно умоляли взять их к себе домой. Клички сыпались одна за другой, все сразу и не припомнишь (хорошо, что в моем блокноте оставалось еще много пустых страниц). Но стоило кошкам получить имена, я больше не могла воспринимать их просто как очередное украшение катцевских рекламных плакатов… Например, как только я узнала, что Юли — это Юли, она сразу стала настоящей кошкой, обладающей личностью и биографией… Что в детстве она отличалась буйным нравом, вечно влипала в разные истории, вертелась юлой, гонялась за своим хвостом, пока не становилась похожей на флюгер в ветреную погоду. На секунду кошки Гёрни стали для меня чем-то большим, нежели союз краски и воображения. Они превратились

в полотна, подобные тем, что создают настоящие художники с холстами, мольбертами и палитрами, ну или же прирожденные творцы рекламных афиш, которым для работы не нужны трафареты, что делят плакат на сектора.

Я загрустила; печально, что тому репортеру не удалось ухватить саму суть трудов Гёрни. Этого «мальчишку» интересовало лишь то, как давно старик рисует.

Глядя на последний увеличенный фотоснимок из альбома, он смущенно пробормотал:

— Знаете, это все слишком большая честь для меня… будто я один из тех пижонистых художников, что висят в галереях, а не простой работяга. Не подумайте, это все очень приятно, конечно… просто… ох, ну, не знаю. Так чудн***о*** глядеть на них всех вместе в одной книге. Я привык видеть их там, где им и полагается быть — на воле, ну и все такое. Будто всех моих дворовых кошек вдруг разобрали по домам.

Я не нашлась, что ответить. Очевидно, что Гёрни был достаточно проницателен, чтобы понять: его работы — это и правда произведения искусства. Да, красиво выражаться он не умел; вполне вероятно, что и образования не получил никакого, но уж невежественным назвать его

было никак нельзя. И он, судя по всему, был в замешательстве. С одной стороны, в его время работой называли то, за что платят деньги, и точка. С другой — телеинтервью и мои попытки сфотографировать плод его трудов говорили о том, что он делал нечто особенное. Он не мог до конца примириться с мыслью, что столько шума раздувают из-за того, что для него самого было попросту способом заработать.

Я осторожно подняла с его колен альбом и положила на сиденье между нами, а затем сказала:

— Могу понять, что вы чувствуете. Я занимаюсь рекламной съемкой, фотографирую различные товары для клиентов, и, когда меня хвалят за удачную композицию, ну или за что-то еще, мне становится странно. Я ведь всего лишь посредник между продукцией и потребителем…

Пока я говорила, взгляд водянисто-голубых глаз Гёрни шнырял по окрестностям, и на секунду я испугалась, что он потерял интерес к моим словам. Вместо этого он удивил меня, сказав:

— Мне кажется, Приятель больше не робеет перед вами… Солнце светит уже целую минуту.

Я выскочила из машины и расположилась напротив сарая: как и сказал Гёрни, Приятель больше не стеснялся меня. Во всем своем вели-

колепии красовался он на выцветшей от солнца стене. Забавно: хотя буквы рекламного объявления уже почти все облупились, можно было разглядеть почти каждый волосок на кошачьей спине.

А за моей спиной, шумно прихлебывая содовую, Хобарт Гёрни повторял, как мог бы любой другой старик из любого другого селения:

— Не извольте сомневаться, мой Приятель больше не робеет…

* * *

Через пару часов я распрощалась с Гёрни у стен центра дневного пребывания (он же дом престарелых), где он жил. Не заходя внутрь, я уже знала, как будет выглядеть его комната: узкая кровать, потертое покрывало на резинке, на тумбочке несколько номеров *Reader's Digest* с особо крупным шрифтом и платяной шкаф без дверей, где на обвязанных крючком плечиках висит немногочисленная одежда владельца… А самое печальное — нет вовсе никаких животных, что скрасили бы его одиночество. В такие места собак и кошек приводят лишь тогда, когда редактору местного (и удивительно скучного) еженедельника понадобится несколько душещипательных

снимков для внутреннего разворота. «Пожилые с четвероногими» — зверюшки на коленях у стариков, закутанных в вязаные шали.

Тут было не место неожиданно маленьким мужчинам, что сворачиваются калачиком на соломенной подстилке и прижимаются к клубку уличных котят…

С почти комической торжественностью Гёрни поблагодарил меня за пепси и за то, что «позволила ему взглянуть на кисок» в своем альбоме. Я спросила, часто ли он выбирается поглядеть на них вживую, но сразу же пожалела о своем вопросе, когда он беспечно сплюнул себе под ноги и ответил:

— Я не особо-то разъезжаю, с тех пор как пришлось сдать водительские права… мои руки неважно меня слушаются, будь в них руль или кисть. Однажды на проселочной дороге я чуть не переехал кошку, и вот тогда сказал себе: «Ну всё, Хобарт, хватит. Хорошо, что кошка осталась в живых, но рисковать тебе больше не стоит».

Не зная, что делать дальше, я открыла заднюю дверь машины и вынесла альбом. Поначалу Гёрни отнекивался, хоть я и убеждала его, что у меня есть еще один, и это не считая негативов в моей нью-йоркской студии. Я едва смогла смотреть,

как он гладил обложку альбома — словно кожезаменитель был мягкой полосатой шерсткой. Зная, что не могу остаться и не выдержу больше этого зрелища, я попрощалась и оставила Гёрни стоять на пороге дома престарелых. Он сжимал в руках альбом с котятами. Я знала, что нужно было как-то помочь ему… Но что еще я могла сделать? Нет, ну правда? Я вернула ему его кошек; вернуть его прошлую жизнь было не в моей власти. А то, что он успел мне рассказать, ранило почти невыносимо, особенно эта фантазия про то, чтобы стать маленьким. Это я к чему… Разве часто даже близкие люди, старые друзья или члены семьи, открывают другим такие личные, такие глубокие чувства, а уж тем более, когда их не просят об этом? Когда узнаешь такое о ком-то, сложно отделаться от ощущения, будто смотришь на них через рентгеновские очки, купленные в магазине комиксов. Очки, что позволяют смотреть прямо в душу… Нельзя, чтобы один человек становился для другого таким уязвимым.

Особенно для того, кого почти не знает.

Через несколько дней после встречи с Хобартом Герни мой отпуск на Среднем Западе подошел к концу. Я вернулась в свою студию, чтобы снова превращать безжизненные образцы продукции

в предметы первой необходимости для людей, которые и не знали, что так отчаянно в них нуждаются, пока им по почте не пришел последний номер *Vanity Fair* или *Cosmopolitan* и они не нашли времени пролистать его после работы. Не то чтобы я чувствовала ответственность за то, что превращаю неизвестное в необходимое; даже те работы, что я сохраняла у себя, по сути ничего для меня не значили. Я, конечно, ценила свою работу, хвалила себя за усилия, что увенчались успехом… но мне никогда не приходило в голову давать клички флаконам одеколона, если вы понимаете, о чем я. И я завидовала Хобарту. Он мог любить свою работу, потому что в его воле было делать ее так, как ему угодно. И потому что его начальству из почившей в бозе компании Катца было наплевать, что он там рисует рядом с их логотипом. (Ох, мне бы таких милосердно безразличных клиентов!)

Но еще я жалела Хобарта. Трудно, очень трудно расставаться с тем, что успел полюбить, и оттого тем тяжелее заканчивать процесс созидания и любви, особенно не по своей воле. Что там сказал старик в интервью? Что он был слишком стар, чтобы взбираться на стремянку? Наверное, ему было столь же тяжело принять это, как и то, что

он больше не может водить машину, не ставя под угрозу свою и чужие жизни.

Вот что забавно: мне показалось, что если бы он еще мог карабкаться по стремянкам, то до сих пор бы разрисовывал стены кошками в человеческий рост, и не важно, платили бы ему за это в компании Катца или нет.

Честно говоря, про свою работу я бы такого сказать не смогла.

В самый разгар работы над серией снимков для рекламы новых женских духов (по какой-то причине они поставлялись во флаконе, словно сделанном из промышленных отходов, и вовсе не подходившем для аромата, который мог похвастаться «верхними нотками зелени с обертонами корицы», что бы это ни значило; пахли эти духи, как дешевый дезодорант) в студии раздался звонок. У меня стоял автоответчик для фильтрации входящих вызовов, и я могла прослушать сообщение, не отрываясь от процесса съемок… но я бросила все и побежала к аппарату, когда голос на том конце провода задумчиво произнес: «Эээ… это вы подбросили мистера Гёрни до дома пару месяцев назад?»

— Да, это я! Это не автоответчик!

Женский голос безо всякого предисловия по-

яснил:

— Простите за беспокойство, но мы нашли вашу визитку в комнате мистера Гёрни… В последний раз его видели с вашим альбомом в руках, он собирался на прогулку, хотя до этого не выходил из дома целую неделю…

У меня неприятно засосало под ложечкой, и вскоре это ощущение словно разлилось по всему телу; сотрудница дома престарелых тем временем продолжала свой полубессвязный рассказ. Она поведала мне, что никто не видел Гёрни с тех пор, как он сел в машину с канадскими номерами, а потому сейчас он может быть совершенно где угодно. По всей вероятности, направляется в Нью-Йорк. Хоть женщина и не видела меня, я потрясла головой:

— Нет, мэм, можете не искать его там. Он не далеко уехал… Я уверена. Если он все еще не в Литтл-Иджипт, он на той стороне границы с Кентукки. Просто ищите вывески Катца!

— Что искать?

Я прижала трубку к груди, пробормотала «Ах ты тупая курица!», просто чтобы сбросить напряжение, и затем объяснила:

— Он рисовал вывески на амбарах. И сейчас прощается с ними. — Проговаривая последние

слова, я сама подивилась тому, как сформулировала мысль… хотя инстинкт художника — тот, что объединял нас с Гёрни, — подсказывал мне, что я все сказала правильно.

Хотя женщина из дома престарелых и получила все сведения от меня, она так и не удосужилась перезвонить, когда тело Гёрни было найдено в нескошенной траве. Он лежал у стены заброшенного сарая, которую украсила его любящая рука. Тем вечером поздней осенью я, как и многие другие, смотрела *CNN*: там снова крутили передачу о его последней — или предпоследней — работе, а затем последовал до странного сентиментальный некролог, завершившийся крупным планом «малышек», под изображением которых и обнаружили тело старика. Камера дала увеличенное изображение мордочки Миш-Миш, словно сшитой из желтоватых, серых и белых лоскутков с рыжим пятнышком вокруг глаза. Она так резко выступала из кадра, была такой настоящей, что никто — будь он любителем кошек или нет — не мог не увидеть того, что было столь сложно разглядеть в интервью, которое Гёрни дал для *CNN*. В том репортаже, где старика изобразили безо всяких прикрас, этаким неотесанным простаком, каким он мог показаться на первый взгляд (до

такой степени, что недооценить его работы становилось до смешного легко), не было заметно одно: он был гением. Весьма вероятно, равным по величине Бабушке Мозес и ее коллегам.

Ж. К. Суарес первым выпустил книгу, посвященную кошкам Катца — именно под этим названием прославились потом работы Гёрни. Вклад в этот сборник внесли многие именитые фотографы вроде Герба Ритца, Энни Лейбовиц и Аведона; я в их число не вошла, но зато поучаствовала в другом проекте: деньги, вырученные от продаж этого издания, пошли в фонд борьбы со СПИДом. Затем начали выходить специальные выпуски передач на станциях, которые Гёрни бы назвал „пижонистыми“, и даже ходили слухи о выпуске марок с портретом художника и изображением одной из кошек Катца.

Ирония здесь в том, что я сильно сомневаюсь в том, что Гёрни понравилась бы вся эта шумиха вокруг его работ; то, что он создавал, было для *такого* слишком личным. Особенно после того, как я видела нежность, с какой он гладил изображения своих «малышек» в моей взятой напрокат машине. Как он столь внезапно поделился своей мечтой о том, чтобы уменьшиться до размеров котенка — мечтой, которая завладела им во

времена, когда он мальчишкой вычищал сарай, много лет и много дворовых кошек назад. Но все же была для меня и положительная сторона в том, что жизнь и творчество Гёрни стали известны широкой публике. Это дало мне возможность разузнать, что случилось с ним на самом деле, не посещая тот мрачный городок, где мы познакомились, и не заходя в его полупустую, похожую на келью, спальню в доме престарелых.

Полиция обнаружила его тело, почти полностью спрятанное высокой иссохшей порослью, прямо под стенами сарая, на котором он нарисовал своих «малышек»; он лежал на боку, свернувшись клубком, почти в позе эмбриона. Лицо было закрыто руками — поза наводила на мысль о кошке, что заснула или просто прилегла отдохнуть. Предполагали сердечный приступ, но эта версия никак не объясняла ссадин на лице и руках: грубые, алые, похожие на сыпь потертости на коже. Их не приняли во внимание, посчитав за укусы огненных муравьев. Не объясняла «официальная» причина смерти и блаженного выражения на его лице, которое описал полицейский в репортаже на канале *A&E;* не нужно быть доктором, чтобы знать, как мучителен инфаркт.

Также не нужно быть экспертом по коша-

чьим — а особенно по крупным, — чтобы знать, что язык кошки может сделать с незащищенной кожей, если животное примется без конца вылизывать ее, уютно устроившись в груде пушистой теплой плоти.

Может, Хобарт Гёрни вовсе и не собирался прощаться в прямом смысле слова, устроив себе тур по местам, где остались его творения; может, его просто охватила ностальгия, после того как я показала ему альбом. Забавно, что он взял его с собой… будто мог забыть хоть одну из кошек, которых когда-то нарисовал. Впрочем, никто не сможет ответить и на другой вопрос: что заставило его превратить работу, за которую он, вопреки боязни высоты, взялся, дабы избежать безденежья Великой Депрессии, в нечто даже большее, чем дело всей жизни? Возможно, именно мое решение создать фотоколлекцию его работ и привело в итоге к смерти Гёрни, о которой я услышала в новостях *CNN.* Однако, если и так, виноватой я себя не чувствую — в конце концов, он не рисовал кошек уже много лет. Ничто не мешало ему взяться за холст, но, похоже, такой метод просто совершенно ему не подходил.

И разве он сам не говорил, что просто выполнял свою работу; делал то, чего от него ждали?

Сомневаюсь, что Гёрни понравилось бы рисовать для себя — это не вязалось с практическим складом его характера. И вряд ли ему пришло бы в голову, что однажды его кошек сорвут со стен, на которых они жили, и эти огромные куски стен отвезут в музеи и на выставки в разные части страны, где их «приручат».

А может… может, он как раз догадывался, что произойдет? Знал, что его кошкам предстоит быть с ним еще совсем недолго?

И еще. Вспоминая надпись на его надгробии — не знаю уж, кто ее начертал, — я сомневаюсь, будто лишь мне известна возможная правда о том, что случилось с Хобартом Гёрни там, в примятых зарослях сухой травы, под «малышками»… Ибо вот что написано на камне цвета серой амбарной стены:

И даже Рай мне будет царством пустоты,
Когда не встретят там меня мои коты.

Могу добавить лишь одно: надеюсь, ему было тепло и мягко. Надеюсь, он чувствовал любовь там, в высокой мертвой траве, рядом со своими «малышками»…

Рассказы А. Р. Морлан (под настоящим именем и тремя псевдонимами) вышли в свет — и еще будут опубликованы — более чем в ста двадцати журналах, антологиях и электронных изданиях в Соединенных Штатах, Канаде и Европе. Автор выпустила сборник «Задушенные куклы» («Smothered Dolls»). Она живет на Среднем Западе в доме, кишащем кошками, которых она называет «детки».

Любовь Морлан к этим созданиям проявилась в том, как она изобразила главного персонажа и его кошек. Когда я впервые прочла ее рассказ (изначально купив его для антологии «ужастиков» «Twists of the Tale»), мне столь запали в душу Хобарт Гёрни и кошки Катца, что я позвонила автору и спросила, был ли у героя прототип; ответом было и да, и нет. Морлан говорит, что ее вдохновил какой-то реально существовавший рисовальщик объявлений (правда, трудился он только над текстами, никаких кошек!). Моделями же для всех животных, описанных в рассказе, стали реальные питомцы автора.

Памяти:

Бини, Минга, Приятеля, Олли, Стэна, Пудинга, Блэки, Капкейка, Смоки, Присси, Миш-Миш, Росинки, Рыжика, Красавца, Пушинки, Лаки, Эрика, Дорогуши, Джека, Эрли Грея, Чарли, Долли, Мейнарда, Вилли, Гвен, Лаи, Огонька, Бель, Полосатика, Страшилы, Коровки, Задиры, Мартышки, Голди, Поко, Толстяка, Призрака, Бархатки, Божьей Коровки, Апельсинки, Ку-ку, Фрости, Симбы, Рози, Миссис Ти, Мистера, Маффина (Буббы), Шустрика, Усатого, Крохи, Мурмишки, Кэй-Ту, Хлои, Биппи, Брутиса, Тедди, Амелии, Элмо, Альфи, Глории, Вуди, Иезавели, Тигра, Пэнси, Оскара, Эйприл, Пеокое, Мег, Эдриана, Сильвестра, Малышки, Марко Поло, Душечки, Кэнди, Лолы, Лейси, Пупи (Вайолет), Квини, Отто, Деточки, Мамаши Кошки, Пышечки, Песчинки, Красотки, Шона, Чуви, Скутера, Митенки, Тэффи, Бу-бу, Клайда, Бейли, Гаммича, Данди, Болтушки, Принцессы, Пинки, Аполлона, Эмбер, Дениз, Келли, Бижу, Пискуна, Си-си, Феликса, Буги, Малыша, Конфетки, Пирожка, Руби, Пенни, Пушистика (II), Тыковки, Каспера, Башмачка, Уголька, Пряничка, Щеголя, Ангелочка, Мэка, Багси, Мисс Китти, Кэти, Майского Жука, Китти, Корички, Типпи, Грейси, Куинн, Грейди, Труди, Печеньки, Мэй и Монго.

Жертва
Нил Гейман

У бродяг и босяков есть особые знаки, которые они оставляют на воротах, деревьях и дверях; так они сообщают друг другу кое-что о хозяевах домов и ферм, мимо которых проходят в своих странствиях. Мне кажется, у кошек тоже есть такие знаки. Как иначе объяснить тот факт, что у нашего порога круглый год появляются все новые кошки — одичалые, голодные и все в блохах?

Мы берем их к себе. Вычесываем блох, кормим, отводим к ветеринару. Платим за прививки и — о, одно унижение за другим! — кастрируем или стерилизуем.

Они остаются с нами на несколько месяцев. Или на год. Или навсегда.

Большинство из них пришло к нам летом. Мы живем в деревне, как раз на таком расстоянии от города, что хозяевам удобно привозить своих животных и бросать их здесь.

У нас, похоже, никогда не было больше восьми кошек, но и меньше трех бывало редко. На настоящий момент кошачье население моего дома

составляют: Гермиона и Под, полосатая и черная соответственно — безумные сестрички, что живут в моем кабинете на чердаке и не лезут в чужие дела; Принцесса, длинношерстная белая кошечка с голубыми глазами, — дикарка, оставившая свои лесные привычки ради уюта диванов и постелей; и, наконец, Клубок, — громадная черепаховая дочь Принцессы, напоминающая подушку в рыжих, черных и белых пятнах. Одним прекрасным днем я обнаружил ее (в ту пору она была крошечным котенком) у нас в гараже, запутавшуюся в бадминтонной сетке. Она едва могла дышать и казалась почти мертвой. Выжив, она удивила нас всех и превратилась в самую благонравную кошку из всех, что я встречал.

А еще есть черный кот. Мы его так и зовем: Черный Кот. Он появился на нашем крыльце почти месяц назад. Поначалу мы не думали, что он останется тут, слишком уж он был упитан для бродячего кота, слишком стар и самодоволен, чтобы быть котом брошенным. Он выглядел, как миниатюрная пантера, и двигался, как сгусток ночной тьмы.

Однажды летним днем Кот шнырял вокруг нашего ветхого крыльца; на вид ему было лет восемь или девять, самец с желтовато-зелеными

глазами, очень дружелюбный и практически невозмутимый. Видимо, он пришел с соседней фермы или из какого-нибудь дома неподалеку, подумал я тогда.

Я уехал на пару недель, чтобы закончить книгу, а когда вернулся, Кот все еще был у нас: жил на крыльце на старой подстилке, которую откопал для него кто-то из детей. Кота, однако, было не узнать: шерсть кое-где выдрана огромными клочьями, на серой коже глубокие царапины. Откусан уголок уха. Порез под глазом. Рваная рана на губе. Он выглядел усталым, изможденным.

Мы отвезли Черного Кота к ветеринару, где ему прописали антибиотик, которым мы и кормили его каждый вечер, добавляя в кошачьи консервы.

Интересно, думали мы, с кем же он дерется. С Принцессой, нашей белой красавицей, полудикой королевой? С енотами? С лысохвостым и клыкастым опоссумом?

Каждую ночь царапин становилось все больше — однажды он появился с изгрызенным боком, в другой раз все его брюхо было словно исполосовано когтями и, если потрогать, начинало кровоточить.

Когда дошло до такого, я решил отнести кота в

подвал, чтобы он смог отдохнуть и поправиться, лежа перед обогревателем среди коробок. Он оказался на удивление тяжелым, этот Черный Кот; я поднял его и отнес вниз, прихватив корзинку для лежания, лоток, а также немного корма и воды. Я закрыл за собой дверь. Когда я вышел из подвала, мне пришлось отмывать руки от крови.

Он оставался внизу четыре дня. Поначалу казалось, что от слабости он и есть сам не сможет: от ссадины под глазом он почти окривел, а при ходьбе хромал и заваливался набок. Из раны на губе проступали капли густого желтого гноя.

Я спускался к нему два раза в день. Кормил его, давал лекарство, которое подмешивал в консервы, обрабатывал самые глубокие царапины, говорил с ним. У Кота расстроился желудок, и, хотя я ежедневно менял наполнитель в лотке, в подвале все равно было не продохнуть от зловония.

Те четыре дня, когда Черный Кот жил в подвале, стали черными днями для нашей семьи: малышка поскользнулась в ванне, ударилась головой и едва не утонула; я узнал, что проекту, к которому я прикипел сердцем — постановка «Луда-Туманного» Хоуп Миррлиз на *BBC*, — не суждено воплотиться в жизнь, а у меня не было

сил начинать все сначала, продвигать идею на других каналах и, возможно, в других СМИ; дочь уехала в летний лагерь и сразу начала засыпать нас душераздирающими письмами и открытками, по пять или шесть штук на дню, умоляя забрать ее домой; сын рассорился с лучшим другом так, что они объявили друг другу бойкот; а жена, возвращаясь вечером домой, сбила на дороге оленя. Животное погибло, машина была безнадежно испорчена, а благоверная отделалась шрамом над глазом.

К четвертому дню кот принялся беспокойно мерить подвал неровными шагами. Он нетерпеливо хромал среди стопок книг и комиксов, коробок с письмами и кассетами, картин, подарков и всякой всячины. Он промяукал мне, чтобы я выпустил его наружу; не испытывая особого восторга, я повиновался.

Он вернулся на крыльцо и проспал там весь оставшийся день.

На следующее утро на его боках зияли новые глубокие порезы. Клоки черной шерсти — его шерсти — усыпали деревянный настил крыльца.

В тот день моя дочь написала нам, что дела в лагере налаживаются, и она, пожалуй, сможет протянуть там еще пару дней; сын помирился

с другом, хотя мне так и не удалось узнать, что же послужило причиной размолвки: коллекционные открытки, видеоигры, «Звездные войны» или девочка. Члена руководства *BBC*, который зарубил мой проект, поймали на взяточничестве (ладно, на получении «сомнительных займов» от независимой продюсерской компании). Его отправили домой в бессрочный отпуск. На его место, к моему неизбывному восторгу, заступила женщина, которая, как она сама сообщила мне по факсу, первой заговорила о моем проекте на *BBC*.

Я подумывал вернуть Черного Кота обратно в подвал, но все же не стал этого делать. Вместо этого я принял решение разузнать, что же за зверь приходит к нашему дому по ночам. Раскрыв эту тайну, я мог бы выработать план действий и, возможно, поймать его в ловушку.

На дни рождения и Рождество моя семья дарит мне различные электронные штуковины: игрушки, которые ужасно меня привлекают, но обычно так и остаются пылиться в коробках. У меня есть устройство для сушки продуктов, электрический разделочный нож, хлебопечка и — прошлогодний подарок — бинокль ночного видения. В день Рождества я вставил в прибор батарейки и побродил во тьме по подвалу, выслеживая стаю

несуществующих скворцов: мне так не терпелось испробовать устройство, что я даже не смог дождаться темноты (в инструкции запрещалось включать свет во время использования бинокля: это могло привести к поломке механизма, а также, возможно, и испортить глаза). Позже я положил бинокль обратно в коробку и отнес к себе в кабинет, где он и пролежал благополучно бок о бок с ящиком, наполненным компьютерными проводами и всяким позабытым хламом.

Я принялся размышлять. Возможно, если этот зверь — будь то собака, кошка, енот или кто-то там еще — увидит меня на крыльце, то не подойдет к дому. Поэтому я поставил стул в кладовую для одежды с видом на крыльцо (размером она была чуть больше шкафа), а потом, когда все заснули, вышел во двор и пожелал Черному Коту спокойной ночи.

Этот кот, как сказала моя жена, увидев его впервые, был личностью. И в его огромной львиной физиономии и впрямь было что-то человеческое: широкий черный нос, зеленые с прожелтью глаза, клыкастый, но добродушный рот (из раны в правом уголке нижней губы все еще сочился янтарный гной).

Я погладил кота по голове, почесал под подбо-

родком и пожелал ему удачи.

Затем зашел в дом и, выключив на крыльце свет, сел на стул. В доме царила тьма. Я заранее включил прибор ночного видения, и теперь, когда он лежал у меня на коленях, из его окуляров текла тонкая струйка зеленого света.

Время тоже текло в темноте.

Я поэкспериментировал с очками, учась правильно фокусировать взгляд и созерцать мир в зеленых тонах. К удивлению для себя, я ужаснулся количеству насекомых, кишащих в ночном воздухе: казалось, мир ночью превращается в какой-то кошмарно густой живой суп. Затем я отнял бинокль от глаз и уставился в насыщенную черно-синюю мглу ночи, пустую, спокойную и тихую.

Время шло. Я боролся со сном; оказалось, что мне до смерти не хватает кофе и сигарет, двух пагубных привычек, от которых я вроде бы избавился. Любая из двух подошла бы, чтобы не дать мне заснуть. Но прежде, чем я успел слишком далеко зайти в мир сновидений, в саду раздался вой, рывком вырвавший меня из дремоты. Вмиг проснувшись, я неуклюже нацепил бинокль, но, к разочарованию своему, увидел лишь нашу белоснежную Принцессу, что проскользнула

по палисаднику, подобно лучу бледно-зеленого света. Она исчезла в зарослях слева от дома — и больше не появлялась.

Я собирался было снова опуститься на стул, но внезапно мне стало любопытно, что же так напугало Принцессу, и я принялся вглядываться в сад сквозь бинокль, выискивая глазами енота, собаку или зловредного опоссума. И действительно: по подъездной дорожке к дому направлялось нечто. Я видел его через свой бинокль ясно, словно при свете дня.

То был Дьявол.

Я никогда не видел Дьявола раньше. Хоть я и писал о нем в прошлом, но если б меня прижали к стене, признался бы, что и не верю в его существование, считая его фигурой по-мильтоновски трагичной, но вымышленной. Фигура же, что приближалась по дорожке, не была Люцифером Мильтона. Это был сам Дьявол.

Сердце до боли заколотилось у меня в груди. Я надеялся, что Дьявол не разглядит меня; что я в безопасности в этом темном доме, за оконным стеклом.

Двигаясь по дорожке, фигура мерцала и изменяла очертания. В одну секунду она была темной, быкоподобной, похожей на минотавра; через

мгновение в ней появилось нечто женственное и гибкое; а вот уже она стала кошкой — покрытой шрамами, огромной зеленовато-серой дикой кошкой, с мордой, перекошенной от ненависти.

К моему крыльцу ведут ступени. Четыре белые деревянные ступеньки, которые давно пора заново покрасить (я знал, что они белые, хотя сквозь стекла бинокля они, как и весь остальной мир, казались зелеными). У ступеней Дьявол остановился и выкрикнул, завывая и ревя, что-то непонятное: три, возможно, четыре слова на языке, который уже канул в небытие во времена, когда строился Вавилон; хотя я не мог разобрать слов, волосы на моем затылке встали дыбом.

А затем до меня донеслось глухое рычание, чуть приглушенное зарослями травы, но все равно различимое. Вызов на бой. Медленно, нетвердо, черная фигура спустилась по ступеням вниз — прочь от меня и навстречу Дьяволу. В те дни Черный Кот уже утратил грацию пантеры; вместо этого он спотыкался и качался, как моряк, лишь недавно ступивший на сушу.

Теперь Дьявол был женщиной. Она что-то пробормотала коту, что-то нежное и успокаивающее (язык по звучанию напоминал французский), и протянула к нему руку. Он впился клыками ей в

руку; она ощерилась и плюнула в его сторону.

Женщина подняла взгляд на меня, и если до той минуты у меня оставались сомнения в том, Дьявол ли она, теперь я был в этом полностью уверен: ее глаза метнули в меня алое пламя, но бинокль ночного видения не позволяет увидеть красное — все имеет лишь оттенки зеленого. И Дьявол увидел меня. Сквозь стекло. Он увидел меня. Это несомненно.

Дьявол изгибался и крутился. Теперь он стал подобен шакалу: плосколицее существо с огромной головой и бычьей шеей, нечто среднее между гиеной и динго. В его шелудивой шкуре копошились личинки. Он начал восхождение по ступеням.

Черный Кот прыгнул на него, и через секунду они сплелись в перекатывающийся и извивающийся комок. Мой взгляд не поспевал за их движениями.

Все это происходило в полной тишине.

Затем раздался низкий рокот: вдалеке по проселочной дороге, к которой выходит наша подъездная тропа, загромыхал поздний грузовик. Сквозь стекла бинокля его фары горели, словно раскаленные зеленые солнца. Я опустил прибор, и увидел лишь тьму да мягкое желтое свечение огней грузовика, а затем красный свет задних

габаритов. Машина скрылась в пустоте.

Когда я снова поднес бинокль к глазам, то не увидел ровным счетом ничего. Лишь Черный Кот, стоя на ступенях, смотрел в небеса. Взглянув сквозь стекла наверх, я разглядел нечто, уносившееся прочь — не знаю, орел то был или стервятник. Птица, пролетев над верхушками деревьев, исчезла вдали.

Я вышел на крыльцо, подобрал Черного Кота и стал гладить, приговаривая что-то успокаивающее и нежное. Когда я только подошел к нему, он что-то жалобно промяукал, но затем потихоньку заснул у меня на коленях. Я переложил его в корзину, а сам отправился спать к себе наверх. На следующее утро на моей футболке и джинсах я заметил запекшуюся кровь.

Это случилось неделю назад.

То, что приходит к нашему дому, посещает нас не каждую ночь. Но оно все-таки приходит: мы знаем это по новым ранам, которые приносит кот, и по той боли, что заметна в его львиных глазах. У него отнялась левая передняя лапа, и навсегда закрылся правый глаз.

Я не знаю, чем мы заслужили Черного Кота. Не знаю, кто послал его к нам. И порой, в своем эгоизме и трусости, я хочу узнать, на сколько

жертв он еще способен.

Нил Гейман — обладатель медали Ньюбери за роман «История с кладбищем», занявший первое место в списке бестселлеров *New York Times.* По его книгам были сняты масштабные кинокартины, включая недавно вышедшую экранизацию «Коралины». Пользуются популярностью серия комиксов «Песочный человек» и многочисленные романы для взрослых, подростков и детей. Лауреат премий «Хьюго» и «Небьюла», премии Мифопоэтического общества, Всемирной премии фэнтези и других. Автор блестящих рассказов и стихов.

«Жертва» — это мастерски написанная трогательная история, полная мистики и очарования; по словам Геймана, она более или менее правдива. Во всяком случае, рассказчик — «это во многом я, дом — это мой дом, кошки — мои кошки, а семья — моя семья. Черный кот был именно таким, каким я его описал».

Тёмные очи, вера и преданность
Чарльз де Линт

Я только-только заканчиваю вытирать с заднего сиденья рвоту моего последнего клиента (похоже, он посчитал, что это вполне сойдет за чаевые, поскольку еще и надул меня на пару баксов) и снова принимаюсь объезжать район, как вижу голосующую женщину на Грейси-стрит перед одним из клубов „только для девочек“. Не подумайте, свободомыслия мне не занимать, но все равно сердце кровью обливается, как увижу такую красотку играющей за другую команду. Ее одной хватило бы мне на неделю сладких снов, а ведь сегодня только понедельник. Роста в ней метр семьдесят или семьдесят пять, кожа смуглая. Латиноамериканская или, может, индейская кровь? Сложно сказать. Но что сказать очень просто, так это то, что она восхитительна. Черные, как смоль, прямые волосы струятся по ее спине, а облачена она в сетчатые чулки, шпильки и короткое черное платье, которое сидит на ней так тесно, что кажется, его просто распылили на тело и оставили мерцать сатиновым блеском.

И при всем этом девушке удается не выглядеть шлюхой. Наверное, все из-за ее кукольного личика: точеного, с правильными чертами, но столь невинного, что вам хочется лишь заботиться о ее безопасности и комфорте. Естественно, после того, как вы с ней переспите.

В зеркало заднего вида я наблюдаю, как она садится на заднее сиденье в этом своем недлинном платье, демонстрируя бесконечные ноги. Похоже, ее вовсе не смущает, что я пялюсь. Мы оба знаем, что, кроме этого зрелища, я не получу ничего, и это мне еще повезло. Она морщит нос, и я пытаюсь угадать: от аромата духов „Блевота № 5“ или от освежителя воздуха, который я разбрызгал на сиденье, вычистив салон после предыдущего клиента.

Черт возьми, а может, это от меня самого воняет?

— Чем я могу вам помочь, мадам?

Ее громадные черные глаза уставились прямо в мои через зеркало заднего вида. Она так пристально смотрит, будто, кроме нас, в мире нет ни души.

— А на что вы согласны пойти?

Глядя на ее платье, простительно было подумать, что это приглашение к действию. Черт

возьми, именно это я и подумал сначала, и не важно, что она играет за другую команду. Но, с другой стороны, это ее личико херувима, вся эта невинность… и посмотрите на меня. Разве такой курносик может мечтать, что однажды красивая девушка станет флиртовать с ним с заднего сиденья его такси?

— Я отвезу вас, куда захотите, — сообщил я, решив не рисковать.

— А если мне нужно будет что-то еще?

Я качаю головой:

— Я не сделаю ничего, из-за чего могу попасть за решетку.

Чуть было не сказал «вернуться за решетку», но это ей знать было необязательно. Хотя, может, она и так уже знает. Может, когда я съезжал на обочину, она заметила тюремные татуировки у меня на руках — ну, из тех, что набивают булавкой и чернилами из шариковой ручки, и они вечно получаются грубоватыми и синюшными.

— Кое-кто украл мою кошку, — говорит она. — Я надеялась, вы можете помочь мне вернуть ее.

Я поворачиваюсь в кресле, чтобы посмотреть на нее в упор. Судя по акценту, все-таки латиноамериканка. Мне нравится та испанская теплота, с которой она проговаривает слова.

— Вашу кошку, — повторяю я. — То есть вроде как домашний питомец?

— Да, что-то в этом духе. И мне правда нужно, чтобы кто-нибудь помог выкрасть ее обратно.

Я смеюсь. Ну просто не могу удержаться.

— Так что же, вы останавливаете первое попавшееся такси и считаете, что водитель возьмет небольшой перерыв и поможет вам обласкать какую-то хату?

— Обласкать?

— Ну, залезть. Но тихо. Вы же не хотите, чтобы вас поймали?

Она мотает головой.

— Нет, — говорит. — Я просто надеялась, что вы поможете.

— И почему же именно я?

— У вас добрые глаза.

Люди много всего наговорили про меня, но вот такого раньше я не слыхал. Это все равно что сказать волку, будто у него обаятельная улыбка. Мне говорили, что у меня глаза мертвеца, тяжелый взгляд, но ничего приятного никто сказать мне про них не мог. Не знаю, по этой ли причине, или это все ее невинность, от которой так хочется о ней заботиться… Так или иначе, я обнаружил, что киваю.

— Конечно, — говорю я ей. — Почему бы и нет. Клиентов все равно сегодня маловато. Где нам искать эту вашу кошку?

— Сначала мне надо домой, переодеться. Не могу же я… Какое вы слово употребили? — Она улыбается. — Не могу же я обласкивать хату в таком виде.

А почему бы и нет, думаю я. Было бы интересно подсадить ее в окно. Но в ответ только киваю:

— Без проблем. Где ваш дом?

Хенк бы от всего этого просто взбесился.

Когда-то мы вместе мотали срок — обоих загребли, и несколько лет мы держались вместе. В наши дни в тюряге всем заправляют банды. Мы оба не были ни латиносами, ни арабами, ни черными, а с арийцами водить дружбу нам уж точно не хотелось, и вышло так, что мы уйму времени проводили вместе. Он сказал мне разыскать его, когда выберусь на волю, и он найдет для меня работенку. Многие так говорят, но немногие от души. Вы стараетесь исправиться, и при этом искренне обрадуетесь, если у вас дома или на работе объявится какой-нибудь рецидивист? Что-то я сомневаюсь.

Так что я бы и внимания не обратил, но это Хенк, а он говорит лишь то, что думает. А я всерьез

решил встать на праведный путь, когда выйду, а потому поймал его на слове.

Он познакомил меня с парнем по имени Мот, который руководит службой такси, взятых со свалки — то есть, лицензий у машин нет, но если никто не будет вглядываться, что там за справка прицеплена позади водительского сиденья, то и проблем особых не будет. Просто надо держаться тех районов, куда приличные такси предпочитают не заезжать.

Итак, Хенк предоставил мне возможность вернуться на стезю добродетели, а Мот дал всего один совет: «Держись подальше от дел своих клиентов» — и я неплохо справлялся, ни во что не ввязывался, зарабатывал на комнату в общаге и даже умудрялся откладывать немного на всякий случай.

Что самое смешное, эта халтура мне была по душе. Я не боюсь сажать в машину всяких головорезов и выгляжу достаточно крепким, чтобы ко мне не привязывались какие-нибудь чудики. Порой мне даже перепадают женщины вроде той, что я подобрал на Грейси-стрит.

Так почему же я поперся через весь город парковаться на Маретт-стрит и выжидаю, когда можно будет вломиться в чужой дом, чтобы спа-

сти кошечку?

Мой сообщник сидит сейчас передо мной. Ее зовут Луиза Харамийо. Она переоделась в обтягивающую черную футболку, мешковатый вылинявший джинсовый комбинезон и высокие черные кеды. От косметики почти ничего не осталось, а волосы исчезли под бейсболкой, которую она нацепила козырьком назад. И все равно зрелище было потрясающее. Может, даже лучше, чем до того.

— Как зовут вашу кошку?

— Терпение.

Я пожимаю плечами:

— Да все в порядке. Не хотите — не рассказывайте.

— Нет, ее так зовут, — отвечает Луиза. — Терпение.

— А этот тип, который ее украл, он?..

— Мой бывший. Совсем недавно расстались.

Вот и делай после этого поспешные выводы, думаю я. Черт возьми, да, я сам ехал по Грейси-стрит. Это ж не значит, что я играю за другую команду. Только не поймите меня неправильно, я не то чтобы понадеялся на что-то такое. Я знаю, что совсем не красавец, и она просто использует меня, потому что я подвернулся под руку и со-

гласился помочь. Когда мы заберем котенка у ее бывшего, не будет мне никакого «долго и счастливо». Хорошо еще, если мне просто пожмут руку.

Так зачем же я ввязался в это?

Ну что ж, скажу начистоту: мне скучно. Мой котелок никогда не перестает варить. Я всегда высчитываю какие-то проценты, строю планы. Когда я сказал, что полюбил работу таксиста, то не соврал. Мне правда нравится! Но вы сейчас говорите с парнем, который добрую часть жизни вырабатывал стратегии, и если они оказывались неудачными, просто шел и брал то, что ему было нужно. Вот так я и угодил за решетку.

Просто так ведь мало кого сажают. Конечно же они предвзяты по отношению к тем, кого принято считать отбросами общества: братанам, индейцам и белой рвани (а я вырос именно среди последних). Но все же среди нас, сидельцев, невиновных почти и нет.

Пробраться в незнакомый дом для меня — что доза для наркомана. В последние пару месяцев, после того как я бросил это дело, ломки у меня не было, но тяга осталась. Сейчас я, конечно, стараюсь подсластить пилюлю, мол, это все очень по-рыцарски… Ну вот, собственно, и все.

А ведь я даже и не спросил, зачем нам воровать

кошку. Просто подумал: а почему бы и нет? Но если пораскинуть мозгами… ну кто будет красть котов? Потерял — пойди возьми нового, делов-то. У нас дома никогда не было животных, может, поэтому я и не врубаюсь. У нас дома вместо животных были дети, хотя, наверно, обращались с нами похуже, чем Луиза со своей кошкой. Кого-то из нас даже забрали, и ма пожалела лишь о том, что стала получать от государства меньше денег.

Нужна еще причина? Мне редко выпадает удача потусоваться с такой красивой девушкой.

— Каков наш план? — спрашиваю.

— Человек, который живет в этом доме, наделен большой властью.

— Ваш бывший?

Она кивает.

— И кто же он? Политик? Судья? Наркоторговец?

— Нет, нет. Куда большей властью. Он брухо — колдун. Само по себе это не так плохо, но он пользуется очень дурными средствами. Он плохой человек.

Я уставился на нее, хлопая глазами, — думаю, как и любой бы на моем месте.

— Похоже, вы мне не верите.

— Скорее, просто не понимаю, — говорю.

— Неважно. Я говорю вам это только для того, чтобы предупредить: не смотрите ему в глаза. Что бы ни случилось, не встречайтесь с ним взглядом.

— А то что? Он превратит меня в тыкву?

— Хуже, — говорит она на полном серьезе.

Она выходит из машины раньше, чем успеваю расспросить ее, но сдаваться я не намерен. Я тоже выхожу и догоняю ее на тротуаре. Она берет меня за руку и быстро ведет сквозь тень от живой изгороди, что отделяет участок ее бывшего от соседних. Мне нравится чувствовать ее кожу своей. Жаль, что она уже разжимает ладонь.

— Да что тут вообще происходит, — спрашиваю я. — То есть я подбираю вас около бара для девочек на Грейси-стрит, разодетую, как проститутка, а теперь мы собираемся обласкать дом какого-то колдуна, чтобы вернуть вашу кошку. Не очень-то много в этом смысла.

— Однако вы здесь.

Я медленно киваю.

— Может, это вам мне не следовало смотреть в глаза, — говорю.

Я-то шутил, но она восприняла мои слова со всей серьезностью.

— Я бы никогда не сделала такого с другим

человеком. Да, я вышла в такой одежде, надеясь встретить человека вроде вас, но магии здесь не было.

Меня зацепила фраза «человека вроде вас». Я не был уверен, что эта фраза говорит о ее отношении ко мне. И нравится ли мне такое отношение. Может, вид у меня и неказистый, и из-за этого часто приходится коротать ночи одному, но я никогда не платил за это дело.

— Вы выглядели, как проститутка, которая хочет подцепить какого-нибудь простачка. Ну, или чудика.

Она улыбается, сверкнув зубами во тьме. Такие белые на фоне смуглой кожи…

— Нет. Мне нужен был человек, который желал бы меня достаточно сильно, чтобы хотеть быть рядом. Но также у него должно было быть сердце, чтобы выслушать мою историю, и много сочувствия, чтобы он захотел помочь мне, когда выслушает.

— Похоже, вам достался не такой, — говорю я ей. — За такое мне медалей не давали.

— Однако вы здесь, — повторяет она. — Вам не следует себя недооценивать. Иногда мы не раскрываем всего, что в нас заложено, лишь потому, что никто в нас не верит.

Я примерно представляю, куда она клонит. Хенк и Мот много раз беседовали о чем-то таком по ночам, когда мы собирались вокруг костра на свалке, и уже молчу про всех этих добросовестных соцработников. Но с ней мне обсуждать это хочется не больше, чем с ними. Симпатичная теория, но я на нее не куплюсь. Мало ли, кто что думает, жизнь от этого не изменится.

Вместо этого я говорю:

— Вы сильно рисковали. Могли напороться на какого-нибудь придурка с ножом, который не стал бы ничего выслушивать.

Она качает головой:

— Никто бы меня не тронул.

— Но все же вам нужна моя помощь с вашим бывшим.

— Это другое дело. Я посмотрела ему в глаза. Он прошил мою душу черными нитками, и если за меня никто не вступится, то он, боюсь, сможет снова подчинить меня.

Вот теперь я ее понял. Мне уже случалось вызволять других женщин из отношений, которые не шли им на пользу. Всыпал их дружкам по первое число, это обычно приводило их в чувства. Удивительно, насколько страх перед повторением урока эффективней любых судебных запретов.

— Итак, вам нужен качок, который смог бы как следует побеседовать с вашим бывшим?

— Надеюсь, это не понадобится. Вам вряд ли нужен враг вроде него.

— Говорят, что о людях судят как раз по врагам.

— Тогда вас тоже будут считать очень могущественным.

— Получается, тот ваш наряд был вроде как маскарадным костюмом?

Она кивает, но даже в потемках я вижу, какая горечь появилась в ее глазах.

— У меня есть много «костюмов» вроде этого. Мой парень настаивает, чтобы я надевала их. Чтобы стать привлекательней. Ему нравится, когда другие меня хотят, но не могут получить.

— Да с какой он планеты, этот чувак? Вы и в мешке из-под картошки будете выглядеть потрясно!

— Вам не понравилось платье?

Я пожимаю плечами:

— Что тут скажешь… Я мужчина. Конечно, мне понравилось. Я просто хочу сказать, что дело не в нем.

— Вы очень любезны.

И вот опять я оказался милягой. Забавно, но

мне больше не хочется с ней спорить по этому поводу. Мне, похоже, даже нравится, что про меня говорят что-то хорошее. Но я и не мечтаю, что у меня есть хоть один шанс получить что-либо еще. Вместо этого я концентрируюсь на пробелах в ее истории. Есть что-то, чего она мне не договаривает. Я так ей и говорю, а она, хоть и глядит виновато, все равно не спешит делиться.

— Послушайте, — говорю я. — Мне все равно, в чем там дело. Но мне надо знать, не встанет ли это „что-то“ на нашем пути, когда мы приступим к работе.

— Да нет, не думаю.

И она продолжает отмалчиваться, карт не раскрывает. Интересно, сколько среди них джокеров.

— О’кей, — говорю. — Значит, просто пойдем и сделаем. Но сначала нам надо будет сделать небольшой крюк. Как думаете, может ваша кошка подождать часок?

Она кивает.

Она не задает никаких вопросов, когда я паркуюсь за теплицей на Ист-Келли-стрит. Как нечего делать взламываю ломом замок на задней двери — ну так это и есть моя работа… или ладно, была моя работа, — и пробираюсь внутрь. Для

розысков мне потребовалась пара секунд: я читаю надписи при свете фонарика (он прилагался к дешевому брелку для ключей). А вот и нужная полка.

Я прорезаю отверстие в пакетике с диатомитом, осторожно сыплю землю в оба кармана. Когда я передвигаю пакет, то оставляю рядом с ним пятидолларовую купюру в качестве оплаты. Видите? Я учусь. Парни в тюрьме обделались бы от смеха, услышав об этом. Ну и что. Я, конечно, еще могу вломиться в дом к незнакомому человеку, чтобы помочь его девушке спереть кошку, но я больше не беру того, что не заработал.

— Вы считаете, он дома? — спрашиваю я, когда мы снова паркуемся у дома на Маретт.

Она кивает:

— Он не оставил бы ее одну, уж точно не сразу после того, как украл у меня.

— Вы знаете, где находится его спальня?

— В задней комнате. На третьем этаже. Он спит чутко.

Ну еще бы.

— Так, а кошка ваша. Как думаете, она может бегать по всему дому, или он запер ее в клетке?

— У него есть… другие способы ее усмирить.

— А-а-а, эти его волшебные глаза.

— Не надо смеяться над его могуществом.

— Я предельно серьезен, — говорю я.

Но на самом-то деле я знаю, что иногда с магией и правда лучше не шутить. Знаю я таких людей, которые умеют делать разные штуки своими глазами. В тюрьме постоянно с этим сталкиваешься: целые беседы проходят без помощи слов. Все дело в глазах. Есть люди, которые как змеи, гипнотизируют жертв. Уставятся на тебя, и ты глазом не успеешь моргнуть, как уже лежишь на полу с заточкой в брюхе и пытаешься удержать в себе жизнь, зажимая рану запачканными кровью пальцами.

Только я и сам могу уставиться пустым взглядом.

Выбираюсь из машины. Мы направляемся к боковой двери гаража. Я бы предпочел, чтобы Луиза осталась ждать в машине, но мне подумалось, что кошка будет тише себя вести, если обратно ее понесет хозяйка.

Я оглядел дверь. Вроде, никакой сигнализации, но кто его знает… На всякий случай спрашиваю Луизу.

— Такому человеку не нужна охранная система, — сообщает она.

— Опять магические штучки.

Она кивает, а я пожимаю плечами и вынимаю из заднего кармана две пары хирургических перчаток. Протягиваю одну пару ей, а другую натягиваю сам и достаю свои отмычки.

С этой дверью приходится повозиться дольше, чем с предыдущей, в теплицу. Интересно, зачем парню с магическими способностями раскошеливаться на замок? От этой мысли мне становится чуточку веселее. Я не говорю, что Луиза слишком легковерна или что-то в этом роде, но такие ребята — не важно, каким дерьмом они занимаются, магические прибамбасы действуют примерно так же, как угроза побоев — заставляют других ходить по струнке при помощи страха. Нужно лишь, чтобы жертва поверила: вы сделаете то, чем угрожали, если она перестанет подчиняться. И никакой магии не потребуется.

Замок поддается с легким щелчком. Убрав отмычки, я достаю пульверизатор и тщательно распыляю содержимое на все петли, прежде чем распахнуть дверь. Наклоняюсь к Луизе так, что чуть не касаюсь губами ее уха:

— Где нам лучше начать поиски?

Говорю едва слышно: и с двух шагов уже было бы не расслышать. Она отвечает так же тихо. Ее дыхание щекочет мне ухо. На таком расстоянии

я чувствую: женщина, которая выглядит вот так, и пахнет не менее приятно. Раньше мне этого узнать не доводилось.

— Подвал. Если она не прячется от него в подвале, то, значит, он забрал ее наверх, в спальню. Сразу за тем сервантом есть дверь, что ведет вниз.

Я киваю и иду к двери, на которую она указала. Мои кеды на резиновой подошве не выдают меня ни единым звуком. Луиза следует за мной. Петли на этой двери я тоже обрабатываю, и на лестнице стараюсь наступать на края ступенек: так меньше вероятность, что они заскрипят.

Наверху, у самой лестницы, был выключатель. Когда я спускаюсь вниз, то несколько секунд стою и прислушиваюсь. Ничего. Тогда я ощупываю стену и натыкаюсь на другой выключатель: его-то я и искал.

— Закройте глаза, — говорю я Луизе.

Сам я тоже зажмуриваюсь и щелкаю выключателем. За завесой век мир словно взрывается светом. Я едва приоткрываю глаза и быстро оглядываюсь. Подвал, к удивлению, оборудован как довольно шикарная жилая комната: у одной стены телевизор и аудиотехника, у другой — мини-кухня. Перед теликом — симпатичный

диванчик. Я насчитываю три двери, все слегка приоткрыты. Интересно, куда они ведут? Котельная, прачечная, мастерская… Кто знает…

Когда я заканчиваю осматриваться, мои глаза уже привыкают к свету. Не могу разглядеть я только одного: кошки.

— Может, вы хотите позвать ее?

Луиза качает головой:

— Я чувствую ее. Она прячется вот здесь, — указывает на одну из дверей. — В кладовой.

Я пропускаю ее вперед. Лучше, если кошка сначала увидит хозяйку, а не мою морду.

Мы доходим до середины комнаты, и тут за нашими спинами раздается голос:

«Я знал, что ты вернешься». Голос явно мужской. Говорит по-испански. «И поглядите-ка, что ты принесла с собой. Искупительная жертва!»

Я медленно поворачиваюсь. Он не должен догадаться, что я знаю испанский. Азы я постиг на улице, остальному научила меня тюрьма. Я стараюсь выглядеть удивленным, да это и не трудно. Поверить не могу, что не почувствовал, как он подошел. Когда я забираюсь в хату, то мое шестое чувство охватывает весь дом, и я ощущаю любые движения в воздухе.

Черт, ну уж на лестнице-то я должен был его

услышать!

— Ничего я тебе не принесла, — говорит Луиза по-английски. Это чтобы я понял, наверное.

— И все же мне достанетесь и ты, и твой защитник. Заставлю тебя смотреть, как сдираю с него кожу и точу когти о его косточки.

— Пожалуйста. Я прошу только о нашей свободе.

— Вы никогда не сможете освободиться от меня.

Должен признать, что он красив, как черт. Те же темные волосы и смуглая кожа, что и у Луизы. Но теплоты в глазах нет.

Да ладно, помню я, что Луиза говорила. Не глядеть ему в глаза. Но штука в том, что я в эти игры не играю. Когда попадаешь за решетку, быстро понимаешь: чего точно нельзя делать — так это идти на попятную. Стоит дать слабину — и сокамерники набросятся на тебя, как пираньи.

Поэтому я просто кладу руку в карман и смотрю ему в глаза. Самым убедительным взглядом каторжника, какой могу изобразить.

Он улыбается:

— Да ты здоровяк, как я погляжу. Но в нашей игре твои размеры не значат ничего.

Вы когда-нибудь играли в гляделки? Похоже,

сейчас начинается как раз она, и этот черноглазый считает, что загипнотизирует меня за секунду, так уж он в себе уверен. Забавно… я и правда чувствую призыв в его взгляде. Его зрачки, кажется, заполняют все мое поле зрения. В затылке раздается странный шепот, и, похоже, мой отсутствующий взгляд на краях уже пообтрепался.

Может, у него и есть какая магическая сила. Не знаю и знать не хочу. Я вынимаю руку из кармана. В ладони у меня зажата горсть диатомита из теплицы.

На самом-то деле я и не рассчитывал им воспользоваться. Просто прихватил с собой на всякий пожарный, вот и все. Ну мало ли, вдруг, как бы глупо это ни звучало, Луиза все-таки знала, о чем говорит. Ведь пока живешь, чего только не наслушаешься. Обычно я не верю всяким бредням, но ведь для того, кто никогда не видел компьютера, и он по рассказам покажется сказкой. Вы ведь понимаете, о чем я? Мир такой огромный и такой чудной, что в нем всему найдется место, хоть где-нибудь.

Так вот я держу горсть диатомита в руке и швыряю ему в лицо. Потому что слегка паникую: его глаза так и пробираются мне в душу и словно

запирают меня изнутри.

Вы ведь знаете, что такое диатомит? Перемолотые ракушки и косточки — острые, что твое стекло. Садоводы так борются со всякими жучками: сыплют порошок, а когда насекомое проползает по нему, его разрезает на мелкие кусочки. Песчинки невероятно мелкие, но сквозь латекс перчаток они все-таки не проникают. А вот у глаз такой защиты нет.

Только представьте, что произойдет с глазами, если в них попадет этот порошок.

А вот мрачному высокому философу и представлять не пришлось. Когда облако подлетает к нему, он поднимает руку, но слишком поздно. Уже не отмахнешься. Уже не закроешь глаза, как сделал я сам, отпрыгивая назад, подальше от любого контакта с пылью.

Веки его инстинктивно делают то, что им и полагается в таких ситуациях: быстро моргают. И прижимают песчинки к глазам. И разрезают глазные яблоки к чертовой матери.

Мало пользы и от того, что он протягивает руки и пытается протереть глаза от этой гадости.

Издавая ужасающие хнычущие звуки, он падает на колени.

Я к этому времени уже у самой стены, вне

досягаемости облака (оно быстро оседает). При взгляде на фигуру на полу меня начинает подташнивать. Может, я и перестарался. Я же не знаю, что там было у них с Луизой, насколько все было плохо, какого наказания он заслужил — и, возможно, я тут переступил черту, за которую не стоило заходить.

Он поднимает окровавленное лицо и устремляет на нас невидящие глаза. Ему удается что-то проговорить. На этот раз он говорит на неизвестном мне языке, но заканчивает опять по-испански, и эту фразу мне удается разобрать.

— Да будет так вовеки! — кричит он.

Я как раз поворачиваюсь к Луизе, а потому вижу, что происходит.

То есть я вижу, но не осознаю, что это не сон. Вот передо мной стоит прекрасная черноволосая женщина — а вот она исчезает, оставляя после себя лишь груду одежды на ковре. Я все еще таращусь, разинув рот, когда груда начинает двигаться, и из-под комбинезона, извиваясь, выбирается холеная кошка. Она стремглав устремляется в комнату, где, по словам Луизы, была ее кошка.

Я делаю шаг вслед за ней, и мужчина начинает что-то говорить на том неведомом языке. Я не знаю, предназначены ли эти слова для Луизы,

или он и меня тоже намеревается во что-то превратить — Господи Боже, теперь я верю во все это со всей истовостью! Так или иначе, рисковать я не собираюсь. Несколькими быстрыми шагами я добираюсь до него и пинаю в висок. Это его не останавливает, и я добавляю еще парочку ударов.

Наконец он затихает и больше не бормочет.

Я оборачиваюсь, чтобы идти за Луизой, но меня опережают: черная кошка мягко выступает из комнаты. На этот раз она тащит в зубах котенка.

— Луиза? — спрашиваю я неожиданно для себя.

Клянусь: даже с котенком в зубах кошка кивает. Но даже это необязательно: мне достаточно просто посмотреть ей в глаза. У нее глаза Луизы, на этот счет у меня сомнений нет.

— Это… навсегда?

В ответ кошка пускается рысью мимо меня. Тело своего бывшего она огибает широкой дугой и забегает на лестницу.

А я остаюсь внизу. Смотрю несколько долгих и печальных минут на то, что сотворил с колдуном, а затем поднимаюсь наверх. На кухне я оглядываюсь по сторонам. Уйти я еще не готов.

Кошка издает недовольный звук, но я прошу ее

подождать и иду осмотреть дом. Не знаю, чего же я ищу: может, оправдания тому, что сделал там, внизу. Но не нахожу ничего. Ничего, стоящего внимания. То там, то тут попадаются довольно зловещие маски, иконы и другие предметы, которые выглядят вполне по-магически, но тут уж не он первый, не он последний, кто собирал такое. Ничто не объясняет, почему ему надо было держать в подчинении Луизу и его — теперь я уже не думаю о котенке как о животном. После того, что я увидел внизу, я уверен: это ее ребенок.

Иду наверх и исследую его спальню и кабинет. И опять ничего. Но ведь так часто и бывает: паренек, от которого и мысли-то дурной не ожидаешь, или изобьет жену, или устроит резню на работе, или еще что-нибудь безумное сделает.

Тут поневоле задумаешься, особенно повстречавшись с парнем вроде Луизиного бывшего. Если уж у вас есть какая сверхъестественная сила, почему бы не сделать с ее помощью что-нибудь хорошее?

Знаю, знаю. Чья бы корова мычала. Но вот что я вам скажу: да, я грабил людей, и немало, но я никогда не причинял им боли. Намеренно — уж точно. И никогда не обижал женщин и детей.

Я снова спускаюсь и вижу, что кошка все еще

ждет меня у кухонной двери. Она удерживает котенка на месте, положив лапу ему на спину.

— Пойдем.

Я пока еще не задумываюсь о том, как женщину превратили в кошку. Как и когда она снова станет человеком (если вообще когда-нибудь станет). Подумаю об этом позже, не все сразу.

Мое первое побуждение — спалить дом дотла, да и его самого вместе с домом. Но такие игры в лихача ничего не докажут, меня только упекут обратно в тюрягу. Вреда я ему и так причинил достаточно, а копов он звать явно не будет. И все же, вернувшись домой, я первым делом поменяю номерные знаки и достану запасной комплект регистрационных документов — у Мота они припасены для каждой из его тачек.

А пока я иду за кошками по подъездной дороге. Открываю пассажирскую дверь такси. Мамаша хватает своего котенка за шкирку и прыгает внутрь. Закрываю дверь и обхожу машину, чтобы сесть на водительское место.

Я в последний раз окидываю дом взглядом. Вспоминаю, каково это было, когда глаза этого парня проникли мне в голову, и какое облегчение я почувствовал, когда диатомит разрезал эти глаза к чертовой бабушке. Кровищи было полно,

но я не знаю, насколько необратимы эти повреждения. Может, он еще придет за нами, хотя в этом я сомневаюсь. В девяти случаях из десяти ребята вроде него пасуют, когда находится кто-то, способный дать им отпор.

Да и потом, город у нас немаленький, ему никогда нас не найти, даже если он и отправится на поиски. Мы ведь не вращаемся в одних кругах.

Поэтому я просто забираюсь в машину, говорю кошкам пару слов (надеюсь, они звучат успокоительно), и мы отъезжаем.

Я переехал. Теперь у меня однокомнатная квартира на первом этаже. Тут есть выход на задний двор: ничего особенного, просто заросли сорняков и одичавших цветов, но кошкам, кажется, нравится.

Порой я сижу на крыльце и наблюдаю за тем, как кошки резвятся, словно… ну, словно кошки, которыми они, видимо, и являются. Я знаю, что причинил зло — и еще какое! — человеку, который держал их в своей власти. И знаю, что вошел в его дом с женщиной, а вышел с кошкой. Но мне до сих пор кажется, что это был сон.

Правда, мне кажется, что кошка понимает все, что я говорю, и вообще умнее, чем, по моему мнению, может быть животное. Но разве я могу знать

наверняка? У меня раньше не было питомцев. А все, с кем я разговаривал, убеждены, что именно их кошки — самые смышленые на свете.

Я ни с кем не делился этой историей, хотя однажды, когда мы сидели с Хенком вокруг костра на свалке машин, зашел с другого конца. Всего нас было человек шесть: Мот, Лили (девушка Хенка) и еще пара человек, которых они допустили в свою дружескую «семью». Свалка находится посреди города, но она примыкает к тюрьме Томбс. Уже темнеет. Мы сидим в шезлонгах, потягивая кто кофе, кто пиво, и созерцаем искры, что вылетают из стальной бочки со срезанным верхом: ее Мот использует для костров.

— А вы когда-нибудь слышали рассказы о людях, которые могут превращаться в животных? — спрашиваю я, когда беседа на время затихает.

Мы порой так и разговариваем: начнем с карбюраторов и крутящих моментов, а закончим проблемами сферы обслуживания или спорами о том, отвар какой травы лучше других помогает при тошноте. Кстати, это имбирь.

— Ты про оборотней? — спрашивает Мот.

Пэрис (она сидит рядом с Мотом) ухмыляется. У нее волосы темные — такие же, как были у

Луизы, а кожа плотно покрыта татуировками, и похоже, что в мерцающем свете пламени они живут своей собственной жизнью.

— Н-е-е. Билли Джо просто хочет найти способ превращаться в енота или обезьяну, чтобы залезать в чужие дома и уходить безнаказанным.

— Я с этим завязал, — сообщаю я ей.

Она улыбается мне, а в глазах пляшут чертята.

— Знаю. Но мне все равно нравится представлять себе эту картину.

— Таких историй ходит много, — говорит Хэнк. — И мы все знаем хотя бы одну или две. В них говорится, что люди-животные жили здесь раньше нас, а некоторые и теперь живут и внешне ничем не отличаются от меня или тебя.

Затем все по очереди травят байки — и Хэнк, и Лили, и Кэти, хорошенькая рыжая девушка, что живет совсем одна в школьном автобусе неподалеку от свалки. И все рассказывают так, будто встречали людей, о которых говорят, но у Кэти получается лучше всех. У нее дар рассказчика: слушаешь, затаив дыхание, все до последнего слова.

— А что, если на человека наложили заклятие? — спрашиваю я, выслушав несколько рассказов, потому что говорят-то в основном о

таких, что уже родились наполовину людьми, наполовину животными и умеют менять обличья, когда им вздумается. — Вы знаете такие истории? Как это вообще происходит? И как вернуться обратно?

Когда я выпалил свои вопросы, то заметил, что все смотрят на меня.

Но никто не отвечает.

Мот бросает на меня быстрый взгляд, но он не требует ответа, ему просто интересно:

— Почему ты спрашиваешь?

Я просто пожимаю плечами. Не знаю, стоит ли рассказывать им. Но идут недели, и я заговариваю об этом опять, и на сей раз рассказываю про то, что случилось, — во всяком случае, про то, что, как мне кажется, случилось. Забавно, но они верят мне на слово. Начинают захаживать ко мне в гости, но ответа мне пока никто не дал.

А может, и нет никакого ответа.

Так что я просто вожу свое такси и провожу время со своими новыми семьями — с той, что собирается на свалке, и другой, кошачьей, что ждет меня дома. Чем дольше я воздерживаюсь от прежних дурных привычек, тем легче мне дается это воздержание. Получается, что поступать хорошо, по совести, становится моей второй натурой.

Но я никак не могу перестать думать о том, что случилось тогда ночью. Я даже не знаю: может, они кошки, что прикидывались людьми? А может, люди, которых превратили в кошек? Похоже, мне придется подождать и посмотреть, не вернутся ли они к прежним обличьям.

Не думайте, что я размышляю обо всем таком круглые сутки. Чаще я просто слежу за тем, чтобы у них был дом и чтобы они были в безопасности. И знаете что? Похоже, у меня неплохо получается.

Чарльз де Линт — профессиональный писатель и музыкант. В настоящее время он вместе с женой, художницей и музыкантом Мэри Энн Харрис, обустраивает свой дом в Оттаве. Среди его недавних работ можно назвать романы «Против часовой стрелки» («Widdershins») и «Динго» («Dingo»), повесть «Обещания, которые нужно выполнять» («Promises to Keep»), а также сборники рассказов «Час перед рассветом» («The Hour Before Dawn»), «Рассказы Трискелла, часть 2» («Triskell Tales 2») и «Муза и мечта» («Muse and Reverie»). Если вам хочется узнать больше о его творчестве, посетите сайт писателя по адресу: www.charlesdelint.com.

Действие многих рассказов де Линта происходит в вымышленном городе с названием Ньюфорд, и «Тёмные очи, вера и преданность» — как раз один из таких рассказов. В нем необычный водитель такси соглашается оказать необычного рода помощь одному из своих клиентов, и результат оказывается очень неожиданным.

Не помахав на прощанье
Майкл Маршалл Смит

Иногда, когда мы проезжаем на машине по осенним проселочным дорогам, я смотрю на редкие цветы мака, что разбросаны тут и там по полям. И тогда мне хочется полоснуть себя по горлу, чтобы кровь брызнула через окно и капли расцветали маками, еще и еще, пока вся обочина не превратится в алеющее пламя.

Вместо этого я закуриваю и продолжаю смотреть на дорогу. А потом, как это всегда бывает, маки исчезают позади.

Утром 10 октября я пребывал в волнении, и это объяснимо. Я был дома, и предполагалось, что я буду работать. Но вместо этого я то барабанил пальцами по столу, то вскакивал на ноги — и так всякий раз, когда слышал, как за окном проезжает машина. Когда я не был занят ни тем, ни другим, то постоянно косился на две больших картонных коробки, что расположились на полу в самом центре комнаты.

В этих больших коробках лежали новый компьютер и новый же монитор. Около года я таил

в душе естественное для любого компьютерщика стремление: обладать самым ярким, самым лучшим, самым высококачественным оборудованием, и вот наконец сдался и обновил свою технику. С кредиткой в руке я взял трубку телефона и заказал образчик научной фантастики в форме компьютера, который не только загружался со скоростью поезда, но и умел устанавливать видеосвязь и, о чудо, распознавать голос. Будущее наконец пришло — теперь оно лежало на полу моей гостиной.

И все же.

Да, у меня был *Mac* и монитор к нему, что обошлись в три тысячи фунтов, но кабеля за пятнашку не хватало. Он соединял эти два устройства. Производитель, видимо, посчитал, что проводок этот является необязательным дополнением к набору — даже несмотря на то, что без него устройства превращались в громоздкие белые украшения. Манящие, доводящие до бешенства украшения. Кабель надо было дозаказывать отдельно, и в целой стране не оказалось ни одного. Все они хранились в Бельгии.

Мне об этом сказали через неделю после того, как я заказал компьютер, и в течение следующей недели я изо всех сил постарался донести свои

чувства до поставщика. Всю ту неделю он клятвенно обещал прислать мне технику в такой-то день, а потом в такой-то, и эти клятвы рассеивались, подобно утреннему туману. Наконец, за день до описываемых событий, две коробки оказались на моем крыльце, и, по странному стечению обстоятельств, именно сегодня провода доползли, усталые и изможденные, до склада. Агент из «Коллхэвен Дайрект» был хорошо осведомлен, что один из этих проводов обещан мне в горе и в радости, в болезни и в здравии, а потому позвонил мне и недовольно сообщил, что товар поступил в продажу. Я тут же связался с курьерской фирмой, услугами которой иногда пользовался, чтобы доставить клиенту черновой вариант проекта. В компании «Коллхэвен» мне пообещали доставить товар, но у меня было такое чувство, что вряд ли они найдут для меня время прямо сегодня, а ожиданием я уже был сыт по горло. Курьерская контора, куда я обращаюсь, нанимает сотрудников, которые ездят на байках и выглядят так, будто их исключили из «Ангелов ада» за чрезмерную крутость. А я как чувствовал: как раз нужен был здоровяк в косухе, который появится на пороге «Коллхэвена» с четкой инструкцией не уходить, пока он не заполучит этот

кабель. Итак, я сидел, глушил одну чашку кофе за другой и ждал, когда у моего жилища появится, победоносно размахивая вышеуказанной комплектующей над головой, подобная фигура.

Поэтому, когда наконец протрезвонил звонок, я едва не упал со стула. Наш домофон был создан, чтобы поднимать спящих и воскрешать мертвецов. Стены-то уж точно вибрируют, уверяю вас. Не тратя время на вопросы, я выбежал из квартиры, затопотал вниз по ступеням к входной двери и распахнул ее, как подозреваю, с самым счастливым видом. Техника доставляет мне столько радости! Довольно жалкое зрелище, конечно, — я уж сам не помню, сколько раз Нэнси мне об этом говорила! — но такова уж моя жизнь.

На ступенях, как и положено, стояла фигура, затянутая в кожу. На голове шлем. Байкер оказался гораздо более изящного телосложения, чем я ожидал, но довольно высоким. Достаточно высоким, видимо, чтобы выполнить свою работу.

— Чертовски впечатляет! — радостно сказал я. — Это кабель?

— А то, — неразборчиво ответил байкер. Рука приподняла щиток шлема, и я с некоторым удивлением увидел, что это женщина. — Им не очень-то хотелось его отдавать.

Я рассмеялся и забрал у нее сверток. На упаковке и впрямь было написано «AV-адаптер».

— Вы меня осчастливили, — сказал я в некотором смятении. — И я испытываю серьезное искушение поцеловать вас.

— Это было бы несколько преждевременно, — ответила девушка, поднимая руки, чтобы снять шлем. — А вот от чашки кофе не откажусь. Я развожу заказы уже с пяти утра, и язык у меня успел превратиться в кусок наждака.

Я помедлил, слегка ошеломленный. Раньше курьеры ко мне на чай не заглядывали. А еще это значило, что мне придется повременить, прежде чем наброситься на коробки и заняться подключением своей техники. Но было всего одиннадцать утра, да и пятнадцать лишних минут особой роли не сыграют. А еще, похоже, мне была приятна мысль о таком неожиданном знакомстве.

— Буду счастлив приветствовать вас в своем жилище, — сказал я учтиво, как рыцарь Круглого стола.

— Благодарю, добрый сэр, — ответствовала курьер и стянула шлем. На лицо ей заструился целый поток темно-каштановых волос, и она откинула голову, чтобы отбросить их назад. У

нее было волевое лицо с широким ртом и ярко-зелеными глазами, в которых затаилась улыбка. Утреннее солнце высветило рыжеватые блики в ее прядях, пока она — воплощенная грация — стояла на пороге. Черт меня подери, подумал я, забыв про кабель, который держал в руке. А потом отступил на шаг, чтобы пропустить ее внутрь.

Оказалось, ее зовут Элис. Я готовил нам кофе, а она стояла и рассматривала книги на полках.

— Ваша девушка работает в отделе кадров, — заявила Элис.

— Как вы догадались? — откликнулся я, протягивая ей чашку. Она указала на целую уйму книг по Развитию Кадрового Потенциала и Тому, как Пять Минут в День Утверждать Очевидное. Такая литература занимает половину наших полок.

— Непохоже, чтобы это были ваши книги. Это оно? — Она указала кружкой на две коробки на полу. Я робко кивнул. — Ну так что ж, — спросила девушка, — вы не собираетесь их открыть?

Я в изумлении поднял на нее взгляд. Ее лицо было повернуто ко мне, легкая улыбка пряталась в уголках губ. Кожа была смугловатой (я заметил, это часто встречается в сочетании с насыщенным цветом волос) и безупречной. Я пожал плечами, немного смутившись.

— Можно бы, — ответил я уклончиво. — Но у меня столько работы…

— Чепуха, — голос ее звучал уверенно. — Давайте-ка поглядим.

И вот я склонился над коробками, чтобы распаковать их, а она устроилась на диване, чтобы наблюдать. Странно вот что: я был совсем не против. Обычно, когда я занимаюсь чем-то настолько личным, доставляющим мне столько удовольствия, мне нужно остаться в одиночестве. Другие редко понимают то, в чем для тебя радость жизни, и я, в свою очередь, предпочитаю, чтобы они не портили мне счастливые мгновения.

Но было похоже, что Элис действительно интересно, и вот через десять минут я уже переставил компьютер на стол. Я нажал кнопку, и раздался привычный звук запуска системы. Элис стояла рядом, потягивая остатки кофе, и мы оба отпрянули в испуге, когда из динамиков раздался резкий звук. Я между тем лепетал что-то о распознавании голоса, видеосигнале, жестком диске на полгигабайта и CD-ROMe. Она слушала и даже задавала вопросы — вопросы, которые следовали из того, что я говорил; было заметно, что она не просто хочет, чтобы я и дальше продолжал нести околесицу. Не то чтобы она много знала о ком-

пьютерах. Она просто понимала, что в них может быть интересного.

Когда на экране показалось стандартное сообщение о том, что все в порядке, мы обменялись взглядами.

— Похоже, чья-то работа сегодня подождет, да? — спросила она.

— Вполне вероятно, — ответил я, и она рассмеялась.

Как раз в этот момент с дивана что-то протяжно и резко проревело, да так, что я подскочил. Курьер закатила глаза и протянула руку к своему устройству. Оттуда на удивление грубо сообщили, что она должна забрать что-то с другого конца города, и срочно, лучше бы сделать это пять минут назад. *И почему ты вообще еще не там, милочка?*

— Гррр, — прорычала она, будто тигренок. — Долг зовет!

— Но я еще не рассказал про телекоммуникации, — в шутку сказал я.

— Как-нибудь в другой раз.

Я проводил ее до двери, и какое-то мгновение мы помедлили на пороге. Я пытался подыскать слова. Мы не были толком знакомы, мы никогда больше не увидимся, но мне хотелось поблагодарить ее за то, что она была со мной в эти минуты.

Затем я заметил одного из котов, что ошиваются неподалеку: он прогуливался у входа в наш дом. Я люблю кошек, а Нэнси нет, поэтому мы обходимся без животных. Надо же идти на небольшие компромиссы. Я узнал этого парня: подружиться с ним я давно уже потерял всякую надежду. Но все же издал звук, которым обычно привлекают кошачьих. Безрезультатно. Кот поднял на меня скучающий взгляд и продолжил свой променад.

Элис посмотрела на меня, а потом присела на пятки и издала такой же звук. Кот тут же остановился и устремил на нее взор. Элис издала этот звук снова, и кот повернулся, зачем-то оглядел улицу, а затем решительно взошел по ступенькам, чтобы потереться об ее ноги.

— Это просто поразительно! — вымолвил я. — Он обычно не очень-то дружелюбен.

Она взяла кота на руки и встала:

— Ну, не знаю.

Кот уютно устроился у нее на груди и теперь благосклонно оглядывал окрестности. Я протянул руку, чтобы погладить его, и почувствовал мягкую вибрацию. Он мурлыкал. Мы оба немного поворковали над котом, а затем она опустила его на землю. Надела шлем, забралась на мотоцикл и, помахав, отправилась в путь.

Вернувшись в квартиру, я, со свойственной мне дотошностью, убрал коробки, а уж затем снова окунулся в волшебный мир техники. Под влиянием момента я набрал номер Нэнси, чтобы сообщить ей: компьютер наконец у меня.

Вместо нее я попал на одну из ее ассистенток. Она не перевела звонок в режим ожидания, а потому я услышал, как Нэнси произнесла: «Скажите, что я ему перезвоню». Я попрощался с Триш с должной учтивостью и постарался не придавать ситуации особого значения.

Оказалось, что на компьютере не установлено программное обеспечение для распознавания голоса, CD-ROM был пуст, а функция передачи данных не работала без дорогущего дополнительного оборудования, которое, как мне сообщили, поступит не раньше чем через месяц-полтора. Но в остальном компьютер был великолепен.

Тем вечером ужин готовила Нэнси. Обычно мы брались за это по очереди, хотя она готовила гораздо лучше. Нэнси вообще все делает хорошо. Она состоявшаяся личность.

Похоже, в отделе кадров царит ожесточенная конкуренция. Нэнси сегодня перехитрила кого-то из сотрудников, а потому пребывала в праздничном настроении. Пока она колдовала с

ингредиентами, я выпил бокал красного и стоял, опершись на кухонный стол. Она рассказала мне, как прошел ее день, я послушал и посмеялся. Про то, как сам я провел время, особо не распространялся; просто сообщил, что все нормально. Ей не очень-то интересны будни графического дизайнера-фрилансера. Если мне действительно надо чем-то поделиться, она терпеливо слушает, но она ничего в этом не понимает, да, похоже, и не стремится понять. Да и зачем ей, на самом деле? Я не упомянул новый компьютер, что стоял на моем столе, она тоже промолчала о нем.

Ужин был очень хорош: курица, с которой Нэнси сделала что-то удивительное при помощи специй. Я съел, сколько смог, но немного все-таки осталось. Я попытался уговорить ее доесть, но она не соглашалась. Я уверял, что она ест слишком мало (порой это помогало), однако настроение у нее уже было испорчено, и к десерту она не притронулась. Я подтолкнул ее к дивану, а сам пошел мыть посуду и готовить кофе.

Я скреб тарелку, стоя у раковины; в моей голове носились смутные мысли о той куче дел, которая ждала меня на следующий день. И вдруг я заметил, что за окном, на той стороне улицы, на стене сидит кошка: темно-коричневая, почти черная.

Раньше я ее не видел. Она притаилась, наблюдая за чирикающей птицей. В кошках предельная концентрация часто сочетается с ощущением, что она в любой момент может отвлечься от своего дела и начать вылизывать лапки. В конце концов птичка вспорхнула, беспорядочно взмахивая крыльями, а кошка, понаблюдав за ее полетом пару секунд, выпрямилась — словно подводила черту под завершенным делом.

Затем кошка повернула голову и уставилась на меня в упор. Она была в добрых двадцати метрах, но ее глаза я видел удивительно отчетливо. Она все смотрела и смотрела, и я рассмеялся, слегка ошарашенный. Я даже отвел на мгновение взгляд, но когда поглядел снова, она все еще была там. Все еще смотрела.

Закипел чайник, и я повернулся, чтобы налить кипятка в чашки с «Нескафе». Выходя из кухни, я снова взглянул в окно — кошка исчезла.

Когда я вернулся в гостиную, Нэнси там уже не было. Я уселся на диван и закурил. Через несколько минут сверху раздался шум смыва унитаза, и я вздохнул.

Мои уверения не сработали. Совсем не сработали.

Прошло еще несколько дней в привычной су-

матохе дедлайнов и черновых вариантов. Как-то вечером я сходил с Нэнси на вечеринку в ее офис, где меня игнорировали ее коллеги в солидных костюмах, а когда не игнорировали, то опекали. А она блистала в самой гуще событий. Один раз я напутал с версткой, и мне пришлось возмещать расходы. Хорошее тоже случалось, но запоминается-то плохое.

И вот в один из дней домофон зазвонил снова. Я рассеянно проковылял вниз, чтобы открыть дверь. Первым, что я увидел, было сияние каштановых волос. Элис.

— Привет-привет, — сказал я, сам не понимая, почему я такой довольный.

— Это вам привет, — улыбнулась она. — Вам посылка.

Я взял сверток и посмотрел на этикетку. Цветопроба из репроцентра. Скукота. Она, должно быть, смотрела мне в лицо, потому что рассмеялась.

— То есть на этот раз ничего волнующего?

— Не особенно.

Подписав накладную, я поднял на нее взгляд. Думаю, она все еще улыбалась, хотя сложно сказать наверняка. Ее лицо выглядело так же, как и всегда.

— Ну что ж, — сказала она. — Теперь я могу отправиться в Пекхэм и забрать оттуда еще что-нибудь ужасно скучное. Или вы можете рассказать мне про систему передачи данных…

Я уставился на нее в крайнем изумлении. А затем отступил на шаг, чтобы пропустить ее внутрь.

— Ублюдки! — возмутилась она, услышав обо всем, что не положили в коробку с компьютером. Она и правда выглядела раздосадованной. Но все же я рассказал ей про телекоммуникации, пока мы сидели на диване и попивали кофе. По большей части мы просто немного поболтали о том о сем. А когда ее мотоцикл подъезжал к повороту, она обернулась и помахала мне на прощанье.

Тем же вечером Нэнси по пути домой заехала в супермаркет «Сейлсбери». Мы встретились взглядом, когда она заносила в дом печенья и шоколадные пирожные, чипсы и разные сладости. Она не отвела взгляд, и это пришлось сделать мне. У нее сложный период на работе. Скосив взгляд на окно, я увидел, что на стене напротив сидит темная кошка. Она ничем не была занята, просто лениво оглядывалась по сторонам, наблюдая за чем-то невидимым для меня. Вроде посмотрела в наше окно, но затем спрыгнула со стены и ушла.

Я приготовил ужин. Нэнси к нему едва притронулась, но она осталась на кухне, когда я отправился в гостиную, чтобы закончить кое-какую работу. Когда я приготовил нам по чашке чая в постель, то заметил, что помойное ведро пустует, а неподалеку стоит, аккуратно завязанный, серый мешок для мусора. Я слегка пнул его ногой, и в ответ раздался шелест пустых упаковок. Наверху закрылась дверь ванной. Ключ повернулся в замке.

В следующие недели мы с Элис виделись еще несколько раз. Полдюжины моих проектов одновременно достигли точки кипения, и к моему дому постоянно тянулись целые вереницы мотоциклистов. В трех или четырех случаях курьером, которому я открывал дверь, оказывалась Элис.

За исключением одного раза, когда ей позарез надо было сразу же уезжать, она каждый раз заходила на чашку кофе. Мы болтали о разных мелочах, а когда наконец я заполучил аппаратуру для распознавания голоса, я продемонстрировал Элис, как она работает. Устройство у меня было нелицензионное; друг раздобыл его для меня в Штатах. Чтобы оно сумело разобрать вашу речь, надо было имитировать американский акцент; Элис от души смеялась над моими попытками.

Что любопытно, потому что Нэнси в похожей ситуации только фыркала и спрашивала, застрахован ли мой компьютер.

Последнюю пару недель дела у Нэнси шли из рук вон плохо. Ее так называемый босс взваливал на нее все больше обязанностей, и при этом упорно отказывался признавать ее заслуги. Корпоративный мир играл для Нэнси огромную роль, и она неизменно посвящала меня во все рабочие перипетии: я знал гораздо больше о делах ее начальника, чем о том, что поделывают иные мои друзья. У нее сменилась служебная машина. Приятный сюрприз. Однажды вечером она подкатила к дому на чем-то изящном, красном и спортивном и просигналила. Я сбежал вниз, и она прокатила меня с ветерком по северным районам Лондона. Водила она с присущей ей уверенностью и экспрессией. Под влиянием момента мы остановились у итальянского ресторана, куда заходили время от времени, и — о, чудо! — для нас нашелся свободный столик. Когда подали кофе, мы взялись за руки и признались друг другу в любви, чего не происходило с нами уже давно.

Когда мы припарковались у дома, под деревом на другой стороне улицы я приметил темную кошку. Я указал на нее Нэнси, но, как уже гово-

рилось, она не испытывала особого восторга от кошек и поэтому просто пожала плечами. Нэнси зашла в дом первой. Я обернулся, чтобы запереть дверь, и увидел, что кошка все сидит на том же месте: темная фигурка в полумраке. Интересно, чья она, подумал я. Жалко, что не наша.

Через несколько дней, когда я после обеда прогуливался по улице, то увидел мотоцикл, припаркованный у кафе «Грусть». Похоже, в последнее время я вообще больше обращал внимания на мотоциклы; наверное, из-за того, что постоянно общался с курьерами. Кафе «Грусть» не было настоящим названием заведения; мы с Нэнси так прозвали его в те дни, когда, страдая от похмелья, скитались воскресными утрами по дорогам в поисках готового завтрака. Когда мы впервые зашли сюда и плюхнулись на сиденья у пластикового стола, нас медленно окружили мужчины средних лет, одетые в куртки на молнии и бежевые шапки с помпонами; к ним присоединились группа умственно отсталых подростков с треснувшими линзами очков на носу и несколько дышавших на ладан старушек. Порыв сострадания едва нас не прикончил, и с тех пор забегаловка получила название «Грусть». Мы давно уже не захаживали сюда: Нэнси вечера-

ми работала, даже по выходным, и похмельные завтраки были преданы забвению.

Увидев мотоцикл, я захотел заглянуть и внутрь: в окне, к своему потрясению, я увидел Элис. Она сидела и мелкими глотками тянула какой-то напиток из кружки. Я собирался пройти мимо, но потом подумал: «А какого дьявола!» — и шагнул внутрь. Элис сначала, похоже, была ошарашена моим появлением, однако быстро пришла в себя. Я сел рядом и заказал чай.

Оказалось, на сегодня она уже закончила работу и сейчас просто била баклуши, перед тем как поехать домой. Я и сам остался в тот вечер не у дел: Нэнси отправилась куда-то развлекать клиентов. Было странно впервые увидеть Элис вне дома, да еще и в нерабочие часы. Может, именно поэтому мы сделали то, что сделали.

Мы и не поняли, как эта мысль возникла в наших головах, когда уже катили на ее мотоцикле по шоссе, чтобы затем оставить его у «Бенгал Лэнсер» — самой отважной попытке района Кентиш-Таун создать что-то, похожее на приличный ресторан. Я смущенно проковылял до обочины, пока Элис, стоя посреди улицы, сняла с себя наряд из кожи. Она сложила костюм в сумку мотоцикла. Оказалось, что под униформой у нее были

джинсы и зеленый свитер — в тон глазам. Она пробежала пальцами по волосам и со словами: «Почти сгодится для рок-н-ролла» направилась к входу. Вспомнив на секунду о традиционных полутора часах, которые Нэнси проводила у зеркала перед выходом в свет, я проследовал за Элис.

Мы не торопились и съели по четыре блюда каждый; под конец даже дышать было трудно. Мы обсуждали многое помимо компьютеров и дизайна, но я не помню, что именно. Распили бутылку вина, выпили галлон кофе и выкурили почти пачку сигарет. Когда мы закончили, я уже меньше смущался, пока ждал ее. А она снова влезла в кожаный костюм, и, взобравшись на мотоцикл, помахала на прощанье. Я повернулся и пошел домой пешком.

Мы мило провели время. И еще совершили большую ошибку. Когда я в следующий раз заказывал курьера, то попросил, чтобы ко мне прислали именно Элис. После нашей встречи это казалось так естественно. И Элис, казалось, гораздо чаще стала доставлять мне посылки, — куда больше, чем предполагала теория вероятности.

Если бы мы не отправились поужинать, может, этого и не случилось бы. Мы ничего не сказали; мы даже не обменялись взглядами. Я не отметил

этот день в дневнике.

Но мы оба начали влюбляться.

Следующим вечером мы с Нэнси поругались; это была первая настоящая ссора за долгое время. Мы редко вздорим. Нэнси хорошо управляет своими эмоциями.

На сей раз мы быстро помирились, но все было очень странно. Поздним вечером я сидел в гостиной, пытаясь собраться с силами и включить телевизор. Не то чтобы я надеялся увидеть там что-то интересное, но читать уже был не в состоянии. Я послушал музыку и теперь уставился на проигрыватель, завороженный миганием красных и зеленых светодиодов. Нэнси работала за кухонным столом; верхний свет там был выключен, и лишь лампа лила желтый свет на бумаги.

Внезапно она ворвалась в гостиную, уже на полном взводе, и закричала на меня; слов разобрать я не смог. Я приподнялся с места, потрясенный. Нахмурив лоб, я пытался понять, что же она хочет до меня донести. Я был ошарашен силой и резкостью ее гнева; он словно заполнил комнату целиком.

Она кричала на меня за то, что я приволок домой кошку: «И не смей отрицать, я видела ее своими собственными глазами! Я видела кошку

под столом на кухне. Наверное, животное до сих пор там. Ты должен пойти и вышвырнуть ее на улицу. Ты знал, как я их не люблю, и вообще, как ты мог сделать такое, не посоветовавшись со мной? Это хорошо показывает, какой ты мерзкий эгоист».

Мне потребовалось время, чтобы понять, о чем она говорит, и начать все отрицать. Я был так сбит с толку, что не смог даже разозлиться. В итоге я пошел с ней на кухню и посмотрел под столом. К тому моменту, признаться, я уже начал нервничать. Мы поискали в коридоре, в спальне, в ванной. Снова заглянули на кухню и в гостиную.

Конечно, никакой кошки нигде не было.

Я усадил Нэнси на диван и принес нам по чашке чая. Ее все еще трясло, но злиться она перестала. Я попытался поговорить с ней, разузнать, что же на самом деле было не так. Она отреагировала слишком бурно; возможно, на самом деле ее беспокоило что-то другое. Возможно, она и сама не знала, что именно. Кошка могла оказаться просто сброшенной туфлей, а может, и тенью от ноги самой Нэнси. Разве разберешь в полутьме? В доме моих родителей всегда жили кошки, и я, переехав, часто вздрагивал от неожиданности:

мне повсюду мерещились животные.

Не сказать, чтобы мои слова особенно убедили Нэнси, но зато она подуспокоилась. Стала тихой и даже робкой; мне всегда было нелегко понять в такие минуты, что она та же самая бизнес-леди, которой была большую часть времени. Я разжег камин; мы посидели перед огнем, поговорили. Коснулись даже ее питания. Кроме меня, никто об этом не знал. Не сказать, чтобы я особенно понимал, в чем тут дело. Чувствовал, что это как-то связано с чувством потери контроля; с тем, что она пытается разобраться в себе и в своем мире. Но дальше дело не шло. И я, судя по всему, ничем не мог помочь, разве что сидеть и слушать. Наверное, это все же лучше, чем ничего.

Мы отправились в постель чуть позже обычного и перед сном любили друг друга — тихо и нежно. Когда я почувствовал, как ее тело расслабляется в моих объятиях, готовясь заснуть, то внезапно понял: впервые я чувствую к ней что-то, похожее на жалость.

Через неделю мы с Элис снова поужинали вместе. На сей раз это не было случайностью, и мы уехали дальше от дома. Ранним вечером у меня была назначена деловая встреча, и так уж вышло, что и Элис оказалась в той части города пример-

но в то же время. Я сказал Нэнси, что, возможно, ужинать буду с клиентом, но, кажется, она меня не слушала: была очень занята. Какой-то новый виток борьбы за власть, и развязка, похоже, была близка.

Хотя с предыдущего раза прошло уже несколько недель, мне совсем не казалась странной эта вечерняя встреча с Элис: во многом потому, что мы и так много общались. Теперь, приезжая ко мне по поручению, она выпивала две чашки кофе вместо одной, а однажды позвонила посоветоваться насчет техники. Она собиралась купить компьютер — не знаю уж зачем.

Наша встреча не казалась странной. Но я все же отдавал себе отчет в том, что делаю. По сути, я проводил вечер, ужиная с другой женщиной: мало того, я еще и ожидал этой встречи с нетерпением. Когда я говорил с Элис, мне казалось, что мои чувства и поступки становились значительнее, важнее: будто они принадлежали человеку, который заслуживал общения. И где-то глубоко внутри я чувствовал, что это для меня важнее, чем небольшая ложь. По правде говоря, я старался особо не задумываться.

Когда я пришел домой, Нэнси читала в гостиной.

— Как прошла встреча?

— Отлично, — ответил я. — Отлично.

— Хорошо. — Она снова принялась изучать журнал. Я мог бы попытаться разговорить ее, но знал, что беседа получится пустой и натянутой. В итоге я отправился спать и долго лежал, свернувшись калачиком, на боку. Сна не было ни в одном глазу.

И все же дремота почти захватила меня целиком, когда в тишине я услышал, как кто-то говорит вполголоса прямо у меня над ухом:

— Уходи! Уходи!

Я открыл глаза, не зная, чего и ожидать. Возможно, я думал увидеть лицо склонившейся надо мной Нэнси. Никого не было. Я немного успокоился, решив, что это мне приснилось, но затем я снова услышал ее голос. Она повторяла те же слова с той же приглушенной интонацией.

Я осторожно выбрался из кровати и прокрался на кухню. Оттуда было видно гостиную: там-то и стояла, развернувшись к окну, Нэнси. Она смотрела на что-то, что находилось снаружи.

— Уходи! — мягко повторила она снова.

Я развернулся и пошел обратно в постель.

Прошла еще пара недель. Той осенью время бежало так быстро… Я все время был чем-то

очень занят, то одним, то другим. Каждый день что-то приковывало мое внимание и помогало мне добраться до вечера. Я поднимал голову от работы — а неделя уже позади. А я и не заметил.

Среди того, что захватывало мое внимание, были и разговоры с Элис. Без них не проходило и дня: мы болтали о том, чего я никогда не касался в беседах с Нэнси, чего она не понимала да и не хотела понимать. Например, Элис читала. Нэнси тоже читала: заметки, отчеты. Зубрила трескучую чепуху про корпоративный дух, которая пачками поступала из Штатов. Но она не читала книги, не читала даже абзацы. Ее интересовали предложения; она выделяла из них то, что пригодится ей для работы; узнавала, что идет по телевизору; узнавала о последних событиях. Каждое предложение было пунктом в списке. Она читала, чтобы получить информацию.

Элис читала просто так. А еще и писала; отсюда и ее возросший интерес к компьютерам. Однажды я упомянул, что давным-давно, еще до того, как остановиться на карьере полукомпетентного графического дизайнера, я написал пару статей. Она сообщила, что у нее самой есть несколько рассказов, я как следует ее поуговаривал, и Элис, очевидно смущаясь, принесла мне их почитать.

Я не разбираюсь в литературе профессионально, поэтому не могу сказать, было ли в них что-то новое, талантливо ли они написаны. Но вниманием моим они завладели, я даже перечитывал их. По мне, этого достаточно. Я сказал об этом Элис, и, кажется, она осталась довольна.

Мы разговаривали почти каждый день и виделись пару раз в неделю. Элис то привозила мне что-то, то отвозила, а иногда мне случалось проходить мимо кафе «Грусть», когда она не спеша потягивала там чай. Мы общались очень запросто, по-дружески.

С Нэнси мы соприкасались от случая к случаю, просто потому, что проживали вместе. У нее были свои друзья, у меня — свои. Иногда мы виделись с ними вместе и на вечеринках играли роль пары. Мы хорошо смотрелись вместе: как серия снимков из журнала о моде и стиле. Жизнь — если это называлось жизнью — шла своим чередом. Ситуация с питанием Нэнси колебалась от „хорошего мало“ до „плохо“, а я продолжал уныло мириться с тем, что не могу почти ничего с этим поделать. Почти вся наша жизнь складывалась так, что только укрепляла ее в мысли, будто мы проводим время, как и положено молодой паре. А я не решался разоблачить нас, не решался ука-

зать на то, что таилось в основании нашего дома. Не упоминал я и ночь, когда застал ее в гостиной. Просто как-то к слову не приходилось.

Помимо разговоров с Элис, было и еще светлое пятно в моей жизни: кошка, что поселилась поблизости. Когда я выглядывал в окно гостиной, то порой видел, как она скользит по улице или лежит, развалившись, на тротуаре, наблюдая за движениями в воздухе. У нее была привычка сидеть посреди проезжей части, всем своим видом говоря машинам: „Ну-ка, попробуйте меня тронуть!“, словно она знала, для чего нужна дорога, но плевать на это хотела. Подергивающийся хвост сообщал нам: „Тут раньше было поле. А по мне, тут и до сих пор поле“.

Однажды утром я возвращался из магазина на углу, сжимая в руках сигареты и упаковку молока, и наткнулся на кошку. Она сидела на стене. Если вам нравятся кошки, то вы наверняка расстроитесь, увидев, как они несутся прочь от вас. Поэтому я действовал с осторожностью. Начал приближаться к ней чуть ли не на цыпочках, надеясь, что смогу подойти хотя бы на метр до того, как она стремглав умчится в гиперпространство.

К моему восторгу, она сидела не шевелясь. Когда я подошел вплотную, она встала. Ну вот и

конец, подумал я, но оказалось, так она просто подтверждает, что заметила меня. Казалось, она вполне довольна тем, что я ее глажу и собираю складками шерсть на ее лбу, а когда я потер ей живот, издала такое тихое мурчание, что его едва было слышно. Теперь я смог разглядеть ее получше и увидел каштановые блики в ее темно-коричневой шерсти. Очень красивая кошка.

Через пару минут я двинулся дальше, думая, что мне следует идти домой, но кошка тут же спрыгнула со стены и принялась выписывать восьмерки у меня между ног, всем телом прижимаясь к моим икрам. Даже в лучшие времена мне непросто оторвать себя от кошки. А уж когда они такие сверхдружелюбные, задача становится и вовсе невозможной. Поэтому я склонился над ней, щекотал, болтал нежную чепуху. Когда я наконец дошел до двери, то обернулся, чтобы поглядеть на нее. Она сидела на тротуаре и оглядывалась по сторонам, как бы размышляя, чем бы ей заняться теперь, после всего этого веселья. Я едва удержался от того, чтобы не помахать.

Закрывая за собой дверь, я на миг ощутил острый укол одиночества, а затем поднялся наверх, чтобы поработать.

А потом мы с Элис встретились одним пятнич-

ным вечером, и все изменилось.

Нэнси отлучилась на еще один рабочий междусобойчик. Казалось, ее начальству нравится руководить развлечениями своих подчиненных, словно это была какая-то бешеная секта, следящая за всем, что делают ее члены. Нэнси так упомянула об этом событии, что мне стало ясно: мое присутствие там вовсе не обязательно. Ну и славно. Я, конечно, стараюсь как могу, но со стороны заметно, что я отнюдь не веселюсь от души.

Планов у меня не было, поэтому я просто шатался по дому, то читал, то смотрел телевизор. Мне было проще расслабиться без Нэнси, когда мы не были заняты тем, что были Парой. Но успокоиться сейчас мне не удавалось. Я все думал, как, должно быть, приятно хотеть, чтобы твоя девушка была дома и вы могли полентяйничать вместе. С Нэнси этого уже не хотелось. Большим делом было просто уговорить ее даже подумать о том, чтобы валяться допоздна в какое-нибудь субботнее утро. А может, я тоже не слишком-то и старался теперь. Она вставала, и я вставал. Меня разрабатывали, как людской ресурс.

Читал я урывками, и в конце концов схватил куртку и пошел прогуляться. Снаружи было хо-

лодно и темно. По улицам слонялись, перетекая от паба к китайским ресторанам, несколько одиноких фигур и парочек. От хаотичности передвижений вокруг меня, от этого беспорядочного брожения я чувствовал тихое довольство. В моем мозгу внезапно возникла картина: комната, в которой Нэнси и ее коллеги механически перебрасываются деловыми фразами, передавая их вниз и вверх по иерархической лестнице. Хотя я понятия не имел, где находится эта комната, но все равно подумал про себя, что лучше уж быть здесь, чем там.

А потом я на секунду ощутил, как вокруг меня простирается весь Лондон, и моя удовлетворенность рассеялась. У Нэнси было куда пойти. А у меня были только километры дорог, которые где-то заканчивались; только дороги в зимнем свете и черные дома, что склонялись друг к другу. Я мог идти, мог бежать и в конце концов пришел бы к границе города. Когда я дойду туда, мне ничего не останется, как повернуть обратно. Я не чувствовал ничего за воротами; не верил, что там есть хоть что-нибудь. Это не было тоской по дикой природе, стремлением в дальние страны: мне нравится Лондон, а безбрежные просторы раздражают. Это, скорее, было чувство, будто

место, в котором должны таиться беспредельные возможности, как-то приручили, что мой недостаток воображения, сама ограниченность моей жизни сделали город блеклым и тусклым.

Я направился по дороге, ведущей из Кентиш-Тауна в Камден, столь погруженный в патетическую меланхолию, что на пересечении с шоссе Принца Уэльского меня чуть не сбила машина. В довольно сильном потрясении я отошел на обочину; к моему шоку добавилась оторопь от пронесшихся мимо желтых огней и неразборчивой брани. Да пошло оно, подумал я, и перешел дорогу в другом месте. И направился по другому пути, навстречу другому вечеру.

Камден, как и всегда, пытался доказать, что и в девяностых остается прибежищем для застрявших в прошлом неудачников-хиппи; я обогнул спешащую куда-то толпу и зашагал по боковой дороге.

Именно там я встретил Элис. Когда я увидел ее, мое сердце пропустило удар, и я остановился. Она шла вдоль дороги: длинная юбка, темная блузка, руки в карманах. Похоже, она бродила в одиночестве по улицам, как и я; глядя по сторонам, она все равно оставалась в каком-то своем мире. Такой счастливой случайностью пренебречь

было просто грешно, и, стараясь не спугнуть ее, я перешел дорогу и встретил ее на той стороне.

Следующие три часа мы провели в шумном прокуренном пабе. Единственные незанятые места оставались только в центре комнаты: плотно прижатые друг к другу сиденья на углу стола. Мы много пили, но алкоголь подействовал на нас не так, как обычно: я не напился, просто мне стало теплее и спокойнее. Толпы местных, что шатались вокруг, давали нам обильную пищу для разговоров: впрочем, вскоре мы так разговорились, что больше не нуждались в дополнительных темах для бесед. Мы просто пили и болтали, болтали и пили, и звонок, предупреждающий о закрытии, стал для нас полной неожиданностью.

Когда мы вышли из паба, то внезапно почувствовали опьянение и, споткнувшись о незамеченную ступеньку, кубарем покатились вниз, хохоча и шикая друг на друга. Не сказав об этом ни слова, мы все же знали, что не хотим расходиться по домам. Вместо этого мы пошли пройтись вдоль канала. Мы медленно шли мимо каких-то задворок, размышляя, что может происходить сейчас за шторами домов, смотрели на небо, показывали друг другу созвездия, слушали,

как плещет вода, когда то тут, то там на берег выходили утки. Через четверть часа мы набрели на скамейку и присели покурить.

Когда Элис убрала зажигалку в карман, рука ее опустилась рядом с моей. Я ни на секунду не мог об этом забыть, не мог не думать о том, что моей ладони остается передвинуться на совсем незначительное расстояние… Я курил, держа сигарету в левой руке, чтобы не потревожить Элис. Я отдавал себе отчет в том, что происходит. Я все еще помнил о существовании Нэнси, помнил, как была устроена моя жизнь. Но руку не убрал.

А затем, словно между нами разыгрывалась партия в шахматы, эта тема всплыла как-то совершенно просто и естественно.

Я заметил, что работы, по сравнению с предыдущей парой месяцев, поубавилось. Элис выразила надежду, что хоть какая-нибудь работа да будет.

— Чтобы я по-прежнему мог себе позволить дорогую технику, которая не работает, как ей положено? — спросил я.

— Нет, чтобы я могла по-прежнему приезжать и видеть тебя.

Я повернулся и посмотрел на нее. Казалось, она взволнована, но было в ней и что-то вызывающее. Рука ее проделала путь длиною в пару

сантиметров и легла на мою.

— А почему бы и не сказать тебе? Если ты сам еще не знаешь. Сейчас для меня есть три важные вещи: мой мотоцикл, мои рассказы и ты.

Люди не меняют свои жизни; вечера делают это за них. Есть ночи, в которых заключен особый импульс, ночи с особой целью, идущие своим чередом. Они приходят из ниоткуда и забирают людей с собой. Именно поэтому наутро вы никак не можете понять, почему сделали то, что сделали. Потому что это были не вы. Ночь сделала все сама.

Тем вечером моя жизнь остановилась, а потом пошла вновь, но мир уже был раскрашен в новые цвета.

Мы просидели на скамейке еще два часа, тесно прижавшись друг к другу. Мы рассказали, когда впервые начали задумываться друг о друге; посмеялись над тем, как долго ходили вокруг да около. После того как я неделями игнорировал свои чувства (а может, и просто не понимал, что чувствую), я не мог отпустить ее руку, когда она наконец оказалась в моей. Что за удивительное ощущение: быть так близко к ней, чувствовать, как ее кожа соприкасается с моей, чувствовать прикосновение ее ногтей к своей ладони. Люди

меняются, когда расстояние между ними так сокращается; они становятся куда реальней. А если вы уже влюблены в человека, то он заполняет собой весь мир.

Наконец мы дошли и до Нэнси. Рано или поздно пришлось бы. Элис спросила, что я чувствую к Нэнси, и я попытался объяснить, попытался сам это понять. В итоге мы просто свернули на другую тему.

— Это будет непросто, — сказал я, сжимая ее руку. Про себя я с унынием думал, что этого вообще может не произойти. Зная, как отреагирует Нэнси, рассказать ей было для меня все равно, что взобраться на Эверест. Элис бросила на меня взгляд и пошла обратно к каналу.

На берегу, устремив взгляд вдаль, сидел крупный кот. Я подошел к Элис так близко, что волосы ее защекотали мне лицо, и позвал кота. Он повернулся, посмотрел на нас и зашагал к скамейке.

— Как же мне нравятся дружелюбные коты! — заметил я, протягивая руку, чтобы погладить его.

Элис улыбнулась и тоже стала звать кота. Я несколько удивился: она вовсе не смотрела на кота, к которому, судя по всему, обращалась. Но затем я увидел еще одного, что направлялся к нам из гущи теней. Этот был поменьше ростом

и стройнее. Он подошел к самой скамейке. Наверное, мой мозг был еще затуманен алкоголем, потому что, когда Элис повернулась и посмотрела в другую сторону, я не сразу понял, в чем дело. Третья кошка шла к нам по тропинке вдоль канала, и еще одна следовала за ней.

Когда пятая показалась из кустов за скамьей, я уставился на Элис. А она уже смотрела на меня с улыбкой на губах — такой же, какую я увидел в нашу первую встречу. Она рассмеялась над выражением моего лица, а затем снова издала призывный звук. Кошки сели по стойке „смирно“, и еще две появились с противоположной стороны, припустив чуть ли не трусцой, чтобы не опоздать на собрание. Теперь мы с Элис были в таком явном меньшинстве, что я почувствовал себя в осаде.

Увидев еще одну кошку, я просто-таки вынужден был спросить у Элис, что происходит.

Она улыбнулась мягко-мягко, точно ее улыбка была нарисована акварелью, и склонила голову мне на плечо.

— Давным-давно, — начала она голосом, каким рассказывают детям сказку, — здесь ничего этого не было. Ни канала, ни улиц, ни домов. Только деревья и травы.

Одна из кошек, что сидели вокруг скамьи, быстро облизала лапку. Еще парочка бесшумно выступила навстречу нам из темноты.

— Большие люди изменили все. Они вырубили деревья, затоптали траву и даже выровняли землю. На этом самом месте был холм: один склон его был крут, другой покат. Они убрали все, что было, и теперь все выглядит иначе. Не хуже, нет. Просто иначе. Но кошки помнят то, что было раньше.

Это была занятная история, и она еще раз доказывала, что мы мыслим в одном направлении. Но она не объясняла обилия кошек вокруг. Теперь их было около двадцати — пожалуй, чересчур. Не для меня, но с точки зрения здравого смысла. Откуда, черт возьми, они все приходят?!

— Но в те дни у них не было кошек, — возразил я нервно. — Таких уж точно не было. Такие появились недавно. Их либо завезли, либо вывели искусственно.

Она покачала головой:

— Так говорят. И так думают. Но кошки всегда были здесь, просто люди об этом не знали.

— Элис, о чем ты вообще говоришь? — Мне становилось все больше не по себе от количества кошек, что кружили вокруг скамьи. Они все приходили и приходили, поодиночке и пара-

ми, и теперь толпились со всех сторон стеной в несколько метров толщиной. Линия канала была темной, лишь луна бросала на воду мягкие блики. Очертания берегов и дорожки казались какими-то особенно застывшими, вытянутыми, как будто смоделированными на компьютере: хорошая копия, очень правдоподобная, но в сочетании деталей была какая-то легкая неправильность, будто один из углов был на градус шире или уже, чем нужно.

— Тысячу лет назад кошки часто приходили на этот холм. Он был местом их собраний, где они обсуждали свои дела, а потом расходились. Это место принадлежало им раньше, принадлежит им и сейчас. Но они не против нашего присутствия.

— Почему?

— Потому что я люблю тебя, — сказала она и впервые поцеловала меня.

Прошло десять минут, прежде чем я снова оглянулся. Остались только две кошки. Я притянул Элис к себе и подумал о том, как искренне и невыразимо счастлив.

— Это все было взаправду? — спросил я, притворяясь ребенком.

— Нет, — ответила она, улыбнувшись. — Это

всего лишь такая история. — Она потерлась об меня носом, и наши головы крепко прижались друг к другу.

Около двух часов я вспомнил, что мне все-таки придется уйти домой. Мы встали и медленно пошли обратно к дороге. Дрожа, я дождался такси и вытерпел все театральные вздохи водителя, которыми он сопровождал наше с Элис прощание. Я стоял на углу и махал, пока машина не скрылась из виду, а потом развернулся и пошел домой.

Пока я не свернул на нашу улицу и не увидел, что свет в наших окнах еще горит, я не осознавал до конца, что этот вечер на самом деле случился. Когда я поднимался по ступеням, дверь открылась. На пороге стояла Нэнси, одетая в халат. Она выглядела рассерженной и испуганной одновременно.

— Ну и где, черт возьми, ты вообще был?

Я расправил плечи и приготовился врать.

Я попросил прощения. Сказал, что пошел пропустить по рюмке с Говардом. Я врал спокойно и с подкупающей убедительностью. Мне не было стыдно, ну разве что в каком-то эгоистическом смысле, да и то только в теории.

Какой-то переключатель в моей голове наконец щелкнул. Позже, когда мы лежали в кровати,

я осознал, что рядом со мной — не моя девушка. Что в моей постели просто находится некто. Когда Нэнси перекатилась ко мне поближе, намекая открытостью своей позы на то, что ей, возможно, пока еще не очень хочется спать, я почувствовал, как в груди у меня сжался комок ужаса. Я намекнул, что из-за количества выпитого я способен разве что провалиться в беспамятство, и тогда Нэнси свернулась клубочком и заснула рядом со мной. Целый час я просто лежал, ощущая под собой холодный мрамор, чувствуя, что у комнаты моей нет крыши и небо глядит на меня.

Завтрак на следующее утро стал праздником натянутой вежливости. Кухня казалась очень яркой, звук резко отскакивал от стен. Нэнси была в хорошем расположении духа, но я был способен лишь выдавливать из себя улыбки и говорить громче, чем обычно. И ждать, когда она уйдет на работу.

Следующие десять дней были одновременно ужасно печальными и самыми лучшими в моей жизни. Нам с Элис удавалось видеться чуть ли не каждый день; порой мы были вместе целый вечер, но чаще всего речь шла всего лишь о чашке кофе. Мы просто говорили, держались за руки и время от времени целовались. Это были краткие

поцелуи; наброски того, что могло бы случиться. Плохое начало отношений может подорвать их, потому что люди будут бояться повторений. Так что мы вели себя сдержанно и открыто друг с другом. Это было прекрасно. И очень трудно.

Жизнь дома была безрадостной. Нэнси не изменилась, но я-то поменялся, и потому я больше не знал ее. В моем доме будто бы жил кто-то незнакомый — и это было тем невыносимее, что этот чужак напоминал мне о человеке, которого я однажды любил. Чем больше что-то напоминало о прошлом, тем больше оно меня раздражало, и мало-помалу я обнаружил, что избегаю обстоятельств, которые возвращали бы меня к былым дням.

Нужно было что-то делать. Я должен был что-то сделать. Но решиться было очень, очень непросто. Мы с Нэнси жили вместе уже четыре года. Почти все наши друзья думали, что мы вот-вот объявим о помолвке, на эту тему даже начали шутить. Мы хорошо знали друг друга, а ведь это что-нибудь да значит. В те недели я старательно обходил Нэнси стороной, чтобы не дай Бог не почувствовать, что мы слишком близки, но при этом я осознавал, сколь тесно мы с ней связаны, какую нежность я в глубине души все еще ис-

пытывал к ней. Она была моим другом, я не мог не переживать за нее. И я не хотел причинять ей боль.

Наши с Нэнси отношения были не вполне однозначными. Я не просто был ее парнем, я был ей братом и отцом. Мне были известны несколько причин, по которым у нее возникли такие серьезные проблемы с питанием, и, кроме меня, о них не знал никто. Мы тщательно обсуждали этот вопрос, я знал, как с этим жить, как сделать так, чтобы она не почувствовала себя еще хуже. Она нуждалась в поддержке, и только я мог ей эту поддержку дать. Если бы я лишил ее еще и этой опоры, когда дела у нее и так складывались не совсем удачно, меня сложно было бы простить.

Поэтому какое-то время все шло по-старому. Я встречался с Элис при первой же возможности, но потом приходилось уходить от нее. Мы расставались, и каждый раз прощание казалось все более необязательным; мне все сложнее было вспомнить, почему надо уходить. Я стал бояться, что произнесу во сне ее имя, что как-то проговорюсь; мне казалось, что моя жизнь проходит на сцене, на глазах у хищной толпы, которая только и ждет, когда я ошибусь. По вечерам я ходил на прогулки и тащился с черепашьей скоростью,

останавливаясь, чтобы поговорить с кошкой, гладил ее, сколько ее душе было угодно, и бродил с ней туда-сюда по тротуару. Лишь бы не возвращаться домой.

Почти всю вторую неделю я предвкушал субботу. По понедельникам Нэнси обычно объявляла, что на выходных поедет на мероприятие по тимбилдингу. Она объяснила мне, в чем была их задача: они с коллегами радостно сигали в бездну корпоративного фанатизма. Теперь она гораздо чаще говорила со мной, хотела поделиться тем, что происходило в ее жизни. Я пытался слушать, но у меня не получалось. Я мог думать лишь о том, что в тот день мне нужно было отвезти заказ клиенту в Кембридж. Сначала я полагал, что отправлюсь один; но раз уж у Нэнси были свои дела, мне в голову пришел другой вариант.

Когда мы с Элис встретились за кофе, я спросил, не согласится ли она составить мне компанию. Теплота, с которой она ответила, грела меня всю неделю. О предстоящем событии мы говорили каждый день. План был таков: я позвоню домой в начале вечера, когда Нэнси вернется домой со своего мероприятия, и скажу, что наткнулся тут кое на кого из знакомых, а потому не приеду допоздна. Это было нарушением нашего негласного

правила „поступать согласно регламенту“, но я был просто вынужден так поступить. Нам с Элис надо было побыть вдвоем подольше, а еще мне нужно было собраться с духом для того, чтобы совершить неизбежное.

К вечеру пятницы я уже был как на иголках. Нарезал по дому круги, не мог ни за что взяться и был так погружен в собственные мысли, что не сразу заметил, что и с Нэнси дело неладно.

Она сидела в гостиной, просматривая документы, но время от времени сердито поглядывала на окно, словно ожидая увидеть там кого-то. Когда я поинтересовался с ноткой раздражения в голосе, кого она выглядывает, Нэнси принялась все отрицать. Через десять минут я поймал ее на очередном взгляде. Я ретировался на кухню и вяло принялся за починку полки — дело, которое я откладывал месяцами. Когда Нэнси пробралась на кухню, чтобы сделать себе еще кофе, и увидела, чем я занимаюсь, ее это по-настоящему растрогало. Самокритично-добродушная улыбка, которую я нацепил на лицо, мне самому казалась гримасой мертвеца.

Она вернулась в гостиную и снова принялась прожигать взглядом окно, словно ожидая немедленного нападения марсиан. Это напомнило мне

про ночь, когда я застал ее стоящей у окна и довольно сильно испугался. Теперь она выглядела совсем чокнутой, а у меня иссякло терпение. Никакой жалости я не чувствовал, только раздражение. И ненавидел себя за это.

А потом наконец-то, ну наконец-то, пришло время идти спать. Нэнси отправилась первой, а я вызвался закрыть окна и вычистить пепельницы. Забавно, каким заботливым душечкой начинаешь казаться, когда тебе и быть-то не хочется там, где ты есть.

Чего я действительно хотел — так это завернуть подарок, который собирался отдать Элис. Когда я услышал, как защелкнулась дверь ванной, то подскочил к шкафу с документами и вынул оттуда книгу; из ящика схватил упаковочную бумагу и ленты и принялся за дело. Во время работы я выглянул в окно, увидел, что на дороге сидит кошка, и улыбнулся про себя. С Элис я мог бы завести кошку дома, работать в пушистой компании и засыпать с теплым комком на коленях. Дверь ванной открылась. Я замер, готовясь действовать немедля. Услышав с облегчением, что ноги Нэнси прошлепали в спальню, я продолжил заворачивать подарок. Сделав дело, я убрал сверток в ящик стола и достал открытку, которую хотел подарить

вместе с ним, уже составляя в голове текст.

— Марк?

Я чуть не умер, услышав голос Нэнси. Она почти бежала ко мне через кухню, а открытка все еще лежала на столе. Я быстро придвинул к себе кипу бумаг и накрыл ею послание. Еле успел. Стук сердца отдавался в ушах, меня чуть ли не мутило, но я повернулся к Нэнси, стараясь придать лицу выражение скучное и обыденное.

— Что это? — призвала она меня к ответу, вытянув руку прямо у меня перед носом. В комнате было темно, и я поначалу не разглядел. А затем увидел. Это был волос, темно-каштановый волос.

— Похоже на волос, — осторожно заметил я, перебирая бумаги на столе.

— Я знаю, что это чертов волос, — рявкнула Нэнси. — Я нашла его в кровати. Интересно, как он там оказался.

Господи помилуй, подумал я. Она знает.

Я смотрел на нее, плотно сжав губы, и уже решил было во всем признаться и покончить с этим. Конечно, мне казалось, что лучше рассказать ей в более спокойной обстановке, но тут уж не угадаешь. Возможно, именно в эту паузу мне стоит втиснуть сообщение о том, что я влюбился в другую.

А затем ко мне пришло запоздалое осознание: Элис никогда не бывала в нашей спальне. Даже после того вечера на канале она оставалась на первом этаже, в гостиной и в холле. Может, на кухню мы тоже заходили. Но в спальню — точно нет! Я в замешательстве поморгал, глядя на Нэнси.

— Это проклятая кошка! — заорала она, внезапно чуть не посинев от гнева (эта ее особенность всегда пугала меня и сбивала с толку). — И она валялась на нашей чертовой кровати!

— Какая кошка?

— А такая, что вечно ошивается на улице. Твой маленький *дружочек*. — Она усмехнулась с невыразимым презрением, и лицо ее перекосилось от гнева. — Ты привел ее к нам.

— Да нет же. О чем ты вообще?

— Не смей отрицать, не смей…

Не в силах закончить фразу, Нэнси накинулась на меня и ударила по лицу. Я ошарашенно отступил назад и получил в подбородок. Она принялась колотить меня кулаками по груди, а я пытался схватить ее за руки. Какие-то слова вырывались у нее изо рта, но речь то и дело прерывалась рыданиями. Я так и не смог поймать ее руки. Она сама остановилась и притихла. Постоя-

ла с минуту, глядя на меня, развернулась и ушла.

Я провел ночь на диване и долго не мог заснуть, даже после того, как затихли протяжные стоны, доносившиеся до меня из спальни. Может, это прозвучит как эгоистическая отговорка, но я правда чувствовал, что не смогу ничем ее утешить. Ей стало бы лучше, только если бы я соврал, и потому я решил не вмешиваться.

У меня теперь была уйма времени, чтобы закончить открытку, но я никак не мог вспомнить, что же собирался написать. В итоге мне удалось заснуть, но я спал чутко, и сновидения мои были сумбурными. Когда я проснулся, Нэнси уже уехала.

Выруливая к центру города, чтобы встретиться с Элис, я чувствовал усталость и опустошение. Я все еще не знал, где она живет, не знал даже номера ее телефона. Она сама не сообщила мне этих сведений, а я всегда мог связаться с ней через курьерскую службу. И мне этого хватало; я ведь мог быть частью ее жизни, не пробираясь в нее тайком.

Я отчетливо помню, как она выглядела тогда, стоя на тротуаре и высматривая мою машину. На ней была длинная черная юбка из шерсти и плотный свитер разных оттенков каштана.

Утреннее солнце запуталось у нее в волосах; она улыбалась, глядя, как я паркуюсь, и меня на минуту охватили сомнения. У меня нет никакого права быть с ней. У меня уже есть девушка, да и Элис слишком прекрасна для меня. Но вот ее руки обвились вокруг моей шеи, она поцеловала меня в нос, и сомнения рассеялись.

Никогда я еще не ехал по магистрали так медленно, как тем утром с Элис. Я предусмотрительно положил в машину записи музыки, которая, как я знал, нравится нам обоим; но кассеты так и остались лежать в бардачке. Они были нам попросту не нужны. Я плелся по крайней правой со скоростью шестьдесят миль в час. Мы разговаривали или молчали, порой обмениваясь взглядами и улыбаясь во весь рот.

Дорога шла через холмы. Когда мы доехали до первого, у нас обоих перехватило дыхание. Обочина вся пылала маками; поднялся ветер, и цветы дружно закивали. Когда мы оставили их позади, я повернулся к Элис и впервые сказал, что люблю ее. В ответ она посмотрела на меня таким долгим взглядом, что мне пришлось отвлечься на дорогу. Когда я снова повернулся к ней, она смотрела прямо перед собой улыбаясь и глаза ее сияли от сдерживаемых слез.

Моя встреча не заняла и пятнадцати минут. Думаю, мой клиент не ожидал такого поворота событий, но какая кому разница. Всю оставшуюся часть дня мы бродили по магазинам, брали с полок книгу за книгой, разглядывали их. Зашли куда-то выпить чаю. Когда мы смеясь покинули музыкальный магазин, Элис положила руку мне на спину, а я вполне сознательно приобнял ее за плечи. Она была довольно высокой, но идти так оказалось удобно. Моя ладонь так там и осталась.

К пяти я начал нервничать, и мы забрели в кафе выпить еще по чашке чая, чтобы я заодно мог позвонить. Я оставил Элис сидеть за столиком и дожидаться официанта, а сам пошел в другую часть зала к телефонной будке. Слушая гудки, я заставил себя успокоиться и отвернулся от людей, чтобы сконцентрироваться на разговоре.

— Алло?

Я едва узнал Нэнси. Ее голос был похож на голос ворчливой испуганной старушки, которая не ждала звонка. Я чуть было не повесил трубку, но она поняла, кто звонит, и расплакалась.

За двадцать минут нашей беседы я едва сумел ее хоть чуть-чуть успокоить. Она ушла с тимбилдинга около обеда, сказавшись больной. И

поехала в Сэйлсбери. Она съела два шоколадных пирога от Сары Ли, шоколадный рулет, пачку хлопьев и три пачки печенья. Потом пошла в ванну, ее вырвало, и она начала все сначала. Кажется, ее стошнило снова, но я не очень разобрал, что она в тот момент говорила. Разговор то и дело прерывался ее смиренными извинениями, и я не мог понять, просит ли она прощения за вечер накануне или за початую упаковку мармелада, что была зажата в ее руке.

Я немного испугался и забыл обо всем, что происходило за пределами телефонной будки; я пытался сделать все, что было в моих силах, чтобы она смогла сосредоточиться. Речь ее стала более связной. Я бросил всякие попытки доказать, что ей не надо просить прощения за прошлый вечер, и просто уверил ее, что все в порядке. Она пообещала, что перестанет есть и посмотрит телевизор. Я сказал, что вернусь, как только смогу.

У меня не было выбора. Я любил ее. Что мне еще оставалось?

Когда у меня закончилась мелочь, я попросил ее быть осторожной и аккуратно положил трубку на рычаг. Какое-то время я внимательно изучал обивку на стене, а затем постепенно стал замечать шум, что исходил из ресторана по ту

сторону стеклянной двери. Наконец я повернулся и выглянул наружу.

Элис сидела у стола, наблюдая за толчеей. Такая красивая, такая сильная… и между нами словно тысяча миль.

Обратно мы ехали в молчании. Все, что хотели, мы сказали друг другу в ресторане. Это не заняло много времени. Я сказал, что не могу оставить Нэнси в таком состоянии, а Элис сдержанно кивнула и убрала сигареты в сумку.

Она сказала, что вроде как знала заранее, еще до того, как мы поехали в Кембридж. Это меня рассердило, и я заметил, что она никак не могла этого знать, когда я и сам-то еще не знал. Она тоже рассердилась, когда я предложил ей быть друзьями, и, наверное, правильно сделала. Я сморозил глупость.

Я неловко спросил, все ли у нее будет хорошо, и она сказала «да». В том смысле, что как-нибудь переживет. Я попытался объяснить, что в этом-то и была разница, что Нэнси могла бы этого не пережить. Элис пожала плечами и сказала, что разница была еще и в другом: Нэнси бы никогда не пришлось выяснять, выживет она или нет. Чем больше мы говорили, тем сильнее мне казалось, что голова моя вот-вот взорвется, что

глаза мои от боли лопнут и стекут кровавыми дорожками по холодными щекам. Наконец Элис приняла деловой вид, сама заплатила по счету, и мы медленно пошли обратно к машине.

Не в силах заставить себя болтать ни о чем, большую часть пути мы просто слушали, как шуршат по асфальту колеса. Стемнело, и к концу пути зарядил дождь. Когда мы доехали до первого холма, я почувствовал, что потоки воды пригнули головки маков к самой земле. Элис повернулась ко мне:

— Я и в самом деле знала.

— Откуда? — спросил я, стараясь не расплакаться, стараясь следить за машинами в зеркало заднего вида.

— Когда ты сказал, что любишь меня, это прозвучало очень печально.

Я высадил ее на том же углу, где встретил утром. Она сказала пару фраз, чтобы как-то подбодрить меня, чтобы я меньше чувствовал свою вину. А затем скрылась за углом, и больше я ее не видел.

Доехав до дома, я посидел с минуту в машине, пытаясь взять себя в руки. Нэнси я буду нужен спокойным, надо, чтобы она видела, что я в полном ее распоряжении. Я открыл дверцу, вышел из машины и безразлично огляделся по сторонам

в поисках кошки. Ее нигде не было.

Нэнси открыла мне дверь со смущенной улыбкой, и я проследовал за ней. Когда я обнял ее, чтобы уверить, что все в порядке, то через ее плечо оглядел кухню пустым взглядом. Все сверкало чистотой; от дневного пиршества не осталось и следа. Мусорное ведро стояло пустое, а на плите что-то булькало. Она приготовила мне ужин.

Сама она есть не стала, но посидела со мной. Курица удалась неплохо, но хуже, чем обычно. Мяса было навалом, но оно было жестковато, и на сей раз Нэнси переборщила со специями. Странный вкус, если уж по правде. Она заметила выражение моего лица и сказала, что ходила к другому мяснику. Мы немного поговорили о том, что случилось с ней днем, но ей и так уже было гораздо лучше. Казалось, ей интересней было обсудить, как изменится ее офис после реорганизации.

Потом она пошла в гостиную и включила телевизор, а я остался на кухне готовить кофе и мыть посуду. Движения мои были безжизненны, словно у меня онемели руки. Слушая, как из телевизора доносится чепуха, столь дорогая сердцу Нэнси, я оглянулся в поисках мешка для мусора, куда можно было бы свалить остатки моего ужина, но, очевидно, Нэнси взяла послед-

ний. Апатично вздохнув, я открыл заднюю дверь и пошел вниз, чтобы выбросить объедки прямо в мусорку.

Рядом с ведром стояли два мешка, завязанные фирменным узлом Нэнси. Я развязал тот, что стоял ближе ко мне, и чуть приоткрыл его. Но за секунду перед тем, как я свалил туда кости с моей тарелки, что-то внутри привлекло мой взгляд: клочок тьмы среди броских упаковок от высококалорийной вкуснятины. Кусок плотной ткани странной формы, возможно? Я потянул за уголок мешка, чтобы разглядеть получше, и свет из кухонного окна озарил содержимое пакета.

Тьма превратилась в густой каштановый цвет, забрызганный алым. Я понял, что это была вовсе не ткань.

Мы переехали через полгода, сразу после помолвки. Я был рад покинуть квартиру, которая перестала быть мне домом. Порой я возвращаюсь и стою на улице, вспоминая те времена, когда подолгу глядел из окна, бесцельно созерцая дорогу. Через пару дней я позвонил в курьерскую службу. Я ожидал наткнуться на сопротивление и знал, что мне вряд ли дадут ее адрес. Но на том конце сказали, что такая девушка у них никогда не работала.

Через два года у нас с Нэнси родился первенец. Скоро нашей девочке исполнится восемь. Теперь у нее есть сестра. Иногда я оставляю их с матерью и иду прогуляться. Со спокойным и тяжелым сердцем брожу по темным улицам, вдоль безликих домов, и иногда спускаюсь к каналу. Я сажусь на скамейку и закрываю глаза, и порой мне кажется, что я вижу. Порой мне кажется, что я чувствую, как тут было раньше, когда на месте равнины стоял холм, на котором проводились собрания.

Но потом я медленно встаю и иду домой. Холм исчез, все изменилось. Того, что было, не вернуть. Не важно, сколько я сижу и жду. Кошки не приходят.

Майкл Маршалл Смит — автор нашумевших романов и сценариев к целому ряду кинохитов. Он творит под несколькими псевдонимами, включая «Майкл Маршалл». Его первый роман «Только вперед» («Only Forward») получил премии Августа Дерлета и Филиппа К. Дика. Компании *DreamWorks* и *Warner Brothers* выбрали для экранизации его произведения «Запчасти» («Spares») и «Один из нас» («One of Us»). Трилогия «Соломенные люди» («The Straw Men»), «Одинокие

мертвецы» («The Lonely Dead») и «Кровь ангелов» («Blood of Angels») стали бестселлерами во многих странах. В данный момент компания *BBC* готовит к выпуску сериал по роману Маршалла «Лазутчики» («The Intruders»), уже заслужившему номинацию на премию «Стальной кинжал».

Также, благодаря своим рассказам (собранным в два тома: «What you make it» и «More Tomorrow and Other Stories», причем второй выиграл премию Международной гильдии ужасов), Смит стал трехкратным лауреатом Британской премии фэнтези. Среди его последних работ следует назвать роман «Плохое» («Bad Things») и повесть «Слуги» («The Servants»).

«Не помахав на прощанье» — это история о любви, чувстве вины и о том, как мы порой оказываемся пленниками собственных решений. По поводу одного из самых неожиданных — и самых болезненных — аспектов рассказа Смит говорит следующее: «Я написал о булимии, потому что одна из моих подруг страдала этим заболеванием. Хочу подчеркнуть, однако, что к героине рассказанной истории она не имеет совершенно никакого отношения. Наверное, мне хотелось просто передать это странное сочетание силы и слабости, которые этот недуг придает людям, но

при этом не делать его центром рассказа — во многом потому, что это сочетание силы и слабости есть в каждом из нас. А еще потому, что в этом состоянии можно запутаться. Как и в отношениях, что и случилось с рассказчиком».

Поймай
Рей Вукчевич

«Твое лицо, Люси, сегодня похоже на дикого зверя, — говорю я. — Хорошо, что он заперт в клетке». Сердитая гримаса словно приросла к ней; мне странно и подумать, что она умеет не хмуриться. Над проволочной маской волосы ее топорщатся, словно старомодный нимб. И мое замечание совсем ее не веселит.

Я знаю, что сделал. Но не знаю, почему это так ее взбесило, и раз я не знаю, то такому бесчувственному ублюдку она ничего рассказывать и не собирается.

Она поднимает кота над головой и швыряет мне. Прямо метнула в меня. Я поймал его и кинул обратно. У кота серая спина и белоснежное брюшко. Он весь обмяк, глаза закатились, из уголка рта свисает обложенный налетом язык. Я по опыту знаю, что скоро животное умрет, после чего на его ошейнике сработает датчик, и один из нас кинет кота в желоб, по разные стороны которого мы сейчас стоим. Свежий разъяренный клубок когтей и зубов свалится из люка в потолке, и мы

примемся перекидываться им, пока не наступит время перерыва и кто-нибудь другой не встанет на наши места. Смысл в том, чтобы животное круглые сутки находилось в движении.

На работе мы носим брезентовые рубашки и варежки, а лица наши защищены проволочными масками. Иногда мне снится, что мы с Люси потеряли наши места. Кошмарный сон. Мы же больше ничего не умеем.

Сменщик появляется в блоке для бросков и встает за моей спиной. Он берет метлу, смачивает ее в воде, что бежит по желобу. Он счищает прилипшие к полу и стенам экскременты, смывает потеки мочи. Через секунду раздается гудок, и он ставит метлу обратно в угол. Я отступаю на шаг, Люси кидает кота моему сменщику. Я смываюсь из блока и брожу по подземелью, а через пятнадцать минут вхожу в следующий блок.

Мы с Люси весь день работаем в режиме «час работы — пятнадцать минут отдыха». Мы двигаемся от одного блока к другому, и порой наши пути пересекаются. На этот раз мы не встретимся еще полтора часа; возможно, за это время она как раз успеет как следует разъяриться.

Катакомбы представляют собой сеть широких переходов от одного блока к другому. В каждом

блоке с потолка на пол спускается металлический желоб. Комнаты расположены на равном расстоянии друг от друга, и каждый блок должна освещать электрическая лампочка, но некоторые перегорели, и поэтому между пятнами резкого света то тут, то там зияют провалы тьмы. Блоки представляют собой крошечные комнатки; на двух противоположных стенах находится по деревянной двери, чтобы ловцы могли сменять один другого, не прерывая рабочий процесс. Бетонные стены в туннелях, как и в блоках, окрашены в черно-белые полосы и сочатся влагой. Полы тоже из бетона, довольно грубого. Все пропахло сырым камнем и мертвечиной.

Так что же я сделал неправильно?

Пока Люси собиралась утром на работу, я играл с нашей крошкой Меган, подкидывал ее в воздух и ловил, дул ей в живот, а она дергала меня за волосы и хохотала до икоты.

Когда Люси вошла, я кинул ей девочку. Та описала красивую дугу, одновременно сделав сальто назад. Люси побледнела как полотно. Она подхватила Меган и крепко прижала к груди.

— Отлично поймала! — сказал я.

— Только попробуй еще хоть раз… — Люси словно осипла. В ее голосе звучала угроза. — Еще

раз сделаешь так, Десмонд, и…

Она рванула из комнаты с Меган на руках.

Да какого черта? Я же знал, что Люси обязательно поймает ребенка. Она же профессионал. Мне-то казалось, что ей должно польстить, что я доверил ей жизнь моей драгоценной крошки, света очей моих, папиной любимой дочурки. Но Люси как-то не прониклась. Она даже объяснить мне ничего не дала, сказала: «Заткнись, Десмонд, давай ты просто заткнешься», и вот мы побрели на работу — молча, кипя от гнева, и обида стояла между нами, как целый мешок сломанных игрушек.

Говорить со мной она отказывается. М-да, ну и денек мне предстоит.

Звучит гудок, и я иду к следующему блоку. Орудую веником, а потом, когда снова раздается сигнал, сменяю другого ловца. На этот раз кот оказывается просто чудовищем — рыжий, все время вопит, — и хлопот с ним у меня полон рот. Когда животное только поступает в обработку, кидать его — это словно в волейбол играть. Спешишь как можно быстрей отделаться от мяча.

К тому времени, как Люси встает напротив меня, я уже вошел в ритм. Теперь мне нужно кинуть его Люси. Она быстро ловит его, и вот уже

он парит от меня к ней и обратно.

Пока мы швыряем животных, они проходят через определенные стадии. Отрицание. Сопротивление. Покорность. Отчаяние. И, наконец, смерть. Этот, похоже, пока остановился на сопротивлении, не буйствует, а словно выжидает, когда можно будет отомстить. Я кладу одну ладонь коту на грудь, другую подкладываю ему под зад и кидаю его Люси в сидячем положении. Чтобы перещеголять меня, она посылает его обратно в той же позе, но уже лапами вверх. Может, именно из-за нелепости этой позы он и сдался. Я почувствовал, как кот соскользнул в стадию покорности.

Я кидаю кота вверх тормашками. Он слабо вопит, и из его рта тянется тонкая дорожка слюны. Интересно, Люси вообще когда-нибудь заговорит со мной?

— Ладно, ладно, прости, — говорю я, смиряясь с мыслью, что так и не узнаю, в чем же согрешил.

Я вижу, как слезы подступают к ее глазам; происходит заминка, и кот едва не выпадает у нее из рук. Мне хочется подойти к ней ближе, утешить ее, но до нашего перерыва еще долго. И я внезапно понимаю, что будет уже слишком поздно. Это станет не важно.

Приходит мой сменщик и берется за метлу. Звучит гудок. Я отступаю в сторону.

Люси уже не плачет.

Я направляюсь к двери.

Рассказы Рея Вукчевича публиковались во многих журналах, включая *The Magazine of Fantasy & Science Fiction, Lady Churchill's Rosebud Wristlet, SmokeLong Quarterly, Night Train, Polyphony* и *Hobart*, а также были изданы в сборнике «Жди меня в лунной комнате». Также он работает программистом в нескольких лабораториях по изучению мозга (Орегонский университет). Узнать о нем побольше вы можете на сайте www.sff.net/people/rayv.

Я спросила у автора, как ему в голову пришла такая великолепно дикая идея для рассказа, и вот что он мне ответил: «Насколько я помню, история сложилась из хаотического нагромождения образов. Вспоминаю, как подкидывал сына в воздух, когда он был малышом. Ему нравилось! Возможно, именно тогда он впервые в жизни расхохотался. Но однажды я чуть не промахнулся. Мне еле-еле удалось его поймать; по какой-то причине кожа у сына была скользкая, и я чуть

не уронил его. Падая, он мог удариться головой об угол кофейного столика. Могла произойти настоящая трагедия. Жена в это время сидела в другом конце комнаты и читала. Время от времени она поднимала на нас взгляд и улыбалась. Она не поняла, что случилось; тогда я не стал ей рассказывать, а теперь уже прошло слишком много времени. Но, похоже, ребенок обо всем догадался — или меня выдало выражение лица. Он вцепился в мою рубашку. И я, вместо того чтобы подкинуть его снова, крепко прижал сына к груди.

Как ни странно, второй образ — это маленькая кошечка, что просунула лапку в отверстие картонной коробки, чтобы добраться до черепахи. Но черепаха сама ухватила ее за лапу. Ну и драма! Когда я освободил котенка, то кинул его жене, и она очень ловко его поймала.

И лишь через двадцать лет у меня из этих двух эпизодов сложился цельный рассказ.

Чары мантикоры
Джеффри Форд

Первые сообщения о существе — пока что его только видели издалека — были полной нелепостью. Хаос отдельных частей тела; невозможность описать улыбку. Цвет, говорили они, был пламенем, раскаленными углями, цветком, и каждый из очевидцев пытался изобразить песню существа, но ни один не смог. Мой учитель, волшебник Уоткин, приказал мне записывать и зарисовывать каждое их слово. Заниматься этим делом призвал нас Король, добавив: «Послушайте, что они там мелют. Пусть они поверят, что я приказал вам разобраться в этом. На самом деле, старый мой дружище, это лишь дурные пары в воздухе». Мой учитель покивал с улыбкой, но, стоило Королю покинуть комнату, Уоткин обернулся ко мне и прошептал: «Мантикора».

— Это, без сомнения, последняя из оставшихся, — сказал он. Мы стояли на балконе и наблюдали в предвечернем свете, как королевские охотники возвращаются из леса во дворец; по ярко-зеленой траве за ними тянулся ярко-алый

след: кровь жертв, замученных мантикорой. — И она очень старая. Посмотри: лошадей сжирает целиком, а от людей порой остаются одна или две конечности. — Он наложил чары защиты, пропустив перо колибри через игольное ушко.

— Вы хотите, чтобы она выжила? — спросил я.

— Я хочу, чтобы она умерла естественной смертью, — был его ответ. — Нельзя, чтобы мантикору убили королевские охотники.

Под луной и звездами, на самом краю осени, мы сидели с прочими придворными на крепостной стене замка и слушали трели загадочного создания, похожие на пение флейты: оно выпевало гаммы — вверх-вниз, вверх-вниз. Голос доносился из дальнего конца темного леса. От этих звуков хрустальные кубки дрожали. Дамы с высокими прическами, припорошенными пудрой, при свете свечей затеяли игру в червы. Мужчины, привалившись к стене, с трубками в зубах обсуждали, как бы они прикончили зверя, если бы им доверили выполнение этой задачи.

— Волшебник, — сказал Король. — Я полагал, ты предпримешь меры.

— Так и есть, — отозвался Уоткин. — Но это непростое дело. Магия против магии, а я ведь совсем одряхлел.

Через несколько мгновений рядом с Королем появился придворный механик. Он нес оружие, стрелявшее стрелами из слоновой кости.

— Наконечник обмакнули в кислоту, которая разъест плоть этого существа, — сказал механик. — Цельтесь выше шеи. И не забывайте как следует смазывать шестерни.

Его высочество улыбнулся и кивнул.

Неделей позже, как раз перед ужином, Король, как обычно, справлялся о государственных делах. Ему сообщили, что существо сожрало двух коней и охотника, отняло правую ногу у подмастерья механика и так согнуло и искорежило новое оружие, что отравленная стрела, которой надлежало сразить чудище, полетела совсем в другую сторону и вонзилась механику в ухо. Мочка стекла с его головы, как расплавленный воск с горящей свечи.

— Мы боимся, что оно может отложить яйца, — сказал механик. — Предлагаю спалить лес.

— Мы не будем жечь лес, — отрезал Король. Он повернулся и посмотрел на волшебника. Тот притворился спящим.

Я помог старику встать со стула и препроводил его вниз по каменным ступеням в коридор, который вел к нашим покоям. Не успел я распро-

щаться с ним, как Уоткин схватил меня за ворот и прошептал:

— Чары теряют силу, деснами чую!

Я кивнул, и он прошел мимо, уже не нуждаясь ни в чьей помощи. Я последовал за ним, но по пути оглянулся через плечо. Я был уверен: Король знает, что магия его придворного чародея обернулась против него самого.

Я прилег в своем уголке у западной стены мастерской. Отсюда мне была видна вывернутая наизнанку безволосая шкурка горбатой обезьянки, что свисала с потолка в другой комнате. Волшебник выписал ее из Палгерии пять лет тому назад — во всяком случае, так было указано в его записях. Когда посылка прибыла, я понял по реакции Уоткина, что он забыл, что собирался с ней делать. Двумя днями позже он подошел ко мне и сказал: «Пользуйся этой обезьяной по своему усмотрению». Я не знал, как с ней поступить, и подвесил ее к потолку в мастерской.

С первого дня моей службы Уоткин настоял, чтобы я ежедневно делился с ним своими снами. «Посредством снов твои недоброжелатели проникают сквозь оборонительные сооружения твоего бытия», — сказал он мне во время грозы. Был полдень, середина августа, и мы стояли

абсолютно сухие под раскидистыми ветвями болиголова, а ливень, словно занавес, задернул мир вокруг. Той ночью во сне я шел за женщиной по полю багряных цветов и постепенно, по покатому склону, дошел до обрыва. Внизу вздымался, точно дыша, чудовищных размеров курган из черного камня, и, когда он предстал перед моим взором во всю свою ширь, в провалах трещин и изломов я разглядел ало-рыжее пламя, сияющее из глубин. Женщина из сна обернулась через плечо и спросила: «Ты помнишь день, в который пришел служить волшебнику?»

Затем свет проник в мои глаза, и я с удивлением обнаружил, что пробудился. Склонившийся Уоткин светил мне в лицо фонарем. Он сказал: «Оно погибло. Поднимайся скорее». Он отвернулся от кровати, снова погружая меня в тень. Одеваясь, я сильно дрожал. Я видел, как старик из ноздри придворной дамы зубами вытягивает дух шипящего демона. Уму непостижимо! Его мантия была украшена роскошным узором из пионов на снегу, но я больше не доверял солнцу.

Я вошел в мастерскую, когда Уоткин убирал все с огромного стола. На нем он обычно смешивал свои порошки и препарировал рептилий: в их крошечном мозгу была особая доля. Если ее

растолочь, высушить и добавить в зелья, они начинали действовать гораздо быстрее.

— Сбегай за пером и бумагой, — сказал он. — Мы все запишем.

Я сделал, как мне было велено, и принялся помогать ему.

В какой-то момент он попытался поднять большой хрустальный шар с голубым порошком, и его тонкие запястья задрожали от усилия. Я подхватил шар, когда он уже выскальзывал из его ладоней.

Внезапно в воздухе разлился аромат роз и корицы. Волшебник принюхался и предупредил, что оно вот-вот прибудет. Шестеро охотников несли тело, распростертое на трех походных носилках и укрытое потрепанным гобеленом. На нем была выткана сцена из Войны Ив, и до настоящего момента он висел в коридоре, ведущем от Сокровищницы к Фонтану Сострадания. Мы с Уоткином отступили на шаг, пока темнобородые охотники, кряхтя и скрипя зубами, водружали носилки на стол. Когда они покидали наши покои, учитель одарил каждого маленьким свертком порошка, перевязанным лентой. Подозреваю, то был афродизиак. Перед тем как получить свою награду и удалиться, последний из охотников взялся за угол

гобелена и, высоко подняв его, обошел вокруг стола, открывая взору мантикору.

Я лишь бросил взгляд и тут же отвернулся, движимый инстинктом. Опустив глаза, я слушал, как мурлычет, взвизгивает и щебечет старик. Густое облако аромата, исходившее от существа, тяжким грузом давило мне на плечи, и я услышал, как загудели мухи. Волшебник влепил мне пощечину и принудил поднять взгляд. Невозможно было противиться его руке, сжимавшей мне затылок.

Малиновый. Оттенки малинового. Различив цвет, я увидел зубы; прошло время, прежде чем я смог разглядеть что-либо еще. Одновременно улыбка и гримаса боли. Я заметил львиные лапы, мех, грудь, эти длинные дивные волосы. Сияющие пластины хвоста переходили в гладкое острое жало; на его кончике выступила пузырем капля яда.

— Запиши это, — велел Уоткин. Я нащупал перо. — Мантикора женского пола, — продиктовал он. Я записал это вверху страницы.

Волшебник сделал шаг, и шаг этот, казалось, тянулся целую минуту. Затем он шагнул еще и еще и принялся медленно обходить стол, изучая существо со всех сторон. В правой руке у него была трость; набалдашником ей служило резное

изображение его же головы. Наконечник не касался земли.

— Нарисуй ее! — приказал он.

Я принялся за дело, в котором был едва сведущ. И все же я изобразил ее — человеческая голова и торс, могучее тело льва, хвост скорпиона. Оказалось, что это был мой лучший рисунок, но и он был ужасен.

— Я впервые увидел подобное ей существо еще мальчиком, — заговорил Уоткин. — Мы с классом пошли на прогулку к озеру. Мы только вышли из сада на бескрайний луг с желтыми цветами, как моя учительница, женщина по имени Леву, у нее еще была родинка в углу рта, одной рукой приобняла меня за плечо, а другой указала вдаль и прошептала: «Посмотри! Это мантикоры, муж и жена». И я увидел их: размытые багряные пятна, что лакомились низко висевшими фруктами на самом краю луга. Вечером, когда мы возвращались домой, то почувствовали их особую вибрацию, и эта пара напала на нас. У каждого было по три ряда зубов, которые двигались с безупречной синхронностью. Я смотрел, как они пожирают учительницу, и пока она исповедовалась мне, погружаясь в безумие, я читал за нее молитвы, а чудовища декламировали стихи на каком-то

неведомом языке и слизывали с губ кровь.

Я записал все, что рассказал мне Уоткин, хотя не был уверен, что это относилось к делу. Он ни разу не взглянул мне в глаза. Все шагал, шагал медленно вокруг существа, легонько прикасаясь к нему тростью, украдкой заглядывая в темные впадины ее тела.

— Ты видишь лицо? — спросил он меня, и я ответил, что да, вижу. — Если бы не эта дьявольская улыбка, она была бы прекрасна, — произнес он.

Я попытался представить себе ее без улыбки, но моему внутреннему взору предстала только улыбка без нее. Достаточно сказать, что кожа ее была малиновой, как и мех, а глаза подобны желтым бриллиантам. Ее длинные волосы обладали собственным разумом — ало-сиреневые плети, послушные воле хозяйки. И эта улыбка…

— Она жила совсем рядом со мной, и волосы ее были так же длинны, но казались чистым золотом, — продолжил Уоткин, указывая на мантикору. — Я был чуть моложе, чем ты сейчас, а она чуть старше. Лишь однажды мы ушли в пустыню вместе и спустились в дюны. Там, под землей, среди руин, мы увидели морду горбатой обезьяны, вырезанную из камня. Мы вместе легли перед ней, поцеловались и заснули. Родители

и соседи разыскивали нас. Глубокой ночью, когда она спала, ветер подул сквозь сжатые губы каменного лица, предупреждая меня о предательстве и о времени. Когда она проснулась, то сказала, что во сне ходила к океану и рыбачила с мантикорой. В следующий раз мы поцеловались на нашей свадьбе… Нарисуй это! — вдруг закричал он.

Я старался как мог, но не знал, должен ли изображать мантикору или волшебника с ней на пляже.

— И вот еще что, касательно улыбки… — сказал он. — Она постоянно, непрерывно шлифует естественный вращательный механизм хорошо смазанных челюстей и зубов в три ряда. Даже после смерти, в могиле, мантикора пережевывает кромешную тьму.

— Мне нарисовать это?

Он принялся вышагивать. Через несколько секунд ответил «нет». Затем, положив трость на краешек стола, он взял лапу существа в обе руки:

— Посмотри на этот коготь. Как думаешь, сколько голов он отделил от тела?

— Десять.

— Десять тысяч, — проговорил Уоткин, отпуская лапу и заново берясь за трость. — А сколько теперь голов оторвет?

Я не ответил.

— Лев — это мех, мышца, жила, коготь и скорость. Вот пять ингредиентов неизмеримого. Однажды правитель королевства Дриша поймал и приручил выводок мантикор. Он водил их на битвы на железной цепи в тысячу звеньев длиной. Они прогрызали первые ряды нападавших игридотов с тем же искусным упорством, которое их высочество оставляет лишь для самых отборных лакомств.

— Записать это?

— До последней слюнявой гласной, — сказал волшебник, кивая и медленно передвигаясь. Его трость наконец ударила об пол. — Считают, что в однокамерном сердце мантикоры плавает другой орган, еще меньше. В центре этого меньшего органа есть крошечный золотой шарик — из самого чистого золота, которое только можно вообразить. Такого чистого, что оно съедобно. И, как мне говорили, если его съесть, то тебе миллион ночей будут сниться полеты в небе.

У меня был дядя, который выследил зверя, умертвил его, вынул золотой шарик и съел его. После этого разум к нему возвращался лишь пять раз в день. Руки его всегда были воздеты к небу, язык болтался, глазные яблоки дергались. Одна-

жды ночью, когда никто не видел, он ушел из дому и забрел в лес. До нас доходили сообщения об оборванном святом муже, но затем один посетитель принес дядины кольцо и часы и сказал, что нашли его голову. Как только мы поместили ее для безопасности под стеклянный колпак, я сотворил над ней свое первое чудо и заставил рассказать о последней встрече с мантикорой.

Уоткин помолчал, а затем сказал:

— После того как мы закончим, возьми прядь этих волос, мальчик. Когда придет время состариться, завяжи ее узлом и храни в жилетном кармане. Это отведет от тебя опасность… в некоторой степени.

— Они быстро бегают? — спросил я.

— Быстро? — переспросил он и остановился. Легкий бриз пробежал через окна и портики мастерской. Он повернулся и посмотрел в окно. Грозовые тучи, буйные заросли живой изгороди, влажный аромат роз и корицы. Мухи уже роились повсюду. — Очень быстро. Рисуй. Обрати внимание, — продолжил он, — ран на теле нет. Не охотники убили ее. Ее прикончила старость, а они нашли тело.

Он стоял, совсем притихший, заложив руки за спину. Интересно, подумал я, неужели ему

больше нечего сказать. Затем волшебник прокашлялся и заговорил снова:

— Есть точка, в которой сходятся гримаса и улыбка; они приобретают одинаковую форму и силу, и почти — почти! — одинаковый смысл. Только в этой точке, лишь там, ты можешь приблизиться к пониманию этого скорпионьего хвоста. Изящный, черный, ядовитый, острый, как игла, он разит подобно молнии, пронзает плоть и кость, распространяя вещество, которое обрывает любые воспоминания. Ужаленный хочет завопить, убежать, нацелить арбалет в ее пурпурное сердце… но, увы, забывает об этом.

— Я рисую, — проговорил я.

— Прекрасно, — отозвался он и провел свободной рукой по одной из гладких пластин скорпионьего хвоста. — Не забудь запечатлеть забвение. — Он посмеялся себе под нос. — Одно время яд мантикоры использовался как лекарство для некоторых случаев меланхолии. Очень часто в сердце печали таится воспоминание о прошлом. Зеленый яд, если его отмерить с умом и ввести длинной иглой в уголок глаза, в одну секунду парализует память и устраняет причину тоски. Я слышал, был однажды паренек, который не рассчитал дозу и забыл, что он может забы-

вать. Он помнил все, ничего не мог выкинуть из памяти. Его голова наполнялась и наполнялась с каждой секундой каждого дня и в конце концов просто взорвалась.

Яд, однако, не убивает. Он приводит жертву в оцепенение, она не в силах ничего вспомнить, и тут в дело вступают зубы. Есть немногие, кого зверь ужалил и не сожрал; все они описывают одну и ту же галлюцинацию: во мгновение ока они перемещались в старый летний дом. Четыре этажа комнат для гостей, закат, комары. Пока действует яд — около двух дней, — жертва живет в этом приюте… разумеется, только в своем воображении. С наступлением темноты начинает дуть прохладный ветерок, мотыльки бьются в оконную сетку, едва различим шум волн, и жертва приходит к выводу, что в доме больше никого нет. Наверное, умереть под действием яда значит навеки остаться одному в этом прекрасном доме у моря.

Не раздумывая, я сказал:

— Все в этом создании приводит к вечности — улыбка, чистейшее золото, жало.

— Запиши это. Что еще ты можешь сказать о нем?

— Я помню день, когда пришел служить вам.

Когда я ехал по длинной аллее среди тополей, моя повозка остановилась: на дороге лежало мертвое тело. Проезжая мимо, я выглянул в окно и увидел на земле кровавое месиво. Вы тоже были в толпе…

— Тебе не понять моей незримой связи с этими созданиями — это своего рода симбиоз. Я чувствую его в нижнем отделе спины. Магия становится булавочной головкой, исчезающей в будущем.

— Вы можете вернуть чудище к жизни?

— Нет, так магия не работает. У меня на уме другое.

Он подошел к верстаку, оставил там трость и взялся за топорик. Вернувшись к телу существа, он медленно приблизился к хвосту.

— Тем днем на дороге ты видел мою жену. Ее убила мантикора — эта самая мантикора.

— Простите. Мне казалось, вы тем сильнее должны желать смерти зверя.

— Не пытайся понять.

Он поднял топорик высоко над головой и одним стремительным ударом отрубил жало от хвоста.

— Под действием яда я пойду в тот летний дом и спасу ее от вечности.

— Я пойду с вами.

— Ты не можешь пойти. А вдруг ты заплутаешь в вечности со мной и моей женой? Подумай об этом. Нет, мне нужно, чтобы, пока я буду во власти яда, ты сделал для меня кое-что другое. Ты должен отнести голову мантикоры в лес и закопать ее там. Их головы превращаются в корни деревьев, а плодами становятся детеныши. Ты перенесешь последнее семя.

Пока я одевался в дорогу, он отрубил существу голову.

Я научился ездить верхом еще до того, как поступил в услужение к волшебнику, но ночной лес пугал меня. Перед моими глазами стояло жало, вонзенное в ладонь Уоткина. Он быстро впадал в забытье, давился, глаза его закатились. Я скакал с головой мантикоры в холщовом мешке, привязанном к седлу, и трясся от мысли, что, возможно, Уоткин ошибся, и существо без головы и хвоста, распростертое на столе в мастерской, было не последним. В качестве защиты он на всякий случай дал мне заклятие — пригоршню желтого порошка и несколько слов, которые я сразу же позабыл.

Несколько минут я скакал сквозь тьму, и вскоре терпеть уже не было мочи. Я соскочил с коня, вырыл ямку рядом с тропой и поставил в нее

факел. По земле разлился круг света. Я принес лопату и голову. Примерно через полчаса работы я начал различать неясное бормотание, исходящее откуда-то поблизости. Сначала я подумал, что кто-то шпионит за мной, сидя в темной чаще, а потом принял звуки за скрежет зубов в три ряда, и меня сковал ужас. Двумя минутами позже я понял, что голос доносится из мешка. Я посмотрел внутрь, и на меня устремилась улыбка. Глаза мантикоры расширились, разверзлась пропасть рта, сверкнув тремя рядами слоновой кости, и она заговорила на незнакомом языке.

Я вынул голову из мешка, поставил в центре светового круга, откинул ей волосы и прислушался к звукам прекраснопевучего языка. Позже, очнувшись от экстаза, вызванного потоком слов, я вспомнил про заклинание, которой дал мне Уоткин. Высыпал порошок в раскрытую ладонь, старательно прицелился и сдул его прямо мантикоре в лицо. Она закашлялась. Я позабыл слова, а потому говорил все, что, как мне казалось, звучало похоже на них. Затем она заговорила со мной, и я понял ее.

— Вечность, — сказала она и монотонно повторяла это слово с одной и той же интонацией снова, и снова, и снова…

Я схватился за лопату и опять стал копать. К тому времени, как яма сделалась достаточно глубокой, мои нервы уже начали сдавать, и я не мог с нужной быстротой засыпать ее землей. Когда я как следует закопал голову (ее бесконечное бормотание все еще доносилось, заглушенное слоем почвы), то притоптал рыхлую почву, выравнивая холмик. Затем нашел зеленый камень, до странного похожий на кулак, и отметил им место.

Уоткин так и не вернулся из приморского края. Действие яда закончилось, но тело осталось безжизненным. И тогда волшебником стал я сам. Казалось, всем безразлично, что я вовсе не разбираюсь в магии. «Придумывай что-нибудь, пока не начнет получаться, — посоветовал мне Король. — А затем делись знаниями». Я поблагодарил его за урок, но не упускал из памяти, что он наелся чистого золота и теперь (когда не парил во сне) редко находился в здравом уме. Года шли, и я изо всех сил старался постичь средства, зелья и явления, которые Уоткин потрудился записать. Наверное, во всем этом была какая-то магия, но распознать ее было не так-то просто.

Мне удалось воочию увидеть, что случилось с Уоткином. Для этого мне пригодилось волшебное зеркало, которое я нашел в его комнате и

подчинил своей власти. Это вытянутое ввысь зеркало стояло у задней стенки его письменного стола. Просто приказав ему, я мог увидеть любое, абсолютно любое место в мире. Я выбрал тихий уголок у моря, и предо мной предстали чисто выметенные дорожки, цветущая глициния, серый растрескавшийся забор. Спускалась тьма. На огороженном ширмой крыльце в плетеном кресле-качалке сидела, прислушиваясь к скрипу половиц, златовласая женщина. Прохладный вечерний бриз холодил обожженную солнцем кожу. Дню, казалось, не будет конца. Когда наступила ночь, женщина заснула, укачав себя в кресле, точно ребенка. Я приказал зеркалу явить мне ее сон.

Ей снилось, что она на пляже. Прибой мягко катил по песку свои волны. И была там мантикора — ее багрянец ослеплял даже под лучами ясного синего дня. Она рыбачила на побережье, и к ее сети были привязаны грузила. Женщина с золотыми волосами бесстрашно приблизилась к ней. Мантикора любезно спросила — улыбка набегала на улыбку, — не желает ли женщина помочь ей вместе вытащить сеть. Та кивнула, и они стали ждать. И вот невод дернулся. Женщина с золотыми волосами и мантикора потянули

изо всех сил. Наконец они вытащили Уоткина на берег. Он весь запутался в сетях, и в волосы ему вплелись морские водоросли. Женщина с золотыми волосами подбежала к нему и помогла выбраться. Они обнялись и поцеловались.

И теперь я держу ухо востро: жду вестей о странных животных из самого сердца леса. Если исчезает лошадь или всадник, нет мне покоя, пока я не узнаю, что случилось. Я стараюсь ежедневно говорить с охотниками. Сообщения о существе довольно смутны, но их все больше, и я теперь начинаю ощущать с ним какую-то незримую связь, словно его глухой негромкий голос заперт в камере моего сердца и безжалостно шепчет слово «вечность».

Джеффри Форд — автор таких романов, как «Физиогномика», «Меморанда», «Запределье», «Портрет миссис Шарбук», «Девочка в стекле» и «Год призраков». Его рассказы публиковались в трех сборниках: «Секретарь писателя», «Империя мороженого» и «Утопленная жизнь». Он является лауреатом Всемирной премии фэнтези, премии «Небьюла», премии Эдгара Аллана По и премии *Grand Prix de I'lmaginaire.* Живет с женой и двумя

сыновьями в Нью-Джерси, преподает литературу и писательское мастерство в муниципальном колледже Брукдейла.

Форд сказал, что сделал мантикору ключевой фигурой своего рассказа отчасти из-за того, что начитался древних и современных бестиариев, а также благодаря картинам прерафаэлитов, где те изображали фантастических существ: гарпий, единорогов, русалок и Сфинкса. В добавление к этому, его собрат по перу и учитель, Уильям Джон Уоткинс, тоже в своем роде настоящий волшебник, только-только вышел тогда на пенсию. Уоткинс столь многому научил Форда в деле писательства и учительства, этих двух странных химер, что тоже получил особое место в рассказе.

Кошачья шкурка
Келли Линк

Кошки день-деньской сновали из дома ведьмы и обратно. Все окна были нараспашку, да и двери тоже, а были еще и другие дверцы, маленькие, как раз для кошек, и тайные: в стенах, на чердаке. Кошки были большие, холеные, молчаливые. Никто не знал их имен — мало того, никто не знал, есть ли у них вообще имена, — кроме самой ведьмы.

Некоторые были кремового цвета, другие полосатыми. Иные — черными, точно жуки. Они помогали ведьме в делах. Порой кошка входила в спальню ведьмы с чем-то живым в зубах, а возвращалась с пустой пастью.

Кошки бегали рысью, крались, прыгали, припадали к земле. Они были заняты. Их движения были изящны и точны, как ход часов. Их хвосты подергивались, словно мохнатые маятники. На ведьминых детей они не обращали ровным счетом никакого внимания.

В то время у ведьмы было трое детей, хотя случалось, что число ее отпрысков доходило до

нескольких дюжин, а может, бывало и того больше. Никто не стал бы утруждать себя подсчетами, и уж точно не сама ведьма. Но было время, когда дом весь разбух от детей и кошек.

А так как ни одна ведьма не может обзавестись ребенком так, как делают обычные люди, — ее чрево заполнено соломой, кирпичами или камнями, — когда она рождает, то не детей, а кроликов, котят, головастиков, дома, шелковые платья… Но и у ведьм должны быть наследники, даже ведьмы хотят быть матерями — и наша ведьма приобретала себе детей другими способами: крала их или покупала.

Больше всего ей нравились рыжие дети, с совершенно определенным оттенком рыжины, а вот близнецов она терпеть не могла (неподходящий вид магии!), правда, порой она пыталась собрать коллекцию детей, будто ей нужен был набор для шахмат, а не семья. Если бы вы сказали «ведьмины шахматы» вместо «ведьмины дети», то в определенном смысле были бы даже правы. Хотя, может, так можно сказать про любую семью.

Одну малышку она отрастила себе на бедре, точно кисту. Других делала из того, что росло в ее саду, а также из разного мусора, который приносили кошки: из фольги с застывшими подтеками

куриного жира, сломанных телевизоров, картонных коробок, оставленных на помойке соседями. Она была очень домовитой, эта ведьма.

Некоторые из детей сбежали от нее, другие перемерли. Случалось, что она клала детей куда-нибудь и не могла потом найти, а порой и просто забывала в автобусе. Надеемся, что позже они смогли воссоединиться со своими настоящими родителями — или попали в хорошие приемные семьи. Если ты ждешь, что этот рассказ закончится хорошо, то дальше не читай. Лучше подумай об этих детях, этих родителях и о том, как они снова встретились.

Читаешь дальше? Ведьма умирала в своей спальне наверху. Ее отравил враг, колдун по имени Нужда. Ребенок Финн, который пробовал блюда перед подачей на стол, был уже мертв — как и кошки, что вылизали дочиста ее тарелку. Ведьма знала, кто ее убил, и отщипывала от умирания небольшие кусочки времени, то там, то сям, чтобы успеть отомстить. Как только вопрос мести уладился к ее удовлетворению и образ возмездия скрутился в ее мозгу подобно темному мотку пряжи, она принялась делить имущество между тремя оставшимися детьми.

Пятнышки рвоты прилипли к уголкам ее губ;

у кровати стоял таз, до краев залитый черной жидкостью. В комнате пахло кошачьей мочой и мокрыми спичками. Ведьма тяжело дышала, словно рожая собственную смерть.

— Флоре достанется моя машина, — сказала она. — И еще мой кошелек, который никогда не опустеет, если на дне его останется хоть одна-единственная монетка, о моя дорогая, моя транжира, моя капелька яда, моя прелестная, прелестная Флора. А когда я буду мертва, выйди на дорогу и иди на запад. Вот мой последний совет.

Флора, старшая из живых детей ведьмы, была рыжеволосой и стильной. Она уже давно ждала, когда колдунья умрет, и ждала терпеливо. Она поцеловала ведьму в щеку и сказала: «Спасибо, мама».

Ведьма, задыхаясь, подняла на нее взгляд. Будущее Флоры предстало перед ней ясно, как географическая карта. Возможно, так случается со всеми матерями.

— Джек, любовь моя, мое ласточкино гнездо, мой укус, моя размазанная по тарелке каша. Ты получишь мои книги. Там, куда я ухожу, они не пригодятся. А когда ты покинешь мой дом, отправляйся на восток, и ты никогда не будешь несчастнее, чем сейчас.

Джек раньше был пучком перьев, прутьев и пригоршней яичной скорлупы, которые перевязали потрепанной бечевкой. Теперь он вырос в здоровяка и был почти совсем взрослым. Если он и умел читать, то об этом знали только кошки. Но он кивнул и поцеловал мать в сизые губы.

— А что же я оставлю моему мальчику Крохе? — промолвила ведьма, сотрясаясь от судорог.

Ее снова вырвало в таз. Прибежали кошки, прильнули к бортику, чтобы произвести осмотр рвотных масс. Ногти ведьмы вонзились в ногу Крохи.

— Как же тяжело, тяжело… как же невыносимо тяжело матери покидать детей (хотя делала я вещи и потруднее). Детям нужна мать — хотя бы и такая, какой была я. — Она вытерла глаза, хотя общеизвестно, что ведьмы не умеют плакать.

Кроха, младший из детей, все еще спал с ней в одной кровати (может, он был и не настолько мал, как вы сейчас думаете). Он сел на постель и не заплакал только потому, что детям ведьмы не от кого этому научиться. Сердце же его разрывалось на части.

Кроха умел жонглировать и петь; каждое утро он расчесывал ведьмины длинные шелковистые волосы и заплетал их в косы. Разумеется, каждая

женщина наверняка мечтает о таком мальчике, как Кроха: кудрявом, с таким приятным дыханием и нежным сердечком, который чудесно готовит омлет, а также наделен прекрасным голосом и ловко управляется с щеткой для волос.

— Мама, — сказал он. — Раз тебе надо умереть, то делать нечего. Если я не могу пойти с тобой, то я очень постараюсь жить так, чтобы ты мной гордилась. Дай мне на память свою щетку, и я пойду сам пробивать себе дорогу.

— Хорошо, значит, ты получишь мою щетку, — ответила ведьма Крохе, глядя прямо на него, и все пыхтела, пыхтела. — Я люблю тебя больше всех. Ты получишь мое огниво и мои спички, а еще мое отмщение, и я буду тобой гордиться — или я не знаю собственных детей.

— А что нам делать с твоим домом, мама? — спросил Джек так, словно ему не было до этого никакого дела.

— Когда я умру, — сказала ведьма, — этот дом станет бесполезным. Я родила его много-много лет назад и вырастила из кукольного домика. О, это был самый милый, самый славный кукольный домик в мире! В нем было восемь комнат и жестяная крыша, а лестница не вела вообще никуда. Но я нянчила его, укачивала в люльке,

и вот он вырос и стал настоящим домом. Поглядите-ка, как хорошо он заботился обо мне, своей родительнице, как выполнял долг перед матерью. И, может быть, вам заметно, как он тоскует сейчас, как ему больно видеть, что я умираю вот так. Оставьте его кошкам. Они знают, что с ним сделать.

Все это время кошки бегали в комнату и из комнаты, что-то принося, что-то забирая. Казалось, они никогда не замедляют бега, никогда не отдыхают, не дремлют, что им некогда спать, некогда умирать, даже оплакать умершего — и то некогда. Они приобрели какой-то собственнический вид, словно дом уже принадлежал им.

* * *

Ведьму тошнит грязью, мехом, стеклянными пуговицами, оловянными солдатиками, совками, шпильками, кнопками, любовными письмами (непрочитанными потому, что на них наклеили неправильные марки — или слишком мало марок) и целой армией рыжих муравьев — в несколько полков, и каждый муравей — размером с фасолину. Муравьи переплывают полный опасности и зловония таз, взбираются по бортам

и принимаются маршировать по полу, напоминая блестящую ленту. В жвалах они переносят кусочки Времени. Даже такие крохотные комки Времени весят очень много, но у муравьев сильные челюсти и сильные ноги. Вот они идут по полу, вот взбираются по стенам, вот выползают в окно. Кошки наблюдают за ними, но не вмешиваются. Ведьма хватает воздух ртом, кашляет, а потом замирает. Лишь раз ее руки ударяют о постель, а потом застывают и они. А дети все ждут: вдруг она еще не умерла? Вдруг ей еще есть, что сказать?

В доме у ведьмы мертвецы иногда довольно разговорчивы.

Но на этот раз ведьме больше нечего сказать.

Дом стонет, и кошки принимаются жалобно мяукать, снуя в комнату и из комнаты, будто потеряли что-то и должны пойти поискать — они так и не найдут свою пропажу. А дети наконец обнаруживают, что знают, как плакать. А ведьма остается совершенно спокойной и недвижимой. На ее лице застыла тень улыбки, словно все случилось в точности так, как она и хотела. А может, она просто с нетерпением ждет следующей главы этой истории.

Дети похоронили ведьму в одном из ее кукольных домов-недоростков. Они втиснули ее в гостиную на нижнем этаже и сломали внутренние перегородки, так что ее голова покоилась на кухонном столе в уголке жилой комнаты, а ноги лежали в спальне. Кроха причесал ее, но так как ему было неведомо, что ей следует носить после смерти, то он надел на ведьму все ее наряды, один на другой, так что едва различал ее белые руки и ноги под грудой нижних юбок, жакетов и платьев. Но это было не важно: как только они снова заколотили двери дома, на виду оставалось только ее пламенеющее темя в кухонном окне, да стоптанные каблуки танцевальных туфель колотились о запертые ставни в спальне.

Мастеровитый Джек приладил к дому колеса и надел на него сбрую — теперь дом можно было тянуть за собой. Они нацепили упряжь на Кроху, и Кроха тянул, а Флора толкала, а Джек говорил с домом, улещивая его и уговаривая проехать по дороге, через холм, вниз к кладбищу. Кошки бежали рядом.

Кошки выглядят немного потрепанно, словно начали линять. Их рты кажутся чрезвычайно пустыми. Муравьи ушли маршем прочь, через леса и в город, и построили в твоем дворе мура-

вейник, слепили его из кусочков Времени. Если ты поднесешь к их жилищу увеличительное стекло, чтобы посмотреть, как они танцуют и горят, Время сгорит вместе с ними, и ты об этом пожалеешь.

За кладбищенской оградой кошки рыли ведьме могилу. Дети по склону столкнули туда домик кухонным окном вперед. Но потом они увидели, что яма недостаточно глубока: дом завалился на бок и торчит из нее. Похоже, ему так неудобно. Кроха принялся плакать (с тех пор, как научился, он, похоже, был готов практиковаться целыми днями). Он думал о том, как, должно быть, ужасно провести вечность вверх тормашками, даже не закопанным как следует, даже не чувствуя капель, молотящих по кровле; а вода просочится в дом, зальет тебе рот и утопит тебя, и тебе придется умирать заново всякий раз, как начнется дождь.

Труба кукольного домика отломилась и упала на землю. Одна из кошек подхватила ее и забрала в качестве сувенира. Эта кошка унесла трубу в лес и съела ее, кусок за куском, и перенеслась из этой истории в другую. Нас это совершенно не касается.

Другие кошки принялись носить во рту комья земли, а потом выплевывали их и, орудуя лапка-

ми, возводили вокруг дома курган. Дети помогали им, и когда работа была закончена, им удалось правильно похоронить ведьму: над холмиком виднелось только окно спальни: маленькое стеклышко, похожее на глаз.

По пути домой Флора начала заигрывать с Джеком. Может, ей понравилось, как он выглядит в трауре. Они обсудили, кем собираются стать, — теперь они были совсем взрослыми. Флоре хотелось найти родителей. Она была хорошенькой: наверняка кто-нибудь да захочет за ней приглядывать. Джек сказал, что женится на какой-нибудь богачке. Они углубились в свои планы.

Кроха шел немного позади, и скользкие кошки вились у его ног. В кармане у него лежала щетка ведьмы, и он, пытаясь утешиться, гладил резьбу на ее роговой рукояти.

Когда они подошли к дому, он выглядел устрашающе: потрясенный горем, он словно пытался вырваться из самого себя. Флора и Джек отказались возвращаться внутрь. Они ласково сжали Крохе бока и спросили, не захочет ли он пойти с ними. Он бы захотел, но кто тогда станет приглядывать за кошками ведьмы, за отмщением ведьмы? Поэтому он помахал им, когда они

вместе отправились на север. Ну какой ребенок прислушается к материнским советам?

Джек даже не потрудился взять с собой ведьмину библиотеку; сказал, что в грузовике для нее не хватит места. Вместо этого он лучше будет полагаться на Флору и ее волшебный кошелек.

Кроха сидел в саду и ел травинки, когда чувствовал голод. Он притворялся, что трава — это хлеб, молоко и шоколадный пирог. Он пил из садового шланга. Когда темнело, он становился одиноким, таким одиноким, как никогда в жизни. Ведьмины кошки были не лучшей компанией: он ничего не говорил им, а им нечего было рассказать ему — ни о доме, ни о будущем, ни об отмщении, ни о том, где же ему следует спать. Он никогда не спал нигде, кроме ведьминой кровати, поэтому в конце концов он пошел через холм к кладбищу.

Некоторые кошки все еще сновали у могилы, засыпая основание кургана листвой, травой и перьями, а также собственным линялым мехом. Получилось мягкое гнездышко, куда можно было прилечь. Когда Кроха заснул, кошки все еще продолжали свою возню — кошки вечно чем-то заняты, — а он прислонился щекой к прохлад-

ному окну спальни, обхватил в кармане рукоять расчески… но, проснувшись среди ночи, обнаружил, что лежит, с ног до головы укутанный в теплые, пропахшие травой кошачьи тела.

Хвост веревкой оплелся вокруг его подбородка; тушки вокруг него дышали в такт, посвистывая, подрагивали лапки и усики, вздымались и опадали шелковистые брюшки. Все кошки спали яростным, деятельным и утомленным сном. Все, за исключением одной белой, которая уселась у него в изголовье и глядела на него. Кроха никогда не видел этой кошки, но все же она была ему знакома. Так вы знаете людей, что являются вам во сне: она была белой с ног до головы, за исключением рыжеватых кисточек на ушах и очесов на хвосте и лапках, будто кто-то вышил пламенеющий узор у нее по краям.

— Как тебя зовут? — сказал Кроха. Он раньше никогда не общался с ведьминими кошками.

Кошка поднимает ногу и облизывает свои потайные места. Затем смотрит на него:

— Ты можешь называть меня мамой.

Но Кроха качает головой. Он не может называть так кошку. Внизу, под одеялом из кошек, под оконной рамой, высокий каблучок туфли пьет из лунного света.

— Ну ладно, тогда ты можешь называть меня Ведьминым Отмщением, — говорит кошка. Ее рот неподвижен, но он слышит слова у себя в голове. Голос у нее пушистый и резкий, словно одеяло, сплетенное из иголок. — И ты можешь причесать мне шерстку.

Кроха садится, перекладывая спящих кошек, и достает из кармана щетку. Ее щетина оставила зашифрованную надпись из вмятинок на ладони. Если бы он смог прочесть это послание, то в нем бы говорилось: «Причеши мне шерстку».

Кроха проводит щеткой по шерсти Ведьминого Отмщения. Между шерстинок застряли комки кладбищенской грязи, а еще несколько муравьев, которые падают на землю и несутся прочь. Ведьмино Отмщение пригибает голову к земле, щелкает зубами, и муравьи оказываются в ее пасти. Груда кошек вокруг них начинает потягиваться и зевать. Пора приниматься за работу.

— Ты должен спалить ее дом, — говорит Ведьмино Отмщение. — Это первое, что нужно сделать.

Щетка Крохи натыкается на колтун, и Ведьмино Отмщение, повернувшись, прикусывает ему запястье. А затем облизывает ему нежное место между большим и указательным пальцами.

— Достаточно, — говорит она. — Пора прини-

маться за работу.

И вот они все вместе возвращаются к дому; Кроха спотыкается во тьме и уходит все дальше и дальше от материнской могилы, а кошки торопятся следом за ним. Их глаза факелами пылают в ночи, а в пастях они несут ветки и прутики, будто собираясь построить гнездо, или лодку, или забор, чтобы отгородиться от всего мира. А дом оказывается полон огней, и других кошек, и сложенных в поленницы дров. Дом шумит, подобно трубе, в которую дуют. Кроха понимает, что все кошки, забегая в дом и выбегая из него в поисках растопки, непрестанно мяукают. Ведьмино Отмщение говорит:

— Сначала нам надо запереть все двери.

И Кроха защелкивает все дверные и оконные замки на первом этаже, оставив раскрытой лишь кухонную дверь, а Ведьмино Отмщение закрывает на щеколды все потайные дверцы, кошачьи лазы, двери на чердаке, и на крыше, и в подвале. Теперь весь шум остался внутри, а Кроха с Ведьминым Отмщением — снаружи.

Все кошки прошмыгнули в дом через кухонную дверь. В саду не осталось ни одной. Кроха сквозь окно видит, как они аккуратно перекладывают свои горстки прутьев. Ведьмино Отмщение сидит

рядом и наблюдает.

— А теперь зажги спичку и кинь внутрь, — говорит она.

Кроха зажигает спичку. Кидает ее внутрь. Какой мальчишка не любит разводить костер?

— А теперь запри кухонную дверь, — говорит Ведьмино Отмщение, но Кроха не может. Внутри же кошки. Ведьмино Отмщение встает на задние лапы и толкает дверь; она защелкивается. Внутри от зажженной спички что-то вспыхивает. Пламя пробегает по полу, взбирается по стенам кухни. Кошки тоже загораются и уносятся кто куда в разные комнаты. Кроха смотрит на все это через окна. Он стоит, прижавшись лицом к стеклу, сначала холодному, потом теплому, потом горячему. Горящие кошки с горящими прутиками в пасти толпятся у кухонной двери, у других дверей, но все они заперты. Кроха с Ведьминым Отмщением стоят в саду и смотрят, как сгорает дом ведьмы, и книги ведьмы, и диваны ведьмы, и кастрюли ведьмы, и кошки ведьмы, да, ее кошки тоже, все они сгорают.

Никогда не сжигай дома. Никогда не сжигай кошек. Никогда не стой сложа руки, глядя на горящий дом. Никогда не слушай кошек, которые говорят тебе поступать так. Слушай маму. Когда

она говорит тебе оторваться от наблюдений и идти в постельку, идти спать. Всегда слушай мамину месть.

Никогда не трави ведьм.

Утром Кроха проснулся в саду. Сажа накрыла его маслянистым одеялом. Ведьмино Отмщение спала, свернувшись клубочком у него на груди. Дом ведьмы все еще стоял, но окна расплавились и стекли вниз по его стенам.

Ведьмино Отмщение проснулась, потянулась и начисто вылизала Кроху своим шагреневым язычком. Она потребовала, чтобы ее причесали. Потом она пошла в дом и вышла с небольшим свертком в зубах. Он бесформенно свисал у нее изо рта, точно котенок.

Кроха видит: это кошачья шкурка, только кошки внутри уже нет. Ведьмино Отмщение бросает ее Крохе на колени.

Он поднял ее, и из легкой просторной шкурки выпало что-то блестящее. То была золотая монетка: мокрая, грязная, скользкая от жира. Ведьмино Отмщение все носила и носила шкурки, десятки их, и в каждой был золотой кругляшок. Пока Кроха пересчитывал свои богатства, Ведьмино

Отмщение откусила себе один коготь и вытащила из щетки длинный волос ведьмы. Она по-портняжьи села в траву, скрестив задние лапы, и принялась сшивать мешок из всего этого обилия шкурок.

Кроха задрожал. На завтрак не было ничего, кроме травы, а вся трава почернела и пожухла.

— Ты замерз? — спросила Ведьмино Отмщение. Она отложила мешок в сторону и взяла другую шкурку, тонкую и черную. Провела по центру острым когтем. — Мы смастерим тебе теплый костюм.

В дело пошли и черная шкурка, и черепаховая, а из черно-белой, в полоску, она сделала окантовку вокруг лап.

За работой она спросила Кроху:

— Знаешь ли ты, что однажды здесь, на этом самом клочке земли, произошло сражение?

Кроха отрицательно тряхнул головой.

— Повсюду, где растут сады, — продолжала Ведьмино Отмщение, царапая землю лапкой. — Под ними где-то похоронены люди, точно тебе говорю. Вот, посмотри.

Она сковырнула маленький комок земли, положила себе в пасть и вычистила языком.

Когда она выплюнула кружок, Кроха увидел,

что это полковая пуговица из слоновой кости. Ведьмино Отмщение выкопала еще несколько пуговиц из земли — будто они росли там сами по себе — и пришила их на кошачью шкурку. Она приладила капюшон с прорезями для глаз и отменный набор вибрисс, а еще пришила сзади четыре прекрасных кошачьих хвоста, словно тот, что уже имелся там, был для Крохи недостаточно хорош. На кончике каждого она разместила по колокольчику.

— Надень-ка, — сказала она Крохе.

Кроха примеряет костюм, и колокольчики звенят. Ведьмино Отмщение смеется.

— Из тебя вышел такой красивый кот. Любая мать бы гордилась.

Внутри кошачья шкурка мягкая и немножко липнет к коже. Кроха надевает капюшон, и мир вокруг исчезает. Через глазные отверстия он может разглядеть только отдельные яркие уголки: траву, золото, кошку, сидящую по-турецки (она продолжает шить свой мешок из шкур). Воздух просачивается внутрь мимо широких стежков — там, где шкурка провисает и топорщится вокруг выступающих пуговиц. Кроха словно связку угрей держит хвосты в неуклюжей беспалой лапе и помахивает ими, чтобы послушать звон коло-

кольчиков. Этот звон, и копченый запах гари в воздухе, и липкая теплота костюма, и прикосновение его нового меха к траве… он засыпает, и ему снится, что приходят сотни муравьев, поднимают его и переносят на кровать.

Когда Кроха снова откинул капюшон, то увидел, что Ведьмино Отмщение уже управилась с иголкой и ниткой. Кроха помог ей наполнить мешок золотом. Ведьмино Отмщение встала на задние лапы, взяла сумку и закинула ее себе за плечи. Золотые монеты с мяуканьем и шипением покатились, натыкаясь одна на другую. Сумка волочилась по траве, собирая весь пепел и оставляя за собой зеленую дорожку. Ведьмино Отмщение выхаживала важно, словно в мешке не было ничего, кроме воздуха.

Кроха опять надвинул капюшон на глаза и опустился на четвереньки. Он рысью побежал за Ведьминым Отмщением. Оставив калитку открытой нараспашку, они ушли в лес — в сторону дома, где жил колдун Нужда.

Лес теперь стал меньше, чем был. Кроха растет, а вот лес съеживается. Деревья вырубают. Строят дома. Раскатывают рулоны газона, прокладывают дороги. Ведьмино Отмщение с Крохой

шли вдоль одной из таких дорог. Мимо проехал школьный автобус: дети выглядывали из окон и смеялись, видя, как идет Ведьмино Отмщение, а за ней семенит Кроха в своем кошачьем костюме. Кроха поднял голову, всматриваясь в школьный автобус сквозь дырки глазниц.

— Кто живет в этих домах? — спросил он Ведьмино Отмщение.

— Это неправильный вопрос, Кроха, — ответила она, посмотрев на него сверху вниз и не останавливаясь.

«Мяу, — сказали монеты. — Звяк».

— А какой тогда правильный? — спросил Кроха.

— Спроси меня, кто живет под этими домами, — сказала Ведьмино Отмщение.

Кроха послушно спросил:

— Кто живет под этими домами?

— Какой прекрасный вопрос! Понимаешь, не все умеют рожать себе дома. Большинство людей вместо этого рожают себе детей. А когда у тебя есть дети, тебе нужен дом, в который можно их положить. Так вот, о детях и домах: большинство людей рожают первых и строят вторые, то есть дома. Давным-давно, когда мужчины и женщины собирались строить дом, они сначала рыли яму.

И там, в этой норе, они делали каморку — маленький деревянный домик в одну комнату. А потом они крали или покупали ребенка, чтобы поселить его в эту дыру под домом, чтобы он там жил. А потом строили себе дом над этим маленьким домишкой.

— А в крышке этого дома они делали дверь?

— Они не делали дверь.

— Но тогда как мальчик или девочка выбирались наружу?

— Мальчик или девочка оставались в этом маленьком доме. Они жили там всю жизнь и до сих пор живут в этих домах под другими, в которых живут люди. И люди, что живут в домах наверху, могут приходить и уходить, когда захотят, и они не задумываются о том, как же существуют маленькие домики с маленькими детьми, которые сидят в маленьких комнатках у них под ногами.

— Ну а как же их родители? Неужели они никогда не разыскивали своих мальчиков и девочек?

— Ах, — сказала Ведьмино Отмщение. — Иногда да, иногда нет. Да и то сказать: а под их домами кто жил? Но это было давным-давно. Теперь люди чаще всего закапывают под своим домом кошек вместо детей. Вот почему мы называем кошек домашними животными. И вот почему нам нужно

ходить здесь с предельной осторожностью. Как ты мог заметить, кое-какие дома еще строятся.

Так и есть. Они проходят мимо полян, где люди копают маленькие ямки. Сначала Кроха откидывает капюшон и идет на двух ногах, а затем надевает его снова и идет на четвереньках: он пытается стать маленьким-маленьким и плавным-плавным, совсем как кошка. Но бубенцы звенят у него на хвостах, а монеты — в мешке, который несет Ведьмино Отмщение, звенят и мяукают, и люди прекращают работу, глядя им вслед.

А сколько всего на свете ведьм? Ты когда-нибудь видел ведьму? Узнал бы ведьму, если бы увидел? А что бы ты сделал, если бы встретился с ведьмой? И если уж на то пошло, узнаешь ли ты кошку, если встретишься с ней? Точно-точно?

Кроха следовал за Ведьминым Отмщением. Кожа на коленях и подушечках пальцев у него огрубела. Ему бы хотелось порой потаскать на спине мешок, но он был слишком тяжелым. Насколько тяжелым? Ты бы тоже не смог его носить.

Они пили из ручьев. По ночам они раскрывали мешок из кошачьих шкурок и забирались внутрь, чтобы поспать, а когда чувствовали голод, обли-

зывали монеты, которые, казалось, постоянно сочились золотым жиром. Они все шли, и Ведьмино Отмщение напевала песенку:

У меня не было мамы,
И у моей мамы не было мамы,
И у ее мамы не было мамы,
И у ее мамы не было мамы,
И у ее мамы не было мамы,
И у тебя нет мамы,
Чтобы спеть
Эту песню.

И монеты в мешке тоже напевали, мяу-мяу, и бубенцы на хвостах Крохи звенели в такт.

Каждый вечер Кроха вычесывает шерсть Ведьминого Отмщения. И каждое утро Ведьмино Отмщение вылизывает его с головы до ног, не забывая о местах за ушами и под коленками. А потом он надевает кошачий костюм, и она чистит его заново.

Иногда они были в лесу, иногда лес превращался в город, и тогда Ведьмино Отмщение рассказывала Крохе о людях, которые жили в домах, и о детях, которые жили под этими до-

мами. Однажды в лесу она показала ему то, что когда-то было домом. Теперь от него остались лишь выстланные мхом камни фундамента да остов печной трубы, который удерживали в стоячем положении толстенные канаты и кольца плюща.

Ведьмино Отмщение постучала по травянистой земле, передвигаясь по часовой стрелке вокруг фундамента, и вот, наконец, они с Крохой услышали гул; Ведьмино Отмщение бросилась на четвереньки и принялась рыть почву когтями, терзая ее лапами и выгрызая куски, пока они не увидели маленькую деревянную крышу. Ведьмино Отмщение постучала по ней, а Кроха хлестал себя по бокам хвостами.

— Ну что, Кроха, — сказала Ведьмино Отмщение. — Снимем крышку и выпустим бедного ребенка?

Кроха близко подполз к отверстию, которое она проделала; он приложил к нему ухо и прислушался, но ничего не услышал.

— Там никого нет, — сказал он.

— Может, они просто стесняются, — сказала Ведьмино Отмщение. — Так что же, выпустим их или оставим в покое?

— Выпустим! — сказал Кроха, но имел в ви-

ду «Оставим в покое!» — а может, он сказал «Оставим в покое!», а имел в виду как раз противоположное. Ведьмино Отмщение посмотрела на него, и ему показалось, что теперь он слышит — прямо под тем местом, где он приник к земле и застыл — очень тихо… кто-то скребся в грязную провалившуюся крышу.

Кроха отскочил в сторону. Ведьмино Отмщение подобрала булыжник и с силой бросила вниз, продавливая крышу внутрь. Когда они заглянули внутрь, там не было ничего, лишь чернота и едва различимый запах. Они присели на землю и подождали, что же вылезет наружу. Ничего. Немного погодя Ведьмино Отмщение подхватила свой мешок из кошачьих шкурок, и они снова отправились в путь.

Несколько следующих ночей Крохе все снилось, что кто-то — что-то — идет за ними следом. Это что-то было маленьким, худым, блеклым, холодным, грязным и испуганным. А потом оно снова уползло куда-то, Кроха так и не узнал куда. Но если ты придешь в ту часть леса, где они сидели и ждали на каменном фундаменте, то, возможно, встретишь существо, которое они выпустили на волю.

Никто не знал, почему поссорились мама Кро-

хи и колдун Нужда, хотя ведьма, мама Крохи, и поплатилась за это жизнью. Колдун Нужда был привлекательным мужчиной и очень любил детей. Он крал их из колыбелей и кроватей дворцов, усадеб и гаремов. Он наряжал своих детей в шелка, как того требовало их положение, и они носили золотые короны и ели с золотых тарелок. Они пили из золотых чаш. Говорили, что дети Нужды не нуждаются ни в чем.

Может, Нужда позволил себе какое-то замечание насчет того, как ведьма, мама Крохи, воспитывает детей; может, ведьма, мама Крохи, похвасталась рыжими волосами своих отпрысков. А возможно, дело вообще было в чем-то совершенно ином. Ведьмы и колдуны — народ гордый и вздорный.

Когда Кроха с Ведьминым Отмщением подошли наконец к дому колдуна Нужды, она обратилась к Крохе:

— Посмотри, что за уродство! Мое дерьмо порой и то выглядело лучше, и все же я закапывала его в листья. А запах! Сточная канава. Как только соседи выносят эту вонь!

У колдунов нет чрева, а поэтому им приходится обзаводиться домами другим путем; также они могут покупать их у ведьм. Но Кроха подумал,

что это очень красивый дом. Когда он присел на корточки на подъездной дороге бок о бок с Ведьминым Отмщением, то увидел: из каждого окна на него глазели принцы и принцессы. Он ничего не говорил, но скучал по братьям и сестрам.

— Поторапливайся, — сказала Ведьмино Отмщение. — Мы отойдем в сторонку и подождем, пока Нужда не вернется домой.

Кроха пошел за Ведьминым Отмщением обратно в лес, и вскоре двое из детей Нужды выбежали из дома с корзинками из чистого золота. Они тоже направились в лес и принялись собирать ежевику.

Ведьмино Отмщение и Кроха сидели в зарослях вереска и наблюдали за ними.

* * *

В кустах гулял ветер. Кроха думал о своих братьях и сестрах. Он думал о вкусе ежевики, о том, какое ощущение она оставляет во рту — совсем непохожее на то, что остается от жира.

Ведьмино Отмщение уютно пристроилась у его поясницы; она слизывала ему комок свалявшейся шерсти у основания спины. Принцессы пели.

Кроха решил, что поселится в зарослях вместе

с Ведьминым Отмщением. Они будут питаться ежевикой и шпионить за детьми, которые придут ее собирать, и Ведьмино Отмщение поменяет имя. Помимо сладостного вкуса ежевики он нащупал во рту слово „мама“.

— Теперь ты должен выйти к ним, — сказала Ведьмино Отмщение. — И быть игривым, словно котенок. Будь шаловлив. Гоняйся за своим хвостом. Смущайся, но не слишком уж сильно. И много не болтай. Позволь им себя погладить. Не кусайся.

Она толкнула его под зад, и Кроха, вывалившись из кустов, распростерся у ног дочек колдуна Нужды.

Принцесса Джорджия сказала:

— Посмотри, какой милый маленький котик!

Ее сестрица Маргарет сказала с сомнением:

— Но у него пять хвостов. Я никогда не видела кошку, которой нужно было бы столько хвостов. И шкура у него застегнута на пуговицы. И размерами он почти с тебя!

Но Кроха тем временем начал скакать и бегать. Он вертел хвостами туда-сюда, да так, что раззвенелись колокольцы, а потом притворился, что испугался звуков. Две принцессы поставили на землю корзины, до половины наполненные

ежевикой, и заговорили с Крохой, называя его глупой киской.

Поначалу он не хотел подходить к ним. Но потом притворился, что они его покорили. Позволил погладить себя и покормить ежевикой. Гонялся за лентой для волос и растянулся на земле, чтобы они могли повосхищаться пуговками на его животе. Пальцы принцессы Маргарет потянули шкурку; затем она просунула руку между свободно висящим костюмом кошки и кожей мальчика Крохи. Он шлепнул ее лапой по ладони, и сестра принцессы Маргарет, Джорджия, со знанием дела заметила, что кошкам не нравится, когда их гладят по животу.

Они уже крепко подружились к тому времени, когда Ведьмино Отмщение вышла из кустов на задних лапах и запела:

У меня нет детей,
И у моих детей нет детей,
И у детей моих детей
Нет детей
И у их детей
Нет ни усов,
Ни хвостов.

При виде ее принцессы Маргарет и Джорджия рассмеялись и стали показывать на нее пальцем. Они никогда не слышали, как поет кошка, и не видели кошек на задних лапах. Кроха яростно ощерился, хлеща себя по бокам пятью хвостами, и шерсть на его шкурке встала дыбом. Над этим они тоже посмеялись.

Когда они возвращались из леса с корзинками, полными ежевики, Кроха шел за ними следом, а Ведьмино Отмщение следовала чуть поодаль. Мешок с золотом она оставила в зарослях.

Когда колдун Нужда пришел домой тем вечером, руки его были полны подарков для детей. Один из сыновей побежал встретить его у двери, восклицая: «Пойди посмотри, что пришло за Маргарет и Джорджией из леса! Можно, они будут жить у нас?»

А стол не был накрыт к ужину, и дети колдуна Нужды еще не садились за уроки, и в тронном зале колдуна Нужды кругами вилась кошка с пятью хвостами, а вторая, бесцеремонно усевшись на его троне, пела:

Да!
Дом вашего отца —
Самый сияющий,

Самый коричневый, самый большой,
Дороже всех прочих,
И самый благоуханный
Дом, что когда-либо
Появлялся из человеческой
Задницы!

Дети колдуна Нужды смеялись над этой песенкой, но потом увидели, что рядом стоит сам Нужда, их отец. И они замолчали. Кроха перестал крутиться волчком.

— Ты! — сказал колдун Нужда.

— Я! — сказала Ведьмино Отмщение и спрыгнула с трона. Никто не успел еще сообразить, что она собирается сделать, а ее челюсти уже сомкнулись вокруг шеи колдуна, и она вгрызлась ему в горло. Нужда хотел что-то сказать и раскрыл рот, но оттуда вылилась кровь, окрасив алым белую шкурку Ведьминого Отмщения. Колдун Нужда рухнул на пол, и рыжие муравьи строем зашагали из отверстия в его шее и из дыры его рта, и они держали кусочки Времени в своих челюстях так же крепко, как Ведьмино Отмщение держала горло Нужды в своих. Но она отпустила Нужду и оставила его лежать в луже крови на полу, а сама стала хватать муравьев и глотать их так жадно,

словно не ела целую вечность.

Пока все это происходило, дети колдуна Нужды стояли, смотрели и бездействовали. Кроха сидел на полу, обернув хвост вокруг лап. Дети колдуна Нужды, все до одного, не делали ничего. Они слишком удивились. Ведьмино Отмщение — живот ее был полон муравьев, а пасть запачкана в крови — встала и оглядела их.

— Пойди принеси мой мешок из кошачьей шкурки, — сказала она Крохе.

Кроха обнаружил, что может двигаться. Принцы и принцессы вокруг него застыли на своих местах. Ведьмино Отмщение удерживала их своим взглядом.

— Мне понадобится помощь, — сказал Кроха. — Я не смогу унести мешок, он слишком тяжелый.

Ведьмино Отмщение зевнула. Она облизала лапку и постучала ей себя по рту. Кроха стоял, не шевелясь.

— Ну, хорошо, — ответила она. — Возьми этих двух крупных сильных девочек, принцессу Маргарет и принцессу Джорджию. Они знают дорогу.

Принцессы Маргарет и Джорджия обнаружили, что снова могут двигаться, и задрожали. Они собрались с духом и пошли за Крохой: две девочки, рука об руку, прочь из тронного зала, не глядя на

тело своего отца, колдуна Нужды, обратно в лес.

Джорджия расплакалась, но принцесса Маргарет сказала Крохе:

— Отпусти нас!

— И куда вы пойдете? В мире повсюду опасности. И есть люди, которые желают вам зла.

Он откинул капюшон, и принцесса Джорджия заплакала еще горше.

— Отпусти нас, — сказала принцесса Маргарет. — Мои родители — король и королева: до их земель меньше трех дней пути. Они будут рады увидеть нас снова.

Кроха промолчал. Они дошли до кустарников, и он отправил принцессу Джорджию на поиски мешка из кошачьих шкурок. Она вышла наружу исцарапанная и окровавленная, с мешком в руках. Он зацепился за колючки и порвался. Золотые монеты, подобно блестящим капелькам жира, выкатились на землю.

— Ваш отец убил мою мать, — сказал Кроха.

— А эта кошка, дьяволица твоей матери, убьет нас… или еще чего похуже, — ответила принцесса Маргарет. — Отпусти нас!

Кроха поднял мешок из кошачьих шкурок. В нем больше не осталось монет. Принцесса Джорджия ползала по земле, собирая золото и

складывая его себе в карманы.

— Он был хорошим отцом? — спросил Кроха.

— Он думал, что да, — отозвалась принцесса Маргарет. — Но я не жалею, что он умер. Когда я вырасту, то стану Королевой. Я прикажу казнить всех ведьм в своем королевстве и всех их кошек тоже.

Кроха испугался. Он подхватил мешок из кошачьих шкурок и побежал обратно в дом колдуна Нужды, бросив обеих принцесс в лесу. Нашли ли они дорогу домой к родителям принцессы Маргарет? А может, попали в лапы к разбойникам? Или остались жить в зарослях шиповника? Или принцесса Маргарет выросла и выполнила свое обещание, избавив свое королевство от ведьм и кошек? Кроха так этого и не узнал, и я не узнала. Не узнаешь и ты.

Когда он вернулся в дом колдуна Нужды, Ведьмино Отмщение сразу поняла, что случилось.

— Пустяки, — сказала она.

В тронной комнате больше не было детей, ни одного принца или принцессы. Тело колдуна Нужды еще лежало на полу, но Ведьмино Отмщение освежевала его, точно кролика, и сшила из его кожи мешок. Мешок извивался и дергался, его углы ходили ходуном, как будто где-то внутри

еще находился живой колдун Нужда. Ведьмино Отмщение, держа мешок из колдуньей кожи в одной лапе, другой пихала кошку в отверстие на шее. Погружаясь внутрь, кошка вопила. Весь мешок был полон воплей. Но отброшенная за ненадобностью плоть Нужды лежала, развалясь, на полу.

Рядом с освежеванным трупом лежала маленькая горка золотых корон, а по комнате при каждом порыве ветерка проносились прозрачные, будто из бумаги, существа с удивленным выражением на бледных растерянных лицах.

Кошки прятались по углам, забирались под трон.

— Пойди-ка поймай их, — сказала Ведьмино Отмщение. — Но оставь троих, самых хорошеньких.

— А где дети колдуна Нужды?

Ведьмино Отмщение кивком указала вокруг себя:

— Как видишь, я сбросила с них кожу, а под ней они все до единого оказались кошками. Теперь они кошки! Но если подождать год-другой, то они сбросят и эти шкуры тоже и станут чем-нибудь еще. Дети постоянно растут.

Кроха гонялся за кошками по комнате. Они

бегали быстро, но он был быстрее. Они были проворны, но он еще проворнее. Он дольше носил кошачий костюм. Он гнал кошек вдоль стены, а Ведьмино Отмщение поджидала их в углу и ловила в мешок. Наконец в тронной комнате осталось только три кошки; это было на загляденье хорошенькое трио, лучше и не найдешь. Все остальные кошки сидели в мешке.

— Чистая работа! И быстрая вдобавок, — сказала Ведьмино Отмщение: она взяла свою иглу и зашила шею мешка. Кожа колдуна Нужды улыбнулась Крохе, и вопящая кошачья голова показалась из отверстого рта в подтеках крови. Но Ведьмино Отмщение зашила и рот тоже, а еще отверстие на другом конце, откуда появился дом. Она оставила лишь ушные проходы, глазницы и ноздри, и все они топорщились мехом, открытые нараспашку, чтобы коты внутри не задохнулись.

Ведьмино Отмщение перебросила мешок с котами через плечо и поднялась на задние лапы.

— Куда ты пойдешь? — спросил Кроха.

— У этих котов есть мамы и папы, — сказала Ведьмино Отмщенье. — У них есть мамы и папы, которые очень по ним соскучились.

Она уставилась на Кроху в упор. Он решил больше не расспрашивать. Поэтому он остался ждать

в доме, вместе с двумя принцессами и одним принцем в своих новых кошачьих шкурках, а Ведьмино Отмщение спустилась к реке. А может, она отнесла их на рынок и продала. Или разнесла всех по домам, вернула мамам и папам в разные королевства, где они и родились. Возможно, она не очень-то беспокоилась о том, чтобы каждая из кошек попала к нужным маме и папе. Как-никак она спешила, а все кошки в темноте серые.

Никто не видел, куда она пошла, однако рынок был ближе, чем королевские дворцы, откуда колдун Нужда украл своих детей, а река и подавно.

Вернувшись в дом колдуна Нужды, Ведьмино Отмщение огляделась по сторонам. Дом начинал очень дурно пахнуть. Даже Кроха теперь это чувствовал.

— Предполагаю, что принцесса Маргарет позволила тебе ее трахнуть, — сказала Ведьмино Отмщение, словно думала об этом, пока ходила по своим делам. — И поэтому ты их отпустил. Она симпатичная кошечка. Может, я бы и сама ее отпустила.

Она посмотрела на лицо Крохи и поняла, что он сбит с толку.

— А, не обращай внимания, — сказала Ведьмино Отмщение.

В лапах она держала бечевку и пробку, которую смазала куском жира, отрезанным от колдуна Нужды. Она насадила пробку на бечевку, назвав ее хорошим резвым мышонком, и веревку она тоже смазала и скормила извивающуюся пробку полосатому котенку, что свернулся клубком у Крохи на коленях. А потом она вытащила пробку, и снова потерла жиром, и скормила ее крохотному черному котенку, а затем — котенку с двумя белыми лапками. Так все трое оказались у нее на веревке.

Она зашила прорвавшийся мешок из кошачьих шкурок, и Кроха положил туда золотые короны, и он оказался почти таким же тяжелым, как раньше. Ведьмино Отмщение понесла мешок, а Кроха взял в зубы смазанную жиром веревку, и трем котятам ничего не оставалось, как бежать за ним следом, когда они покидали дом колдуна Нужды.

Кроха чиркает спичкой и поджигает дом мертвого колдуна по имени Нужда. Они уходят. Но дерьмо горит медленно (если горит вообще), и, может, дом все еще горит, если только кто-нибудь не пошел и не потушил его. И может, кто-нибудь когда-нибудь, отправившись порыбачить к реке рядом с этим домом, выловит мешок, полный принцев и принцесс — мокрых, несчастных, из-

вивающихся в своих кошачьих шкурках. Вот так и можно подцепить себе мужа или жену.

Кроха с Ведьминым Отмщением шли, не останавливаясь, и три кошки бежали следом. Они шли, пока не дошли до маленькой деревушки совсем рядом с тем местом, где жила ведьма, мама Крохи. Там-то они и остановились: Ведьмино Отмщение сняла комнату у местного мясника. Они обрезали жирную веревку, купили клетку и подвесили ее под потолком в кухне. Там они держали трех кошек, но Кроха купил поводки и ошейники, и порой он цеплял ошейник на какую-нибудь из кошек и выходил прогуляться по городу.

Иногда он надевал свой собственный кошачий костюм и уходил поохотиться, но Ведьмино Отмщение бранила его, если заставала в таком виде. Есть сельские манеры, а есть городские. Кроха теперь был городским мальчиком.

Ведьмино Отмщение присматривала за домом. Она прибиралась, готовила и заправляла по утрам Крохину постель. Как и все ведьмины кошки, она вечно суетилась. Она расплавила золотые короны в сотейнике и начеканила из них монет.

Ведьмино Отмщение носила шелковое платье, перчатки и густую вуаль, а по делам разъезжала

в красивой карете, посадив Кроху рядом с собой. Она открыла счет в банке и записала Кроху в частную школу. Она купила участок земли, чтобы построить там дом, и, как бы горько Кроха ни рыдал, все равно отправляла его в школу каждое утро. Но по ночам она снимала одежду и спала на его подушке, а он расчесывал ее бело-красный мех.

Иногда по ночам она подергивалась и стонала, и когда он спрашивал ее, что за сон ей приснился, она говорила: «Муравьи! Вычеши их, прошу! Поймай их, да поживее, если любишь меня».

Но он никогда не находил никаких муравьев.

Однажды Кроха пришел домой, а маленькая кошечка с белыми лапками пропала. Когда он спросил о ней Ведьмино Отмщенье, она сказала, что кошечка выпала из клетки в раскрытое окно и оказалась в саду, и, прежде чем Ведьмино Отмщенье успела что-то сделать, прилетела ворона и унесла маленькую кошечку.

Через несколько месяцев они переехали в новый дом, и Кроха всегда очень осторожно переступал через порог, потому что представлял, что эта кошечка сидит там, внизу, в темноте, под дверью, под его ногой.

Кроха подрастал. Он так и не обзавелся дру-

зьями ни в деревне, ни в школе, но когда ты вырастаешь, тебе и не нужны друзья.

Однажды, когда они с Ведьминым Отмщением сидели за ужином, в дверь постучали. Кроха пошел открыть дверь, и на пороге предстали Флора и Джек. На Флоре была какая-то тусклая бурая кофта с благотворительной ярмарки, а Джек был, как никогда, похож на пучок веток.

— Кроха! — сказала Флора. — Какой ты вырос высокий! — Она расплакалась, заламывая свои прекрасные руки. Джек, глядя на Ведьмино Отмщение, спросил:

— А ты еще кто такая?

Ведьмино Отмщенье сказала Джеку:

— Кто я? Я кошка твоей матери, а вот ты пригоршня палок в костюме на два размера больше нужного. Но я никому не скажу, если и ты не скажешь.

Джек в ответ фыркнул, а Флора перестала плакать. Она стала озираться вокруг: дом был светлым, просторным и хорошо обставленным.

— Тут вам обоим хватит места, — сказала Ведьмино Отмщение. — Если Кроха не против.

Кроха думал, что его сердце разорвется на клочки: какое счастье, что его семья снова с ним! Он провел Флору в одну из спален, а Джека в другую.

Потом они спустились вниз и снова поужинали, и Кроха с Ведьминым Отмщением слушали, и кошки в клетке слушали, а Флора и Джек рассказывали о своих приключениях.

Какой-то карманник стащил Флорин кошелек, и они продали машину ведьмы, а деньги проиграли в карты. Флора нашла своих родителей, но они оказались парой мерзавцев, которым не было до нее никакого дела. (Продать ее они не могли: слишком уж выросла, догадалась бы, что они затеяли.) Она пошла работать в универмаг, а Джек стал кассиром в кинотеатре. Они вздорили и мирились, потом оба влюбились в других людей и пережили много разочарований. В конце концов они решили вернуться в дом ведьмы и посмотреть, можно ли будет пожить там незваными гостями, а может, там оставалось что-нибудь на продажу.

Но дом, разумеется, сгорел дотла. Пока они спорили о том, что же делать дальше, Джек унюхал запах Крохи внизу, в деревне. И вот они здесь.

— Вы будете жить тут, с нами, — сказал Кроха.

Джек и Флора сказали, что не могут этого сделать. У них были амбиции, сказали они. У них были планы. Они останутся на недельку или две, а потом снова отчалят. Ведьмино Отмщение

кивнула и сказала, что это разумно.

Каждый день Кроха возвращался из школы и уходил снова — уже вместе с Флорой — кататься на велосипеде-тандеме. Иногда он оставался дома, и Джек учил его, как правильно держать монету между двух пальцев и как следить за шариком, когда играешь в «кручу-верчу-запутать-хочу». Ведьмино Отмщение научила их игре в бридж, хотя Джек с Флорой не могли играть в паре. Они вечно ругались, будто были женаты.

— Чего ты хочешь? — однажды спросил Флору Кроха. Он прислонился к ней и жалел, что он больше не котенок: так бы он мог сидеть у нее на коленях. Она пахла тайнами. — Почему тебе обязательно надо снова уезжать?

Флора погладила его по голове. Она сказала:

— Чего я хочу? Это очень просто! Я хочу больше никогда не беспокоиться о деньгах. Я хочу выйти замуж за человека и знать, что он никогда мне не изменит и не покинет меня.

Говоря это, она посмотрела на Джека.

Джек сказал:

— А я хочу богатую жену, которая не будет мне перечить, и не будет весь день валяться в кровати, натянув на голову покрывало, и плакать, и обзывать меня пучком веток.

Говоря это, он посмотрел на Флору.

Ведьмино Отмщение отложила свитер, который вязала для Крохи. Она посмотрела на Флору. Она посмотрела на Джека. А затем она посмотрела на Кроху.

Кроха пошел на кухню и открыл дверцу клетки, что свисала с потолка. Он вынул оттуда двух кошек и принес их Флоре и Джеку.

— Вот, — сказал он. — Муж для тебя, Флора, и жена для Джека. Принц и принцесса, оба красавцы, воспитанные и, естественно, богатые.

Флора подняла котика и сказала:

— Хватит дразниться, Кроха! Слыханное ли это дело: выходить замуж за кота!

Ведьмино Отмщение ответила:

— Главное хранить их кошачьи шкурки в надежном месте. И если они начнут кукситься или плохо с вами обращаться, зашейте их обратно в шкурки, посадите в мешок и киньте в реку.

Затем она взяла свой коготь и вспорола шкурку полосатого кошачьего костюма, и вот Флора держит в руках обнаженного мужчину. Флора взвизгнула и уронила его на землю. Он был привлекателен, хорошо сложен и обладал манерами принца. Уж такого-то человека никто не спутает с котом. Он поднялся и раскланялся — очень

элегантно, даже несмотря на то, что был голый. Флора покраснела, но выглядела довольной.

— Пойди, принеси одежду для Принца и Принцессы, — сказала Крохе Ведьмино Отмщение. Когда он вернулся, за диваном пряталась обнаженная принцесса, а Джек пожирал ее глазами.

Через несколько недель отыграли две свадьбы, и Флора уехала вместе с новым мужем, а Джек отправился в путь со своей новой принцессой. Возможно, они жили долго и счастливо.

Ведьмино Отмщение сказала Крохе:

— А вот для тебя жены у нас нет.

Кроха пожал плечами:

— Я еще слишком молод.

* * *

Но как ни старайся, а Кроха все же взрослеет. Его кошачья шкурка едва налезает на плечи. Когда он застегивает пуговицы, они чуть не отрываются. На нем растет взрослый мех — человеческий мех. А по ночам ему снятся сны.

Испанские каблучки на туфлях ведьмы, его матери, стучат в оконное стекло. Принцесса висит в зарослях шиповника. Она приподнимает платье, и он видит под ним кошачий мех. А теперь она под домом. Она хочет выйти за него замуж, но

дом упадет, если он ее поцелует. Они с Флорой снова дети в доме ведьмы. Флора задирает юбку и говорит: видишь мою киску? Из-под юбки выглядывает кошка, но она и на кошку-то не похожа. Он говорит Флоре, у меня тоже есть киска. Но у него она совсем другая.

Он наконец узнает, что случилось с маленьким изголодавшимся нагим существом в лесу, куда оно отправилось. Оно забралось в его кошачью шкурку, пока он спал, а потом залезло внутрь него самого, под его кожу, и теперь свернулось в его груди, все еще продрогшее, печальное и голодное. Оно ест его изнутри и становится больше, и однажды Кроха совсем исчезнет, а вместо него будет лишь этот безымянный алчущий ребенок, одетый в его кожу.

Кроха стонет во сне.

В шкуре Ведьминого Отмщения живут муравьи; они сочатся сквозь швы и маршируют по простыням и кусают его под мышками и между ног — там, где растет мех — и ему больно, и боль все не проходит. Он мечтает, что Ведьмино Отмщение сейчас проснется и придет к нему, и оближет с головы до ног, пока боль не растает. Оконное стекло расплавляется. Муравьи снова уходят маршем по своей длинной смазанной

жиром бечевке.

— Что тебе нужно? — спрашивает Ведьмино Отмщение.

Кроха уже не спит. Он говорит:

— Мне нужна моя мама!

Свет луны падает через окно на их постель. В лунном свете Ведьмино Отмщение очень красива — она выглядит как Королева, как нож, как горящий дом, как кошка. Ее мех сияет. Ее усики топорщатся, как выдернутые швы, как воск и нитка. Ведьмино Отмщение говорит:

— Твоя мама умерла.

— Сними свою шкуру, — говорит Кроха. Он плачет, и Ведьмино Отмщение слизывает его слезы. Кожу Крохи словно колют иголками, и там, внизу, под домом, что-то маленькое причитает и стенает.

— Верни мне мою маму, — говорит он.

— О, дорогуша, — говорит его мама, ведьма, Ведьмино Отмщение. — Я не могу этого сделать. Я вся полна муравьев. Сними шкурку — и они посыплются наружу, и от меня ничего не останется.

Кроха говорит:

— Почему ты оставила меня совсем одного?

Его мама, ведьма, говорит:

— Я никогда не оставляла тебя одного, ни на минуту. Я зашила свою смерть в кошачью шкуру, чтобы остаться с тобой.

— Сними ее! Дай мне увидеть тебя! — говорит Кроха. Он тянет за простыню, словно она — кошачья шкурка его матери.

Ведьмино Отмщение трясет головой. Она дрожит и бьет хвостом. Она говорит:

— Как ты можешь просить меня о таком? И как я могу не сделать этого ради тебя? Знаешь ли ты, о чем просишь? Завтра ночью. Спроси меня снова завтра ночью.

И Крохе приходится довольствоваться этим ответом. Всю ночь он расчесывает материнский мех. Его пальцы пытаются нащупать в шкурке швы. Когда Ведьмино Отмщение зевает, он заглядывает ей в рот, надеясь хоть мельком увидеть мамино лицо. Он чувствует, что становится меньше и меньше. Утром он станет таким маленьким, что, когда попытается надеть свою кошачью шкурку, он едва сможет застегнуть пуговицы. Он будет таким маленьким, таким крохотным, что, возможно, вы бы приняли его за муравья, и когда Ведьмино Отмщение зевнет, он прокрадется к ней в рот, спустится в живот и найдет там маму. Если получится, он поможет

маме разрезать кошачью шкурку, и тогда она сможет снова выбраться наружу и жить вместе с ним в большом мире. А если она не сможет вылезти, то и он останется с ней. Он будет жить там, как моряки учатся жить в чреве рыбы, которая их проглотила, и приглядывать за домом своей матери внутри дома, сделанного из ее кожи.

Вот и сказочке конец. Принцесса Маргарет выросла и убила всех ведьм и кошек. А если и нет, то это придется сделать кому-то другому. Ведьм ведь не существует в природе, да и кошек тоже. Есть только люди, одетые в кошачьи шкурки. У них есть на то причины. Да и кто вправе им запретить, чтобы они жили долго и счастливо именно в таком виде, пока муравьи не унесут все Время, чтобы построить из него что-нибудь новое, лучше прежнего?

Келли Линк написала три книги рассказов: «Случаются дела и почуднее» («Stranger Things Happen»), «Магия для начинающих» («Magic for Beginners») и «Милые чудовища» («Pretty Monsters»). Последняя из книг предназначена для подростков. Ее рассказы были опубликова-

ны в таких сборниках, как *Tin House, Firebirds Rising, Noisy Outlaws, The Restless Dead, The Starry Rift* и *Troll's Eye View.* Ее работы были трижды удостоены награды «Небьюла», премии Хьюго, трехкратно награждены премией «Локус», заслужили премии Британской ассоциации научной фантастики и Всемирной премии фэнтези. Совместно с мужем (Гэвином Дж. Грантом) она открыла издательство *Small Beer Press* и дважды в год выпускает журнал *Lady Churchill's Rosebud Wristlet.*

Келли Линк сказала, что на мысль о рассказе ее навела беседа с собратом по перу Кристофером Роу, во время которой они обсуждали, была ли на его рисунке изображена настоящая кошка или какой-то зловещий самозванец просто притворяется ею.

Мице исправляет неполный образ реальности
Микаэла Реснер

Цюрих, 1935

Мице прижимает уши к голове и бьет хвостом — ровно так же, как и любая другая раздраженная кошка в любой точке земного шара. Она открывает пасть, чтобы уловить запах нёбом. Это движение люди часто принимают за одышку при волнении.

Люди, которые считают, что знают почти все на свете. Люди, которые на самом деле не знают почти ничего.

Мице нужно усилить обоняние, чтобы ориентироваться в этом пространстве, в этом свето- и воздухонепроницаемом пространстве коробки, где даже ее огромные светящиеся золотые глаза бессильны.

Но видеть можно по-разному. Наблюдать можно по-разному.

Слепая на оба глаза в этой коробке, Мице все-таки хорошо знакома с тем, что находится вокруг. Она уже бывала здесь. Она вытерпела множество

сеансов в этом контейнере.

Как только ее домашний человек, Фелиция, уходит в школу, папа Фелиции, великий герр профессор Эрвин Шрёдингер, имеет склонность запихивать Мице в коробку.

С помощью чувствительных датчиков, расположенных во рту, Мице вдыхает сладкий, словно мед, и тяжелый, словно свинец, запах стен ее темницы. Кислый металлический вкус. Щелканье счетчика Гейгера. Маслянистый привкус пергамина: он распространяется из (пока что) неразбитой колбочки с синильной кислотой. Древесина и сталь молоточка, подвешенного так, чтобы разбить флакон.

Но еще яснее Мице чувствует вкус, запах, наблюдает, знает пульс электронов и дрожание ядер в маленькой емкости с радиоактивным изотопом. Эта коробка в коробке огорожена клеткой, чтобы Мице не смогла сдвинуть ее в порыве ярости, которого, кажется, ждал от нее герр Эрвин. Неужели герр Эрвин полагает, что она может не заметить очевидного: для колбы с цианидом такой же клетки не нашлось.

В этом-то все и дело, не так ли? Это не великий научный эксперимент, тот самый, который один из друзей герра Эрвина, знаменитый доктор

Эйнштейн, назвал «прекраснейшим способом» показать, что представление материи в виде волны является неполным.

Нет, истинная реальность, реальное представление о реальности, состоит в том, что герр Эрвин, отец обожаемой Фелиции, ненавидит кошек.

Поэтому, если Мице в процессе этого обреченного на мировую славу эксперимента случайно врежется в колбу с цианидом, вместо того чтобы ожидать статистического приговора ядер, что скажет герр Эрвин? Он скажет: «Я швейцарский ученый. Я не несу ответственности за кошек, не располагающих средствами точного захода».

И все же, хотя Мице точно знает, что герр Эрвин будет играть в невинность, она отмечает, как осторожно он приподнимает крышку, когда эксперимент подходит к концу, что руки его облачены в перчатки, а нос и глаза защищены маской с воздушным фильтром.

Несмотря на всю свою злость, Мице влечет и завораживает клетка вокруг коробки с радиоактивным веществом. Она напоминает ей другую, которая защищает белых мышей брата Фелиции, а также тюрьму из прутьев, где мама Фелиции поселила канарейку.

Внутри этой клетки атомные частицы тоже

дрожат, прыгают и крутятся, наблюдая за тем, как она наблюдает за ними. Прямо как мыши и птица. Иногда (Мице просто не может удержаться!) она чувствует, как ее лапа сама собой тянется в сторону коробки, заключенной в клетку. Задние конечности начинают ритмично подергиваться, готовясь к прыжку.

В такие минуты она проникается недолгим сочувствием к герру Шрёдингеру. Не то ли самое подергивание она замечает в нем, когда он устраивает свои эксперименты?

Когда он набрасывается и хватает изворотливые порхающие крупицы знаний, она видит в нем яркие искры восторга, ведомые охотнику, который поймал добычу. По ее мнению, он, возможно, даже испытывает краткие мгновения атавистического восторга, словно нёбо ему щекочет мягкий мех жертвы и по горлу разливается теплая сладостная кровь.

Но строит подобные догадки она недолго: скоро они ей надоедают, и Мице начинает жалеть, что не может заснуть. И вместе с этим снова начинает злиться на герра Эрвина. Она не глупая. Если она задремлет, если прервет свои наблюдения, то может умереть.

В какой-то момент, пока она сидит в коробке,

герр Эрвин Шрёдингер верит, что существует пятидесятипроцентный шанс (во всяком случае, в его сознании он существует!) того, что одно из ядер в емкости распадется, запустит счетчик Гейгера, из-за чего молоточек опустится на колбу с синильной кислотой. Герр Эрвин живет ради этой недолговечной иллюзии всеведения и всемогущества. Предполагает, что, пока он сам не откроет коробку, Мице ни жива ни мертва. Или жива и мертва одновременно. И в этот миг неопределенности он верит, что является ее божеством, что его жест, которым он снимает крышку, определяет, будет она жить или умрет.

И все же Мице заметила, что порой он оставляет коробку закрытой гораздо дольше, чем потребовалось бы, дабы распорядиться судьбой кошки. Поначалу она думала, что он просто потерял счет времени — забылся, заигравшись в бога. Но позже ей пришлось признать, что, возможно, его ненависть к кошкам еще сильнее болезненного эгоизма. Если он «забудет» и оставит ее в коробке дольше положенного, то она может задохнуться. А потом скажет: «Я швейцарский физик. Что я могу знать об объеме кошачьих легких и о необходимом для них объеме кислорода?»

Поэтому, как только он помещает ее в это за-

мкнутое пространство, Мице старается дышать поверхностно и не засыпать.

Бедный герр Эрвин, думает Мице. Он хвалит себя за то, какой он чудесный ученый, и при этом лишен самых элементарных навыков наблюдения. Возьмем, к примеру, то, как он приступает к своему эксперименту. Любой, кто хоть недолго поизучал кошек, знает: чтобы заманить их в коробку, достаточно просто оставить ее открытой. Кошачья страсть к науке (ошибочно принимаемая людьми за простое любопытство) неизбежно подтолкнет их к исследованиям.

И все же, раз за разом, герр Эрвин — несведущий, совершенно бесталанный садист — хватал ее и пихал в этот контейнер. И всегда с одним и тем же результатом. Ну хоть какое-то утешение, думает она, вылизывая его кровь из-под когтей.

Нет, герр профессор Эрвин Шрёдингер ничего не видит и не понимает. Даже мыши с канарейкой знают больше него. Даже они смогли бы тщательно изучить элементарные частицы, просто наблюдая за ними, а потом, просто приглядываясь к ним, смогли бы контролировать этих атомных убийц. Существа, более разумные, чем люди, знают, что все игры в жизнь и смерть, в существование и небытие, решаются в поединке

наблюдения. Кошка сидит у мышиной норы и выжидает. Мышь сидит и ждет по другую сторону. Каждая из них, наблюдая, определяет, какой будет реальность другой из них.

Бедный жалкий герр Эрвин не понимает, сколь многое в его собственном существовании определяется бдительным наблюдением кошек, малых птиц и грызунов, да даже атомных частиц — все они следят за *ним.* Герр Эрвин, который не чувствует ни вкуса, ни запаха клетки своей собственной реальности, который не способен изучить ее.

Мице зевает. Жаль, что вместо пробирки тут не оказалась канарейка или одна из мышей. Скучно загонять в угол ядра. У нее полно времени — даже слишком много — для того, чтобы обдумать все возможные выходы из ее ситуации.

О да, да, она, конечно, знает (жажда жизни вынудила ее подумать об этом), что в другой, параллельной реальности другая Мице (скорее всего, ее менее разумная версия) сейчас умирает. Но Мице практична. Ей важно лишь то, чтобы ее сознание продолжало двигаться по этой дороге жизни.

Она уже на представляла себе столько других возможностей, и все они, как она знает, должны

происходить в этот самый момент в других реальностях. В другой вселенной дочку герра Эрвина не зовут Фелиция, и она не любит кошек. Там Мице соглашается стать хозяйкой в семье молочника и питается сливками, сидя у теплого очага.

В других пространственно-временных континуумах:

У герра Эрвина нет дочерей, только сыновья, и он крадет кошек-жертв в переулках.

Герр Эрвин женат, но детей у него нет.

Герр Эрвин холост и бездетен.

Герр Эрвин предлагает эксперимент как теорию, а другие, если захотят, могут претворить его в жизнь. Но в этой реальности ты все равно не проведешь кошек, герр Эрвин! В конце концов, если бы он не желал нам никакого зла, то почему бы ему не выбрать для эксперимента другое животное? Ну, скажем, собаку?

Мице полагает, что и другие, более ранние варианты вселенных, тоже должны существовать. Например: не успев получить докторскую степень в 1910 году, герр Эрвин Шрёдингер с позором изгоняется из университета из-за скандала сексуального характера, в котором оказываются замешаны шлюха средних лет, жена и дочь барона, а также невероятные горы вишневых

штруделей.

Целые вселенные, в которых юный мастер Эрвин в возрасте восьми лет по дороге в школу спотыкается о черную кошку, и его сбивает проходящий экипаж. Череп вдребезги!

И все же, размышляет Мице, позже — это тоже не слишком поздно. Она представляет себе мир, в котором герр профессор Эрвин Шрёдингер, к горю своему, неосведомленный о том, насколько само его существование зависит от чуткого наблюдения неких четвероногих экспертов, таинственно пропадает после тяжелого дня, заполненного научными экспериментами в лаборатории. Его дорогая доченька Фелиция приходит навестить его после уроков, но обнаруживает, что он исчез. В ту же секунду она спасает свою любимую кошечку с золотыми глазами и серебристой шерсткой из дьявольской коробки.

Мице долго размышляет, возможна ли такая вселенная. Ей она нравится. Ужасно нравится. Да, так сойдет.

В конце концов, она до сего момента старалась ни во что не вмешиваться. Сеанс за сеансом терпела она; сидя в коробке, думала с размягчившимся сердцем о Фелиции, которая бросала ей под столом кусочки куриной печенки, которая

умеет спать как раз в такой позе, чтобы кошке было удобно прилечь в изгибах ее тела. Мице, разумеется, знает, как будет тосковать Фелиция, если что-то случится с ее отцом, герром Эрвином, которого дочь считает образцом добродетели.

Но самому-то герру Эрвину плевать, станет ли его дочка горевать о смерти Мице. Что сердце Фелиции разобьется, узнай она, какое чудовище ее отец. Лучше уж избавить ребенка от такого потрясения.

Мице потягивается, насколько позволяет коробка. Решено. Даже если бы она захотела, она не смогла бы стать такой, как мыши и канарейка. Она — наблюдатель, обладающий невероятными способностями, охотник, не чета герру Эрвину. А значит, ей надо быть терпеливой. Но кошка может терпеть слишком, слишком долго.

Глубокий раскатистый рык заполняет горло Мице. Момент настал. Пора открыть коробку для герра профессора Эрвина Шрёдингера.

Микаэла Реснер написала четыре романа, а также целый ряд различных художественных и нехудожественных произведений. Также она рисует и участвует в выставках. Среди ее последних

опубликованных (и готовящихся к публикации) работ назовем рассказы «Жена рыбака» («The Fisherman's Wife»), напечатанный в журнале *Room*, «Клепсидра» («The Klepsydra»), вошедший в антологию *Polyphony* 7, и «Рыбы говорят» («The Fishes Speak»), появившийся в зимнем выпуске антологии *Postscript* (2009/2010). Она получила степень магистра искусств в академии Стоункост и теперь преподает онлайн на писательских курсах *Gotham Writers' Workshop* и в колледже Эксия (*Axia*).

Реснер рассказывает о том, что побудило ее написать рассказ: «Как человек, которым всю жизнь владеют кошки, я всегда ужасно бесилась от этого парадокса Шрёдингера. Даже если предположить, что это всего лишь мысленный эксперимент, gedanken, почему же Шрёдингер выбрал именно кошку, почему именно ее решил запереть в коробке и подвергнуть опасности? Будто в мире не хватает разных тварей — крокодилов, мух, комаров, — которых было бы уместнее поместить в эту коробку, да и места для них было бы там больше.

Мне казалось ясным, что Шрёдингер испытывал к кошкам пассивно-агрессивную враждебность. Что за глупый выбор, в самом деле,

для эксперимента с эффектом наблюдателя! Разве знаете вы лучших наблюдателей, чем сами кошки? Я почувствовала, что уже давным-давно пора предоставить слово кошке, зажатой в этой смертельно опасной коробке, чтобы она могла взять реванш в этом поединке за звание лучшего наблюдателя».

Защитники
Джордж Р. Р. Мартин

Для Хэвиланда Тафа Био-Агрикультурная Выставка Шести Миров оказалась огромным разочарованием. Весь день (который длился целую вечность) Хэвиланд провел на Бразелорне и до смерти устал. Он бродил в толпе по пещерам выставочных залов, останавливаясь то тут, то там, дабы бегло оглядеть новый гибрид зерновых или генетически улучшенное насекомое. Хотя коллекция клеток на борту «Ковчега» содержала в буквальном смысле миллионы образцов для клонирования видов — как растений, так и животных — из бесчисленного количества миров, Хэвиланд Таф все же держал нос по ветру и следил за всеми возможностями пополнить ассортимент своих товаров.

Но среди представленных на Бразелорне образцов интересного было мало. Время шло, и Таф все больше скучал и уставал от толкотни среди безразличных посетителей. Люди кишели повсюду: фермеры из туннелей планеты Скиталец, одетые в темно-бордовые меха: все в перьях, надушенные

аринские помещики; угрюмые ночесторонники и ярко наряженные полуденники с Нового Януса и, разумеется, коренные бразелорнцы в изобилии. Все они чрезвычайно шумели и, когда Таф проходил мимо, одаривали его любопытными взглядами. Некоторые даже задевали его локтями, и морщины неудовольствия проступали на его вытянутом лице.

Таф все думал, как бы ему спастись от толчеи, и в итоге решил, что он голоден. С видом величественной неприязни прошествовал он сквозь гущу посетителей ярмарки и вышел на поверхность из купола Птоланского Выставочного Центра — свод был высотой этажей в пять. Снаружи, между зданиями, разместились со своими ларьками сотни торговцев. Из всех, кто был неподалеку, меньше всего посетителей было у торговца пирогами с начинкой из шипучего лука, и Таф решил, что именно такого пирога ему для счастья и не хватает.

— Сэр, — обратился он, — я бы хотел пирога.

Торговец, облаченный в засаленный фартук, был розов и кругл. Он открыл ящик с подогревом, засунул туда руку в перчатке и вытащил горячий пирог. Протягивая его через прилавок, он впервые взглянул на Тафа, да так и уставился на него.

— О, — сказал он, — да вы из больших.

— Да, сэр, так и есть. — Таф взял пирог и принялся жевать его с равнодушным видом.

— И вы не из здешних, — высказал свои наблюдения продавец. — Явно издалека приехали.

Таф в три аккуратных укуса прикончил пирог и вытер засаленные пальцы о салфетку:

— Вы говорите очевидные вещи. — Он поднял вверх длинный мозолистый палец: — Еще один.

Получив от ворот поворот, торговец без лишних замечаний достал второй пирог и позволил Тафу насыщаться в относительном спокойствии. Смакуя слоеную корочку и кисловатую начинку, Таф оглядывал снующих посетителей, ряды палаток и пять огромных залов, царящих над всем пейзажем. Покончив с едой, он снова повернулся к торговцу. Лицо его, как всегда, ничего не выражало.

— Сэр, у меня есть вопрос, если позволите.

— Что такое? — довольно грубо спросил тот.

— Я видел пять выставочных залов, — сказал Хэвиланд Таф. — И посетил их все по очереди. — Он стал указывать на павильоны. — Бразелорн, Долина Арин, Новый Янус, Скиталец, а тут Птола. — Таф аккуратно сложил руки на выступающем брюшке. — Пять, сэр. Пять залов, пять

миров. Конечно, мне, иноземцу, могут быть неведомы какие-то тонкости местных обычаев… Я сбит с толку. В тех областях, где мне приходилось бывать, от выставки под названием «Био-Агрикультурная Выставка Шести Миров» ожидают, что на ней будут представлены образцы из шести миров. Очевидно, на сей раз это правило не сработало. Может, вы сможете просветить меня на предмет причин такого отклонения?

— Никто не приехал с Намора.

— Да, и впрямь… — отозвался Хэвиланд Таф.

— Из-за невзгод, — добавил продавец.

— Теперь все ясно, — сказал Таф. — Ну, если и не все, то хотя бы кое-что. Возможно, вам будет не очень затруднительно выделить мне еще один пирог и объяснить, какова причина этих невзгод. По природе своей я ужасно любопытен. Боюсь, это мой самый большой недостаток.

Пирожник снова надел перчатку и запустил руку в ящик.

— Знаете, как говорят? Любопытный всегда голоден.

— Да что вы! — сказал Таф. — Должен признаться, никогда раньше не слышал, чтобы так говорили.

Торговец нахмурил брови:

— Нет, я перепутал. Голодный всегда любопытен, вот как говорят. Неважно. Мои пироги вас насытят в любом случае.

— Ах, — сказал Таф и взял пирог. — Прошу, продолжайте.

Итак, торговец пирогами поведал ему, то и дело сбиваясь и отступая от темы, долгую историю о злоключениях Намора.

— Теперь вы понимаете, — заключил он, — почему они отсутствуют. Раз у них такое творится, выставлять-то нечего.

— Конечно, — откликнулся Хэвиланд Таф, вытирая губы. — Морские чудовища могут ужасно досаждать.

Намор был темно-зеленой планетой, безлунной и одинокой, опоясанной клочковатыми золотистыми облачками. «Ковчег», сотрясаясь, свернул с проезжего маршрута и тяжеловесно сошел на орбиту. В длинной и узкой переговорной Хэвиланд перемещался от одного сиденья к другому, разглядывая планету с разных сторон на дюжине дисплеев (всего их было около ста). Компанию ему составляли три серых котенка: они прыгали вокруг пультов управления, останавливаясь лишь затем, чтобы дать друг другу оплеуху. Таф не обращал на них никакого внимания.

Намор был почти целиком покрыт водой; с орбиты был заметен лишь один участок суши (да и тот не особенно впечатляющих размеров). Но при увеличении Таф разглядел тысячи островков, рассыпанных по морю длинными архипелагами в форме полумесяцев — сокровища земли среди океанов. Другие экраны показали огни — то были города ночной стороны — и пульсирующие вспышки в свете дня.

Таф взглянул на это все, а затем уселся поудобнее, щелкнул включатель еще одного пульта управления и углубился в игру-войнушку против компьютера. Котенок запрыгнул к нему на колени и задремал. Таф двигался осторожно, чтобы его не разбудить. Через некоторое время второй котенок скакнул вверх и приземлился на первого, и они затеяли возню. Таф смахнул их с колен.

Прошло много времени — даже дольше, чем предполагал Таф, — но в конце концов ему все-таки задали этот вопрос. Как он и ожидал.

— Корабль на орбите, — раздалось требование. — Корабль на орбите, это Контроль Намора. Назовите свое имя и цель визита. Просим назвать имя и цель визита. Перехватчики отправлены. Назовите свое имя и цель визита.

Сигнал поступал с единственного континента.

«Ковчег» подключился к линии. И в ту же секунду система обнаружила, что к ним приближается корабль — всего один. Его изображение высветилось на еще одном экране.

— Я «Ковчег», — объявил Контролю Намора Хэвиланд Таф.

Контроль Намора оказался круглолицей женщиной с короткими каштановыми волосами в темно-зеленой униформе с золотой окантовкой. Она сидела за пультом; ее лицо было нахмурено, а глаза постоянно косили куда-то вбок — там то ли сидел начальник, то ли располагался другой пульт управления.

— «Ковчег», — сказала она, — назовите мир вашего происхождения. Просим назвать мир вашего происхождения и цель визита.

Другой корабль, по сообщению компьютера, тоже открыл переговоры с планетой. Зажглись еще два экрана. На одном показалась стройная молодая женщина с длинным орлиным носом, она стояла на капитанском мостике; другой экран отобразил пожилого мужчину у пульта управления. На обоих была зеленая униформа. Они оживленно общались, используя шифр. Компьютеру не потребовалось и минуты, чтобы взломать его, и Таф смог подслушать, о чем они беседуют.

— Черт меня побери, если я знаю, что это такое, — говорила женщина на корабле. — Таких огромных еще не приходило. Господи Боже, только взгляните на него. Вы вообще в курсе, что происходит? Он ответил?

— «Ковчег», — все повторяла круглолицая, — укажите мир вашего происхождения и цель вашего визита. Это Контроль Намора.

Хэвиланд Таф присоединился ко второй линии, чтобы говорить со всеми тремя одновременно:

— Это «Ковчег». Мира происхождения у меня нет. Намерения мои исключительно мирного характера: торговля и консультирование. Я узнал о ваших прискорбных затруднениях и, тронутый горем жителей, прибыл, чтобы предложить свои услуги.

Женщина на мостике выглядела ошеломленной. «Что вы такое…» — начала было она. Мужчина выглядел не менее растерянным, но промолчал, уставившись с разинутым ртом на непроницаемую физиономию Тафа.

— «Ковчег», это Контроль Намора, — сказала женщина с круглым лицом. — Мы не вступаем в торговые отношения. Повторяю: мы не вступаем в торговые отношения. Наша планета на военном положении.

К тому времени стройная женщина с корабля уже пришла в себя:

— «Ковчег», это Защитник Кефайра Квей, командир военного судна «Лезвие Солнца». «Ковчег», мы вооружены. Объяснитесь. «Ковчег», вы в тысячу раз больше любого торгового судна, которое мне приходилось видеть. Объяснитесь, или я открываю огонь.

— Да ну, — сказал Хэвиланд Таф. — Угрозами вы ничего не добьетесь, Защитник. Я чрезвычайно раздосадован. Я проделал ужасно долгий путь, с самого Бразелорна, дабы предложить вам утешение и помощь, а вы встречаете меня враждебно и угрожаете.

Котенок запрыгнул к нему на колени. Таф подобрал его своей огромной белой ладонью и поставил на пульт управления прямо перед собой, чтобы собеседникам было видно. Сам Хэвиланд глядел на животное с печалью.

— Не осталось в людях ни капли доверия, — сказал он котенку.

— Повремените открывать огонь, «Лезвие Солнца», — промолвил пожилой мужчина. — «Ковчег», если вы и впрямь пришли с благими намерениями, объяснитесь. Кто вы такие? Мы здесь в тяжелом положении, «Ковчег»; да и На-

мор — мир невеликий, не особенно развитый. Мы раньше не видели кораблей, подобных вашему. Объяснитесь.

Таф погладил котенка.

— Вечно мне приходится идти на поводу у чужой подозрительности, — обратился он к зверьку. — Им повезло, что я такой добрый, иначе я бы просто повернул назад и оставил их на произвол судьбы.

Он поднял взгляд и посмотрел прямо в смотровой прибор:

— Сэр. Я сам — «Ковчег». Я Хэвиланд Таф, капитан и хозяин этого судна, а также команда в полном составе. Мне сказали, что вас тревожат чудища из морских глубин. Отлично. Я избавлю вас от чудищ.

— «Ковчег», это «Лезвие Солнца». Как вы предполагаете выполнить эту задачу?

— «Ковчег» является семяхранилищем Экологического Инженерного Корпуса, — объявил Хэвиланд Таф сухим деловым тоном. — Я — экологический инженер и специалист по ведению биологических войн.

— Это невозможно, — отозвался старик. — ЭИК канул в небытие более тысячи лет назад, вместе с Федеральной Империей. Семяхранилищ тоже

не осталось.

— Какое огорчение, — сказал Хэвиланд Таф. — А я тут сижу, весь в заблуждениях. Теперь, когда вы сообщили мне, что моего корабля не существует, я провалюсь сквозь его дно и сгорю, пролетая через вашу атмосферу.

— Защитник, — сказала Кефайра Квей с «Лезвия Солнца». — Может, эти семяхранилища и исчезли, но прямо сейчас я нахожусь около предмета, длина которого, если датчики не врут, составляет почти тридцать километров. Это не очень похоже на иллюзию.

— Я все еще не провалился, — подтвердил Хэвиланд Таф.

— Вы правда можете нам помочь? — спросила круглолицая женщина из Контроля Намора.

— Почему все вечно во мне сомневаются? — обратился Таф к своему котенку.

— Защитник, мы должны дать ему шанс доказать свои слова на деле, — настаивала сотрудница Контроля.

Таф поднял взгляд:

— Мне угрожали, меня унижали, в моих силах сомневались, но все же сострадание мое к вашим невзгодам вынуждает меня продолжить свое дело. Я предлагаю «Лезвию Солнца» состыковать-

ся с моим судном, дабы Защитник Квей могла взойти на наш борт и присоединиться к моему ужину, во время коего мы и побеседуем. Надеюсь, ваши сомнения не распространяются на беседу, этот самый цивилизованный способ приятно проводить время?

Трое Защитников спешно обсудили этот вопрос друг с другом, а также с тем (теми?), кто находился за пределами экрана, а Хэвиланд Таф тем временем откинулся в кресле и играл с котенком.

— Я нареку тебя Подозрением, — сказал он ему. — В память о том, как меня приняли в здешних краях. А братья твои примут имена Сомнение, Враждебность, Неблагодарность и Глупость.

— Мы принимаем ваше предложение, Хэвиланд Таф, — объявила Кефайра Квей с мостика «Лезвия Солнца». — Готовьтесь встречать гостей.

— Да что вы, — отозвался Таф. — Грибы любите?

Посадочная палуба «Ковчега» была размером с летное поле крупного звездодрома и с виду казалась кладбищем устаревших межпланетных кораблей. Собственные орбитальные корабли «Ковчега» стояли в полной готовности в отсеках для запуска: пять одинаковых черных судов, щеголеватых, с короткими треугольны-

ми крыльями, отведенными назад. Они были предназначены для полетов через атмосферу и все еще находились в приличном рабочем состоянии. Остальной флот впечатлял меньше. Каплеобразное торговое судно с Авалона неуклюже сидело на трех выдвижных опорах; бок о бок с ним стояли трофейный корабль курьерской службы и швартовый львинорабль (с его бортов практически исчез нарядный орнамент). То тут, то там виднелись устройства еще более странной конструкции.

Над палубой купол разошелся на сотню клиновидных сегментов и отъехал внутрь, открывая взору маленькое желтое солнце в окружении звезд и напоминающее ската темно-зеленое суденышко размером с один из шаттлов. «Лезвие Солнца» совершило посадку на палубу, и купол над ним сросся обратно. Когда звезды пропали, над палубой взвились воздушные вихри, и вскоре показался Хэвиланд Таф.

Узкие губы Кефайры Квей были плотно сжаты под крючковатым носом, но, как она ни старалась контролировать свои эмоции, ей не удалось до конца сдержать восторг перед увиденным. За ней следом шли двое вооруженных людей в золотых комбинезонах с зеленой окантовкой.

Хэвиланд Таф подкатил к ним в открытой трехколесной тележке:

— Боюсь, что мое приглашение к ужину касалось только Защитника Квей, — сказал он, увидев ее эскорт. — Мне жаль, что вышла путаница, но я вынужден настоять.

— Так и быть, — сказала она и повернулась к охране. — Возвращайтесь к остальным. Исполняйте приказ. — Подойдя к Тафу, она объявила: — Если я не вернусь в целости и сохранности через два стандартных часа, то «Лезвие Солнца» порвет ваш корабль в клочья.

Хэвиланд Таф моргнул:

— Какой кошмар. Куда ни приеду, везде мою теплоту и гостеприимство встречают недоверием и насилием.

Он привел свой экипаж в движение.

Они молча ехали по лабиринту комнат и коридоров, пока, наконец, не достигли огромной сумрачной трубы, которая, казалось, протянулась во всю длину корабля. Прозрачные бочонки самых разных размеров тянулись вдоль стен, насколько хватало глаз; большинство из них были пусты и покрыты слоем пыли, но в некоторых, заполненных разноцветными жидкостями, едва просматривались колышущиеся очертания. Сто-

яла тишина, лишь где-то позади капало что-то вязкое. Кефайра Квей внимательно осматривалась, но не говорила ничего. По этой трубе они проехали по меньшей мере три километра, пока Таф не свернул прямо в стену, которая разошлась, давая им дорогу. Вскоре они остановились и спешились.

Таф проводил Кефайру Квей в маленькую скудно обставленную столовую, где их поджидал роскошный ужин. Начался он с ледяного супа: сладкого, пикантного и угольно-черного. За ним последовал салат из неотравы с имбирной заправкой. На горячее была шляпка гриба в панировке — огромная, размером с блюдо, на котором она подавалась, — в окружении дюжины различных овощей, каждый из которых был полит особым соусом. Защитник Квей смаковала каждый кусочек.

— Похоже, я не ошибусь, предположив, что моя скромная пища пришлась вам по душе.

— Я не ела вдоволь гораздо дольше, чем мне бы хотелось признать, — отозвалась та. — Почти все, чем мы питаемся на Наморе, мы берем из моря. Обычно его плодов было в изобилии, но как только начались наши неприятности…

Она подняла вилку, подцепив на нее темную

массу в желто-коричневом соусе:

— Что это? На вкус просто восхитительно.

— Рианнонский овощ, называется «грешный корень». В горчичном соусе.

Квей проглотила кусок и отложила вилку:

— Но до Рианнона так далеко! Как же вы… — Она осеклась.

— Разумеется, — Таф разглядывал ее в упор, сцепив пальцы под подбородком, — весь провиант производится на самом «Ковчеге», хотя отдельные образцы берут свое начало в самых разных мирах. Хотите еще молока со специями?

— Нет, — пробормотала она, уставившись в пустую тарелку. — Так значит, вы не лгали. Вы управляете тем самым семяхранилищем этой… как вы назвали организацию?

— Экологического Инженерного Корпуса давно покойной Федеральной Империи. Кораблей наших было мало, и все они, за одним исключением, были сметены вихрями войны. Выжил только «Ковчег» — этот реликт прошлого тысячелетия. Подробности вам знать необязательно. Достаточно было сказать, что я нашел его и воскресил к жизни.

— Вы *нашли* его?

— Да, похоже, именно так я и сказал, этими

же словами. Пожалуйста, не отвлекайтесь. Я не очень люблю повторяться. До того, как найти «Ковчег», я промышлял скромным ремеслом негоцианта. Мой предыдущий корабль стоит на палубе. Может, вам довелось разглядеть его.

— Тогда вы просто торговец.

— Я бы вас попросил! — в возмущении откликнулся Таф. — Я экологический инженер. Ковчег способен заново населить целые планеты, Защитник. Да, я всего лишь одиночка, а раньше это судно населяла команда из двухсот человек. Да, мне не хватает формального образования, которым много веков назад располагали те, кто удостоился золотой теты: знака Экологических Инженеров. Но все же я стараюсь, с грехом пополам, внести свой скромный вклад. Если Намор соблаговолит принять мои услуги, я не сомневаюсь, что смогу оказаться полезен.

— Но почему? — настороженно спросила изящная Защитница. — Почему вы так стремитесь нам помочь?

Хэвиланд беспомощно развел громадными белыми руками:

— Я знаю, что могу показаться глупцом. Но ничего не могу поделать! По природе своей я филантроп, и меня бесконечно трогают чужие

страдания и горести. Мне так же невозможно покинуть ваш народ в столь скорбный час, как причинить вред одному из этих котят. Наверняка Экологические Инженеры были слеплены из иного теста, но я бессилен изменить свою чувствительную натуру. И вот я здесь, перед вами, готовый сделать все, что в моих силах.

— И вы ничего не хотите взамен?

— Я буду трудиться безвозмездно. Но, конечно, издержки неизбежны, и я вынужден попросить скромной платы на возмещение расходов. Скажем, три миллиона стандартов. Справедливо, как по-вашему?

— Справедливо, — с сарказмом ответила она. — Я бы сказала, цены у вас немаленькие. Мы повидали подобных вам, Таф. Торговцы оружием, наемники — все стремятся нажиться на нашем несчастье.

— Защитник, — с упреком промолвил Таф. — Вы чудовищно несправедливы ко мне. Для себя я не возьму почти ничего. Но «Ковчег» так велик, обслуживание его обходится так дорого… Возможно, довольно будет и двух миллионов? Не могу поверить, что вы пожалеете для меня такой малости. Неужто ваша планета стоит меньше?

Кефайра Квей вздохнула, и на ее узком лице

проступила усталость.

— Нет, — признала она. — Не пожалеем, если вы и впрямь способны сделать все, о чем говорите. Конечно, наш мир небогат. Мне придется посоветоваться с начальством. Я не уполномочена принимать такие решения. — Она резко встала: — Где находятся ваши средства связи?

— Выходите в дверь, а потом налево по синему коридору. Пятая дверь справа.

Таф неспешно, с достоинством, встал и принялся убирать посуду.

Когда Защитник вернулась, он уже откупорил графин ярко-алой жидкости и поглаживал черно-белую кошку, которая удобно разместилась на столе.

— Вы приняты на работу, Таф, — сказала Кефайра Квей, присаживаясь. — Два миллиона стандартов. *После того,* как выиграете эту войну.

— По рукам, — ответил он. — Давайте теперь обсудим положение вашей планеты за бокалом этого восхитительного напитка.

— Алкоголь?

— Легкий наркотик.

— Защитники не употребляют стимулирующих и успокоительных веществ. Мы — боевое под-

разделение. Вещества, подобные этому, засоряют тело и замедляют рефлексы. Защитник должен быть всегда начеку. Мы защищаем и охраняем.

— Похвально, — ответствовал Хэвиланд Таф, наполняя свой стакан.

— «Лезвие Солнца» простаивает тут зря. Контроль Намора затребовал судно назад; внизу его боевые возможности нужнее.

— Тогда я мигом устрою его отправку. А вы сами как?

— А меня командировали сюда, — сказала она, сморщившись. — Мы стоим наготове, ожидая, как развернется ситуация внизу. А пока я должна ознакомить вас с положением дел и выступать в качестве координатора.

Водная гладь тиха и спокойна: зеленое зеркало простирается до самого горизонта.

Стоял жаркий день. Ярко-желтый солнечный свет потоками лился из-за тонкой гряды позлащенных облаков. Корабль мирно стоял на воде, и его металлические бока отливали серебристой синевой, а открытая палуба была единственным островком суеты в этом океане покоя. Мужчины и женщины — крохотные, точно муравьи, и обнаженные до пояса из-за жары — возились с сетями и землечерпалками. Из-под воды показалась

огромная когтистая лапа; она сжимала комок грязной жижи и водорослей. Потом она исчезла в отверстии водоприемника. Повсюду стояли ведра с огромными молочно-белыми медузами: они мариновались на солнце.

Внезапно поднялась суматоха. Люди безо всякой видимой причины забегали по палубе. Другие остановили работу и в замешательстве оглядывались. Были и такие, кто продолжал работать, не замечая происходящего. Огромная металлическая лапа — теперь пустая и раскрытая — снова протянулась за борт, одновременно с тем, как другая показалась над водой с противоположной стороны. Теперь другие тоже забегали по палубе. Двое мужчин столкнулись и упали за борт.

И вот из-под корабля появилось, извиваясь, первое щупальце.

Оно все росло и росло. Выросло выше, чем дноуглубительная лапа. Там, где оно показывалось из темно-зеленых глубин, оно было толще человеческого туловища, а под конец сужалось до размеров руки. Щупальце было белым — точнее, нежно-белесым, цвета извести. По нижней стороне протянулись ряды ядовито-розовых кругов с обеденную тарелку. Эти круги сжимались, пульсируя, пока щупальце завивалось спираля-

ми над кораблем и вокруг него. На самом конце щупальце расщеплялось на множество усиков — темных, неугомонных, точно змеи.

Ввысь и ввысь поднималось оно, а потом стало опускаться, крепко опутывая судно. У противоположного борта что-то задвигалось, нечто бледное заколыхалось под зеленью воды, и вот показалось второе щупальце. Третье, четвертое… Одно из них сражалось с механической лапой. Другое, точно вуалью, было прикрыто обрывками бесполезных сетей: казалось, чудовище их попросту не замечает. Теперь уже по палубе носились все — кроме тех, кто попался щупальцам. Одно кольцами обвилось вокруг женщины с топором в руках. Она яростно размахивала оружием, вгрызаясь металлом в его бледные объятия, но вот внезапно несчастная выгнулась дугой и сразу затихла. Щупальце отпустило ее — из ран, оставленных топором, слабо сочилась мучнистая жидкость — и принялось за кого-то еще.

Около двадцати щупалец уже присосались к кораблю, когда он внезапно завалился на правый борт. Выжившие скользили по палубе в воду. Судно кренилось все сильнее, словно какая-то сила стремилась его перевернуть, утащить вглубь. Вода хлынула через борт в открытые люки. Корабль

стал разламываться пополам.

Хэвиланд Таф остановил проектор. На огромном экране застыло изображение: зеленое море, золотое солнце, обломки корабля в белесоватых объятиях щупалец.

— Это первое нападение? — спросил он.

— И да, и нет, — отозвалась Кефайра Квей. — До этого при невыясненных обстоятельствах исчезли еще один жатвенный корабль и пассажирское судно на подводных крыльях. Расследование было начато, но мы не знали причин. А в этот раз по случайности рядом оказалась служба новостей: они снимали научно-просветительскую передачу. И просветились сами куда больше, чем того ожидали.

— Вот уж действительно.

— Они снимали с воздуха, с гидроплана. Тем вечером новостная передача чуть не стала причиной всеобщей паники. Но вся серьезность ситуации прояснилась, лишь когда затонул следующий корабль. Тогда Защитники начали осознавать масштабы бедствия.

Хэвиланд вглядывался в экран, его тяжелое лицо было бесстрастно; руки покоились на пульте. Черно-белый котенок заколотил лапкой по его пальцам.

— А ну прочь, Глупость, — сказал он, осторожно перемещая котенка на пол.

— Увеличьте какое-нибудь из щупалец, — предложила Защитник.

Таф молча повиновался. Экран: зернистый крупный план толстенного белесого каната из мышц. Щупальце дугой выгибалось над кораблем.

— Вглядитесь в присоски, — сказала Квей. — Вот эти розовые круги, видите?

— Третий с конца какой-то темный в центре. И, похоже, в нем есть зубы.

— Да, — сказала Кефайра Квей. — У всех у них есть. Наружные губы этих присосок представляют собой своего рода плотный мясистый гребень. Если присоска с силой ударяется обо что-то, она расширяется и создает вакуумное соединение, которое совершенно невозможно расцепить. Но у каждой из них есть еще и рот. В гребне вы найдете мягкий розовый отгиб, и, когда он откидывается, из-под него появляются три ряда зубов — куда более острых, чем вы можете предположить. А теперь, если не возражаете, перейдем к усикам.

Таф прикоснулся к пульту и вывел третий экран с увеличенным изображением: на нем без труда можно было разглядеть клубок извиваю-

щихся змей.

— Глаза, — пояснила Кефайра. — На конце каждого из усиков. Двадцать глаз. Щупальцам не нужно хватать вслепую. Они видят, что делают.

— Просто очаровательно, — сказал Хэвиланд Таф. — А что же находится под водой? Каков источник этих устрашающих рук?

— Дальше вы увидите фотографии, как простые, так и в разрезе, а также компьютерные модели. Большинство полученных нами образцов были сильно повреждены. Туловище этих штуковин напоминает перевернутую чашку, что-то вроде наполовину заполненного мочевого пузыря, окруженного плотным костяным кольцом и мышцами, на которых держатся щупальца. Пузырь наполняется водой и сбрасывает ее, чтобы всплыть к поверхности или погрузиться обратно. Принцип работы, как у подводной лодки. Само по себе весит оно немного, хотя и обладает необыкновенной силой. Вот как оно действует: сливает воду из пузыря, чтобы всплыть на поверхность, хватает предмет и наполняется снова. Объем у пузыря просто невероятный, и, как вы видите, существо тоже недюжинных размеров. При необходимости оно может прокачать воду вверх и ускорить дело, затопив корабль. Видите,

щупальце — это и рука, и рот, и глаз, и живой шланг. Все сразу.

— И вы говорите, что никто из людей не знал о существовании таких тварей, пока они не напали на вас?

— Так и есть. Близкий родственник этой штуки, наморийский кораблик, был широко распространен на заре колонизации. Это был своего рода двадцатирукий гибрид медузы и осьминога. Многие местные виды устроены похожим образом: тело-пузырь, туловище, раковина или что-либо еще, а вокруг — двадцать усиков, или рук, или щупалец. Кораблики были плотоядны, как и это чудище, хотя глаза располагались по кругу на самом туловище, а не лепились к каждому щупальцу. И руки не могли перекачивать воду. А еще они были куда меньше — размером примерно с человека. Они качались на отмелях рядом с берегом, особенно вблизи колоний грязечашников, где рыба ходила косяками. Обыкновенно они питались рыбой, хотя и немало неосторожных пловцов встретили свою кровавую смерть в их объятиях.

— Могу ли я спросить, что случилось с корабликами?

— Они сильно мешали. Их охотничьи угодья

размещались как раз в местах, которые были нужны и нам: мелководье, где вдоволь и рыбы, и водорослей, и водного фрукта, над пластами грязечашников и подводными ходами, которые кишат моллюсками-хамелеонами и прыщевиками. Перед тем как обрабатывать море или собирать с него урожай, нам пришлось почти полностью истребить кораблики. Так мы и сделали. Они не полностью вымерли, но теперь их совсем мало.

— Понятно, — отозвался Хэвиланд Таф. — А у этих ужасно громоздких созданий, у этих живых подводных лодок и истребителей флота, которые принесли вам столько бед, — у них есть какое-нибудь название?

— Наморийские дредноуты, — ответила Кефайра Квей. — Когда они напали впервые, мы предположили, что это какой-то обитатель морских глубин, по случайности всплывший на поверхность. В конце концов, люди заселили Намор всего каких-то сто стандартных лет назад. Мы только-только начали исследовать морское глубоководье, и нам неведомо, что может проживать в самом низу. Но корабли тонули и тонули, и стало очевидно, что мы имеем дело с целой армией дредноутов.

— С целым флотом, — поправил Хэвиланд.

Кефайра Квей бросила на него сердитый взгляд:

— Да какая разница. С *уймой* дредноутов, а не с одним заблудшим представителем вида. Тогда мы решили, что на дне произошла какая-то катастрофа, которая и погнала обитателей к поверхности.

— Но вы сами в эту теорию не верите, — заметил Таф.

— Никто не верит. Ее уже опровергли. Дредноуты не выдержали бы давления толщи воды. Поэтому мы не знаем, откуда они появились. — Она нахмурилась. — Знаем только, что теперь они здесь.

— Да уж, — сказал Хэвиланд. — Неудивительно, что вы дали им отпор.

— Естественно. Хотя мы выиграли одну битву, но не войну. Намор — планета молодая, у нас нет ни людей, ни знаний, чтобы победить в схватке, в которую мы вовлечены. Три миллиона наморийцев разбросаны по нашим морям. Они живут на мелких островах, которых больше семнадцати тысяч. Остальные ютятся на Новой Атлантиде, нашем единственном крошечном континенте. Большая часть населения — это рыболовы и

морские фермеры. Когда все это только началось, Защитников было всего-то пятьдесят тысяч. Наши предки — экипажи кораблей, что привезли на Намор колонистов со Старого Посейдона и с Водолея. Мы всегда защищали жителей, но раньше наша задача была проста. Эта планета была мирной, конфликты возникали редко. Посейдонцы и водолейцы постоянно соперничали друг с другом, но довольно миролюбиво. Защитники обеспечивали оборону планеты (этим занималось и «Лезвие Солнца», наряду с двумя другими судами), но в основном мы боролись с пожарами, наводнениями, помогали при стихийных бедствиях, выполняли функции полиции — ну и все в этом духе. У нас было около сотни патрульных катеров на подводных крыльях. Мы какое-то время пользовались ими для сопровождения жителей, даже нанесли небольшой урон противнику, но разве катерам под силу соперничать с дредноутами? Да и в любом случае, вскоре стало ясно, что последних куда больше, чем патрульных судов.

— А также патрульные катера не размножаются, как, я полагаю, делают эти дредноуты, — заметил Таф. Глупость и Сомнение устроили драку у него на коленях.

— Именно. И все же мы попытались. Мы бросали глубинные бомбы, когда видели их под водой, и торпедировали, когда они всплывали к поверхности. Мы убивали их сотнями. Но сотни оставались, а наши потери были невосполнимы. Намор не располагает сколь-нибудь значительной технической базой. В лучшие дни мы импортировали необходимую технику с Бразелорна и из Долины Арин. Наши люди живут очень просто — да и ресурсов планеты не хватило бы на индустриализацию. У нас мало тяжелых металлов и практически нет органического топлива.

— Сколько у вас осталось патрульных катеров? — спросил Хэвиланд Таф.

— Около тридцати. Но мы больше ими не рискуем. Через год после первого нападения дредноуты полностью завладели нашими водными путями. Все жатвенные корабли были уничтожены, сотни морских ферм брошены или погублены, половина рыбаков истреблена, а вторая испуганно сгрудилась в портах. Люди не решались передвигаться по морям Намора.

— Ваши острова находятся в отдалении друг от друга?

— Не вполне. У Защитников есть двадцать

военных гидропланов, а еще сотня находится в частных руках. Мы их реквизировали и вооружили. Также у нас есть и дирижабли. Гидропланы и автолеты содержать на Наморе хлопотно и накладно. Детали раздобыть трудно, техников тоже днем с огнем не сыщешь, поэтому большинство перелетов до начала бедствия осуществлялось посредством дирижаблей, работающих на солнечной энергии, наполненных гелием, громадных. Флот был довольно внушительным, около тысячи единиц транспорта. Одни дирижабли доставляли провизию на некоторые из маленьких островов, которым угрожал голод; остальные, наряду с гидропланами, продолжали войну. Мы с безопасного расстояния сбрасывали химикаты, ядовитые и взрывчатые вещества и уничтожили тысячи дредноутов, но поплатились за это жестоко. Они собирались вокруг наших лучших рыболовных участков и скоплений грязечашников, поэтому нам пришлось подрывать и отравлять те области, в которых мы наиболее нуждались сами. Но выбора у нас не было. На какой-то момент нам даже показалось, что мы одерживаем верх: рыболовные лодки понемногу стали отплывать в море и возвращаться в целости — конечно, в сопровождении охранного

отряда гидропланов.

— Но, очевидно, дело на том не кончилось, — заметил Хэвиланд Таф. — Иначе мы бы сейчас с вами не беседовали.

Сомнение влепила младшенькой, Глупости, затрещину, и та упала с колен Тафа на пол. Таф нагнулся и вернул ее на место.

— Вот, — сказал он, протягивая котенка Кефайре. — Подержите ее, если не возражаете. Их мелочная война отвлекает мое внимание от более значительной.

— Я… ну что ж, конечно. — Защитник осторожно взяла в руку маленькую черно-белую кошечку. — А что это такое?

— Кошка, — ответил Таф. — И она выпрыгнет у вас из руки, если вы продолжите держать ее, как отравленный плод. Будьте так любезны посадить животное к себе на колени. Уверяю вас, оно абсолютно безвредно.

Кефайра Квей с нерешительным видом посадила котенка на колено. Глупость взвыла, снова чуть не свалившись на пол, и запустила коготки в ткань униформы.

— Ой! — сказала Кефайра. — Да у него шпоры!

— Коготки, — поправил Таф. — Крохотные и безобидные.

— Не отравленные?

— Полагаю, что нет. Погладьте ее. Вот так, сверху вниз. Это снимет излишнее возбуждение.

Кефайра Квей с сомнением прикоснулась к голове котенка.

— Пожалуйста, — попросил Таф. — Погладьте, а не похлопайте.

Защитница принялась поглаживать котенка, и в тот же миг Глупость замурлыкала. Женщина остановилась и подняла на Тафа полный ужаса взгляд:

— Оно дрожит! И издает звуки.

— Такая реакция считается благоприятной, — успокоил ее Таф. — Прошу вас продолжить свои действия. И свою речь. Если вам будет угодно.

— Разумеется. — Квей вернулась к своему занятию, и Глупость уютно устроилась у нее на колене. — Если не возражаете, давайте перейдем к следующей записи.

Таф убрал с главного экрана изображения атакованного корабля и дредноута. На их месте появилась новая сцена: зимний день, на вид ветреный и холодный. Темная вода, покрытая рябью; ветер взбивает в ней клочья пены. Дредноут качается на волнах, и его гигантские щупальца, разбросанные в стороны, придают чудищу

вид громадного разбухшего цветка. Когда они пролетают над дредноутом, его щупальца слабо взвиваются ввысь: две руки с навершиями из змей показываются над водой, но они летят слишком высоко, они в безопасности. Похоже, они находятся в гондоле длинного серебристого дирижабля и смотрят вниз через застекленное смотровое окно. Пока Таф наблюдал, точка обзора сменилась, и стало ясно: их судно входит в конвой из трех колоссальных дирижаблей, с величавым безразличием проплывающих над истерзанными войной водами.

— «Дух Водолея», «Лайл Ди» и «Тень Небес», — сказала Кефайра Квей. — Участники операции по спасению жителей маленького скопления островов на севере, где свирепствовал голод. Они собирались эвакуировать население и отправить всех на Новую Атлантиду. — Голос ее зазвучал мрачно. — Эта запись была сделана новостной командой с борта «Тени Небес», единственного спасшегося дирижабля. Смотрите.

Корабли все плыли по небу, спокойные в своей неуязвимости. Затем, прямо перед серебристо-голубым носом «Духа Водолея» вода забурлила, что-то зашевелилось под мрачной зеленью водного покрова. Что-то большое… но не дредноут.

Ибо это нечто было не белесым, а темным. Участок воды над ним становился чернее и чернее, а затем вздулся бугром. Показался величественный купол цвета черного дерева и начал расти, словно остров выплывал из глубин морских, черный, кожаный и невероятно огромный, и двадцать длинных черных щупалец окружали его. Он надувался, и ширился, и рос с каждой секундой все выше, пока, наконец, не оторвался от воды. С повисших щупальцев капала вода, но потом они тоже стали подниматься, потянулись в стороны. Существо сравнялось в размерах с дирижаблем, который летел ему навстречу. Когда они столкнулись, было похоже, что два небесных левиафана сошлись, чтобы спариться. Черная громадина устроилась сверху серебристо-синего дирижабля, и руки его обхватили судно смертельным объятием. Было видно, как треснула внешняя обшивка корабля, как разорвались и сморщились баллоны с гелием. «Дух Водолея» извивался и брыкался, точно живой, а потом зачах в черных объятиях своего любовника. Когда все закончилось, темное создание бросило обломки в море.

Таф остановил изображение и печальным взором изучил крохотные фигурки, прыгающие с обреченной гондолы.

— Еще один такой же настиг «Лайл Ди» на обратном пути, — рассказала Кефайра Квей. — «Тени Небес» удалось спастись, и так мы узнали о случившемся. Но со следующей миссии ее экипаж так и не вернулся. Более сотни дирижаблей и двенадцать гидропланов потеряли мы в первую неделю после появления огненных шаров.

— Огненных шаров? — осведомился Хэвиланд Таф. Он поглаживал Сомнение, что сидела на пульте управления. — Я не заметил никакого огня.

— Мы придумали название, когда расправились с первой из проклятых тварей. Гидролет Защитников выстрелил в нее очередью разрывных, и она взорвалась, точно бомба, а потом погрузилась в море, все еще полыхая. Они на удивление легко воспламеняются; одна вспышка лазера — и они взрываются, просто любо-дорого поглядеть.

— Водород, — сказал Хэвиланд Тафт.

— Вот именно, — подтвердила Защитник. — Целый экземпляр нам раздобыть так и не удалось, но, сложив кусочки вместе, мы поняли, как устроены эти существа. Они могут самостоятельно вырабатывать электрический ток. Вбирают в себя воду и производят своего рода биологиче-

ский электролиз. Кислород выводится в воду или в атмосферу, и организм движется на этой воздушной струе. Водород же наполняет их капсулы и поднимает над морем. Когда они желают вернуться обратно, то приоткрывают верхний клапан — вот, посмотрите, это он, — и весь газ вылетает, и огненный шар погружается обратно в воду. Внешний покров у них из очень прочной кожи. Они медлительны, но умны. Порой они прячутся за облаками и сверху нападают на ничего не подозревающие гидропланы. Вскоре, к своему ужасу, мы обнаружили, что размножаются они столь же быстро, сколь и дредноуты.

— Звучит весьма интригующе, — отозвался Хэвиланд Таф. — Осмелюсь предположить, что с появлением огненных шаров воздух вы потеряли так же, как до этого лишились моря.

— В той или иной степени, — признала Кефайра. — Наши дирижабли были чересчур медленными, и мы не стали ими рисковать. Мы попытались как-то наладить дело, посылая их караванами, под охраной автолетов и гидропланов, но даже этот план провалился. Утро Огненного Рассвета… Я была там, командовала девятиорудийным гидропланом… это было чудовищно…

— Продолжайте, — сказал Хэвиланд.

— Огненный Рассвет, — пробормотала она без всякого выражения. — Мы… всего там было тридцать дирижаблей. Тридцать! Огромный караван под защитой дюжины вооруженных гидропланов. Путь был долгим: от Новой Атлантиды к Сломанной Руке. Так называется одно крупное скопление островов. Ближе к рассвету второго дня, когда восток только начал окрашиваться красным, море под нами стало… бурлить. Как кастрюля, в которой закипает суп. То были они — выбрасывали кислород и водород, поднимались в воздух. Тысячи их, Таф, тысячи. Море бешено вспенилось, и они вставали, эти черные тени, шли на нас — со всех сторон, насколько хватало глаз. Мы ударили по ним: лазером, разрывными снарядами, всем, что было под рукой. Словно само небо было охвачено пламенем. Все эти штуки чуть не лопались от водорода, а воздух опьянял, так насыщен он был кислородом, который они выбрасывали. Мы назвали то утро Огненным Рассветом. И это было ужасно. Повсюду крики, пылающие шары, обломки наших дирижаблей падают в воду, тела охвачены пламенем. А внизу поджидали дредноуты. Я видела, как они хватали упавших пловцов; эти бледные щупальца обвивались вокруг них и утягивали на дно. В

битве уцелели четыре гидроплана. Четыре. Мы потеряли все дирижабли, всех членов экипажей.

— Какая мрачная история, — сказал Таф.

В глазах Кефайры Квей появилось затравленное выражение. Она механически поглаживала Глупость; губы ее были плотно сжаты, а взгляд не отрывался от экрана, где первый огненный шар парил над опрокинутым трупом «Духа Водолея». Наконец она заговорила снова:

— С тех пор жизнь превратилась в непрекращающийся кошмар. Мы потеряли моря. Три четверти Намора истерзаны голодом и находятся на грани гибели. Только на Новой Атлантиде еще есть запасы еды, так как лишь там широко практикуется обработка земли. Защитники продолжают войну. «Лезвие Солнца» и два других космических корабля пришли на помощь: сбрасываем бомбы на колонии этих тварей, осыпаем их ядом, эвакуируем жителей мелких островов. С помощью автолетов и быстроходных гидропланов мы поддерживаем кое-какие контакты с отдаленными островами. И, конечно, у нас есть радио. Но мы едва держимся. За последний год перестали поступать сигналы с двадцати островов. В четверти случаев мы отправляли патрули справиться, что же произошло. Те, что вернулись,

сообщали об одном и том же: горы гниющих на солнце трупов. Дома в руинах. Копуны и ползунки обгладывают тела. А на одном острове нашли кое-что еще. Нечто еще более ужасающее. Остров звался Морской Звездой. Этот крупный портовый остров заселяли почти сорок тысяч человек, но затем торговля резко прекратилась. Все были ужасно потрясены, когда Морская Звезда не вышла на связь. Переходите к следующей записи, Таф. Давайте же.

Таф понажимал на подсвеченные клавиши пульта.

Нечто мертвое лежало в сине-фиолетовых прибрежных песках.

Это был всего один кадр. У Хэвиланда Тафа и Защитника Кефайры Квей было довольно времени, чтобы как следует изучить мертвое тело, распластавшееся во всем великолепии гниения. Вокруг него рассыпались, словно мусор, трупы людей. На фоне того, что лежало рядом, они казались совсем крошечными. Бездыханное нечто по форме напоминало перевернутую чашу размером с дом. Его кожистая плоть, успевшая растрескаться на солнце и покрытая гноящимися пустулами, была пятнисто-зеленой. Вокруг него, как спицы от колеса, распластались по песку

отростки — десяток перекрученных зеленых щупалец с бело-розовыми ртами в складках и вперемешку с ними — десять конечностей, жестких и застывших на вид, черных, с выступающими суставами.

— Ноги, — с горечью промолвила Кефайра Квей. — До того, как его убили, оно ходило, Таф. Мы нашли только один экземпляр, но этого было достаточно. Теперь мы знаем, почему замолкают наши острова. *Они* выходят из моря, Таф. Подобные ему существа. Большие, маленькие, разные — они, как пауки, передвигаются на десяти ногах, а щупальцами хватают жертв и пожирают. Панцирь у них толстый и твердый. Одним разрывным снарядом или вспышкой лазера их уже не взорвешь, это вам не огненные шары. Теперь вы понимаете. Сначала море, потом воздух, и вот — земля. Земля. Они выбегают из моря тысячами, заполняя берег подобно волнам ужасного прилива. Только на прошлой неделе они захватили два острова. Они намереваются стереть нас с лица планеты. Без сомнения, кое-кто из нас выживет, найдет прибежище высоко в горах Новой Атлантиды, но это будет жизнь недолгая и исполненная мук. И длиться она будет до тех пор, пока Намор не обрушит на нас

что-нибудь еще, какое-нибудь новое порождение кошмарного сна.

В ее голосе прорывались истерические нотки.

Хэвиланд Таф выключил пульт, и экран погас.

— Успокойтесь, Защитник, — сказал он, повернувшись к ней. — Ваши страхи объяснимы, но нет никакой нужды бояться. Теперь я лучше понимаю, что происходит. Бедствие, постигшее вас, ужасно — в этом нет никаких сомнений, — но надежда есть.

— Вы все еще полагаете, что сможете нам помочь? Один со своим кораблем? Не подумайте, что я отговариваю вас; ни в коей мере… Мы ухватились бы и за соломинку… Но…

— Но вы не верите мне, — сказал Таф с легким вздохом. — Сомнение, — обратился он к серому котенку, поднимая его в своей огромной белой ладони, — как же удачно я тебя назвал.

Он снова перевел взгляд на Кефайру Квей.

— Я человек великодушный, а вы претерпели столько жестоких испытаний, поэтому я не буду обращать внимания на то, как вы мимоходом принизили меня и мои способности. А теперь, если вы позволите, у меня много дел. Ваши люди прислали множество подробнейших отчетов об этих существах и об экологии Намора в об-

щем. Мне крайне необходимо изучить их со всей тщательностью, только так я пойму ситуацию правильно и смогу ее проанализировать. Спасибо, что ввели меня в курс дела.

Кефайра Квей нахмурилась, спустила Глупость со своих колен на пол и встала.

— Ну, хорошо. Когда вы будете готовы?

— Не могу сообщить вам о сроках с какой бы то ни было точностью, пока не проделаю некоторых имитационных экспериментов. Возможно, мы начнем через день. Возможно, через месяц. Или еще позже.

— Если подготовка займет слишком много времени, вам непросто будет раздобыть причитающиеся два миллиона стандартов, — огрызнулась она. — Мы уже все перемрем.

— Да уж, — согласился Таф. — Я изо всех сил постараюсь избежать такого развития событий. А теперь, если не возражаете, я хотел бы приступить к работе. За ужином мы сможем побеседовать еще. Я угощу вас овощным рагу а-ля Анон, а перед тем подам огненные торские грибы, они отлично разжигают аппетит.

Квей шумно вздохнула.

— Опять грибы? — посетовала она. — У нас были тушеные грибы с перцем на ланч и хрустящие

грибы в горьких сливках на завтрак.

— Мне нравятся грибы, — сказал Таф.

— А я от них устала. — Кефайра хмуро поглядела на Глупость, что терлась о ее ноги. — Могу я предложить какое-нибудь блюдо из мяса? Или морепродуктов? — Казалось, она замечталась. — Я уже много лет не ела грязечашников. Иногда они мне даже снятся. Расколешь его, подольешь внутрь масла — и давай вычерпывать мякоть… Вы даже не представляете, какое нежное у них мясо! Или саблеплавник. Ох, я бы убила за саблеплавник с гарниром из морской травы…

Хэвиланд Таф бросил на нее суровый взгляд:

— Мы здесь не едим животных.

Он принялся за работу, не обращая больше внимания на Кефайру, а та встала и удалилась; Глупость следовала за ней вприпрыжку.

— Да уж, — пробормотал Таф. — Подходящая компания для нее.

Четыре дня и очень много грибов спустя Кефайра Квей начала требовать от Хэвиланда Тафа хоть каких-нибудь результатов.

— Чем вы вообще занимаетесь? — спросила она за ужином. — Когда вы намереваетесь действовать? Каждый день вы запираетесь у себя, а ситуация на Наморе все ухудшается. Час назад,

пока вы возились со своими компьютерами, я говорила с лордом Защитником Харваном. Таф, пока мы тут с вами мнемся и колеблемся, Малый Водолей и Танцующие Сестры перестали выходить на связь.

— Мнемся и колеблемся? — повторил Хэвиланд Таф. — Защитник, я не мнусь. Я никогда не мялся и не намерен начинать в ближайшем будущем. Мне нужно переварить огромный объем информации.

Кефайра Квей фыркнула:

— Вы хотите сказать, огромный объем грибов?

Она встала, сбросив Глупость с колен. В последнее время они с котенком были просто не разлей вода.

— На Малом Водолее жили около двенадцати тысяч человек, и почти столько же — на Танцующих Сестрах. Подумайте об этом, пока будете переваривать, Таф.

Она резко повернулась и удалилась из комнаты.

— Да уж, — сказал Хэвиланд Таф, возвращаясь к своему пирогу из сладкоцвета.

Следующая их перебранка случилась через неделю.

— Ну? — Защитник встала в проходе коридора,

мешая Тафу продолжить свой путь к рабочему кабинету.

— Ну, — повторил он. — День добрый, Защитник.

— День сегодня вовсе не добрый, — сказала она в раздражении. — Контроль Намора сообщил мне, что мы потеряли Рассветные Острова. Около десяти гидропланов пропали, защищая их, а еще все корабли, что швартовались в местной гавани. Что вы на это скажете?

— До чего трагично, — отозвался Таф. — Мои соболезнования.

— Когда вы уже будете готовы?

Он несколько раз пожал плечами:

— Понятия не имею. Вы задали мне непростую задачу. Чрезвычайно сложная задача. Сложная. Да, это слово отлично ее описывает. Возможно, тут бы еще подошло определение «интригующая». Однако смею вас заверить, что мое сердце исполнено сочувствия к бедствиям Намора, а голова — размышлений о том, как вам помочь.

— Так вот что это для вас, Таф? Задача и только?

Хэвиланд Таф слегка нахмурился и сложил руки на груди, как раз над выпирающим брюшком.

— Да, это действительно задача.

— Нет. Это не просто задача. Мы тут не в игры играем. Там, внизу, погибают живые люди. Погибают, потому что Защитники не оправдали их доверия. И потому что вы не делаете ничего! Ничего.

— Успокойтесь. Уверяю вас: я не покладая рук тружусь над вашим поручением. Но вы должны учитывать, что мое задание не в пример сложнее вашего. Конечно, это все прекрасно: сбрасывать бомбы на дредноуты, кидаться разрывными снарядами в огненные шары и смотреть, как они горят. Но вы не очень-то преуспели, действуя безыскусно и по старинке, Защитник. Экологическая инженерия — дело гораздо более замысловатое. Я изучаю отчеты ваших командиров, морских биологов, историков. Я предаюсь размышлениям и анализу. Я разрабатываю различные схемы действий и моделирую их на мощных компьютерах «Ковчега». Рано или поздно я раздобуду для вас ответ.

— Рано, — отчеканила Кефайра. — Намору нужны результаты, и я тут согласна со своим начальством. Совет Защитников начинает терять терпение. Рано, Таф, а не поздно. Я вас предупредила. — Она отступила в сторону, давая ему пройти.

Следующие полторы недели Кефайра Квей избегала Тафа всеми возможными способами. Она не приходила к ужину и хмурилась, натыкаясь на Хэвиланда в коридоре. Каждый день она удалялась в комнату для переговоров и вела многочасовые беседы с начальством, оставшимся там, внизу; они держали ее в курсе событий. Все было плохо. Все новости, все до одной, были очень плохими.

Наконец дело подошло к развязке. Бледная и разъяренная, она ворвалась в затемненную комнату, которую Таф называл своим «боевым командным пунктом». Сейчас он сидел перед целым рядом мониторов и наблюдал, как синие и красные линии гоняются друг за другом по клеткам решетки.

— Таф! — взревела она. Он выключил экраны и повернулся к ней, легким движением смахнув Неблагодарность на пол. Скрытый тенями, он оглядел ее безразличным взглядом.

— Совет Защитников дал мне приказ, — сказала она.

— Поздравляю, — отозвался он. — Я заметил, что бездействие последних недель лишило вас покоя.

— Совет желает от вас немедленных действий,

Таф. Немедленных. Сегодня же. Вы поняли меня?

Хэвиланд сложил руки под подбородком, словно в молитве.

— А мне обязательно терпеть помимо враждебности и нетерпения еще и оскорбительные нападки на мой интеллект? Уверяю: все, что нужно понимать про этих ваших Защитников, я понял. А вот в чем я разобрался не до конца, так это в своеобразной и причудливой экологии Намора. И пока я не пойму всей картины целиком, действовать я не могу.

— Вы будете действовать, — внезапно в руках у Кефайры появился лазерный пистолет, и нацелен он был прямо Тафу в живот. — Вы будете действовать прямо сейчас.

На Хэвиланда Тафа это не произвело никакого эффекта.

— Насилие, — сказал он с легким упреком в голосе. — Возможно, перед тем как прожечь во мне дыру и тем самым обречь на гибель себя и весь свой мир, вы захотите дать мне возможность объясниться?

— Валяйте, — сказала она. — Я послушаю. Только быстро.

— Превосходно, — ответил Хэвиланд Таф. — Защитник, на Наморе происходит нечто очень

странное.

— Я вас предупредила, — сухо отозвалась она. Прицел не сдвинулся.

— И в самом деле. Вас уничтожает нашествие существ, которых, за неимением лучшего, мы всех вместе обозначим как «морские чудовища». За менее чем двенадцать стандартных лет появились три новых вида. Каждый из них, очевидно, возник лишь недавно, или, во всяком случае, ранее был науке неизвестен. И, как мне кажется, таких совпадений просто не бывает. Ваш народ уже более века живет на Наморе, и все же до недавнего времени вы не слышали ничего ни о дредноутах, ни об огненных шарах, ни о ходоках. Кажется, будто против вас ведет войну какой-то злобный брат моего «Ковчега», но дело, естественно, не в этом. Не важно, когда они появились, но эти морские чудовища — порождение самого Намора, продукт местной эволюции. Ваши моря полны их родичами: грязечашниками, прыщевиками, медузами-танцовщицами и корабликами. Так вот. О чем нам это говорит?

— Не знаю.

— И я не знаю. Давайте размышлять дальше. Эти морские чудовища невероятно плодовиты. Они кишат в океанах, они заполнили небо, они

набегают на густонаселенные острова. Они убивают. Но только не друг друга! И у них, похоже, нет других естественных врагов. Их численность не сдерживается обычными жестокими методами, присущими любой экосистеме. Я с огромным интересом изучил отчеты ваших ученых. В этих морских чудовищах потрясает многое, но, возможно, самое таинственное здесь то, что ничего не известно об их детенышах. Мы видели только их взрослые особи. Гигантские дредноуты рыщут по морям и топят корабли, громадные огненные шары кружат по вашим небесам. А где же, позвольте спросить, малыши-дредноуты и крошечные шарики? Вот где, скажите мне?

— Глубоко под водой.

— Возможно, Защитник. Возможно. Но наверняка вы этого не знаете, равно как и я. Эти чудища выглядят очень впечатляюще, но на других планетах я видел хищников не менее внушительных. И, надо сказать, их число было меньше тысяч. Меньше сотен даже. А почему? Ох, да из-за детенышей, яиц, птенцов! Они не столь огромны, как взрослые, и большинство из них умирает, не достигнув этих ужасных размеров. Похоже, на Наморе этого не происходит. Похоже, здесь вообще все по-другому. Что бы это могло

значить? Да уж, что бы это могло значить? — Таф пожал плечами. — Пока сказать не могу, но я работаю над этим, я размышляю, я дерзаю разгадать загадку ваших чрезмерно изобильных морей.

Кефайра Квей поморщилась:

— А мы умираем. Мы умираем, а вам наплевать.

— Я протестую! — начал Таф.

— Помолчите! — осадила она, помахав пистолетом. — Вы уже высказались, теперь буду говорить я. Сегодня оборвалась связь со Сломанной Рукой. Сорок три острова, Таф. И я даже не решаюсь подумать, сколько там было людей. Все исчезли, за один-единственный день. Помехи в радиоэфире, паника. Тишина. А вы тут сидите и толкуете о загадках. Довольно. Вы начнете действовать сейчас. Я настаиваю. Или, если хотите, угрожаю. Позже мы разберемся в этих ваших «отчего» да «почему». А пока что мы перебьем их всех до единого, не задавая лишних вопросов.

— Давным-давно, — заговорил Таф, — была одна планета. Почти рай земной, за исключением одного недостатка: насекомого размером с моль. Безобидная тварь, но роилась тучами. Кормилась микроскопическими частицами летучих грибов. Местные прямо-таки ненавидели

эту крошечную мошку: порой она собиралась в такие огромные облака, что заслоняла солнце. Когда жители покидали дома, мошки садились на них тысячами, будто живое одеяло. И вот самозваный экологический инженер предложил им решение проблемы. С одной дальней планеты он привез другое насекомое покрупнее, которое стало питаться этим. План сработал просто великолепно. Новые насекомые все плодились и плодились, ведь в этой экосистеме у них не было естественного врага, и наконец полностью смели старичков с лица планеты. Это был полный триумф. К несчастью, у него оказались непредвиденные побочные эффекты. Этот захватчик, истребив одну форму жизни, перешел на другие, более полезные. Исчезли многие виды местных насекомых. Птицы, лишенные своей привычной пищи и неспособные кормиться чужеземным жучком, тоже оказались в плачевном состоянии. Растения больше не опылялись. Целые леса, целые джунгли изменились и стали увядать. А споры грибка, которыми питались надоедливые мошки, стали множиться безо всякого контроля. Грибок вырос повсюду: на зданиях, на злаках, даже на животных. В двух словах, все в экосистеме пошло наперекосяк. Если вы приедете на эту

планету сегодня, то увидите, что она абсолютно мертва — за исключением жуткого грибка, который растет повсюду. Таковы плоды поспешных действий, не подкрепленных тщательным исследованием. Совершая необдуманные поступки, мы идем на большой риск.

— А если не совершать вообще никаких поступков, то нас ждет неминуемая гибель, — упрямо настаивала Кефайра Квей. — Нет, Таф. Вы кормите меня баснями, но у нас просто нет выбора. Защитники согласны пойти на любой риск. Я получила приказ. Если вы не сделаете то, о чем я вас прошу, я воспользуюсь этим. — Она потрясла оружием.

Хэвиланд Таф сложил руки на груди.

— Если вы воспользуетесь этим, то совершите большую глупость. Конечно, со временем вы научитесь управлять «Ковчегом». Но на это уйдут годы — те самые годы, которых, как вы сказали, в вашем распоряжении нет. Я продолжу работать вам на пользу и забуду о ваших угрозах и этой дурацкой пушке, но действовать я буду лишь тогда, когда сам пойму, что готов. Я экологический инженер. У меня есть личные и профессиональные принципы. И, вынужден заметить, что без моей помощи у вас не остается совершенно ника-

ких надежд. Абсолютно никаких. Это знаете вы, это знаю я, и поэтому давайте воздержимся от драматических поступков. Вы не воспользуетесь лазером.

Кефайра Квей казалась потрясенной.

— Вы… — в замешательстве пролепетала она, лазер задрожал в ее руке. Но Защитник быстро пришла в себя. — Вы ошибаетесь, Таф. Я воспользуюсь лазером.

Хэвиланд Таф молчал.

— Но выстрелю не в вас. Я буду убивать ваших кошек, одну за другой, день за днем, пока вы не начнете действовать.

Она слегка шевельнула запястьем, и дуло указывало теперь не на Тафа, а на крошечную фигурку Неблагодарности, что рыскала по комнате туда-сюда, охотясь за тенями.

— И начну с этой. На счет три.

Лицо Тафа ничего не выражало.

— Один, — сказала Кефайра Квей.

Таф сидел неподвижно.

— Два.

Таф нахмурился, и его белый как мел лоб пошел складками.

— Три, — выпалила Квей.

— Нет, — быстро проговорил Таф. — Не стре-

ляйте. Я сделаю то, чего вы требуете от меня. Я могу начать клонирование в течение ближайшего часа.

Защитник убрала лазерную пушку в кобуру.

Так Хэвиланд Таф безо всякой охоты ввязался в войну.

Весь первый день он просидел в своем командном пункте перед гигантским пультом. Губы его были плотно сжаты, он молча вращал какие-то переключатели, нажимал на светящиеся кнопки и голографические клавиши. А там, в другом отсеке «Ковчега», мутные жидкости разных цветов и оттенков переливались в пустые бочонки, стоявшие вдоль стен центральной галереи. Крошечные манипуляторы, чувствительные, точно руки опытного хирурга, перекладывали образцы из коллекции клеток, опрыскивали их, производили какие-то действия. Таф ничего этого не видел. Он оставался на своем посту, запуская клонирование одного образца за другим.

На следующий день он занимался тем же самым.

На третий день он встал и медленно прошелся по длинной галерее, где уже начали расти его создания: их смутные формы слабо шевелились или неподвижно покоились в мутноватой жид-

кости. Некоторые емкости были огромными, словно посадочная полоса «Ковчега»; другие, крохотные, были размером с ноготь. Хэвиланд Таф останавливался у каждой; проверял показания счетчиков и приборов, тихо и внимательно следил за шпионоскопами. Порой он отлаживал какие-то параметры. К концу дня он продвинулся лишь до середины длинной гулкой галереи.

На четвертый день он закончил свой обход.

На пятый день он воспользовался хронокрутом.

— Время подчиняется ему, — объяснил он Кефайре Квей, когда та спросила у него, что это за предмет. — Он может замедлить его или приказать ему нестись. Мы ускорим время, чтобы воины, которых я выращиваю, стали взрослыми быстрее, чем в естественной среде.

На шестой день он хлопотал на посадочной полосе, готовя два своих шаттла к перевозке создаваемых им клонов, присоединяя к судам различные емкости и наполняя их водой.

Утром седьмого дня он присоединился к Кефайре Квей за завтраком и объявил:

— Защитник, мы готовы начать.

— Так быстро? — изумилась она.

— Не все из моих созданий достигли зрелости,

но так и должно быть. Некоторые из них просто огромны, и мы можем перевезти их на планету, лишь пока они не полностью выросли. Конечно, я продолжу производить клонов. Мы должны обеспечить должное число особей, чтобы вид стал жизнеспособным. Тем не менее мы достигли той стадии процесса, когда можно начинать засеивание морей Намора.

— Какова ваша стратегия?

Хэвиланд Таф отставил тарелку в сторону и поджал губы:

— Стратегия, согласно которой я действую сейчас, очень груба и недостаточно проработана, Защитник. Знаний, на которых я основывался, явно недостаточно. Я не беру на себя ответственность за неудачу. Ваши бесчеловечные угрозы вынудили меня к чрезмерной поспешности.

— И все же, — огрызнулась она, — что вы делаете в данный момент?

Таф сложил руки на животе.

— Биологическое оружие, как и другие боевые средства, бывает различных форм и видов. Лучший способ убить человека — это разок стрельнуть ему лазером прямо в центр головы. В биологическом смысле аналогом этого выстрела может быть какой-нибудь хищник, или

естественный враг, или какая-нибудь эпидемия, затрагивающая лишь один вид. Ввиду нехватки времени я не смог разработать столь экономичное решение.

Другие способы подходят не так идеально. Я, конечно, мог бы воспользоваться какой-нибудь инфекцией, которая бы очистила вашу планету от дредноутов, огненных шаров и ходоков. Существует даже не одно, а несколько подобных заболеваний. Беда в том, что у ваших морских чудищ есть близкие родственники среди других видов водной фауны. Эти двоюродные братья и дядюшки тоже могут пострадать. Согласно моим предположениям, около трех четвертей обитателей наморских океанов могут пасть жертвой подобной атаки. Помимо этого, в моем распоряжении есть быстро размножающиеся грибы и микроскопические организмы, которые в буквальном смысле заполонят ваши моря и вытеснят из них всю прочую жизнь. Такой выбор нас тоже не устроит. Если вспомнить аналогию, которую я привел минуту назад, подобные методы идентичны тому, чтобы убить одного-единственного человека, взорвав маломощное термоядерное устройство в городе, где он проживает. Поэтому такие средства я исключил.

Вместо этого я воспользовался стратегией, которую можно сравнить с действием дробовика: я введу в экосистему Намора новые виды в надежде, что некоторые из них окажутся эффективными конкурентами ваших морских чудовищ, способными снизить их численность. Среди моих боевых единиц есть громадины, настоящие убийцы — они достаточно велики, чтобы питаться даже дредноутами. Другие малы и подвижны, они атакуют стаями и быстро размножаются. Попадаются и совсем крошки; я надеюсь, что они смогут обнаружить, где обитают детеныши ваших кошмарных созданий, и смогут истреблять их, пока те еще не выросли и не набрались сил. Как видите, я преследую несколько целей одновременно. Бросаю на стол целую колоду, вместо того чтобы воспользоваться одним козырем. Но раз уж вы поставили мне такой жестокий ультиматум, что мне оставалось делать? — Таф кивнул Кефайре. — Полагаю, вы должны быть довольны, Защитник.

Она сдвинула брови и промолчала.

— Если вы уже доели эту восхитительную кашу из сладких грибов, мы можем приступить к делу. Не хочу, чтобы вы считали, будто я умышленно тяну время. Вы, естественно, умеете управляться

с летательными средствами?

— Да, — отрезала она.

— Вот и отлично! — воскликнул он. — Я расскажу вам о некоторых особенностях моих транспортных средств. К этому моменту они уже полностью загружены, и можно начинать первый перелет. Мы будем совершать длительные рейсы над водами ваших океанов и сбрасывать груз прямо в их бушующие волны. Я полечу на «Василиске» над северным полушарием. Вы возьмете «Мантикору» и займетесь югом. Если возражений нет, давайте быстренько изучим маршруты, которые я для нас разработал.

Он чинно и с достоинством встал из-за стола.

Следующие двадцать дней Хэвиланд Таф и Кефайра Квей носились туда-сюда по встревоженным небесам Намора и точно по координатной сетке засеивали моря. Защитник взялась за поручение с особым рвением. Хорошо было снова оказаться в деле, и вдобавок ее подкрепляла надежда. Теперь у дредноутов, огненных шаров и ходоков будут собственные кошмары — пусть попробуют с ними справиться! Кошмары, собранные с полусотни планет по всей Вселенной.

Со Старого Посейдона прибыли угри-вампиры, чудовища наподобие лох-несского, и паутини-

стые водоросли — прозрачные, острые как бритва и смертельно опасные.

С Водолея Таф взял черных и алых стервятников (вторые были побыстрее), ядовитых дымных щенков и ароматных плотоядцев под названием «дамская погибель».

С Планеты Джеймисона бочки произвели на свет песчаных драконов, дрирхэнтов и дюжину видов водных змей — ярких расцветок, от крошечных до огромных.

А с самой Старой Земли в коллекции клеток отыскались огромные белые акулы, барракуды, гигантские кальмары и хитрые, обладающие почти человеческим разумом, касатки.

Они засеивали воды Намора чудовищными серыми кракенами с Лиссадора и голубыми кракенами поменьше с Анса, колониями медуз с Ноборна, плетью-прядильщиком с Дарона и кровавой кружевницей с Катадея. Были среди водных обитателей громадные: рыба-крепость с Дэм Туллиана, кит-насмешник с Гулливера и гринда с Хруун-2, а были и крошечные: волдырчатый плавник с Авалона, цеснусы-паразиты с Ананды и вьющие гнезда и откладывающие яйца смертоносные водные осы с Дейрдры. Для охоты на парящие огненные шары они привезли с со-

бой бесчисленных летунов: плетехвостых скатов, ярко-красных бритвокрылов, стаи околоводных ревунов и ужасное бледно-голубое невесомое создание — полурастение-полуживотное, которое парило в потоках ветра и пряталось среди облаков, как живая и алчная паучья сеть.

Таф назвал ее «плевелом, что плачет и шуршит» и посоветовал Кефайре Квей не летать сквозь облака.

Растения, животные, а также те, кто являлся обоими сразу или ни одним из двух, хищники и паразиты, создания темные, словно ночь, великолепно яркие или вовсе бесцветные, создания странные и неописуемо прекрасные или столь омерзительные, что и представить себе нельзя, с планет, что веками сияли на страницах человеческой истории, и из миров, о которых почти никто и не слышал. Они прибывали еще и еще. День за днем «Василиск» с «Мантикорой» искрами проносились над водной гладью Намора — слишком быстрые и опасные, чтобы стать жертвой возносящихся к небесам огненных шаров, они беспечно сбрасывали в моря свое живое оружие.

Ежедневно после вылазок они возвращались на «Ковчег», где Хэвиланд Таф уходил искать уединения, прихватив с собой кошку-другую, а

Кефайра Квей — обычно сопровождаемая Глупостью — отправлялась в комнату для переговоров, где слушала отчеты.

Защитник Смитт доложил об обнаружении странных существ в Оранжевом Проливе. Ни следа дредноутов.

— Дредноут был замечен неподалеку от Батерна; он схватился в смертельной битве с какой-то огромной серой тварью; она была вдвое больше него и сражалась при помощи щупалец. Серый кракен, говорите? Отлично. Нам надо будет выучить эти названия, Защитник Квей.

— Муллидор Странд сообщает о колонии плетехвостых скатов. Они поселились на прибрежных скалах. По словам Защитника Хорна, они разрезают огненные шары, точно ножами — шары сдуваются, съеживаются и беспомощно падают в воду. Превосходно!

— Сегодня поступил сигнал с Сине-фиолетового пляжа, Защитник Квей. Странная история. Трое ходоков выбежали в спешке на берег, но атаки не последовало. Они обезумели, шатались, точно от сильной боли; и со всех выпуклостей, изо всех впадин у них свисали какие-то веревки, все в пене. Что это такое?

— Сегодня к Новой Атлантиде прибило труп

дредноута. Еще один, уже полуразложившийся, был обнаружен «Лезвием Солнца» на вечернем обходе западных вод. Его клевали какие-то странные рыбы.

— «Звездный Меч» вчера направился к Огненным Высотам; экипажем были замечены всего пять или шесть огненных шаров. Совет Защитников планирует возобновить перелеты к Жемчужинам Грязечашников, просто для пробы. Как вы думаете, Защитник Квей? Стоит рискнуть, или еще слишком рано?

Каждый день отчеты поступали один за другим, и каждый раз Кефайра Квей все шире улыбалась за штурвалом «Мантикоры». Но Хэвиланд Таф оставался молчалив и безразличен.

На тридцать четвертый день войны лорд Защитник Лисан сказал ей:

— Что ж, сегодня был обнаружен еще один мертвый дредноут. Должно быть, он успел вволю посражаться. Наши ученые исследовали содержимое его желудка, и похоже, что питался он почти исключительно касатками и голубыми кракенами.

Кефайра Квей слегка нахмурилась, но затем отмахнулась от этих новостей.

— Сегодня к побережью Борина прибило мерт-

вого кракена, — сообщил ей через несколько дней лорд Защитник Моэн. — Жители жалуются на невыносимую вонь. По всему телу у него заметны круглые следы укусов. Очевидно, это дредноут, причем еще более крупный, чем были раньше.

Защитник Квей беспокойно задвигалась на месте.

— Похоже, из Янтарного Моря пропали все акулы. Биологи в растерянности. Что это такое, как думаете? Спросите Тафа, хорошо?

Она слушала, ощущая, как тревога тонкой струйкой втекает в ее мысли.

— А вот еще новости для вас двоих, очень странные. Рядом с Кохеринской впадиной мы засекли движение. И «Лезвие Солнца», и «Нож Неба» сообщают о чем-то огромном, что движется туда-сюда по этому квадрату. Это подтверждают и многочисленные патрули гидропланов. Они говорят, что это настоящий плавучий остров, сметающий все на своем пути. Это ваших рук дело? Если так, то вы ошиблись с расчетами. Говорят, что оно целыми тысячами поедает барракуд и волдырчатых плавников.

Кефайра Квей помрачнела.

— Огненные шары снова обнаружены у Муллидорского побережья. Их целые сотни! Я едва могу

поверить сообщениям, но говорят, что плетехвостые скаты теперь просто отскакивают от них. Вы можете?..

— Кораблики, опять! Как вам такие новости? Мы думали, что они почти совсем исчезли! Их целые тучи, и они глотают Тафовых рыбок за здорово живешь. Вам необходимо…

— Дредноуты струями воды сбивают ревунов в полете…

— Новый вид, Кефайра. Летуны, или скорее планеры. Тучи этих существ взмывают с огненных шаров. Они уже уничтожили три гидроплана, и скаты против них совершенно бессильны… повсюду, я говорю вам… эта штука, что прячется в облаках… теперь шары разрывают ее на куски, кислота на них больше не действует, они просто бросают вниз…

— Еще мертвые водные осы, сотни, тысячи! Где же они все…

— Снова ходоки… Замок Рассвета не отвечает, наверное, захвачен. Мы не понимаем! Остров со всех сторон охранялся кровавой кружевницей и колонией медуз. С ним ничего не могло случиться, если только…

— Уже неделю нет вестей с Сине-фиолетового пляжа…

— Тридцать, сорок огненных шаров только что замечены у Каббена… Совет опасается, что…

— Лоббадун молчит…

— Мертвая рыба-крепость, размером с пол-острова… дредноуты зашли прямо в гавань…

— Ходоки…

— Защитник Квей, пропал «Звездный Меч», исчез в районе Полярного Моря. Во время последнего сеанса связи были помехи, но мы считаем…

Кефайра Квей заставила себя встать и, дрожа всем телом, выбежала из комнаты переговоров, где экраны наперебой говорили ей о смерти, разрушении, поражении. Хэвиланд Таф стоял в коридоре; бледное лицо было безучастным, а на широком плече пристроилась Неблагодарность.

— Что вообще происходит? — потребовала ответа Защитник.

— Мне казалось, это очевидно для любого человека, обладающего средними интеллектуальными способностями. Мы проигрываем. Может, мы уже проиграли.

Кефайра Квей боролась с криком, подступавшим к горлу.

— И вы не собираетесь ничего предпринимать?! Не собираетесь защищаться? Это все ваша вина, Таф. Никакой вы не экологический инженер; вы

просто торговец, который не разбирается в том, за что взялся. И вот поэтому…

Хэвиланд Таф поднял руку, призывая к молчанию.

— Я бы вас попросил. Вы и так причинили мне достаточно неприятностей. Сдержите свои оскорбления. Разумеется, я человек мягкий, с добрым и покладистым характером, но даже таких, как я, можно вывести из себя. И вы, похоже, скоро этого добьетесь. Защитник, я отказываюсь от ответственности за то, что дела у вас пошли столь неудачно. Эта поспешная биологическая война, в которую мы ввязались, была не моей идеей. Ваш варварский ультиматум вынудил меня поступить необдуманно, я сделал так лишь вам в угоду. По счастью, пока вы ночи напролет торжествовали свои призрачные и обманчивые победы, я продолжал трудиться. Я нанес вашу планету на карту своих компьютеров и наблюдал, как сотрясает ее война, как развиваются события на всех этапах сражений. Я создал копию вашей биосферы в одном из резервуаров и засеял ее образцами наморских существ, клонировав мертвые экземпляры: щупальце отсюда, обломок панциря оттуда. Я наблюдал, анализировал и пришел наконец к некоторым выводам. Разу-

меется, это всего лишь гипотезы, но последние события, похоже, их подтверждают. Так что перестаньте меня честить, Защитник. Проведя ночь в освежающих объятиях сна, я спущусь на Намор и постараюсь положить конец этой вашей войне.

Кефайра Квей уставилась на него во все глаза. Она едва верила своим ушам, но ужас в ее душе постепенно сменялся надеждой.

— Вы хотите сказать, что нашли ответ?

— Да, так и есть. Разве я только что этого не сказал?

— И каков он? — вопросила она. — Какие-то новые существа? То есть вы клонировали что-то еще, не так ли? Это эпидемия? Это какой-то монстр?

Хэвиланд Таф поднял руку:

— Терпение. Сначала я должен убедиться. Вы потешались надо мной с таким неослабевающим пылом, что теперь я опасаюсь открывать вам свои планы — вдруг вы и их предадите осмеянию. Сперва я удостоверюсь, что они имеют под собой основание. Давайте обсудим это завтра. Завтра вы не отправитесь в боевой вылет на «Мантикоре». Вместо этого я бы хотел, чтобы вы приземлились на Новой Атлантиде и созвали Совет Защитников в полном составе. Если кого-то из них надо будет

доставить с отдаленных островов, займитесь и этим тоже, прошу вас.

— А вы?

— Я встречусь с Советом, когда придет время. А до этого я отправлюсь на Намор со своей собственной миссией, прихватив с собой свои планы и некое существо. Полагаю, мы спустимся на «Фениксе». Да, «Феникс» и впрямь подойдет отлично: название ознаменует восстание вашей планеты из пепла. Из очень мокрого пепла, но тем не менее.

Кефайра Квей встретила Хэвиланда Тафа как раз перед назначенным временем вылета. «Мантикора» и «Феникс» стояли в полной готовности в своих ячейках для запуска среди россыпи устаревшего космического транспорта. Хэвиланд Таф вводил какие-то цифры в мини-компьютер, ремнем пристегнутый к внутренней стороне его запястья. На нем было длинное пальто из серого винила с множеством карманов и широкими погонами. Зелено-коричневая кепка с козырьком, украшенная золотой тетой — знаком Экологических Инженеров — залихватски пристроилась на его лысой голове.

— Я предупредила Контроль Намора и Главное Управление Защитников, — сообщила Квей. —

Совет уже начал собираться. Я лично прослежу за транспортировкой нескольких лордов Защитников с отдаленных островов, так что все будут в сборе. А как насчет вас, Таф? Вы-то готовы? Ваше таинственное существо уже на борту?

— Скоро будет, — взглянул на нее Таф.

Но Кефайра Квей не смотрела ему в лицо. Ее взгляд опустился ниже.

— Таф, у вас что-то в кармане. Оно шевелится.

Не веря своим глазам, она смотрела, как морщинки пробегают по винилу.

— А, — сказал Таф. — И в самом деле.

И затем из кармана показалась голова. Она с любопытством огляделась по сторонам. Голова принадлежала котенку — черному как уголь, с искрящимися желтыми глазками.

— Кошка, — кисло пробормотала Кефайра.

— Ваша наблюдательность просто потрясает, — сказал Хэвиланд Таф. Он осторожно поднял котенка, сложив одну руку чашечкой. Пальцем другой он почесал питомца за ухом.

— Это Дакс, — серьезно объявил Таф. Дакс был в два раза меньше прочих котят, что резвились и бегали по «Ковчегу». Он выглядел маленьким комочком черной шерсти, до смешного медлительным и вялым.

— Восхитительно, — отозвалась Защитник. — Значит, Дакс? И откуда же он пожаловал? Можете не отвечать, я сама догадаюсь. Таф, вам что, заняться больше нечем, кроме как с кошками играть?

— Думаю, что нет, нечем. Вы недооцениваете кошек, Защитник. Они — самые цивилизованные из всех созданий. Ни одна планета не может считаться культурной, если на ней нет кошек. А знаете ли вы, что с незапамятных времен кошкам приписывают сверхъестественные способности? Слышали, что некоторые древние народы Старой Земли почитали их как богов? Это правда.

— Слушайте, — в раздражении проговорила Квей. — У нас нет времени для разговоров о кошках. Вы собираетесь спустить этого бедняжку на Намор?

Таф моргнул:

— Да, действительно. Этот бедняжка, как вы его пренебрежительно окрестили, станет спасителем Намора. Не помешало бы проявить к нему каплю уважения.

Она уставилась на него, словно он сошел с ума:

— Что? Это? Он? То есть Дакс? Вы серьезно? О чем вы вообще? Вы ведь шутите, да? Это какая-то безумная шутка. У вас на борту «Феникса» ведь

есть какое-нибудь огромное чудище, левиафан, который очистит моря Намора от этих дредноутов — ну, что-нибудь? Что угодно! Но вы ведь не всерьез говорите, что оно… вот это…

— Он, — поправил Хэвиланд Таф. — Защитник, я уже так устал констатировать факты. Ладно бы еще один раз, но ведь нет! Вы настаивали, и я дал вам кракенов, стервятников, плетехвостых скатов. И они не сработали. Поэтому я поразмыслил как следует и выбрал Дакса.

— Котенка. Вы собираетесь пустить котенка против дредноутов, огненных шаров и ходоков. Одного. Маленького. Котенка.

— Ну да, — Хэвиланд Таф хмуро посмотрел на нее, отправил котенка обратно в свой огромный карман и элегантно повернулся к ожидающему «Фениксу».

Кефайра Квей беспокоилась не на шутку. В палатах Совета, в верхних покоях Черноводной башни на Новой Атлантиде, двадцать пять лордов Защитников, управлявших обороной всего Намора, начали проявлять нетерпение. Они прождали уже несколько часов. Некоторые так и просидели весь день в зале. Длинный стол для заседаний был весь уставлен коммуникаторами и пустыми стаканами для воды, повсюду

лежали распечатки с компьютеров. Уже дважды приносили еду и забирали пустые тарелки. У широкого скругленного окна, занимавшего почти всю дальнюю стену, осанистый лорд Защитник Алис негромко и взволнованно беседовал о чем-то с худым и суровым на вид лордом Защитником Лисаном. Оба время от времени кидали многозначительные взгляды на Кефайру Квей. Солнце за их спинами уже садилось, окрашивая залив в прекрасные оттенки алого. Картина была настолько великолепна, что мало кто замечал крошечные яркие точки: то патрулировали море гидропланы Защитников.

Сумерки уже почти спустились, и члены совета роптали, нетерпеливо ворочаясь в больших мягких креслах, а Хэвиланд Таф все не спешил появляться.

— Так когда, как он сказал, он появится? — в пятый раз переспросил лорд Защитник Кхэм.

— Он не назвал точного времени, — в пятый раз ответила Кефайра Квей, чувствуя себя неловко.

Кхэм нахмурился и прочистил горло.

Затем один из коммуникаторов запищал; лорд Защитник Лисан быстро прошествовал по залу и схватил устройство.

— Да? Понятно. Ладно. Проводите его внутрь.

Он опустил коммуникатор и постучал его уголком по столу, призывая к порядку. Некоторые заспешили к своим креслам, другие прервали разговор и выпрямились на сиденьях. В палатах Совета воцарилась тишина.

— Это был патруль. Они приметили шаттл Тафа. Рад сообщить, что он уже в пути. — Лисан бросил взгляд на Кефайру Квей. — Наконец-то.

Защитница совсем смутилась. Плохо уже то, что Таф заставил их ждать, но больше всего она страшилась той секунды, когда он проковыляет в помещение с Даксом, выглядывающим из кармана. Квей так и не нашла нужных слов, чтобы сообщить начальству: Таф предложил спасти планету Намор при помощи маленького черного котенка. Она заерзала в кресле и подергала себя за длинный крючковатый нос. Не кончится это все добром.

Все оказалось гораздо хуже, чем могло ей привидеться в самом страшном сне.

Все лорды Защитники сидели в своих креслах навытяжку, ожидая в напряженном внимании. И вот двери открылись, и в зал в сопровождении четырех стражников в золотых комбинезонах вошел Хэвиланд Таф. Он был похож на пугало. Его сапоги хлюпали при ходьбе, а пальто было

все измазано в грязи. Дакс торчал из его правого кармана, свесив передние лапы и пристально глядя на всех своими огромными глазищами. Но лорды Защитники не смотрели на котенка. Под мышкой другой руки Хэвиланд нес облепленный илом камень размером с крупную человеческую голову. Предмет покрывал толстый слой зеленовато-бурой жижи, и на ковер с него капала вода.

Не говоря ни слова, Таф прошагал прямо к столу для переговоров и положил свой камень на самую середину. Именно тогда Кефайра Квей заметила бахрому из щупалец, бледных и тонких, будто нитки, и поняла: это был вовсе не камень.

— Грязечашник! — удивленно проговорила она вслух.

Неудивительно, что она его не узнала. В свое время она повидала их, этих грязечашников, но тогда они были мытыми, вареными, с отрезанными усиками. Обычно их подавали с молотком и зубилом, чтобы вскрыть крепкий панцирь, а также с тарелкой топленого масла и специями на гарнир.

Лорды Защитники уставились на него в полном замешательстве, а затем все двадцать пять разом заговорили, и палаты Совета наполнились гулом перекрывавших друг друга голосов.

— Это и впрямь грязечашник! Я не понимаю…

— Что все это значит?

— Он заставляет нас ждать, а потом является на совет грязный, точно грязекопатель! Достоинство собрания…

— В последний раз я лакомился грязечашником два, нет, три…

— И это человек, на которого возлагают…

— Безумный! Вы только поглядите…

— А что это у него в кармане? Взгляните! Ох, оно шевелится! Это что-то живое, говорю вам, я…

— Тишина! — голос Лисана взрезал шум, точно нож. Зал затих, и Защитники один за другим повернулись к нему. — Мы все явились сюда по вашему призыву, — язвительно вымолвил Лисан. — Мы ожидали, что вы принесете нам ответ. А вместо этого вы, похоже, решили нас покормить.

Кто-то фыркнул.

Хэвиланд Таф хмуро поглядел на свои запачканные руки и аккуратно вытер их о пальто. Вынув Дакса из кармана, он разместил апатичного черного котенка на столе. Дакс зевнул, потянулся и лениво зашагал к ближайшему лорду Защитнику, который уставился на него в ужасе и немного отодвинул кресло от стола. Движением плеч

сбрасывая с себя промокший грязный плащ, Таф оглянулся — куда бы его повесить? — и в итоге накинул его на лазерную винтовку одного из сопровождавших. И лишь затем развернулся к лордам Защитникам.

— Досточтимые лорды Защитники, — начал он. — То, что вы видите перед собой — это не еда. Именно в этом и кроется источник ваших бед. Это — посол расы, что делит с вами планету Намор; правда, название их мой скромный мозг оказался запомнить не в состоянии. Его народ будет крайне огорчен, если вы его съедите.

Наконец кто-то принес Лисану молоточек. Ему пришлось долго и звучно колотить им по столу, чтобы привлечь всеобщее внимание, и общее исступление медленно затихло. Все это время Хэвиланд Таф стоял с непроницаемым лицом, не двигаясь и сложив руки на груди. И лишь когда снова наступила тишина, он все же заметил:

— Наверное, мне следует объяснить.

— Вы сошли с ума, — сказал лорд Защитник Харван, переводя взгляд с грязечашника на Тафа и обратно. — Совсем обезумели.

Хэвиланд Таф сгреб Дакса со стола и, держа его в одной руке, принялся поглаживать его шерстку.

— Даже в минуты победы и триумфа нас все

равно высмеивают и оскорбляют, — поведал он котенку.

— Таф, — отозвался с дальнего конца стола Лисан. — То, о чем вы говорите, попросту невозможно. За тот век, что мы живем здесь, мы тщательно изучили Намор и убедились, что здесь не живет других разумных рас. Здесь не было ни дорог, ни городов — никаких признаков более ранних цивилизаций или технологий, никаких руин, никаких артефактов — ничего! Ни в море, ни на суше.

— Более того, — добавила крепкая Защитница с красным лицом. — Грязечашники просто не могут обладать разумом. Да, действительно, мозг у них размером с человеческий, но, кроме него, у них ничего больше и нет. Ни глаз, ни ушей, ни носов — никаких органов чувств! Только осязание. И вместо рук только эти слабые усики — да их силы едва хватит, чтобы поднять маленький камешек. Да и то сказать, они используют их лишь тогда, когда надо покрепче прицепиться к дну. Они гермафродиты, очень примитивные существа, и двигаются лишь в первые месяцы жизни, пока панцирь не затвердел и не стал тяжелым. Как только они прирастают к дну и покрываются грязью, они больше не шевелятся.

И сидят на месте сотни лет.

— Тысячи, — поправил Хэвиланд. — Они живут на удивление долго. Все, что вы сказали, без сомнения, верно. И тем не менее ваши выводы ошибочны. Вы позволили своей воинственности и жажде крови взять верх над рассудком. Если бы вы смогли абстрагироваться от ситуации, остановиться и вдуматься (как поступил я сам!), даже от вашего испорченного армейской службой сознания не утаилось бы, что ваше бедствие не было природным катаклизмом. Трагические события на Наморе можно объяснить лишь действием вражеской мысли.

— Вы же не думаете, что мы поверим… — встрял кто-то.

— Сэр, — сказал Хэвиланд. — Я надеюсь, что вы меня выслушаете. Если вы в состоянии не прерывать мою речь, то я сумею все вам объяснить. А затем вы сможете решить, верите мне или нет. Это остается на ваше усмотрение. Я возьму причитающуюся мне плату и отчалю. — Снова обращаясь к лордам Защитникам, он продолжил: — Как я уже сказал, здесь налицо была работа мысли. Самым сложным было найти источник этой мысли. Я тщательно изучил работы ваших биологов — как прошлого, так и

наших современников, — прочел тонны трудов по флоре и фауне, воссоздал на «Ковчеге» многие формы местной жизни. Возможные кандидаты на обладание рассудком обнаружились не сразу. Традиционные маркеры разумной жизни включают в себя большой объем мозга, развитые органы чувств, подвижность и какого-либо рода орган для манипуляций, например, отстоящий большой палец на руке. Нигде на Наморе я не обнаружил существа, наделенного всеми этими свойствами. И все же моя догадка была верной, а посему я должен был от возможных кандидатов перейти к маловероятным.

С этой целью я внимательно исследовал историю вашей напасти, и кое-какие факты сразу обратили на себя мое внимание. Вы думали, что ваши чудовища всплывали на поверхность из океанских глубин, но где они на самом деле появились впервые? В мелких заводях, недалеко от берега — там, где вы занимались ловлей рыбы и морским фермерством. А что у этих районов было общего? Разумеется, изобилие жизни. Но жизнь-то везде была неодинакова. Рыба, населявшая воды неподалеку от Новой Атлантиды, нечасто навещала острова Сломанной Руки. И все же я нашел два небезынтересных исключения,

два вида, которые обитали практически везде: это грязечашники, веками покоящиеся на огромных и мягких морских постелях, а также ранее повсюду можно было встретить существ, которых вы прозвали наморийскими корабликами. Но древние коренные обитатели называли их иначе: Защитниками. Как только я понял это, дальше мне оставалось только уточнить детали и подтвердить свои подозрения. Я, может, пришел бы к этим заключениям гораздо раньше, если бы не бесцеремонное вмешательство координатора Квей, которая постоянно отвлекала меня, не давая сосредоточиться и, наконец, чудовищно грубо вынудила меня потратить драгоценное время на то, чтобы разбрасываться серыми кракенами, бритвокрылами и разными другими созданиями. В будущем я постараюсь избегать таких координаторов.

И все же в каком-то смысле этот эксперимент пошел на пользу: он подтвердил мою теорию касательно истинного положения дел на Наморе. И я продолжал двигаться в выбранном направлении. Географические данные показали, что чудовища особенно плотно населяли области вблизи колоний грязечашников. И, дорогие лорды Защитники, самые отчаянные сражения

происходили тоже в тех краях. Очевидно, вот эти самые грязечашники, коих вы находите столь аппетитными, и являлись вашими загадочными врагами. И все же, как это возможно? Разумеется, мозгом эти создания не обделены, но они лишены всех остальных качеств, которые, как мы знаем, присущи организмам разумным. Но в этом-то все и дело! Конечно, как мы теперь знаем, они наделены разумом. Какие же разумные создания смогут жить глубоко под водой, в слепоте и неподвижности, лишенные любых внешних впечатлений? Ответ очевиден, мои сэры. Такого рода рассудок должен взаимодействовать с миром каким-то непостижимым для нас образом, у него должны быть свои способы чувствовать и общаться. Такой рассудок должен обладать даром телепатии. Так и есть. Чем больше я об этом думал, тем более очевидным становился этот вывод.

Посему дело было за малым: мне нужно было проверить свои выводы. И тут на помощь пришел Дакс. Все кошки наделены телепатическими способностями, дорогие мои лорды Защитники. Но много веков назад, в дни Великой Войны, солдаты Федеральной Империи сражались против врагов с необычайно развитым сверхчувствен-

ным восприятием: например, с Духами Хранга и с гитьянки, похитителями душ. Чтобы справиться со столь серьезным противником, генные инженеры стали работать с кошками, в огромной степени отточив и усилив их экстрасенсорные способности, чтобы они могли шпионить в пользу людей. Дакс и есть такой особый кот.

— То есть оно может читать наши мысли? — голос Лисана прозвучал резко.

— Если у вас есть какие-то мысли, то да. Но важнее другое: с его помощью я смог выйти на связь с тем древним народом, который вы столь презрительно окрестили грязечашниками. Ибо они, как вы понимаете, общаются исключительно телепатическим способом.

Бессчетными тысячелетиями обитали они в мире и покое под толщами морей этой планеты. Это медлительный, задумчивый и склонный к философии народ: миллиарды этих созданий жили бок о бок друг с другом, и каждый был одновременно индивидуальностью и частью великой общности. В каком-то смысле они бессмертны, ведь любой из них обладал опытом и переживаниями всей расы целиком, и смерть одного не значила ровным счетом ничего. Однако в неподвижном мире моря их опыт был не очень

разнообразен. По большей части всю свою долгую жизнь они предавались абстрактным размышлениям, философии, погружались в странные зеленые сны, которые ни я, ни вы не в состоянии будем полностью понять. Можно назвать их молчаливыми музыкантами. Вместе они сплели грандиозные философии снов, и песня эта все звучит и звучит.

Многие миллионы лет у них не было естественных врагов — пока на Намор не пришли люди. Но так было не всегда. На заре этого влажного мира океаны кишели существами, которым вкус этих созданий казался столь же восхитительным, как и вам. И уже в те времена эти философы разбирались в генетике, понимали эволюционный процесс. При помощи своей грандиозной сети из переплетенных разумов они могли управлять самой материей жизни и справлялись с этим лучше, чем любые генные инженеры. И вот эволюционным путем они создали себе защитников: грозных хищников, которые инстинктивно стремились охранять тех, кого вы называете грязечашниками. То были ваши кораблики. С того времени до настоящего дня они стерегли морское дно, а мечтатели вернулись к своим симфоническим мыслям.

А затем со Старого Посейдона и Водолея явились вы. Да, так и случилось. Погруженные в задумчивость, мечтатели годами едва замечали ваше присутствие, пока вы обрабатывали моря, рыбачили и пробовали грязечашников на вкус. Только подумайте, какой шок они испытали благодаря вам, лорды Защитники. Всякий раз, когда вы погружали одного из них в кипящую воду, его боль чувствовали все. Им казалось, будто какой-то ужасный хищник появился на суше — в той области, которая их почти не интересовала. Они и не догадывались, что вы можете обладать разумом; им была чужда сама мысль о том, что разум может быть нетелепатичен — так же, как вам недоступна идея о разуме слепом, глухом, неподвижном и съедобном. Для них существа, которые двигались, действовали при помощи рук и поедали плоть, были лишь животными, только и всего.

Об остальном вы знаете или можете догадаться. Мечтатели — народ медлительный, они полностью погружены в простор своих песен и поэтому реагируют тоже небыстро. Поначалу они просто не обращали на вас внимания, считая, что экосистема сама вскоре прекратит ваши набеги. Но, похоже, этого не случилось. Им казалось, что у

вас нет естественных врагов. Вы все плодились, вы заселяли все новые территории, и тысячи умов смолкли навеки. Наконец они вернулись к своему древнему полузабытому образу жизни и пробудились, чтобы обороняться. Они ускорили размножение своих защитников, и вот моря над их селениями заполнились этими созданиями, но существа, столь блестяще справлявшиеся в прошлом со своей задачей, оказались против вас бессильны. Вы вынудили их пойти на новые меры. Их умы прервали свою великую симфонию, вышли за пределы своего обитания, и они начали чувствовать и понимать. Они начали создавать новых защитников, достаточно могущественных, чтобы побороться с этим нежданным соперником. Так все и закрутилось. Когда я прибыл на своем «Ковчеге» и Кефайра Квей вынудила меня спустить с привязи новых противников, что посягали на их мирные владения, они поначалу растерялись. Но битвы обострили их ум, и на сей раз они ответили быстрее. За короткое время они вымечтали себе новых защитников и отправили их в бой с врагами, которых я наслал. И даже сейчас, когда я разговариваю с вами в этой весьма впечатляющей башне, сотни новых и ужасающих форм жизни уже шевелятся под волнами, и

вскоре они выйдут на поверхность, чтобы многие годы тревожить ваш сон — разумеется, в том случае, если вы не достигнете соглашения. Это остается на ваше усмотрение. Я всего лишь скромный экологический инженер. Я бы и не подумал диктовать условия таким важным людям, как вы. И все же я настоятельно предлагаю именно такой вариант. Вот вам посол, которого я вытащил прямо из моря — и с огромным неудобством, смею вас заверить! У мечтателей поднялась настоящая суматоха, потому что когда они почувствовали присутствие Дакса, а вместе с ним и меня, их мир расширился в миллионы раз. Сегодня они узнали о звездах. Более того, они обнаружили, что не одиноки в этой Вселенной. Полагаю, они будут действовать разумно, ибо земля им не нужна, а рыбу они находят невкусной. А вот вам Дакс, да и я в придачу. Возможно, мы можем начать переговоры?

Когда Хэвиланд Таф наконец замолчал, никто долго не решался заговорить. Лорды Защитники побледнели и словно лишились дара речи. Один за другим они отрывали взоры от Тафа и устремляли их на грязную раковину, что лежала на столе.

Наконец Кефайра Квей вновь обрела дар речи.

— Чего же они хотят? — спросила она нервно.

— Прежде всего, — отозвался Хэвиланд Таф, — они бы хотели, чтобы вы перестали их есть. И это кажется мне в высшей степени уместной просьбой. Каков будет ваш ответ?

— Двух миллионов стандартов будет недостаточно, — сказал Хэвиланд Таф, сидя в переговорной «Ковчега». Дакс мирно растянулся у него на коленях — он был куда менее энергичен, чем остальные котята. Подозрение и Враждебность гонялись друг за другом по всей комнате.

Лицо Кефайры Квей на экране выражало подозрение.

— Что вы имеете в виду? Мы же сошлись на этой сумме. Если вы думаете нас одурачить…

— Одурачить? — Таф вздохнул. — Ты слышал ее, Дакс? Вот так, запросто, после того, что я для них сделал, она все еще швыряется столь серьезными обвинениями. М-да. Вот так запросто. Странная фраза, если задуматься. — Он снова поглядел на экран. — Защитник Квей, я хорошо помню, на какой цене мы сошлись. За два миллиона стандартов я решил ваши проблемы. Я анализировал, я размышлял, я поделился с вами своим открытием и предоставил вам переводчика, в котором вы так остро нуждались. Я даже оставил

вам двадцать пять кошек с телепатическими способностями — по одной на каждого лорда Защитника — чтобы облегчить дальнейшее общение после того, как я уеду. И это тоже входит в условия нашего изначального соглашения, так как решить вашу проблему иначе было просто нельзя. И, будучи скорее филантропом, чем дельцом, и глубоко чувствующим человеком к тому же, я даже позволил вам оставить у себя Глупость. Похоже, вы ей понравились — никак не могу взять в толк почему. И за это тоже я не возьму никакой дополнительной платы.

— Тогда почему же вы просите еще три миллиона стандартов?

— Это плата за всю бесполезную работу, которую я вынужден был проделать. Может, вы пожелаете услышать перечень таковых услуг?

— Да, извольте.

— Отлично. Акулы. Барракуда. Гигантский кальмар. Касатка. Серый кракен. Голубой кракен. Кровавая кружевница. Медузы. По двадцать тысяч стандартов за особь. Рыба-крепость, пятьдесят тысяч стандартов. Плевела, что плачут и шуршат, восемь…

Список продолжался и продолжался.

Когда он закончил, Кефайра Квей упрямо сжи-

мала губы.

— Я предъявлю ваш счет Совету Защитников. Но уже сейчас я скажу вам откровенно: ваши запросы чрезмерны и неоправданны, и баланс нашей внешней торговли не позволяет нам безболезненно пережить такую утечку свободной валюты. Вы можете целый век прождать на орбите, Таф, но так и не получите даже пяти тысяч стандартов.

Хэвиланд Таф поднял руки, капитулируя.

— Ох, — промолвил он. — По вине своей доверчивости я вынужден терпеть убытки. Так мне не заплатят?

— Два миллиона стандартов. Как и договаривались.

— Видимо, мне придется смириться с этим жестоким и аморальным решением и извлечь из него урок. Ну, что ж. Так тому и быть. — Он погладил Дакса. — Говорят, что, если не будешь учиться у истории, она будет учить тебя снова и снова. В этом несчастье винить я могу лишь себя. Всего несколько жалких месяцев прошло с тех пор, как мне довелось увидеть историческую картину на ту же самую тему. В ней говорилось о семяхранилище — в точности, как у меня, — которое избавило одну маленькую планету от

терзавшей ее напасти. И все для чего? Неблагодарное правительство отказалось платить. Будь я поумнее, то научился бы требовать деньги вперед. — Он вздохнул. — Но я не мудр, а потому должен страдать. — Он снова погладил Дакса и помолчал. — Возможно, вашему правительству будет интересно взглянуть на эту запись, просто ради развлечения. Это голографический фильм, экранизация. Актеры играют превосходно, и, что самое главное, картина предоставляет уникальную возможность ознакомиться с функциями и возможностями кораблей, идентичных моему. Очень познавательно. Называется «Гамельнское семяхранилище».

Конечно, ему заплатили.

Джордж Р. Р. Мартин на настоящий момент больше всего известен как автор эпического фэнтези-цикла «Песнь Льда и Пламени» (первая книга в серии, «Игра престолов», вышла в 1996 г.). Но уже до этого он успел завоевать множество премий в жанре научной фантастики и ужасов, включая премии Хьюго, «Небьюла», «Локус», награду имени Брэма Стокера и Всемирную премию

фэнтези. Жанры его ранних романов варьируются от научной фантастики («Умирающий свет» / «Dying of the Light») и научно-фантастического фэнтези («Шторм в Гавани ветров» / «Windhaven», в соавторстве с Лизой Таттл) до исторического романа про вампиров («Грезы Февра» / «Fevre Dream») и рок-н-ролльного романа про апокалипсис («Armageddon Rag», не переведен). Все эти произведения написаны в период с 1977 по 1983 гг.

В 1986 г. Мартин становится редактором сценарного отдела сериала *The New Twilight Zone* («Новая Сумеречная Зона»), а позже — ответственным консультантом по сценарию для *Beauty and the Beast* («Красавица и Чудовище»). На этой должности он проработал несколько лет. Также в 1987 г. он помогал создавать и редактировать антологии межавторского цикла „Дикие карты“, которые продолжают выходить и по сей день.

«Защитники» представляют собой один из эпизодов мрачноватых научно-фантастических комиксов о любителе кошек, который путешествует по Галактике и торгует своими услугами. Мартин сам в восторге от кошачьих; он сказал, что Дакс, компаньон Тафа в большинстве историй, на самом деле списан с кота, которого автор

держал в семидесятых. Как выглядел кот, вы можете посмотреть на сайте писателя.

Жизнь как пазл, составленный из чрезвычайно лучезарных кошек
Майкл Бишоп

Твой тесть, который настаивает, чтобы ты называл его Хоуи (хотя ты бы предпочел обращение «мистер Брэгг»), любит пазлы. А если они оказываются слишком сложными и ему не хватает смекалки или терпения, чтобы собрать картинку целиком, он знает, как тут можно сжульничать.

На третье Рождество после свадьбы с Марти ты видишь Хоуи за карточным столом. На нем парка, вязаная шапка с оторочкой из бордовой кожи и ботинки на меху (с декабря по февраль в доме Брэггов, этом замке в стиле Тюдоров, расположенном неподалеку от Спартанберга, стоят лютые морозы). Он собирает гигантский пазл — Брэгги дарят ему такой каждый год. Его задача — справиться с ним самостоятельно, без помощи случайных гостей и членов семьи, до начала турнира по футболу между университетами, который начинается в первый день нового года.

В этом году на картинке у него кошки.

Процедура ЭРМ, которую устроил Зоокоп со

своими сообщниками, была запрограммирована на кошек. Когда переключаются вживленные в тебя электроды, перед твоим мысленным взором начинают разворачиваться воспоминания, связанные с этими животными.

* * *

Мистер Брэгг — Хоуи — собирает пазл, руководствуясь картинкой на коробке. На ней — целый демографический взрыв стилизованно нарисованных кошек. Они одновременно и загадочные животные, и причудливые герои мультяшек. В головоломке отсутствует фон: все так и кишит кошками. Они бегают, подкрадываются, лакают молоко, дерутся, вылизывают шерстку языком, дремлют… и так далее, и так далее. На рисунке нет областей, на которых бы преобладал какой-то один цвет и которые так замедляют процесс.

Хоуи нашел выход. Когда в коробке остается всего-то пригоршня фрагментов пазла, он, орудуя бритвой, подгоняет по размерам те кусочки, которые не хотят укладываться сами. Да, это нечестно, Хоуи охотно это признает, но ведь уже канун Нового года, Дик Кларк стоит на Таймс-Сквер, а до первого матча остались считаные часы. Тут облажаться уже никак нельзя.

— На вид просто блеск, — говоришь ты, когда толпа по телику начинает драть глотки, отсчитывая удары часов. — Ты почти закончил.

Хоуи признается (или жалуется?), что головоломка и впрямь сломала ему всю голову. Вообще ему нравятся сложные наборы, в несколько тысяч деталей, когда почти невозможно догадаться, как действовать дальше, — от этого с ума сойти можно, но ему правда нравится. Но почему именно эта картинка? Обычно ему достаются фотопейзажи или какая-нибудь сцена из жизни Дикого Запада кисти Ремингтона.

— Я не то чтобы фанат кошек, — говорит он тебе. — В большинстве своем они просто пронырливые маленькие мерзавцы, ты согласен?

Марти любит кошек, но когда тебя турнули из грузоперевозочной компании Педмонта (Атланта), она вернулась в Спартанберг с твоим сыном, Джейкобом. У него, похоже, аллергия на кошек. Марти оставляет тебе на хранение двух пятнистых чудовищ, которые мгновенно скрываются с глаз, когда ты хочешь их поймать или покормить. В конце концов ты, конечно, их ловишь и везешь к приюту в пластиковой перевозке, которую Марти купила, когда летала из Хартсфилда «Дельтой», или «Истерн Эйрлайнз», или какой-

нибудь другой авиакомпанией.

Пенфилд по кличке Зоокоп хочет узнать, как ты лишился работы. Он дает тебе опросник с несколькими вариантами:

а. Сокращение штатов во всей компании.

б. Пренебрежение обязанностями и/или неприемлемое качество работы.

в. Личный конфликте начальником.

г. Подозрение в профессиональной нечестности.

д. Все перечисленное/ничто из перечисленного.

Вы говорите, что имел случай (предполагаемого) сексуального домогательства по отношению к секретарше, чье имя, даже теперь, после электрораздражения мозга (ЭРМ), ты не можешь припомнить. Все, что ты вспоминаешь, — это кошки, настоящие и вымышленные. Все кошки, когда-либо оставившие след в твоем сознании.

После того как тебя уволили, ты отвозишь котов, Прыгушу и Осси (сокращение от «Оцелот») в приют. Когда ты оглядываешься у порога, то подросток, что работает там, окидывает тебя злобным взглядом. Уж не сомневайся. Прыгуша и Осси обречены: никто в этом большом суматош-

ном городе не захочет взять кошку-полукровку. Кошечек девятилетнего Джейкоба ожидает газовая камера (и совсем не потому, что они внесли свой вклад в эту его жуткую астму), но сегодня ты, словно современный Эйхман, абсолютно безразличен к их судьбе. В тебе все словно онемело — все, начиная с молекул.

— Но мы же удалили им яичники, — оправдываешься ты. — Разве это не поможет впарить их какой-нибудь добропорядочной семье?

Ты начинаешь смеяться.

Это что, опять «неадекватный аффект»? Если не считать веселящего газа, под которым тебе вживляли электроды, ты не принимаешь никаких лекарств уже… сам не знаешь, как долго.

* * *

Всего через три года после того, как тебя уволили, ты рыдал над непристойными шутками бродяг, а если из газет, служивших тебе простынями, узнавал о смерти старого друга, то пускался в пляс.

Однажды ты захихикал, когда юная негритянка стрельнула у тебя сигарету на парковке методистской церкви: «Чувак, у меня СПИД. Дым меня

не убьет. Вряд ли у меня будет время для рака легких».

А теперь Пенфилд снял тебя с нейролептиков. Так что, снова-здорово, старый добрый неадекватный аффект? Или это неприятные последствия ЭРМ? Если стимулировать точки в гипоталамусе, расположенные в полумиллиметре друг от друга, реакции будут совершенно разные (ярость и любовь, страх и напускная храбрость).

— Ну же, Адольф, — говорит Пенфилд, — поделись, что такого смешного?

— Жонглирование кошками, — говоришь ты ему. (Тебя зовут совсем не Адольф.)

— Что?

Стив Мартин в фильме «Придурок». Незаконный вид спорта родом из Мексики. Ну, это шутка такая. Жонглирование кошками.

Из тебя вырывается придурковатое хихиканье. Довольно неприятно. Но на этот раз твое веселье вполне оправданно. Это же комедия. Предполагается, что люди смеются на комедиях. И забудь, что, закрыв глаза, ты воображаешь себя незаконным жонглером кошками. Забудь, что кошки, которые с мяуканьем летают по кругу, — это Осси, Прыгуша, Тай-Тай, Ромео и безымянный котенок-альбинос в зернохранилище твоего покойного

дедушки на ферме неподалеку от Монтгомери…

В детстве, когда вы жили в Хейпвилле, из кошек тебе больше всего нравился Тай-Тай, сиамский кот, которого вы с мамой унаследовали от предыдущих владельцев дома. До того как мама окрестила его Тай-Тай, кот носил другое имя. Что-то псевдокитайское, вроде Лунг Си или Мыш Танг. Уезжавшие не захотели брать его с собой, когда их отец получил место на сталелитейном заводе Отего в Пуэбло, штат Колорадо. Кроме того, Мыш Танг был бы не в восторге от снега и льда. Он все-таки зверь Хлопковых Штатов, рожденный и воспитанный на юге.

— Ты — тот, кто ты есть, — говорит мама сиамцу, а он в это время трется о ее ноги в нейлоновых чулках со спущенными петлями. — Но с сего дня именем твоим будет Тай-Тай.

— Почему ты называешь его так? — спрашиваешь ее ты.

— Потому что так подобает называть белых сиамских бедняков, — говорит она.

Лишь через несколько лет ты понимаешь, что Тайланд — это современное название Сиама, а также что к юго-востоку от Олбани есть городок, настоящее болото с гнусом, с названием — именно! — Тай-Тай.

Твоя мамаша — настоящая умница, сообразительная и с причудливым чувством юмора. С чего это папаша решил, что она недостаточно хороша для него? Вот ведь загадка.

Вот как раз ее сообразительность и причудливое чувство юмора ее и укокошили, говорит Зоокоп, подхватывая твое веко пинцетом.

Так или иначе, папаша сбежал в какой-то город собачьих бегов во Флориде. С ним была коренастая крашеная блондинка, бывшая парикмахерша, которая сбросила пару кило и принялась торговать по почте тоником для снижения веса. Его не было девять недель и четыре дня.

Тай-Тай, если обращать на него внимание, вполне сносный компаньон. Он убирает когти, сидя у тебя на коленях. Мурлыкает в допустимом регистре. Подъедает остатки овощей — горох, лимскую фасоль, шпинат — с не меньшей охотой, чем шкурки от бекона или куриные потроха. Куколка, зовет его мама. Джентльмен.

От этой петрушки с ЭРМ в голове все ходуном ходит. События, точки зрения, симпатии — все встает с ног на голову. И последние станут первыми, и первые станут последними. Вот эта зацикленность на кошках, к примеру. Гранди-

озный перекос. Искаженное представление о той жизни, что ты вел, пока не попал в лапы к Рокдейлской компании, поставляющей биоматериалы.

Разве Пенфилд не замечает этого? Ну вот еще, конечно нет. Он слишком крут, чтобы подвести шишек из Рокдейла. Может, в чем-то он и прав, но ты для него — во всяком случае, сейчас — просто очередной пирожочек в духовке. Если твоя корочка лопнет, когда прибавят жару, ну так и отлично! Подайте мне к нему холодненького. Правосудие свершилось.

Дело в том, что собаки нравятся тебе больше. И даже в детстве нравились больше. Ты приводил домой блохастых бродяг и умолял их оставить. В Нотасулге, Алабама, ты ужасно завидовал Уэсли Дюплантьеру, которого дожидался на школьном дворе похожий на льва чау-чау по имени Симба. Собаки не кошки. До Мыш Танга — Тай-Тая — все кошки шныряют на окраинах твоего сознания. Да и Тай-Тай, даже он попадает к вам с мамашей здесь, в Джорджии, как импровизированный подарок на новоселье. Собаки, мистер Зоокоп. Не кошки.

— На самом деле, Альфред, — говорит Пенфилд, — мне начинает казаться, что на переднем

плане твоего сознания были женщины…

После переходного возраста у твоего сознания попросту нет переднего плана. Тебя бомбардируют стимулами. Девичьи лица на рекламных щитах. Девичьи лица на билбордах побольше. Разрезанные на куски тела на плакатах. Кусочек там. Кусочек сям. И это касается не только девушек. Это обо всем сразу. Машины, здания, говорящие головы из телевизора, тучи москитов, следы от самолетов в небе, постоянно меняющиеся мужские голоса в телефоне во время ужина, сцены сражений в вечерних новостях, рок-кумиры, покрытые бесконечным слоем блесток, вся эта трепотня, рассыпающаяся на отдельные фрагменты, чтобы тебе удобнее было ее глотать, мистер Юная-Черная-Дыра-Духовности. Твоя голова — мишень для зенитного огня, которым лупит по тебе свихнувшийся двадцатый век. За исключением времени, когда ты ухлестываешь за какой-нибудь смазливой девицей.

— Да ты волочишься за юбками, как мартовский кот, — говорит мамаша. — Совсем как Уэбб в свое время. Господи ты Боже мой.

Это помогает сосредоточиться. Когда их лица и тела находятся под тобой, они перестают быть рекламными афишами. И ты снова человече-

ское существо, а не радиоприемник, не воронка. Сам акт словно наводит ненадолго порядок в хаосе, что рикошетит со всех сторон и стремится превратить тебя, пока ум цементирует все впечатления вместе, в причудливую картонную коробку с несовпадающими деталями пазла.

Это называется волочиться? Сопротивляться, при помощи нежного союза тел, последствиям того, что пазл с изображением кошек состоит деталей, которые, если их собрать, покажут… ну, скажем, боевую часть зенитных войск на острове Коррегидор.

— Боже, — говорит Зоокоп, — более высокопарного оправдания для того, чтобы шляться по бабам, я еще не встречал.

В старших классах не продохнуть от кошачьих. Сексуальные кошечки, светские львы, кошки, которые гуляют сами по себе, мертвые кошки. Некоторые из них люди, некоторые — нет.

Ты препарируешь кошку на уроке биологии. На гипсовой подставке, закрепленный на растяжках, стоит отбеленный скелет четвероногого. Мистер Остин, по совместительству тренер девочек по легкой атлетике и софтболу, клятвенно заверяет, что раньше скелет был представителем Felis

catus, обыкновенной домашней кошки.

Теперь, когда обнажились вытянутые кости, а череп засиял причудливой хрупкостью, скелет напоминал остов какого-то доисторического животного. Памела ван Рин с двумя или тремя другими девочками хочет знать, откуда берутся лабораторные кошки.

— Фирма-поставщик, работает с научными учреждениями, — говорит тренер Остин. — Оттуда же и наши жабы, и микропрепараты, и насекомые из той витрины. — Он показывает кивком.

— А откуда их берет фирма-поставщик? — спрашивает Памела.

— Не знаю, Пэмми. Может, выращивает их. Может, сгоняют в кучу бродячих. У вас не пропадал котеночек?

На самом же деле, если верить слухам, мистер Остин нашел живой прообраз своего кошачьего скелета за трибунами спортивной площадки, усыпил хлороформом, принес домой, и вываривал в кастрюле на старой плите в погребе, пока с нее не сошла вся шерсть. Вонь стояла такая, что его жена на неделю убежала к маме в Огасту. Если верить слухам, то окрестным кошатникам следует запирать своих питомцев дома.

Надрезая скальпелем грудную полость образца, предоставленного фирмой-поставщиком, ты понимаешь, что тебя сейчас стошнит. Ты — единственный мальчик, которому стало дурно в лаборатории тренера Остина, и прилив отвращения к себе чуть не сбивает с ног; единственный мальчик — с липкими ладонями и головокружением! — который вынужден покинуть комнату. Но Памела, видимо, не поняла, каким позором был твой уход: в комнате сестры Мэйхью она согласилась сходить с тобой днем на свидание в Хаддл Хаус.

— А вот сердце, — ты все еще слышишь голос Остина, — похоже на влажную резиновую клубничку, да?

В семь лет ты забрел в зернохранилище амбара на ферме Пауэллов. Одноглазая королева уличных кошек по имени Скай окотилась на оленьих шкурах, уже заскорузлых и подъеденных крысами. Эти шкуры дедушка Пауэлл сложил здесь больше двадцати лет назад. Скай окидывает тебя взглядом одного глаза с сильным подозрением. Когда ты перегибаешься через перекладину, чтобы взглянуть на слепой квинтет ее котят, она в любой момент готова прыгнуть на тебя или зашипеть.

Смотреть там особо не на что, какие-то комочки.

— Какашки мохнатые, — отозвался о них дедушка, к возмущению и негодованию бабушки Аниты и вящей радости папочки. — Они почти не двигаются.

Один котенок весь сияет белизной на закоченелой шкуре, он прячется у Скай в изгибе пушистого брюшка. Ты шипишь на Скай, как сделала бы кошка, но громче — шшшшшш! шшшшшш! — и она, устрашенная, наконец встает, и котятся сыплются с нее, точно бомбы из отсеков боинга B-52. Она крадучись проходит в дальний угол яслей.

Ты перелезаешь через поручень и берешь белого котенка, Может Альбиноса, как окрестила его бабушка Анита. «Не узнаешь наверняка, пока он не откроет глаза».

Ты вертишь котенка в руках. Где у него перед? Сложно сказать. А, вот: крахмально-белый отпечаток, точно картофелину приложили, на бульдожьей мордочке видны закрытые глаза, ушки, похожие на свернутые салфетки, и рот — крохотная малиновая щелочка.

Ты прикладываешься щекой к беспомощному существу. Кошка пахнет. Сено пахнет. Шкура пахнет. Как тут не чихнуть.

Тебе приходит на ум, что можно кинуть этого Может Альбиноса, как бейсбольный мяч. Закрутить, как Денни Маклейн, и швырнуть в дальнюю стену зернохранилища. Если правильно прицелиться, он может отрикошетить от стены и приземлиться на Скай. Тогда ты споешь потешную песенку: «Кто-то упал на Скай, Кто-то упал на Скай, Как же так, ай-яй-яй!» И никто так и не узнает, розовые ли были глаза у бедняжки Может Альбиноса…

Этот внезапный импульс приводит тебя в ужас — даже несмотря на то, что ты еще ребенок. Особенно потому, что ты ребенок. Ты словно видишь трупик белого котенка. Весь дрожа, ты кладешь его обратно на оленью шкуру (на ощупь она напоминает картон), карабкаешься обратно через перила и становишься подальше от лысых детенышей, пока Скай решает, что ей делать дальше.

Это не по-мужски, но ты принимаешься реветь. «П-п-прости, к-к-киска. П-п-прости, Ск-скай. П-п-пожалуйста». Тебе, может, даже хочется, чтобы сейчас, в этот церковный полумрак, в это зернохранилище, где так зудит кожа, случайно зашли дедушка или бабушка Анита и застали тебя. Они увидят, как искренне ты раскаиваешься в злоде-

янии, которого так и не совершил. В присутствии маминой родни можно немножко и поплакать.

— Это очень трогательно, — говорит Пенфилд. — Но говори громче. Хватит мямлить.

Несколько месяцев после выпускного класса ты проводишь в подростковом отделении психиатрического центра „Тихая гавань“ в пригороде Атланты. Ты здесь, чтобы нейтрализовать отвлекающее действие стимулов — зенитного огня, как ты их называешь, — от которых перегорает твоя проводка, которые летят в тебя отовсюду. Ты здесь, чтобы заново научиться жить, не прибегая к крайним средствам: лицемерию, сексу, наркотикам.

То есть к плохим наркотикам, говорят доктора.

В клинике тебе дают хорошие наркотики. Серьезно, так и есть! Безо всякого сраного сарказма. Ким Югэн, одна из психотерапевтов из отделения, которое прозвали Домом Диких Детей, уверяет тебя, что это так: нейролептики не вызывают привыкания. Тебе дают двадцать миллилитров галоперидола в день. Ты принимаешь его в жидком виде, в бумажных стаканчиках размером с фильтр для кофе.

— Ты не наркоман, — говорит Ким (все в кли-

нике зовут ее просто Ким). — Представь, что у тебя диабет. А галдол — это инсулин. Ты же не будешь лишать диабетика инъекции, это было бы преступлением.

Ты получаешь не только галдол. Тебе достаются еще терапевтические беседы, развлекательная терапия, семейная терапия, арт-терапия. Некоторые из обитателей Дома Диких Детей — нарики и жертвы сексуального насилия, которым едва стукнуло двенадцать. Они проходят те же виды терапии, что и ты, а еще лечение при помощи животных. Среди зверюшек, которых приносят по средам, есть и кошки.

— Ну, наконец-то, — говорит Пенфилд, — на этот раз мы не промахнулись.

Идея в том, что враждебно настроенным, пугливым и замкнутым детям, которые не очень-то ладят с другими, с животными подружиться будет легче. Обычно так и бывает. Пока им не исполнился год, котята, похоже, бывают отличными четвероногими психотерапевтами: они возятся, гоняют лапкой клубки шерсти, исследуют комнату для зоотерапии, подняв хвосты, точно антенны в машинах.

Одна девочка-подросток с маниакально-депрес-

сивным психозом, которая называет себя Роза Орел, от них просто без ума. «Ох, — говорит она, поднимая на руки извивающегося дымчатого мальчика и кивая в сторону двух других, что борются в огромной коробке из-под стирального порошка «Тайд», — они такие мягкие, такие чистенькие, такие… чрезвычайно лучезарные».

Несмотря на многочисленные попытки Ким Югэн вовлечь тебя в процесс, ты держишься ото всех в стороне. Твое внимание сосредоточено на Р.О., а не на котятах, а Р.О. — неприкасаемая. В этом смысле все пациенты неприкасаемые. Было бы ужасным предательством думать иначе. Поэтому ты и не думаешь, в большинстве случаев.

За год до свадьбы Марти снимает дом на Норс-Хайленд-авеню. Целый дом. Он небольшой, но места ей там предостаточно. Одну из спален она использует в качестве мастерской. В этой комнате на полу лежит громадный холст, на котором она в то время рисовала — исключительно в синих тонах — увеличенную сердцевину магнолии. Она называет свою картину (на твой вкус, слишком прямолинейно) «Сердце магнолии в синих тонах». Работала над ней целый квартал, часто забиралась на стремянку и оценивала издалека. Мол, как лучше будет продолжить.

Каждые выходные ты спишь с Марти в спальне, которая примыкает к мастерской. Матрас лежит прямо на полу, без каркаса или пружинной сетки. Иногда тебе кажется, будто ты лежишь на незаконченной картине. Странное, но приятное чувство. Возможно, оно будет сопровождать тебя всю следующую неделю учебы в Государственном университете Джорджии.

Одним благостным утром ты просыпаешься и видишь, что тело Марти украшено узором из схематичных синих цветов: один на шее, на груди еще несколько и целый букет цвета индиго на молочно-белой равнине живота. Ты таращишься на нее в хмельном изумлении. Женщина, на которой ты собираешься жениться, за ночь превратилась в арабеску из волнующих цветочных синяков.

А потом ты видишь кота: соседский перс, Ромео, прислонился к стене в углу, пузом наружу. Так похож на маленького мохнатого человечка в мягком кресле, что ты смеешься. Марти начинает ворочаться. Ромео прихорашивается. Очевидно, он проник внутрь через окно мастерской, прошелся по «Сердцу магнолии в синих тонах», а потом зашел в спальню и осквернил Марти.

Моя будущая жена похожа на обои эпохи дека-

данса, размышляешь ты, целомудренно целуя ее в один из цветочных отпечатков лапы.

Ты спишь на улице. Носишь одну и ту же вонючую одежду много дней подряд. Уже много месяцев не принимаешь галоперидол. Может, ты сейчас и не в Атланте, а в Лиме, в Стамбуле, в Бомбее? Черт побери, да хоть усыпанный булыжниками лунный кратер! Ты волочишься с места на место, подобно зомби, и люди, у которых ты клянчишь бургеры, мелочь, жетоны на метро, старые газеты, — они не более материальны, чем ты; они столь же бесплотны для тебя, как ты для них. Возможно, они все голограммы. Или призраки. Вполне может быть, что они — человекоподобные роботы, запрограммированные на то, чтобы держать тебя в грязи и голоде. Они заставляют тебя поступать тем или иным образом, пользуясь пультами управления, которые замаскированы под наручные часы и брелки для ключей.

Кошки значат для тебя больше, чем люди. (Люди, возможно, и не люди даже.) Коты тоже стремятся выжить, они способны вынюхать азотосодержащие вещества за несколько кварталов отсюда. Еда.

Ты следуешь за троицей щуплых кошек по

проспекту Понсе де Леона и приходишь к заднему входу в рыбный ресторан. Бак так и ломится от жирной оберточной бумаги и прочих питательных отходов. Пока ты балансируешь на перевернутом контейнере, небрежно копаясь в объедках и выбирая лучшие, кошки важно прохаживаются по окрестным грудам мусора.

В восьмом кабинете, если считать от лаборатории Остина, мистер Петти преподает английский студентам предпоследнего курса. Поэзия. Он шагает по комнате, точно актер в роли Гамлета, даже когда читает какую-нибудь тупость из Огдена Нэша, или убогое, плоское богохульство Ферлингетти, или какой-нибудь загадочный обрубок, сотворенный Карлосом Уильямсом.

Произведение Уильямса было посвящено кошке, которая вскарабкалась на шифоньер («вареньешкаф», по слову автора) и наступила в цветочный горшок. Но на самом деле, вещает мистер Петти, дело тут в образе, который Уильям создал, выбирая нарочито простые слова. Никто с ним не соглашается; все считают, что это даже и не стихи вовсе. Это даже в меньшей степени стихи, чем опус Карла Сэндберга про туман, который ступает — Боже упаси! — маленькими кошачьими лапками. Там хоть метафоры есть.

А тебе понравилось. Ты словно видишь кошку, которая осторожно наступает в горшок. В следующий раз на занятиях у Остина ты пытаешься реабилитироваться: стоя у секционного стола, рассказываешь стишок Памеле ван Рин, Джесси Фей Калверу, Кэти Маржено и Синтии Спайви.

Тренер Остин, тряся головой, просит тебя повторить строки, чтобы и он потом смог их рассказать. Удивительно.

— Кошки — пальцеходящие животные, — говорит он группе. — Это значит, что они ходят на пальцах. Пальцеходящие.

Синтия Спайви ловит твой взгляд. «Ничего себе неженка, — шепчет она. — Кто бы мог подумать?»

— В отличие от собак и лошадей, — продолжает тренер Остин, — кошка ходит, переставляя лапы сначала с одной стороны туловища, а потом с другой. Кроме нее, так делают только два других животных: верблюд и жираф.

А еще безумные голые существа в период гона, думаешь ты, пристально глядя на губы Синтии. Интересно, а бывали ли дикие дети, выросшие среди снежных барсов или ягуаров…

Тай-Тай заболевает инфекцией мочевыводящих путей. Когда ему надо пописать, он ищет

мамашу — она полет сорняки или вешает белье на заднем дворе — и присаживается, чтобы показать: нет, у меня не получается. Через пару дней мама понимает, в чем дело. Вы отвозите Тай-Тая к ветеринару.

Мама работает официанткой в забегаловке «У Дэнни» рядом с автострадой. И денег на операцию по устранению непроходимости (распространенная проблема у сиамских котов) ей не хватает. Она предлагает тебе помочь ей на работе либо на несколько месяцев поступиться карманными деньгами. Ты молча обнимаешь ее, соглашаясь: единственное, что сейчас важно — это помочь Тай-Таю. Операция проходит хорошо, но на следующий день ветеринар сообщает вам по телефону, что ночью Таю стало плохо, и к утру он умер.

Шоколадно-серебристое тельце посередине перетянуто бинтом, точно на Тай-Тая надели седло.

Хоронишь его ты, потому что у мамы рука бы не поднялась. Ты кладешь его в картонную коробку, как раз по размеру для сиамца, роешь ямку под остролистом на заднем дворе и провожаешь кота в последний путь, похлопав лопатой по холмику и помолившись. Молитва состоит из одного слова «пожалуйста», которое ты все повторяешь и повторяешь горестно.

Через два или три месяца ты возвращаешься домой и видишь во дворе свору собак. Они откопали Тай-Тая. Ты гонишь собак прочь. Бежишь, от ярости пригибаясь к земле, и визгливо орешь на них. От Тая остались лишь спутанная шерсть да торчащие кости. Лучше всего сохранилась тугая повязка: она не дает развалиться остову, в котором кишат личинки.

Это не Тай, говоришь ты себе. Я давным-давно закопал Тая, и это не он.

Ты относишь останки, завернутые в редакторскую статью журнала «Атланта Конститьюшн», и резким равнодушным жестом кидаешь в мусорный бак. Они падают с глухим стуком. Мусорщики приедут уже завтра.

Воскресным мартовским днем ты стоишь среди двухсот других бездомных на входе в методистскую благотворительную столовую, что рядом с капитолием штата. Моросит. Худая, но суровая на вид молодая женщина в джинсах и свитере (волосы ее темными прядями падают со лба) раздает написанные вручную номерки всем, кто хочет попасть в подвал. У входа на лестницу, ведущую вниз, стоит мужчина в клетчатой рубашке и широких брюках. Людей запускают десятками, по номерам, и всех прочих он внутрь

не пропускает. Прежде чем позволить пройти следующим десяти, он ходит вниз справиться у сотрудников кухни.

На твоем зеленом талончике, уже размякшем от дождя, написано число 126. В последний раз запускали от 96 до 105. Ты размышляешь. Сложно сказать, в такой-то толчее, среди тычков, проклятий и шуток. Один сердитый чернокожий пробрался вперед вне очереди. Как только выкрикивают новую группу, он начинает размахивать своим номерком: надеется проскользнуть мимо сторожа, хотя у него-то на бумажке стоит цифра 182.

— Чево там выкликают? — спрашивает он. — Я хворый. Пусти, я чево-та падаю. Проклятый дощь.

Когда владелец номера 109 не появляется, сторож пропускает сто восемьдесят второго: и доброе дело сделал, и от лишней головной боли избавился.

Ты плетешься со следующими двумя группами. Интересно, много ли среди них роботов, механических людей, которых — как и тебя в прошлом, может быть, — захватными лучами тянет к благотворительной столовой. У сторожа нет ни наручных часов, ни брелка. Может, он управляет

ими при помощи обручального кольца?..

— Боже милостивый! — восклицает он, завидев тебя. — Это ты? Правда?!

Сторожа зовут Дирк Хили. Он говорит, вы вместе учились в Хейпвилле. Помнишь Памелу ван Рин? А Синтию, как-ее-там? Вы спускаетесь в подвал и берете себе по сэндвичу с белым хлебом и по пластиковой чашке овощного супа. Дирк просит кого-то из волонтеров заменить его и садится рядом за один из шатких складных столиков, за которыми так самозабвенно поглощают пищу подобные тебе бродяги. Дирк — ты вообще его не помнишь, ну совершенно! — не спрашивает, как ты докатился до такого, не обвиняет, не читает проповедей.

— То есть таблетки ты уже не принимаешь?

Шерсть на твоем загривке встает дыбом.

— Не кипятись, — говорит он. — Я навещал тебя в «Тихой гавани». Надо бы тебе снова попить этих таблеток.

Ты ешь, яростно вгрызаясь в сэндвичи, пьешь суп быстрыми глотками. Косишься одним глазом на Дирка сквозь пар точно так же, как много лет назад Скай косила на тебя единственным глазом из своего гнезда в зернохранилище.

— Я могу помочь тебе с работой, — доверитель-

но говорит Дирк. — Ты когда-нибудь слышал о Рокдейлской биокомпании?

Как-то летом мама, руководствуясь одной ей понятными причинами, отсылает тебя проведать отца и его экс-парикмахершу (ее зовут Кэрол Грейс). Они живут в каком-то городке во Флориде, где проедают доходы от ее бизнеса да время от времени выигрывают на собачьих бегах.

Кэрол Грейс делает ставки на собачьих бегах, но дома она — настоящая кошатница. У нее целых семь кошек: самцы апельсинового цвета и пятнистый, три трехцветных самки, рыжая ангорская неопределенного пола и мэнская смешанной породы с хвостом в десять или двенадцать сантиметров, будто мясник ножом отрезал.

— Будь Пенек чистокровным мэнским, у него хвоста не было бы и в помине, — говорит Кэрол Грейс. — Должно быть, бродячий кот постарался.

Поглаживая Пенька, она счастливо хихикает. Они с твоей матерью чем-то похожи. И в обеих есть какая-то дерзость, хотя Кэрол Грейс, пожалуй, погрубее. А твой лысеющий отец, которого она в честь Уэббера звала Питом, пылинки с нее сдувает, совершенно того не стесняясь.

Через несколько дней после приезда вы с Кэрол Грейс видите, что одна из ее кошечек, Хэди Ла-

марр, лежит в неестественной позе под пеканом, что создавал тень перед южным фасадом их двухэтажного дома. Кэрол Грейс опускается на колени рядом с тобой.

— Упала, наверно, — говорит она. — Многие думают, что кошки слишком ловкие, но они тоже могут поскользнуться. Наверно, Хэди, милашка моя, совсем забыла об этом. И вот что случилось.

Ты благодарен Кэрол Грейс за то, что сегодня она берет на себя похороны и молитвы. Молясь, она меланхолично замечает, что каждый может упасть. Каждый.

— Хватит с меня этого фуфла, — говорит Пенфилд. — Скажи лучше, чем ты занимался в Рокдейле. На кого работал и зачем.

— Делал что мог, — бормочу я, — работал, чтобы голова моя стала крепкой и жесткой, словно тиски.

— А вот сейчас ты просто жонглируешь котами, Адольф, — говорит Пенфилд.

Вы с Ким Югэн в мастерской наедине: остальные дети из Синей Группы (в Доме Диких Детей их две, Синяя и Золотая) ушли на экскурсию. Ты размазываешь акриловую краску по аляповатому рисунку: кошка вниз головой шагает по потолку.

Внизу женщина и мальчик-подросток показывают на нее пальцами, лица их полны ненависти.

— Они злятся на кошку или друг на друга? — спрашивает Ким.

Ты смотришь на нее. Что за глупый вопрос!

Ким обходит тебя и встает за плечом. Будь у нее побольше честности, она сказала бы тебе прямо: никакой ты не художник. Может, рисунок приоткрывает какие-то твои глубины, но одновременно с этим он явно говорит: таланта к живописи или рисунку в тебе ни на грош.

— Ты слышал о британском художнике по имени Луис Уэйн? — спрашивает Ким. — Он жил с тремя незамужними сестрами и оравой кошек. Шизофрения не проявлялась до шестидесяти. Это поздно.

— Везунчик, — говоришь ты. — Ему не пришлось долго быть шизиком.

— А теперь послушай. Уэйн рисовал только кошек. Наверное, они ему правда очень нравились. Поначалу это были прилизанные реалистичные кошечки для календарей и открыток. Шлак на продажу. Но потом, когда ему начало казаться, что завистливые конкуренты облучают его рентгеном или что-то в этом духе, кошки его стали ужасно чудными, злыми, угрожающими.

— Чуднее, чем мои? — Ты тычешь кисточкой в рисунок.

— О, да у тебя просто котик-душечка. — И она продолжила: — За те пятнадцать лет, что он провел в больнице, Уэйн нарисовал целую кучу лупоглазых котов с колючей шерстью на фоне ярких неоновых аур и электрических полей. Великолепная геометрия. Сейчас бы подумали, что это компьютерная графика. В любом случае, эти безумства выглядели куда лучше — яростней, внушительней, — чем чушь, которую он делал в здравом уме.

— То есть я останусь неудачником, если не слечу с катушек еще сильнее?

— Нет. Я пытаюсь сказать тебе вот что: треугольники, звезды, радуги, повторяющиеся узоры, которые Уэйн помещал на свои картины, — это отчаянная попытка… ну, скажем, упорядочить хаос, что царил внутри него. И это бесконечно трогательно. Уэйн единственным известным ему способом пытался бороться, пытался повернуть вспять процесс распада его взрослой личности. Ты понимаешь?

Но ты не понимаешь. Не совсем.

Ким стучит по твоей акриловой кошке бордовым ногтем:

— Ты не станешь новым Пикассо, но тебе и не грозит такая ужасная шизофрения, какой страдал Уэйн. Единственная странность твоего рисунка в том, что кошка ходит по потолку. Цвета, композиция, все остальное настолько нормально, что это успокаивает. Хороший признак в смысле твоего психического здоровья. И еще: доктора, которые лечили Уэйна, не могли дать ему нейролептик. А мы можем.

— Твое здоровье. — Я делаю вид, что залпом выпиваю чашечку галдола.

Ким улыбается.

— Так почему ты нарисовал эту кошку вверх ногами?

— Потому что я сам живу вверх ногами, — говоришь ты.

Ким чмокает тебя в щеку:

— Ты не виноват, что биохимические процессы в твоем мозгу пошли не так, дорогой. Ты не отвечаешь за свой обмен веществ. Будь к себе поснисходительней, ладно?

Ты роняешь кисточку, притягиваешь Ким к себе и пытаешься потереться носом об ее шею. Она без труда отклоняет твою руку и отталкивает тебя.

— Но вот это, — говорит она, — тебе придется

контролировать. Мы друзья, а не любовники. Прости, если ввела тебя в заблуждение. Мне очень жаль, серьезно.

— Если ты уже заканчиваешь головоломку, а кусочки не складываются вместе, — рассказывает тебе Хоуи, — бритва всегда под рукой.

Ты пытаешься взять лезвие в руки. Оно острое с обеих сторон. Ты режешь себе палец. Капельки крови брызжут на пазл с кошками.

Какой-то парень отвозит тебя на грузовике к платформе для подготовки образцов Рокдейлской компании. Там же находится разгрузочный док. Это грузовой автофургон без номеров; задняя стенка кабины водителя глухая, без окошка. Похоже, водители грузовика меняются чуть ли не каждую неделю, а вот ты как прилепленный сидишь на этой бетонной платформе уже два месяца. Рядом с тобой клетки на полозьях и камера для усыпления. Дирк Хили поставил тебя здесь начальником, и теперь, когда он уехал куда-то по делам, ты окончательно становишься важной шишкой.

Работа твоя рассуждений не требует, но силы высасывает только так. Благодаря кирпичной стене, что огибает комплекс Рокдейла сзади, а также кленам, которые ограждают разгрузочный

док, твоя голова еще не разваливается на части. Хили держит тебя на сниженной дозе галоперидола — меньше, чем ты принимал, пока вы с Марти еще были женаты. Говорит, что тебя перекармливали лекарствами. Говорит, что ты был — ха-ха три раза — «безучастным рабом наркотиков». Ему виднее. Он многие годы блестяще проработал в национальном медицинском снабжении.

— Оглянуться не успеешь, как мы возьмем тебя в центральный офис, — убеждал он тебя пару недель назад. — Работа на платформе — это своего рода испытание.

Парень в грузовике дает задний ход и начинает разгружаться. Десятки кошек в клетках. На тебе кожаные перчатки до локтя и плотный фартук; ты чувствуешь себя старомодным кузнецом с Запада. Коты — это куски лома, которые нужно перековать заново. Ты задвигаешь клетки дверьми вперед в соединительный блок между платформой и камерой для усыпления, а затем тычешь кошек сзади или с боков длинным металлическим прутом, пока они не спасаются от тычков в камере. Когда она заполняется целиком, ты опускаешь защитную дверцу, проверяешь приборы, подаешь газ. Он шипит громче, чем коты, что карабкаются друг по другу наверх; его

свист громче звуков их возни, громче их воя. Кошки постепенно стихают.

Вручную ты выгружаешь дохлых кошек из камеры, волоча их за лапы и хвосты. Ты больше не ощущаешь себя кузнецом. Теперь ты — зверолов из девятнадцатого века. Ты наваливаешь в повозку лисьи, бобровые, кроличьи, волчьи и ондатровые шкуры. Ты отвезешь их на рынок. Шкурки довольно симпатичны, хотя некоторые заметно испорчены разными кожными болезнями и толстым слоем перхоти из задохнувшихся блох. Сколько за них дадут?

— Девять пятьдесят за штуку, — сказал Дирк Хили. Что-то не похоже. Они больше не двигаются. Они — даже если и были когда-то такими — больше не «чрезвычайно лучезарны». Они похожи на пустые мешки, они мертвы, а мех их отравлен ядовитым газом.

Рядом с кучей кошек на платформе стоит огромная тачка. Ты разматываешь шланг и заполняешь ее водой. Дирк приказал тебе топить задушенных кошек, чтобы убедиться, что они и правда умерли. Разумно. Иные кошки выносливы, как маленькие черти. Они будут призывно тебе мяукать или слабо барахтаться в груде себе подобных, пока не поднимешь их и не швырнешь

в тачку. Вода в тачке ставит последнюю точку. Ее решение непререкаемо. А еще она вымывает из шерсти блох и самые заметные коросты. Ты перетаскиваешь поближе складной стул и выбираешь из кучи кошек с антиблошиными и именными ошейниками, с метками о прививках. Ты снимаешь все эти штуковины. Работаешь в перчатках; промокшие кошачьи трупики покоятся на твоем фартуке, словно в гамаке. Непростая задача, учитывая, что мокрые пальцы перчаток все время соскальзывают.

Если светит солнце, ты выносишь мертвых кошек на освещенную часть платформы и раскладываешь их сушиться ровными рядами.

— Вы можете как-то сделать так, чтобы он перестал мямлить? — спрашивает Пенфилд кого-то в комнате. — Его показаний почти не разобрать.

— Он проигрывает воспоминания у себя в голове, — говорит кто-то. — И, похоже, он начинает вести себя с нами, как аутист.

— Слушайте, — говорит Пенфилд, — нам нужно заставить его выражаться четче, или мы тут просто зря теряем время.

Спустя два месяца после развода ты едешь в Спартанберг, к Брэггам, чтобы повидать Джейко-

ба. Мистер Брэгг — Хоуи — перехватывает тебя у подъездных ворот, словно узнав о твоем приближении по приборам слежения.

— Прости, — говорит он. — Но Марти не хочет тебя видеть, и еще она не хочет, чтобы ты виделся с Джейком. Если ты сейчас не уйдешь, мне придется позвонить в полицию, чтобы тебя… ох… ну, удалили с нашей территории.

Ты не протестуешь. Идешь через дорогу обратно к машине. Отсюда тебе видно, что на кирпичных столбиках по обе стороны от кованых ворот сидят рычащие гранитные львы. Ты не припомнишь, чтобы видел их раньше, но гранит весь растрескался и словно покрылся сеткой, значит, они тут уже давно.

Вот ведь загадка…

Раскладывая дохлых кошек, ты даешь им имена. Всегда одинаковые: Мехитабель, Феликс, Сильвестр, Том, Хитклифф, Гарфилд и Билл. Этих семи имен должно хватить всем кошкам на платформе. Поэтому, когда клички заканчиваются, а кошки еще нет, ты просто добавляешь к именам римские цифры:

Мехитабель II, Феликс II, Сильвестр II, Том II и так далее. Очень стройная система, для работы подходит. Однажды у тебя закончились кошки,

только когда ты дошел до Сильвестра VII.

Ты в Нотасулге. Учишься в пятом классе. Вам показывают фильм об американской программе космических исследований.

Нарезка из древнего видеосюжета: кошка — даже скорее котенок — висит, подвешенная к потолку за лапы. Потолок сделан из металла. Ученый, который разработал эксперимент (его целью вроде было изучить реакцию котенка на положение вверх тормашками, чтобы затем использовать эти данные при работе с космонавтами на орбитальной станции), прикрепил магниты к лапкам животного. Теперь они притягивались к металлической поверхности.

Подобным же образом ученый обошелся и с парой мышей: хотел посмотреть, смогут ли они отвлечь или привлечь котенка. А может, им удастся его напугать? Но не тут-то было. Он боится не мышей (это чрезвычайно апатичные и скучные представители своего вида), а незнакомых условий, в которых оказался. Насколько позволяют ему силы, он пытается сбежать от магнитов. Ушки его прижаты к голове, а пасть открыта в безмолвном крике. На заднем плане диктор объясняет, насколько важен и полезен такой эксперимент.

Но его никто не слушает, потому что почти все дети в классе мисс Байшер ревут от смеха, глядя на котенка. Ты оглядываешься, изумленный, и тебя чуть не тошнит.

Милли Хекер, Агнес Ли Терранс и еще несколько девочек, кажется, испытывают такое же отвращение, но сцена длится недолго — возможно, она короче, чем твои воспоминания, что идут как в замедленной съемке. На секунду тебе кажется, что ты и есть тот котенок, а весь мир перевернут с ног на голову. Это мучительное ощущение.

— Я знаю, что тебе казалось, будто злые люди пытаются захватить твой разум и контролировать мысли, — говорит доктор Холл, директор «Тихой гавани». Он только что вернулся из крыла для стариков и теперь поглаживает кастрированного кота. — Но это всего лишь симптом того, что химия твоего мозга дает сбой. На самом деле…

Едва живой от усталости, ты тащишься через задние ворота Рокдейла. Трехкомнатная квартира, которую предоставил тебе Хили, находится совсем недалеко. Пока ты идешь по заросшему сорняками тротуару, к тебе подъезжает «Линкольн Таун Кар» последней модели. Тонированное переднее стекло со стороны пассажира опускается, и ты впервые смотришь на

этого человека с лицом цвета сырого мяса. Он представляется: Дэвид Пенфилд. Вымышленное имя? Почему ты так думаешь?

— Если угодно, — говорит он, — можете думать, что я зоокоп. Полицейский по делам зверей.

Но ты не хочешь. С чего бы вдруг тебе возжелать такого: считать хорошо одетого человека с непримечательным лицом (и заметными следами прыщей) каким-то деклассированным элементом? Зоокоп, что за название, Господи Боже. Он что, детектив? Что ему нужно?

А затем ты очутился в машине с Пенфилдом и двумя его немногословными приятелями.

А затем вы уже на автостраде, и один из сообщников Пенфилда — или его головорезов? — лепит на свое тонированное стекло одну из этих тупых игрушек в виде кота Гарфилда с лапами на присосках. Что это? Предупреждение? Упрек? Насмешка?

А затем ты оказываешься в подвале, который совсем не похож на благотворительную столовую методистов. А затем ты лежишь лицом вверх, распростертый на каком-то столе… А затем ты ничего уже не знаешь.

Тело Марти украшено узором из схематич-

ных синих цветов: один на шее, на груди еще несколько и целый букет цвета индиго на молочно-белой равнине живота. Ты таращишься на нее в хмельном изумлении. Женщина, на которой ты собираешься жениться, за ночь превратилась в арабеску из волнующих цветочных синяков.

— Марти, — шепчешь ты. — Марти, не оставляй меня. Не увози моего сына, Марти.

Пенфилд, также известный как Зоокоп (тебя озаряет, когда ты погружаешься в коробку с деталями пазла), — не настоящий полицейский. Он ненавидит тебя, потому что у Хили ты занимался работой отвратительной, презренной, подлой. Так и есть, так и есть. Он хочет добраться до Хили, которого вот уже неделю нигде не видать. Может, он сбежал на Барбадос, или на Юкатан, или в Сен-Тропе.

Пенфилд — зоозащитник и экотеррорист. У него есть богатые спонсоры, и настроен он весьма решительно. Процедура ЭРМ, которой он со своими сообщниками тебя подвергает, призвана доказать вину старины Дирка, узнать, где он находится, и обречь на гибель его самого и его сообщников, которые, естественно, заслужили такой участи. Как и ты. Ты это заслужил. Спорить тут не о чем.

— Боже, — говорит Пенфилд, — отвяжите этого сукина сына и отнесите его наверх. А потом оставьте его где-нибудь подальше. Где-нибудь за городом.

* * *

Ты едешь в приют, чтобы подыскать замену Прыгуше и Осси, которых отравили газом три или четыре года назад. Служащая говорит, что у них предостаточно возможных кандидатов на «усыновление». Ты проходишь между рядами клеток. Котята возятся в грязных опилках, бьют друг друга лапками, мяукают. Угнетающее зрелище.

— Вот этого, — наконец говоришь ты.

— Да, он миленький, — одобряет служащая. Вообще-то, если бы она ответила иначе, ее бы уволили. Весь смысл приюта в том, чтобы раздавать животных, а не обрекать их на гибель.

— Это для моего сына Джейка, — объясняешь ты. — Его астма уже лучше. Мне кажется, он ее скоро перерастет.

— Посмотри на мою головоломку, — говорит Хоуи, выдергивая у тебя из рук бритву. — Тут повсюду твоя кровь…

Вот уже сорок лет Майкл Бишоп публикует свои рассказы, романы, стихи и критические статьи (начал он в возрасте двух лет). Его роман «Нет врага, кроме времени» («No Enemy But Time») заслужил премию «Небьюла», книга «Гора единорога» («Unicorn Mountain») получила премию Мифопоэтического сообщества, а благодаря «Непростым подачам» («Brittle Innings») он стал лауреатом премии «Локус» за лучший фэнтези-роман. У него вышло несколько сборников с рассказами, которые помогли ему получить одну «Небьюлу», две премии Юго-восточной ассоциации авторов научной фантастики и награду имени Ширли Джексон за рассказ «Куча» («The Pile»), основанный на заметках, оставленных его покойным сыном Джейми. В качестве редактора он недавно поучаствовал в создании сборника *A Cross of Centuries: Twenty-Five Imaginative Tales about the Christ* («Крест веков: двадцать пять воображаемых историй о Христе»), где последний из написанных рассказов создан в соавторстве со Стивеном Атли в духе научно-фантастической прозы Лавкрафта и озаглавлен «Город тихий, словно смерть» («The City Quiet As Death»). Этот

рассказ опубликован на сайте Tor.com.

Майкл говорит, что для этого сборника позаимствовал один образ из эссе Энни Диллард *Pilgrim at Tinker Creek* («Паломник у ручья ремесленника»): там автор описывает, как ее собственная кошка прошла по постели и обнаженному телу, оставив за собой алые следы, напоминающие цветы розы — до этого она потопталась по влажной красной глине.

Гордон: кот, который сделал себя сам
Питер С. Бигл

Для Жанны Шинто

Однажды давным-давно родился в семье домашних мышей сын по имени Гордон. На вид он был совершенно таким же, как его мама с папой и все братья и сестры: серый, с ярким блеском в черных бегающих глазках. Но внутри у него происходило такое, что было совсем не похоже на мысли его родственников. Он вечно спрашивал, почему все так, как есть, и ответы его никогда не устраивали. Почему мыши едят сыр? Почему живут в темноте и выходят наружу лишь после сумерек? А откуда вообще появились мыши? Что такое люди? Почему они так смешно пахнут? А если бы мыши были большие, а люди маленькие? А если бы мыши могли летать? Вообще-то обычно мыши не задают много вопросов, но Гордон все спрашивал и спрашивал.

Однажды вечером, когда Гордону было всего несколько недель от роду, одну из его сестер (вторую по старшинству) отправили посмотреть, не

оставили ли в кладовке открытым чего-нибудь интересного. Она ушла и не вернулась. Папа Гордона печально пожал плечами, развел передними лапами и пояснил: «Кошка».

— Что такое кошка? — спросил Гордон.

Папа и мама переглянулись и вздохнули.

— Рано или поздно ему придется узнать, — решил папа. — Так лучше уж узнать дома, чем во дворе.

Мама едва слышно шмыгнула носом и сказала: «Но он еще так молод!», а папа возразил, что кошкам-то на это наплевать. И они тотчас же рассказали Гордону про кошек, думая, что он заплачет и скажет, что их не существует. С такой мыслью сложно свыкнуться. Но Гордон только спросил:

— А для чего кошки едят мышей?

— Наверное, мы очень вкусные, — ответил папа.

Гордон сказал:

— Но ведь кошкам необязательно есть мышей. У них полно другой еды, которая на вкус наверняка не хуже. Зачем кому-то кого-то есть, если это необязательно?

— Гордон, — сказал отец. — Послушай меня. В мире живут два вида существ: охотники и те, на

кого охотятся. Случилось так, что мы, мыши, рождены быть жертвами, и поэтому по сути не важно, голодна кошка или нет. Просто такова жизнь. На самом деле быть добычей — это огромная честь, если смотреть на это под правильным углом.

— Чушь какая-то, — возмутился Гордон. — А где учат на кошек?

Они решили было, что он шутит, но как только Гордон стал достаточно взрослым, чтобы гулять одному, он взял чистую рубашку и немного арахисового масла и отправился искать кошачью школу. Уходя, он сказал родителям:

— Я очень вас люблю, но быть всю жизнь добычей только из-за того, что родился мышью, — это не для меня.

И он отправился в путь. Совершенно один.

А вы знаете, что все кошки ходят в школу, хоть мы этого и не видим? Собаки — другое дело. Но кошки всегда ходили в школу и всегда будут. В мире полно кошачьих школ, и Гордон без труда нашел одну из них. Он отважно взошел по ступенькам и постучал в дверь. Он сказал, что хочет поговорить с Директором.

Он почти был готов к тому, что сейчас-то его и сцапают, но все кошки — и ученики, и учителя — были так потрясены, что дали ему пройти.

Один из преподавателей даже отвел его в кабинет Директора. Гордон чувствовал на себе взгляды, слышал, как фыркают от его восхитительного запаха кошачьи носы, но он крепко вцепился в свой чемодан с рубашкой и арахисовым маслом и шел вперед, не оглядываясь.

Директор оказался жирным полосатым стариком, и во время разговора с Гордоном он не переставая жевал собственный хвост.

— Ты, наверное, сошел с ума, — сказал он, когда Гордон признался, что хочет стать котом. — Я бы проглотил тебя в два счета, если бы есть чудиков не было плохой приметой. Выметайся отсюда! Если мыши начнут ходить в кошачьи школы…

— А почему нет? — отозвался Гордон. — Есть письменный запрет? Где сказано, что я не могу учиться в этой школе, если захочу?

Ну естественно в правилах кошачьих школ не было ни слова о том, что туда не могут ходить мыши. Кому бы пришло в голову вписывать такой пункт?

Директор сложил лапы на груди и начал:

— Гордон, взгляни на вопрос с такой точки зрения…

— Нет, это вы взгляните с моей, — отозвался Гордон. — Я хочу быть котом. И, клянусь, из

меня выйдет кот получше, чем из некоторых простофиль, которых я видел в этой школе. У большинства из них такой вид, словно и мыши-то из них получились бы так себе. Так что давайте заключим сделку: вы разрешите мне ходить в вашу школу в течение одного семестра. Если к тому времени я не буду учиться лучше всех — если хоть у одного кота оценки будут выше, — тогда вы просто съедите меня, и дело с концом. Справедливо?

Ни один кот не смог бы отказаться от такого вызова. Но прежде, чем дать согласие, Директор предложил одно небольшое изменение: в конце семестра, если у Гордона не будет лучших оценок в школе, честь полакомиться им выпадет лучшему ученику.

— Может, это заставит некоторых оболтусов учиться усерднее, — сказал Директор себе, когда Гордон покинул кабинет. — Он, конечно, безумец, но он прав: из большинства не вышло бы и приличных мышей. Я почти что надеюсь, что у него все получится.

Так Гордон пошел в кошачью школу. Каждый день он садился за свою личную крохотную парту. Вокруг него сидели сто котят и почти взрослых лоботрясов, только и мечтавших о том, как бы

накинуться на этого мышонка и вволю поиграть, прежде чем проглотить его. Он научился вылизывать шерстку. Узнал, как точить когти, как наблюдать за происходящим, притворяясь, будто спишь. Посещал курс по Обращению с Собаками, и еще один под названием «Как спускаться с деревьев», ведь это гораздо сложнее, чем взбираться наверх, а также побывал на серьезном научном семинаре о различных смыслах выражения «Плохой котик!». Лично Гордону больше всего нравились занятия по Видениям, где речь шла о волшебных вещах, которые видят лишь кошки: величественные фигуры предков, скользящие мимо; замки вдали; таинственные леса, полные чудищ, на которых нужно охотиться… Профессор, который вел курс по Видениям, говорил коллегам, что не встречал таких блестящих учеников.

— Съесть такого ученика было бы преступлением, — возглашал он повсюду. — Постыдным, непростительным, самым вкусным преступлением в мире!

Поначалу уроки по ловле мышей проходили несколько скомканно: обычно учитель просил одного из студентов побыть мышью, а в случае с Гордоном Директор посчитал, что это было бы слишком рискованно. Но Гордон сам настоял,

чтобы за ним гонялись, как и за любым другим студентом. Мало того, что его ни разу не поймали (ну ладно, почти ни разу; был один голубой перс, который умел резко менять направление), так еще, когда пришла его очередь гоняться, оказалось, что у него врожденный талант. То, как он с первого раза мастерски исполнил Прыжок-Полет, заставило всех учеников вместе с учителем сесть навытяжку и зааплодировать. Гордон трижды поклонился и исполнил этот номер на бис.

Были также уроки по правильному обращению с людьми: как лежать на коленях, как воздерживаться от царапанья мебели, даже если чувствуешь, что просто вынужден это сделать, как поступать, если тебя берут на руки дети и как просить еду или внимания так, чтобы люди звали других людей поумиляться. На этих занятиях Гордон нередко грустил. Вряд ли он когда-нибудь станет настоящим „человеческим“ котом: кому охота держать на коленях мышь или чесать ее за ушами, пока она мурлычет? И все-таки на уроках по обращению с людьми он ловил каждое слово (как и на всех остальных), потому что все кошки знали: тот, кто лучше всех закончит семестр, съест Гордона, и они учились старательно как никогда. Директор говорил, что они — лучшие

ученики за историю школы, и открыто планировал сделать это традицией, по одной мыши в семестр.

Когда объявили оценки и были подсчитаны баллы, первое место поделили двое учеников: Гордон и голубой перс. Они шли нос к носу, ни один не опережал другого ни на кошачий усик. В действительно важных предметах вроде Бега и Прыга, Лазания, Подкрадывания и Ожидания, Пока Жертва Забудет, Что Ты Еще Там; и на тех курсах, что учат хорошему кошачьему тону: Умывание, Хвостовой Этикет, Элегантный Зевок, Сон в Неподобающих Позах и Как Раздобыть Достаточно Еды и Не Выглядеть Жадиной (как начальный курс, так и занятия для продолжающих!) — во всем этом Гордон с голубым персом лидировали, оставив остальных далеко позади. Кроме того, они умели мяукать на пяти различных диалектах: персидском, абиссинском, сиамском, бирманском (который мало кто осваивает, помимо самих бирманцев) и на упрощенной версии тигриного.

Но в семестре может быть только один Лучший Кот; ничьи недопустимы. Чтобы решить этот вопрос раз и навсегда, Директор объявил, что Гордон и голубой перс встретятся в поединке по

ловле мыши.

Перс и Гордон при всем при этом неплохо ладили, поэтому они, соблюдая предосторожности, пожали друг другу лапы, и Перс промурлыкал: «Без обид».

— Конечно, — ответил Гордон. — Если кому-то и суждено меня съесть, я бы хотел, чтобы это был ты.

— Вот это я понимаю дух соревнования, — сказал Перс. — Надеюсь, так и будет.

— Но этого не будет.

И у Перса не было ни единого шанса на победу. Как только они заняли свои позиции в густонаселенном мышином районе, Гордон сумел напасть из засады, перехитрить и загнать в угол почти всех мышей (кроме самых быстрых), и сделал это так безупречно, с такой элегантной беззаботностью — так по-кошачьи, — что Перс в конце концов поднял лапы вверх и признал поражение. Перед всеми преподавателями и учениками факультета он провозгласил:

— Я сдаюсь! Гордон — кот куда лучше меня, и я не стыжусь признаться в этом. Если бы все мыши были подобны ему, коты бы стали вегетарианцами. — (Персы ужасно любят театральные жесты.)

Все предались безудержной радости и так шу-

мели, что никто даже не возразил, когда Гордон отпустил всех пойманных мышей на свободу. Кошки ценят благородные жесты, да к тому же все уже пообедали.

Гордон выиграл спор, и Директор — равно как и Перс — был в достаточной мере котом, чтобы любезно это признать. Он назначил дату празднования. Явились все студенты до единого, и в конце церемонии Директор объявил, что теперь Гордон считается настолько же полноправным котом, как и любой другой ученик, а может, даже больше. Он дал Гордону карточку, на которой было указано, что он — кот с хорошей репутацией, и все зааплодировали, а Гордон произнес еще одну речь, которая начиналась словами «Коты, братья мои…» В ней он пожалел, что родители не видят, чего он добился, и сказал, что мир был бы совсем другим, если бы все просто умели задавать вопросы и не боялись нового.

Получив звание лучшего школьного кота, Гордон не стал почивать на лаврах. Вместо этого он начал учиться с еще большим рвением и так преуспел, что выпустился со званием Felis maximus, что в переводе с латыни значит «Вот так кот!» Он остался в школе вести семинары по Обходным Маневрам (они пользовались огромным

успехом), а также спецкурс по Прыжкам Стоя (за птицей, которая пролетела на головой, пока вы смотрели в другую сторону).

Рассказы о его новой жизни передавались из мышиных уст в мышиные уста и вскоре превратились в легенду, которая страшила грызунов больше, чем любая кошка. Они шептались между собой о «Гордоне Ужасном», «Гордоне, Добровольно Ставшем Котом» и просто о «Неназываемом» и по ночам рассказывали страшилки о гигантской мыши, что бьет хвостом и с диким блеском в желтых глазах прыгает на жертву, выпустив смертоносно острые когти. Мышь, которая ступает беззвучно и безжалостно выслеживает своих соотечественников в самых потаенных убежищах. Они свято верили, что он поедал мышей, точно имбирное печенье, а когда наедался досыта, то со смехом передавал оставшуюся добычу своим дружкам. Ходили даже жуткие слухи о том, что Гордон съел свою собственную семью. Говорили также, что он часто водит своих сокурсников в походы и показывает им тайные мышиные тропы, о которых ни один кот не смог бы узнать самостоятельно.

Эти истории чрезвычайно печалили Гордона: он-то был абсолютно убежден, что его достиже-

ния послужат на пользу всем мышам в мире. Когда он ловил одинокого мышонка или загонял в угол десяток сородичей где-нибудь за холодильником или на чердаке, то повторял им каждый раз одни и те же слова: «Поглядите на меня! Поглядите на меня! Я — такая же мышь, как и вы — не больше и не меньше — и при этом я каждый день общаюсь с кошками, и меня еще не съели! Меня уважают, мной восхищаются, я даже обладаю кое-каким влиянием в мире кошек. И каждый из вас может добиться того же! Не верьте, что мы, мыши, рождены лишь для того, чтобы на нас охотились, чтобы нас унижали и пытали и в конце концов просто проглотили целиком. Это неправда! Хватит прятаться в тени, всю жизнь дрожа от страха, сжавшись в жалкие комочки шерсти. Мы тоже можем быть элегантными и яростными охотниками, которые не боятся никого и ничего. Бегите и расскажите всем! Вы должны всем рассказать!»

Сказав это, он отступал в сторону и давал мышам броситься врассыпную, надеясь всякий раз, что они наконец поняли то, что он пытался им показать. Но этого так и не случилось. Мыши разбегались в разные стороны в совершенном убеждении, что спаслись только благодаря

невероятной удаче, и среди их племени лишь множились мифы и легенды об ужасном Гордоне, который стал котом по своей воле, и рассказы эти становились все более пугающими и грозными. И разве важно, что никто никогда не видел, чтобы Гордон вытворял хоть что-нибудь из тех ужасов, которые ему приписывали? С этими легендами вечно так.

А потом однажды Гордон проходил по улице, торопясь на заседание факультета. Он ступал мягко, точно леопард, бил хвостом, словно лев, и, подобно тигру, учуявшему еду, издавал нетерпеливое тихое рычание. И вот откуда ни возьмись на его тропу пала огромная тень. Она была так велика, что Гордон поднял голову, дабы убедиться, не попал ли он в какой-то туннель. И он увидел собаку. То есть на самом деле он увидел только ее ногу: собака была слишком громадной, даже настоящей кошке пришлось бы дважды окидывать фигуру взглядом, прежде чем она бы поняла размеры пса. Собака прогрохотала:

— Здорово! Люблю мышей. В них куча фосфора. Вкусняшка!

Гордон приник к земле. Хвост его бешено колотил о бока, шерсть на хребте поднялась дыбом.

— Осторожней, пес, — предупредил он. — Ты

тут со мной не шути, я серьезно говорю.

— Какая прелесть, — сказала собака. — Он играет в кота. Я тогда тоже кот. Мяу.

— Я правда кот! — Гордон выгнул спину дугой, да так, что она заболела; он шипел, фыркал и рычал, и все это практически одновременно. — Я кот! Хочешь убедиться? Посмотри на мою карточку. Вот она!

— Чудик какой-то, — в удивлении пробормотал пес. — Говорят, есть чудиков — плохая примета. Хорошо, что я не суеверный.

Сделав Первое Предупреждение, как и подобает (и как его учили в школе), Гордон быстро перешел ко Второму. Он сделал стремительный выпад правой лапой в нос противника. Гордону пришлось прыгнуть вертикально вверх, чтобы достать до влажного собачьего носа, но даже при этом он умудрился великолепно выполнить Второе Предупреждение.

Но вместо того, чтобы взвизгнуть и пристыженно отступить, собака лишь чихнула.

Вот в этом, подумал Гордон, и состоит разница между теорией и практикой.

Но не просто же так студенты толпами ходили на его семинары по Обходным Маневрам. С поразительным присутствием духа он перешел

от Второго Предупреждения прямо к Четвертому Избеганию, которое включает в себя сразу два ложных выпада: мордой в эту сторону, хвостом в ту — после которого следует резкий угрожающий выпад в сторону атакующего и лишь затем прыжок в сторону. Если выполнить его правильно, то вы окажетесь в нужной позиции — как для побега, так и для Прыжка-Полета. Это уже зависит от ситуации.

Но большая собака не имела ни малейшего понятия о том, что перед ней только что выполнили Четвертое Избегание, и поэтому осталась стоять с идиотским видом. Она привыкла к такому виду уже давно. Пес радостно подпрыгнул, протявкав «Чур я вожу!», и побежал прямиком на Гордона, который, в свою очередь, полез на дерево. Делал он это с той отточенной грацией, что заставляла его студентов позабыть об аплодисментах и просто созерцать. Он нашел ветку поудобнее и устроился там, предаваясь горестным размышлениям. Он думал о том, что ни одна кошка не испытывает столь большой гордости за свой род, чтобы ввязываться в спор по этому поводу.

Собака тоже присела, ухмыляясь во всю пасть:

— А теперь стань птичкой, — прокричала она Гордону. — Давай посмотрим, как ты станешь

птичкой и улетишь отсюда!

Вообще-то Гордон мог просидеть на ветке сколько угодно и дождаться, когда собака устанет сторожить внизу, но на этот раз он был усталым, хотел пить и, естественно, ему была не по душе перспектива опоздать на собрание. Что-то нужно было сделать. Но вот что?

Он отважно обдумывал перспективу спрыгнуть прямо собаке на спину, но вот поблизости показались трое юных мышей. Они ходили за покупками по маминому поручению.

Они и вправду были очень-очень молоды, и так как они ни разу не видели Гордона Ужасного — хотя слышали о нем с тех пор, как были слепыми мышатами, — то и не знали, кто сидит там, на дереве. Они видели лишь, что их сородич попал в беду, и, находясь в том нежном возрасте, когда еще поступаешь подобным образом, они аккуратно сложили пакеты на землю и принялись отвлекать пса, заманивая его подальше от дерева. Сначала один из мышат бежал прямо на собаку, чтобы та погналась за ним, затем с другой стороны появлялся второй, и собака бросала погоню за первым, чтобы последовать за новой целью.

Пес, по природе своей довольно добродушный, в тот момент был не голоден, и он отлично провел

время, гоняясь за мышатами. Он убегал вслед за ними все дальше и дальше от дерева, и, наверное, совсем уже забыл про Гордона к тому времени, как Неназываемый смог спрыгнуть с дерева и исчезнуть в кустах.

Гордон бы подождал мышат и поблагодарил их, но все трое исчезли, и собака вместе с ними. Он переживал, что пропустит собрание, а потому припустил в сторону школы, несколько замедлив бег у самого входа, чтобы отдышаться и разгладить усики. «Такое может случиться с каждым, — говорил он себе. — Стыдиться тут нечего». И все же, вспоминая о том, что ему пришлось спасаться бегством, Гордон не мог избавиться от какой-то глубокой тревоги. С тех самых пор, как он в первый раз взошел по этим ступеням, ему не приходилось чувствовать себя так неуверенно. Он тщательно вылизал шерстку и прошагал внутрь, с виду гордый и спокойный, лучший из всех котов, которых вам приходилось видеть, Гордон Ужасный, Неназываемый — да, Кот, Который Сделал Себя Сам.

Но другой кот — собственно, старший преподаватель Охоты За Хвостом — был свидетелем случившегося и уже успел прервать собрание, дабы сообщить шокирующие подробности.

Директор попытался отмахнуться:

— Когда приходит время вскарабкаться на дерево, мы карабкаемся на дерево, — сказал он. — Это любому коту известно. — (Он успел по-своему привязаться к Гордону.)

Но этим дело не закончилось. Профессор Охоты За Хвостом (сиамец породы „шоколадные ушки“, который мечтал когда-нибудь руководить школой самостоятельно) был лидером оппозиции. По его мнению, Гордон был просто самозванцем, подделкой, котом на бумаге, который был так дружен со своими мышиными сородичами, что те ринулись ему на помощь, как только увидели, что он в опасности. В свете вышесказанного, кто может сказать, каковы дальнейшие планы Гордона? И почему он вообще пришел в школу для котов? А что, если за ним последуют и другие? Что, если мыши планируют напасть на кошачью школу — на все кошачьи школы?!

Эта мысль ошеломила всех заседавших. Когда среди них находится мышь, подобная Гордону, — мышь, которая знает о котах больше, чем сами коты, кто может чувствовать себя в безопасности?

Вот так быстро рассудок был побежден страхом. Через считаные минуты все (за исключением

Директора) забыли, как они любили Гордона и восхищались им. Какой чудовищной ошибкой было принять его в школу! И эту ошибку необходимо исправить как можно скорее.

Директор застонал, прикрыл глаза и велел послать за Гордоном. Забирая у него карточку, он чуть не плакал.

Конечно, Гордон яростно протестовал. Говорил о Воле и Выборе, о Свободе, о преображающей силе Сомнения в Очевидном. Но Директор сказал печально:

— Мы не можем доверять тебе, Гордон. Уходи сейчас, пока я сам тебя не съел. Мне всегда было интересно, каков ты на вкус.

А затем он опустил голову на стол и действительно разрыдался.

Итак, Гордон сложил чистую рубашку и остатки арахисового масла и покинул школу для котов. Все коты расступились, чтобы дать ему пройти, и стояли, отвернув морды, и никто не произнес ни единого слова. Старший преподаватель Охоты За Хвостом в последний момент изготовился к прыжку, но Директор наступил ему на хвост.

Никто больше не слышал о Гордоне. Одни говорили, что он остался котом, даже без своей карточки; другие утверждали, что его выгнали

из страны его же соплеменники. Но наверняка о его судьбе знал один лишь Директор, ибо только он слышал, что Гордон говорил себе под нос, с высоко поднятой головой уходя из школы.

— Гав, — задумчиво бормотал он. — Гав. Тявтяв. Ну и что тут такого сложного?

Питер Бигл родился в Манхэттене в 1939 году и вырос в Бронксе. В десять лет он объявил, что станет писателем, и теперь считается иконой американского фэнтези. Автор известных романов, рассказов, а также небеллетристических произведений, он также участвовал в создании множества драм, телеспектаклей и киносценариев; пишет прекрасные стихи, либретто, тексты и музыку к песням и поет сам. Чтобы узнать больше о его произведениях «Последний единорог» («The Last Unicorn»), «Прекрасное тихое место» («A Fine and Private Place»), «Все лето» («Summerlong»), «Боюсь, у вас завелись драконы» («I'm Afraid You've Got Dragons»), «Заметно по моему наряду» («I See By My Outfit»), «Два сердца» («Two Hearts») и многих других, навестите его сайт www.peterbeagle.com.

«Гордон: кот, который сделал себя сам» по-

явился на свет в конце шестидесятых, когда одна небольшая (и ныне канувшая в небытие) мультипликационная студия попросила Бигла подкинуть им какую-нибудь идею для полнометражного проекта. Из этого ничего толком не вышло, и до 2001 года рассказ провалялся на полке, пока друг писателя не обнаружил рукопись, разбираясь в проржавевшем шкафу в гараже, где Бигл хранил свои документы. Несколько раз переработав рассказ, Бигл опубликовал его в своей бесплатной электронной рассылке *The Raven*, а затем переиздал его в сборнике *The Line Between* («Линия посередине»). В данный момент автор переделывает эту историю в полноценную книгу для детей.

У Бигла есть персидская кошечка по имени Принцесса Грейс, которая общается исключительно с собаками (остальные кошки для нее — пустое место) и считается полноценным членом стаи. «Гордон» — это плод размышлений Бигла о том, каков был бы мышиный аналог Принцессы Грейс (или Хасси, как называют ее дети автора).

Охотник на ягуаров
Люциус Шепард

Прошел уже почти год с того момента, как Эстебан Каакс в последний раз появлялся в городе, но его жена задолжала торговцу электротехникой Онофрио Эстевесу, и вот он отправился туда снова. По природе своей он был человеком, которому красоты природы милей всего на свете, безмятежная размеренность крестьянской жизни придавала ему сил, а по ночам он от души наслаждался беседами и прибаутками у костра или был счастлив лежать бок о бок со своей женой, Инкарнасьон. Он как от чумы бежал от Пуэрто-Морады, где всем заправляли фирмы, экспортирующие фрукты, где собаки были угрюмы, а из забегаловок орала американская музыка. Из окон его дома на вершине горы, чьи склоны огораживали Бахия Онда с севера и проржавевшие жестяные крыши домов, что опоясывали залив, напоминая засохшую кровяную корку на устах умирающего.

Но в то утро выбора у него не было: надо было идти в город. Инкарнасьон без его ведома купила

в кредит у Онофрио телевизор на батарейках, и продавец угрожал отобрать трех молочных коров Эстебана в счет восьмисот лемпир, которые они задолжали; он отказывался брать телевизор назад, но передал, что согласен обсудить альтернативный метод оплаты. Если Эстебан потеряет коров, то на его доход нельзя будет даже прокормиться, и ему придется снова приниматься за старую работу, гораздо менее почетную, чем фермерский труд.

Спускаясь с горы мимо соломенных хижин и бамбуковых изгородей — в точности, как и у него самого, шагая по тропе, вьющейся через бурые от солнца заросли (в основном то были банановые деревья), он думал не об Онофрио. Он думал об Инкарнасьон. Она всегда была легкомысленной, он хорошо знал это еще тогда, когда они только поженились, и все же этот случай с телевизором явно показывал, какие разногласия появились между ними с тех пор, как выросли их дети. Она заважничала, начала смеяться над деревенской простотой Эстебана и обзавелась кружком пожилых подруг. Почти все они были вдовами, претендовали на изысканность манер и смотрели на Инкарнасьон как на старшую. Каждый вечер они сбивались в стайку вокруг

телевизора и пытались перещеголять друг друга в искусстве комментариев: практиковались они на американских детективных сериалах. И каждую ночь Эстебан сидел снаружи, предаваясь невеселым размышлениям о своем браке. Ему казалось, что своим общением с вдовами Инкарнасьон показывает ему, с каким нетерпением она ожидает возможности облачиться в черную юбку и шаль, показывает, что теперь, когда роль отца он уже выполнил, Эстебан превратился для нее в досадную помеху. Хотя ей шел лишь сорок второй год (она на три года была младше Эстебана), но чувственная жизнь уже утрачивала для нее значение: они теперь редко предавались любовной страсти, и Эстебан был уверен, что в этом частично выразилась ее обида за то, что года пощадили его. Он был похож на одного из племени Старая Патука: высокий, с угловатыми чертами и широко расставленными глазами; его медно-красная кожа была еще гладкой, а волосы отливали цветом воронова крыла. У самой Инкарнасьон уже стали появляться седые прядки, и чистая красота ее фигуры растворилась под слоями жира. Но он и не ждал, что она вечно будет прекрасна; он пытался уверить ее, что любит не только девушку, какой она была, но

и женщину, которой она стала. Но та женщина умирала, зараженная той же болезнью, что и весь Пуэрто-Морада. Возможно, любовь ее к нему тоже находилась при последнем издыхании.

Пыльная улочка, на которой находился магазин электрических товаров, бежала позади кинотеатра и отеля «Цирко дель Мар». С той ее стороны, что была дальше от моря, Эстебан видел, как звонницы Санта-Мария-дель-Онда поднимаются над крышей гостиницы, точно рога огромной каменной улитки. В юности, повинуясь желанию матери, он собирался стать священником и провел три года в заточении под этими колокольнями. Под руководством старого отца Гонсалво он готовился поступать в семинарию. Об этом периоде своей жизни он жалел больше всего, ибо ученые премудрости, которые он постиг, равно отдалили его как от мира индейцев, так и от современного общества; в душе он придерживался того, чему учил его отец — принципы магии, история племени, законы природы, и все же ему не удавалось избавиться от ощущения, что это все просто предрассудки или ненужные знания. Тень звонниц лежала на его душе так же незыблемо, как на мощеной площади перед церковью, и один их вид вызывал у него желание прибавить шагу

и опустить глаза.

Дальше по улице располагалась «Кантина Атомика», место сбора городской золотой молодежи, а напротив — магазин электротоваров: одноэтажное здание, обмазанное желтой штукатуркой, с рифлеными металлическими рулонными шторами, которые на ночь опускались. Фасад был украшен росписью, которая вроде как должна была изображать представленный внутри товар: сияющие холодильники, телевизоры и стиральные машины. Под ними были нарисованы крохотные мужчины и женщины, воздевающие в восторге руки: по сравнению с ними приборы казались просто огромными. На самом деле продукция вызывала куда меньше восхищения, в основном это были радиоприемники и подержанное кухонное оборудование. Мало кто в Пуэрто-Мораде мог позволить себе что-либо сверх этого, а те, кто мог, ездили за покупками в другие места. Клиентура Онофрио по преимуществу состояла из бедняков, едва справлявшихся с графиком выплат; основную прибыль он получал, перепродавая одни и те же устройства снова и снова.

Когда Эстебан вошел, Раймундо Эстевес, бледный юноша с пухлыми щечками, тяжелыми веками и дерзким языком, стоял, прислонившись

к конторке. Раймундо ухмыльнулся и пронзительно свистнул. Через пару секунд из задней комнаты показался его отец: огромный слизняк, еще бледнее сына. К его пятнистому лбу прилипли ниточки седых волос, перед его гуайаберы растягивался под напором брюха. Он лучезарно улыбнулся и протянул руку.

— Как прекрасно видеть вас снова! Раймундо! Принеси нам кофе и пару стульев.

Эстебан терпеть не мог Онофрио, но ему приходилось быть вежливым. Он пожал протянутую руку. Раймундо разлил кофе по блюдечкам и приволок стулья, бросая сердитые взгляды: он был зол, что его заставили прислуживать индейцу. Присев, Эстебан спросил:

— Почему вы не позволите мне вернуть телевизор? — И, не в силах сдержаться, добавил: — Разве вы больше не стремитесь обдурить мой народ?

Онофрио вздохнул; казалось, он больше не в силах был объяснять что-либо дураку вроде Эстебана:

— Я не дурю ваш народ. Разрешая вам возвращать товар, я иду в обход контрактов. А ведь мог бы и в суд обратиться. И я придумал способ, как вам сохранить телевизор, не выплачивая вообще никаких денег. Разве это называется «обдурить»?

Бесполезно спорить с человеком с такой гибкой и своекорыстной логикой. Поэтому Эстебан просто ответил:

— Говорите, что собирались.

Онофрио облизал губы цвета сырой колбасы:

— Я хочу, чтобы вы убили ягуара в Баррио Каролина.

— Я больше не охочусь.

— Индеец боится, — вставая со стула за спиной Эстебана, отозвался Раймундо. — Я же говорил тебе.

Онофрио отмахнулся от него и обратился к Эстебану:

— Но это же неразумно. Если я заберу ваших коров, вам снова придется охотиться. Но если вы поможете мне, вам придется убить всего-то одного ягуара.

— Одного, который уже убил восьмерых охотников. — Эстебан поставил чашку на стол и поднялся. — Это не просто ягуар.

Раймундо пренебрежительно рассмеялся, и Эстебан пронзил его пристальным взглядом.

— Ах! — Онофрио льстиво заулыбался. — Но ни один из этих восьми не пользовался вашим методом.

— Прошу извинить меня, дон Онофрио, — с

насмешливой учтивостью обратился к нему Эстебан. — Но у меня действительно масса других дел.

— Я приплачу вам пятьсот лемпир, — сказал Онофрио.

— Но почему? Простите, но мне не верится, что вы делаете это из заботы об общественном благополучии.

Жирное горло Онофрио заходило ходуном; он помрачнел.

— Ну да ладно, это неважно. Все равно этой суммы недостаточно.

— Что ж, тогда тысячу. — Онофрио больше не мог скрыть тревоги под маской привычного равнодушия.

Заинтригованный, желая узнать, насколько велико беспокойство Онофрио, Эстебан взял цифру с потолка:

— Десять тысяч. Деньги вперед.

— Да это просто смешно! На эти деньги я смогу нанять десять охотников! Двадцать!

Эстебан лишь пожал плечами:

— И ни один из них не владеет моим методом.

Онофрио с минуту сидел, заламывая руки, словно благочестие мешало ему принять решение. И затем выдавил из себя:

— Так и быть. Десять тысяч!

Эстебан вдруг понял, почему Онофрио так пекся о Баррио Каролина; по сравнению с выгодой, которую извлечет из дела торговец, вознаграждение Эстебана казалось просто ничтожным. Но им уже завладели мечты о том, что могут принести ему эти десять тысяч лемпир: стадо коров, грузовик для перевозки товара или — это казалось ему самым удачным вариантом — маленький оштукатуренный домик в Баррио Кларин, который так запал в сердце Инкарнасьон. Может, заполучив этот дом, она потеплеет к Эстебану. Он заметил, что Раймундо смотрит на него в упор с понимающей усмешкой; да и Онофрио, все еще разъяренный запрошенной платой, уже снова выказывал признаки довольства: поправлял свою гуайаберу, приглаживал свои и так прилизанные волосы. Из-за того, что они смогли его купить, Эстебан почувствовал себя униженным. Чтобы сохранить остатки достоинства, он повернулся и прошел к двери.

— Я подумаю над вашим предложением, — бросил он через плечо. — И дам ответ завтра утром.

* * *

«Смертоносный отряд из Нью-Йорка», разрекламированный фильм с лысым американским актером в главной роли — вот чем на этот раз заманила Инкарнасьон своих вдов на вечерние посиделки, и они расселись по-турецки на полу, заполонив всю хижину. Угольную печку и ночной гамак пришлось перенести на улицу, потому что опоздавшим плохо было видно экран. Эстебан стоял в дверях, и ему казалось, что дом его захватила стая огромных черных птиц в капюшонах, которые получали команды из самой глубины мерцающего драгоценного камня с серым отливом. Он неохотно протиснулся сквозь них и пробрался к полкам на стене позади телевизора; он протянул руку к верхней и вытащил длинный сверток, укутанный в несколько слоев промасленных газет. Боковым зрением Эстебан видел, что Инкарнасьон следит за ним, поджав улыбающиеся губы, и эта улыбка-шрам выжигала клеймо на его сердце. Она знала, что он собирался сделать, и это приводило ее в восторг! Возможно, она была посвящена в план Онофрио по убийству ягуара, возможно, они с Онофрио даже сговорились, чтобы поймать его

в ловушку. Он проковылял между вдовами (они закудахтали), вышел к своей банановой роще и уселся на камне. Ночное небо заволокли облака, и сквозь рваные очертания листвы виднелась лишь жалкая горстка звезд; листья терлись друг о друга на ветру. Эстебан слышал, как фыркает одна из коров, чувствовал пряный запах загона. Ему казалось, что вся суть его жизни свелась теперь к этой роли постороннего наблюдателя, и он ощущал всю горечь этого отчуждения. Конечно, он признавал, что его брак не удался, но все же не мог припомнить ничего, чем заслужил бы такую исполненную ненависти улыбку Инкарнасьон.

Помедлив немного, он развернул газеты и извлек мачете с тонким лезвием: обычно таким рубили стволы бананов, но он использовал его для охоты на ягуаров. Просто взяв его в руки, он снова почувствовал уверенность, будто оружие придало ему сил. С последней охоты прошло уже четыре года, но он знал, что навыка не утратил. Однажды его провозгласили лучшим охотником в Нуэва-Эсперанза, — до него этот титул носил его отец, — и он оставил свое ремесло не по старости и не из-за недуга, а просто потому, что ягуары красивы, и красота их стала для него важнее всех причин для убийства. И с этим ягуаром из Баррио

Каролина то же самое: он угрожал только тем, кто охотился за ним, кто стремился захватить его территорию; его смерть обогатит лишь бесчестного мужчину и вздорную женщину и вдобавок послужит дальнейшей скверне Пуэрто-Морады. А кроме того, то был черный ягуар.

— Черные ягуары, — говаривал его отец. — Это создания ночи. Они могут принимать иные обличья, у них есть свои магические цели, в которые лучше не соваться. Никогда не охоться на черных ягуаров!

Отец не говорил, что черные ягуары живут на луне, он рассказывал лишь, что эти животные пользуются лунной силой. Но в детстве Эстебану снились лунные леса цвета слоновой кости и серебристые луга, по которым, словно черная вода, стремительно текли ягуары; когда он рассказал об этих снах своему отцу, тот сказал, что в таких снах содержится правда, и рано или поздно он отыщет эту истину. Эстебан всегда верил в сны; его не поколебали даже скалистые безвоздушные пейзажи научных передач из телевизора Инкарнасьон: когда загадка луны объяснилась, ночное светило осталось сном, просто смысла в нем было меньше: словно сообщили факт, сводящий реальность к тому, что нам уже известно.

Но, размышляя об этом, Эстебан внезапно осознал: убив ягуара, он может разом решить все свои проблемы; пойдя против учений отца, убив свои сны, свои индейские представления о мире, он, возможно, сможет жить с женой в согласии. Слишком долго он стоял между двух представлений о мире, пришла пора выбирать. Хотя выбора на самом деле у него и не было. Он жил в этом мире, а не среди ягуаров; если ему придется убить волшебное существо, чтобы позволить себе наслаждаться благами вроде телевизора, походов в кино и оштукатуренного домика в Баррио Кларин, что ж, в такой метод он верит. Он помахал мачете, рассекая темный воздух, и рассмеялся. Легкомыслие Инкарнасьон, его охотничий дар, жадность Онофрио, ягуар, телевизор… все это сплелось вместе изящно, словно элементы заклинания, которое освободит его от магии и послужит на пользу антимагическим представлениям, что уже развратили Пуэрто-Мораду. Смех снова овладел им, но мгновением позже он отчитал себя: ведь именно такой образ мыслей он теперь пытается искоренить.

На следующее утро Эстебан рано разбудил Инкарнасьон и заставил ее пойти с ним в магазин электротоваров. При ходьбе мачете в кожаных

ножнах колотило его по ноге; он нес джутовый мешок с едой и травами, которые пригодятся ему на охоте. Инкарнасьон молча семенила за ним, лицо ее скрывала шаль. Когда они пришли, Эстебан заставил Онофрио поставить на бумагу печать «ПОЛНОСТЬЮ ОПЛАЧЕНО», а затем отдал Инкарнасьон документ вместе с деньгами.

— Убью я ягуара или он убьет меня, — резко сказал он ей, — это будет принадлежать тебе. Если через неделю я не вернусь, считай, что я не вернусь никогда.

Она отступила на шаг, и на ее лице отобразилось беспокойство, словно она увидела его в новом свете и поняла, каковы могут быть последствия ее поступков. Но, когда он зашагал к двери, она не попыталась его остановить.

На другой стороне улицы стоял, прислонившись к стене «Кантина Атомика», Раймундо Эстевес. Он беседовал с двумя девушками в джинсах и оборчатых блузках; девушки размахивали руками и пританцовывали в такт музыке, доносившейся из кафешки. Эстебану они казались существами гораздо более неведомыми и чуждыми, чем то, на которое он собирался охотиться. Раймундо приметил его и зашептал что-то девушкам; они оглянулись через плечо и засмеялись.

Эстебан уже кипятился из-за Инкарнасьон, а тут его окатила волна холодной ярости. Он перешел улицу, держа ладонь на рукояти мачете и пристально глядя на Раймундо; раньше он не замечал, как рыхло его тело, как мало в нем жизни. Под челюстью у него рассыпалась целая пригоршня угрей, кожа под глазами была испещрена крошечными оспинами, словно ювелир постучал своим молоточком. Не в силах выдержать пристальный взгляд, его глаза метались от одной девушки к другой.

Гнев Эстебана растворился в отвращении. Он сказал:

— Я Эстебан Каакс. Я сам построил свой дом, я обрабатывал свою землю и привел в этот мир четверых детей. Сегодня я отправляюсь охотиться на черного ягуара, чтобы вы с отцом разжирели еще больше. — Он смерил Раймундо взглядом и, когда омерзение переполнило его до краев, спросил: — А ты кто такой?

Одутловатое лицо Раймундо стянулось в узел ненависти, но на вопрос он так и не ответил. Девушки захихикали и шмыгнули в дверь забегаловки; Эстебан слышал, как они описывают случившееся. Последовал смех. Он не отрывал взгляда от Раймундо. Еще несколько девичьих

голов показалось из-за двери, они хихикали и перешептывались. Подождав пару секунд, Эстебан развернулся на каблуках и ушел. Вслед ему раздался взрыв уже не сдерживаемого смеха, и кто-то из девушек выкрикнул насмешливо: «Раймундо! Кто ты такой?» К ней присоединились другие и стали повторять эту фразу хором.

Баррио Каролина не было в прямом смысле «баррио», или пригородом, Пуэрто-Морады: местность располагалась за Пунто Манабик, на самом юге залива, и была отгорожена от моря изогнутым рядом пальм и самым прелестным пляжем в округе: скругленная полоса белого песка, выходящая на нефритово-зеленые отмели. Сорок лет тому назад здесь был головной офис экспериментальной фермы, устроенной фирмой по экспорту фруктов. Проект был настолько масштабным, что рядом даже построили небольшой городок: ряды бревенчатых каркасных домов — плоская крыша, крыльцо с москитной сеткой — словно из журнальной статьи о жизни в сельских районах Америки. Компания вовсю рекламировала свой проект: он, мол, станет залогом блестящего будущего в регионе, а высокоурожайные посевы избавят народ от голода. Но в 1947 г. по побережью прокатилась эпидемия холеры, и город опустел.

К тому времени, как ужас перед болезнью утих, компания уже прочно закрепила свои позиции на политической арене, и ей уже не нужно было поддерживать имидж благодетеля. Проект был предан забвению, земля стояла заброшенная, пока — в тот самый год, когда Эстебан оставил занятия охотой, — ее не купили застройщики, планируя превратить в крупный курортный комплекс. И тогда появился ягуар. Он не убивал рабочих, но запугал их до такой степени, что они отказывались продолжать работу. Против него послали охотников, и вот их-то он уже стал убивать. В последний раз охотников отправили на дело, вооружив автоматами и снарядив по последнему слову техники, но ягуар выловил их одного за другим. Этот проект тоже пришлось оставить. Ходили слухи, что землю перепродали (и теперь Эстебан знал, кому именно) и, похоже, снова рассматривали идею сделать из побережья курорт.

Дойдя сюда из Пуэрто-Морады, он устал и изжарился на солнце. Добравшись, Эстебан уселся под пальмой и съел обед из холодных яблочных оладий. О берег бились волны, белоснежные, точно зубная паста; берег был чист: никаких следов человеческой жизни, лишь мертвые паль-

мовые листья, принесенный морем лес-плавник да кокосовые орехи. Джунгли поглотили все дома, за исключением четырех, но и те были наполовину скрыты темно-зеленой порослью. Даже под ярким солнечным светом они казались призрачными: разорванные москитные сетки, посеревшая обшивка, увитые лианами фасады. Манговое дерево проросло сквозь крыльцо одного из домов, и дикие попугаи лакомились его плодами. Эстебан не бывал здесь с самого детства; тогда руины пугали его, теперь же манили, служа подтверждением того, сколь могущественны законы природы. Мучительно было думать, что он поможет превратить все это в место, где попугаи будут прикованы к домам цепями, а ягуаров можно будет увидеть только на узорах скатерти; в королевство бассейнов и туристов, что потягивают коктейли из кокосовых скорлупок. И все же, закончив обед, он отправился исследовать джунгли и вскоре заметил тропу ягуара: узкая дорожка, петлявшая между остовами домов, опутанных лианами. Она тянулась около полумили и обрывалась у Рио-Дульче. Зелень речной воды была мутнее морской, река изгибисто стремилась вдаль по джунглям; следы ягуара шли вдоль берега, они были всюду; особенно густо они рас-

сыпались на кочковатом подъеме, в пяти-шести футах над водой. Это озадачило Эстебана. Отсюда ягуару до реки не дотянуться, и, уж конечно, для сна это место тоже не подходит. Он немного поразмышлял над этой загадкой, но в итоге решил не забивать себе голову и вернулся на пляж. Охотник собирался бодрствовать всю ночь, а потому прилег вздремнуть под пальмами.

Несколько часов спустя, уже после полудня, он подскочил, мигом стряхнув с себя дремоту: кто-то его звал. Высокая и стройная женщина с кожей цвета меди шла к нему, облаченная в темно-зеленое платье — оно почти сливалось с зеленью джунглей. Вырез приоткрывал выпуклости ее груди. Когда она подошла ближе, он увидел, что, хотя ее черты были отлиты по образцу патука, но в них была какая-то отшлифованная четкость, нехарактерная для этого племени, словно они были так отточены, что превратились в прелестную маску: выпуклые скулы переходили в нежные впадинки. Полные губы словно изваяла рука скульптора. Брови — перья, вырезанные из черного дерева. Глаза — блестящий черный и белый оникс. И все это осенял налет человечности. Нежный глянец пота покрывал ее грудь, а над одной из ключиц так изящно завивалась

прядь, что казалось, будто ее поместила туда рука искусного стилиста. Она встала перед Эстебаном на колени, вглядываясь в него бесстрастным взглядом. Его глубоко взволновало жаркое дыхание чувственности, что исходило от женщины. Морской бриз доносил до него ее аромат: сладкий мускус, что напоминал о вызревающих на солнце плодах манго.

— Меня зовут Эстебан Каакс, — представился он, мучительно осознавая, как сильно от него пахнет потом.

— Я слышала о тебе, — сказала она. — Охотник на ягуаров. Ты пришел убить ягуара этого баррио?

— Да, — признался он со стыдом.

Она зачерпнула горсть песка и наблюдала, как он сочится сквозь ее пальцы.

— А как зовут тебя?

— Если мы станем друзьями, я назову свое имя. Почему тебе надо убивать ягуара?

Он рассказал ей про телевизор, а потом, к своему удивлению, обнаружил, что описывает сложности своих отношений с Инкарнасьон, объясняет, как собирается отныне приспособиться к ее образу жизни. О таком с незнакомцами обычно не говорят, но что-то влекло его раскрыть

тайны своей души; ему казалось, он почувствовал душевное родство с этой женщиной, и из-за этого изобразил свой брак в более мрачных красках, чем то было на деле: он ни разу в жизни не изменил Инкарнасьон, но сейчас сделал бы это с радостью, если бы представилась такая возможность.

— Но это черный ягуар, — сказала она. — Разумеется, ты знаешь, что это не обычный зверь, что у них есть свои магические цели, в которые лучше не соваться?

Эстебан был поражен: из ее уст доносились слова его отца, но он решил, что это просто случайность, и ответил:

— Может, и так. Но это не мои цели.

— Разумеется, твои. Просто ты предпочел не замечать их. — Она зачерпнула еще пригоршню песка. — Как ты собираешься сделать это? У тебя же нет ружья. Только мачете.

— Еще у меня есть вот что. — Он вытащил из мешка маленький узелок с травами и протянул ей.

Она развернула его и понюхала.

— Травы? А! Ты собираешься одурманить ягуара.

— Не ягуара. Себя. — Он взял сверток у нее из

рук. — Травы замедляют сердечный ритм и приводят тело в состояние, напоминающее смерть. Вводят в транс, но выйти из него можно за считаные секунды. Я пожую их, а потом прилягу где-нибудь, где он наверняка пройдет, отправляясь на ночную охоту. Он подумает, что я мертв, но ведь ягуары не едят, пока не убедятся, что дух покинул тело. Чтобы удостовериться в этом, он сядет на мое тело: так они чувствуют, что душа вылетает. Как только он начнет присаживаться, я сброшу с себя транс и воткну мачете ему между ребер. Если моя рука не дрогнет, он умрет в тот же миг.

— А если дрогнет?

— Я убил почти полсотни ягуаров, — сообщил Эстебан. — Я больше не боюсь, что рука меня не послушается. Метод передался нашей семье в наследство от старых патука и, насколько я знаю, не подводил никогда.

— Но черный ягуар…

— Черный, пятнистый, какая разница. Ягуары руководствуются инстинктами и все похожи, когда речь идет о пище.

— Что ж, — сказала она. — Я не могу пожелать тебе удачи, но и зла не желаю.

Она встала с колен и отряхнула платье от пес-

ка.

Он хотел попросить ее остаться, но гордость помешала. Женщина рассмеялась, словно прочитав его мысли.

— Возможно, мы поговорим еще, Эстебан. Было бы жаль не встретиться больше, ведь между нами лежит нечто гораздо большее, чем то, о чем мы беседовали сегодня.

И она быстро пошла по пляжу, превращаясь в крохотную фигурку, исчезающую в зыбком мареве жары.

Тем же вечером в поисках наблюдательного пункта Эстебан взломал дверь-ширму одного из этих домиков с видом на море и вышел на крыльцо. Хамелеоны разбежались по углам, а игуана скользнула с проржавевшего садового стула, оплетенного паутиной, и скрылась в щели в полу. Внутри дом был мрачен и внушал страх. Единственным исключением была ванная. Потолок там обвалился, и дыру затянуло лозой, сквозь которую пробивался серо-зеленый сумеречный свет. Растрескавшийся унитаз был до краев наполнен дождевой водой и мертвыми насекомыми. Чувствуя смутную тревогу, Эстебан вернулся на крыльцо, вытер садовое кресло и

сел в него.

Вдали, на линии горизонта, море с небом смешивались в серебристо-сером мареве; ветер затих, и пальмы стояли недвижимо, точно изваянные из камня. Вереница пеликанов, что летели над самыми волнами, казалось, чертили в небе фразу из загадочных черных слогов. Но Эстебан оставался равнодушен к жутковатой красе этого пейзажа. Он думал о той женщине. В его памяти все вставала картина того, как ее бедра двигались под платьем, когда она уходила от него по пляжу. И чем усерднее он пытался переключить мысли на стоявшую перед ним задачу, тем сильнее манило его это воспоминание. Он представлял ее обнаженной, видел, как мускулы перекатываются в ее бедрах, и так распалился, что принялся ходить по крыльцу, забыв, что скрип половиц выдает его присутствие. Он не мог понять, что она с ним сделала. Возможно, думал Эстебан, дело в том, что она защищала ягуара, призывала вспомнить все, что он собирался оставить в прошлом… А затем осознание обволокло его ледяным саваном.

В племени патука считалось, что человека, которому предстоит внезапная смерть в одиночестве, обязательно посетит ее посланник

и подготовит его к этому событию (обычно это делали родные и друзья). Теперь Эстебан почувствовал уверенность, что женщина была именно таким послом, и ее очарование должно было привлечь его душу к неизбежной судьбе. Он откинулся на стуле, онемев от этого открытия. То, что ей были ведомы слова его отца, странный привкус их беседы, ее откровение о том, что между ними есть нечто большее, — все это соответствовало представлениям патука, которые передавались из поколения в поколение. Взошла луна — три четверти диска — и облила серебром пески баррио, а он все сидел там, прикованный к месту страхом смерти.

Он несколько секунд смотрел на ягуара, прежде чем осознал его присутствие. Поначалу ему показалось, будто на песок упал осколок ночного неба, и теперь им играет капризный ночной ветерок. Но вскоре он увидел: это был ягуар. Он двигался медленно, словно выслеживая добычу, а потом подпрыгнул высоко в воздух, поворачиваясь и крутясь в прыжке, и забегал взад и вперед по берегу. Лента черной воды, струящаяся по серебряным пескам. Эстебан раньше не видел, как играют ягуары, и дивился этому зрелищу, но еще больше изумляло его то, что здесь воплотились

в жизнь его детские сны. Словно он смотрел, затаясь, на серебристые лунные луга, тайком наблюдая за волшебным созданием. Страх его испарился, и он, как ребенок, прижался носом к ширме, опасаясь упустить хоть единый миг.

Наконец ягуар оставил забавы и, пригнувшись, пустился через пляж к джунглям. По тому, как он прижал уши и решительно поворачивался из стороны в сторону, Эстебан понял: охота началась. Ягуар остановился под пальмой футах в двадцати от дома, поднял голову и принюхался. Лунный свет сочился сквозь разрывы в листве, стекая жидкими бликами по бокам животного; желто-зеленое мерцание глаз манило заглянуть в бездны мрачного пламени. От красоты ягуара замирало сердце — он был воплощенная безупречность — и Эстебан, сопоставляя это великолепие с вялым безобразием своего заказчика, с безобразием самой причины того, что его взяли на работу, усомнился, что сможет когда-нибудь совершить это убийство.

Весь следующий день он склонялся то к одному решению, то к другому. Он надеялся, что женщина вернется: он уже отказался от мысли, что она посланец смерти, посчитав, что так ему показалось под влиянием таинственной атмо-

сферы баррио. Он чувствовал, однако, что начни она снова защищать ягуара, — и он сдастся. Но она так и не появилась. Сидя на пляже и наблюдая, как вечернее солнце спускается вниз сквозь гряды смутно-оранжевых и сиреневых облаков и наугад разбрасывает по морю блики, он снова понял, что выбора у него нет. Не важно, красив ли ягуар, не важно, является ли женщина посланником высших сил, он должен относиться к ним, словно они ничего не значат. Смыслом этой охоты было отречение от подобных таинств, а он, под влиянием старинных снов, совсем было запамятовал это.

Зельем он воспользовался только после восхода луны. Затем прилег под пальмой, у которой ягуар помедлил прошлой ночью. Ящерицы шуршали в травах вокруг него, песчаные блохи прыгали ему на лицо; он едва чувствовал их, погружаясь все глубже в истому, навеваемую зельем. Зелень листвы припорошило лунным светом, точно пеплом; ветви колыхались и перешептывались. Между рваными краями листьев бешено мерцали звезды, точно их пламя металось под легким ветерком. Он окунулся в пейзаж, смакуя ароматы морской пены и преющих листьев, которые носились по пляжу, и сам летел за ними следом.

Но вот ему послышалась мягкая поступь ягуара, и он насторожился. Сквозь сомкнутые веки он увидел зверя: тот сидел шагах в десяти от него, громоздкая тень вытягивала шею, изучая его запах. Вскоре ягуар начал кружить, и круги вокруг Эстебана становились с каждым разом все уже. Когда он исчезал из виду, охотнику приходилось бороться, не пуская в душу страх, текущий тонкой струйкой. А потом, когда ягуар прошел особенно близко, со стороны моря, Эстебан уловил дуновение его запаха.

Сладкий мускусный аромат, напоминавший о плодах манго, что вызревают на солнце.

Волной поднялся ужас, и он попытался остановить этот поток, убедить себя, что такого просто не может быть, это не может быть *тот самый* запах. Ягуар зарычал: звук лезвием разрезал ткань, сплетенную из шепотов ветра и моря. Понимая, что зверь почувствовал его страх, охотник вскочил на ноги, размахивая мачете. Сквозь круговерть образов он увидел, как отскочил ягуар, и закричал на него, и снова замахнулся своим мачете, и понесся к дому, откуда раньше наблюдал за берегом. Позади него раздался треск, что-то поворачивалось; краем глаза он уловил в лунном свете очертания чего-то огромного и черного,

что пыталось выбраться из переплетения лоз, пробраться сквозь разодранную ширму. Он бросился в ванную и сел, прислонившись к унитазу спиной, и подпер закрытую дверь ногами.

Ягуар больше не боролся, звуки стихли, и на секунду Эстебану показалось, что зверь попросту сдался. Пот холодными струйками стекал у него с боков, сердце колотилось. Он задержал дыхание, прислушиваясь, и ему казалось, что весь мир тоже перестал дышать: шум ветра, шум прибоя, гул насекомых — все это тихо бурлило, как вода на плите; над его головой луна разливала на спутанные лианы болезненное бледное сияние; хамелеон застыл у двери среди шелухи отвалившихся обоев. Он вздохнул и утер пот со лба. Сглотнул слюну.

А потом верхняя филенка двери взорвалась под ударом черной лапы. В него полетели щепки гнилой древесины, и он закричал. Изящный клин черной головы с ревом протиснулся в дыру. Ворота из сверкающих клыков, охраняющие вход в бархатно-алый зев. Словно пораженный параличом, Эстебан сделал несколько уколов мачете. Голова исчезла, но вместо нее показалась лапа, и когти впились ему в ногу. Скорее по воле случая, чем намеренно, он полоснул ягуара, и

вот лапа тоже скрылась. Он слышал, как зверь медленно ходит по холлу, и вот через несколько мгновений что-то тяжело ударило в стену позади него. Над стеной появилась голова ягуара: он висел на передних лапах, пытаясь найти опору и прыгнуть внутрь. Эстебан вскочил на ноги и в панике начал кромсать лианы. Ягуар, взвыв, упал на спину. Он еще походил вдоль стены, что-то ворча. Наконец наступила тишина.

Когда сквозь сплетения ветвей начали пробиваться солнечные лучи, Эстебан вышел из дома и направился по пляжу в сторону Пуэрто-Морады. Голова его поникла: он в отчаянии размышлял о тяжелых временах, что ждут его, когда он вернет деньги Онофрио. Жизнь в попытках угодить Инкарнасьон, которая будет становиться все сварливее; жизнь, в которой он будет за меньшую плату убивать ягуаров помельче. Он так завяз в своей печали, что не замечал женщину, пока та не окликнула. Она стояла футах в тридцати от него, прислонившись к пальме. На ней было тонкое, словно паутинка, белое платье, сквозь которое просвечивали темные выступы сосков. Он вытащил мачете и отступил на шаг.

— Почему ты боишься меня, Эстебан? — спросила она, шагая к нему.

— Ты обманом выудила у меня мой метод и попыталась убить меня. Разве это не достаточный повод для страха?

— В том обличье я не знала ни тебя, ни твоего метода. Я знала лишь, что ты охотишься на меня. Но теперь охота закончена, и мы можем быть мужчиной и женщиной.

Он держал мачете наготове.

— Кто ты? — спросил он.

Она улыбнулась.

— Я Миранда. Из племени патука.

— У членов племени патука нет черного меха и клыков.

— Я из старых патука. Мы наделены этим даром.

— Не подходи! — Он замахнулся, словно готовясь ударить ее мачете, и она остановилась в паре шагов от него.

— Можешь убить меня, если таково твое желание, Эстебан. — Она развела руки в стороны, и грудь натянула ткань ее платья. — Теперь ты сильнее меня. Но сначала послушай.

Он все не опускал мачете, но его страх и гнев сменились более приятными чувствами.

— Давным-давно, — начала она, — жил великий целитель, и он предвидел, что однажды

племя патука утратит свое место в мире, и поэтому с помощью богов он открыл дверь в иной мир, где наши люди могли бы жить счастливо. Но многие испугались и не последовали за ним. С тех пор дверь остается раскрытой для тех, кто придет позже. — Она жестом указала на заброшенные дома. — Эта дверь находится в Баррио Каролина, и ягуар охраняет ее. Но вскоре мирская горячка пронесется над этой местностью, и дверь закроется навеки. Ибо хотя охота наша и закончилась, но охотники и жадность не исчезнут никогда. — Она подошла еще на шаг. — Если ты прислушаешься к звучанию своего сердца, то поймешь, что это правда.

Он почти верил ей, но также верил, что за ее словами скрывается истина куда более мучительная — так ножны обхватывают лезвие оружия.

— В чем дело? — спросила она. — Что тебя тревожит?

— Я думаю, ты пришла, чтобы подготовить меня к смерти. И что дверь твоя ведет только к смерти.

— Тогда почему ты не бежишь от меня? — Она махнула в сторону Пуэрто-Морады. — Вот смерть, Эстебан. Крики чаек — это смерть, и когда сердца любовников останавливаются в секунду наивыс-

шего наслаждения — это смерть. Весь мир — это просто тонкое полотно жизни, натянутое на основу смерти. Жизнь подобна ряске, покрывающей скалу. Возможно, ты и прав. Может, мой мир лежит по ту сторону смерти. Противоречия в этом нет. Но если я — твоя смерть, Эстебан, то это смерть, которую ты любишь.

Он повернулся, не желая, чтобы она видела его лицо.

— Я не люблю тебя.

— Любовь ожидает нас. И однажды ты присоединишься ко мне — в моем мире.

Он снова посмотрел на нее, и слова возражения застыли у него на губах. Платье женщины упало в песок, и она стояла, улыбаясь. Грация и чистота ягуара отражались в каждой линии ее тела; волосы в потаенном месте были так черны, что казались островком пустоты на ее плоти. Она подошла совсем близко и опустила его руку, в которой он держал мачете. Ее теплые соски прикасались к грубой ткани, из которой была сшита его рубаха; она взяла его лицо в ладони, и он утонул в ее горячем аромате, ослабев от страха и желания.

— У нас с тобой одна душа, — сказала она, — одна кровь, одна истина. Ты не можешь отвергнуть

меня.

Шли дни, но Эстебан не был уверен, сколько их миновало. Смена ночи и дня стала маловажным обстоятельством в его отношениях с Мирандой, лишь расцвечивая их страсть призрачными или яркими оттенками, и всякий раз, как они предавались любви, словно тысячи новых красок раскрывались его восприятию. Никогда он не чувствовал такой гармонии. Порой, глядя на зловещие фасады баррио, он верил, что за ними могут скрываться тенистые переходы в другой мир; однако всякий раз, когда Миранда уговаривала его уйти с ней вместе, он отказывался. Он не мог преодолеть страха и не признавался — даже себе, — что любит ее. Он стремился обратиться мыслями к Инкарнасьон, надеясь, что так сможет преодолеть тягу к Миранде и освободиться, вернуться в Пуэрто-Мораду. Но оказалось, что он не в силах представить себе жену иначе, нежели в образе черной птицы, сидящей на корточках перед мерцающим серым камнем. Однако и Миранда временами казалась ему лишь видением. Однажды они сидели на берегу Рио-Дульче, наблюдая, как отражение луны — было почти полнолуние — плывет по водам. Миранда показала на это сияние и сказала:

— Мой мир так же близок к тебе, Эстебан. Его тоже можно коснуться. Ты, верно, думаешь, что луна в небе настоящая, а это лишь отражение. Но самое реальное здесь — то, что наиболее точно отображает реальность, — это поверхность воды, позволяющая появиться этой иллюзии отражения. Ты боишься пройти сквозь поверхность, но она настолько непрочна, что ты едва почувствуешь переход.

— Ты говоришь точь-в-точь как старый священник, который учил меня философии. Его мир — мир Небес — также был философией. Твой мир тоже таков? Лишь представление о некоем месте? Или там есть птицы, джунгли и река?

Ее лицо скрылось в частичном затмении: наполовину его освещала луна, но другая половина была скрыта тенями. Голос не выдавал настроения:

— Не больше, чем здесь.

— И что это значит? — в гневе спросил он. — Почему ты не ответишь прямо?

— Если бы я стала описывать мой мир, ты подумал бы, что я искусная лгунья. — Она склонила голову к нему на плечо. — Рано или поздно ты поймешь. Мы нашли друг друга не затем, чтобы лишь испытать боль расставания.

В ту секунду ее очарование — как и ее слова — казалось уловкой, скрывающей в глубине какую-то темную и пугающую красоту; и все же он знал, что она права, что никакое из приведенных ею доказательств не убедит его лучше, чем его страх.

Однажды днем — днем настолько ярким, что на море нельзя было смотреть, не зажмурившись, — они поплыли к отмели, которая тонким изогнутым островком белела среди зеленой воды. Эстебан барахтался и поднимал брызги, а Миранда, казалось, была рождена в море: она стремительно проплывала под Эстебаном, щекотала его, тянула за ноги, и угрем ускользала прежде, чем он успевал ее схватить. Они гуляли вдоль песчаной полосы, переворачивая пальцами ног морские звезды, собирая на ужин моллюсков. Эстебан приметил темное пятно в сотню ярдов шириной, что двигалось под толщей воды, там, дальше отмели: то был огромный косяк королевской макрели.

— Жаль, что у нас нет лодки, — сказал он. — Макрель на вкус куда лучше моллюсков.

— Лодка нам не нужна, — ответила она. — Я покажу тебе, как ловили рыбу в старину.

Она походила по песку, оставляя за собой при-

чудливые узоры следов, а затем повела его на мелководье, повернула лицом к себе и отошла на несколько футов.

— Смотри в воду между нами. Не поднимай глаз и не шевелись, пока я не скажу.

Она запела что-то; ритм то и дело прерывался и спотыкался, словно дули резкие ветра, предвещающие смену времен года. Он почти не разбирал слов, но кое-что было явно на языке патука. Через минуту его окатила волна головокружения. Казалось, ноги его вытянулись и стали тоньше, и теперь он смотрел вниз с огромной высоты и дышал разреженным воздухом. Затем между ним и Мирандой появилось крошечное темное пятнышко. Он вспомнил рассказы деда о старых патука, которые умели при помощи богов сжимать мир, приближая к себе врагов и в мгновение ока преодолевая огромные расстояния. Но боги были мертвы, их сила покинула этот мир. Он хотел оглянуться на берег и понять, правда ли они с Мирандой превратились в медных великанов, что вздымаются выше пальм.

— Теперь, — сказала она, прервав песню, — окуни руку в воду с той стороны косяка, что ближе к морю, и аккуратно пошевели пальцами. Очень аккуратно! Не потревожь поверхности.

Но, выполняя поручение, Эстебан поскользнулся. Раздался всплеск. Миранда вскрикнула. Он поднял взгляд и увидел, как на них давит стена нефритово-зеленой воды, и ее поверхность была густо усеяна летучими темными тенями макрели. Он еще не в силах был пошевелиться, как волна хлынула через отмель, подхватила его, протащила по дну и наконец швырнула на берег. Пляж был весь усыпан бьющейся на суше макрелью; Миранда лежала на мелководье и хохотала над ним. Эстебан рассмеялся в ответ, но смехом он надеялся скрыть вновь разгоревшийся страх перед этой женщиной, которая черпала силы у мертвых богов. Он не желал слушать объяснений от нее; он знал, что она начнет уверять, будто боги в ее мире до сих пор живы, и это лишь сильнее собьет его с толку.

Позже тем же днем Эстебан чистил рыбу, а Миранда ушла собрать бананов, чтобы приготовить их с макрелью — такие маленькие сладкие бананы, что растут вдоль реки, — и он увидел, как по ухабам пляжа катит «лендровер», и оранжевое пламя заката плясало на его лобовом стекле. Машина остановилась рядом с ним, и с пассажирского сиденья выбрался Онофрио. Его щеки были в красных лихорадочных пятнах, и

он прикладывал носовой платок к потному лбу. Раймундо вылез с водительского места. Он стоял, опершись на дверь, и с ненавистью таращился на Эстебана.

— Девять дней, а от тебя ни слова, — угрюмо проворчал Онофрио. — Мы уж думали, ты помер. Как идет охота?

Эстебан положил на землю рыбу, с которой счищал чешую, и поднялся на ноги.

— У меня ничего не получилось. Я верну вам деньги.

Раймундо глухо и противно хохотнул, а Онофрио что-то проворчал в изумлении.

— Это невозможно, — сказал он. — Инкарнасьон уже потратила деньги на домик в Баррио Кларин. Ты должен убить ягуара.

— Я не могу. Я как-нибудь расплачусь с вами.

— Отец, индеец испугался. — Раймундо сплюнул в песок. — Давай мы с друзьями займемся этим ягуаром.

Мысль о том, как Раймундо и его дружки-простофили мечутся по джунглям, так развеселила Эстебана, что он не смог удержаться от смеха.

— Осторожней, индеец! — Раймундо ударил ладонью по крыше машины.

— Это тебе следует быть осторожней. Скорее

ягуар будет охотиться на тебя, чем наоборот. — Эстебан взял с земли мачете. — И тот, кто захочет убить его, будет иметь дело со мной.

Раймундо потянулся к какому-то предмету, что лежал на переднем сиденье, и обошел машину со стороны капота. В его руке серебрился пистолет.

— Я жду ответа.

— Убери эту штуку. — Онофрио обратился к нему, словно к ребенку, который досаждает бессмысленными угрозами, но лицо Раймундо говорило о намерениях отнюдь не детских. Пухлая его щека дергалась в уродливом тике, жила на шее вздулась, а зубы обнажились в мрачном оскале. Эстебан, завороженный этим превращением, подумал: это словно демон сбрасывает личину и предстает в своем истинном виде — иллюзорная мягкость словно растаяла, а за ней проступили настоящая сухость и резкость черт.

— Этот сучий выродок оскорбил меня в присутствии Джулии! — Рука, в которой он держал пистолет, затряслась.

— Ваши личные распри подождут, — сказал Онофрио. — Сейчас речь идет о деле. — Он протянул руку. — Дай сюда ствол.

— Если он не собирается убивать ягуара, какой от него прок?

— Возможно, мы сумеем его переубедить. — Онофрио лучезарно улыбнулся Эстебану. — Что скажете? Позволим сыну вернуть свой долг чести, или выполните условия договора?

— Отец! — жалобно проговорил Раймундо: его взгляд стрельнул в сторону. — Он…

Эстебан рванул в джунгли. Прогремел выстрел, раскаленный коготь пропахал ему бок; он полетел кубарем. На мгновение он перестал понимать, где находится, но затем, одно за другим, в его голове начали выстраиваться воспоминания. Он лежал на раненом боку, терзаемый пульсирующей болью, на губах и веках запекся коркой песок. Эстебан свернулся клубочком вокруг своего мачете, который все еще сжимал в руке. Над ним звучали какие-то голоса, на лицо прыгали песчаные блохи. Он подавил в себе страстное желание смахнуть блох и лежал, не шевелясь. Боль и ненависть кипели в нем с одинаковой силой.

— …отнесем его к реке. — Голос Раймундо взволнованно дрожал. — Все подумают, что его убил ягуар!

— Дурак! Он мог убить ягуара, и твоя месть была бы еще слаще. Его жена…

— Мне и так сладко.

Тень пала на Эстебана, и он затаил дыхание.

Никакого зелья не нужно, чтобы обхитрить этого бледного дряблого ягуара, что, склонившись, переворачивал его на спину.

— Осторожней! — крикнул Онофрио.

Эстебан позволил себя повернуть, а потом рубанул своим мачете. В удар он вложил все презрение к Онофрио и Инкарнасьон, всю ненависть к Раймундо — и лезвие глубоко погрузилось в бок Раймундо, проскрежетав по кости. Он завопил и, наверное, упал бы, но клинок держал его в вертикальном положении; руки его запорхали вокруг мачете, словно пытаясь повернуть его поудобнее; в расширенных глазах светилось недоверие. Дрожь пробежала по мачете до самой рукоятки, — казалось, это был спазм чувственного наслаждения, исполненный порыва страсти, — и Раймундо рухнул на колени. Из его рта закапала кровь, прочерчивая в уголках губ трагические линии. Все еще стоя на коленях, он уткнулся лицом в землю, точно араб на молитве.

Эстебан дернул мачете, страшась нападения Онофрио, но торговец электротоварами уже пытался забраться в «лендровер». Завелся мотор, закрутились колеса, и машина, накренясь, обогнула набежавшую волну и направилась к Пуэрто-Мораду. Ослепительно-оранжевое сияние

разлилось по заднему стеклу, будто дух, заманивший машину к баррио, теперь прогонял ее отсюда.

Эстебан, шатаясь, поднялся на ноги. Оттянул ткань рубашки, прилипшую к ране. Крови натекло прилично, но пуля лишь царапнула его. Стараясь не глядеть на Раймундо, он прошел к воде и, стоя на берегу, вгляделся в дальние волны; мысли его бурлили, точно вода прилива, даже не мысли, а буруны эмоций.

Когда Миранда вернулась, нагруженная бананами и диким инжиром, уже темнело. Выстрела она не слышала. Он рассказал ей, что случилось, а она тем временем прикладывала к ране припарку из трав и банановых листьев.

— Это заживет. А вот это, — показала она на Раймундо, — нет. Ты должен уйти со мной, Эстебан. Солдаты убьют тебя.

— Нет, — ответил он. — Они придут, но они из племени патука… все, кроме офицера. Но он пьяница, пустой человек. Сомневаюсь, что его даже просто уведомят о том, что случилось. Они выслушают то, что я расскажу, и мы достигнем соглашения. Не важно, что там наплетет им Онофрио, его слово ничего не будет значить против их слова.

— А потом?

— Может, мне придется ненадолго сесть в тюрьму. Или уехать из этих краев. Но меня не убьют.

Она минуту постояла молча, и белки ее глаз светились в полумраке. Потом она встала и зашагала от него по пляжу.

— Ты куда? — окликнул он.

Она обернулась:

— Ты так спокойно говоришь о том, чтобы расстаться со мной…

— Это не спокойно!

— Нет, — горько рассмеялась она. — Видимо, нет. Ты так боишься жизни, что скорее согласишься на тюрьму, на изгнание, лишь бы не жить. Какое уж тут спокойствие. — Она пристально смотрела на него, но с этого расстояния он не мог разобрать выражения ее лица. — Я не останусь с тобой, Эстебан.

Она снова стала удаляться, и когда он позвал ее во второй раз, не обернулась.

Вечерняя дымка сгустилась до сумерек; серые тени медленно превратили мир в негатив фотоснимка, и Эстебан, кажется, серел с миром вместе; его мысли стали не более чем эхом прибрежных волн, что глухо накатывали на берег. Полумрак все не переходил в тьму, и Эстебану казалось,

что ночь так никогда и не настанет, что, совершив преступление, он словно гвоздем проткнул сущность своей неприкаянной жизни, навеки пригвоздив себя к этому мертвенно-бледному мгновению, к этому пустынному побережью. В детстве он страшно боялся такой зачарованной покинутости, но теперь эта перспектива казалась ему утешением, успокаивала в отсутствие Миранды, напоминала о ее магии. Несмотря на ее прощальные слова, он не думал, что она вернется; в ее голосе звучали печаль и какая-то завершенность, и это пробудило в нем одновременно облегчение и отчаяние. И теперь, толкаемый этими чувствами, он бродил туда-сюда по берегу следом за волной.

Взошла полная луна, и пески баррио загорелись серебром; вскоре подъехал джип с четырьмя солдатами из Пуэрто-Морады. Близко они не дружили, но Эстебан знал их имена: Себастиан, Амадор, Карлито, Рамон. В свете фар труп Раймундо с его невероятной белизной и причудливыми завитушками крови на лице казался экзотическим морским зверем, выброшенным на берег. Прибывшие осмотрели его, движимые более любопытством, нежели служебным долгом. Амадор отыскал пистолет Раймундо, прицелился, стоя

лицом к джунглям, и спросил Рамона, сколько, по его мнению, дадут за такую пушку.

— Может, Онофрио тебе прилично заплатит, — отозвался Рамон, и остальные рассмеялись.

Они сложили костер из веток, прибитых к берегу, и кокосовых скорлупок и сидели вокруг него, пока Эстебан рассказывал, как все было. Он не упомянул ни Миранду, ни то, как она связана с ягуаром: эти люди, отчужденные от племени своим служением государству, стали крайне консервативны в суждениях, и ему не хотелось, чтобы они посчитали его слабоумным. Они слушали молча; пламя костра полировало их кожу до рыжего золота и отсвечивалось на стволах винтовок.

— Если мы ничего не сделаем, Онофрио направит это дело в столицу, — сказал Амадор, когда Эстебан закончил рассказ.

— Он и так и так может. И тогда Эстебану придется несладко.

— А еще, — сказал Себастиан, — если в Пуэрто-Мораду пришлют агента и он увидит, как обстоят дела с офицером Порталесом, его точно сменят, и тогда несладко придется уже нам самим.

Они уставились на огонь, размышляя над ситуацией. Эстебан, выждав момент, спросил Амадора

(тот жил неподалеку от него, на горе), видел ли он Инкарнасьон.

— Она ужасно удивится, когда узнает, что ты жив. Видел ее вчера у портного. Она любовалась своей новой черной юбкой в зеркале.

Словно черная ткань юбки Инкарнасьон обернулась вокруг мыслей Эстебана. Он поник головой и принялся чертить на песке узоры.

— Придумал! — объявил Рамон. — Бойкот!

Прочие выразили недоумение.

— Если мы не будем покупать ничего у Онофрио, то кто же станет? Его дело прогорит. Если мы пригрозим ему, он не осмелится привлекать власти. Он разрешит Эстебану сослаться на самооборону.

— Но Раймундо был его единственным сыном, — сказал Амадор. — Может, горе на сей раз окажется сильнее жадности.

И они снова замолчали. Эстебану было все равно, что они решат. Он начал понимать, что без Миранды его будущее было лишь чередой скучных решений; он поднял глаза к небу и заметил, что звезды и костер мерцали в одном и том же ритме. Он подумал: а что, если вокруг каждой звезды сидели крошечные человечки с медной кожей, споря о его дальнейшей судьбе?

— Ага! — сказал Карлито. — Я знаю, что мы сделаем. Мы все вместе займем район Баррио Каролина и убьем-таки этого ягуара. Перед таким искушением жадный Онофрио не устоит.

— Этого вам делать нельзя, — сказал Эстебан.

— Но почему? — спросил Амадор. — Мы можем не убивать ягуара, но такая толпа людей наверняка отпугнет его.

Эстебан не успел ответить. Раздался рык. Ягуар, пригнувшись, мчался на огонь костра, и сам похожий на черное пламя, что мечется по блестящему песку. Уши его были прижаты, а в глазах сияли капли лунного света. Амадор схватился за винтовку, припал на одно колено и выстрелил: пуля взметнула фонтан песка в дюжине футов от ягуара.

— Подожди! — выкрикнул Эстебан, опрокидывая стрелка на землю.

Но остальные уже последовали его примеру, и какая-то из пуль нашла ягуара. Он подскочил ввысь, как и в первую ночь, когда предавался играм, но на этот раз упал камнем вниз, рыча и щелкая зубами; он снова поднялся на лапы и захромал в джунгли, припадая на правую переднюю. Возбужденные своим успехом, солдаты пробежали немного вслед за ним, а затем оста-

новились и приготовились стрелять. Карлито уже стоял на одном колене, старательно прицеливаясь.

— Нет! — крикнул Эстебан и в безумном страхе, что Миранде причинят вред, метнул свой мачете в Карлито. Он осознавал, в какую ловушку угодил и чего ему это будет стоить.

Лезвие резануло Карлито по бедру, и он завалился на бок. Он закричал, и Амадор, увидев, что случилось, стал звать остальных. Он открыл беспорядочный огонь по Эстебану. Тот побежал в джунгли, сворачивая к тропе ягуара. За его спиной раздавалась канонада выстрелов, пули со свистом проносились мимо. Всякий раз, как он поскальзывался на мягком песке, фасады домов точно кренились, загораживая ему путь. А потом, когда он уже добежал до самых джунглей, в него попали.

Казалось, пуля толкнула его вперед, придала ему скорости. Он смог удержаться на ногах. Кренясь и размахивая руками, он бежал по тропе; дыхание его бурлило в горле. Листья карликовых пальм хлестали по лицу, ноги путались в лианах. Боли он не чувствовал, лишь странное онемение, что пульсировало внизу спины; он представлял себе, как рана открывается и закрывается, точ-

но цветок актинии. Солдаты громко звали его. Позже они пошли в его сторону, но осторожно: опасались ягуара. Он думал, что, может, успеет пересечь реку, прежде чем они его настигнут, но, подойдя к реке, увидел: ягуар ждет его.

Он припал к тем самым кочкам на подъеме, вытянув шею над водой. Внизу, футах в шести от берега, покоилось на воде отражение луны, громадной и серебряной, — ничем не запятнанный круг из света. Кровь переливалась алым на плече ягуара, словно туда прикололи свежую розу, и, казалось, она нужна была скорее для того, чтобы воплощать собой принцип: божество может выбирать свой облик, но только такой, который подойдет под некую универсальную константу. Ягуар спокойно посмотрел на Эстебана (негромкое рычание прорывалось из горла), а затем нырнул в реку, вдребезги разбив лунное отражение, и исчез в глубине. Рябь утихла, образ луны снова появился на поверхности. И там Эстебан увидел женский силуэт: он плыл под водой, и с каждым гребком фигура уменьшалась и уменьшалась, пока не превратилась в иероглиф, начертанный на серебряном блюде. От него удалялась не только Миранда: то была сама загадка, сама красота. Он понял, до чего был слеп, до сих пор не обнаружив

правды, которая скрывалась в ножнах правды о смерти, спрятанной в ножнах правды о другом мире. Теперь ему все стало ясно. Истина пела из его раны, и каждая нота была ударом сердца. Она была написана рябью по воде, она колыхалась в банановых листьях, она вздыхала вместе с ветром. Истина была повсюду, и он всегда знал ее: если отказываешься от загадки — пусть она даже примет обличье смерти — тогда ты отказываешься и от жизни, и будешь блуждать сквозь дни подобно призраку, так и не познав тайн, что скрываются в крайностях. В глубокой печали, в незамутненной радости.

Он вдохнул роскошного воздуха джунглей, и вместе с ним глотнул мира, который ему больше не принадлежал: мира девушки Инкарнасьон, друзей, детей и ночей на природе… всей утерянной сладости. У него стеснило грудь, словно он готов был расплакаться, но чувство это быстро утихло. Он понял, что сладость прошлого была подобна аромату манго, что девять волшебных дней — магическое число, именно столько дней нужно, чтобы отпеть душу и дать ей покой — пролегали между ним и слезами. Избавившись от этих ассоциаций, он ощутил, будто как-то незаметно утончился, будто что-то отсеялось. Он

вспомнил, что чувствовал что-то очень похожее, когда выбежал из дверей Санта-Мария-дель-Онда, оставив позади ее мрачную геометрию, покрытые паутиной катехизисы и целые поколения ласточек, которые так ни разу и не вылетели за пределы стен. Он сбросил тогда рясу послушника и бежал по площади, бежал туда, где его ждали гора и Инкарнасьон. Именно она увлекла его тогда, точно так же, как мать до этого заманила его в церковь, точно так же, как Миранда призывала его сейчас. Он рассмеялся. Надо же, как легко этим женщинам было поменять весь ход его жизни. В этом он совершенно такой же, как и все прочие мужчины.

Странное цветение бесчувствия в спине уже запускало щупальца в его руки и ноги; крики солдат становились все громче. Миранда превратилась в крошечную песчинку, которая все сжималась в серебристой безбрежности. Он помедлил секунду, переживая возрождение страхов, а потом его разуму явилось лицо Миранды. Все чувства, которые он подавлял девять дней, полились сквозь него, вымывая страх. То была серебристая, безупречная эмоция, и она пьянила его, освещала изнутри. То был сплав грозы и огня, что вскипал в его душе; он испытывал непреодо-

лимую нужду проявить это чувство, изваять из него форму, которая бы передавала его силу и чистоту. Но он не был ни певцом, ни поэтом. Ему оставался лишь один способ выразить все это. Надеясь, что он не опоздал, что дверь Миранды еще не заперта навеки, Эстебан нырнул в реку, вдребезги разбив образ полной луны, и — все еще жмурясь от воды, что попала ему в глаза, когда он прыгнул, — собрав все остатки смертных сил, он с упорством поплыл вниз. Вслед за ней.

Люциус Шепард родился в Линчбурге (Вирджиния), вырос в Дейтона-Бич (Флорида) и живет в Портленде (Орегона). Его рассказы удостаивались премий «Небьюла», Хьюго, Международной гильдии ужасов, журнала *National Magazine,* Локус, Мемориальной премии Теодора Старджона и Всемирной премии фэнтези. Среди последних его книг — сборник рассказов «Путник в дороге» («Viator Plus») и небольшой роман «Чешуйка Таборина» («The Taborin Scale»). Вскоре должны выйти в свет еще один сборник, «Пять автобиографий» («Five Autobiographies»), два романа, которые, судя по всему, будут называться «Пирсфилды» («The Piercefields») и «Конец жизни, как мы ее знаем»

(«The End Of Life As We Know It»), и повесть «Дом, где есть все и ничего» («The House of Everything and Nothing»).

«Охотник на ягуаров» основан на истории, которую поведал Шепарду один очень пьяный старик в баре в городе Тела, Гондурас.

Артуров лев
Танит Ли

В тот год мне нужно было съездить в Кент по делам, и только я успел сделать необходимые приготовления, как получил письмо от дяди. Послание пришло совершенно внезапно; поначалу я не имел ни малейшего представления, кто же это пишет мне с такой фамильярностью. Когда же я понял, то не знал, как поступить. Но любопытство взяло верх.

Мне, наверное, следует объяснить: я — единственный племянник единственного дяди, Артура, брата моего ныне покойного родителя. Артур сколотил себе огромное состояние на севере Англии, и мама моя говаривала об этом так: «Заработал, эксплуатируя рабочих и окуная их в джем». Мы вечно потешались над тем, что дядя Артур разбогател на джеме, на какой-то особой его разновидности, которая — я почти уверен — ни разу не появилась на нашем столе. Честно говоря, вполне вероятно, что уже во взрослой жизни я не раз лакомился этим восхитительным продуктом, но не знал, что это именно он. В сущности, Артур

рано отстранился от семьи и впоследствии никогда не поддерживал связей с родственниками. Отец в последний раз видел брата еще в детстве: «Когда он уехал, мне было всего пять. Но я помню, что он был забавным пареньком. Вечно в памяти остается всякое странное, даже когда уже и не помнишь, с чем оно было связано». «Всякое странное» об Артуре — это, несомненно, касалось того эпизода, когда шестнадцатилетний дядя издал громкий вопль и тут же рухнул на землю без чувств.

— Мы были в парке каком-то, что ли… Да, кажется, это был парк. Мы куда-то шли, но там была такая толчея, что передумали. Куда же мы собирались? Помню только, как Артур заорал что было мочи и повалился на гравийную дорожку.

— Возможно, — допустила мама, — ему тогда в первый раз пришла в голову мысль разбогатеть на джеме.

На самом деле, несмотря на все свое богатство, Артур считался паршивой овцой, потому что его деньги не пошли на нужды его родителей и семьи моего отца, о существовании которой его вроде бы осведомили.

Однако от письма, которое я получил, веяло теплом и дружелюбием. Дядя писал, что наткнул-

ся на мое имя в афише, размещенной в местной газете. В ней сообщалось о спектакле, по поводу которого я и ехал в Кент. Фамилия у нас довольно редкая, и он решил, что это, должно быть, я. Он сделал запрос в лондонский театр, где ему сообщили мой адрес. По сути, письмо было приглашением остановиться в его доме. Он уверил меня, что живет всего в трех милях от места, куда мне нужно было по работе, и, конечно, его шофер сможет отвозить меня с утра и привозить обратно вечером. Кроме того, Артур был уверен, что я оценю, насколько в доме удобнее, чем на «постоялом дворе», и добавил, что искренне надеется на мой приезд: мы слишком долго находились в «отчуждении».

Сначала я швырнул письмо в мусорную корзину. Но затем, как уже сказал, любопытство оказалось сильнее меня. На том этапе моей жизни я занимался делом, которое находил одновременно захватывающим и прибыльным, поэтому богатства дядюшки меня не манили. Но я слышал о его доме (я буду называть его «Синие Ели») — поговаривали, что там царит роскошь. И, признаюсь, мне было крайне любопытно, каков Артур, похож ли он на отца или даже на меня самого.

Поэтому я извлек письмо из мусорки и написал о своем согласии. Следующим утром я отправился в Кент.

Когда я прибыл на станцию Кесслингтон, стоял мягкий октябрьский день. Огромная сверкающая машина, оснащенная почтительным шофером, забрала меня с вокзала и помчала вдаль по осенним дорожкам, усыпанным желтой листвой; из-за оград на нас таращились коровы.

Синие Ели оказались огромным домом — едва ли не поместьем. Его построили в начале девятнадцатого века для чьей-то любовницы. Пока мы ехали по территории, дом скрывался за обрамлением из гигантских деревьев, и лишь постепенно взору моему открылся кремово-розовый фасад с колоннадами и высокими окнами. Длинные черепичные крыши, позлащенные солнцем, подняли перископы очаровательных декоративных труб, созданных в старинном стиле. Я почти слышал голос своей мамы, говорившей: «О, да это дом, построенный из джема!»

Пройдя внутрь, я очутился в одном из тех отполированных гулких коридоров, что славятся среди актеров дурной акустикой: шепот разносится невнятным ревом, а рев превращается в грохот.

Я спросил у экономки, дома ли дядя. Она ответила, что он прилег, но встретится со мной, когда настанет время напитков. Я пошел наверх распаковать чемоданы. Видимо, за все эти годы Артур так и не научился общаться с людьми — во всяком случае, с родственниками точно.

Но комната оказалась просторной; в камине был предусмотрительно разведен огонь, громадная кровать манила удобством, а в ванной было все необходимое. Кто-то позаботился о том, чтобы принести джин, виски и содовую, а также блюдо с апельсинами из парника. Недурно, недурно.

Около шести я спустился вниз, и дворецкий проводил меня в длинную и узкую гостиную с видом на газон. В зале не было ни души.

— Мой дядя скоро спустится? — спросил я в некотором нетерпении.

— Да, сэр. Он будет здесь с минуты на минуту.

— К ужину еще кого-нибудь ждут?

— Нет, сэр.

Оставшись один, я сел у камина и наблюдал, как вокруг меня собираются бурые тени, а за окном на траве и деревьях сгущается синева.

Я почувствовал (и впервые признался себе в этом), что чем-то обеспокоен. Может, меня волновала встреча с необычным родственником?

Или дело в этом большом старомодном доме? Непохоже. Мне уже случалось останавливаться у театралов из аристократических семей и бывать в домах куда более причудливых и шикарных. А кроме того, уж слабыми нервами-то я не отличался никогда. Даже грядущая премьера лишь подталкивает меня работать усерднее. Трезвый ум. Меня за него даже высмеивали.

Тени становились плотнее. Я встал и зажег парные светильники. Повернувшись обратно, чтобы сесть, я увидел, как свет отражается от приземистого коренастого человека, наряженного к ужину. Он стоял в дверном проеме и пристально глядел на меня своими огромными глазами. Меня поразило, как он был похож на ребенка, на беспокойного ребенка. Я почувствовал, что мне хочется его успокоить. Что за дикая мысль, будто он действительно напуган, боится наконец встретиться с этим чужим ему племянником, сыном брата, с которым он даже не удосуживался общаться.

Как же мне обращаться к нему?

Я решил в пользу банальной семейной учтивости:

— Дядя Артур?

— О, — сказал он. — Просто Артур. Мы оба уже

не в том возрасте, чтобы пихать в разговоры дядь. А ты, должно быть… — Он обратился ко мне по имени.

Я обнаружил, что говорю ему мягко:

— Пожалуйста, зовите меня Джеком. Именно так называют меня друзья.

— Надеюсь, я тоже стану твоим другом.

— Я тоже.

Он прокрался вперед — не знаю, как еще описать его движения. Мы пожали друг другу руки. Его рукопожатие было сердечным, но несколько скованным, и он быстро отдернул ладонь. А потом встал около камина, освещенный огнем и светильниками. Его меланхолический взгляд был прикован к очагу и лишь изредка перебегал на меня. Мы оба остались стоять.

Наконец он посмотрел на напиток у меня в руках; казалось, сам он выпить вовсе не хочет. Внезапно он заговорил:

— Наверное, тебе кажется странным, что я написал тебе столь внезапно, ни с того ни с сего?

— Это было приятной неожиданностью.

Он отвернулся — мне показалось, будто он расстроен банальностью моего ответа — и стал глядеть на темный газон под окном и на деревья, гнувшиеся под тяжестью новой ночи.

— А тебе не кажется, — обратился он ко мне, — что эта освещенная комната похожа на лагерь в джунглях или на равнине? Костер, свет ламп… Кто знает, — добавил он странно, — что скрывается там, куда не достигает свет.

— Вы имеете в виду — на территории усадьбы? Я полагаю…

— Нет, не на территории. Там-то ничего особенного.

Откуда-то из глубин дома донесся долгий неопределенный звук. Наверное, балки дома скрипят от ночной прохлады. Но Артур обернулся, вглядываясь в дверной проем, точно ожидал, что сейчас там появится кто-то. Или что-то. Казалось, он не столь напуган, сколько принимает происходящее с боязливым смирением.

Через секунду что-то скользнуло за дверью (или в дверь?). Какая-то огромная громоздкая тень качнулась в смутном свете холла — и вслед за ней появился и ее источник. В дверном проеме встал дворецкий.

— Вы закрыли двери? — спросил его Артур, и я подумал, что он будто бы запыхался.

— Да, сэр. Все, кроме обычной.

— Хорошо. Это хорошо.

Затем дворецкий заговорил о приготовлениях к

ужину; казалось, отчет его был таким рутинным, что и нужды в нем, по сути, не было. Артур, должно быть, тот еще педант, и беспокоится много. Я поразмышлял о том, почему дом закрывают так рано и зачем оставляют открытой «обычную» дверь. Может, через нее в деревню возвращаются слуги, которые не ночуют в доме?

Когда дворецкий снова удалился, то оставил дверь в гостиную открытой. Я посмотрел ему вслед — просто так, от нечего делать — и снова увидел, как текучая тень повернулась в проеме. На этот раз было непохоже, что она повторяет движения слуги; ничто в комнате тоже не могло ее отбросить. Но что только ни привидится при свете камина!

Так или иначе, Артур наконец сел, и я последовал его примеру. Он налил нам выпить. И лишь тогда он, как и полагается родственнику, начал расспрашивать меня о моих родителях, о том, как мы жили раньше, о том, как я живу сейчас, и так далее, и тому подобное, пока горничная не позвала нас ужинать.

Еда была превосходная: особо хороши были рыба из ближайшей реки, местная же дичь на вертеле и восхитительный до приторности десерт, приготовленный по особому рецепту

дядиного повара. Пока мы ели, Артур казался довольно спокойным и лишь раз внезапно затрясся от страха (тогда я и понятия не имел, почему). Но потом он в один глоток выпил очередной бокал вина и повеселел снова.

После ужина мы направились в старомодный курительный салон, где нас поджидали сигареты и бренди — это была скорее дань традиции, потому что вообще-то курить разрешалось по всему дому.

Бархатные шторы были задернуты, искрил камин. Вся обстановка была бы очень уютной и располагающей, если бы не постоянное ощущение тревоги и настороженности, напоминающее слабый, едва различимый запах, которое не рассеивалось ни на секунду. Казалось, даже периоды спокойствия у Артура становились какими-то вымученными. Что же его беспокоило? Я пришел к выводу, что, какова бы ни была причина, именно она побудила его пригласить меня к себе. Боюсь, что меня это разозлило. Завтра я уже буду по горло занят подготовкой к спектаклю, и времени на внезапные трагедии у меня не останется.

Во время ужина мы вели самые банальные разговоры; в основном болтали о семье. Артур заметил, что я напоминаю ему моего отца в моло-

дости. Услышать это было приятно. Он же (хотя я этого не сказал) не был похож ни на кого из нашей семьи.

Когда мы перешли в курительную, на нас снова опустилось молчание. Мы сидели в креслах, и Артур долго смотрел на огонь. И я подумал — на сей раз сам изрядно тревожась, — что он вот-вот признается в том… в чем он там, черт побери, собрался признаваться. Надеюсь, что с его проблемой нам удастся разобраться очень быстро, иначе ей придется подождать, пока я не закончу свои дела в театре.

Артур повторил:

— Да, я вижу в тебе отца. Брат, должно быть, вырос сильным и хорошо сложенным юношей. Помню, что он просто не умел ничего бояться. Даже в раннем детстве он был бесстрашен. Те самые нянины рассказы о привидениях, которые наводили ужас на меня, не оказывали на него никакого воздействия.

Я ответил:

— Да, он смелый человек. Я сам это понял, просматривая документы о его военной службе.

— Так и есть. Но, полагаю, все мы чего-то боимся, не так ли? Иначе мы не были бы людьми.

— Разумеется. Меня многое приводит в ужас.

Например, британская система налогообложения. И, признаюсь, одна популярная актриса, имени которой мы не будем называть.

Артур улыбнулся, но улыбка потоком воды сбежала с его лица.

Он склонился над огнем: его лицо было совсем близко и, казалось, он не видит ничего, кроме пламени.

— Верно, но есть ведь и другие страхи, правда? Те, что идут изнутри. Страхи, которые таятся — как там сейчас говорят? — в глубинах нашего Ид.

Я промолчал. Похоже, с дядей творится что-то совсем чудное, и, чтобы уладить это, нужно будет гораздо больше времени, чем я поначалу надеялся.

Артур медленно поворошил поленья и снова сел, удерживая кочергу в вялой ладони.

— С детства, — сказал он. — С шести лет. Было кое-что. Впервые я увидел в книге. В детской книжке с дурацкими кричащими картинками. Мне кажется теперь, что она была для ребят постарше, чем я был тогда. Она лежала на низком столике в библиотеке. Видимо, отец читал ее, когда был маленьким. Боялся ли он ее сам в детстве? Очевидно, нет. И вообще, почему она лежала, раскрытая, там, где я мог до нее дотянуться? Я часто

задаюсь этим вопросом. Мне правда кажется, что такая картинка любого ребенка напугает. Она была нарисована очень грубо — красные, желтые, черные мазки… ужасно… — Он посмотрел мне прямо в глаза. В них слезами блестел безграничный ужас. — Я выяснил теперь, что книга была о Древнем Риме. Рисунок иллюстрировал обычай императора Нерона кидать христиан ко львам, где разъяренные голодные животные накидывались на них. Что за ужасная тема для рисунка! Возможно, авторы посчитали, что это положительно скажется на детской психике. Но на моей психике это положительно не сказалось. Напротив, мне кажется, — он медленно поставил кочергу обратно на место, — что этот рисунок меня погубил.

Я не психиатр и никогда им не был. Поэтому сказал (и, без сомнения, зря):

— Конечно, в детстве вы могли испугаться картинки. Но как могла она вас погубить?

— До этого случая я был довольно храбрым малышом. Вечно ходил в ссадинах. Не робкого десятка. У меня даже была своя маленькая шайка сорванцов — мы назвались в честь пиратов. Но после того, что я увидел в книге — после того, что я увидел на картине, — я изменился. Мне

постоянно снился сон. Я снова и снова видел сны об этом рисунке.

— О том, как христиан в цирке убивают дикие звери?

— Убивают, да, и пожирают. Это были… — Он помедлил, и губы его искривила тень странной улыбки. — Это были львы, — сказал он и повторил еще раз: «Львы» — так, будто ему стоило чудовищных усилий произнести название животных, но он просто вынужден был это сделать.

Когда он мешал дрова в камине, то как-то неудачно повернул поленья: пламя осело и потемнело, и комната тоже помрачнела, несмотря на электрическое освещение.

Я сказал, пытаясь ободрить его:

— Ну что ж, от такого у любого ребенка могут начаться кошмары.

— Да, возможно. Но я должен кое-что пояснить. Мои сны были особенными. Понимаешь, я сам оказывался на арене — я, маленький мальчик. Совсем один, за исключением огромной, бесформенной и безликой толпы, что кричала и улюлюкала со зрительских мест. А я стоял на песке, голый, испуганный, и трясся от страха, меня даже тошнило от ужаса. Затем в боковой части арены распахивалась какая-то черная дыра, и

оттуда выходил лев. Понимаешь, только один. Только один. — Артур замолчал. Он обхватил голову руками, но я успел заметить, что лицо его приобрело зеленый оттенок.

— Не продолжайте, если разговор огорчает вас…

— Я должен продолжать. — Он поднял голову, поднес ко рту бокал с бренди и выпил жидкость залпом. — Один лев. Я так хорошо знаком с ним. Громадная охряная тварь с черной гривой и шрамами на боках. Наверное, из клетки его выгоняли бичом. В той скверной книжонке и об этом тоже писали… Глаза его были как желто-красные угольях. И от него несло. Я чувствовал запах. От него несло, как из лавки мясника. Он побежал ко мне, прямо на меня, и я стоял и кричал. Он прыгнул, и его огромные когти сверкнули, точно серебряные крюки. И я проснулся. Я всегда просыпался — как раз перед тем, как он обрушивался на меня своим весом и в меня впивались его когти и клыки. Всегда. И всегда кричал, просыпаясь. Так случалось каждую ночь, но лишь один раз за ночь. Я боялся идти спать. Старался не заснуть, сидел в темноте, но в конце концов все равно сон меня одолевал. И тогда я снова оказывался на арене, один среди толпы, и он приходил. Лев. Он бежал

на меня, прыгал, и в тот миг, когда его смрадная плоть уже вздымалась надо мной… Как раз тогда я просыпался. Я ускользал от него.

— О Господи, — сказал я, наконец прочувствовав, из чего сложился его страх. Будто стал свидетелем гениальной актерской игры, когда, эмпатически ощутив чужую эмоцию, смог достичь катарсиса. Я был потрясен.

— Ну, что ж… — вскоре продолжил Артур. — Теперь мне надо рассказать, как мои сны прекратились. Поначалу родители поднимали меня на смех и дразнили — им казалось, что так я смогу избавиться от кошмаров. Затем принялись издеваться. Возможно, тебе было интересно, почему все эти годы я был в семье как отрезанный ломоть. Наверное, началось отчуждение как раз тогда. Я так и не простил родителей за то, что они были столь бестактны и не смогли меня понять. И хотя позже я осознал, что виной тому была не жестокость, а искреннее заблуждение (они-то думали, что знают, как обходиться со мной!), пропасть между нами была уже слишком широка. Тем не менее задолго до того, когда мне было семь, я повстречал в нашем саду цыгана. Он просто зашел в ворота и направился к заднему крыльцу, на кухню — он торговал кастрюлями

или чем-то в этом духе. Но, увидев меня, он сделал гримасу, а потом позвал меня, негромко и вполне любезно. *Подойди ко мне, юный господин.* Вот что он сказал. Сам не знаю почему, но я и правда направился к нему. К тому времени я превратился в тощего, бледного, с синяками вокруг глаз — я ведь практически не высыпался. Должно быть, вид у меня был измученный; наш доктор уже успел предупредить отца, что я, по-видимому, нахожусь на ранней стадии какой-то неизлечимой болезни. Маму это напугало, но отец лишь фыркнул и сказал, что на меня просто напала дурь, что я веду себя как неразумный младенец и своими воплями бужу по ночам весь дом. Но цыган пристально посмотрел мне в глаза и сказал: «Я могу сделать так, что он уйдет. Однажды он вернется. Но к тому времени ты уже станешь мужчиной, и, возможно, тогда у тебя хватит сил прогнать его навсегда». Я уставился на него в полном изумлении. И спросил: «Что вы имеете в виду?»

«А теперь помолчи», — ответил он и положил ладонь мне на голову (мне показалось, что от его руки исходит невыносимый жар) и дунул мне в лицо. Изо рта у него сильно пахло — наверное, у бедняги совсем беда была с зубами. Но мне почему-то вовсе не было противно. Когда он поднял

руку, я почувствовал, что вместе с ней меня покинуло и еще что-то. Он сказал: «Готово. Теперь он не вернется, пока ты не станешь мужчиной. А теперь пойди и скажи повару, что ты взял игрушку у меня из мешка и мне должны заплатить полшиллинга».

Я сделал, как мне было сказано, и получил от отца порку. Он отругал меня за то, что я заставил повара заплатить за мою никчемную игрушку. Отец спросил, куда я ее дел. Я ответил, что она сломалась, и он сказал, что так мне и надо. Если бы она не сломалась сама, он бы ей помог. Той ночью я заполз в постель и уселся в темноте, как уже привык. Моя спина ныла от ударов, и я кусал себя за руку, чтобы не заснуть. Но цыган тоже не выходил у меня из головы, и в конце концов я сдался. Я сдался и заснул, и спал всю ночь. Впервые за весь год мне не снился тот кошмар. Ночь шла за ночью, а дурной сон все не повторялся. Постепенно я начал чувствовать себя лучше. Я снова пошел в школу и вернулся к обычной мальчишеской жизни. Но никогда я уже не был таким, как раньше, — до того, как увидел книгу. Хотя я рос и взрослел, былая крепость здоровья ко мне не возвращалась. Мне было легче набрать вес, чем нарастить мускулы, у меня начались

мигрени; пару раз я падал в обморок, когда мне становилось слишком жарко или холодно, и порой терял сознание в церкви. Но с кошмаром было покончено. Он ушел — до той поры, пока я не повзрослею и не наберусь сил, чтобы снова встретиться с ним лицом к лицу, и тогда уже смогу прогнать его вон, прогнать навсегда. Тем не менее я так и не научился спокойно реагировать на это слово, на это название, не мог смотреть на них на рисунках, даже на самых прекрасных полотнах. На уроках тоже случалось, например, когда я учил латынь. Тогда я тоже упал в обморок. Вроде мы читали что-то из Светония, какой-то отрывок про римский цирк.

Камин затухал. Я самовольно решил потыкать кочергой в поленья и доложить еще одно. Артур снова разлил бренди по бокалам, не говоря ни слова. Он уже не был таким бледным, но лицо его было покрыто испариной, словно жирной пленкой.

Выпрямившись, я сказал:

— А что случилось, когда вам было шестнадцать?

— О, — отозвался Артур. — Значит, твой отец запомнил. Да. Собственно, тогда ничего ужасного не случилось. Для них — ничего. Мы собирались

пойти в зоопарк. К тому времени у меня уже неплохо получалось подавлять страх. Во всяком случае, я убеждал себя в этом. Перед экскурсией я собирался с духом, считая, что она станет испытанием, которое я выдержу. Но затем… понимаешь, я услышал их рев. Далеко. За деревьями. Львы. Я сразу понял, что это за звук. Я закричал — так же, как кричал во сне — и больше я ничего не помню. Потом я очутился дома. Я покинул отцовский дом, как только ко мне вернулись хоть какие-то силы. Дальше в моей жизни не было ничего интересного, и я не буду утомлять тебя подробностями; мне и самому они скучны. А потом мне улыбнулась удача, и я открыл этот джем, хотя это скорее апельсиновое варенье, чем джем. Старинный шотландский рецепт. Простое везение. Глупости. Но мы с партнерами на этом разбогатели. Однако, уверяю тебя, богатство не лечит от одиночества. В обществе я всегда чувствовал себя неуютно, я трудно схожусь с людьми. Я всегда был один. Без жены, без детей… я и вообразить не могу себя мужем или отцом. Но как бы то ни было, я справлялся. Я жил. А сейчас… — сказал Артур. Он откинулся в кресле, и я тоже присел. — А сейчас… — повторил он.

Самому мне не доводилось выходить на под-

мостки (ну разве что в качестве администратора), но все же я ответил так, будто мы стоим посреди сцены, ярко освещенные софитами. Мне подали реплику, и я объявил:

— А сейчас оно вернулось.

Артур встретился со мной взглядом. Его глаза превратились в плоские черные камешки.

— Да. Оно снова пришло ко мне.

— Как и говорил цыган.

— Как он и говорил.

— Вы знаете, почему?

— О да. Причина самая простая.

Я наклонился к нему:

— Какая?

— Я снова увидел эту проклятую картинку.

— Боже мой! Где? Где вы ее увидели?

— Нет, на сей раз не в пакостной книжонке. Репродукция в каталоге. Похоже, теперь эту жуть считают антиквариатом. И вот эта иллюстрация, именно эта — та самая, которую нарисовали в аду специально для меня, — была воспроизведена во всей ее броской яркости. Я безразлично пролистывал страницы каталога, сидя в гостях у одного из коллег, и вот внезапно она снова предстала передо мной. Мне пришлось немедля покинуть дом под каким-то неправдоподобным предлогом,

я даже не помню, каким именно. Той ночью я пытался воззвать к своему разуму, но вотще. И вот на часах два часа ночи, а я неожиданно для себя брожу по дому с графином виски. Я снова вернулся в детство, когда ночь за ночью я страшился отходить ко сну. Конечно, в итоге здравый смысл взрослого человека подтолкнул меня в спальню. Я проглотил последний бокал виски и мгновенно заснул. А через полчаса воплями перебудил слуг. Моя бедная экономка решила было, что в дом пробрались преступники и убивают меня. Это было бы даже забавно, если бы ситуация не повторялась каждую ночь следующие полгода. Естественно, я вызвал своего доктора, а потом и других специалистов. Все, на что они были способны, — это накачать меня таблетками и погрузить в тяжелое забытье, от которого я, несмотря на всю пакость, которой меня пичкали, просыпался каждую ночь, вопя от ужаса. Лев. — На сей раз Артур произнес это слово четко и громко, словно сделал надрез скальпелем. — Лев вернулся за мной, как возвращался всегда. Явился из черной дыры в стене цирка и прыжками понесся ко мне по грязному песку, загребая когтями воздух. Он едва не сцапал меня, но я проснулся.

Я тоже поднял бокал и выпил.

— Но, — заметил я, — вы сказали «следующие полгода». То есть вы нашли способ избавиться от этого сна?

— В своем роде да. — Артур потупил взгляд и уставился в пустоту. — В последний раз я вызывал доктора два месяца назад. Манерами он тоже напомнил мне отца, хотя и был младше, чем я сейчас. Решительный и агрессивный человек, храбрый, как… я собирался сказать, как лев. Он сказал мне безо всяких околичностей, что нервы у меня ни к черту и винить в этом я могу только себя. Я позволил терзать себя фантому из книжки. Я не оказывал ему никакого сопротивления. Пора уже перестать накачивать себя морфием и алкоголем. Я должен лечь, заснуть и встретить зверя лицом к лицу, зная, что он — *ничто.* Вообще ничто. Доктор сказал мне сурово, что кошмар порожден и вскормлен моим собственным страхом. Он признал, что в раннем детстве такое поведение было простительным, но чтобы так себя вел взрослый мужчина? Что за тошнотворная нелепость! «Это ваша собственная трусость, — сказал он мне в лоб. — Это она мешает вам спать, разрушает ваше здоровье и вашу жизнь. Избавиться от нее можете только вы сами. Вы должны выбросить ее вон — и тогда

освободитесь». Когда он закончил свой сеанс, я весь дрожал, точно маленький мальчик. Но я понимал — и сейчас понимаю, — что по сути он был прав. Мое проклятье — это дитя моих же страхов. Я должен повернуться к ним спиной. Поэтому я легко поужинал, выпил пару бокалов и отправился спать. Примерно полчаса я пытался заснуть, усердно гоня из головы все мысли о кошмаре, и не заметил, как погрузился в сон. На сей раз я спал без сновидений. С тех пор дурное видение ни разу не докучало мне. Теперь я могу заснуть в любое время дня и ночи, не испытывая ни малейшего неудобства.

Я сидел, глядя на Артура. Руки его покоились на подлокотниках кресла. Он продолжал смотреть в невидимую мне бездну, что разверзлась у его ног.

Он сказал:

— Полагаю, ты одновременно слишком взрослый и слишком юный, чтобы знать о страхах и болезненной неустойчивости нервов, которые равно проявляются как на рассвете, так и на закате дней. Вдобавок ты так похож на моего отца, что, может, и в старости не испытаешь подобного рода смятения. Может, смерть не похлопает тебя по плечу, призывая выслушать вступление

к ее поэме. Может, ты вообще не будешь о ней задумываться. Люди, подобные тебе (пожалуйста, не думай, что я хочу тебя оскорбить; на самом деле во мне говорит зависть), невосприимчивы к большинству страхов и кошмаров. Вы сохраняете спокойствие в битвах, и если призраки и демоны действительно существуют, то вы готовы встретиться с ними лицом к лицу и сами их запугаете. Или достанете револьвер и выстрелом вернете их в мир смертных — кто знает?

Смущенный точностью его наблюдений, я тоже опустил взгляд, и увидел там, внизу, на абиссинском ковре причудливую тень, черную и плотную, — она словно избегала света ламп, и это было странно. Что же это? Я обернулся в замешательстве и посмотрел в угол: там тоже покоился островок мрака, и во тьме алмазной пылью замерцал — вернее, даже замерцали — два огонька, переливаясь желтым и красным.

— Ага, — его тихий голос звучал надломленно, почти с сарказмом, почти горестно, — оно там? Видишь его?

Я обернулся и бросил сердитый взгляд на Артура:

— И что же именно я должен увидеть?

— Разве ты не знаешь?

— Откровенно говоря, нет. Конечно, я сочувствую вашему несчастью. Но вы сами только что назвали его формой неврастении. Что толку драматизировать?

— Похоже, я тут бессилен. Когда этот смышленый доктор подробно изложил историю моей болезни, он безо всякой жалости показал мне то, чего мне больше всего надо бояться: мой собственный страх. Мои главные враги — это мои кошмары, неважно, настоящие или вымышленные. Но должен признаться тебе, что для человека, подобного мне, тревога становится неотъемлемой частью личности. И когда я отказался пускать ее в свои сны, то, похоже… похоже, я в конце концов открыл ей дверь в реальный мир. Мне столько раз удавалось сбежать от нее, а она все эти годы страстно стремилась меня найти. Мой кошмар… он обрел плоть, и ужас, что я испытываю, постоянно его подпитывает. Может, даже и не только ужас, а еще и само то, что я к нему *привык*.

— Ну и бред, — сказал я. — Чушь собачья.

Позади меня шелохнулось какое-то существо: раздался бархатный звук, сквозь который слышалось металлическое дребезжание, будто проскребли колючей проволокой. Похоже на

кошачье мурлыканье, только гораздо громче.

Я встал и снова огляделся по сторонам. Сомнений нет: в комнате что-то было. В глубокой тени, в пространстве между деревянным сервантом и карнизом. Оно было похоже на громадный, доверху забитый чемодан. Странно, подумал я, раньше его тут точно не было.

Я решил, что дядя Артур сошел с ума и устроил для меня какой-то дикий и, возможно, опасный розыгрыш. Мне уже случалось иметь дело с помешанными: по роду деятельности я был знаком с некоторыми яркими образчиками безумцев. Поэтому я счел за лучшее сделать вид, будто верю Артуру.

Мне вовсе не хотелось сидеть спиной к тому, что появилось в углу, и поэтому я повернул кресло и лишь потом сел.

— Отлично, — сказал я. — Но вы же знаете, что делать, правда? Перестаньте бояться, и оно уйдет.

— Я пытаюсь. Правда. Это битва, которая не стихает никогда. Тот цыган, что помог мне в детстве, считал, что я потом смогу оказаться сильнее, что победа будет за мной. А может, он просто притворялся? Предвидел, что на самом деле все будет иначе? Я пытаюсь, непрестанно

пытаюсь. Но страх не покидает меня. Да и как ему уйти? Ведь перед моими глазами так часто встает свидетельство того, что ужас мой обоснован. Вернее, это даже не ужас… это осознание того, какого он достиг могущества, раз сумел вскормить это… это существо. Иначе он не смог бы сотворить того, что сотворил. По иронии, теперь я могу спастись от него лишь во сне. Другие, — голос его теперь звучал устало, бесцветно, почти равнодушно, — тоже видят его. Да, да, он стал настолько настоящим, несмотря на все мои усилия. Они видят его. И ты ведь тоже увидел, вон там, у самого потолка. А теперь посмотри: вот движется тень по ковру и медленно машет хвостом.

Я решительно уставился на огонь. Далеко позади я расслышал неясный звук: мягкий гортанный рык. Наверное, это просто осенний ветер шумит в трубах.

— Вам бы лучше собрать вещи и уехать из этого дома, — сказал я, снова прикуривая сигарету.

— Он последует за мной. Теперь он всегда сопровождает меня. Иногда исчезает, словно у него поблизости есть еще какие-то дела, но потом возвращается. Моя экономка видела его — можешь ее расспросить. Решила, что это призрак собаки, которая жила здесь когда-то. И мой дворецкий

тоже. Повар и горничные словно сговорились его не замечать. Но некоторые из них жалуются, что в дом с кухни иногда пробирается огромный кот.

Раздался долгий звук, будто мимо скользнуло что-то тяжелое.

Взгляд Артура устремился поверх моей головы. Я увидел, как он наблюдает за чем-то, что проносилось у потолка. Лицо его снова позеленело, но он кивнул с улыбкой и сказал:

— Он ушел ненадолго. Я разглядел шрамы на его боку. Бедняга. Должно быть, ему больно. Ах ты чертов бедняга.

С меня было довольно. Я поднялся и сообщил ему:

— Сэр, у меня очень напряженный график, и я буду занят с самого раннего утра. Полагаю, вы осознавали это, когда приглашали меня погостить. И я совершенно не понимаю, как помочь вам в вашей беде — какова бы она ни была. Чего вы ожидали от меня?

— Я хотел, чтобы меня просто выслушали. Что еще тут можно сделать? Я бы попросил тебя застрелить его, если бы это помогло. Но это не поможет: зверь явился из тьмы, что царит у меня внутри. Из той тьмы, куда мы отправляемся, когда спим. Он хочет увлечь меня обратно,

не выпускать меня — может, поиграть со мной там. А может, исполнить то, для чего предназначен: разорвать меня на куски. Сожрать. Как тех несчастных христиан из книги.

— Прошу меня извинить, — сказал я. — Уже полночь. Может, мне позвать вашего слугу? У вас есть какое-нибудь снотворное?

— Да, отправляйся спать, — ответил Артур. Лицо его застыло в холодной маске отвращения.

Я стоял в дверях курительной. Коридор мягким розоватым светом освещала одна-единственная лампа на столике. По изгибу лестницы спускалась горничная, держа в руках стопки какой-то ткани — возможно, столового белья. Она направлялась к обитой войлоком двери, что вела в крыло для слуг. Я оглядел ее аккуратную крепкую фигуру и тут заметил: не успела она дойти до двери, как что-то легко прыгнуло перед самым ее носом, перелетев из тени в полумрак. Девушка помедлила, сделав вид, что ей надо поправить одну из стопок белья, которая вовсе и не соскальзывала.

Я увидел, как лихорадочно блестят его глаза. Он смотрел на меня с полным равнодушием. Наполовину скрытый в тени, но все же плотный, он казался неуловимым присутствием самой

ночи. Однако, как сказал дядя, он был домашний зверь — зверь запертых домов, где оставляют для него одну дверь открытой, отчаянно надеясь, что однажды он выйдет наружу и не отыщет пути назад. Зверь, который также принадлежит внутреннему миру мозга. Зверь, запертый в человеческой душе.

Глазами зрителя в театре я увидел, как зверь прыгает на него, промахивается, каждый раз промахивается, а дядя убегает сюда, в наш мир. А затем его страх тоже появляется снаружи: отвергнутый, но все еще привязанный к нему неразрывной нитью. Воплотившийся.

Лев скрылся за углом, и горничная смогла пройти в дверь. Коридор опустел.

Я вернулся в курительную. Он сидел и тихо плакал, этот несчастный старый ребенок, и на его боку зияли незаживающие раны ужаса.

— Ладно, Артур, — сказал я ему. — Все нормально.

— Мне не хочется оставаться одному, — ответил он, словно извиняясь.

— Вы и не останетесь. Плевать на театр. Завтра я с ним разберусь.

Вскоре мы отправились наверх и прошли по одному из коридоров в его спальню. В комнате

было пусто, стояла тишина. Занавески на окне сходились не до конца, и было видно, как за окном в облаке медленно плывет луна.

Мы выпили еще по бокалу бренди, и он лег спать. Во всяком случае, расположился на кровати и накрылся одеялом. С подушек на меня уставилось его круглое осунувшееся лицо.

— Я знаю, с этим ничего нельзя сделать, — сказал Артур. — Когда он вернется…

— Я разбужу вас, — отозвался я. — А пока спите.

Я спросил себя, может ли он прийти, пока Артур будет спать. Конечно, может, в этом-то и был весь смысл. Покинув Артура, он оказался снаружи. Дядин страх встретить зверя в своей голове сменился — и не без причины — страхом, что лев доберется до него, пока он будет спать.

Электрическое освещение на верхних этажах было тусклое. Я сидел в кресле под этим неясным светом, и сквозь меня прошла полночь. Время подходило к двум. Я курил, смотрел на часы и жалел, что не догадался принести с собой кофе.

Но даже при всем этом я был начеку. Артур спал мертвым сном. Я не мог отделаться от мысли, что он и правда умер. Что же мне было делать с ним?

Не подпускать к нему зверя, а утром увести его куда-нибудь, обойти всех специалистов, которые занимаются галлюцинациями и расщепленным сознанием, Бог его знает? Работа мозга зачастую идет без нашего ведома, в потайных комнатах бытия, и мы не знаем, что там происходит. Я искренне надеялся, что мой разум предложит мне какой-то план, но не очень-то верил в то, что такой план вообще возможен.

Ведь теперь я знал — конечно же, знал! — что это был не просто сон, не мираж. Я видел. Я — личность приземленная, и самым практичным было просто признать, что я видел его. Отрицать это значило самому пополнить ряды фантазеров или безумцев.

Он вернулся, когда часы пробили четверть четвертого.

Вошел через дверь.

Его появление было похоже на театральный эффект с хитроумной системой из рычагов и люков.

Прибыв на место, он отряхнулся. Экономка убедила себя, что это был призрак собаки; и правда, в нем было что-то собачье, как и во всех крупных кошках: тиграх, пантерах и прочих. Но морда его была свирепой и злой, глаза — бездонными ко-

лодцами тлеющего огня, который опалил черным его гриву. Как и говорил Артур, от льва и правда несло. Как он, ребенок, мог знать, какой у львов запах? Но, может, львы и не пахнут мясом; может, он просто услышал об этом где-то и наделил своего именно таким душком. Ибо все это было его созданием — его, да еще того художника, что с такой грозной силой изобразил этого зверя и его сородичей на арене Неронова цирка.

Я пообещал Артуру, что разбужу его, когда зверь вернется. Я громко позвал его по имени, и дядя открыл глаза, тут же придя в себя.

— Он здесь?

— В дальнем углу комнаты, у окна.

Луна скрылась, но слабый электрический свет вырисовывал льва так же четко, как и перо живописца на той самой картине.

Лев не смотрел ни на меня, ни на Артура. Он оглядел заставленную громоздкой мебелью комнату, а затем, мягко ступая по полу, дошел до двери ванной, толкнул ее головой и исчез внутри.

В совершенном безмолвии ночи мы с Артуром слушали, как он лакает струйкой стекавшую воду — действительно ли в ванной капало? Был ли ручеек из крана настоящим или призрачным?

Закончив пить, лев вернулся, на сей раз не через дверь, а просто прошел сквозь стену. Он стоял, свесив голову и медленно махая хвостом.

И тогда меня как поразило. Я бы не смог описать этого чувства, но внезапно я понял, что он выглядит жестоким только в силу инстинкта, да еще и эти полосы на боку, которые еще не до конца затянулись. Он все-таки был животным. Он чувствовал голод, а до недавнего времени еще и жажду, и порой предпочитал входить через дверь, а не появляться из-под земли или проходить через стены.

И тогда я заговорил с ним. Обратился к нему по имени: «Лев».

Он фыркнул, повернулся и посмотрел на меня своим ужасным взглядом, в котором горело адское пламя. На самом деле в зрачках просто отражался свет.

— Он тут, — сказал я ему. — Вот тут. Посмотри сюда.

Он повернул голову, словно поняв, о чем я говорю. И я увидел, как Артур готовится к бою. И тогда я сказал уже Артуру:

— Он твой. Ты его создал. Ты дал ему жизнь. Ты… ты словно отец для этой твари, Артур. Перестань сопротивляться, слышишь? Не важно, как

все началось, но теперь он принадлежит тебе. Он не хочет уволочь тебя обратно в тень: тогда он бы лишился всей новой территории, что ты ему дал. Я почти уверен, что он знает об этом, иначе давно уже схватил бы тебя. В конце концов, у него была целая пара месяцев на попытки. Сначала ты подарил ему арену римского цирка, где он мог поиграть. Но теперь в его распоряжении целый дом — и местность за его пределами в придачу. Почему, как ты думаешь, он уходит и возвращается? Да он же исследует окрестности, как чертов кот! А почему, по-твоему, он следует за тобой, возвращается к тебе? Он не желает тебе зла, тут причина в чем-то еще. Может, он и впрямь похож на собаку. Пусть даже ты сам и не знаешь, но он знает, что принадлежит тебе.

Лев внезапно подпрыгнул: Артур не успел даже вскрикнуть, даже испугаться. Зверь приземлился на краю кровати, у ног дяди, и уставился на него, шумно дыша.

В три прыжка я преодолел расстояние между нами и сильно нажал на его здоровый бок. Плоти там не было, ничего осязаемого я не коснулся, но лев заворчал и, распластавшись, плюхнулся на кровать.

Он смотрел на меня, моргая, и глухо рычал.

— Тихо, — сказал я. — Ты должен делать, что тебе велят. Если хочешь остаться, веди себя прилично.

Рык перешел в зевоту.

Мы остались наблюдать за ним. Артур выпрямился на подушках, а я стоял у изголовья. Вскоре лев опустил голову на одеяло, и его ужасные глаза закрылись.

Мы бодрствовали до самого рассвета. Вели неспешный и размеренный разговор, обсуждали зверя, что спал рядом с нами. Артур сидел недвижно, и я тоже застыл в своем кресле. Когда заря начала пробиваться в комнату, лев проснулся и встал. Взбрыкнул лапами, спрыгнул с кровати — и исчез.

В десять минут седьмого горничная принесла нам чай, и я отправился вниз позвонить на работу, сообщить, что отравился и не смогу приехать.

Когда я обернулся, лев стоял в гулком коридоре, глядя вдаль на узкую открытую дверь. Утро манило запахами деревьев, костров и тумана. Видимо, льву просто нравилась эта дверь, так-то он мог входить и выходить сквозь стены. Снаружи лежали просторы, кишащие добычей: мыши, белки, птицы, кролики и зайцы. Тут было на кого поохотиться любому крупному хищнику, впрочем,

мне кажется, жертва отделалась бы сильным испугом: лев, хоть его и можно было увидеть, услышать и понюхать, был бестелесным. Но, раз он мог напиться из крана в ванной, который не протекал, но все равно одарял льва водой, возможно, ему хватило бы идеи и чтобы наесться. Он был воображаемым и обладал воображением сам. Вот уж подходящий питомец для Артура. Пока я смотрел на него, лев принял решение: он пронесся по коридору и выбежал в распахнутую дверь. Наверное, был голодный, еды-то ему пришлось ждать несколько десятилетий.

Прибыв в театр на следующий день, я, естественно, умолчал о случившемся. Мой помощник неплохо справился и без меня, и вскоре все дела были улажены. Тем временем я забронировал номер в местной гостинице.

Артур прожил еще двадцать пять лет и внезапно, но мирно скончался, отправившись порыбачить в Шотландию с одним из своих деловых партнеров (они вместе занимались джемом). Насколько я помню, поговаривали о призраке огромной собаки, который часто видели в Синих Елях и других домах, где останавливался Артур. Высказывались неуверенные предположения о том, что привидение это как-то связано с моим

дядей: раз или два кто-то видел, как он, живя за городом, кидает палки какой-то громадной гончей. В Шотландии, за несколько лет до его смерти, ходили слухи о том, что в ногах его кровати лежит, мурлыча, какое-то огромное существо. Но когда кто-нибудь приходил проверить, что же это такое, существо исчезало. Когда Артур умер, зверь исчез навсегда — во всяком случае, так говорила экономка. Теперь (признаю это со стыдом) Синие Ели принадлежат мне, хотя бываю я там редко. Но те, кому я сдаю поместье, ничего не сообщают ни о кошках, ни о собаках, ни о львах.

За все годы, что прошли до его смерти, я почти не получал от Артура вестей. Еще меньше мне было известно о его творении: когда он снова почувствовал себя в безопасности, «отчуждение» между нами возобновилось, и, похоже, нас обоих это совершенно устраивало. Изредка я получал письма с постскриптумом, который гласил: «Лев пребывает в хорошем настроении». Любой, кто прочел бы переписку, смог бы подумать, что Артур в шутку называет львом самого себя. Позже мне рассказывали, что мой единственный визит очень пошел ему на пользу.

Он распрощался с былой робостью и с былым унынием, привел в порядок расшатавшие-

ся нервы. Вместо этого он увлекся длинными оздоровительными прогулками, а за ужином велел подавать огромные непрожаренные куски мяса — которые, впрочем, оставались почти нетронутыми. Порой, оставаясь в одиночестве, он звонко смеялся. Когда его спрашивали, отвечал, что прочитал что-то смешное в газете.

Естественно, я и понятия не имею, где они оба находятся сейчас. Сам-то я считаю, что жизнь заканчивается со смертью тела, но кто знает, может, есть какой-то умозрительный рай, в котором продолжают существовать люди, одаренные богатым воображением? Если так, то я ни секунды не сомневаюсь: Артур и его лев не вернулись в тот римский цирк. Артур освободил льва, и в итоге лев тоже освободил его. С моим скудным воображением я представляю лишь, как они скачут по морскому побережью. Артур — здоровый семилетний ребенок, неутомимый и бесстрашный. Рядом с ним резвится огромная черногривая собака со слегка поцарапанным боком. Когти ее напоминают серебряные крюки, и на чистом нездешнем песке от них остаются следы, что похожи на звезды.

Танит Ли написала почти сотню книг и больше двухсот семидесяти рассказов, и это не считая пьес для радио и телесценариев. В своих произведениях она смешивает самые разные жанры: фэнтези, научную фантастику, хоррор, литературу для подростков, историческую прозу, детектив и современную прозу. Из последних опубликованных работ назовем трилогию о Лайонвулфе («Lionwolf trilogy»): «Отбрось яркую тень» («Cast a Bright Shadow»), «Здесь, в ледяном аду» («Here in Cold Hell») и «Нет пламени, кроме моего» («No Flame But Mine»), и трехчастную серию для подростков «Пиратика». Рассказы Танит Ли недавно были напечатаны в журналах *Asimov's Science Fiction*, *Weird Tales*, *Realms of Fantasy* и *Wizards*, а также в сборнике *The Ghost Quartet* («Призрачный квартет»). Издательство *Norilana Books* в данный момент занимается перевыпуском всей саги о Плоской Земле, прибавив к ней еще две новые книги, а издательский дом *Lethe Press* собирается перепечатать всю лесбийскую прозу автора, которую та публиковала под псевдонимом Esther Garber, дополнив ее новым сборником рассказов о геях и лесбиянках, включая все новые рассказы

от «Эстер, ее брата Иуды и даже от меня самой».

Она живет в Южной Англии, в Суссексе, вместе с мужем Джоном Кайином и двумя вездесущими кошками. Если вам интересно узнать о ней больше, зайдите на сайт www.TanithLee.com.

По поводу этого рассказа Ли говорит вот что: «“Артуров лев“ появился из сна, который приснился мне на грани пробуждения одним утром. К завтраку было готово и все остальное, включая образ рассказчика. Однако развитие сюжета явилось для меня полной неожиданностью».

Прайд
Мэри А. Турзилло

Под рубашкой Кевина, царапая ему грудь, копошилось что-то горячее и шерстистое. «Вот молодец, — подумал он. — Сначала подставился с травкой, а теперь, если не поймают на краже животных из лаборатории, то уж бешенство от этого чудика подхватишь наверняка».

Сотрудники лаборатории «Франкенлаб» в Франкен Уни (он же Сельскохозяйственный колледж имени Франклина) запихивали зверям электроды в мозг, клонировали их, как овечку Долли, разве что животные были необычные. Вымершие. ДНК брали из мерзлого мяса. И они собирались переубивать своих подопытных.

Всех он спасти не мог. Например, те пушистые мышки с оранжевым мехом… Многие из них так и не выбрались. Активисты из «Братьев наших меньших» взломали клетки и, когда мыши не захотели выходить, потрясли их. Грызуны запищали, попрятались под столы. Ребята пинками гнали их, пока те не забились по углам, а теперь… да помилует Господь их крохотные душонки.

Кевин погладил уродца сквозь рубашку, но существо принялось извиваться и намертво к нему прилепилось. «Да я же тебе жизнь спасаю, дурачина!» Он выбежал из здания за пару минут до того, как пожарные примчались на зов сигнализации.

Кевин и раньше попадал в переделки. Год назад они с Эдом, двоюродным братом его девушки, раскатывали по городу в фургоне, на котором Эд не удосужился вовремя сменить просроченные номерные знаки. Кевин не знал, что под водительским сиденьем припрятан косячок. Когда они поняли, что у них на хвосте патруль штата, Эд попросил Кевина поменяться местами: сказал, что права его тоже истекли. Они пересели, пока фургон выделывал крутые виражи на пустынном отрезке шоссе 422. Когда машина наконец остановилась, копы спросили, можно ли обыскать салон. Кевин пожал плечами и сказал: валяйте.

— А это чье?

Эд сказал, что не его. Кевин слишком удивился, чтобы выглядеть удивленным, а законы в этом штате очень суровы. Так Эд отделался предупреждением, а Кевин, которому пришлось довольствоваться тем адвокатом, которого предоставил ему суд, отсидел свои тридцать суток.

Когда в местных газетах появились сообщения о том, что лаборатория усыпит более тысячи животных (в основном мышей) в связи с окончанием эксперимента, Кевин искал работу, чтобы оплатить колледж. О чем он тогда думал? Не сказать, чтобы он так уж пекся о всяких зверях. И все же, скрываясь с места преступления, он ощутил панический восторг.

Существо извивалось и царапало его, и Кевину с трудом удавалось управлять своим «Фордом Пинто». Он нащупал в кармане ключ от задней двери и затопал вниз в подвал. Там он потянул за шнурок над раковиной для стирки; включился свет. Кевин вынул шерстистый комок из-под рубашки.

— Боженьки, что же они с тобой сделали?

Животное было безобразным: огромная голова, огрызок хвоста. Собака? Кошка? Нечто среднее?

Он положил зверька в раковину. Ну и огромный же ртище. Наверняка ужасно проголодался.

Глаза смотрят вперед, а не по сторонам. Значит, хищник. Кевин сбегал наверх, схватил сырую куриную грудку из морозилки. Протянул ее детенышу.

Тот плюхнулся на брюхо и попытался взвыть. Раздался слабый писк.

Кевин попытался запихать мясо ему в пасть, но тот дернулся в сторону и уставился на него; бока ходили ходуном.

Может, мать пережевывала для него пищу? Мать? Навряд ли. У этого существа не было матери: его, черт возьми, вывели во «Франкенлабе».

Кевин провел детство на ферме и любил зверей. Порой он даже гладил местного питбуля Бутончика, когда тот не был настроен отгрызать людям конечности. Если бы у родителей было много денег, он бы сейчас учился на ветеринара во Франкене. А может, выращивал бы скот на каком-нибудь ранчо или отлавливал редкие виды змей.

Он принес сверху нож, откромсал от грудки несколько крохотных кусочков и положил их детенышу в рот. Зверек, явно умирая с голоду, немного пососал их. Он поднялся на задние лапы и схватил передними Кевина за пальцы. Отведя голову в сторону, он зачавкал. Похоже, зубы у него все-таки были.

Кевин отдернул руку:

— А ну перестань, маленький ты уродец!

А потом понял, что криками может разбудить маму.

Ох, Кевин, это же ребенок.

Где бы раздобыть бутылочку?

Он достал из кладовки банку сгущенного молока, окунул в него кусок курятины. Существо обсасывало мясо минут двадцать, а потом либо наелось, либо оставило бесплодные попытки. Ему кажется, или живот у зверька несколько раздулся? Банка опустела, но почти все содержимое оказалось либо в раковине, либо у него на рубашке.

Зверек потянулся и выпустил когти. Что-то слишком они огромные для такой крохи размером с енота.

Сейчас замурлычет, подумал Кевин. Но вместо этого он принялся чистить мордочку, растирая передними лапами свои уродливо крупные челюсти.

А затем, как раз тогда, когда Кевин уже готов был решить, что его новый питомец почти миленький, тот протянул лапу и слегка уколол его когтем — совсем не больно, как бы спрашивая: «Может, еще?»

— Ты начинаешь действовать мне на нервы.

В глазах зверька сияло восхищение. Он лизнул мальчику руку, чуть не содрав ему кожу жестким языком.

Мех его сиял золотом, как у ретривера, а глаза

были цвета речного мха. Зеленоглазый блондин. Как и Сара. И шкурка пестрая, будто в веснушках — как на Сариных нежных плечах. Сара Джонс. Они уже почти начали встречаться, когда Кевина арестовали. А теперь она ведет себя, будто едва с ним знакома.

Маленькое чудовище выпрыгнуло из раковины и приземлилось на полу. Удивленно отряхнулось.

Кевин улегся на пол и посмотрел ему в глаза:

— Тебе нужно имя.

Он был в ярости, что зверька хотели убить. Он же был совсем безобидным! Ну ладно, может, и не совсем. Если судить по лапам (каждая была размером с чизбургер), вырастет этот детеныш очень большим. Но неопасным.

— Интересно, в какое говно я сейчас ввязался? — спросил его Кевин.

Уродливая мордочка сияла доверием.

Ножом, которым разрезал курятину, погруженный в мысли о Саре Джонс, он слегка стукнул маленького уродца сначала по одному плечу, потом по другому, и произнес: «Нарекаю тебя сэром Джонси».

Неделю он держал Джонси запертым в погребе. Мама то ли о нем не знала, то ли притворялась,

что не знает. Бутончик, питбуль мистера Трумбулля, постоянно срывался с цепи и тайком пробирался поскрестись в дверь подвала. В газете появилась заметка о пожаре в лаборатории, но о животных упомянули лишь вскользь.

Ученые сделали вид, что беспокоиться было не о чем. По словам доктора Бетти Хартли, животные были «принесены в жертву». Она сказала, что по законам государства животных следует подвергнуть эвтаназии, как только закончится эксперимент. А тут закончились еще и деньги. Ну да, конечно. Жертва. Какой милый эвфемизм. Как и «усыпить». Будто кто-то когда-то просыпался от этого сна. Жертва? Они что, собирались плясать вокруг алтаря, умоляя Бога защитить их от зверей-зомбаков?

Доктор Хартли выразила сожаление по поводу того, что все животные погибли в огне, но в жизни всякое случается.

Теперь ему не с кем было поделиться своей тайной. Он еще не настолько свихнулся, чтобы выдать ученым, где живет детеныш, и позволить им убить его. Но в подвале Джонси (Кевин обнаружил, что это девочка) вся тряслась и скулила, поэтому он принес ее наверх.

Маму это не то чтобы обрадовало.

— Мам, послушай. Вид у нее, конечно, упасть не встать, но это же всего лишь котенок. Может, погладишь ее?

Но она и прикоснуться отказалась.

— Мне все равно, что это такое. Просто убери ее из моего дома.

— Мам, если я верну ее обратно, они же ее убьют. Посмотри, какая милашка.

Он крепко прижал детеныша к груди, стараясь не особо показывать чудовищную голову. Мех у нее был жесткий, у котят бывает совсем другой. Но все же она любила ластиться и от нее исходило тепло.

— Милашка? Кевин, я тебе покажу милашку. Мне известно, что ты украл ее из «Франкенлаба». Может, одной прекрасной ночью она проснется и высосет из нас всю кровь.

— Что за бред, мам. Она пьет молоко, а не кровь. Нельзя просто вышвырнуть ее на улицу, как… как сломанный телик.

— Кевин, найди уже работу. И убери эту тварь из моего дома.

Но мама Кевина слишком устала, чтобы настаивать на своем.

У детеныша начали резаться зубы. На диете из фарша (Кевин доставал мясо из мусорных баков)

энергии у него было хоть отбавляй. Большей частью он тратил эту энергию на то, чтобы ходить за Кевином хвостом и рвать в клочья все, что найдет в его комнате.

Клыки все прорезались и прорезались. И прорезались. У домашних кошек таких не увидишь. Длинные, словно нож для рыбы, который копы изъяли у него, когда нашли в машине травку.

Однажды утром он проснулся и увидел, что это чудовище сидит у него на груди, охваченное то ли нежностью, то ли голодом (даже у домашних кошек сложно отличить одно от другого).

— Ого, — сказал Кевин. — На месте твоей мамы я бы засудил ортодонта, который исправлял тебе прикус.

Детеныш не оценил шутки.

Не вампир, конечно, но эти острые, такие острые зубы…

А затем его разум словно прожевал кучу информации и изверг из себя истину. Все эти слухи про мясо, что лежит замороженным с самого ледникового периода… Клонирование… Эврика!

Этот хренов зверь, что уставился на него своими золотисто-зелеными глазами, что разинул пасть в беззвучном вое, был саблезубым тигром.

— Мда, приятель. А я-то считал, что с тобой

раньше хлопот было полно.

Ей нужно будет все больше мяса.

Поначалу он скупал самые дешевые куски, но потом понял, что стрижкой столько не заработаешь, и стал выделять ей еду из своей порции, а еще подворовывать из холодильника. Ну да, и рыться в мусорках у супермаркета.

Однажды он застал маму на кухне, рука ее была перебинтована. Он надеялся, что это Бутончик. Но если бы ее укусил Бутончик, то полиция вскоре нашла бы ее изуродованный труп.

Кевин опустился в кресло и стал наблюдать, как саблезубый тигр расправляется с вонючей кашицей, которую он для него раздобыл.

— Ну все, Кевин. Ты мой единственный сын, свет в окошке, мой смышленый малыш, хотя и чересчур доверчивый… Но либо к вечеру эта кошка исчезнет, либо я вызываю копов. — Она высморкалась в скомканную салфетку. — Я знаю, откуда ты ее взял.

Кевин ее не винил. Она слишком много работала и хотела лишь, чтобы ее оставили в покое, хотела поспать раз в жизни больше пяти часов. До того, как от них ушел отец Кевина, они не бедствовали. Но папа нанял очень хорошего юриста. Он перестал выплачивать жалкие алименты, как

только Кевину стукнуло восемнадцать. Папа все еще присылал ему открытки ко дню рождения. К ним прилагался чек на два доллара.

«Если мальчик хочет пойти в колледж, пусть пойдет работать. Так он будет больше ценить образование».

Ага, конечно, работа. Не так-то просто парню в двадцать один год найти работу, особенно если он успел хоть сколько-то отсидеть. Случайные заработки. Может, дорожки чистить зимой? Кевин не любил спиртное, и поэтому не мог опереться даже на Общество анонимных алкоголиков.

А еще этот проклятый зверь был слишком непослушным, чтобы надолго оставлять его без присмотра.

За неделю до того, как кошка укусила маму, он помогал соседке заносить сено в сарай, а когда вернулся домой, то увидел, что детеныш играет с крупной крысой. Когда саблезубый тигренок увидел грызуна, то схватил его в зубы и попытался сбежать. Слава Богу, что это была именно крыса, а не те крысоподобные пудели, что жили у Парксов.

Так что мама была права. Кошке нужен дом.

Сара. Их зарождающийся роман был загублен на корню, но порой он натыкался на нее в зоома-

газине. Она поняла, что Кевин ничего не знал о косяке, но, когда он хотел зайти в гости к ним на ферму или пригласить ее на свидание, вечно говорила: «Сейчас неподходящее время». Впрочем, денег на свидания у него тоже было негусто.

Наверное, ей просто не хотелось быть девушкой неудачника.

Но, черт возьми, он же может еще добиться успеха. Многие из великих — миллионеры, политики — чем-то запятнали репутацию в юные годы.

Не сказать, чтобы Сара его ненавидела.

Он посадил котенка в коробку из-под какой-то техники (Джонси скулила, но не сопротивлялась), завернул картонный ящик в бумагу цвета роз и слоновой кости, повязал золотистую ленточку и загрузил в свой «Пинто». Детеныш бешено метался по коробке на переднем сиденье, а Кевин сломя голову мчался к ферме, на которой жила Сара. После смерти деда родители Сары перестали засаживать участок, просто разводили гусей и следили за садом, а когда они уехали на юг спасаться от зимних морозов, Сара оставила ферму себе. Кевин порой приходил помогать ей — еще до того, как угодил за решетку.

Он струсил и оставил трясущуюся коробку на

ободранном крыльце.

Когда он вернулся, звонил телефон.

— Кевин, что это? Оно чуть руку мне не отгрызло.

Он медленно вдохнул и выдохнул. В тюрьме он записался на курсы по управлению гневом — не потому, что у него были проблемы с агрессией, просто учебник выглядел довольно любопытным. И оказалось, что дыхательная техника действительно его успокаивает.

— Сара, это саблезубый тигр.

— Они вымерли.

— Да, да, как и Билль о правах. Но это клон. Из замороженного мяса.

— И я тут при чем?

— Ну, это…

— Кевин, слушай, я помню мейн-куна, которого ты мне подарил. Такие кошки мне нравятся. Но тут другое дело, а? Этого-то ты точно украл из колледжа. И это еще не все. Он же вырастет и станет агрессивным. А еще…

— Прости. Я заеду и возьму ее обратно. Но не выпускай ее пока, ладно? Я не уверен, что она уже умеет защищаться.

Когда он приехал на ферму, Сара заметно нервничала, но все равно поцеловала его. Они сели на

диван и разговорились про Эда, про тюрьму. До секса не дошло, но в Кевине ожила надежда на то, что они снова будут вместе. А Джонси в это время рвала на клочки все, что попадалось ей на глаза в гостиной. Сара потратила на нее целую миску гамбургеров — она боялась, как бы кошечка не начала рвать на ней одежду.

— Я бы не сказала, что она милая в обычном смысле слова, — заметила девушка.

Вибриссы Джонси были не менее удивительны, чем ее клыки. Длинные, чуткие. Она гонялась за всем, что было в комнате, даже за тенями.

Кевин наблюдал за ней. Она то и дело пряталась: приседала и била хвостом, а потом выскакивала и делала кувырок. Приседания и удары хвоста — дело у кошек обычное, но он никогда не видел, чтобы зверь при атаке делал кульбиты. Это какой-то особый прием, принятый у саблезубых?

— Кевин, ты знаешь, что я люблю животных.

Он промолчал. Они сидели, соприкасаясь плечами. Он положил свою руку поверх ее руки.

Она не отдернула руку.

— Хорошо. Пока ты не найдешь себе жилье. Только не приходи сюда без предупреждения.

Ее ладонь выскользнула.

С ней кто-то жил. Ну конечно.

Приготовления заняли три недели.

Когда он в ответ на ее звонок приехал на ферму, Сара плакала. Джонси убила одну из ее гусынь. Настоящий подвиг! Даже Бутончик ненавидел связываться с гусями. Но, открыв дверь, Кевин аж глаза выпучил: ничего себе вырос этот тигр. Джонси, должно быть, весит теперь не меньше питбуля.

Упс. А что, если бы Джонси напала на Сару?

— Я выпустила ее побегать, — сказала она. — Нельзя такого зверя держать взаперти. И она убила Эмили Дикинсон.

Так звали гусыню. Сара называла их в честь поэтесс.

— Чем ты ее кормишь?

Ему было стыдно, что он не платит за корм для Джонси. Хотя он и так бы не смог. Внезапно он страшно забеспокоился о судьбе мейн-кунов, но потом увидел, что они дремлют на диване. Их ложе было изорвано в лоскуты, но сами кошки остались невредимы.

— Я кормлю ее собачьими консервами, но она все равно вечно хочет есть. Рядом с фермой я уже две недели не встречала ни одного енота. Кевин, я не знаю, куда тебе ее девать, но здесь она оставаться не может.

Может, Джонси уже выросла и сможет сама прокормиться мусором, енотами и соседскими гусями?

— Как она научилась охотиться на енотов?

— Когда я разняла их, Эмили… ну, из нее все вывалилось наружу — а Джонси стояла над ней, и тогда, словно раскаиваясь в содеянном, она склонилась и принялась лизать ей перья, и на язык ей попала кровь, а потом, совершенно внезапно…

Кевину приходилось наблюдать, как дворовых кошек постигало то же откровение. Они обнаруживали, что их игрушки еще и вкусны. Большинство узнавали это от мамы, но стоило лишь котенку проголодаться…

— Она больше не охотится на гусей. Они убегают от нее. Но есть же еще и олени.

Кевин посмотрел на юное чудовище.

— Джонси не смогла бы завалить оленя.

— Может, и нет, но она точно знает, как на них охотиться. И я беспокоюсь о коровах мистера Трумбулля.

Кевин стоял неподвижно.

— Спасибо, что присмотрела за ней.

Она пожала ему руку, а потом придвинулась поближе. Они неотрывно смотрели друг на друга. Может, поцеловать ее?

Она отступила на шаг:

— Отвези ее куда-нибудь. Кстати, как насчет старого трейлера, что оставил твой отец?

Папа оставил трейлер на участке за маминой квартирой; прицеп был почти пустой: кровать да маленький обеденный уголок. Крыша протекала, система водоснабжения отсутствовала. Никакая стоянка не разрешит ему въезд на этой развалюхе.

И уж тем более с «экзотическим животным», даже если ему удастся выдать питомца за спасенную им рысь или львенка.

— Я загляну туда.

Он принес ошейник с поводком и нацепил их на Джонси. Ей уже случалось ходить на поводке, и она осталась не в восторге, но ее доверие к Кевину было настолько велико, что тигрица не сопротивлялась.

А он уже стал экспертом по саблезубым тиграм. Они даже не принадлежали к той же ветви семейства кошачьих, что тигры и львы, но все же, скорее всего, жили кланами. Должно быть, Джонси принимает его за мать или за вожака этого… — как там называют львиные семьи? — прайда.

Он улыбнулся Саре, и глаза его засияли на-

деждой.

— Ну иди уже. — Она игриво подтолкнула его к двери. Тигрица оскалилась на Сару, и девушке пришлось погладить ее по спине.

— Ты можешь навещать меня. Приводи Джонси, если сможешь заставить ее слушаться. Только позвони заранее.

Он повел саблезубого тигра к машине. Мысли его шли кувырком. «Спроси ее! — думал он. — Есть у нее новый парень или нет. Спроси!»

Слишком уж много тайн в его жизни: животное, которое ему некуда было деть и которое он не мог оставить себе; девушка, которая была ему нужна и чья жизнь превратилась для него в загадку.

— Кошка, — сказал он. — Ни у меня, ни у тебя нет никакого прайда[1].

Дядя Кевина владел участком необработанной земли в двадцати милях от центра города. Молодой человек получил разрешение переместить трейлер туда. Воду туда ему придется привозить, а для отопления пользоваться газовыми баллонами. Он купил генератор и припарковал прицеп подальше от дороги.

Поденная работа расходов не окупала. В ресто-

---

[1] Примечания: 1

Игра слов: pride — 1) прайд, 2) гордость. — *Примеч. пер.*

ране, где работала мама, требовался посудомойщик. Владелец заведения знал Кевина и был в курсе его тюремной истории, а потому никаких дополнительных проверок не потребовалось. Кевин купил мобильный телефон, для которого не нужно было оформлять кредитную карту, и вот современный человек и кошка из ледникового периода зажили в трейлере общей непростой жизнью.

Планы насчет колледжа развеялись как дым. Может, однажды Кевин напишет о своих приключениях книгу. Он купил дешевый цифровик и завел дневник, в который записывал все, что касалось развития и поведения Джонси.

Вскоре саблезубый тигр научился открывать холодильник лапой. Кевину пришлось убрать оттуда все, оставив только овощи. Чтобы разнообразить рацион из собачьих консервов, он каждый вечер приносил домой разделанного цыпленка или сырой стейк. Джонси так молниеносно вгрызалась в его дары, что порой он не успевал даже развернуть упаковку. Иногда она насаживала обертку на десятисантиметровые клыки и бегала по комнате, пытаясь как-то от нее избавиться. Когда Кевин впервые увидел это, он повалился на пол от смеха.

Сам он либо ограничивался овощами, либо ел на работе.

На дворовой распродаже он купил за бесценок «Рожденную свободной». Конечно, Джонси не была похожа на современных кошачьих, но с чего-то же надо начинать. Библиотекарь нашел для него труды о саблезубых тиграх Северной Америки — правда, сам Кевин до сих пор не был уверен, что Джонси принадлежит именно к этому виду. Ему пришлось изображать безразличие, когда библиотекарь начал задавать лишние вопросы о том, почему его так интересует клонирование.

Джонси расправлялась со всеми книгами, что он приносил домой. Для нее книги — как и все остальное — были игрушками. Поэтому читать он мог только в библиотеке (там же он пользовался и Интернетом). Ему не нравилось оставлять кошку в одиночестве, когда она бодрствовала, поэтому приходилось накрепко запоминать все, что он прочел.

У него, как и у Сары, не получалось держать тигра взаперти. Поэтому через несколько недель он привязал к трейлеру длинный трос и выпустил Джонси погулять. Кевин наблюдал, как она носится вприпрыжку по скошенной траве там, где раньше стоял фермерский дом. Если она

захочет сбежать, привязь ее не остановит. Она перегрызет трос, хоть и попортит на этом свои прекрасные зубки.

Периодически она останавливалась, чтобы обнюхать что-нибудь. Когда мимо пролетала птичка, уши Джонси становились торчком.

Когда она увидела лисицу, Кевин пожалел, что не окрестил свою кошку Турбо.

Съела ли она лисицу? Поймала — это точно. Там, где закончилась погоня, в вытоптанной траве, он не нашел никакого окровавленного трупа. Но в ближайшую пару дней Джонси казалась очень довольной собой.

Прошел остаток лета. Зима. Весна. Саблезубый тигр вырос, приобрел лощеный и грозный вид; под его рыжеватой короткой шкурой ходили ходуном мускулы. Расшатался один из великолепных клыков. Когда он выпал, Джонси позволила Кевину ощупать пасть изнутри. И там, на месте выпавшего, он почувствовал под десной новое острие. Новый зуб все рос и рос. С другой стороной пасти произошло то же самое, и вот, проснувшись однажды утром, он почувствовал, как тяжелые лапы давят ему на грудь. Он открыл глаза и увидел чудовищные клыки: острые как бритвы, не успевшие затупиться, они отливали

молочной белизной. Длиной зубы были с нож, которым он пользовался в ресторане, когда надо было разрубать говяжьи сухожилия.

Непроницаемое выражение на ее морде и горячее влажное дыхание, вырывавшееся из ее пасти, заставили его подскочить от ужаса. Но она была его товарищем, это ее он прятал когда-то под рубашкой. Он кормил ее молоком.

Он протянул руку и погладил тигрицу за ухом — лишь там мех оставался шелковистым, как у котенка. А потом, осторожно-осторожно, прикоснулся к ее клыкам. Гладкие, словно ножи из слоновой кости. Так что это значит? Она принадлежит к виду смилодон фаталис? Или смилодон неогэус? А может, к другому роду — мегантереон? Кевин этого не знал. Он же не палеонтолог.

Он позвонил Саре, чтобы поделиться. Она ответила после двух гудков, а потом сразу повесила трубку. Но даже ее отказ общаться не смог омрачить момента.

Он был первым из людей, который дотронулся до клыков саблезубой кошки и выжил.

Сара порой звонила, чтобы справиться о Джонси или рассказать ему об открывшейся вакансии. Говорила, он мог бы оставлять саблезубого тигра с ней, когда будет уходить на работу.

Но, когда он звонил, на том конце уже знали, что он тот самый парень, который угодил за решетку из-за наркотиков. Редкий случай в маленьком городке, можно посплетничать вдоволь.

Они с Джонси каждый вечер обходили ферму по периметру, стараясь держаться подальше от дороги. Прошло четыре года с тех пор, как он закончил школу. Все меньше было шансов поступить в колледж. Он думал про себя: «Многие сказали бы, что у меня и жизни-то никакой нет. И работа дебильная. Хорошо учился, мог бы поступить в колледж, жениться на красивой женщине с участком земли. А все из-за того, что я доверился не тому парню, недостаточно боролся с системой. Мог бы добиться большего. Но я трогал клыки смилодона. Если жизнь ничего больше для меня не припасла, этого вполне хватит».

Если Джонси чего-то недоставало, она не жаловалась.

А потом у нее началась течка.

Когда она вкрадчиво приблизилась к нему, волоча зад по полу, а потом попыталась изнасиловать ободранную ручку дивана, умоляя его сделать что-нибудь, ну хоть что-нибудь, он просто сказал ей:

— Котенок мой, я бы разместил от твоего имени

объявление в газете, но твои сородичи не выписывают «Сельского вестника».

Можно было бы стерилизовать ее. Но как, черт побери, выдать ее за нечто другое, чем она является? Ветеринар наверняка вспомнит инцидент во «Франкенлабе» — и все пропало. Еще один срок для Кевина. А для Джонси и того хуже: она станет «жертвой», которую принесут во имя науки.

Он пытался запереть ее в трейлере, а сам спал в «форде». Она начала прогрызать металлическую оконную раму. Он выпустил ее, и она выла до тех пор, пока он не впустил ее внутрь.

Следующим вечером зазвонил сотовый.

— Кевин, Кит, как тебя там, люди слышат вой, но не знают, что это такое. А я-то знаю.

Сердце у Кевина ушло в пятки. На экране высвечивались данные абонента: «Б. Хартли». Ученый.

— Доктор Хартли? Теперь вы планируете принести и ее в жертву?

— Нет же, болван ты этакий. Мне что, разжевать и в рот тебе положить? Это я подговорила этих ваших кретинов из «Братьев наших меньших» устроить пожар, чтобы она смогла спастись.

Он внимательно слушал, потом произнес:

— У нее течка. Что…

— Либо у нее закончится течка, либо она на ко-

го-нибудь нападет. Она даже может решить, что этим счастливчиком будешь ты. Верни ее мне.

— А что, есть другой саблезубый тигр? Самец?

— Конечно нет, что за идиотизм так думать.

Он захлопнул телефон и швырнул его в стену.

Джонси исчезла в лесах за ручьем Френч-Лик.

И через неделю приплелась обратно. Она не была беременной, да и как бы это могло случиться?

Кевин был почти уверен, что Джонси сдерживает рост популяции оленей и енотов, но на исчезновение собак никто не жаловался. Вот кошки да, пара-тройка пропала.

Когда он уходил на работу, ему приходилось запирать ее в трейлере. Она потихоньку обкусывала дверную ручку и подгрызала саму дверь. Слава Богу, что у нее не было отстоящего большого пальца, ведь по интеллекту она превосходила и собак, и кошек. И некоторых людей тоже.

Но райская жизнь — даже в таком странном раю, как у Кевина и Джонси, не может продолжаться вечно.

Ему надо было уходить по делам. Дешевле всего собачий корм для тигра он мог купить в зоомагазине, который вечером закрывался.

Несложно догадаться, как ей удалось выбраться и пойти вслед за ним. Он был слишком беспечен.

Выходя из магазина, он чуть не наступил на нее. Она лежала на крыльце и загорала.

А на другой стороне площади стоял Бутончик. Ему тоже нельзя было наружу, но и сам мистер Трумбулль был не слишком хорошим хозяином.

Бутончик ненавидел кошек. А Джонси пахла как большая нестерилизованная кошка. Бутончик убивал кошек. Все разумные хозяева в поселке Френч-Крик не выпускали своих питомцев с участка. А что касается сельских кошек, то, к их счастью, Бутончик не умел взбираться на деревья.

Питбуль стоял на другом краю площади и мочился на столб. Он резко остановился и опустил ногу. Нос задергался, уши поднялись торчком. И он бросился в атаку.

Но на полдороге передумал. Замер в нерешительности, а затем обратился к противнику тылом.

Джонси не была сильна в марафонских забегах, но спринт давался ей хорошо.

Дальше Кевин увидел тот странный прыжок смилодона. Джонси бросилась вперед и, не останавливаясь, перекувырнулась на спину. Она схватила Бутончика за шею и вонзила клыки собаке в горло. Пес подпрыгнул, Джонси пере-

кувырнулась и оказалась сверху, и завязалась борьба. У Бутончика не было иных средств защиты, помимо челюстей, а кроме того, раньше ему не случалось обороняться. Поэтому его броски быстро перешли в конвульсии, а потом он затих.

Джонси села на собаку верхом и, подняв вверх окровавленные челюсти, зашлась в ужасающем реве. Народ из зоомагазина, закусочной и магазина подарков повыскакивал наружу.

Джонси опустила пасть и начала вырывать куски из собачьего живота.

Кевин пытался справиться с головокружением и тошнотой. Раздался крик: «Кто-нибудь снимает это на видео?»

Он бросился через площадь, вопя на Джонси. Трое парней попытались его остановить; они кричали: «Он же тебя убьет!» Но Кевин остановился только у сцены побоища. Он потянул Джонси за ошейник.

— Вот псих! — визжал кто-то.

И Кевин понял, что он и правда псих. Джонси к этому времени весила уже около двухсот двадцати килограммов. Он много раз читал рассказы о том, как людей калечили крупные кошки, которые до этого казались вполне мирными. С чего он решил, что с Джонси все будет иначе?

Но ему нужно было утащить отсюда свою кошку до того, как какой-нибудь парень с ружьем в руках решит пустить свою пушку в ход.

Чья-то маленькая сильная рука схватила его за запястье.

Сара. Сара всегда возила в грузовике дедову винтовку, которая уже стала неотъемлемой частью машины. Кевин даже забыл, что она вообще там лежит. Его совсем не удивило, что девушка оказалась в городе в тот день.

Она серьезно посмотрела на него и протянула ружье.

— Все под контролем, — закричала она толпе. — Отойдите подальше, а то кто-нибудь может пострадать.

Собака превратилась в развороченную груду мяса. Джонси разорвала ей горло и живот и теперь стояла над псом; бока ее раздувались от страсти, а челюсти дрожали в припадке восторга и голода.

Толпа немного отступила.

— Посади ее в грузовик, — сказала Сара. — Она же слушается тебя, да?

Джонси снова взревела, на этот раз потише.

Очень неспешно — он верил во всю эту чепуху, будто животные могут почувствовать ваш

страх, но ему обычно хорошо удавалось скрывать свои эмоции, — он взял ее за загривок и тихо прорычал:

— В грузовик, скверная ты девчонка.

Вот и все. Джонси поникла головой, прижала хвост и забралась в Сарину машину. Кевин захлопнул дверь.

Сам он, как и Сара, остался снаружи.

Девушку трясло. Она встала на цыпочки, схватила Кевина за уши и впилась ему в рот страстным поцелуем. Отстраняясь, она сказала:

— Ну, ты и идиот. Но, видит Бог, воля у тебя что надо!

А что теперь? Кевин не мог оставить Джонси в грузовике: во-первых, после саблезубого тигра интерьер машины будет уже не спасти. Во вторых, стоял погожий весенний день, светило солнце; скоро станет совсем жарко, и животное испечется заживо.

Но теперь он не мог предсказать, как поведет себя Джонси. Кровь ее кипела; кто знает, может, ее снова охватит охотничий азарт.

— Нам нужно увезти ее, пока не приехали копы, — сказал Кевин. Он выхватил у Сары ключи и прыгнул в грузовик.

Джонси не убила его. До самой смерти он порой

размышлял, почему же. Потому что он был вожаком? Потому что она любила его? А знают ли высшие хищники, что такое любовь?

Он выпустил Джонси, когда они остановились у трейлера. Она никуда не уходила и с умоляющим ворчанием облизывала ему руку. Он открыл собачьи консервы. Тигрица взяла банку и выскребла оттуда все лошадиное мясо, а потом прилегла в траве.

Он ушел в трейлер и разрыдался.

Да, кто-то заснял случившееся на видео. Не то, как два животных мчались друг навстречу другу; не атаку Джонси, напоминающую приемы карате, — нет, но то, как собака барахталась под тигром, а потом затихла. И еще как Джонси вырывала ее внутренности. Ролик проигрывался несколько раз, всегда приближая изображение мертвого питбуля, а потом камера перемещалась на Кевина, оттаскивающего кошку подальше.

Он лежал, уставившись в потолок.

К счастью, Джонси в записи была похожа на львицу. Зеваки заметили, что у нее необычные зубы, но никто не связал это с проникновением в лабораторию и пожаром двухлетней давности.

Вечером Сара привезла его машину. Кевин не знал, как вообще все это началось, но вот она

вошла без приглашения, а вот уже лежит рядом с ним в постели.

Они поцеловались. Она сказала:

— Закрой дверь.

Он послушался, проговорив:

— Если ты переживаешь из-за Джонси, то ее закрытая дверь не остановит.

Через несколько часов они снова оделись и заговорили об охоте на Джонси. Интересно, узнали ли их на видео? Они сидели как на иголках. В дверь никто не стучал, но мозг Кевина работал вовсю: а если кто-то опознал грузовик Сары? А если они пришли к ней домой? А если поняли, куда она ушла? Они придут сюда с ружьями, придут за Джонси. А она ведь совсем ручная, не додумается убежать.

Ах ты ж дьявол. Может, Джонси и надо усыпить.

Он сказал:

— Я всегда думал, что ты еще любишь меня, хоть чуть-чуть. А может, это я просто так реагировал на стресс.

Сара прильнула к нему, а затем схватила за грудки и потрясла, да так сильно, что Кевин подумал: «Сейчас она мне вдарит». Она сказала:

— Я люблю тебя, придурок. Но не могу же я

вечно любить человека, который настолько туп, что позволил упечь себя за решетку просто так.

— Но Эд твой двоюродный брат. Я не мог выдать твоего брата. И я ведь не знал наверняка, его это был косяк или нет.

— Идиот! — Она и впрямь хлопнула его ладонью, но не больно, а потом отвернулась, чтобы скрыть слезы. — Эд — ублюдок хренов. Он подставил тебя, а ты его защищал. Он мой родственник, но я его в родню не выбирала. Ах, Кевин, Кевин. Я не смогу быть с человеком, который сидел в тюрьме и держит дома… чудовище.

— Ты же любишь животных.

Она мгновенно стала серьезной:

— Да. И я не знаю, что тебе делать с Джонси. А может, получится как-то от нее избавиться? Не убивать. Найти кого-нибудь, кто взял бы ее и приглядывал за ней. Если бы я попросила, ты смог бы так поступить?

— А у нас все будет как раньше? — Он не сказал: «И ты выйдешь за меня», — но надеялся, что она поймет это и так.

— По крайней мере, мы решим эту проблему. У меня есть друг, который умеет хорошо продавать через Интернет. Помнишь тех людей, которые пытались найти на E-bay покупателя для своего

ребенка?

— Их поймали.

— E-bay тут не подходит. Я думала о другом. Слушай, Эд — не единственная темная лошадка из всех, кого мы знаем. Может, мы найдем для нее дом.

Он не спешил соглашаться.

— Сара, не убивай ее.

После ее ухода он сидел и пил колу, но в конце концов заснул в мягком кресле. Его разбудили телефонный звонок и первые лучи солнца.

— Ну вот это и случилось, — сказала Хартли.

— Что? — Он думал, она говорит о нападении на Бутончика.

— Сара Джонс. Это твоя девушка, так? Кошка добралась до ее фермы.

— Да, но с Сарой все будет в порядке. Джонси любит Сару.

— Господи Иисусе, это кошка — высший хищник. Ее представления о любви сильно отличаются от твоих и моих. Крупные кошки годами ведут себя нормально, а потом словно бомба взрывается, и они потрошат первого, кто подвернется. Голод, желание спариваться. Или муха их в нос укусила.

— Она любит Сару…

— Она и тебя любит. И, возможно, думает, что Сара — ее соперница.

Что за дикость. Но Кевин мигом оделся и побежал к машине.

* * *

Он опередил полицейский патруль.

Джонси ломилась в переднюю дверь, рыча своим оглушительным рыком. То был не триумф, как над телом Бутончика. И не желание, как в период течки. Это была ярость. И дверь почти разлеталась на куски.

Как только дверь первой полицейской машины раскрылась и из нее выпрыгнул коп с ружьем наперевес, дверь обрушилась и Джонси прыгнула внутрь.

Почему он считал, что Сара в безопасности? Почему-то — о Боже, а ведь это правда могло быть чувство соперничества с другой самкой — Джонси ее преследовала.

Кевин рванул из машины и вверх по ступеням крыльца.

Внутри он почувствовал запах огромной разъяренной кошки.

— Я тут, наверху! — прокричала Сара.

Он побежал, перепрыгивая через три ступень-

ки.

Голос исходил из спальни. У закрытой двери стояла Джонси на задних лапах. Головой она задевала потолок. Она царапала дверной замок когтями и вгрызалась в дверь.

Одна из панелей треснула и продавилась внутрь. Джонси принялась за дело с удвоенной яростью, и дверь рассыпалась в щепки.

— Сюда! Плохая девочка!

Почему он не подумал, что надо принести мясо?

Нет. Мясо бы тут не сработало.

Сара орала, стуча кулаком в заклинившее окно.

Он подбежал и схватил кошку за ошейник, но она повернулась и ударом лапы сбила его с ног.

Пока он лежал, пытаясь отдышаться, Джонси бросилась к Саре.

Он пополз на четвереньках. Голова у него бешено кружилась, и все же он пытался подняться на ноги, невзирая на адскую боль в груди. Он едва добрался до двери, когда Джонси прокатилась по полу, прыгнула и вонзилась клыками Саре в горло.

Глаза девушки расширились — зеленые, как и у Джонси. Голова откинулась назад. Кошка

вырвала кусок мяса вместе с клочком футболки, а затем запрокинула морду и взвыла. Черный нос в окружении усов касался светильника на потолке.

А потом кошка прыгнула в окно, расколов раму.

Кевин подполз к Саре. Ее голова едва держалась на теле, отовсюду лилась кровь. Ее прекрасные золотые волосы, разорванная футболка, треснувший линолеум на полу — все было заляпано. Он никогда не видел столько крови.

Он спрятал лицо в ложбинке у нее на груди и всхлипнул.

Потом встал и выглянул из окна. Джонси неслась к сараю.

Кевин ощупью спустился вниз по лестнице, душу ему словно вывернули наизнанку. Сара была такая красивая. И Джонси — та, кого он взял на воспитание, за которую отвечал, которую считал своим питомцем — убила ее. Питомец? О нет. Это звучало так же нелепо, как если бы космонавт считал луну своим домашним животным. Или композитор называл питомцем лучшую из своих симфоний. Или альпинист решил, что приручил Эверест.

Он споткнулся и оказался на улице. Теперь

дом окружали пять полицейских машин, рядом стояла карета скорой помощи. Один из медиков держал в руках винтовку — ту самую, что хранилась у Сары в грузовике.

— Кошка все еще внутри? — проорал один из копов.

— Сара наверху. Она мертва, — ответил Кевин. Он упал на колени и зарыдал.

Появилась Хартли:

— Кошка побежала в сарай. Я видела.

Доктор поднял винтовку, а еще один коп распахнул дверь. На поводке у него была немецкая овчарка. Кевин поднялся на ноги.

Собака метнулась вперед, но потом сжалась в комочек за спиной хозяина. Коп бросился бежать, одновременно пытаясь вытащить из кобуры служебный револьвер.

Джонси в один прыжок вырвалась из сарая. Коп с собакой упали на землю, и кошка перемахнула через них.

Кевин услышал, как взводят курок винтовки.

Он крикнул «Нет!» и бросился на стрелка.

Тот споткнулся, и пуля улетела «в молоко».

Рыжеватый штрих — Джонси — промчался к лесу позади сарая и скрылся из виду.

— Зачем ты это сделал? — прокричала Хартли.

— Если ее убьют, это не оживит Сару.

— Ты не признаешь очевидного! Смилодон будет убивать снова.

Кевин замолчал. Хартли была права. Он понятия не имел, почему толкнул стрелка. Он почувствовал, как ему завели за спину руки. Наручники врезались в запястья. Но его саблезубое чудо, явившееся из иного мира, было на свободе.

— Ты состоял в отношениях с Сарой Джонс, — сказала Хартли. — Мне казалось, ты любил ее.

— Да. Но это неважно.

— Это чудовище убило твою любимую женщину, а ты его еще и защищаешь?

Как ему было объяснить?

Джонси так и не нашли. Нападения на домашний скот и оленей в округе участились, но длилось это всего несколько недель. Может, саблезубая кошка умерла, а может, ушла на север, где гуще леса и крупнее дичь.

Кевин сел в тюрьму. Там он прошел почти весь курс обучения в колледже, да еще и за государственный счет. Может, он и не был семи пядей во лбу, но по книгам учиться у него получалось отлично.

Его жизнь изменилась навсегда. Он вышел из-за решетки, поступил в университет, изучал

палеонтологию, но при этом усердно избегал и Франкен Уни, и профессора Хартли, хотя она долго умоляла его поделиться фотографиями смилодона.

Он так и не женился.

Но он дружил со смилодоном, пришедшим из глубин веков. Это примерно то же самое, что ступить на Луну. Он дотронулся до его белых клыков, похожих на сабли. И стал бессмертным.

Этого было достаточно.

Проза Мэри Турзилло появляется в журналах *Analog, Year's Best Lesbian Fiction 2008, Cat Tales, Space and Time,* в антологиях *The Vampire Archives* и *Sky Whales and Other Wonders.* Всего в разных журналах и сборниках автор опубликовала более 50 рассказов; также существует книга ее стихов, озаглавленная «Ваша кошка и другие пришельцы» («Your Cat & Other Space Aliens»). Ее рассказ «Детям на Марсе не место» («Mars Is No Place For Children», премия «Небьюла») и роман «Старомодная марсианская девушка» («An Old-Fashioned Martian Girl») были выбраны в качестве развлекательного чтения для международной космической станции.

Предоставим слово самой Мэри Турзилло: «Как и многие другие рассказы, „Прайд“ был вдохновлен теми временами, когда я преподавала в филиале университета штата Кент, в Трумбулле. Жители округа Трумбулл, Огайо, любят своих экзотических домашних животных. На одном из моих курсов учились две сестры, и они рассказали мне, что взяли на воспитание львенка, которому нравилось греться посреди улицы; машины были вынуждены его объезжать. Профессору философии, чтобы оформить опеку над маленьким сыном, пришлось отдать своего ручного питона. На сельской ярмарке девочку покалечил тигренок. У моего сына был друг, который работал разносчиком газет: проходя своим обычным маршрутом, он каждый раз сжимался от страха, оказываясь около клетки с животным. Самого зверя ему так и не довелось увидеть, но рычание оттуда доносилось душераздирающее. И, конечно, судебное дело, в ходе которого Железный Майк (Тайсон) безуспешно попытался отвоевать право оставить у себя Кению, белого бенгальского тигра, а вместе с ней и других крупных кошачьих, которые резвились на двадцати четырех гектарах его поместья в Саутингтоне, всего в паре миль от моего дома.

Чтобы лучше понять Джонси, я без конца наблюдала за разными скучающими, жуткого вида большими кошками в Буш Гарденс, в зоопарке Кливленда и других зоологических садах и размышляла о том, какую угрозу они представляют, сами того не сознавая. Метод атаки, который использует Джонси («перекатись и бей»), как мне кажется, могли использовать саблезубые тигры, чтобы вцепиться зубами жертве в горло. Однако дело еще и в том, что мой котенок по имени Махасаматман использовал тот же прием, когда играл с другой кошкой».

Взломщик обзаводится котом
Лоуренс Блок

Слушайте, я тут ни при чем.

Все случилось очень быстро. Однажды в начале июля Кэролин принесла в магазин сэндвичи с бастурмой и тоник из сельдерея, и я показал ей пару книг: роман Эллен Глазгоу и собрание писем Ивлина Во. Она оглядела корешки и издала звук — нечто среднее между цоканьем и клохтаньем.

— Я знаю, кто виноват.

— Меня вот преследуют определенные подозрения…

— Мыши, Берн.

— Этих-то твоих слов я и боялся.

— Грызуны, — сказала она. — Вредители. Эти книжки теперь только в помойку выкинуть.

— Может, мне лучше их оставить? Может, они будут доедать эти, а другие оставят в покое?

— А еще можешь положить под подушку четвертак. Ночью прилетит Зубная фея и отгрызет им головы.

— Не очень-то похоже на правду, Кэролин.

— Ага. Не очень. Берн, подожди-ка тут. Никуда не уходи.

— Ты куда это собралась?

— Я быстро. И не ешь мой сэндвич.

— Ладно. Но…

— И не клади его туда, где до него смогут добраться мыши.

— Мышь, — поправил я. — Нет причин полагать, что их здесь больше одной.

— Берн, — сказала она. — Поверь мне на слово. Нет такого понятия, как «одна мышь».

Наверное, можно было бы и догадаться, что она затеяла, но, дожевывая свой бутерброд, я открыл томик Во. А где одно письмо, там и другое. Я все еще был погружен в книгу, когда дверь раскрылась, и она явилась вновь. В руках у нее была одна из тех маленьких картонных сумок с дырками для вентиляции… Ну вот эти, как дома в Новой Англии, похожие на солонки.

Такие, в которых носят кошек.

— О нет.

— Берн, послушай меня, всего минутку.

— Нет.

— Берн, у тебя завелись мыши. Твой магазин кишит грызунами. Знаешь, что это значит?

— Уж точно не то, что теперь магазин будет

кишеть кошками.

— Не кошками, — сказала она. — Не бывает такого, чтобы мышь была одна. Но кошка — вполне. У меня здесь только одна, Берн. Всего одна кошка.

— Хорошо, — ответил я. — Ты пришла сюда с одной кошкой и можешь уйти с одной кошкой. Так мы не запутаемся.

— Но ты же не можешь жить бок о бок с мышами. На них ты потеряешь тысячи долларов! Они не остановятся на одной книге, не станут читать ее от корки до корки. Нет, кусочек отсюда, шматочек оттуда. Оглянуться не успеешь, как разоришься.

— А ты точно не преувеличиваешь?

— Точно. Берн, помнишь Александрийскую библиотеку? Одно из семи чудес древнего мира, а потом туда пробралась одна-единственная мышка.

— Мне казалось, ты заявила, что нет такого понятия, как «одна мышь».

— Ага, и великой Александрийской библиотеки теперь тоже нет. И все потому, что главный библиотекарь фараона не додумался завести кошку.

— Есть другие способы избавиться от мышей.

— Назови хоть один.

— Яд.

— Плохая идея, Берн.

— И что же в ней такого плохого?

— Забудь о том, насколько это жестоко.

— Хорошо, — сказал я. — Уже забыл.

— Не думай о том, как ужасно заглотить вместе с едой варфарин и чувствовать, как лопаются твои крошечные кровеносные сосудики. Не думай об ужасающем зрелище того, как маленькая теплокровная Божья тварь умирает медленной и мучительной смертью от внутреннего кровотечения. Забудь об этом, Берн. Если только сможешь.

— Уже забыл. Моя память чиста, как свежий снег.

— Вместо этого поразмысли о том, как десятки мышей будут умирать вокруг тебя, в стенах, и ты не сможешь ни увидеть их, ни добраться до них.

— Ну и отлично. Говорят же, мол, с глаз долой — из сердца вон.

— О дохлых мышах никто такого не говорил. Сотни мышиных трупиков будут разлагаться в стенах твоего магазина.

— Сотни?

— Бог его знает, сколько их на самом деле. Отравленная приманка неизбежно привлечет грызунов со всей округи. Вполне может быть, что

все мыши за мили вокруг помчатся к тебе: мыши Сохо, мыши Кипс-Бей… Все прибегут, чтобы найти здесь свою смерть.

Я закатил глаза.

— Может, я немного и преувеличиваю, — призналась она, — но стоит одной мышке скончаться за твоей стеной — и запахнет жареным.

— Запахнет дохлой мышью, ты хочешь сказать?

— Ты прекрасно знаешь, что я хочу сказать. Может, твои клиенты и не начнут переходить на другую сторону улицы…

— Некоторые и сейчас уже так делают.

— …Но им вряд ли понравится находиться в магазине, где дурно пахнет. Может, они и заглянут на минутку, но полки осматривать не станут. Ни один любитель книг не согласится стоять и нюхать мышиные трупы.

— Ловушки, — предложил я.

— Ловушки? Ты хочешь поставить мышеловки?

— Да. Народ валом ко мне повалит.

— И какие же ловушки ты собираешься купить? С мощной пружиной? Рано или поздно ты проявишь неосторожность, устанавливая такую мышеловку, и она оттяпает тебе кончик пальца.

Или такие, которые защемляют мышке шею? Ты приходишь с утра в магазин — и первым делом тебе надо убирать трупики?

— Может, эти новые, на клею. Как липкие ленты для тараканов от фирмы «Тараканий отель», только для мышей.

— Мыши въезжают в гостиницу, а выехать уже не могут?

— Да, суть в этом.

— Отлично. Бедный маленький мышоночек печально пищит, так проходит час за часом. Может, он предпринимает жалкие попытки отгрызть свою крошечную лапку и сбежать, как лиса в капкане — помнишь эти ролики в защиту животных?

— Кэролин…

— А ведь всякое может случиться. Кто ты такой, чтобы говорить, что этого не произойдет? В любом случае, вот ты приходишь, открываешь магазин и видишь мышку. Она еще дышит. Что ты будешь делать? Раздавишь ногой? Достанешь пушку и выстрелишь? Наполнишь раковину и утопишь ее?

— Ну, наверное, просто выкину ее в мусорку вместе с мышеловкой.

— Вот это называется милосердие! Бедняжка

целыми днями будет задыхаться во мраке, потом придут мусорщики, швырнут мешок в кузов, и вот тебе бургер из мышиного фарша. Потрясающе, Берн. Раз уж так, почему бы не кинуть ее в мусоросжигатель? Почему бы не спалить несчастное создание заживо?

Я вспомнил кое-что.

— Из такой клеевой ловушки мышь можно вызволить. Льешь немного детского масла на лапки. Оно действует как растворитель. Мышь убегает, отделавшись легким испугом.

— Отделавшись легким испугом?

— Ну…

— Берн. Ты что, не понимаешь, что это будет такое? Ты выпустишь на волю мышь-психопата. Или она найдет дорогу обратно в магазин, или попадет в одно из соседних зданий. А кто знает, что она там натворит? Даже если ты отпустишь ее за многие мили отсюда, даже если отвезешь ее аж во Флашинг, ты все равно спустишь с поводка психически невменяемого грызуна, а ведь люди даже и не будут об этом догадываться. Берн, забудь про ловушки. Забудь про яд. Тебе все это не пригодится. — Она похлопала по переноске. — У тебя есть друг.

— Это не друг. Это кот.

— Ты имеешь что-то против кошек?

— Я ничего не имею против кошек. И против лосей тоже не имею, но это не значит, что я готов держать сохатого у себя в магазине, пользуясь его рогами как вешалкой для шляпы.

— Мне казалось, тебе нравятся кошки.

— Они ничего.

— Ты всегда очень мил с Арчи и Уби. Я полагала, что ты их любишь.

— Так и есть. Я думаю, на своем месте они превосходны, и это место — твоя квартира. Кэролин, поверь, мне не нужен питомец. Я просто не создан для этого. Если я и постоянной девушкой не могу обзавестись, что уж говорить о животных.

— С животными легче, — прочувствованно сказала она. — Уж поверь. И, так или иначе, этот кот — не питомец.

— И кто же он тогда?

— Наемник. Рабочий кот. Днем он выполняет роль домашнего животного, а ночью, когда ты уходишь, становится одиноким ночным стражем. Преданный, верный, трудолюбивый слуга.

— Мяу, — сказал кот.

Мы оба посмотрели на переноску. Кэролин склонилась, чтобы расстегнуть ремни.

— Не выпускай его.

— Да ладно тебе, — сказала она, как раз высвобождая кота. — Это не ящик Пандоры, Берн. Ему просто нужен свежий воздух.

— Вот для этого-то и предназначены вентиляционные отверстия.

— Ему нужно поразмять ноги.

Кот появился из коробки и проиллюстрировал ее слова: сначала вытянул передние лапы и потянулся, потом повторил процедуру с задними. Ну, вы знаете, как это бывает у кошек. Будто делают растяжку перед уроком танцев.

— Ты сказала „ему“. То есть это самец? Ну что ж, по крайней мере, не будет вечно приносить котят.

— Что правда, то правда. У него гарантированно не будет никаких котят.

— А он не будет бегать и мочиться на все подряд? Ну, скажем, на книги. Вроде коты любят это дело?

— Берн, он кастрат.

— Бедняга.

— Он не осознает, чего лишился. Но он не будет приносить котят, и вообще размножаться не будет. А еще не станет сходить с ума и вопить, если в районе между Тридцать четвертой улицей и Бэттери-парк пройдет течная кошка. О нет. Он

просто будет выполнять свою работу. Охранять магазин и снижать поголовье мышей.

— И точить когти о книги. Какой смысл избавляться от мышей, если все корешки будут в царапинах от когтей?

— У него нет когтей, Берн.

— Ой.

— Они ему не особо-то и нужны, от кого ему здесь обороняться. И по деревьям не полазаешь.

— Ну да.

Я взглянул на него. Что-то в нем было странное, и я пару секунд не мог понять, в чем же дело.

— Кэролин, — сказал я. — А что случилось с его хвостом?

— Это мэнский кот.

— А, то есть он родился уже без хвоста. Но мне казалось, у мэнсов есть такой характерный аллюр… почти как у кроликов. А этот ходит, как самый обыкновенный кот. Да и непохож он на мэнса, я ни разу таких не видел.

— Ну, возможно, он мэнс лишь отчасти.

— От какой части? От хвоста?

— Ну…

— Что, по-твоему, с ним случилось? Его дверью прищемило, а может, ветеринар оттяпал? Знаешь что, Кэролин… Он кастрирован, у него

отрезаны когти, хвост тоже где-то потерялся. Если хорошенько поразмыслить, от кота в нем не так-то много и осталось, а? Перед нашими очами предстоит нечто, напоминающее разобранную экономическую модель. Может, у него еще чего-нибудь нет, а я и не знаю?

— Нет.

— У него не вырезали тот орган, который отвечает за пользование лотком? Вот повеселюсь же я, меняя каждый день подстилку! Он хотя бы знает, что надо ходить в лоток?

— Лучше, Берн, гораздо лучше. Он ходит в унитаз.

— Как Арчи и Уби?

Кэролин выдрессировала своих кошек. Сначала она ставила лоток на сиденье унитаза, затем прорезала в нем дырочку, а потом расширяла отверстие до тех пор, пока в поддоне не исчезла всякая надобность.

— Ну что ж, хоть что-то, — ответил я. — Но смывать он ведь не умеет, как я полагаю?

— Нет. И не оставляй сиденье поднятым.

Я глубоко вздохнул. Зверь рыскал по моему магазину и совал нос во все углы. Не знаю, что там с этими операциями, но я все ждал, что он задерет ногу у полки с оригинальными издания-

ми. Признаюсь, не доверял я этому маленькому мерзавцу.

— Ох, не знаю, не знаю. Должен же быть способ защитить магазин от мышей. Наверное, мне стоит поговорить с дератизатором.

— Ты что, шутишь?! Хочешь, чтобы какой-то чудик бродил между стеллажами, распыляя повсюду токсичные вещества? Берн, тебе не нужен дератизатор. У тебя есть дератизатор, живущий по месту работы. Твое личное экологически чистое устройство по контролю за популяцией грызунов. У него есть все прививки. Никаких блох, никаких клещей. Если ему нужна будет стрижка, то для этого у тебя есть друг-профессионал. Чего же тебе еще?

Я почувствовал, что почти соглашаюсь. И разозлился на себя за это.

— Похоже, ему тут нравится, — пришлось мне признать. — Он ведет себя как дома.

— А почему бы и нет? Что может быть более естественным, чем кошка в книжном?

— И на вид ничего. Если привыкнуть к отсутствию хвоста. Думаю, с этим я справлюсь — раньше-то я совершенно запросто обходился и без всего остального кота. Как бы ты назвала его окрас?

— Серый в полоску.

— Практичная расцветка и выглядит мило, — решил я. — Ничего особенного, но ко всему идет. Правда? А зовут его как?

— Берн, ты всегда можешь назвать его как-нибудь иначе.

— О, я уверен, что у него прелестное имя.

— Ничего особо жуткого, ну, мне так кажется. Но тут он похож на большинство знакомых мне кошек: на кличку не отзывается. Ты ведь знаешь Арчи и Уби. Звать их по имени — только время потеряешь. Если я хочу, чтобы они подошли, то просто включаю электрический консервный нож.

— Кэролин, как его зовут?

— Раффлс. Но ты можешь поменять его имя на что захочешь.

— Раффлс, — отозвался я.

— Если тебе совсем не нравится…

— Совсем не нравится?! — Я уставился на нее. — Ты смеешься? Это же для него идеальное имя!

— Почему ты так решил, Берн?

— Ты что, не знаешь, кто такой Раффлс? Персонаж У. Э. Хорнунга рубежа веков! О нем еще в наши дни писал Барри Пероун! Раффлс, взломщик-любитель! Игрок в крокет мирового класса

и джентльмен-взломщик! Не верю, чтобы ты ни разу не слышала о прославленном Артуре Джей Раффлсе!

Она разинула рот:

— Никогда не проводила параллели. Мне на память приходили только рафты, на которых сплавляются по реке. Но теперь, когда ты сказал…

— Раффлс, — объявил я. — Квинтэссенция взломщика в мировой литературе. И вот кот — в книжном магазине, которым владеет бывший взломщик. Вот что я тебе скажу: если бы мне пришлось придумывать имя для кота, я бы не придумал ничего лучше.

Мы встретились с ней взглядами.

— Берни, — серьезно сказала она. — Это судьба.

— Мяу, — сказал Раффлс.

* * *

В следующий полдень была моя очередь приносить еду на обед. Я остановился у ларька с фалафелем по дороге на «Фабрику Пуделей». Кэролин спросила, как поживает Раффлс.

— У него все хорошо. Пьет из миски, ест из новой синей кошачьей плошки. И провалиться мне на этом месте, если он не ходит в туалет прямо

как ты сказала. Конечно, мне приходится помнить о том, чтобы держать дверь распахнутой, но, когда я забываю, он напоминает мне: стоит перед ней и орет.

— Похоже, вы неплохо ладите.

— Да, все просто прекрасно. А скажи-ка мне вот что. Как его звали до того, как он стал Раффлсом?

— Я что-то не понимаю…

— «Я что-то не понимаю». Это был последний штрих, да? Ты ждала, когда я размякну, и швырнула в меня этой кличкой, словно coup de foie gras[2]. «Его зовут Раффлс, но ты всегда можешь поменять ему имя». Откуда появился этот кот?

— Я же уже говорила. Мой клиент, он фотографирует для модных журналов… У него совершенно шикарный ирландский водяной спаниель, так вот, он рассказал мне про своего приятеля: у него началась астма, и он чуть с ума от горя не сошел, когда аллерголог настоял, что от кота надо избавиться.

— И что случилось потом?

— Тогда у тебя возникла проблема с мышами, поэтому я пошла и забрала кота, и…

— Нет.

---

[2] Примечания: 2

Игра слов: coup de grace — «смертельный удар, прекращающий страдания» и foie gras — фуа гра, паштет из гусиной печени.

— Нет?

Я покачал головой:

— Ты чего-то недоговариваешь. Стоило мне лишь заикнуться о мышах, как ты выскочила на улицу, словно тебе хвост подпалили. Даже на секунду не задумалась. И тебе хватило двадцати минут, чтобы достать кота, посадить его в переноску и вернуться. Как ты провела эти двадцать минут? Давай-ка подумаем. Сначала ты вернулась на «Фабрику Пуделей», нашла номер своего клиента, модного фотографа, позвонила ему, спросила, как зовут его аллергичного друга. Потом, видимо, ты позвонила другу, представилась и договорилась встретиться у него дома и забрать животное, а затем…

— Перестань.

— Ну?

— Кот был у меня дома.

— Что же он там делал?

— Он там жил, Берн.

Я нахмурился.

— Я видел твоих кошек. Я их знаю уже много лет. Я бы узнал их, с хвостом или без хвоста. Арчи — вороная бурма, а Уби — русский голубой. Ни один из них не похож на серого полосатика, ну разве что в свете луны в темном переулке.

— Он жил *вместе* с Арчи и Уби.

— С какого времени?

— Да так, недолго.

На минуту я задумался.

— Не сказать, чтобы очень уж недолго. Потому что он прожил у тебя достаточно, чтобы научиться этому фокусу с туалетом. Такое за пару дней не постигнешь. Вспомни хотя бы, сколько времени это занимает у людей. Так как он научился? У твоих кошек, да?

— Наверное.

— И это заняло не день или два? Так?

— Я чувствую себя подозреваемой. Будто меня допрашивают с пристрастием.

— Допрашивают? Да тебя надо на углях поджарить с пристрастием. Ради всего святого, ты подставила меня, обремизила! Как долго Раффлс жил у тебя?

— Два с половиной месяца.

— Два с половиной месяца!

— Ну, может, и около трех.

— Три месяца! Невероятно. И сколько раз я приходил к тебе за это время? По меньшей мере восемь или десять. Ты хочешь сказать, что я смотрел на кота и даже не замечал его?

— Когда ты приходил, я обычно запирала его в

другой комнате.

— В какой другой комнате? У тебя же она одна.

— Я запирала его в шкафу.

— В шкафу!!!

— Ага. Чтобы ты его не видел.

— Но почему?

— По той же причине, по которой я никогда не упоминала о нем.

— И по какой же? Я не понимаю. Ты его стыдилась? Что с ним не так?

— С ним все так.

— Потому что, если этот кот замешан в чем-то постыдном, я не уверен, что хочу держать его в своем магазине.

— Ни в чем он не замешан. Он совершенно нормальный кот. Надежный, преданный, услужливый, дружелюбный…

— Галантный, добрый, — продолжил я. — Послушный, жизнерадостный, экономный. Настоящий бойскаут, не так ли? Так почему же тогда, черт побери, ты скрывала его от меня?

— Не только от тебя, Берн, честно. Я ото всех его скрывала.

— Но, Кэролин, почему же?

— Мне и говорить-то об этом не хочется.

— Боже правый, да ладно тебе.

Она перевела дух.

— Потому что, — мрачно начала она, — он был Третьим Котом.

— Ты меня запутала.

— О Боже. Как же это объяснить? Берни, ты должен кое-что понять. Для женщины кошки могут быть очень опасны.

— Ты вообще о чем?

— Начинается с одной. Тут никаких проблем, никаких опасностей, все в порядке. Но потом ты берешь еще одну кошку — и на самом деле все становится даже лучше, вдвоем им веселей. Забавно, но двух кошек держать легче, чем одну.

— Поверю тебе на слово.

— А потом появляется третья, и это тоже ничего, справиться можно, но оглянуться не успеешь, как возьмешь четвертую. И все — ты уже пропала, уже совершила это.

— Совершила что?

— Переступила черту.

— Какую черту? Как ты ее переступила?

— Ты стала Женщиной С Кошками.

Я кивнул. Кое-что начало проясняться.

— Ты ведь знаешь, о каких женщинах я говорю, — продолжила она. — Они повсюду. У них нет друзей, они почти не выходят на улицу, а когда

умирают, то в их доме обнаруживают тридцать или сорок кошек. Или они запираются в квартире с тридцатью или сорока кошками, и соседи судятся с ними из-за грязи и вони. А иногда они кажутся абсолютно вменяемыми, но случись пожар или залезь к ним вор, и правда выходит наружу. Они — Женщины С Кошками, Берни, и я не хочу превращаться в одну из них.

— Ясно, — ответил я. — Понимаю, почему. Но…

— С мужчинами, кажется, такого не случается. У многих мужчин живут по две кошки, а может, даже три или четыре, но ты хоть раз слышал о Мужчине С Кошками? В том, что касается кошачьих, мужчины знают, когда остановиться. — Она нахмурилась. — Забавно, не так ли? Во всем остальном…

— Давай не будем отвлекаться от темы, — предложил я. — Так как случилось, что Раффлс остался проживать в твоем шкафу? И как его звали до того, как он стал Раффлсом?

Она потрясла головой:

— И не вспоминай, Берн. Кличка была отвратительная, если уж ты меня спрашиваешь. Вообще не подходит для кота. А что касается того, как я получила Раффлса… все было почти так, как я и рассказала, ну разве что упустила пару деталей.

Моего клиента зовут Джордж Брилл. Я стригу его ирландского водяного спаниеля.

— И у его друга аллергия на кошек.

— Нет, это у самого Джорджа аллергия. Когда они с Фелипе съехались, кота пришлось отдать. Собака с кошкой ладили неплохо, но Джордж все время чихал и тер глаза, поэтому Фелипе надо было отказаться либо от него, либо от кота.

— И Раффлс остался не у дел.

— Фелипе и так-то был не очень к нему привязан. На самом деле это был даже не его кот. Хозяином был Патрик.

— А Патрик откуда взялся?

— Из Ирландии. Он не смог получить грин-карту, да ему тут и не особо нравилось. Возвращаясь домой, он оставил кота у Фелипе, потому что не смог провезти его через таможню. Фелипе был рад приютить животное у себя, но когда они сошлись с Джорджем, то от кота пришлось отказаться.

— И почему они выбрали именно тебя?

— Джордж обхитрил меня.

— И что же он сказал? Что «Фабрика Пуделей» кишит мышами?

— Нет, он прибегнул к постыдному эмоциональному шантажу. Так или иначе, метод сработал. И вот у меня уже появился Третий Кот.

— А что подумали об этом Арчи и Уби?

— Они мне не рассказывали, но, если судить по невербальным признакам, это было что-то вроде: «Ну вот и пропал наш квартал». Не думаю, что вчера, когда я засунула Раффлса в коробку и унесла, они очень уж огорчились.

— Но все эти три месяца он жил у тебя, а ты и словом не обмолвилась.

— Я собиралась рассказать тебе, Берн.

— Когда?

— Рано или поздно. Но я боялась.

— Боялась того, что я подумаю?

— Не только этого. Я боялась того, что означает Третий Кот. — Она издала горестный вздох. — Все эти Женщины С Кошками. Они же не планировали становиться такими. Просто взяли себе кошечку, потом еще одну, потом еще — и незаметно для себя сгинули.

— А может, они и так были немножко чокнутыми, тебе так не кажется?

— Нет, — ответила она. — Не кажется. Ну, то есть да, порой, может, живет себе и живет какая-нибудь несильно помешанная дамочка, а потом внезапно по самые подмышки оказывается в котах. Но большинство Кошачьих Женщин поначалу абсолютно нормальны. Конечно, под конец

у них едут шарики за ролики, но это все из-за тридцати или сорока кошек. Болезнь подступает незаметно, даже не успеешь понять, как уже летишь вверх тормашками в пропасть.

— И дело тут в Третьем Коте, что ли?

— Именно. Берн, в некоторых примитивных культурах нет чисел в нашем привычном понимании. У них есть слово для обозначения числа «один», слова для понятий «два» и «три», но за ними идет просто «больше трех». В нашей культуре это ксается кошек. У тебя может быть одна кошка, две кошки, даже три, но потом — только «больше трех».

— И ты — Женщина С Кошками.

— Ты ухватил самую суть.

— Ухватил. Это твоего третьего кота я ухватил. То есть ты поэтому никогда не упоминала о нем? Потому что всю дорогу собиралась сплавить мне этого спиногрыза?

— Нет, — быстро ответила она. — Богом клянусь, Берн. За все те годы, что мы знакомы, тема кошек и собак всплывала пару раз, и ты всегда говорил, что не хочешь никого заводить. Я хоть раз уговаривала тебя?

— Нет.

— Я верила тому, что ты говоришь. Порой мне

приходило в голову, что тебе бы жилось легче, будь у тебя животное, которое ты мог бы любить. Но я держала рот на замке. Мне даже не приходило в голову, что ты можешь нанять кошку на работу. А потом, когда узнала, что у тебя проблемы с грызунами…

— У тебя уже было готовое решение.

— Ну да, естественно. И отличное решение, согласись! Разве у тебя не потеплело на сердце, когда сегодня утром Раффлс встретил тебя в магазине?

— Было неплохо, — признал я. — Во всяком случае, он был жив. А я уже напредставлял себе, как он лежит лапками кверху, а вокруг сужается огромное мышиное кольцо.

— Ну, вот видишь. Ты беспокоишься о нем, Берн. Оглянуться не успеешь, как полюбишь этого парнишку.

— И не надейся. Кэролин… Так как же его звали, пока он не стал Раффлсом?

— Забудь уже. Тупая кличка.

— Ну скажи.

— Это обязательно? — Она вздохнула. — Ну хорошо. Его звали Андро.

— Андре? Ну и что тут такого тупого. Андре Моруа, Андре Мальро, Андре Агасси… Все как-то

выжили с этим именем.

— Не Андре, Берн. Андро.

— Андре Ситроен, Андре Ампер… не Андре? Андро?

— Ага.

— И что это? Греческий вариант имени «Андрей»?

Она потрясла головой.

— Это сокращение от «андроген».

— Ого.

— Смысл в том, что операция внесла некоторую неопределенность в половую принадлежность кота.

— Ого.

— И, мне кажется, то же самое можно сказать и про Патрика, хотя хирурги тут и ни при чем.

— Ого.

— Сама я никогда не звала его «Андро». Честно говоря, я вообще никак его не звала. Не хотела давать ему новую кличку, потому что это бы значило, что я хочу оставить его у себя, и…

— Понимаю.

— А потом, по дороге в твой магазин, меня словно осенило. Раффлс.

— Как рафты, на которых сплавляются по реке. Помню-помню.

— Не презирай меня, Берн.

— Постараюсь.

— Поверь, приятного было мало — три месяца жить во лжи.

— Думаю, теперь, когда Раффлс вышел из шкафа, всем станет легче.

— Уверена, так и будет. Берн, я не хотела обманом вынуждать тебя брать этого кота.

— Разумеется, хотела.

— Нет, неправда. Я просто хотела максимально облегчить вам первое время вместе. Я знала, что ты души в нем не будешь чаять, когда узнаешь его поближе. И мне казалось, что я готова на все, лишь бы вы преодолели первые затруднения… Готова пойти на небольшой подлог, чтобы…

— Завраться до потери пульса, ты хотела сказать.

— Ради благого дела. В душе я пеклась исключительно о твоих интересах, Берн. О твоих — и интересах кота.

— И о собственных интересах тоже.

— Ну да, — призналась она, ослепительно улыбнувшись. — Но ведь сработало же, признайся! Берн, ты должен признать, что все вышло как нельзя лучше.

— Посмотрим, — ответил я.

Лоуренс Блок неоднократно становился лауреатом премий Эдгара По, *Shamus* и «Мальтийский Сокол»; Гильдия детективных писателей Америки присудила ему титул Грандмастера. Франция и Великобритания посчитали его достойным награды за особый вклад в литературу. Он не мыслит себе жизни без Нью-Йорка и обожает путешествовать по миру.

Протагонист миниатюры «Взломщик обзаводится котом» — на самом деле это отрывок из романа «Взломщик, который торговал Тедом Уильямсом» («The Burglar Who Traded Ted Williams») — Берни Роденбарр — владелец книжного магазина и по совместительству взломщик. Блок написал о нем серию из десяти (пока что десяти) комических романов. У автора кошек нет.

Белая кошка
Джойс Кэрол Оутс

Жил да был однажды не стесненный в средствах джентльмен, который в возрасте около пятидесяти шести лет воспылал ненавистью к белой персидской кошке, которая принадлежала его жене.

Его отвращение к кошке было тем загадочней (и ироничней), что он сам подарил ее жене еще котенком. Это случилось много лет назад, когда они только поженились. И он сам дал кошке имя: Миранда. В честь его любимой шекспировской героини.

Особая ирония была еще и в другом: он не был из породы людей, подверженных нелогичным эмоциональным порывам. За исключением собственной супруги (на которой он женился поздно; для него это был первый брак, для нее — второй), он никого особенно не любил, а ненависть и вовсе посчитал бы чувством ниже собственного достоинства. Разве есть люди, к которым нужно относиться столь серьезно? Свобода в средствах также обеспечивала ему и свободу духа, неиз-

вестную большей части человечества.

Джулиус Мьюр был человеком хрупкого телосложения с глубоко посаженными печальными глазами неопределенного цвета; волосы его редели, седели и становились похожими на младенческий пушок. Его длинное лицо в морщинах, по словам одного знакомого, словно вырезали из камня (причем знакомый этот отнюдь не желал банально польстить). Слепленный по старому американскому рецепту, он не был подвержен колебаниям и порывам так называемого «своего я»: он знал, кем был; знал, кем были его предки, и считал эти вопросы не особенно интересными. Учился он, что в Америке, что за океаном, с удовольствием, присущим скорее любителю, нежели ученому, но он и не хотел носиться со своим образованием. В конце концов, лучшая школа — это сама жизнь.

Мистер Мьюр бегло говорил на нескольких языках и строил фразы с излишней педантичностью, словно переводя свои мысли на некое всеобщее наречие. Он держался сдержанно и застенчиво, и в этом не было никакого тщеславия или гордости, но и бессмысленного самоуничижения тоже. Он был коллекционером (интересовался преимущественно редкими книгами и монета-

ми); к фанатизму некоторых из товарищей по увлечению он относился с изумленным презрением. Поэтому неожиданная ненависть, которую он стал испытывать к жениной кошке, удивляла его и поначалу даже забавляла. А может, пугала? Он определенно не знал, что и подумать!

На ранней стадии неприязнь походила на безобидное раздражение из-за домашних неурядиц. Полуосознанно он чувствовал, что такое уважение в обществе — а его несомненно ценили как человека влиятельного и знатного, каковым он и являлся, — должно являться залогом подобного же отношения и у себя дома. Не то чтобы он пребывал в наивном заблуждении и не знал, что кошки выражают свои предпочтения, не обременяя себя чувством такта и деликатностью, этими измышлениями человеческого разума. Но кошка росла, становилась все более привередливой и избалованной, и стало ясно, что в качестве объекта ее привязанности он избран не был. Конечно, любимицей ее была Алисса; за нею следовала пара слуг. Но зачастую случалось, что даже какой-нибудь незнакомец, впервые забредший в дом Мьюров, завоевывал капризное сердце Миранды — или, во всяком случае, казалось, что завоевывал. «Миранда! Иди сюда!» — порой звал

ее мистер Мьюр. Голос его звучал мягко, но властно; обращался он с кошкой, по правде сказать, со смехотворным почтением — и в такие моменты Миранда чаще всего окидывала его долгим равнодушным взглядом и оставалась сидеть на месте. «Что за глупец, — казалось, думала она. — Ухаживать за той, что ценит его так мало!»

Если он пытался взять ее на руки — если пытался, словно в порыве шутливости, подчинить ее себе, — она вырывалась с такой силой, словно ее схватил чужак. Как-то, извиваясь в его руках, она случайно оцарапала ему тыльную сторону ладони; на рукаве смокинга осталось бледное кровавое пятнышко.

— Джулиус, ты порезался? — спросила Алисса.

— Нет-нет, все в порядке, — отозвался он, прикладывая носовой платок к царапинам.

— Я думаю, Миранду взволновало общество, — сказала Алисса. — Ты же знаешь, какая она чувствительная.

— Да уж, это мне известно, — мягко ответил мистер Мьюр и подмигнул гостям. Но кровь стучала у него в висках, и он думал, что задушил бы кошку своими собственными руками, — если был бы человеком, способным на такие поступки.

Еще сильнее бесило его то, насколько отвра-

щение к нему вошло у кошки в привычку. Когда они с Алиссой сидели вечерами вместе по углам дивана и читали, Миранда часто вскакивала ей на колени безо всякого приглашения, но от его прикосновения вся брезгливо сжималась. Он признался, что его это обижает. Признался, что его это забавляет.

— Боюсь, что больше не нравлюсь Миранде, — сказал он печально. (Хотя на самом деле теперь и вспомнить не мог, было ли время, когда он нравился кошке. Может, когда она была совсем еще неразборчивым котенком?)

Алисса рассмеялась и сказала, точно извиняясь:

— Конечно, ты ей нравишься, Джулиус. — Миранда у нее на коленях издавала громкое сладострастное мурлыканье. — Просто… Ну ты же знаешь, как бывает с кошками.

— Да уж, теперь узнаю понемногу. — Мистер Мьюр слабо улыбнулся. Улыбка получилась натянутая.

И он чувствовал, что и правда узнаёт что-то — хотя и не смог бы дать этому определения.

Он не мог сказать, что именно натолкнуло его на мысль — а вернее, на фантазию даже — об убийстве Миранды. Однажды он смотрел,

как она трется о ноги режиссера (приятеля жены) и распутно выставляет себя напоказ перед небольшим кружком гостей (даже те из них, кто обычно испытывает к кошкам неприязнь, не могли устоять перед ее чарами — принимались восклицать, гладить ее, чесать за ушком и ворковать, как последние идиоты). Мистер Мьюр поймал себя на мысли, что он принес кошку в дом по собственному волеизъявлению и отдал за нее приличные деньги, а потому она должна находиться в его распоряжении. Действительно, чистокровная персидская кошка была ценным домашним имуществом — имуществом в доме, где ничто не приобреталось по случайности или задешево, — и Алисса ее просто обожала. Но все равно она принадлежала именно мистеру Мьюру. И только он мог решать, жить ей или умереть. Правда ведь?

— Какое красивое животное! Это самец или самка? — обратился к мистеру Мьюру один из его гостей (хотя, по правде сказать, это был гость Алиссы; вернувшись к театральной карьере, она обзавелась новым, широким и довольно неразборчивым в связях кругом знакомых). На пару секунд он задумался над ответом. Вопрос запечатлелся в нем глубоко, точно какая-то загадка.

Это самец или самка?

— Конечно, самка, — любезно ответил мистер Мьюр. — В конце концов, ее зовут Миранда.

Как же ему действовать? Подождать, пока у Алиссы начнутся репетиции очередной пьесы, или действовать быстро, пока не угасла решимость? Алисса была актрисой не первого порядка, но ее уважали; в сентябре на Бродвее выходила новая постановка, и она выступала в качестве замены для главной женской роли. И как ему осуществить задуманное? Он бы не смог задушить кошку, не смог бы заставить себя сделать что-то, для чего потребна такая явная и открытая жестокость. Маловероятно было, что он, словно бы по случайности, переедет ее на машине (хотя это было бы счастливым исходом). Одним вечером в середине лета хитрая шелковистая Миранда сумела пробраться на колени к Албану, новому другу Алиссы (режиссер, писатель, актер — талантам его не было числа). Зашел разговор о громких убийствах, о ядах. И мистер Мьюр подумал просто: «Ну конечно. Яд».

На следующее утро он пошарил у садовника в сарае и нашел там, на дне пятикилограммового мешка, остатки белого зернистого «крысиного» яда. Прошлой осенью их замучили мыши,

и садовник установил на чердаке и в подвале ловушки. (Так как мыши определенно исчезли, мистер Мьюр предположил, что эксперимент прошел успешно.) Самое оригинальное в этом яде было то, что он вызывал сильную жажду: проглотив приманку, отравленное существо отправлялось на поиски воды, уходило из дома и умирало где-то вне его стен. Сильно ли мучились животные, мистер Мьюир не знал.

В воскресенье по вечерам слуги уходили из дома, и он сумел этим воспользоваться: оказалось, что, хотя репетиции еще не начались, Алисса все же проведет несколько дней в городе. Поэтому мистер Мьюр сам покормил Миранду в углу кухни, где она имела обыкновение принимать пищу. Яда он подмешал ей в ее обычный корм щедро, целую чайную ложку. (Какая же она была избалованная! С тех пор как они взяли ее двухмесячным котенком, ей давали особо питательным корм, который был богат белками и витаминами, да еще и дополняли ее рацион сырой рубленой печенкой, куриными потрохами и Бог знает чем еще. К сожалению, мистер Мьюр должен был признать, что он тоже приложил руку к тому, что кошка так избаловалась.)

Миранда, как обычно, ела жадно, но при этом

жеманилась, словно не осознавая, что ее хозяин тоже тут, — не осознавая или не чувствуя за это благодарности. Он вполне мог быть слугой; вполне может быть — его и просто тут нет. Если она и почувствовала что-то неладное — например, что ее поилку забрали и не вернули, — то, как и подобает аристократам, не подала вида.

Мистер Мьюр наблюдал, как Миранда методично травится. Чувствовал он при этом не восторг, как ожидал, и даже не удовлетворение от того, что несправедливость была исправлена, что правда, хоть и сомнительной ценой, восторжествовала, — его охватило глубокое сожаление. Он не сомневался, что избалованное создание заслуживает смерти; в конце концов, какие бесчисленные жестокости за свою жизнь кошка успевает сотворить с птицами, мышами и кроликами! Но ему показалось очень печальным, что именно он, Джулиус Мьюр — человек, который так дорого заплатил за нее и тоже гордился ею, — оказался по необходимости в роли палача. Однако кто-то должен был это сделать, и хотя, возможно, он уже и забыл зачем, но помнил, что он, и только он сам, был предназначен для этого судьбой.

Незадолго до того к ужину явились несколько

гостей. Они расположились на террасе, и тут Миранда белым пятном выпрыгнула из ниоткуда и прошлась по садовой ограде — хвост вздымался, словно плюмаж, шелковистый воротник топорщился вокруг высоко поднятой головы, золотые глаза блестели.

— Это Миранда! Она пришла поздороваться с вами. Ну разве не красавица! — радостно воскликнула Алисса. Казалось, ей никогда не надоест восторгаться красотой кошки. (Эдакий безобидный нарциссизм, как предполагал мистер Мьюр.) Раздались привычные похвалы, или, скорее, привычная лесть; кошка облизала свою шерстку, полностью осознавая, что является центром внимания, а затем с какой-то дикой грацией отпрыгнула и побежала вниз по крутым каменным ступенькам, что вели к реке. Мистер Мьюр подумал, что понимает, почему Миранда представляет из себя столь необычайно интересный феномен. Она воплощала собой красоту, одновременно бесполезную и необходимую; красоту, которая была подделкой (если вспомнить о ее породе), и все же (если вспомнить о том, что она все-таки была существом из плоти и крови) совершенно естественной: она воплощала собой Природу.

Хотя была ли природа всегда и неизменно естественной?

Теперь, когда белая кошка закончила свою трапезу (оставив добрую четверть на тарелке, как и всегда), мистер Мьюр сказал вслух, и в голосе его безграничное сожаление мешалось с удовольствием: «Но красота тебя не спасет».

Кошка помедлила и подняла на него свой пустой немигающий взор. На секунду он застыл в ужасе: она знала? она уже знала? Ему казалось, что никогда прежде она не выглядела так восхитительно: такой безупречно белый шелковистый мех, такой пышный воротник, будто его только что причесали. Такая вздорная курносая мордашка… Длинные жесткие усы… Изящные ушки стоят торчком, будто она все понимает. И, конечно, эти глаза…

Его всегда завораживали глаза Миранды. Рыжевато-золотистые, они обладали загадочной способностью загораться будто по ее желанию. По ночам, разумеется, — они отражали блеск луны или свет фар его собственной машины, когда он возвращался домой, — глаза ее сияли, точно сами были лучами.

— Это Миранда, как думаешь? — спрашивала, бывало, Алисса, глядя на пару вспышек в высокой

траве у дороги.

— Возможно, — отвечал ей мистер Мьюр.

— Ах, она ждет нас! Как мило с ее стороны! Она ждет, когда мы вернемся домой! — с детским воодушевлением восклицала Алисса.

Мистер Мьюр сомневался, что кошка даже заметила их отсутствие, а уж тем более ожидала возвращения, и в ответ молчал.

Было и еще кое-что в кошачьих глазах, что мистеру Мьюру всегда казалось неестественным: зрачок, такой удивительно чуткий к степени освещения, к оттенкам эмоций, что сужался до размеров бритвенного лезвия и расширялся так, что почти заполнял весь глаз… Сейчас, когда она смотрела на него, зрачки у нее были такие огромные, что цвета глаз практически не было видно.

— Нет, красота тебя не спасет. Ее недостаточно, — тихо сказал мистер Мьюр. Дрожащими пальцами он открыл дверь-ширму и выпустил кошку в ночь. Проходя мимо него — вот уж своенравное создание, в самом деле! — она легонько потерлась о его ногу, как не делала уже многие месяцы. А может, годы?

Алисса была на тридцать лет младше мистера Мьюра, но выглядела еще моложе: миниатюрная женщина с огромными, очаровательными

карими глазами. Светлые волосы до плеч. Оживленные — хоть и, возможно, несколько лихорадочные — манеры вжившейся в роль инженю. Актрисой она была второстепенной, и амбиции у нее тоже были второстепенные, как она сама откровенно признавалась. В конце концов, серьезная актерская игра — это адов труд, и это в том случае, если справишься с бешеной конкуренцией.

— И потом, Джулиус так хорошо обо мне заботится, — говорила обыкновенно она, продевая руку под его локоть или на секунду кладя голову ему на плечо. — У меня здесь есть все, что нужно, правда…

Под этим она подразумевала загородный участок, который Джулиус купил для нее, когда они только поженились. (Конечно, еще у них была квартира на Манхэттене, в двух часах езды на юг, но мистер Мьюр постепенно проникся неприязнью к городской жизни — она действовала ему на нервы, словно скрежет кошачьих когтей по оконной сетке, — и теперь редко туда наведывался.) До того как выйти замуж за мистера Мьюра, Алисса периодически выступала в разных спектаклях под своей девичьей фамилией, Хоут, и так продолжалось восемь лет. О своем первом браке,

который она, на свою беду, заключила в возрасте девятнадцати лет с известным (в том числе скандально известным) голливудским актером, ныне уже покойным, Алисса предпочитала не говорить подробно. А мистер Мьюр и не стремился спрашивать ее о тех годах. Для него их будто и не существовало.

Когда они познакомились, Алисса решила, как она выражалась, временно отдохнуть от работы. Она успешно выступила на Бродвее, но этот успех долго не продлился. Да и стоило ли оно того — продолжать стремиться к чему-то, добиваться чего-то? Сезон за сезоном выматывающие туры прослушиваний, борьба с новыми лицами, с «многообещающими» юными талантами… Ее первый брак закончился катастрофой, а потом случилось несколько романов разной степени тяжести (сколько именно их было, мистер Мьюр так и не узнал). Теперь, возможно, настало время поплыть по течению частной жизни. И вот явился Джулиус Мьюр: немолодой, не особенно привлекательный, но состоятельный, хорошего воспитания и без ума в нее влюбленный. Ну и вот.

Конечно, мистер Мьюр был ею ослеплен. У него были время и средства ухаживать за ней более

усердно и неутомимо, чем кто-либо ухаживал за ней за всю ее жизнь. Казалось, он видит в ней черты, недоступные взору остальных; для человека столь сдержанного и молчаливого он обладал воображением чрезвычайно богатым, почти лихорадочно живым и невероятно льстящим ей. И, как он экстравагантно уверял, для него не было ничего плохого в том, что он любит ее больше, чем она его, — хотя Алисса и возражала, что в самом деле его любит. Неужели она бы вышла за него, если б не любила?

Несколько лет они неопределенно заговаривали о том, чтобы «обзавестись семьей», но из этого ничего не вышло. То у Алиссы было слишком много дел, то здоровье не позволяло, то они путешествовали, а еще порой мистер Мьюр беспокоился о том, как повлияло бы появление ребенка на их отношения. (Естественно, у Алиссы оставалось бы меньше времени на него самого, так?) Время шло, и он начал терзать себя мыслями о том, что умрет, оставшись без наследника, то есть без ребенка, но уже ничего нельзя было поделать.

Они вели активную светскую жизнь; они были на удивление *занятыми* людьми. И, в конце концов, у них оставалась их восхитительная

персидская кошка.

— Миранда перенесла бы моральную травму, если бы в доме завелся младенец, — говорила Алисса. — Мы не можем с ней так поступить.

— Естественно, не можем, — соглашался мистер Мьюр.

А затем, совершенно внезапно, Алисса решила вернуться на сцену. К своей «карьере», как она серьезно называла работу, словно та была явлением, никак от нее не зависящим, безликой силой, которой бесполезно сопротивляться. И мистер Мьюр был рад за нее, очень рад. Он гордился профессионализмом жены и совсем не ревновал ее к все расширяющемуся кругу друзей, знакомых и коллег. Он не ревновал к ее братьям и сестрам по сцене: Рикке, Марио, Робин, Сибил, Эмилю — в этом порядке — и теперь к Албану с его карими глазами, что сияют так влажно, и живой мягкой улыбкой. Он не обижался, что она так много времени проводит вне дома, а когда все-таки приезжает, долго сидит в комнате, которую они окрестили ее студией, с головой погруженная в работу. В зрелые годы Алисса Хоут приобрела некую полнокровную добросердечность, благодаря которой у нее появилось особое сценическое обаяние, хотя роли ее свелись к

довольно однотипным — таким, которые неизбежно доставались актрисам постарше, как бы красивы они ни были. И еще все в один голос утверждали, что она стала играть гораздо лучше, гораздо тоньше.

Мистер Мьюр в самом деле гордился ею и радовался за нее. А если порой и испытывал смутную обиду — да даже не обиду, а легкий привкус печали о том, как их жизнь распалась на две отдельные, — он был слишком хорошо воспитан, чтобы как-то это проявлять.

— Где Миранда? Ты видел ее сегодня?

Наступил полдень, потом четыре дня; уже почти спустились сумерки, а Миранда все не возвращалась. Почти весь день Алисса была занята телефонными разговорами, казалось, телефон не переставал звонить ни на секунду, и лишь постепенно осознала, что кошки нет слишком долго. Она вышла на улицу покликать ее, послала на поиски слуг. И, естественно, мистер Мьюр предложил свою помощь — бродил по участку и выходил в лес, и звал высоким дрожащим голосом, сложив руки рупором: «Кис-кис-кис-кис! Кис-кис-кис!» Какое жалкое, какое глупое, какое бессмысленное занятие! И все же он вынужден был так поступать, ибо именно это он бы и делал,

если бы был невиновен. Джулиус Мьюр, самый внимательный из мужей, бродит по лесу в поисках жениной персидской кошки…

Бедная Алисса, подумал он. Несколько дней она будет совсем убита горем — а может, несколько недель даже?

Он сам тоже будет скучать по Миранде — по крайней мере, по ее присутствию в доме. В конце концов, этой осенью стукнуло бы десять лет, как она живет с ними.

Ужин в тот вечер проходил вяло и как-то скованно. И не только потому, что Миранда пропала (Алисса, казалось, была обеспокоена совершенно искренне и даже чрезмерно), но еще и из-за того, что мистер Мьюр с женой ужинали в одиночестве: накрытый на двоих стол казался почти нарушением какого-то эстетического принципа. И как неестественна эта тишина… Мистер Мьюр попытался было завести разговор, но голос его вскоре смолк в виноватом молчании. Посреди ужина Алисса встала, чтобы ответить на телефонный звонок (разумеется, из Манхэттена: ее агент, режиссер, Албан или подруга — звонок был срочным, на другие миссис Мьюр в столь поздний час не отвечала). Мистер Мьюр, поникший и обиженный, закончил одинокую трапезу словно

под гипнозом, не чувствуя вкуса еды. Он припомнил предыдущую ночь — ядовитый аромат кошачьего корма, зернистые белые крупинки; то, как хитрое животное подняло на него взгляд, то, как она потерлась о его ногу в запоздалом жесте, который выражал… что? Ласку? Упрек? Насмешку? Он почувствовал новый укол совести, и еще более ощутимо укололо его приземленное чувство удовлетворения. Он посмотрел вверх и заметил, как что-то белое осторожно передвигается по садовой ограде…

Конечно, то была Миранда. Она возвращалась домой.

Он уставился на нее, потрясенный. Он все смотрел, не произнося ни слова, и ждал, когда видение рассеется.

Медленно, словно в оцепенении, он поднялся на ноги, и голосом, который должен был звучать торжествующе, позвал Алиссу (она была в соседней комнате):

— Алисса! Дорогая! Миранда вернулась домой!

И в самом деле, Миранда была там; в самом деле, именно Миранда всматривалась в столовую с террасы, и глаза ее сияли желтым золотом. Мистер Мьюр дрожал, но мозг его стремительно впитывал в себя этот факт и пытался найти

какой-то разумный довод, чтобы объяснить случившееся. Должно быть, ее вырвало ядом. Да, так и было! Или отрава потеряла свою силу, пролежав всю зиму в сырости и холоде сарая.

Ему еще придется встряхнуться, поспешить к раздвижной двери и впустить белую кошку, но голос его слабо дрожал от возбуждения:

— Алисса! Хорошие новости! Миранда вернулась домой!

Радость Алиссы была столь безграничной, да и сам он чувствовал такое искреннее облегчение, что, поглаживая похожий на плюмаж хвост Миранды (Алисса восторженно сжимала питомицу в объятиях), подумал, что поступил жестоко, эгоистично — и, разумеется, этот поступок совершенно не соответствовал его характеру. Он решил, что Миранда, избежав смерти от руки своего хозяина, заслуживает жизни. Он больше не будет пытаться.

До поздней женитьбы в возрасте сорока шести лет Джулиус Мьюр, как и большинство завзятых холостяков и холостячек определенного темперамента — замкнутые, застенчивые, скорее наблюдатели жизни, чем ее участники, — верил, что семейное положение было семейным вне зависимости от всяких условий, что муж и жена

становятся одной плотью не только в метафорическом смысле. И все же случилось так, что его брак оказался определенно урезанного свойства. Супружеские отношения почти прекратились, и казалось маловероятным, что они возобновятся в будущем. В конце концов, ему скоро исполнится пятьдесят семь. Хотя порой он задавался вопросом: неужели это такая уж старость?

В первые два или три года их брака (когда театральная карьера Алиссы, по ее же словам, находилась в затмении), они делили двуспальную кровать, как и подобает супругам, — во всяком случае, так полагал мистер Мьюр. (Его собственная женатая жизнь мало просветила его насчет того, что такое «обычный брак».) Но время шло, и Алисса начала мягко выказывать недовольство. Она плохо спала из-за того, что мистер Мьюр по ночам вел себя очень «беспокойно»: дергался, ворочался, метался по кровати, что-то восклицал, иногда даже кричал от страха. Когда жена будила его, он не сразу понимал, где находится; затем от души просил прощения и, пристыженный, на цыпочках уходил в другую спальню, где, если ему удавалось, спал до утра. Хотя ситуация эта его расстраивала, мистер Мьюр полностью понимал недовольство Алиссы; он даже полагал, что

бедная женщина с такими удивительно чуткими нервами провела по его вине не одну бессонную ночь, ничего ему не говоря. Это было так похоже на нее: вечно думать о других, делать все возможное, чтобы никого не обидеть.

В результате у них выработался удобный ритуал: когда наступало время ложиться, мистер Мьюр проводил около получаса вместе с Алиссой, а затем осторожно, чтобы ее не разбудить, тихо прокрадывался в другую комнату, где уже мог спокойно проспать до самого утра. (Но только если его не будили кошмары, хотя он и считал, что худшие из них те, от которых он не просыпался.)

Но в последние годы из этого выходило вот что: Алисса постепенно привыкла засиживаться допоздна — читала в кровати, смотрела телевизор или даже время от времени болтала по телефону, — поэтому удобнее всего мистеру Мьюру было, не ложась рядом, поцеловать ее на ночь, а затем отчалить в свою спальню. Порой во сне ему казалось, что Алисса зовет его назад, — проснувшись, он спешил по темному коридору к ее двери и стоял у входа минуту или две в жаркой надежде. В такие минуты он не решался заговорить вслух и шептал: «Алисса? Алисса, милая моя? Ты звала меня?»

Такой же непредсказуемостью и своенравностью, как и кошмары мистера Мьюра, отличалось и ночное поведение Миранды. Временами она сворачивалась уютным комочком у ног Алиссы и мирно спала до рассвета, но порой настаивала, чтобы ее выпустили на улицу, хотя хозяйка обожала, когда Миранда спала с ней в кровати. Было что-то успокаивающее — детская причуда, как признавалась Алисса, — в том, чтобы знать: персидская кошка всю ночь будет рядом, и чувствовать на атласном покрывале в ногах теплый вес живого существа.

Но, естественно — и Алисса сама это признавала — кошку не заставишь делать то, что ей не по душе. «Это кажется преступлением против законов природы», — серьезно говорила она.

Через несколько дней после безуспешной попытки отравления мистер Мьюр ехал домой сквозь ранние сумерки, когда в миле от своего поместья заметил белую кошку. Она неподвижно сидела на встречной полосе, словно завороженная светом фар. Пришла непрошеная мысль: *«Я ее только напугаю немного»,* — и он повернул руль, направляя автомобиль в ее сторону. Золотые глаза загорелись пламенем чистого изумления — а может, это был ужас или узнавание. «Это просто

чтобы восстановить равновесие», — подумал мистер Мьюр, выжимая педаль газа, и помчался прямо на белую персидскую кошку — и сбил ее левым передним колесом как раз тогда, когда она рванула к обочине. Раздался глухой стук, затем кошачий визг — будто она не верила в то, что произошло. И все.

Боже! Вот и все!

Во рту у него пересохло, руки дрожали. В зеркало заднего вида он смотрел на изломанную белую фигурку на дороге; вокруг нее цветком распустилось алое пятно. Он не собирался убивать Миранду, и все-таки на этот раз у него получилось. Но случилось это непреднамеренно, а потому и мук совести он не испытывал.

И теперь дело было сделано — навеки.

— И никакое раскаяние тут не поможет, — медленно, словно в удивлении сказал он.

Мистер Мьюр заехал в деревню, чтобы купить Алиссе лекарство — она была в городе по театральным делам, а потом поздно вернулась домой на переполненной электричке и сразу пошла полежать, опасаясь, что у нее начнется мигрень. Теперь он чувствовал себя лицемером и грубой скотиной: приносить жене таблетки от головной боли, осознавая при этом: узнай она, что он

натворил, и голова у нее заболит в десять раз сильнее. И все же, как бы он смог объяснить ей, что не собирался в этот раз убивать Миранду, что руль будто действовал по своей собственной воле, вырывался из его рук? Ибо именно так вспоминалось происшедшее мистеру Мьюру, когда он спешил домой, все еще дрожа и не в силах оправиться от шока, словно сам был близок к гибели.

Он вспоминал отвратительный кошачий вой, который почти сразу же оборвался, когда произошло столкновение. Почти, но не сразу.

А осталась ли вмятина на решетке его аккуратненькой машины английской сборки? Нет, не осталась.

В самом деле, было ли хоть какое-то доказательство, хоть самое косвенное и невинное? Нет, ни одного.

«Улик нет! Улик нет!» — обрадованно повторял про себя мистер Мьюр, перепрыгивая через ступеньки по пути в спальню Алиссы. Он поднял руку, чтобы постучать в дверь, и услышал, что Алиссе явно стало лучше: вот и еще одно утешение. Она оживленно болтала с кем-то по телефону, даже смеялась своим легким серебристым смехом, который больше всего напоминал ему звон китайских колокольчиков ввечеру под

тихим летним ветерком. Его сердце переполнялось любовью и благодарностью.

Дорогая Алисса, мы будем так счастливы теперь!

А затем случилось нечто совершенно невероятное: когда пришла пора ложиться, белая кошка появилась снова. *Значит, она все-таки не умерла.*

Мистер Мьюр был в спальне Алиссы; они засиделись допоздна за бокалом бренди. Он первым заметил Миранду: кошка взобралась на самую крышу — возможно, по шпалерам, она часто использовала их для этой цели, — и теперь ее приплюснутая морда появилась в окне. Отвратительное повторение сцены, что произошла несколько ночей назад. Мистер Мьюр сидел, пораженный шоком, и Алисса выпрыгнула из кровати, чтобы впустить кошку.

— Миранда! Что за шутки? Ты что собралась делать?

Кошка, естественно, не пропадала надолго, и никто не успел разволноваться, но все равно Алисса приветствовала ее с таким энтузиазмом, словно страшно беспокоилась. И мистер Мьюр — сердце бешено колотилось у него в груди, а душа сжималась от ненависти, — был вынужден участ-

вовать в этом фарсе. Он надеялся, что Алисса не заметит тошнотворного ужаса, что наверняка просвечивал в его взгляде.

Должно быть, это не Миранду он сбил… Конечно, это была не Миранда. Какая-то другая персидская кошка с золотыми глазами, а не его собственная.

Алисса ворковала над этим созданием, гладила ее, приглашала устроиться на ночь на кровати, но через пару минут Миранда спрыгнула и зацарапалась в дверь: она пропустила ужин, она проголодалась, ей достаточно хозяйских ласк. Хозяин смотрел на нее с омерзением, а она не одарила его ни единым взглядом. Теперь он знал, что просто обязан убить ее — хотя бы и просто затем, чтобы доказать себе, что может.

После этого эпизода кошка искусно избегала мистера Мьюра — не просто из ленивого безразличия, как бывало раньше, но остро ощущая, как изменились их отношения. Конечно, она не могла знать, что он пытался ее убить, но почувствовать это она была в состоянии. Возможно, она таилась в кустах у дороги, и когда увидела, как он ведет машину прямо на ее незадачливого двойника и переезжает его…

Мистер Мьюр знал, что это крайне маловероят-

но. Почти невозможно. Но как иначе объяснить поведение кошки в его присутствии — то, как она выказывала (или симулировала) животный ужас? Залезала на сервант, стоило ему войти в комнату, словно боясь попасться ему на пути; вспрыгивала на каминную полку (сбрасывая оттуда, словно нарочно, нефритовую статуэтку, которая разбивалась в очаге на дюжину осколков); неуклюже неслась прочь из комнаты, и ее острые когти царапали паркет. Когда он, сам того не замечая, подходил к ней за пределами дома, она чаще всего шумно удирала по одной из розовых шпалер, или карабкалась на увитую виноградом беседку, или взбиралась на дерево, а порой она, как дикий зверек, скрывалась в кустарнике. Если Алиссе случалось находиться рядом, она неизменно приходила в изумление. Кошка и правда вела себя нелепо.

— Как ты думаешь, может, Миранда больна? — спрашивала Алисса. — Может, нам отвезти ее к ветеринару?

Мистер Мьюр сдержанно отвечал, что им вряд ли удастся поймать ее, чтобы доставить к врачу — во всяком случае, он сомневался, что *у него* это получится.

Временами он порывался признаться в пре-

ступлении — или в покушении — Алиссе. Он убил ненавистное существо, *но она не умерла.*

Одной ночью в самом конце августа мистеру Мьюру приснились сверкающие глаза, лишенные тела. В центре располагались черные-черные зрачки, похожие на старинные замочные скважины: двери, что открывались в Пустоту. Он не мог двинуться, не мог защитить себя. Что-то теплое и пушистое опустилось ему на грудь и удобно там устроилось… И переместилось прямо на лицо! Белая кошачья мордочка с усами прижилась к его рту дьявольским поцелуем, и через секунду из него высосали дыхание!..

— О нет! Спасите! Боже правый!..

Влажная мордочка у самого его рта… Из него высасывают жизнь, а он не может отодвинуть ее от себя — руки словно примерзли к туловищу, все тело онемело, обездвижилось…

— Спасите… *спасите!*

Он проснулся от собственных криков, от испуганного метания по постели. Хотя он сразу понял, что это был лишь сон, все равно продолжал втягивать воздух быстрыми мелкими глотками, а сердце стучало так мучительно, что он боялся, что умрет: а ведь доктор лишь на той неделе серьезно говорил с ним о надвигающемся

кардиологическом заболевании, о возможности остановки сердца! И как странно… у него в жизни еще не было такого высокого давления.

Мистер Мьюр вырвался из плена влажных спутанных простыней и дрожащими пальцами включил лампу. Слава Богу, он был один, и Алиса не видит, как расшалились у него нервы!

— Миранда? — прошептал он. — Миранда, ты здесь?

Он зажег верхний свет. По комнате затанцевали тени, и она перестала казаться ему знакомой.

— Миранда?..

Хитрое, жестокое создание! Зловредная тварь! Подумать только, кошачья морда прикасалась к самым его губам — морда животного, которое пожирало мышей, крыс, всякую лесную погань! Мистер Мьюр пошел в ванную и прополоскал рот, спокойно уговаривая себя, что это был всего лишь сон, что кошка ему привиделась и что Миранды, разумеется, в комнате не было.

И все же ее пушистая теплая тяжесть, вне всяких сомнений, опускалась ему на грудь. Она попыталась высосать из него жизнь, удушить его, сделать так, чтобы он задохнулся, остановить его несчастное сердце. *И это было в ее силах.* «Всего лишь сон», — сказал вслух мистер Мьюр, неуве-

ренно улыбаясь своему отражению в зеркале. (Ох! Подумать только: эта бледная осунувшаяся физиономия — его собственное лицо…) Мистер Мьюр заговорил громко, проговаривая слова с педантичностью ученого: «Глупый сон. Ребяческий сон. Женский сон».

Вернувшись в комнату, он смутно ощутил, будто нечто — неопределенная белая фигура — прошмыгнуло под его кровать. Но когда он встал на четвереньки, чтобы посмотреть, там, естественно, ничего не оказалось.

Тем не менее кое-что ему обнаружить удалось: в высоком ворсе ковра он нашел кошачью шерсть. Белая, довольно жесткая — определенно, это Миранда. Да, совершенно определенно. «А вот и доказательство!» — проговорил он взволнованно. Мистер Мьюр обнаружил небольшую россыпь волосков рядом с дверью и затем, уже у кровати, и того больше, будто животное полежало здесь, перекатываясь с боку на бок (Миранда частенько предавалась этому занятию на террасе) и вытягивая свои изящные лапки с видом совершенного и самозабвенного наслаждения. Мистера Мьюра часто поражало, как роскошна Миранда в подобные минуты: таких радостей плоти (и меха) он и вообразить себе не мог. Еще до того, как их

отношения дали трещину, он порой испытывал желание подбежать к кошке и каблуком ботинка наступить изо всех сил на это нежное бледно-розовое беззащитное брюшко…

— Миранда, где ты? Ты еще тут? — сказал мистер Мьюр. Дыхание у него от волнения сбилось. Несколько минут он сидел на корточках, и теперь, когда попытался распрямиться, у него заныли ноги.

Мистер Мьюр обшарил комнату, но было ясно, что белая кошка исчезла. Он вышел на свой балкон, перегнулся через перила, поморгал в темноту, смутно освещенную луной, но ничего не увидел — перепугавшись, он забыл надеть очки. Несколько минут он стоял, вдыхая влажный и вязкий ночной воздух и пытаясь успокоиться, но вскоре ему стало очевидно: что-то не так. Какое-то глухое бормотание… Был ли это голос? Или голоса?

А затем он увидел: призрачная белая фигура среди кустов. Мистер Мьюр моргнул и уставился на нее, но полагаться на зрение он не мог. «Миранда?..» Звук какого-то суетливого движения над его головой; он поднял голову и увидел еще одну белую тень на крутом склоне крыши: она быстро неслась по кровле. Он застыл в неподвиж-

ности — то ли от испуга, то ли от любопытства, он и сам толком не понимал тогда. Он совершенно не задумывался раньше, что может быть не одна белая кошка, не одна белая персидская кошка — по сути, *не одна Миранда*! «Но, возможно, это-то все и объясняет», — сказал он себе. Он был сильно напуган, но мозг его работал как всегда отлаженно.

Было еще не очень поздно, едва ли час ночи. Тихий звук, который слышал мистер Мьюр, был голосом Алиссы; порой его прерывал легкий серебристый смех. Можно было даже подумать, что с ней в спальне кто-то есть, но, конечно, она просто допоздна заговорилась по телефону, скорее всего, с Албаном — они частенько по-товарищески болтали, беззлобно сплетничая о своих коллегах, общих друзьях и знакомых. Балкон Алиссы выходил на ту же сторону дома, что и у мистера Мьюра, именно поэтому ее голос (или это все-таки были голоса? Мистер Мьюр озадаченно прислушивался) доносился так четко. Окна спальни не светились; должно быть, она разговаривала во тьме.

Мистер Мьюр подождал еще несколько минут, но белая фигура в кустах исчезла. И шиферная крыша тоже была пуста; лунный свет отражался

в ней размытыми мутными пятнами. Он был один. Он решил вернуться в постель, но до этого внимательно осмотрел комнату, чтобы убедиться, что действительно находится в одиночестве. Он запер все окна и дверь и лег, не выключив света, — но заснул сном столь глубоким и самозабвенным, что утром его разбудил стук в дверь. Алисса звала его:

— Джулиус? Джулиус? Милый, что-то случилось?

С изумлением он увидел, что был уже почти полдень; он проспал на четыре часа больше обычного!

Алисса попрощалась с ним в спешке. Скоро должен был приехать лимузин и забрать ее в город; ее не будет несколько следующих вечеров; она переживала о нем, о его здоровье, и надеялась, что все в порядке… «Конечно, все в порядке», — в раздражении сказал мистер Мьюр. Из-за слишком долгого сна он чувствовал себя вялым и бестолковым, сон его вовсе не освежил. Когда Алисса поцеловала его на прощание, казалось, он скорее смирился с поцелуем, чем ответил на него; после ее отъезда ему пришлось бороться с желанием вытереть рот тыльной стороной ладони.

— Помоги нам Бог, — прошептал он.

Потеряв душевный покой, мистер Мьюр постепенно утратил и интерес к коллекционированию. Когда букинист предложил ему редкое издание *Directorium Inquisitorium* в одну восьмую листа, он испытал лишь тень волнения и позволил сокровищу уплыть из его рук — к другому коллекционеру. Спустя всего несколько дней он отреагировал с еще меньшим энтузиазмом, когда ему предложили готическое издание *Belfagor* Макиавелли в одну четверть. «Что-то не так, мистер Мьюр?» — спросил книготорговец. (Они сотрудничали уже четверть века.) «А разве что-то не так?» — отозвался мистер Мьюр с иронией и повесил трубку. Больше ему с этим человеком говорить не довелось.

Финансовыми вопросами он теперь интересовался еще меньше. Перестал отвечать на телефонные звонки джентльменов с Уолл-стрит, управлявших его денежными средствами. Ему довольно было знать, что деньги на месте и всегда останутся на месте; подробности отныне казались ему вульгарными и вызывали скуку.

На третьей неделе сентября случилась премьера спектакля, в котором Алисса дублировала главную актрису. Пьеса получила прекрасные отзывы, а это значило, что жизнь ей предстояла

долгая. Хотя примадонна была в добром здравии и было маловероятно, что она в обозримом будущем пропустит хоть один вечер, Алисса все равно считала, что ей лучше оставаться в городе подольше, и порой не приезжала домой по целой неделе. (Мистер Мьюр не знал, чем она там занимается, как заполняет свои дни и вечера, а прибегать к расспросам не позволяла гордость.) Когда она приглашала мужа присоединиться к ней на выходных (почему бы ему не навестить кого-нибудь из своих букинистов, ведь раньше ему так нравились подобные визиты?), он отвечал просто: «Но зачем? Все, что мне нужно для счастья, у меня есть и здесь, в деревне».

С той памятной ночи, когда Миранда попыталась задушить мистера Мьюра, они еще острее стали ощущать присутствие друг друга. Белая кошка больше не избегала его; напротив, словно в насмешку, она оставалась на своем месте, когда он входил в комнату. Если он подходил, то она ускользала лишь в самый последний момент, чаще всего прижимаясь к полу и уползая по-змеиному. Он ругался; она скалила зубы и шипела. Он громко смеялся, чтобы показать, что она ему совершенно безразлична, она вспрыгивала на буфет, туда, где он не мог ее достать, и устраи-

валась, чтобы блаженно вздремнуть, как умеют лишь кошки. Каждый вечер в назначенный час звонила Алисса; каждый вечер она спрашивала о Миранде, и мистер Мьюр говорил: «Пышет здоровьем и красотой, как и всегда! Жаль, что ты не можешь на нее посмотреть!»

Время шло, и Миранда становилась все более дерзкой и беспечной — возможно, она недооценивала быстроту реакции хозяина. Порой она появлялась у него под ногами, и он почти спотыкался об нее на ступеньках или на пороге; осмеливалась приближаться, когда он стоял с опасным предметом в руке: кухонным ножом, кочергой или тяжелой книгой в кожаном переплете. Раз или два, когда мистеру Мьюру случалось замечтаться за едой (теперь он принимал пищу в одиночестве), она даже вспрыгивала к нему на колени и проносилась по столу, опрокидывая тарелки и стаканы.

— Вот дьявол! — визжал он и размахивал кулаками ей вслед. — Чего ты хочешь от меня?!

Интересно, какие слухи ходили о нем среди слуг на черной лестнице? Интересно, доходили ли эти слухи до Алиссы?

Но вот одной ночью Миранда совершила тактическую ошибку, и мистеру Мьюру все-таки

удалось ее схватить. Она проскользнула к нему в кабинет; он сидел, изучая при свете лампы некоторые из своих самых редких монет (из Месопотамии и Этрурии). Видимо, кошка рассчитывала, что сумеет сбежать через дверь, но мистер Мьюр вскочил с кресла с невероятной, почти кошачьей ловкостью и успел закрыть эту дверь. Что за погоня началась тогда! Что за борьба! Что за безумная игра! Мистер Мьюр схватил кошку, упустил ее, схватил опять, и снова она вырвалась; она в ярости расцарапала ему обе руки и лицо; он вновь ее поймал и стал бить о стену, сжимая окровавленные пальцы вокруг ее горла. Он все давил и давил! Теперь-то она попалась, и никакая сила в мире не заставит его отпустить кошку! Кошка вопила, царапалась, лягалась, отбивалась; казалось, она уже содрогается в предсмертной агонии. Мистер Мьюр навис над ней, глаза его выкатились из орбит и налились безумием, как и у самой кошки. Артерии на лбу пульсировали. «Вот! Теперь ты моя! Вот!» — кричал он. И в тот самый момент, когда белая персидская кошка уже находилась при последнем издыхании, дверь в кабинет мистера Мьюра открылась нараспашку, и появился один из слуг. Он был бледен и словно не верил

своим глазам: «Мистер Мьюр? Что происходит? Мы услышали такой…» — говорил этот кретин. Конечно, Миранда выскользнула из ослабевшей хватки и помчалась прочь.

После этого случая мистер Мьюр, казалось, смирился с тем, что больше такого шанса ему не представится. Дело стремительно близилось к развязке.

На второй неделе ноября, совершенно внезапно, Алисса вернулась домой.

Она бросила свой спектакль, она оставила «профессиональную сцену» и, как с надрывом заявила своему супругу, даже в Нью-Йорке она еще долго не появится.

К своему изумлению, он заметил, что она недавно плакала: глаза ее были необычно яркого цвета и казались меньше, чем он помнил. Даже ее миловидность, казалось, поизносилась, словно другое лицо — жестче и меньше — проступало сквозь привычное. Бедная Алисса! А ведь у нее было столько надежд, когда она уезжала! Однако, когда мистер Мьюр сделал шаг вперед, чтобы обнять ее и утешить, она отшатнулась; даже ноздри ее сузились, словно его запах казался ей противным.

— Прости, — сказала она, не глядя ему в гла-

за. — Мне нехорошо. Больше всего мне хочется побыть одной… просто побыть одной.

Она ушла в свою комнату, в свою постель. На несколько дней она заперлась там и принимала только служанок — и, конечно, свою драгоценную Миранду, когда та снисходила до визита домой. (К своему невероятному облегчению, мистер Мьюр заметил, что на белой кошке не было и следа недавней борьбы. Его разодранные руки и лицо заживали медленно, но, поглощенная собственным горем, Алисса их, похоже, и не заметила.)

В своей комнате, за закрытой дверью, Алисса несколько раз звонила по телефону в Нью-Йорк. Порой казалось, что она плачет в трубку, но, насколько мог судить мистер Мьюр — он был просто вынужден подслушивать, — ни один из звонков не предназначался Албану.

И это значило… а что же это значило? Он вынужден был признаться, что и понятия не имеет; Алиссу спросить он тоже не мог. Спросить — значило выдать себя, признаться в том, что он слушал ее разговоры. Алисса была бы возмущена до глубины души.

Мистер Мьюр посылал в комнату больной Алиссы маленькие букеты осенних цветов, поку-

пал ей шоколадные конфеты, карамель, изящные томики стихов, купил бриллиантовый браслет. Несколько раз он сам появлялся у ее двери — все тот же галантный кавалер, — но она объясняла, что не готова его видеть. Пока не готова. Голос ее был резок, в нем появились металлические нотки, которых мистер Мьюр раньше не слышал.

— Алисса, разве ты не любишь меня? — внезапно воскликнул он.

Наступила неловкая пауза, а затем:

— Конечно, люблю. Но, пожалуйста, уйди и оставь меня в покое.

Мистер Мьюр так переживал за Алиссу, что заснуть ему удавалось лишь на час или два, да и тогда его терзали кошмары. Белая кошка! Мерзкая удушающая тяжесть! Мех у него во рту! И все же, проснувшись, он думал лишь об Алиссе. О том, как, вернувшись домой, она не вернулась к нему.

Он лежал на своей одинокой постели среди спутанных простыней и хрипло рыдал. Однажды утром он погладил подбородок и нащупал щетину: вот уже несколько дней он забывал побриться.

С балкона он порой видел белую кошку, что прихорашивалась на садовой ограде — она была

больше, чем он припоминал. Полностью отошла после его нападения. (То есть если вообще пострадала. Если кошка на садовом заборе была той же самой, что забрела в его кабинет.) Ее белый мех словно горел в солнечных лучах. Ее глубоко посаженные глаза были крохотными золотыми угольками. Мистер Мьюр испытал небольшой шок: какое прекрасное создание!

Хотя, естественно, в следующий миг он понял, кто это был.

Одним дождливым ветреным вечером в конце ноября мистер Мьюр вел машину по асфальтовому шоссе над рекой. Алисса молчала в соседнем кресле. Упорно молчала, думал он. На ней были черная кашемировая накидка и мягкая черная шляпка из фетра, что плотно прилегала к голове и закрывала почти все волосы. Этих вещей мистер Мьюр на ней раньше не видел, и по их стильному аскетизму он догадывался, что она все больше отдаляется от него. Когда он помогал ей выйти из машины, она пробормотала «спасибо» тоном, который подразумевал «Ох, неужели тебе обязательно нужно ко мне прикасаться?» И мистер Мьюр склонился в легком шутливом поклоне, стоя под дождем без головного убора.

А ведь я так любил тебя.

Теперь она не разговаривала с ним. Сидела, отвернув от него свой красивый профиль. Будто завороженная дождем, что хлестал по окну, рябой рекой, которая вспенилась под мостом, порывами ветра, сотрясавшими их машину английской сборки, пока мистер Мьюр все сильнее давил на педаль.

— Так будет лучше, моя дорогая жена, — сказал мистер Мьюр тихо. — Даже если ты и не любишь другого, мне очевидно, что и меня ты не любишь тоже.

От этих торжественных слов Алисса виновато вздрогнула, но в глаза ему все же не посмотрела.

— Дорогая? Ты понимаешь? Так будет лучше. Не пугайся.

Мистер Мьюр все прибавлял скорость, автомобиль все сильнее трясся на ветру, и Алисса зажала рот руками, словно пытаясь заглушить любые возражения; она, не отрываясь, глядела в одну точку, и мистер Мьюр тоже, как завороженный, смотрел на мелькание дороги.

Только когда мистер Мьюр отважно повернул передние колеса машины к дорожной ограде, решимость Алиссы дала слабину: она несколько раз слабо вскрикнула, вжимаясь в сиденье, но и не попыталась оторвать его руки от руля. Так или

иначе, через миг все уже закончилось: машина налетела на ограждение, покрутилась в воздухе (или это только показалось?), упала на каменистый холм, взорвалась пламенем и перевернулась на крышу.

Он сидел в кресле с колесами — в инвалидном кресле! Он думал, что это за прекрасное изобретение, что за гений его создал!

Хотя он был полностью парализован и был не в состоянии передвигать кресло по своему желанию.

И, в любом случае, у него, как у слепца, вообще не было желаний! Он был вполне доволен оставаться на месте, если это место было не на сквозняке. Невидимая комната, в которой он теперь обитал, по большей части приятно обогревалась, но все же время от времени его атаковали непредсказуемые потоки холодного воздуха. Он боялся, что температура его тела не сможет оставаться неизменной под влиянием внешних воздействий.

Он забыл названия многих вещей и особо не горевал. И в самом деле: незнание имени смягчает жажду обладания самой вещью, которая, подобно призраку, кроется за названием. И, разумеется, благодарить за это он во многом должен был

свою слепоту. И он был благодарен!

Слеп, но не безнадежно слеп: ибо он мог видеть (вернее, не мог не видеть) пятна белизны, оттенки белизны, поразительные переходы белого в белое, которые, будто крохотные водовороты, кружились в потоке, что проносился над его головой, то останавливаясь, то продолжая течение. Эта река была лишена формы и очертаний, в ней не было никаких грубых намеков на предметы в пространстве….

Судя по всему, он перенес не одну операцию. Он не знал, сколько именно, и ему это было безразлично. В последние недели с ним заводили серьезные разговоры о еще одной возможной операции на мозге, целью которой (предположительно) было восстановление двигательной функции пальцев на левой ноге, если он правильно все понял. Если бы он мог, он бы рассмеялся, но, с другой стороны, достойное молчание тут было уместней.

Милый голос Алиссы присоединился к всеобщему хору, выступавшему с вялым энтузиазмом, но, насколько ему было ведомо, операция так и не состоялась. Или, если ее и провели, то никакого ощутимого результата она не произвела. Пальцы на левой ноге были так же далеки и так же непо-

движны, как и все прочие члены его тела.

— Как тебе повезло, Джулиус, что появилась другая машина! Ты ведь мог *умереть*!

Судя по всему, Джулиус Мьюр ехал на своем автомобиле в жуткую грозу по узкой дороге Ривер-роуд, что была проложена высоко над берегом; вопреки своему обыкновению, он превысил скорость, потерял управление, врезался в ограждение, которое оказалось слишком хлипким, и перелетел на другую сторону… «Чудом» его выбросило из горящих обломков. Две трети костей в его хрупком теле переломались. Множественные трещины в черепе. Компрессионный перелом позвоночника. Прободение легкого… Вот так Джулиус очутился здесь, в месте своего последнего отдохновения, в этом месте молочно-белого умиротворения — собранный из кусочков, что разлетелись в разные стороны, как осколки лобового стекла.

— Джулиус, дорогой? Ты не спишь?

Знакомый голос с решительными нотками жизнерадостности звучал из тумана, и он пытался подобрать для него имя. Алисса? Или нет, наверно, Миранда? Какое из двух?

Порой, иногда даже в его присутствии, говорили, что однажды его зрение, возможно, частично

восстановится. Но Джулиус Мьюр едва ли это слышал, и едва ли его бы это тронуло. Он жил ради тех дней, когда, пробудившись от дремоты, он чувствовал, как к нему на колени опускается нечто пушистое и теплое — «Джулиус, дорогой, сегодня у тебя особый гость!» — мягкое, но на удивление тяжелое; то, от чего исходил жар, но жар приятный; поначалу кошка вертелась (этим зверькам обязательно надо покружить, определяя самое уютное место, а потом уж усесться), но уже через несколько минут становилась восхитительно расслабленной и принималась ласково массировать его ноги когтями и мурлыкать, а потом погружалась в сон одновременно с ним. Ему бы хотелось, преодолев молочное мерцание, увидеть ее особую белизну; конечно, приятно было бы хоть раз еще почувствовать мягкий, изумительно шелковистый мех. Но он слышал гортанное мелодичное мурлыканье. Он мог ощущать — хотя бы отчасти — теплый пульсирующий груз ее тела, чудо ее загадочного существования рядом с его собственной жизнью. И он был бесконечно за это благодарен.

— Любовь моя!

Сегодня Джойс Кэрол Оутс — одна из наиболее почитаемых и плодовитых авторов в Соединенных Штатах. Она пробовала себя во всех жанрах и формах. Пылкий интерес к готической литературе и психологическому триллеру побудил ее писать мрачные остросюжетные романы под псевдонимом Розамонд Смит, а также создать множество рассказов — их оказалось так много, что хватило на пять сборников, включая недавние «Музей доктора Мозеса: рассказы о тайнах и интригах» («The Museum of Dr. Moses: Tales of Mystery and Suspense») и «Дикие ночи! Рассказы о последних днях По, Дикинсон, Твена, Джеймса и Хемингуэя» («Wild Nights!: Stories about the Last Days of Poe, Dickinson, Twain, James, and Hemingway»). Также она выступила в качестве редактора сборника *American Gothic Tales* («Американские готические рассказы»). Ее новелла «Зомби» выиграла премию Брэма Стокера.

Среди последних романов Джойс Кэрол Оутс назовем «Кровавая маска» («Blood Mask»), «Дочь могильщика» («The Gravedigger's Daughter») и «Моя сестра, моя любовь: Задушевная история Скайлера Рэмпайка» («My Sister, My Love: The

Intimate Story of Skyler Rampike»). Она преподает литературное творчество в Принстоне. Совместно с ныне покойным мужем Реймондом Дж. Смитом они в течение многих лет содержали маленькое издательство и литературный журнал *The Ontario Review.*

Оутс — большая поклонница кошек; ее перу принадлежат несколько мрачных рассказов об этих созданиях. Тот, что перед вами, можно рассматривать как обратную сторону «Черного кота» Эдгара Аллана По.

Возвращения
Джек Кетчам

— Я тут.

— Что?

— Я тут, говорю.

— Ох, вот только не начинай сейчас. Только не надо.

Джилл лежит на заляпанном дорогом диване перед телевизором и смотрит какую-то викторину. На полу бутылка бурбона «Джим Бим», в руке — стакан. Она не видит меня, а вот Зоуи видит. Зоуи свернулась клубочком на другом углу дивана и ждет утренней кормежки. Солнце встало уже четыре часа назад; пробило десять, а она привыкла получать свой «Вискас» в восемь.

У меня всегда было чувство, что кошки видят невидимое нам. Теперь я это знаю.

Она смотрит на меня с мольбой и любопытством. Глаза широко распахнуты, нос подергивается. Я знаю, чего она ждет от меня. И пытаюсь ей помочь.

— Да Бога ради, ты же должна ее покормить. И лоток поменять.

— Что? Кто?

— Кошка. Зоуи. Корм. Вода. Лоток. Помнишь?

Она наливает себе еще. Джилл подливала себе в стакан всю ночь и все утро, изредка прерываясь, чтобы вздремнуть. Даже когда я был жив, с этим делом у нее было неважно, а уж когда четыре дня назад такси переехало меня на углу Семьдесят второй и Бродвея, все стало еще в сто раз хуже. Возможно, она скучает по мне — на свой лад. Я вернулся только прошлой ночью, хрен знает откуда, осознавая, что я должен что-то сделать или попытаться сделать. Может, именно это: сделать так, чтобы она завязала с выпивкой.

— Боже мой. Оставь ты меня в покое. Ты же сидишь у меня в башке, черт побери. Выметайся из моей долбаной башки!

Она кричит так, что слышат соседи. Слышали бы, да они на работе. А она нет. Поэтому никто не стучит в стены. Зоуи просто смотрит на нее, а потом на меня. Я стою в дверях кухни. Я знаю, что нахожусь именно там, но совсем себя не вижу. Я размахиваю руками, но они не появляются в поле моего зрения. Я смотрю в зеркало в прихожей, а там никого нет. Похоже, меня видит только моя кошка семи лет от роду.

Когда я пришел, она дремала в спальне на

кровати. Спрыгнула на пол и засеменила ко мне, задрав черно-белый хвост; белый кончик завернулся кольцом. По хвосту всегда можно определить, рада ли кошка. Она мурлыкала. Попыталась потереться об меня щекой, где у нее располагаются пахучие железы, стараясь оставить на мне отметку, присвоить меня, как обычно делают кошки, как она сама делала тысячу раз, но сейчас что-то было не так. Она в замешательстве подняла на меня взгляд. Я склонился, чтобы почесать ее за ушком, но, конечно, не смог; это еще больше ее озадачило. Она попыталась пометить меня, прижавшись бедром. Опять неудача.

— Прости, — сказал я. И мне правда было стыдно. Грудь словно свинцом налилась. — Давай, Джилл. Вставай! Тебе нужно ее покормить. Сходить в душ. Сварить себе кофе. Через «не могу».

— Что за шиза гребаная, — говорит она.

Но все равно встает. Посмотрела на каминные часы. На трясущихся ногах идет в ванную. Я слышу, как потекла из душа вода. Не хочу заходить туда. Не хочу смотреть на нее. Больше не хочу видеть ее обнаженной — да я давно и не видел. Раньше она была актрисой. Летний репертуар, время от времени реклама. Ничего особенного. Но, Боже ж мой, какая она была красивая! А потом

мы поженились, дружеские попойки превратились в одиночные пьянки, а затем в запои, и ее тело быстро набрало вес в одних местах и быстро отощало в других. Этакие отметины нездорового образа жизни. Не знаю, почему я остался с ней. Моя первая жена умерла от рака. Может, я просто не смог бы вынести, если бы потерял еще и вторую.

А может, я просто такой преданный.

Не знаю.

Я слышу, как бежит вода, и вскоре Джилл возвращается в гостиную; на ней белый махровый халат, голова обмотана розовым полотенцем. Она смотрит на часы. Протягивает руку к столу за сигаретой. Прикуривает ее и жадно затягивается. Ее все еще шатает, но уже не так отчаянно. Она хмурится. Зоуи внимательно за ней наблюдает. Когда Джилл в таком состоянии, полупьяная и полутрезвая, она опасна. Я-то знаю.

— Ты еще здесь?

— Да.

Она смеется. Довольно неприятный смех.

— Ну, еще бы.

— Ага.

— Вот ведь срань. Жил — до чертиков меня бесил, помер — то же самое.

— Я здесь, чтобы помочь тебе, Джилл. Тебе и Зоуи.

Она оглядывает комнату, словно поверив наконец, что, может, — может! — я правда здесь, что я не просто голос в ее голове. Она словно пытается определить, где я стою, найти источник. На самом деле она могла просто посмотреть на Зоуи, которая уставилась прямо на меня.

Но она смотрит искоса, я уже видел раньше такой взгляд. И он мне не нравится.

— Ну, о Зоуи тебе волноваться нечего, — говорит она.

Я собираюсь спросить ее, что она имеет в виду, но тут в дверь звонят. Она тушит сигарету, идет к выходу и открывает дверь. В прихожей стоит человек, которого я раньше не видел. Невысокий, робкий и ранимый на вид; ему чуть меньше сорока, и он уже начал лысеть. На нем синяя ветровка. Судя по его позе, он чувствует себя не в своей тарелке.

— Миссис Хант?

— Ага, ага. Заходите. Она вот здесь.

Мужчина наклоняется, поднимает что-то с пола, и я вижу, что это за предмет.

Кошачья переноска. Пластиковая, с металлической решеткой спереди. Совсем как у нас.

Мужчина входит внутрь.

— Джилл, что ты делаешь? Что, черт возьми, ты делаешь, Джилл?!

Она машет руками в воздухе, словно пытаясь отогнать муху или комара, и быстро моргает; мужчина совсем не замечает ее жестов. Он неотрывно смотрит на кошку, *которая неотрывно смотрит на меня,* — а ведь ей нужно следить за ним, *следить за переноской, она прекрасно знает, что они означают, Боже правый, ее же отправят куда-то, где ей не понравится.*

— Зоуи! Кыш! Беги отсюда! Беги!

Я хлопаю в ладоши. Никакого хлопка. Но она слышит тревогу в моем голосе и видит выражение, которое должно было появиться на моем лице, и в последнюю секунду оборачивается к тому мужчине — он как раз протягивает к ней руки и хватает ее… и пихает головой вперед в переноску. Закрывает. Защелкивает двойные щеколды.

Он действует быстро. Расторопно.

Моя кошка заперта внутри.

Мужчина улыбается. Удается это ему неважно.

— Ну что ж, не очень-то и сложно, — говорит он.

— Ага. Вам повезло. Она кусается. Иногда прямо

набрасывается, как сумасшедшая.

— Ах ты сука лживая, — говорю я ей.

Теперь я подошел к ней вплотную и говорю ей прямо в ухо. Я даже чувствую, как от выброса адреналина застучало ее сердце, и не знаю, сам ли ее напугал или, может, причина в том, что она сделала (или собирается сделать). Но сейчас она, как истая актриса, делает вид, что меня и вовсе нет. Никогда в жизни я не чувствовал себя таким рассерженным и ненужным.

— Вы уверены, мэм? — говорит мужчина. — Мы можем попробовать отдать ее в семью. Подержать ее какое-то время. Не обязательно сразу усыплять. Конечно, она уже не котенок, но всякое случается. Какая-нибудь семья…

— Я же сказала, — заявила жена, с которой я прожил шесть лет. — *Она кусается.*

Теперь она спокойна и холодна как лед.

Зоуи замяукала. Мое сердце разрывается. Умирать было гораздо легче.

Мы встретились взглядами. Говорят, что душа кошки видна в ее глазах, и я в это верю. Я протягиваю руку к переноске. Моя рука проходит ее насквозь. Я не вижу свою ладонь, но Зоуи видит. И трется об нее головой. Она больше не выглядит сбитой с толку, будто на этот раз она действи-

тельно чувствует меня, чувствует мою руку и мое прикосновение. Как жаль, что я не могу. Я глажу ее — будто она была еще котенком, уличной бродяжкой, приходившей в ужас от каждого гудка машины или звука сирены. И я был совсем один. Она начинает мурлыкать. А я обнаруживаю кое-что. Призраки умеют плакать.

Мужчина уходит с кошкой, а я остаюсь тут со своей женой.

Я не могу пойти за Зоуи. Откуда-то мне известно, что не могу.

Вам не понять, что я из-за этого чувствую. Я все бы отдал, лишь бы пойти с ней.

Моя жена продолжает пить, и в следующие три часа я занят исключительно тем, что ору на нее, набрасываюсь на нее с криками. О, она меня прекрасно слышит. Я подвергаю ее всем пыткам, которые могу придумать, припоминаю ей все зло, которое она причинила мне или кому-либо еще, снова и снова говорю ей о том, что она сделала сегодня, и думаю: «Так вот в чем моя цель, вот зачем я вернулся». Я вернулся, чтобы довести эту суку до самоубийства, покончить с ее никчемной фиговой жизнью, и я думаю о своей кошке и о том, как Джилл всегда было на нее плевать, ее больше интересовала эта залитая вином мебель, чем

моя кошка. Я подстрекаю ее взяться за ножницы, шагнуть к окну, к этому провалу в семь этажей глубиной, я заманиваю ее к кухонным ножам, и она плачет и вопит. Как жаль, что соседи все на работе, иначе ее по крайней мере бы арестовали. Она почти не может ходить и даже едва стоит на ногах, и я думаю, *может, инфаркт или инсульт,* и я преследую свою жену, я толкаю ее на смерть, на смерть — но около часа дня что-то начинает происходить.

Она становится спокойнее.

Будто голос мой доносится до нее не так ясно.

Я что-то теряю.

Какая-то сила вытекает из меня, будто батарейка садится.

Я начинаю паниковать. Я не понимаю. *Я же еще не закончил.*

А затем я чувствую. Чувствую, как что-то тянется ко мне из дальнего квартала на другом конце города. Я чувствую, как замедляется дыхание. Я чувствую, как останавливается сердце. Я чувствую ее тихий конец. Я чувствую его яснее, чем почувствовал тогда свою собственную смерть.

Я чувствую, как что-то хватает меня за сердце и *сжимает его.*

Я смотрю на жену: она ходит по комнате и пьет.

И тут я понимаю. Внезапно все становится не так уж и плохо. Все еще больно, но по-другому.

Я вернулся не для того, чтобы мучить Джилл. Не для того, чтобы изорвать ей душу в клочья или стыдить ее за то, что она сделала. Она сама с этим справится, моего участия тут не потребуется. Она бы в любом случае совершила этот ужасный поступок, и не важно, был бы я тут или нет. Она уже все спланировала. Процесс уже был запущен. И мое присутствие ее не остановило. То, что я был тут сейчас, тоже ничего не меняло. Зоуи принадлежала мне. И если учесть, какой была Джилл, кем она была, ее поступок был неизбежен.

И я думаю, да *к чертям Джилл. При чем тут вообще она.* Она ничего не значит. *Джилл — ноль без палочки.*

Я пришел из-за Зоуи. Все это было ради нее. То ужасное мгновение.

Я пришел к своей кошке.

Последний жест утешения в переноске. То, как она потерлась об меня и замурлыкала. Наши общие воспоминания о ночах, когда мы успокаивали друг друга. Хрупкое соприкосновение душ.

Вот зачем это все было.

Вот что нам было нужно.

Теперь самая последняя и лучшая часть ис-

чезла.

И я начинаю таять.

Джек Кетчам написал одиннадцать романов, четыре из которых недавно были экранизированы: «Потерянные» («The Lost»), «Девушка по соседству» («The Girl Next Door»), «Рэд» («Red») и «Потомок» («Offspring»). Его рассказ «Коробка» («The Box») в 1994 году получил премию Брэма Стокера, в 2000 году его примеру последовал и другой рассказ — «Исчезновение» («Gone»). В 2003 году Кетчам стал дважды лауреатом премии Брэма Стокера, за лучший сборник, «Мирное царство» («Peaceable Kingdom»), и лучшую крупную прозу — «Время закрытия» («Closing Time»). Вышло несколько сборников с его рассказами: «Выход на бульваре Толедо Блейд» («The Exit at Toledo Blade Boulevard»), «Расстройство сна» («Sleep Disorder», в соавторстве с Эдвардом Ли), а также «Время закрытия и другие рассказы» («Closing Time and Other Stories»). Стивен Кинг в журнале *Entertainment Weekly* назвал повесть «Былые увлечения» («Old Flames») в числе девяти лучших книг 2008 года.

Романы Кетчама часто изобилуют описания-

ми насилия. Рассказы обычно менее жестоки, но на производимом эффекте это нимало не сказывается. Кетчам оставил на эту тему подходящий комментарий: «...Уж когда я сам могу стать милым и пушистым, так это если дело касается животных. Так появились роман „Рэд“ и рассказы вроде „Возвращений“. Причините вред какому-нибудь животному в моем рассказе — и вы покойник».

Кошечка
Регги Оливер

Так вы хотите услышать про сэра Родерика Бентли, а? Тогда вы, как говорится, пришли по адресу. Спасибо, я, если можно, выпью двойной виски «Беллс». Побольше содовой. Лед? Нет, нет, Боже правый! Да, мы с Родди знакомы давно, после войны вместе играли в «Олд Вике». Нет. Никаких обид. Родди был рожден для величия, а я — для второстепенных ролей.

— Годдерс, — сказал мне однажды Родди. Он всегда называл меня «Годдерс», сам не знаю почему; так-то я прошу называть меня Годфри, если не возражаете. Так меня зовут. — Годдерс, ты хороший артист. Чертовски хороший. И без работы не останешься. Я тебе скажу почему. Ты отличный профессионал, но главные актеры не будут тебя опасаться: харизмы у тебя маловато.

Никогда этого не забуду. То есть, наверное, он был прав, но все равно это как под дых ударить.

Ну вот. Когда Родди открыл свою компанию, «Навигейтор Продакшнс», то пригласил меня присоединиться. У меня там были хорошие ро-

ли — не ведущие, ничего такого, конечно, но я часто был его дублером. То есть в последних двух постановках я его заменял, и вот об этом мне есть что порассказать.

Знаете, что странного было в Родди? Он терпеть не мог кошек. Нет, я знаю, что само по себе это вполне нормально, ничего такого, но при этом он ведь всегда называл своих девчонок «кошечками».

Вы в курсе про девчонок? Может, мне и не стоит рассказывать, но вы бы все равно рано или поздно узнали, да? Только вы не пишите в своей биографии, что это я вам выболтал. Не хочу, чтобы до леди Марджери дошло, что я тут слухи распускаю. Я не уверен, что она вообще знает. Понимаете? А может, и знает, но не признается. Странный народ — женщины. А, вот и выпивка. За вашу книгу!

Позвольте я объясню вам: Родди был предан леди Марджери. Предан. Но, когда у них пошли дети, ей пришлось уйти со сцены. У них был этот чудесный домик в Кенте, и она ужасно не любила уезжать оттуда, чтобы сопровождать Родди на гастролях. Или ехать за ним на съемки фильма в какое-нибудь Богом позабытое место в Испании или Калифорнии. Поэтому у Родди случались

интрижки, но он всегда возвращался домой.

Я знаю, о чем вы сейчас думаете. Но я не такой уж старый пропитый идиот, как вам кажется. У вас в голове уже сложилось исчерпывающее объяснение его поступков, да? Считаете, что он презирал своих подружек и из-за ненависти к кошкам называл их «кошечками», подсознательно пытаясь их унизить? Но тут все немного сложнее. Видите ли, у Родди было три страсти: театр, женщины и парусный спорт. Он был просто повернут на лодках, и, стоило ему разбогатеть и прославиться, как он купил яхту, которая стала его гордостью и отрадой. Катамаран. Знаете, как он его назвал? Ага, «Кошечка». Так что все не так просто. Родди очень помогал своим девочкам: продвигал их в театре, ободрял. У многих благодаря ему успешно сложилась карьера. Нет, имен я вам называть не буду — это вам придется самостоятельно разнюхивать, — но, возможно, упомяну парочку из них, потому что они связаны с историей, ради которой вы и пришли ко мне. Вы ведь хотите, чтобы я рассказал о последних месяцах его жизни?

Спасибо. Еще один двойной «Беллс» с содовой — и с меня достаточно. Я свою меру знаю. Чтобы добиться чего-то в жизни, надо всегда

знать, когда остановиться, уж поверьте. Кстати, скажу вам и повторять уже не буду: это моя версия того, что случилось. Другие расскажут вам все иначе, и только вам решать, чему верить. Да и, в конце концов, чем мои догадки лучше ваших. Возможно, ваши будут даже лучше. Вы ведь все-таки писатель.

Ну так вот, когда Родди посвятили в рыцари и он стал сэром Родериком, он поставил «Судью» Пинеро, и, естественно, я участвовал в спектакле. Дублировал его самого, а также исполнял небольшую роль — Ворминтона. В третьем акте создается неплохой комический эффект, но вы ведь не это пришли выслушивать? Так вот. Родди конечно же играет главную роль — судью Поскера, и, поверьте, играет блестяще.

Вы знакомы с пьесой? Хороший старомодный фарс. Никакой похабщины. И всегда идет успешно; разве что критикам не угодишь, находят ее устаревшей и скучной. Вот именно поэтому, я убежден, мы и не попали с ней в Вест-Энд. Ну, как бы то ни было, есть там довольно миленькая роль юной учительницы музыки по имени Беати. На эту роль Родди взял никому не известную тогда молодую актрису Иоланду Кэрей. Уже слышали о ней? Попридержите коней, потому что, уж по-

верьте, вы не знаете и половины.

Иоланда была милой малышкой, как раз во вкусе Родди. Какой у него был вкус? Ну, она была изящной — я думаю, ее бы назвали «миниатюрной» — блондинкой с тонкими чертами и чуть вздернутым носиком. Выглядит так, словно ее ветерком сдует. Вот такие и нравились Родди. Противоположности, которые притягиваются, я так это называю, ведь сам-то Родди, как вы знаете, был громадным, косая сажень в плечах. В то время, о котором я рассказываю, ему было шестьдесят три, но, если бы не седина, он мог бы сойти за сорокапятилетнего. Только не думайте, что Родди выбрал Иоланду исключительно потому, что она ему понравилась. Он был не из таких. У Иоланды был талант, уж поверьте. Может, и недостаточно отшлифованный, да и голоса ей часто недоставало, но способности были, это определенно, и Родди распознал их на прослушивании.

Я хорошо знал Родди и уже с самого начала репетиций понял, что она ему нравится: такие уж трепки он ей задавал. Так случилось, что он не только играл тогда главную роль, но еще и выступал в качестве режиссера. Сейчас так не принято, практика эта сильно устарела, но все же периодически случается. Это как соло-пиа-

нист, дирижирующий фортепьянным концертом прямо от клавиатуры. Но, черт побери, так делал Гилгуд, так делал Оливье, а чем Родди хуже? Иногда он бывал груб, но, с другой стороны, он измывался только над теми, на кого возлагал самые серьезные надежды, потому что знал, что они способны на большее. Порой молодые актеры с трудом способны были это понять; точно так же он не всегда осознавал, что некоторые люди плохо переносят грубость. Иоланда была как раз такой. Он постоянно отчитывал ее, говорил, что она должна больше отдаваться роли, больше стараться, и дошло до того, что я раз или два замечал у нее в глазах слезы.

Я изо всех сил старался подбодрить Иоланду, но она-то считала, что я просто ее жалею. Когда я попытался поговорить с Родди наедине, он очень резко сообщил мне, чтобы я не совал свой нос в чужие дела, так меня растак. Мне показалось, будто он заподозрил меня в романтических чувствах к Иоланде, но дело было не в этом. Просто чтоб вам с самого начала было ясно: я гей. Не то чтобы я был большим фанатом этого слова, но сегодня альтернатив ему просто нет. Этот факт моей биографии Родди всегда предпочитал игнорировать. Понимаете, я этого не отрицаю, но и не спешу го-

ворить в открытую, и я даже однажды был женат. Жена сбежала от меня к зубному врачу; не буду утомлять вас подробностями. Ваше здоровье!

Так на чем я остановился? Ну да, ситуация с Родди и Иоландой разрешилась довольно причудливым способом. Мы репетировали перед гастролями в полузаброшенном церковном зале в Ламбете. Местечко жуткое, зато дешевая аренда. Родди, как почти все управляющие театром, с которыми мне приходилось работать, мог быть одновременно очень скупым и крайне расточительным, причем в самых неожиданных вопросах. Вот этот зал и был одним из его странных способов экономить. Отрывки из Библии на стенах, грязные окна… Удручающее зрелище. А еще там обитал кот, древний рыжий котище по имени Чарли — одному Богу ведомо, почему я его запомнил, но запомнил же! — самый шелудивый старый задира из всех, что я встречал. У него была привычка временами захаживать на репетиции. Придя, он какое-то время стоял (или сидел), не шелохнувшись, а потом принимался вопить. Наверное, ему просто хотелось есть, но мы прозвали его «Критиком», потому что порой действительно казалось, что он комментирует наши потуги сыграть комедию.

Не надо и говорить, что Родди ненавидел Чарли. И вот однажды кот устроил свой концерт как раз тогда, когда страсти на репетиции и так накалились. Родди, который пытался припомнить свои строки, вышел из себя, бросился к Чарли и от души пнул кота. Тот издал душераздирающий визг, и Иоланда, которая стояла поблизости, побежала к нему на помощь. Она крепко прижала к себе старого негодника и пропесочила Родди. Он уставился на нее в крайнем изумлении. Ничего не сказал, но я слышал, как скрипят в его голове шестеренки, и даже один раз увидел, как рот его дернулся в подобии улыбки, но Родди сдержался. Он молча выслушал ее, а потом просто и любезно извинился. Сказал, что его поступок был «непростительным». Иоланда отпустила Чарли, который царапался и извивался у нее на руках самым невоспитанным образом. Он рванул из зала, и больше мы его не видели.

Тот случай послужил поворотной точкой в отношениях Родди и Иоланды. Ее игра стала уверенней и ярче, его замечания больше не были такими резкими. Они перестали быть начальником и подчиненным и превратились в коллег. Для всех это явилось огромным облегчением.

Я в точности не знаю, когда они закрутили

роман, но думаю, это случилось в самом начале гастролей. Подозреваю, что на второй неделе, когда мы играли в театре Ройял, в Ньюкасле. Знаете его? Прелестный старый театр.

Во вторник утром мы с Иоландой наткнулись на Родди у служебного входа. Мы зашли, чтобы справиться о почте; стоял прекрасный апрельский день, поэтому мы вышли на улицу и стояли, болтая о всякой всячине, и тут появился Родди. Я заметил, что на него напала охота к перемене мест, и под влиянием момента он предложил нам вместе куда-нибудь съездить. Хотел показать нам Адрианов вал: эта перспектива привела Иоланду в безумный восторг, а вот моя радость была гораздо более умеренной: я уже бывал там. Но Родди так на меня глядел, что я понял: он хотел, чтобы я поехал с ними. Не совсем уверен, зачем ему это было нужно, но, знаете, для Родди актерство было чем-то вроде дурной привычки, и, даже когда дело касалось соблазнения, ему все равно нужна была публика. Мы покинули Ньюкасл и поехали вдоль вала. Стоял один из тех мягких и тихих весенних дней, до краев заполненных дымкой и первыми песнями птиц, когда бледная зелень холмов плавно перетекает в серые оттенки выступов и впадин римских стен и кре-

пости. Родди рассказывал про стену, и Иоланда ловила каждое его слово, точно восхищенная школьница. Мы вышли из машины у Хаусстедса (этот вал сохранился лучше прочих) и побродили вокруг. Было почти совсем безлюдно. В какой-то момент Иоланда спросила про самого Адриана, каким он был человеком. Родди был знатоком по части военной истории и хорошо помнил даты, но помимо этого знания его были довольно ограниченны. Он помедлил с ответом, и во время этой паузы я сообщил им то единственное, что знал об Адриане: что он испытывал страсть к пленительному юноше Антиною, чья загадочная гибель омрачила последние годы императора. Иоланда была озадачена.

— Не знала, что тогда тоже были геи, — сказала она. Родди стоял у нее за спиной; он подмигнул мне. Я предпочел это проигнорировать и принялся молоть всякую чушь про греков, про Платона, про Сократа. До самого конца прогулки я чувствовал себя до крайности неловко. Родди флиртовал с Иоландой и не обращал на меня ни малейшего внимания, а она смеялась над каждым его словом: люди поступают так, когда находятся в обществе членов королевской семьи или влюбляются.

Он отвез нас обратно к театру. У задней двери

я приметил кота: черное хитрющее пятно с зелеными глазами. Он растянул поджарое тело на крыльце, ловя слабые лучи ньюкаслского солнца. Родди, увидев кота, сделал нечто совершенно для себя необычное: он присел и задумчиво пощекотал его брюшко.

— Привет, кошечка, — сказал Родди с фальшивым дружелюбием. Кот не обращал на него внимания, и Родди поднял взгляд на Иоланду: — Послушай, я возвращаюсь в гостиницу. Мне нужно еще раз пробежаться по тому месту в третьем акте, где я вчера так все напутал. Помнишь? Будь умницей, пойдем со мной. Я угощу тебя чаем, и ты погоняешь меня по тексту. Идет?

На мгновение наступила тишина. Этого мгновения было достаточно, чтобы понять: она знает, что он имеет в виду, и он знает, что она это знает, и, ну, остальное понятно. Я подумал было, что она в негодовании отвергнет его предложение, но нет; она просто сказала «Идет». И они вместе удалились.

Я почти не сомневаюсь, что тогда-то все и началось, потому что потом их часто видели вместе за кулисами или в коридоре у гримерок. Они просто болтали: никаких прикосновений, ничего такого, и, по-моему, им казалось, что они жуть какие

осторожные, но уже очень скоро поползли слухи. Вы же знаете, как разлетаются такие новости на гастролях, когда артистам нечем заняться, кроме сплетен.

У меня все не выходит из памяти то, что сказала одна из актрис. Она сказала: «Интересно, что бы случилось, если бы Бель узнала». Разумеется, она говорила про Белинду Кортеней. Да-да, та самая Белинда Кортеней. Да, в свое время она была одной из девчонок Родди, только не говорите ей, что я проболтался. На следующей неделе у меня интервью с «Нэншнл», а вы знаете, как там считаются с ее мнением. На самом деле я-то думал тогда, что они с Бель Кортеней больше не вместе, но, очевидно, мое мнение разделяли не все.

Порой Иоланда изливала мне душу. Наверное, это потому, что мне можно было доверять, да и, как говорится, она знала, что я в курсе. Я старался выступать в роли доброго и мудрого советника: ну вы знаете, как легко входишь в такие роли, особенно если ты актер. Я был для нее старым добрым дядюшкой Годфри, и, боюсь, сам я тоже воспринимал себя именно так. Иоланда была славной девочкой, но таким ребенком! Она просто помешалась на Родди и выспрашивала у меня о каждой мелочи: подробности его карьеры, лю-

бимые книги и блюда… Все на свете! Мне, правда, кажется, что она надеялась, будто ради нее он расстанется с леди Марджери. Она говорила: «Знаете, они ведь уже восемь лет не спят вместе». Я сдержался и не сказал, что той же басней он кормил и всех остальных девушек. Это была лишь догадка, но, может, мне все-таки стоило ею тогда поделиться.

Ну что ж, в октябре гастроли подошли к концу. Мы в последний раз выступили — довольно успешно, надо сказать, — в театре «Ройал Ричмонд» — это было одно из тех мест, которое, по традиции, считалось последним шагом на дороге в Вест-Энд, но судьба распорядилась иначе. Во время гастролей речь о каком-то вест-эндском театре заходила несколько раз, но то были пустые разговоры. С такой огромной труппой нам нужен был зал не меньше чем в тысячу мест, и это только чтобы покрыть расходы, а все крупные театры тогда были, как нарочно, под завязку забиты американскими мюзиклами.

Итак, наша компания разбрелась в разные стороны, но мы с Иоландой оставались на связи. Мне казалось, ей нужно говорить с кем-то о Родди. Остальные друзья вряд ли бы смогли ее понять. Они были далеки от театрального мира и, сказать

по правде, все были со странностями: называли себя «ароматерапевтами», «консультантами по фэн-шуй», «музыкантами», «целителями»... При помощи таких эвфемизмов люди без серьезной работы зачастую пытаются смириться с собственной бесполезностью. Простите, во мне говорят мои предрассудки, — а может, это просто виски.

У нее была маленькая квартирка над кондитерской на Сент-Джонс-Вуд-Хай-стрит. Порой она, не считаясь со временем суток, приглашала меня на чашку травяного чая и, если мне везло, на ломтик морковного пирога. Разговаривали мы всегда об одном и том же: о Родди. Они все еще виделись; время от времени он увозил ее на выходные в Париж или Торки — у него там была пришвартована яхта, — но, побывав у нее дома пару раз, он туда больше не заглядывал. Говорил, что у него аллергия на кота. Согласитесь, причина вполне веская. Сам я скорее люблю кошек, чем нет, но тот экземпляр, которого приютила Иоланда, был не из красавчиков. Бродячий престарелый кастрат с обвисшим брюхом, вечно важничал и обожал консервы из сардин. Иоланда, видите ли, была из людей, которых неудержимо тянет к существам еще более беззащитным, чем они сами.

Иоланда назвала своего кота Родди — по-моему,

это была большая ошибка. Не знаю, называла ли она так своего питомца в присутствии другого Родди, но если да, то это хорошо объясняет его аллергию.

Я еще как-то держался на плаву: то озвучка подвернется, то пиво пригласят рекламировать, но Иоланда к концу ноября совсем осталась без работы, и это настораживало. Она работала на полставки в книжном магазине неподалеку. Денег это много не приносило, но дело было не только в этом. Игра в театре — сильный наркотик: стоит привыкнуть, и все, тебе постоянно нужна новая доза. Иоланда рассказала мне, что Родди предложил «одолжить» ей денег, и она с возмущением от них отказалась. Он все реже виделся с ней. В декабре он уехал на съемки в Испанию, а потом, уже накануне Рождества, случилось нечто, благодаря чему она смогла выбраться из болота тоски, куда уже наполовину погрузилась. Ей пришла открытка от Родди, и в ней содержалось послание.

За травяным чаем Иоланда взволнованно протянула мне открытку. По телефону она отказалась сообщать мне подробности, потому-то я и пришел. Я едва успел глотнуть ромашки с одуванчиком — гнусное пойло, поверьте мне

на слово, и близко к нему не подходите! — как она уже всучила мне карточку Актерского Благотворительного фонда. На ней было начертано следующее:

Дорогая Кошечка!

Съемки почти закончились. Скучать я по ним не буду. Еда у испанцев омерзительная: все плавает в масле. Вчера рухнул с лошади в полных доспехах. Серьезно. Кошечка, в следующем году я собираюсь вывезти на гастроли «Короля Лира». Провел кое-какие переговоры, и театр в Вест-Энде теперь — дело решенное. Короче говоря, я хочу, чтобы ты стала моей Корделией. Ответ за тобой!

Вечно любящий тебя, Родди.

Должен признаться, что сначала отреагировал по-актерски: я ей позавидовал. Он ставил «Короля Лира», и для меня нашлось бы там множество ролей — Кент, может, даже Глостер, — почему же Родди мне ничего не написал? Но времени на обиды у меня не было; Иоланда спрашивала у меня, что ей делать. Я сказал ей, что ответ очевиден. Пусть ее агент свяжется с «Навигейтор Продакшнс» и примет предложение. Иоланда

сказала, что так и поступила.

Затем между нами завязался длинный муторный разговор; она все уверяла, что не подходит для роли — она никогда не играла Шекспира на большой сцене, — а я, как от меня и требовалось, доказывал ей, что из нее получится восхитительная Корделия. Я посчитал, что было бы невежливо говорить, что одним из ее главных преимуществ на сей раз выступал ее вес: в ней было около пятидесяти килограммов. Понимаете, немолодому актеру, что будет играть Лира, придется в конце пьесы выносить ее на сцену, поэтому надо принимать во внимание, сколько весит актриса, — ведь делать ему это надо будет не один раз. Я уверен, Родди наверняка это учел.

Ну что ж, казалось, дело решено. Мы с Иоландой какое-то время общались совсем мало. И лишь после Рождества она начала проявлять беспокойство: Родди так и не вышел на связь. Понимаете, так уж у них было заведено. Он не разрешал ей звонить ему домой: а вдруг к телефону подойдет леди Марджери. Предпочитал звонить сам. Еще больше ее тревожило, что в «Навигейтор Продакшнс» пока никак не отреагировали на ее согласие. Меня это тоже ставило в тупик, ведь к тому времени моему агенту уже сообщили, что

Родди «заинтересовался» моей кандидатурой на роль Кента.

В начале января он позвал меня в офис (прямо у дороги Чаринг-Кросс) «поговорить о Кенте». Я знал, что это все равно что получить окончательное предложение, поэтому я с радостью отправился на встречу. Родди приветствовал меня со всем своим обычным дружелюбием, но мне показалось, будто он был чуточку рассеян. Мы обсудили постановку и мою роль, которую он назвал «чертовски важной» и «абсолютно ключевой». Также мы обсудили гонорар. Родди без конца рассыпался в извинениях, объясняя, что никак не мог выделить мне больше; казалось, он так расстроен этим фактом, что под конец уже я почувствовал себя неловко, будто требовал от него заоблачных сумм (чего я, разумеется, не делал). Под конец, чтобы разрядить обстановку, я сказал:

— Полагаю, Иоланда станет твоей Корделией?

Такой реакции от Родди я уж никак не ожидал. Он посмотрел на меня в возмущении, почти в испуге, будто его только что укусило какое-то ядовитое существо.

— Что ты, черт побери, несешь, Годдерс?

Мне не хотелось признаваться, что я прочел

открытку, предназначенную не мне, поэтому поначалу я говорил обтекаемыми фразами, но Родди попросту ничего не понял. В конце концов мне пришлось напрямик сказать, что она показала мне его послание. И даже тогда он отреагировал не сразу. А потом его словно молнией поразило, так он побледнел.

Родди сказал:

— О Боже! О Господи Иисусе! Господи ты Боже мой! — Затем, помолчав, он промолвил тихо и вдумчиво: — Твою ж мать.

Я терпеливо ждал, пока он объяснит мне. Наконец он вздохнул, словно это было ниспослано ему в качестве испытаний, и сказал:

— Все эти долбаные открытки я подписывал в Испании. Думал, будет чем себя занять. Знаешь ведь: все эти праздношатания, особенно когда снимаешься в какой-нибудь мерзотной голливудской эпопее. Помню, как подписывал эти открытки, мучаясь животом: наелся отвратительных испанских помоев. Ну вот. Доктор — не без подсказки режиссера, конечно, — начинил меня таблетками по самые гланды, чтобы я снова мог забраться на этого чертова коня. Открытки в конверты я рассовывал под действием лекарств. Смутно помню, что послание Бель Кортеней я упа-

ковывал почти одновременно с Иоландиным…

Я понял, откуда ветер дует:

— То есть роль Корделии ты хотел предложить Белинде Кортеней? Ты положил открытку не в тот конверт?

— Да. Черт побери, да! А я-то удивлялся, чего Бель не отвечает. А оказывается… Проклятье!

Казалось, он еще больше расстроился, и я спросил его, в чем дело. Мне удалось вытянуть из него, что в письме, предназначенном для Иоланды, содержалось крайне мягкое предположение о том, что в будущем они будут видеться реже, чем раньше.

— То есть ты отправил Белинде уведомление об отставке, которое должна была прочесть Иоланда?

Робби принялся тереть лицо руками, лишь бы не смотреть на меня. К тому времени я был расстроен едва ли меньше, чем он сам. Я сказал:

— Но ты же назвал ее кошечкой.

— Кого?

— Иоланду. То есть, Белинду.

— Да. Да! Все они кошечки.

Казалось, его очень рассердило, что я вообще об этом заговорил. Потом он начал подобострастно извиняться, и лучше бы он этого не делал. Он

сказал:

— Послушай, Годфри, старина… Могу я попросить тебя об огромном одолжении? Ты мог бы рассказать все Иоланде? Ты ведь сможешь сделать это тактично, а? Знаю, что сможешь. Ты такой молодчина. Сейчас я просто не в силах сделать это сам. Дел с этим «Лиром» по горло, ну ты можешь себе представить, а еще мне надо попытаться разобраться с Белиндой.

Я сказал:

— Ты уверен, что не захочешь, чтобы я еще и с ней все улаживал?

Родди лишь серьезно покачал головой:

— Нет, спасибо. Это ужасно мило с твоей стороны, но тут уж я должен действовать сам.

Мои попытки сыронизировать остались неуслышанными. Это ведь даже не «как до жирафа», а как до дохлого жирафа! А, ну да ладно. В общем, я согласился повидаться с Иоландой. Конечно, согласился. Нельзя же просто перестать любить человека спустя сорок лет. У меня, во всяком случае, не получилось.

Я подумывал рассказать все Иоланде по телефону, а может, даже в письме, но все же решил прийти и выложить историю лично: мне казалось, так будет правильно. Ну так вот, мы

уселись за травяной чай, все чин по чину, кот Родди мурлыкал у нее на коленях, и я приступил к объяснениям. Разговор прошел ужасно: она никак не могла разобраться, что случилось. Мне приходилось все повторять дважды. Она не впала в ярость, не начала швыряться предметами, плеваться ядом или что-нибудь в этом духе — а жаль! — просто слушала с озадаченным выражением на лице. Она не плакала, но в глазах у нее влажно блестели слезы. Она все спрашивала: «Но почему? Он что, ненавидит меня?», и я отвечал: «Нет», очень громко и четко; я был уверен, что ненависти он не испытывает. Потом она попросила меня снова объяснить, что произошло с открытками, и я объяснил.

Она еще несколько раз кивнула, а потом сказала: «То есть он не хочет, чтобы я была его Корделией?»

Я покачал головой. Наступила пауза, а потом она сказала такое, от чего у меня чуть сердце на части не разорвалось. Она сказала: «А ведь я уже начала учить роль».

О Боже! Вы ведь не понимаете, правда? Вы же не актер.

Ну вот, мы начали работать над «Королем Лиром», и я почти потерял связь с Иоландой.

Репетиции поглощали все мое время, и мне казалось, что она не захочет о них слушать. Вышло так, что Белинда Кортеней тоже не стала играть Корделию: это был тот самый год, когда она так триумфально сыграла Гедду Габлер в Национальном театре. Корделия досталась девушке, которая была ничем не лучше и не хуже Иоланды. Родди блестяще справился с ролью Лира, и я думаю, все, кто видел его, согласятся, что это была лучшая работа в его жизни. Остальные актеры играли хорошо, декорации выполняли свою функцию и, хотя костюмы принадлежали к школе модного тогда «пуританского сталинизма», они по крайней мере сидели как влитые. Открытие сезона, которое — кто бы мог подумать! — прошло в Блэкпуле, и это был хоть и умеренный, но триумф.

Прежде чем попасть в Вест-Энд, мы полтора месяца гастролировали. Должен признать, я совсем забыл об Иоланде и лишь на последней неделе в Кардиффе вспомнил, когда в четверг, за полчаса до поднятия занавеса, меня вызвали по громкоговорителю из гримерки. Я направился к телефону у служебного входа.

Это была одна из подружек Иоланды — вроде, ароматерапевт. Понятия не имею, как она узнала, что я в Кардиффе, в театре «Ройал». Она расска-

зала, что днем ранее супруги, что жили этажом выше Иоланды, услышали, как кто-то воет и царапается в дверь, — очевидно, это несчастный кот Родди попал в беду. Они попытались позвонить Иоланде, но никто не отвечал. Короче говоря, приехала полиция, дверь взломали и увидели, что Иоланда лежит на кровати бездыханная. Наглоталась барбитуратов, лошадиная доза. Кот Родди с ума сходил от голода, в квартире несло его экскрементами, ну и все такое, но тело Иоланды он не тронул.

В тот вечер представление прошло для меня как в тумане. Я все думал, когда и как мне рассказать обо всем Родди. А потом я просто струсил. Следующим вечером я стоял за кулисами, ожидая своего выхода, и тут понял, что у меня за спиной притаился Родди. Он сказал:

— Слышал про Иоланду?

Я кивнул. Он продолжил:

— Такой неожиданный удар. Мне позвонили из офиса компании сегодня днем. Кто-то видел заметку в «Ивнинг Стэндард». Как же так случилось? Я не понимаю, а ты?

Я покачал головой:

— То есть да, она сидела без работы и все такое… Наверное, у нее было какое-то психическое

расстройство. Срыв. Какой ужас. А ведь она была такой славной, такой милой. И небесталанной.

Он еще помолчал, затем добавил:

— Знаешь, Годдерс, терпеть не могу таких фраз, но нынешнее поколение какое-то бесхребетное. Они слишком быстро сдаются. Видит Бог, мы все переживали нелегкие времена на работе, но надо же как-то держаться, проявить мужество! Ты согласен?

К стыду своему, я кивнул и угодил в медвежьи объятия Родди.

В следующую же минуту загорелись огни рампы, и я был Кентом, мчался в совершенно другой мир и возглашал первые слова спектакля:

Я думал, что герцог Альбанский нравится королю больше герцога Корнуэльского[3].

Родди больше ни разу не заговорил об Иоланде в моем присутствии, но, мне кажется, тем вечером в одно из мгновений он вспомнил о ней — может, вспомнил. Это была последняя сцена, когда он, стоя на коленях, плачет над телом Корделии, а я стою рядом. И вот он произносит слова:

Чума на вас, изменники, убийцы!

Спасти бы мог; теперь ушла навек!

---

[3] Примечания: 3

Здесь и далее перевод Б. Пастернака.

И в этот момент он сделал нечто, чего никогда не делал раньше: поднял взгляд на меня. В его глазах блестели слезы — и это не были слезы актера. Мне хочется так думать.

Итак, мы переехали на площадку в Лондон: театр «Ирвинг» на улице Стрэнд. Нам предстояло выступать там три месяца, и критики, к счастью, решили, что Родди был великолепным Лиром. Тем не менее, после опьянения гастролями, когда мы все только начинали осознавать, как прекрасен наш спектакль, работа в Вест-Энде показалась нам несколько однообразной. Вдобавок к этому в Лондоне почти все члены труппы, естественно, расходились на ночь по домам и жили своей жизнью, отчего несколько выдохлось чувство былого товарищества.

Мне не особенно нравилось в «Ирвинге». Это было огромное строение Викторианской эпохи, и продувалось оно насквозь. В этом мрачноватом театре, естественно, жил и свой кот. Кошки в театрах просто необходимы: там ведь заводятся крысы, а крысы грызут провода, а перегрызенные провода приводят к пожару — и особенно в театрах. Местный кот был черный, и звали его Нимрод. Не особо общительное создание, но имя свое он оправдывал. То был «сильный зве-

ролов пред Господом», тщательно следивший за поголовьем крыс и мышей. Но вот что забавно: стоило нам провести в театре неделю, как Нимрод исчез.

Управляющий был крайне обеспокоен пропажей и обещал награду тому, кто найдет и вернет беглеца. Даже объявление в газету дали. Я бы и не упоминал об этом случае, но он имеет отношение к тому, что случилось дальше.

К счастью, исчезновение Нимрода не привело к нашествию грызунов. На самом деле — и это озадачивало многих из нас — порой полусъеденные останки крысы или мышки появлялись то тут, то там, причем даже чаще, чем до Нимродова побега. Эти мрачные останки, что раньше Нимрод оставлял повсюду в ознаменование собственной доблести, теперь обретались либо за кулисами, либо в коридоре, который вел к гримерке № 1, принадлежавшей, естественно, Родди. Однажды он пришел на дневной спектакль и обнаружил, что у дверей артистической номер один заботливо размещена обезглавленная крыса. Он поднял ужасный переполох и, конечно, имел на то полное право. Но мне показалось, что в его реакции сквозила истеричность, а это было совсем не похоже на Родди. Обычно он не разыгрывал из

себя примадонну.

Спустя пару дней Родди столкнулся со мной за сценой в антракте и пригласил в свою гримерку на стаканчик виски. Себе он налил не жалея. Раньше он не напивался, а уж во время спектакля — тем более. Похоже было, что он на взводе.

Он усадил меня и сказал:

— Годдерс, что мы будем делать с этими кошками?

Я уставился на него, ничего не понимая. Он продолжил:

— Только не говори, что не заметил, как этот чертов кот преследует меня по всему театру!

Я сказал, что нет, не замечал, да и потом, разве он не знает — Нимрод исчез! Родди нетерпеливо постучал стаканом по туалетному столику.

— Да, да, знаю я про Нимрода. Чертов менеджер помешался на своем Нимроде. Я не против этого вашего Нимрода. Он делал свое дело и не путался под ногами. А это совсем другой кот. Он никак не оставит меня в покое. Постоянно приходит, когда я собираюсь выйти на сцену, и мурлычет, и вот эту штуку еще делает: обвивается вокруг ног. Да он мне на днях чуть подножку не подставил, когда я собирался выйти и прочесть «Дуй, ветер, дуй!». Что за чертовщина! И он постоянно остав-

ляет мне эти дары в гримерке. Ну, ты знаешь, все эти выпотрошенные крысы и мыши. На днях, переодеваясь, я босой ногой наступил на какие-то кишки. Тьфу! Как же эта скотина пробирается ко мне? Я всегда запираю дверь, когда ухожу. Наверное, это все уборщики. Я говорил об этом с управляющим, но он ничего не понял. В голове у него один Нимрод; думаю, он не верит, что тут есть еще какой-то другой кот.

Я спросил, каков он на вид.

— Странного такого цвета. Не знаю, как описать. Сероватый вроде бы, но глаза у него такие, словно в темноте светятся. Ну, знаешь, у некоторых кошек такие яркие глаза. Сложно сказать, как он выглядит, при дневном свете я его ни разу не видел. Обычно он околачивается за кулисами, как раз там, куда не достает дежурное освещение. Я был бы не против — знаю, что звучит это странно, — но чертов кот так любит меня. Будто помешался. Ну, знаешь, как какой-нибудь безумный поклонник. Годдерс, ну ты же наверняка видел его.

В голосе Родди звучала мольба, но я вынужден был признаться, что не видел кота. Чтобы успокоить его, я сказал, что стану для него впередсмотрящим. Ему понравилось: это же морской

термин, впередсмотрящий-то.

Той ночью во время финальной сцены случилось нечто странное. Лир вошел с телом Корделии на руках, мы все стояли кружком. Я подумал, что Родди справляется с ролью неплохо, но и не блистает. Он все смотрел куда-то за сцену. А затем приходит пора его последней речи, когда он оплакивает мертвую Корделию и говорит:

Зачем собака, лошадь, мышь — живут,

А ты не дышишь?

Но тем вечером он цитирует не совсем точно. Он говорит:

Зачем собака, лошадь, ***кот*** *— живут,*

А ты не дышишь?

И его глаза устремлены куда-то за сцену, прямо за кулисы. Ну что ж, я не удержался и посмотрел сам. Я был ослеплен огнями рампы, поэтому наверняка сказать не могу, но, знаете ли, на секунду мне все-таки показалось, что из темноты на сцену таращится пара желтых кошачьих глаз. Проверить мне не удалось: надо было возвращаться к работе. У меня еще оставались реплики, но когда я сказал свои последние слова, ну, вы помните их: «*Уехать вскоре должен я от вас, Я слышу короля призывный глас*», то снова бросил взгляд за кулисы: там ничего не было. Желтые глаза исчезли.

На следующий день мы должны были выступать днем, и после первого представления Родди позвал меня в свою гримерку. Он был очень взволнован.

— Похоже, я нашел способ справиться с маленьким мерзавцем. Видишь это?

Он поднял прозрачный флакон из пластика — в таком носят мочу докторам. На дне лежал сантиметровый слой белого порошка.

— Знаешь, что это? — Дожидаться моего ответа он не стал. — Это стрихнин. Не спрашивай, как я его раздобыл. Пришлось нажать на пару пружин. Тот редкий случай, когда быть сэром Родериком полезно: время от времени можешь нажать на пружину или две. Собираюсь подсыпать его в молоко, а молоко вылить в миску и поставить в гримерке. Когда чертов кот придет, он выпьет молоко. Все кошки ведь любят молоко, да?

Я сказал, что не очень-то разбираюсь в кошках, но, насколько могу судить, да, молоко они любят.

Он сказал:

— Правильно! Чертов кот умрет, и все наши беды закончатся!

Я не мог отделаться от мысли, что он раздувает из мухи слона, но, казалось, план его ужасно взбодрил, и он порадовал немногочисленных

зрителей неповторимой игрой. К концу представления Родди был явно измотан, и это меня обеспокоило, однако что-то словно поддерживало в нем внутреннее свечение. Казалось, что его… как бы это сказать… лихорадит, да, и я заволновался.

Поэтому я и решил заглянуть к нему в гримерку за полчаса до вечернего шоу, как раз перед первым звонком. Постучал в дверь (она была слегка приоткрыта), но ответа не последовало. Я заглянул внутрь.

На Родди все еще был костюм из последнего акта; грим он тоже не смыл. Он лежал на полу, раскинув руки. Мне показалось, что он не дышит. Рядом с ним стояла пустая миска. В уголках его полураскрытого рта застыли крошечные капельки жидкости, которая напомнила мне молоко.

Но хуже всего было другое. На его груди примостился самый громадный котище, каких мне приходилось видеть. Серый, лохматый — словно клочок грязного дыма. Зеленовато-желтые яркие глаза полыхали злым серным пламенем. Он медленно выгнул спину и зашипел негромко, хрипло, будто паровой двигатель под давлением начал внезапно спускать пары.

Вы не верите мне? Ну что ж, это мой рассказ, и

я говорю, что так все и было. Я побежал к помощнику режиссера. Когда мы вернулись, Родди все еще лежал на полу, но кота уже не было. Мы позвонили в «скорую», и его забрали в больницу. Но было поздно. Ему уже пришел конец: очевидно, сердце отказало. Я ничего не рассказал про затею со стрихнином: подумал, это только замутит воду, да и какая теперь была разница.

Тем вечером — в первый и последний раз в жизни — я выступал вместо Родди в роли короля Лира. Я же упоминал, что был его дублером? И у меня неплохо получилось, хотя, может, мне и не стоило этого говорить. Мне аплодировали стоя, ну и все такое.

«Годдерс, — говаривал мне Родди. — Ты хороший актер. Ты отличный профессионал, но главные актеры не будут тебя опасаться: харизмы у тебя маловато». Ну что ж, пусть бы он посмотрел на меня тем вечером! Что? Еще стаканчик «Беллс»? Ну что ж, ладно, но только один, раз уж вы так настаиваете. Ваше здоровье!

Регги Оливер с 1975 года работает драматургом, актером и театральным режиссером. Его биография Стеллы Гиббонс, «Снаружи сарая» («Out of the

Woodshed»), была опубликована издательством «Блумсбери» в 1998 году. Помимо пьес и романа «Добродетель в опасности» («Virtue in danger») автор выпустил также четыре сборника рассказов: «Сны кардинала Витторини» («The Dreams of Cardinal Vittorini»), «Полное собрание симфоний Адольфа Гитлера» («The Complete Symphonies of Adolph Hitler»), «Маски сатаны» («Masques of Satan») и «Еще более безумные тайны» («Madder Mysteries»). Вскоре в издательстве «Сентипид Пресс» выйдет полное собрание его пьес, озаглавленное «Драмы из глубины» («Dramas from the Depth»). Его рассказы печатались на страницах изданий *Strange Tales, Shades of Darkness, Exotic Gothic, The Year's Best Fantasy and Horror, The Black Book of Horror* и *Mammoth Book of Best New Horror.*

По словам Оливера, «во все мои рассказы — и „Кошечка“ тут не исключение — вплетен элемент автобиографичности, присутствует мой личный опыт. Хотя Годфри — это определенно не авторское „я“. Он гораздо старше и гораздо пьянее меня. С другой стороны, я — актер, которому случалось выступать в Вест-Энде, и я действительно заменял однажды прославленного актера с рыцарским титулом, который… ну да ладно, сюжет рассказа я вам выдавать не собираюсь.

Что касается кошек: когда я женился, то охотно разделил любовь моей супруги к этим восхитительным животным. Особенно меня привлекает их способность привязываться к местам так же, как к людям, если не сильнее. В каждом уважающем себя театре есть кот, без которого это заведение столь же немыслимо, как без швейцара или кассира. Удивительно, насколько кошки чувствуют себя хозяевами в театре. Помню, как в одном приморском репертуарном театре, где я работал одно время, кот вразвалочку выходил на сцену во время спектакля, обычно сквозь незастекленную балконную дверь, а затем столь же беззаботно исчезал в камине. Публика всегда сопровождала эту выходку восторженными аплодисментами. В этом рассказе вы встретитесь с несколькими театральными кошками, и еще с одной, которая не совсем театральная…»

Кошка в стекле
Нэнси Этчеменди

Я была почтенной женщиной… Да, я знаю, все так говорят, когда доходят до моего положения: я была хорошо образованной, много путешествовала, у меня были прелестные дети и славный муж, который умел зарабатывать деньги. И как можно было опуститься столь низко? Наверное, это участь тех, кто и так заслуживал падения. У меня было предостаточно времени, чтобы поразмыслить над этим. Я лежала, безглазая, на этой восхитительной койке, и раны мои смердели все сильнее. Медсестры, что стерегут мою палату, не особенно разговорчивы. Но я слышала, как вчера одна из них прошептала (она думала, что я сплю): «Господи Иисусе, как может человек сотворить такое?» У меня есть лишь один ответ на подобные вопросы. Я пала так низко и сделала все, что я сделала, для того, чтобы защитить нас, всех и каждого, от *Кошки в стекле.*

Вся эта история с кошкой началась для меня пятьдесят два года назад, когда некое животное напало на мою сестру Делию. Все случилось со-

вершенно обычным весенним днем (обычным, если бы не это происшествие). Свидетелей не было: отец все еще был на работе в колледже, а я брела домой с занятий в первом классе дневной школы Челси для девочек. По дороге я считала трещинки в тротуаре. Делия была младше меня на три года; она сидела дома с ирландкой Фионой, которая присматривала за домом. Фиона вышла на секунду из дома, чтобы развесить постиранное белье, и, вернувшись, решила посмотреть, как дела Делии. Пред ее глазами предстала сцена кошмарного кровавого убийства. Удивительно, но никаких криков она не слышала.

А я вот слышала, пока взбегала по лестнице и открывала дверь. Но кричала не Делия — у нее к тому времени не осталось чем кричать — это была Фиона. Он стояла в передней, закрыв глаза руками.

Она не могла вынести этого зрелища. К несчастью, шестилетним неведомы такие колебания. Я смотрела и смотрела, пристально и долго; меня тошнило, я вся тряслась, но в этом был и какой-то экстаз.

Выше плеч Делия была полностью лишена человеческого облика. Горло у нее было изодрано в клочья, челюсть вырвана. Волос — как и кожи

на голове — почти не осталось. В молочно-белой коже на руках и ногах алели глубокие кровавые борозды. Кисейный передничек, в который она была одета в то утро, был весь в запекшейся крови, но потоки все не останавливались. Даже стены забрызгало — там, где зверь (кто бы он ни был) исступленно терзал мою сестру. Наша собачка, Фредди, лежала с ней рядом, поникшая и тоже вся в крови. У Фредди была сломана шея.

Я помню, как медленно подняла голову — наверное, я была тогда в шоковом состоянии — и встретила бездонный взгляд стеклянной кошки, сидевшей на каминной полке. Наш отец, преподаватель истории искусств, очень гордился этой скульптурой, и лишь много лет спустя я поняла почему. Тогда я знала лишь, что это очень ценный предмет и что нам нельзя к нему прикасаться. Но это было такое хаотическое нагромождение деталей, такая безумная пародия на кошку, что вы и не захотели бы ее трогать. Хотя по форме скульптура и впрямь напоминала кошку, она при этом вся щетинилась прозрачными спиралями и осколками, а морда ее была одновременно дикой и чем-то похожей на человеческое лицо. Мне она никогда особенно не нравилась, а Делия — та так и вовсе ее боялась. В тот день, отведя взгляд от

останков моей маленькой сестрички, я увидела, как кошка сверкнула на меня взглядом, исполненным живой ужасающей радости.

За год до того я пережила событие, которого больше всего боится любой ребенок: у меня умерла мама. Это придало мне какую-то отчаянную силу, потому что тогда, в шесть лет, мне казалось, что самое страшное в жизни уже позади. Теперь, отвечая на безумный взгляд стеклянной кошки, я поняла, что ошибалась. В мире было куда больше зла, чем я могла себе вообразить, и он уже никогда не станет прежним.

Делия вскоре — и уже официально — умерла в больнице. Бегло ознакомившись с делом, полиция свалила вину на Фредди. У меня до сих пор сохранилась пожелтевшая вырезка из газеты, склеенная еще более пожелтевшей целлофановой пленкой. «Мертвая домашняя собака лежала рядом с жертвой; ее морда и передние лапы были в крови. По предположению сержанта Мортона, псом (питбультерьер; эта порода была специально выведена для жестоких сражений) внезапно овладела жажда крови, и он набросился на свою несчастную маленькую хозяйку. Сержант также сделал вывод, что ребенок во время смертельной схватки отшвырнул злобное животное с такой

силой, что сломал ему шею».

Даже я, маленькая девочка, понимала, что его «теория» притянута за уши: сломать шею питбуля почти невозможно даже решительно настроенному крупному мужчине. И Фредди, несмотря на породу, всегда обращался с нами очень бережно, даже защищал. Попросту говоря, полиция была озадачена, и эта версия была самым логичным объяснением из всех, которые они смогли придумать. По их мнению, свое дело они сделали. Но на самом деле все только начиналось.

Меня на несколько месяцев отправили в гости к тете Джози. Я так и не узнала, чем в это время был занят мой отец; подозреваю, что он провел эти месяцы в санатории. За год он потерял сначала жену, а потом и дочь. Смерть Делии сама по себе была трагедией, которая могла навсегда выбить из колеи даже сильного человека. Но ребенку-то этого не объяснишь. Я ужасно злилась и обижалась на отца за то, что он покинул меня. Тетя Джози, при всей своей добросердечности и приветливости, была для меня чужим человеком, и я чувствовала себя брошенной. Мне снились кошмары, в которых стеклянная кошка крадучись спускалась со своей полки и, никем не замеченная, убегала из дома. Я слышала, как ее

твердые когти стучат по полу рядом с комнатой, где я спала. В такие минуты, когда я кричала в полусне, окруженная тьмой, никто не смог бы меня утешить — никто, кроме отца.

Когда он наконец вернулся, на нем проступала печать пережитых страданий: лицо вытянулось и осунулось, волосы припорошил иней седины, словно он слишком долго простоял на ночном морозе. В день его приезда он сидел со мной рядом на диване тетушки Джози и гладил меня по щеке, а я с умилением льнула к нему. От радости, что он вернулся, я ненадолго забыла о своем гневе.

Когда он заговорил, его голос оказался таким же усталым, как и его лицо:

— Ну что, дорогая моя Эмми, что, по-твоему, нам делать теперь?

— Я не знаю, — ответила я. Мне казалось, что, как и раньше, в прошлом, он уже придумал что-то интересное. Стоит ему только выдать свой план — и мы приступим к его выполнению.

Он вздохнул:

— Может, нам поехать домой?

Я буквально застыла от страха.

— А кошка еще там?

Отец посмотрел на меня, слегка нахмурясь:

— У нас что, есть кошка?

Я кивнула:

— Эта… большая, из стекла.

Он удивленно заморгал, но потом понял, что я имею в виду.

— А-а-а, ты про Челичева? Ну… думаю, да, она еще там. То есть надеюсь.

Я вцепилась в него и чуть не залезла к нему на плечи, охваченная паникой; я не могла промолвить ни слова. Из моего рта извергались лишь лихорадочные потоки всхлипов.

— Тише, тише, — говорил папа. Я спрятала лицо в его белой накрахмаленной сорочке и слышала, как он шепчет, словно бы самому себе: — Как может стеклянная кошка напугать ребенка, который видел то, что видела ты?

— Я ненавижу ее! Она рада, что Делия умерла, и теперь хочет добраться до меня.

Отец крепко обнял меня:

— Ты ее больше не увидишь, обещаю.

Так и было — пока он был жив.

Итак, «Кошку в стекле» авторства Челичева упаковали в коробку и отнесли на склад, как и всю остальную нашу меблировку. Папа продал дом, и два года мы путешествовали. Когда ужас немного подзабылся, мы вернулись, чтобы начать новую жизнь. Папа снова стал преподавать, а я опять

пошла в дневную школу Челси для девочек. Он купил новый дом. Когда нам привозили вещи со склада, стеклянной кошки среди них не было. Я не спрашивала почему. Я просто была счастлива, что могу забыть о ней — и я правда забыла.

Много лет я не видела стеклянную кошку и не слышала о ней. К тому времени я была уже взрослой женщиной, работала школьной учительницей в городе за многие мили от места, где я выросла. Я вышла замуж за банкира и родила двух прелестных дочерей. У меня даже была кошка: несмотря на все свое отвращение к этим животным, я в конце концов согласилась на бесконечные уговоры девочек. Мне казалось, что жизнь у меня сложилась хорошо, что теперь она гладко потечет прямиком к устью мирной старости. Но этому не суждено было случиться. У стеклянной кошки были свои планы.

Все началось со смерти отца одним снежным днем. Он умер совершенно внезапно: проставлял оценки за контрольные в своем крошечном уютном кабинете на территории университета. Сказали, сердечный приступ. Его нашли сидящим за столом: в проигрывателе все еще крутилась *La Belle Excentrique*, дадаистская композиция Эрика Сати.

Я вовсе не удивилась, узнав, что дела свои он оставил в некотором беспорядке. Нет, он не играл в азартные игры и не брал долгов. Ничего такого. Просто порядок был несколько противен его натуре. Помню еще в юности я как-то отчитала его за то, что он любил окружать себя некоторым хаосом: «Пап, ну честное слово, — сказала я, — если ты восхищаешься дадаизмом, неужели обязательно и жить как дадаист?» Он рассмеялся и признал, что, видимо, для него это обязательно.

Так как я осталась единственным папиным наследником, мне достался дом и прочее имущество, включая его личные вещи. Нужно было составить акты о передаче, заполнить страховые отчеты, заплатить по счетам, погасить ссуды. Оказалось, что у отца даже поверенный был: его приятель со школьной скамьи, который, хоть и не мог приехать, очень помог мне разобраться со всеми этими грудами бумаг. Также он организовал продажу нашего дома и нанял уборщиков, а также людей, которые переслали нам движимое имущество. В течение зимы к нашему порогу непрерывно текла река из коробок, в которых могло быть все что угодно, от памятных альбомов до китайских миниатюр. Поэтому я и внимания не обратила, когда курьер принес нам большой

ящик с маркировкой «Осторожно: хрупкое!». К посылке прилагалась записка от поверенного: он писал, что недавно обнаружил этот предмет на складе хранения: подписана коробка была именем отца, поэтому поверенный отослал ее нам, не распечатав.

Стоял мрачный февральский день, была пятница. Я только пришла домой с работы. Муж, Стивен, отвез дочек на выходные в горы, покататься на лыжах. Мне этот вид спорта был не по душе, поэтому я осталась дома, с нетерпением предвкушая пару дней тишины и одиночества. Я встала на колени в передней и начала вскрывать коробку: ветер плевал дождевыми каплями в оконные стекла. Я не смогу вам объяснить, что почувствовала, когда сняла упаковочную бумагу и оказалась носом к носу со стеклянной кошкой. Полагаю, вы бы испытали подобное, если бы обнаружили тараканье гнездо в выдвижном ящике шкафа, среди ароматических саше. Моя память мгновенно воссоздала картину смерти Делии в мельчайших и ужасающих подробностях.

Я проглотила рвавшийся наружу вопль, отчаянно пытаясь вытеснить этот кошмар какой-нибудь разумной мыслью. «Это всего лишь кусок стекла». Мой голос отскакивал от стен в пустынном доме.

Да, это едва ли меня успокоит.

Я никак не могла отмахнуться от образа, что всплывал во мне: будто внутри меня сидит нечто темное, безликое; огромные белые глаза сияют, и когти скребутся. Оно кричало: «Помоги мне сбежать отсюда!», и я послушалась его: схватила пальто с крючка в шкафу и бросилась к двери.

Я бежала к городу и замедлила шаг, лишь когда у меня с ноги соскочил ботинок и я осознала, как, должно быть, выгляжу со стороны. Вскоре оказалось, что я сижу за столом в закусочной и грею руки над кружкой кофе, пытаясь убедить себя, что все это глупости. Я растягивала каждый глоток. Когда я почувствовала, что могу вернуться домой, уже смеркалось. Я пришла, и там меня все еще ждала стеклянная кошка.

Чтобы не чувствовать одиночества, я включила радио и развела в камине огонь. Потом села перед коробкой, чтобы закончить распаковку. Скульптура наяву оказалась не менее отвратительной, чем в моей памяти. Она правда была уродливой и пробуждала чувство тревоги. Может, я так и не поняла бы никогда, почему папа хранил ее, если бы он не положил в коробку объяснение, написанное его аккуратным почерком на бумаге с гербом колледжа:

Для заинтересованных лиц:

В этой коробке находится скульптура, «Кошка в стекле», задуманная и выполненная ныне покойным Александром Челичевым. Так как Челичев считается одним из предвестников дадаизма, ученым может быть небезынтересна история происхождения «Кошки».

Я приобрел скульптуру у самого автора, на его чердаке в Цюрихе в декабре 1915 года, за два месяца до того, как художник впал в неистовство, приведшее его в больницу для невменяемых преступников, и задолго до того, как он получил всеобщее признание. (Хочу заметить, что запрашиваемая цена составляла сорок восемь швейцарских франков и хороший обед с вином.) Известно, что в то время где-то в другой части города проживали жена Челичева с двумя детьми, но он лишь навещал их время от времени. Ниже следует сообщение художника о «Кошке в стекле», записанное максимально точно после нашей беседы во время обеда.

«Всю свою жизнь я сражался с дьяволом. Он не желает признавать никаких

правил. Никакого порядка. В моих работах он присутствует повсюду. В детстве меня избивали, и, когда я вырос и стал сильным, я убил за это своего отца. Понимаю ваш скептицизм, но это правда. Теперь я — взрослый человек, и я нашел своего отца в себе самом. У меня есть жена и дети, но я провожу с ними мало времени, потому что боюсь этого отца-дьявола в себе. Я не бью своих детей. Вместо этого я создаю эту кошку. Я перелил свое безумие в стекло. Лучше туда, чем в глаза моих дочерей».

Я думаю, что «Кошка в стекле» стала последней законченной работой Челичева.

С уважением, Лоуренс Уотерс, профессор истории искусств

Я положила письмо обратно в коробку и запечатала ее. Следующие две ночи я провела в гостинице: вышагивала по комнате и почти не спала. В следующий понедельник Стивен отнес кошку к оценщику. Вернулся он поздно, крайне взволнованный новостями о великом Александре Челичеве.

Налил себе джина с тоником и принялся объяснять:

— Эта стеклянная кошка — бесценное сокровище. Ты знала, Эми? Если бы твой отец продал ее, одно это сделало бы его богачом. Но он никогда тебе не признавался.

Я накрывала на стол. Выходные были для меня ужасно напряженными. И сегодня немногим легче: весь день шел снег, и дети в школе с ума посходили, не зная, куда девать энергию. С нашими собственными детьми — семилетней Элеанор и четырехлетней Роуз — происходило то же самое. Я и сейчас слышала, как они ругались в детской, дальше по коридору.

— Что ж, я рада узнать, что это страшилище чего-то стоит, — ответила я. — Давай продадим его и наймем горничную?

Стивен рассмеялся, как будто я сказала что-то невероятно забавное.

— Горничную? Да ты тысячу горничных сможешь нанять, если мы выставим кошку на аукцион. Это — удивительное произведение с завораживающей историей. И, знаешь, со временем цена будет только расти. Думаю, лучше нам его пока попридержать.

Я держала в руках горячую кастрюлю с картофе-

лем, но все равно пальцы мои обратились в лед.

— Стивен, я не шучу. Это — отвратительное уродство. Если бы я могла, я бы стерла этот ужас с лица земли.

Он приподнял брови:

— Что это с тобой? Бунт? Слушай, если тебе так нужна горничная, то без проблем.

— Дело не в этом. Не хочу, чтобы у меня в доме стояла эта адская тварь.

— Амелия, я бы предпочел, чтобы ты не бранилась. Дети могут услышать.

— А мне плевать, пусть слушают.

С этого момента все пошло не так. Я попыталась объяснить, как кошка связана со смертью Делии. Но Стивен уже меня не слушал. Весь ужин он сидел хмурый. Элеанор и Роуз спорили, кому достанется следующая ложка гороха. А я пыталась справиться с все возраставшим чувством ужаса, который для такого пустячного дела казался чрезмерным.

Когда все закончили есть, Стивен с наигранной живостью провозгласил:

— Девочки, помогите нам решить один важный вопрос.

— Как здорово! — сказала Роуз.

— Какой вопрос? — спросила Элеанор.

— Пожалуйста, не надо… — Я еле удерживалась от крика.

Стивен одарил меня мальчишеской ухмылкой (именно она когда-то завоевала мое сердце):

— Да ладно тебе! Постарайся взглянуть на вещи объективно. Ты так болезненно реагируешь из-за своих детских воспоминаний. Пусть девочки решат. Если она им понравится, то почему бы нам ее не оставить?

Я должна была все предотвратить. Должна была настоять. Но все мы, как говорится, крепки задним умом. Но внутри у меня начало прорастать зерно сомнения. Стивен всегда мыслил так логично, так правильно, особенно в финансовых вопросах. Может, он и на этот раз прав?

Он принес кошку назад от оценщика, ничего мне не сказав. Если это позволяло ему добиться своего, он никогда не гнушался маленькими хитростями. И вот он принес коробку из гаража и распаковал ее прямо на нашем теплом паркете, при ярком свете ламп. Но ничто не поменялось. Мне скульптура показалась все такой же пугающей. Я почувствовала, как на лбу проступает холодный пот, но смотрела и смотрела на нее, всю в радугах преломленного света.

Элеанор была в полном восторге. Она поймала

нашу настоящую кошку по кличке Джелли и поднесла ее к скульптуре: «Джелли, посмотри, какого милого друга мы тебе нашли!» Но кошка принялась вырываться и шипеть, и Элеанор пришлось ее отпустить. Дочка рассмеялась и сказала, что Джелли просто ревнует.

Роуз заупрямилась не меньше кошки. Она сжалась в углу, не желая подходить к скульптуре, и украдкой бросала на нее взгляды из-за отцовских колен. Но Стивен и слышать не хотел о таких глупостях:

— Давай, Роуз. Это всего лишь кошечка из стекла. Потрогай ее, ну же. — Он взял ее за плечи и мягко подтолкнул. Она нерешительно протянула руку, будто знакомилась с живой кошкой. Я видела, как ее пальчик коснулся стеклянного нароста на месте, где у кошек обычно бывают носы. Девочка отпрянула, негромко ойкнув от боли. Вот так все и началось. Совсем безобидно.

— Он укусил меня! — вскрикнула она.

— Что случилось? — спросил Стивен. — Ты сломала ее? — Он, бессердечное чудовище, сначала побежал к скульптуре, чтобы проверить, все ли на месте.

Она показала мне свой палец. На нем была крошечная царапинка, из которой сочилась капля

ярко-красной крови. «Мамочка, жжется, жжется». Она уже не плакала. Она пронзительно кричала.

Мы отвели ее в ванную. Стивен держал Роуз, а я промыла ранку и приложила к ней холодное полотенце. Кровотечение сразу остановилось, но девочка не переставала визжать. Стивен разозлился:

— Что за чушь? Это царапина. Просто царапина.

Роуз дергалась, пиналась и вопила. В защиту Стивена могу сказать, что зрелище и правда было ужасающее, а он никогда не умел справляться с настоящим страхом, особенно если боялся сам. Он всегда пытался спрятать страх за маской гнева. Один из наших соседей был врачом.

— Роуз, если ты не перестанешь, мы позовем доктора Пеппермана. Ты этого добиваешься?

А ведь доктор Пепперман, этот веселый семидесятилетний старичок, был сама доброта и очарование, да и угрожать в такой ситуации было ужасно глупо.

— Да Бога ради, сбегай уже за Пепперманом! Не видишь разве, что-то здесь совсем неладно, — сказала я.

Он послушался меня, в виде исключения. Схватил Элеанор за руку, сказал: «Пойдем со

мной» — и зашагал через двор по снегу, даже куртки не надев. Мне кажется, он взял Элеанор (тоже без верхней одежды) лишь потому, что сам был ужасно напуган и не хотел в одиночку столкнуться с темнотой.

Когда пришел доктор Пепперман (он только что закончил ужинать, на усах висели капли соуса), Роуз все еще кричала. Он осмотрел ее палец и остался слегка удивлен увиденным:

— Никаких серьезных повреждений я не нахожу. Я бы сказал, что виной всему истерический приступ. — Он достал из небольшого коричневого чемоданчика ампулу и шприц и сделал Роуз укол — просто, чтобы помочь ей успокоиться.

Казалось, лекарство сработало. Через несколько минут вопли перешли в тихие всхлипывания. Пепперман протер царапину дезинфицирующим средством и наложил нетугую марлевую повязку.

— Ну вот, Рози. Мы перебинтовали ранку — и теперь все пройдет. — Он подмигнул нам. — Утром с ней все будет в порядке. Снимите повязку, как только она позволит.

Мы уложили Роуз в постель и сидели с ней, пока она не заснула. Стивен развязал марлю, чтобы на воздухе рана быстрее затянулась. Порез

был немного воспален, но выглядел абсолютно нормально. Потом мы тоже отправились спать, успокоенные визитом доктора и несколько озадаченные реакцией Роуз.

После полуночи что-то разбудило меня. Дом был окутан той самой тишиной, которую навевает тихий непрекращающийся снегопад. Мне показалось, что я услышала какой-то звук. Странный звук. Крик? Стон? Рычание? Стивен спал, слегка похрапывая; видимо, шум был недостаточно громким, чтобы его разбудить.

Я тихо выползла из кровати и повозилась с халатом. Между нашей спальней и комнатами Элеанор и Роуз был короткий лестничный пролет. Элеанор, как и ее отец, часто храпела, и теперь я слышала ее из коридора — наверное, крепко спала. Из комнаты Роуз не доносилось ни звука.

Я вошла к ней и включила ночник. Лампочка в нем была очень маломощная, и поначалу мне показалось, что это пляшут тени: вся рука Роуз, от кисти до плеча, была черной, словно перезрелый банан. В воздухе стоял странный запах: вонь мясной лавки в жаркий летний день. С выпрыгивающим из груди сердцем я включила верхний свет. Бедная Рози. Она была такой неподвижной и холодной. И рука у нее совсем сгнила.

Нам сказали, что Роуз умерла от заражения крови — редкая разновидность заболевания, которое в основном случается от укусов животных. Я раз за разом повторяла врачам, что все сходится, что нашего ребенка действительно укусило животное: кошка, ужасно злобная стеклянная кошка. Стивену было неловко. Сам-то он думал, что неодушевленные предметы винить не нужно, а вместо этого нам следует подать в суд на доктора Пеппермана за халатность. Поначалу врачи сочувственно похлопывали меня по плечу. Галлюцинации, вызванные горем, так они говорили. Это пройдет. Со временем вы исцелитесь от них.

Я заставила Стивена убрать кошку. Он сказал, что продаст ее, но соврал. И мы похоронили Роуз. Но я не могла спать. Каждую ночь я шагала по дому, боясь закрыть глаза, потому что кошка всегда была там, сияла своим довольным взглядом и ждала, когда ей перепадет еще мяса. А днем все напоминало мне о Рози. Отпечатки ее пальчиков на мебели, содержимое кухонных шкафчиков, ее любимая еда на полках магазина. Я не могла преподавать. У каждого ребенка было ее лицо, ее голос. Стивен и Элеанор поначалу были добры ко мне, потом стали хмуриться, потом злиться.

Одним утром я не смогла найти веских причин,

чтобы одеться и встать с дивана. Стивен кричал на меня, говорил, что это просто смешно, спрашивал, не забыла ли я, что у меня осталась еще одна дочь, которая нуждается во мне. Но, понимаете, я уже не верила, что от меня — и от кого угодно еще — может быть хоть какой-то толк. Я ничего не значила. В мире не было ни Бога, ни порядка, ни смысла. Только хаос, жестокость и непостоянство.

Когда Стивену стало очевидно, что его дорогая женушка Эми из статьи дохода превратилась в обузу, он отправил меня в лечебное учреждение, далеко-далеко от всех, кого я знала, чтобы о моем существовании можно было спокойно забыть. Со временем мне там даже понравилось. У меня совершенно не было никаких обязательств. А если там и царили грязь и безумие, то снаружи было ничуть не лучше.

Однако настал день, когда меня нарядили в новую одежду и оставили ждать по ту сторону больших ворот из стекла и металла. Я не знала, чего жду. В воздухе сладко пахло: была весна, и по газону, точно капли свежей желтой краски, были разбрызганы одуванчики.

Приехала машина, из нее вышла хорошенькая молодая женщина и взяла меня за руку.

— Здравствуй, мама, — сказала она, когда мы уже катили по дороге. Это была Элеанор, совсем взрослая. Первый раз со дня смерти Роуз я задалась мыслью, сколько же прошло времени, и подумала, что, видимо, очень много.

Мы ехали довольно долго и наконец остановились у большого загородного дома: перед этим белым зданием простирался газон, а гаража хватало на две машины. По сравнению с домом, где мы со Стивеном вырастили ее, это казалось настоящим поместьем. Пытаясь поддержать светскую беседу, я спросила, замужем ли она, есть ли у нее дети. Выходя из машины, она раздраженно ответила:

— Разумеется, я замужем. Ты же видела Джейсона. И фотографии Сары и Элизабет я показывала тебе много раз.

Я ничего этого не помнила.

Она открыла калитку в частоколе, и мы зашагали по аккуратной мощеной дорожке. Парадная дверь открылась на несколько сантиметров, и оттуда показались крохотные личики. Дверь распахнулась шире, и на крыльцо выбежали две девочки.

— Привет, — сказала я. — Вы кто такие?

Старшая, хихикая в ладошку, сказала:

— Разве ты не знаешь, бабушка? Я Сара.

А младшая девочка молчала, уставившись на меня с откровенным любопытством.

— Это Элизабет. Она боится тебя, — пояснила Сара.

Я склонилась и посмотрела Элизабет в глаза. Они были карими, а волосы светились золотом — в точности как у Рози.

— Не надо бояться меня, дорогая. Я всего лишь безобидная старушка.

Элизабет нахмурилась:

— А вы сумасшедшая?

Сара снова захихикала, прикрываясь рукой, а Элеанор шумно задышала через нос, словно такое нахальство поразило ее до глубины души.

Я улыбнулась. Мне нравилась Элизабет. Очень, очень нравилась.

— Говорят, что да. И, возможно, это правда.

По ее лицу пробежала еле заметная улыбка. Она встала на цыпочки и поцеловала меня в щеку, словно теплый ветерок пролетел, а потом развернулась и убежала. Сара последовала за ней, и я смотрела им вслед, и сердце мое плясало и содрогалось. Я так давно уже никого не любила. Я скучала по этому чувству, но и боялась его. Ибо я любила Делию и Рози, и теперь они обе были

мертвы.

Первым, что я увидела, войдя в дом, была «Кошка в стекле» Челичева. Она злобно таращилась со своего почетного пъедестала рядом с диваном. Я внезапно почувствовала, как у меня все внутри сжалось.

— Откуда у вас это? — спросила я.

Элеанор снова выглядела раздраженной.

— Конечно, от папы.

— Стивен пообещал мне, что продаст ее!

— Ну, выходит, что не продал.

От злости у меня участился пульс.

— Где он? Мне нужно немедленно с ним поговорить.

— Мама, не глупи. Он умер десять лет назад.

Я опустилась в кресло. К тому времени меня уже трясло, и я, кажется, заметила, как стеклянная кошка полуулыбается холодными челюстями.

— Мне нужно на воздух, — сказала я. Мои легкие словно сжимались под страшным весом. Я едва могла дышать.

Надо сказать, Элеанор выглядела искренне обеспокоенной. Она проводила меня на крыльцо и принесла стакан воды со льдом:

— Тебе лучше?

Я глубоко дышала.

— Да, немного лучше. Элеанор, ты разве не понимаешь, что это чудовище убило твою сестру и мою тоже?

— Так это же неправда, мама.

— Правда, правда! Умоляю, избавьтесь от нее, если вам дорога жизнь ваших детей!

Элеанор побледнела — то ли от ярости, то ли от страха.

— Она не твоя. Ты недееспособна, и я буду очень благодарна, если ты будешь как можно меньше вмешиваться в мои дела до тех пор, пока мы не найдем тебе жилье. Как только подвернется квартира, я тотчас переселю тебя туда.

— Квартира? Но я не могу…

— Нет, можешь. Ты вполне здорова, мама, вполне. Тебе просто нравилось в больнице, потому что там все так просто. Но держать тебя там — дело недешевое, и нам это больше не по карману. Тебе придется привести себя в порядок и снова начать вести себя, как и подобает разумному человеку.

Я уже была готова расплакаться, я была очень смущена. Мне было ясно лишь одно: истинная природа стеклянной кошки. Я постаралась, чтобы голос мой не дрожал:

— Послушай меня. Эта кошка создана из самого

безумия. Она — зло. Если у тебя осталось мозгов хоть на грош, ты сегодня же выставишь ее на аукцион.

— Это чтобы у нас снова были деньги, чтобы держать тебя в больнице? Нет уж, я этого не сделаю. Скульптура просто бесценна. Чем дольше она будет у нас, тем больше за нее дадут потом.

Она унаследовала практический ум Стивена. Мне никогда не удастся ее переубедить, и я знала это. Я спрятала лицо в ладони и зарыдала от отчаяния. Я думала об Элизабет. Мягкая, душистая кожа на ее ручках, пламенеющие щечки, сила, которой был наделен тот мимолетный поцелуй. Люди — такие хрупкие произведения искусства, жизнь их так неустойчива, и вот я снова попалась в ту же ловушку, мое непокорное сердце опять рвется к одному из них. Но дорога обратно, в безопасность одиночества, была разрушена. Оставалось только идти вперед.

Джейсон пришел домой к ужину. Мы славно поели все вместе, рассевшись за элегантным столом розового дерева. Муж моей дочери был человеком добрым — куда добрее, на самом деле, чем Элеанор. Он спросил детей, как они провели день, и внимательно выслушал их ответы. Я тоже прислушалась, пораженная, насколько они со-

вершенны, эти розовые детки, и до глубины души потрясенная воспоминаниями о том, как может испортиться детская плоть. Джейсон никого не прерывал. Он ничего не требовал. Когда Элеанор отказалась сделать мне кофе — сказала, что боится, будто я от него «заведусь», — он пожурил ее и сам налил мне чашку. Мы поговорили о моем отце (он знал о нем понаслышке), об искусстве и европейских городах. И все время я нутром чувствовала злобный взгляд *Кошки в стекле,* который морозным льдом прожигал стены и мебель, словно их и не существовало.

Элеанор постелила мне на раскладушке в гостевой комнате. Не хотела, чтобы я спала в кровати, и не объяснила почему. Но я услышала, как они с Джейсоном из-за этого спорили.

— Что не так с кроватью? — спросил он.

— Она душевнобольная, — ответила Элеанор. Она шептала, но голос ее звучал громко. — Одному Господу известно, что за пакостные привычки она там подхватила. А вдруг она запачкает такой хороший матрас? Посмотрим: если за несколько ночей она ничего не натворит, может, мы и переведем ее на кровать.

Наверное, они думали, что я в ванной, занимаюсь какими-то жуткими непотребствами,

которые обычно делают психи в подобных местах. Но они ошиблись. Я тихо кралась мимо их двери по пути в гараж. Должно быть, в свободное время Джейсон очень любит мастерить: я нашла на стене целую коллекцию молотков, среди которых оказалась прекрасная кувалда с короткой ручкой. Я спрятала ее под матрас, никто и не заметил.

Дети вошли пожелать мне спокойной ночи. Что за безумная перемена ролей! Я долго лежала в темноте на своей раскладушке и думала о них, особенно об Элизабет, самой маленькой и слабой, которая наверняка станет первой жертвой нападения. Я задремала, и во сне мне улыбалась Элизабет-Делия-Роуз, и я бродила под снегопадом; порой мне грезилась стеклянная кошка, ее яростные глаза обжигали, и хрустальный язык облизывал хрустальную пасть. Было далеко за полночь, когда сны мои разбились, как зеркала, и наступила тишина.

Дом стих, лишь раздавались те щелчки и тиканье, с которыми любое здание остывает в темноте. Я встала с постели и вытащила из-под матраса молоток; я еще не знала, зачем он мне. Знала лишь, что пришла пора действовать.

Я прокралась в гостиную. Кошка сидела, ожи-

дая меня, — я знала, что так и будет. Лунный свет мерцал на ее безумной стеклянной шерсти. Я чувствовала ее силу, почти видела ее: слабое красное сияние по всей длине ее искореженного позвоночника. Это существо двигалось. Медленно, медленно, улыбаясь — да-да — настоящей улыбкой. Я чувствовала его смрадное дыхание.

Я замерла на секунду. Потом вспомнила про молоток — очаровательную кувалду с короткой рукояткой. И я подняла ее над головой и опустила, нанося первый сокрушительный удар.

Звук был изумительный: прекрасней кимвалов, даже лучше священных труб. Я вся дрожала, но продолжала лупить в радостной агонии, и стекло осыпалось радужным дождем. Я слышала крики. «Бабушка, стой! Стой!» Я широко замахнулась кувалдой, услышала звук, напоминавший треск от упавшей спелой дыни, и снова опустила молоток на кошку. Я больше ничего не видела. Я ощутила осколки стекла в глазах и вкус крови во рту. Но все это было уже не важно. Малая цена за мое отречение от «Кошки в стекле» Челичева: отречение, с которым я и так слишком затянула.

Теперь вы видите, как я дошла до такого. Да, мне пришлось многим пожертвовать. И теперь настал черед последней жертвы: в мои пустые

глазницы проникла инфекция. Они воняют. Не сомневаюсь, что это заражение крови.

Я и не ждала, что Элеанор простит меня за то, что я погубила самую ценную вещь в ее доме. Но я надеялась, что Джейсон хотя бы разок приведет ко мне детей. От него не было ни слова, лишь вчера принесли один-единственный цветок. Сиделка сказала, что это белая роза; она поднесла ее поближе, чтобы я могла понюхать, и зачитала текст с открытки. «Элизабет, как никто, умела прощать. Она бы хотела, чтобы этот цветок достался вам. Спокойных снов. Джейсон».

Меня это озадачило.

— А вы ведь даже не знаете, что натворили, да? — спросила сиделка.

— Я уничтожила ценное произведение искусства, — сказала я.

Она ничего не ответила.

Нэнси Этчеменди живет в Северной Калифорнии. Она вот уже двадцать пять лет публикует свою прозу и стихи. Лучше всего известны ее детские книжки, но и для взрослых она тоже написала несколько десятков рассказов: преимущественно темное фэнтези и ужасы. Ее работы

заслужили три премии Брэма Стокера (две — за книги ужасов для детей), награду «Голден Дак» за достижения в области научной фантастики для детей и премию Международной Гильдии Ужасов. Ее сборник темного фэнтези для подростков «“Кошка в стекле“ и другие рассказы о противоестественном» («Cat in Glass and Other Tales of the Unnatural») Американская библиотечная ассоциация включила в список лучших книг для подростков (2003).

Говорит автор: «Когда нам с сестрой Сесили было по три или четыре года, отец принес домой котенка из автомагазина, где работал. Мы назвали котенка Ральфом. Поначалу Ральф был маленьким и милым, любил, когда его тискали. Но потом он вырос в огромного некастрированного кота, совсем дикого. Почти все время он проводил на улице, охотился и сражался с другими котами. Домой он приходил лишь поесть и поспать и зачастую был весь изранен, и раны его гноились. Шерсть торчала клочьями. От него исходил ужасный запах, и, если мы пытались его погладить, он шипел.

Однажды мы с Сесили решили, что накажем его за дурной нрав. Мы взяли по мотку вязальных ниток и стали бегать вокруг бедняги Ральфа кру-

гами: одна по часовой стрелке, другая — против. И вот он уже шипит и вопит, замотанный в нитки с головы до ног. Мы стояли между ним и раскрытой дверью, и когда он выпутался, то побежал прямо на нас. То, как он выпутывался из ниток, как пах тогда и какие звуки издавал — все это наводило ужас. Я и по сей день немного боюсь кошек. За прошедшие годы я брала к себе пару кошек, но так и не избавилась от чувства, что, если на нее накатит, кошка с радостью расцарапает хозяину лицо. Так что собак я люблю гораздо больше».

Койот Пейот
Кэрол Нельсон Дуглас

ГЛАВА 1

Важная шишка

Многие не осознают, что Лас-Вегас — это самый большой квадратный фианит в мире, ограненный бескрайними песками и кустами полыни. Гламур в Гоби, если можно так сказать.

Конечно, почти всем известно, что этот старинный городок мерцает, но больше они ничего не видят, только высоковольтный бульвар Лас-Вегас-Стрип да огни Глиттер-Галч в центре. Миллионы гостей ежегодно прилетают и улетают на больших серебристых самолетах «Тандерберд» (коммерческие и чартерные рейсы), похожие на перелетные стаи альбатросов в отпуске с карманами, набитыми деньгами, и фотоаппаратами наперевес.

Они приземляются в аэропорту Маккарран. Теперь это такой же памятник загадочному Лас-Вегасу, как и любая из гостиниц на главном бульваре: в его зеркально-металлических про-

сторах сверкают и позвякивают ряды игровых автоматов.

Почти все посетители выбирают широко разрекламированные развлекательные и отвлекательные мероприятия: они поглощают солнечные лучи, театральные представления, мутные действия сексуального характера и сравнительно безобидную радость в казино, которых тут как грибов после дождя. Для них Лас-Вегас — это симулятор, выдающий голографическое изображение космического корабля «Энтерпрайз» в двадцатом веке. Ты очутился там — и это непохоже ни на одно место на земле, а потом уезжаешь, и оказываешься ровно там же, где и был раньше, — разве что немного победнее, но зато увидел ослепительный блеск роскошной жизни.

Никто не думает о Лас-Вегасе как об огромном искусственном оазисе с глинобитными хижинами, что застрял в самой глуши Дикого Запада, точно бриллиант в пупке танцовщицы пустынь. Никто не думает, что его кричащее великолепие самовольно захватило землю, где когда-то танцевали призраки южного индейского племени пайютов. Никто уже не вспоминает о страшных временах золотой лихорадки — теперь от них остались лишь слащавые названия казино вроде

«Золотого самородка».

Вряд ли кому-то есть дело до этого песчаного моря, что раскинулось вокруг острова развлечений по имени Лас-Вегас.

Должен признаться, я тут не исключение. Я знаю Вегас вдоль и поперек, да и сам город, эта огромная музыкальная шкатулка, тоже знаком со мной не понаслышке: Полночный Луи, знаменитый субчик, секретный агент, настоящий профи. Я признаю под ногами только тот песок, что насыпают в лоток, а ведь я не такой уж поклонник искусственно обустроенных внутренних территорий. Предпочитаю свежий воздух и добротную чистую грязь.

Я предпочитаю иные удобства, вроде золотых карпов в декоративном пруду позади гостиницы и казино «Кристал Финикс», самого роскошного постоялого двора на бульвре Стрип — и карпы здесь были такие дорогие, что даже назывались по-особенному, «кои». Но я зову их просто: «обед».

На какое-то время я стал неофициальным штатным детективом в «Кристал Финикс», и декоративный пруд был тогда моим любимым развлечением. До чего, однако, удобно, когда офис находится рядом с хорошей закусочной. Рас-

положение, расположение, расположение, как говорят агенты по недвижимости, — и я всегда открыт для новых предложений от знатоков.

Я занимаюсь частной практикой у канн, что опоясывают пруд с карпами. Это не в буквальном смысле частная практика, как вы понимаете. Просто расходится молва о том, где можно найти Полночного Луи. И все слухи сходятся в двух пунктах: во-первых, будь у вас две ноги или четыре, не ждите благосклонного отношения от Полночного Луи, если вздумаете шутки шутить с кем-нибудь из его приятелей в «Кристалл Финикс». Во-вторых, Полночный Луи не прочь порой взяться за какое-нибудь щекотливое дельце, если оплата будет достойной и своевременной.

Я не выступаю в легком весе: в мокром состоянии во мне более двадцати фунтов, а ведь взвешивался я уже давненько. И все же шерсть моя еще отливает цветом воронова крыла, турмалиново-зеленые очи зорки, как у орла, а уши знают, когда им встать торчком, а когда прижаться к голове, уведомляя окружающих об опасности. (Некоторые утверждают, что представители моего племени не различают цвета. Но нас они об этом напрямик не спрашивали.) Бережный уход обеспечивает моей шкурке безупречное сияние,

а бритвы, спрятанные в лапах, тонки и остры, точно стрелки брюк у охранника Мачо Марио Фонтаны.

Несмотря на внушающий трепет внешний вид, я парень скромный, который ладит со всеми окружающими — особенно если его окружают женщины — за исключением рода псов.

Это слабость нашей семьи. Что-то есть в этих псах, от чего шерсть на наших загривках встает дыбом (и я уже молчу про спины!), а наши вторые по значимости конечности поднимаются кверху и салютуют.

Теперь вы можете себе представить мои чувства, когда я спокойно дремал в своем кабинете (виной тому был недостаток дел и избыток рыбных блюд на обед) и тут заметил подозрительную тень на ближайшей стене, которую омывали лучи солнца.

Была уже половина седьмого вечера — время, когда бассейны при гостиницах в Лас-Вегасе захлопываются быстрее, чем акулья пасть. Таким образом туристов торопят в объятия казино, где те проведут всю ночь и потратят все отложенные деньги. Рядом с прудом обычно уже никого нет. Даже карпы не отсвечивают — по причинам, которые могут быть связаны со мной (и это до-

вольно весомая причина!).

Итак, мои веки приспущены, точно флаги. Лучи заходящего солнца просвечивают сквозь листья канн… Жизнь кажется вполне сносной… И вот, нате вам, эта неприятная тень тут как тут.

Кто бы не узнал это вытянутое острое рыло, приоткрытое ровно настолько, чтобы выставить напоказ отвратительные ряды зазубренных клыков? А эти огромные, длинные и острые уши? Сомнений нет: этот угловатый силуэт своими жадными очертаниями напоминал египетского бога мертвых с головой шакала, Анубиса. (Я осведомлен о египетских богах, ведь мой предок был одним из них. Я говорю о Басте. Вы, возможно, слышали про этого паренька. Или эту девчушку. И все равно вы можете называть меня просто Луи — я не злоупотребляю семейными связями.)

В тот день у Полночного Луи все валилось из лап. Я изгибаюсь подобно воротцам для игры в крокет и поднимаюсь, чтобы оказаться на высоте в прямом и переносном смысле. Если судить по тени, это не самый крупный пес из всех, что мне приходилось видеть, но все равно клиент солидный. Не надо быть штатным детективом, чтобы понять это.

— Вольно! — лает пасть на стене (так она вы-

глядит еще более устрашающе). — Я здесь просто по делу.

Я не из тех, кто расслабляется по приказу, но обратить к врагу тыл и обращаться в бегство я тоже не собираюсь. Поэтому я выжидаю.

— Это ты у нас Полночный Луи? — вопрошает тем же резким и хрипловатым голосом мой визитер, который так стесняется выходить из тени.

— А кто интересуется?

— Это неважно.

Вот тебе и поговорили по душам. Я притворяюсь, что опять присел, но мои беспокойные когти то и дело показываются из-под перчаток. В отличие от всяких шавок я знаю, когда держать рот на замке.

Над моей головой ленивая пчела гудит над большим желтым цветком канны. Я чихаю.

— Вид не очень-то внушительный, — замечает мой невежливый гость, помолчав немного.

— Это можно сказать не только обо мне, — рычу я в ответ. — Выйди на свет, и тогда посмотрим.

Он так и поступает, и я жалею, что попросил.

Ошибки тут быть не может. Я гляжу на тощие ноги с длинными изогнутыми ногтями, как у мандарина. Осматриваю глаза, желтые и жесткие, как камни в мочевом пузыре. Голова даже

больше выдает в нем хищника, чем я полагал. Тело поджарое, но мускулистое. Пятая конечность худощава, похожа на хот-дог длиной в фут; свисает низко, словно плеть. Этот паренек — точно собака, как я думал. Собака, да не совсем: не домашний песик, но динго, житель пустынь. Я начинаю понимать, как чувствовала себя Красная Шапочка, а ведь у меня, насколько я знаю, даже бабушки нет, о которой стоит переживать.

— Что я могу сделать для вас? — спрашиваю я, надеясь, что он не ответит: «Обед». Я не мастак по части обедов для хищников в прямом смысле слова.

Типчик скользнул в тень рядом со мной. Моя нюхательная система чуть не отказывает из-за чрезмерной вони; этот бродяга не мылся по меньшей мере неделю. Это, видимо, еще одна причина, по которой я недолюбливаю псов.

Он садится бок о бок со мной под листьями канны. Его желтые глаза шарят по окрестностями в поисках посторонних.

— Мне нужна одна услуга, — говорит он.

Вот уж сюрприз так сюрприз. Я слишком хорошо помню, что товарищ, с которым я имею сейчас дело, — это представитель другого вида. Он и подобные ему обделывают свои делишки на

окраинах цивилизованного Лас-Вегаса и на беззаконных просторах открытой пустыни. Некоторые называют их трусами, другие — осторожными. Естественно, их ненавидят. Естественно, на них охотятся. Многих убивают. И каждый из них убивает. И не только убивает.

— Я не оказываю услуг тем, кто занимается определенными противоестественными действиями.

— Например?

— Я слышал, что ваш род порой ест… жуков.

— Как и люди, — спокойно замечает он.

— И это не все. Также до меня доходили слухи, что вы иногда лакомитесь… — Я сглатываю комок в горле и стараюсь удержать дрожь в усиках. — Трупами.

Почему бы еще древние египтяне сделали Анубиса главным шакалом Подземного мира? Мой посетитель выглядит, как его прямой потомок.

— Мы поступаем так, когда больше есть нечего, — признает он с леденящей душу улыбкой. — В городе это называется «ликвидация отходов».

Я молчу. Он меня не убедил.

Сидя, этот типчик выглядит в точности, как египетская статуя. Он праздно оглядывает цветущие благоустроенные земли, столь отличные

от засушливых земель, что привычны его глазу. Я осознаю, сколько выдержки и отваги потребовалось этой известной парии, чтобы рискнуть и пробраться в самое сердце Вегаса. Просто для того, чтобы встретиться со мной. Ну что ж, если подумать, то Полночный Луи польщен — самую крошечную малость.

— И когда в последний раз, — спрашивает он, — случалось тебе отведать супербургер из ближайшей забегаловки?

— Это другое дело, — начинаю я.

— Мясо мертвого животного, — непреклонно провозглашает он. — Кто-то убил его, а ты съел. — Желтые глаза скользят по мне. Я вижу, как злобно они мерцают. — А как насчет содержимого банок, которое так жадно поглощаешь ты и твои собратья?

Да, тут все очевидно: этот паренек весь размерцался, как перламутровая рукоять короткоствольного карманного пистолета.

— Я сам ловлю свою еду. — Я киваю в сторону спокойного пруда. — Так что у вас случилось?

— Убийство.

От его ответа по моему внушительному стану проходит едва заметная дрожь. Я-то надеялся, что это будет какой-нибудь пустяк, вроде нападений

кукушки-подорожника.

— И кто жертва?

— Жертвы.

— Сколько?

— Пока что шесть.

— Метод убийства?

— Один и тот же.

— Ты сейчас о серийном убийце говоришь, приятель.

— А, так мы уже подружились? — Еще одна злобная желтая вспышка. У этого субъекта взгляд Бетт Дэвис… в роли кровожадной Бэби Джейн.

— Деловые партнеры, — говорю я твердо. Никто в здравом уме не отвергнет такую характеристику. — Так кто жертвы?

— Мои братья и сестры.

— А-а-а.

Я не знаю, как сформулировать свою мысль. Один или шесть… мертвых койотов среди большинства человеческого населения. И давайте уже признаем: миром правит именно человечество.

Теперь я знаю, кто этот субъект. Если даже и не его самого, то его типаж: это сам Дон Койот, представитель злополучного племени. Охотники на вредных животных со всех краев мечтают отрезать им уши и хвосты за пару баксов или про-

сто из принципа. Не нужно быть гением, чтобы понимать: подозреваемых по делу о так называемом преступлении, если речь идет об убийстве койотов, слишком много; имя им легион.

— Если ты и впрямь такой разумный, — говорю я ему дипломатично, — то наверняка знаешь, что легче было бы найти тех, кто не убивал койотов, чем тех, кто убивал.

— Это совсем другое дело, — резко говорит он. — К охотникам мы привыкли. Чаще всего нам удается их перехитрить. Мы выживаем — даже если и не благоденствуем, — и род наш множится, а ведь клан наших двоюродных братьев, Серых Волков, уже почти доведен до исчезновения. Мы научились избегать стальных капканов и стрихнина. Мы славимся умением бросать судьбе вызов. Но сейчас нас убивает нечто совершенно новое, коварное. Поддаются не только зеленые юнцы, но и те, кого должен был уберечь опыт. Это не вечная война, которую мы ведем одновременно с жертвой и охотником, это как раз то, о чем я и говорил: убийство.

— Этому я бы тоже не удивлялся. В наших краях вам приза зрительских симпатий не давали.

Он скалится, обнажая эффектные белоснежные зубы (без сомнения, перемалывание твердых

предметов вроде жучьих панцирей и костей пошло им на пользу).

— Вот поэтому мне нужен агент.

— Почему бы не попытать счастья у полицейских собак?

— По правде сказать, ваш род гораздо лучше справляется с работой под прикрытием. Даже домашняя собака, — тон его был даже не снисходительным; в нем звучало величавое безразличие, — тут оказывается в невыгодном положении. Предполагается, что она принадлежит какому-то человеку. Это привлекает к ней излишнее внимание, порой люди даже предпринимают ошибочные попытки помочь. А ваше племя, напротив, славится любовью к одиноким прогулкам; вы выбираете тайные, неведомые тропы и чаще остаетесь незамеченными.

Я пожимаю плечами и поправляю шикарную перчатку из черной кожи.

— Предположим, я соглашусь выполнить твой заказ. Что я получу взамен?

Он высовывает длинный красный язык. Непонятно, то ли он ухмыляется, то ли высматривает, не промаршрует ли мимо нас колония муравьев. Так сказать, любимая закуска.

— Я большая шишка в этих краях, — в задум-

чивости произносит койот. Говорит он весьма неохотно, словно выдает код от фамильного сейфа. — И у меня повсюду тут зарыты сокровища. Если ты найдешь убийцу — или даже не узнаешь, кто он, но сумеешь его остановить, — я расскажу тебе, где зарыт один из кладов. Это и будет платой.

— И какова же ценность этого клада? — вопрошаю я.

Желтые глаза сверлят во мне дыру.

— Он бесценен.

— Чем ты можешь это доказать?

— Я скажу лишь, что люди ценят такие предметы крайне высоко.

Х-м-м-м. Койотов называют мусорщиками пустыни. Я перебираю в памяти разные несъедобные штуки, которые могут попасться им на глаза на просторах пустыни Мохаве, но первым на ум приходит серебро. Возможно, потому что Джерси Джо Джексон, отчаянный картежник, тоже прятал огромные запасы украденных серебряных долларов в городе и за его пределами, среди унылых песков.

А ведь еще есть старые добрые самородки, оставшиеся со времен золотоискателей. Я не привередлив. Или… может, драгоценные камни?

Украденные драгоценности. Я ни на минуту не сомневаюсь, что этот пронырливый старикан знает тайны, о которых даже поющие на ветру пески не решаются поведать.

Я встаю и небрежно потягиваюсь:

— С чего мне начинать?

На мгновение я встречаюсь взглядом с этими древними глазами цвета охры.

Затем этот тип тоже встает и исчезает во тьме за каннами:

— Иди за мной на место преступления.

ГЛАВА 2

На всех парах

Когда мы добираемся туда, уже совсем темно. Я и забыл, что у ребят вроде него земля под ногами горит, они целые мили могут пробегать без остановки. После того, как я показал ему короткий путь из города, мы понеслись к черту на кулички.

Мои нежные подушечки одолели долгий, долгий путь через неприветливые заросли полыни, и вот мы наконец остановились. Я пытаюсь отдышаться; сейчас я бы и мышонка не сдул с места, но мне противна даже мысль о том, что этот пля-

шущий пес мог меня обскакать.

Я, конечно, горжусь своим ночным зрением, но на сей раз я вижу лишь небо, полное звезд (кудесники с Лас-Вегас-Стрип могли бы успешно посостязаться с ним, благо, хорошего вкуса для этого особо и не нужно), юкки, что вытянули свои толстые ветви, словно регулировщики уличного движения, да заросли низкого кустарника — он весь в шипах, точь-в-точь колючая проволока. Ну и, конечно, полная луна проплывает над головой, словно миска теплого молока, на которую смотришь с кухонного стола. Ее сияние то и дело отражается в солнечно-желтых глазах койота. Тот одаривает меня насмешливыми взглядами.

— Вечно забываю, — говорит он. — Что вы, городские, быстро устаете.

— Я совершенно не устал, — процеживаю я сквозь зубы. Меня мучает одышка. — Но как мне изучить место преступления в такой тьме?

— Мне казалось, вы и ночью хорошо видите.

— Для подробного осмотра моего ночного зрения недостаточно. Ну да ладно. Мы хоть где сейчас находимся?

— Это анклав людей вдали от города. Мои злосчастные родственники решились подойти поближе, чтобы перехватить случайный кусок, и

пали один за другим.

— Слушай, мы тоже долгожительством не отличаемся, так что я понимаю вашу печаль. И все же, что я могу поделать?

— Как вариант, ты можешь опросить выживших.

С этими словами он делает шаг назад, напрягает длинные ноги и задирает голову так, что нос утыкается в луну. Из-за этих устрашающих зубов вырывается жуткий вой, и несколько раз его прерывает короткий лай.

И вот через несколько минут я уже наношу визиты семьям койотов. Мой проводник решает не присутствовать на подробных опросах. Вскоре мне открывается неприглядная истина: нынешние жертвы — это те, кто умел выживать, кто был слишком умен, чтобы покорно умереть от любой известной ныне опасности.

Я разговариваю с Поющей-с-Душами. Это миловидная вдова Желтого Легконога — первого из тех, кого нашли мертвым.

Межвидовые шуры-муры я одобряю ничуть не больше, чем поедание жуков, но должен признать, что глаза у Поющей-с-Душами отличаются невероятным янтарным отливом, а передние лапы на редкость изящны. Ну, насколько я могу

судить в такой темноте.

Такая же тьма окутывала и преступления. Опросы ничуть мне не помогли. Хотя порой койоты и передвигаются внушительными стаями, в основном они, к сожалению, охотятся в одиночку. Все рассказы, что я слышу, тоскливо однообразны.

Желтый Легконог не вернулся в логово после ночной охоты. Поющая-с-Душами оставила детенышей с подругой и отправилась на поиски. Она шла по его следу и нашла его мертвым под чахлым деревцем юкки. Никаких следов насильственной смерти.

Ловчий Песков отправился добывать лакомство для своей супруги, Той-Что-Ищет-Луну, и двух беспомощных малышей. Утром его тело нашли в трех минутах бега от Желтого Легконога, если следовать на закат.

Быстрая-Как-Ветер, двух лет от роду, умерла через два дня, ее обнаружили в четырех минутах бега. На том же расстоянии от нее лежал Закаленный Ветрами, старшина племени и, без сомнения, самый хитроумный из своих сородичей.

— Мы привыкли, что смерть у нас частый гость, — рассказывает мне Поющая-с-Душами, и в голосе ее слышится скорбный гнев. — Но за

этим всем стоит какой-то план, и он не имеет отношения ни к ловушкам и ядам охотников за головами, ни к так называемым спортсменам с ружьями, ни даже к рассерженным фермерам, которые обвиняют нас в набегах на их скот.

Я киваю. Картина вырисовывается не самая радужная, а ведь я привык к высокой смертности среди своих собственных сородичей, которые в каком-то смысле делят с койотами крышу над головой. Из пяти хорошеньких котят четверо умрут на первом году жизни — часто в пределах территории, где разбрасывают яд. И все же в этих серийных убийствах мерещится что-то демоническое. Даже впотьмах я различаю какую-то закономерность.

В предрассветный час я усаживаюсь рядом с аргемоной, рассчитывая, что это растение отгонит от меня ночных скитальцев вроде скунсов, огромных мохнатых пауков, что старше матери Уистлера[4], а также ящериц и змей. С другой стороны, я бы не отказался, чтобы мимо прошмыгнула мышка, или пара мышей: с последнего перекуса прошла уже уйма времени.

Койоты снова исчезли в зарослях. Временами

---

[4] Примечания: 4

Известная картина Джеймса Уистлера, на которой изображена его престарелая мать. — *Примеч. пер.*

кто-нибудь из них разражается надрывным воем. Его можно принять за их обычное пение, но я-то знаю, что на сей раз он выражает ярость и печаль от того, что они бессильны остановить эти массовые убийства.

Я жду дневного света; не терпится взяться за дело всерьез. Я невольно заинтересовался этим случаем. Раз уж я проделал весь этот путь по унылой пустоши, можно и потрудиться ради заманчивого клада, а также, если получится, уберечь юных потомков Желтого Легконога от участи их отца.

Пустыня холодна и неприветлива, но мне все же удается задремать. Проснувшись, я чувствую, как солнце льется на меня, подобно горячему расплавленному маслу. Бальзам на одеревеневшие суставы!

Вдруг раздался неясный звук, будто кто-то постучался — постучался в дверь ко мне. Озадаченный, я силой разлепил веки, готовясь к атаке яркого света.

И внезапно, еще прищуриваясь, я вижу зрелище, от которого шерсть у бронзового кота завилась бы штопором: целое поселение, целый город, множество зданий на фоне кричаще-синего утреннего неба. Я принюхиваюсь и чувствую

запах опилок и штукатурки. Я вижу бледные остовы сосен, что вздымаются к небесам.

Я поворачиваюсь так быстро, что моя пятая конечность цепляется за аргемону. Позади меня, как я и представлял, когда вчерашней ночью в полной тьме опрашивал койотов, простирается бескрайняя пустыня. Не в этих ли песках пали их товарищи? Не там ли, где я сейчас стою?

Я снова обращаю взор туда, где кипит работа. Пила причитает, словно потерянная душа, а мужчины в банданах и майках (иные с обнаженными мускулистыми торсами, загаром напоминавшими шкуру добермана) перемещают туда-сюда ноги в синих джинсах. Карабкаются, шумят, перекрикиваются.

Оглушенный, я все же стараюсь помнить о главном. Три минуты бега на закат. Я поворачиваюсь на запад и пускаюсь рысью, делая скидку на разницу в скорости и ширине шага. И правда, вскоре я уже обнюхиваю поросль благоуханной лобулярии. Недавно его перекрывал запах куда более сильный, приторный, тошнотворный.

Тело исчезло — без сомнения, его унесли гробовщики из людей, но земля помнит. Последняя линия обороны Ловца Песков.

Я двигаюсь дальше по следам смерти. Запах

держится как раз там, где я и ожидал. Мой путь ни разу не отклонялся далеко от гигантского скопления строящихся домов. Мертвые койоты словно образуют ритуальный круг, защищая место, где вырастет новый город.

Главный койот прав. От всех этих событий дурно пахнет. И это даже не запах смерти.

ГЛАВА 3

Небеса Пейотов

Я смахиваю пыль с пальто, стараясь не слушать возмущения пустого желудка, и небрежным шагом прогуливаюсь среди людей и творений их рук.

Вскоре я ступаю на пыльный асфальт, шагаю по дорогам — пусть пока они и мало отличаются от бездорожья. За стройкой мне открывается кривая перспектива на уже законченные строения: просторные двухэтажные здания размером с торговые центры, что расположились среди свежевыстланных газонов. Оросительные системы разбрызгивают капли по траве, словно освящают ее святой водой. Не сразу я понимаю, что каждое из этих сооружений предназначено всего для одной семьи.

За час я изучил все окрестности. Я нахожусь посреди Хендерсона, штат Невада, во время прославленного бума жилищного строительства. Я уже слышал, что этот спальный пригород всего в двух шагах и паре остановок от Лас-Вегаса стремительно развивается, но раньше у меня не было возможности убедиться в этом воочию.

Неудивительно, что койоты обречены. Они нарушали границы элитнейшего поселка. Я сижу под одним из парных юкковых деревьев, которыми отмечен вход на территорию, и читаю надпись на плакате. Рекламный щит окрашен в модные цвета: бирюзовый, оранжевый и лиловый; каймой пущен узор из перчиков халапеньо и завывающих койотов.

«Небеса Пейотов: Плановое Поселение Джимми Рэя Рагглса». Так гласит надпись угловатыми буквами, которые вроде как должны напоминать зигзаги на одеялах коренных американцев. Улыбающееся фото Джимми Рэя скромно зацепилось за один из уголков объявления. Я тщательно стараюсь держать это в секрете, но на самом деле я умею читать. Я щурюсь изо всех сил, разобрать эти чудовищные каракули стоит мне большого труда. Вот это работа для детектива!

Проведя тщательный анализ, я установил, что

«Небеса Пейотов» — это поселение, созданное с учетом экологических принципов, в котором между природой и человеком не ставится никаких искусственных барьеров и заборов. Приводятся фразы наподобие «Спокойно, как в Санта-Фе», «природа без границ» и «все удобства». Неудивительно. Я слышал, что беглецы из квакерского штата Калифорния стекаются на запад, юг и север от своего несчастного дома. Очевидно, Хендерсон предоставляет убежище тем, кого уже не могли вместить другие поселения.

Я беспрепятственно прогуливаюсь по улицам «Небес Пейотов»; да что там — меня не замечают вовсе. Как и предсказывал койот. Возможно, мой мрачноватый привлекательный вид смотрится уместно среди этого изобилия пастельных тонов, которым окрашены все видимые поверхности. Несмотря на пустой желудок, меня, возможно, скоро стошнит от количества приглушенного рыжего, лилового и «небесно-пейотового» бирюзового, которое мне приходится переварить.

Я уже упоминал тот факт, что родился не вчера. Вдобавок к этому я — тертый калач и знаю, что пейотом называется сине-зеленый кактус. Его цветки вырабатывают капельки, которые застывают маленькими бутонами «мескаля».

Отведайте одну из этих крошек — и вскоре вас охватят галлюцинации столь же безумные, как и эта послеполуденная застройка в мятных тонах, что развернулась сейчас перед моим взором.

Наркотические свойства мескалина использовались и используются коренным населением в религиозных обрядах. В остальном же его употребление незаконно. Не знаю, увлекаются ли мескалином местные пайюты, но не столь коренные американцы им явно балуются.

Что касается меня, то время от времени я пропускаю рюмочку, но держусь в стороне от любых тяжелых веществ. Само собой, тот, кто спроектировал этот кошмар, такой строгостью нравов похвастаться не может.

Завершенные дома все заселены, но сейчас по большей части пустуют. Они похожи на страницы журналов о дизайне. Дети в школе, мужья и жены работают или развлекаются.

Мне жутковато от мысли, что, в то время как окраины этого парка отдыха усыпаны трупами койотов, на парадных дверях и почтовых ящиках красуются яркие изображения койотов живых — изображения, которые уже успели набить нам оскомину. Так часто они появляются на украшениях, кофейных кружках и узорах на одежде.

Возможно, цветовая палитра как-то объясняет, почему койоты на рисунках непременно воют. Тем не менее вопль их нем, как и окружающая пустыня. Я прекрасно понимаю их жалобы; мое собственное племя тоже изображают на куче такого хлама, ради которого мы бы и когтем в лотке не поскребли. Люди так нежно относятся к тем, кого убивают.

Из-за отсутствия «искусственных барьеров» я беспрепятственно могу прогуливаться по этим роскошным переходам, хотя на каждом шагу понатыканы значки охранных служб, а предупредительных наклеек на окнах и того больше.

Задние дворы так же вылизаны, как и палисадники. Они заканчиваются внезапно, и за ними сразу начинается пустыня. Я подхожу к границе между зеленью и буростью, и мои подушечки, все в мозолях от песка, наслаждаются мягкостью травяного ковра. Позади меня скрипит дверь. Я оборачиваюсь, чтобы посмотреть. Нечто крохотное, светлошерстное и пушистое с лаем несется мне навстречу. Я бросаю взгляд на дом: до него около пятидесяти метров бермудской травы (стригут ее, конечно, не хозяева). На таком расстоянии мне не слышно высокого неискреннего

визга этого Фидо[5], но, похоже, я различаю отчаянный крик хозяина, что безуспешно призывает маленького беглеца вернуться домой.

Поэтому я оскаливаю зубы и остаюсь на месте, и вот до Фидо уже лапой подать. Он останавливается и склоняет голову набок. Пес очаровательно кудряв, ну в точности как Ширли Темпл. Он садится на задние лапы. Его крошечная челюсть отвисает. Большая, плохая черная киска уже должна карабкаться на дерево или перелезать через забор, но здесь растут только юкки, а ведь они ужасно колючие, да и заборов нет никаких, только пустыня и Великие Песчаные Просторы.

Раздражающее тявканье переходит в скулеж.

— Ты, — говорю я ему безжалостно, — добыча койота.

Я поворачиваюсь и ступаю на песок — ой-й-й. Тем не менее уход получается драматичный. Оглядываюсь назад: Блондинчик несется обратно к просторной террасе и, скуля, зовет мамочку.

Затем я и сам решительно заспешил обратно к цивилизованному миру; там мне наконец удается поймать грузовик, который помогает при озеленении участков, и прокатиться на нем до

---

[5] Примечания: 5

Распространенная собачья кличка, сравнимая по популярности с русским Шариком. — *Примеч. пер.*

настоящего Вегаса (впрочем, а что такое вообще настоящий Вегас?).

Не могу определить, от чего же я больше рад сбежать: от пожухлой пустыни с острыми клыками кактусов и койотов или от фальшивых пейзажей «Небес Пейотов» в стиле нашего юго-запада, раскрашенных в цвета сгнивших фруктов.

ГЛАВА 4

Призрачный люкс

Совершив небольшой заплыв в пруду с карпами, я стараюсь больше не появляться в этих окрестностях и избегаю визитов странных парней с чудным цветом глаз. Для этого я направляюсь в свое тайное убежище. Теперь, когда я подробно исследовал произошедшее, я готов пойти и как следует подумать.

По счастью, у меня есть место для размышлений: это призрачный номер люкс в «Кристал Финиксе». Номер 711. Давным-давно, в сороковых, тут постоянно проживал Джерси Джо Джексон. Тогда «Кристал Финикс» еще назывался «Гостиницей Юккового древа». Джерси Джо умер аж в семидесятых, и к тому времени он, как говорят, был разорен и сломлен — и, что хуже,

совершенно забыт.

Меблировка в пустом номере не изменилась со времени его смерти. Нынешнее руководство считало ее иллюстрацией жизни в другую эпоху, а потому всё решили сохранить как было; с другой стороны, поговаривали, что время от времени через трещину в двери в комнату входил, пританцовывая, тощий седой господин.

В последние годы я провел здесь много мирных часов. Возможно, порой потоки света через деревянные жалюзи лились довольно странно, но все же я не могу с уверенностью ни подтвердить, ни опровергнуть существование призрака. Никто меня здесь не тревожит, и дверь неизменно поддается легкому толчку моей бархатной лапки.

Я усаживаюсь на свое любимое место: зеленовато-желтое сатиновое сиденье стула — так уж вышло, что оно прекрасно оттеняет цвета моей шерсти. Лучше всего мне думается, когда я выгляжу особенно внушительно. Впрочем, меня часто обвиняют, что я в такие моменты просто засыпаю.

Тишина стоит густая, как коньяк «Наполеон» (лакомиться таким изысканным напитком мне не приходилось, но воображением я не обделен). Я пью эту тишь жадными глотками. Глаза мои

прикрыты, когти мнут зеленоватый атлас, тревожные размышления омрачают мой разум.

Во-первых, как? Никаких следов на телах не осталось. Я бы предположил яд. Жертвы привыкли опасаться стрихнина, этой излюбленной отравы охотников на койотов. Следовательно, тут замешан другой токсин. Нельзя исключить и змеиного укуса. Возможно, что толкотня и шум, что поднялись в «Небесах Пейотов», вынудили ядовитых тварей покинуть свои гнезда и устремиться к границам поселения. Это объяснило бы, почему трупы располагаются ровным кругом.

Однако же змеиный яд обычно вызывает опухание суставов. Ничего подобного у погибших не обнаружено.

Ну ладно. Предположим, преступником тут выступил, как обычно, змей в человеческом обличье. Предположим, использовался яд, которого не заметил бы и самый ушлый койот.

Но зачем? Какой тут может быть мотив? Явно не шкуры: животных оставили лежать там, где они умерли. И не древняя ненависть овцеводов к подлым койотам: могу побиться об заклад, что все окрестные земли, хоть и кажутся пустынными, принадлежат компаниям-застройщикам вроде той, что создала «Небеса Пейотов». Поселки

вырастают один за другим, как муравейники, и поглощают огромные участки земли.

Я обдумываю этот вопрос снова и снова, мысленно следуя по полукругу, сложенному из трупов. Мой внутренний взор неизменно прикован к нелепому скоплению пафоса и беспорядка, чьи границы отмечены смертью.

Мое контактное лицо среди койотов (Интересно, почему он так и не решился назвать себя по имени? Думаю, тут виной криминальное прошлое.) сказало, что все живущие поблизости койоты уже предупреждены о том, что им следует избегать поселка. Тем не менее никакой ночной вой не отгонит случайных прохожих, а ведь в пустыне живет множество самых разных псов.

Койоты продолжат погибать. Не то чтобы это кого-то взволновало (как остались без внимания и недавние жертвы), но я не испытываю к Дону Койоту никакой личной неприязни, да и урвать себе немного из его сокровищ тоже хочется.

Как ни противна мне мысль об этом, придется вернуться на место преступления — и в «Небеса Пейотов», — чтобы установить наблюдательный пост. Может, я смогу уговорить Поющую-с-Душами на время оставить детей у соседки и осчастливить меня своим обществом. Первоклассному

детективу не помешает длинноногая секретарша. Для создания драматического эффекта.

ГЛАВА 5

Щенячье дело

С дамочкой ничего не вышло; вместо нее я получаю Счастливого Прыгуна, щенка-подростка, у которого слишком много свободного времени. Главный койот как сквозь землю провалился. Надеюсь, он не выкинет такого же трюка с исчезновением, когда придет время наградить Полночного Луи за успешное завершение расследования. Мне пришлось на ходу вскочить в грузовик с гравием, из-за чего я пребываю не в лучшем расположении духа.

— Когда я прикажу, сиди в укрытии и не высовывайся, — наставляю я этого неуклюжего юнца.

— Да, сэр, мистер Полночный. Я хочу быть известным раскрывателем преступлений, когда вырасту. Как вы! Буду сидеть тихо, как кактус.

Что-то я сомневаюсь. У этого сорванца точно скорпионы под хвостом живут.

Мы пробираемся поближе к поселку. Счастливый Прыгун скачет по кустам, время от времени выбегая, чтобы потереться мордой о песок и

поскулить.

— Ункария опушенная, — ставлю я диагноз, осматривая заросли кактуса, к которым, как сейчас узнал мой спутник, лучше не приближаться. — Тебе что, взрослые не рассказывали про его шипы?

— Не-е-а. Мы должны кое-чему учиться на собственном опыте, мистер Полночный. — Прыгун чихает и расплывается в идиотской ухмылке.

— Ну что ж, вылезай из чащобы и держись поближе ко мне. Так ты сможешь научиться чему-нибудь действительно полезному.

Он в один прыжок оказывается рядом и отныне держится поблизости: так близко, что я вижу, как он снова опускает свою любопытную морду, принюхивается и принимается жевать какое-то неопознанное насекомое, аж за ушами трещит. Хорошо, что я не позавтракал: меня бы точно сейчас стошнило. Я не брезглив по части неприглядных сторон жизни, и многое мне приходилось есть сырым, но жучки — это уж слишком.

Да, теперь я понимаю, что денек предстоит долгий. Но пока мы по-пластунски ползем к достроенным домам, безграничная восторженность Счастливого Прыгуна затмевает некоторые из его

не столь привлекательных качеств.

— А что это за цветные каньоны, мистер Полночный? — спрашивает он.

Мне по душе его почтительность.

— Это дома, Прыгун. Модернистские особняки для праздных людей, у которых уйма денег, и они стремятся выглядеть канифоль (люблю, знаете ли, поучить молодежь французскому).

— Логова, мистер Полночный?

— Да, верно… и логова, и спортзалы, и бары, и кухни, оборудованные по последнему слову техники.

Прыгун — сельский паренек — хмурится, выслушивая мой подробный перечень удобств. Но потом снова ухмыляется:

— Логова. А детеныши там есть?

— Конечно. Большие, маленькие, любые.

Его лоб снова стягивают морщины раздумья.

— А эта зелень вокруг их логовищ… это какая-то особая вода? Для защиты?

— Нет, парень. Это ров с лучшей бермудской травой. Ее доставили сюда, чтобы людям было мягко ступать босыми ногами, а потом подрезали, чтобы удобней было играть в гольф.

— Она растет, а потом ее подрезают?

— Да, знаю, звучит странно.

— Можно мне по ней пройтись?

Я осматриваю дом. Нет, это другой; не тот, в котором живет этот противный Фидо.

— Думаю, можно. Только держись поближе к краю.

И он переступает четкую границу между пустыней и мягким зеленым ковром; его длинные ноги пружинят в бермудской траве.

— Прохладно. И мягко! — говорит он, снова ухмыляясь.

— Так и есть, да не про твою честь. — Я жестом приказываю ему вернуться обратно на песок. Если кто-то и будет обходить дозором этот роскошный зеленый бархат, то эта честь выпадет старшему в команде.

Счастливый Прыгун скулит (и это раздражает всего немногим меньше, чем визг Фидо) и забывается настолько, что скачет прямиком в сторону куста опунции базальной.

— Не забывай про шипы, — предостерегаю я его снова. Похоже, начинаю превращаться в няньку.

— Смотрите, мистер Полночный! Подфартило!

Я спешу к нему, надеясь, что он нашел улику. Возможно ли, что этот дружелюбный идиот наткнулся на что-нибудь действительно важное?

На земле я замечаю яркое пятно оберточной

бумаги. Оранжевой. А затем мой нос (не такой длинный, как у койотов) наконец различает запашок, что притянул к себе внимание Прыгуна. В эту бумагу был завернут бургер. В самой середке, на славной булочке, притаилась котлета, политая Безупречным Барбекю-Соусом для Бургеров. Такое мне уже доводилось попробовать.

Прыгун тактично отходит в сторону:

— Можете взять его, мистер Полночный.

Неужели я правда вижу сейчас в этих ярко-желтых глазах огонь преклонения перед кумиром? Одно знаю точно: еще никто не видел койота, который поделился бы едой с представителем другого вида. Они и с сородичами-то делятся редко.

Мой нос заявляет мне, что Безупречный Барбекю-Соус пропитывает толстый кусок мяса — зажаренный и, безусловно, мертвый. Я уже собираюсь приложиться к нему, как вспоминаю разговор с верховным койотом о том, что высшие виды с презрением отвергают мертвечину. Я не могу отказаться от заявленной точки зрения, во всяком случае, не в присутствии того, кто принадлежит клану койотов. Поэтому я отмахиваюсь и неспешно удаляюсь от находки.

— Вперед, парниша. Я предпочитаю суши.

— Рыба! — Прыгун в отвращении морщит длинный нос. Остатки бургера он приканчивает одним глотком.

Мы продолжаем обход: наблюдаем, чем кто занимается. Счастливый Прыгун изумляется повадкам людей. А мне их повадки хорошо знакомы; я высматриваю что-нибудь необычное.

Жизнь почти замерла. Детей, которые еще не доросли до школы, держат взаперти, подальше от жары и опасностей стройки. Я вижу лица сородичей: они выглядывают из окон и вовсе не кажутся удрученными (а казалось бы, должны, в их-то подневольном положении).

Собаки, за исключением беглеца Фидо, мне не попадались. Сам-то я по их обществу не скучаю, но ведь им нужно время от времени выходить на улицу — с поводками ли, без поводков ли, — чтобы сделать свои омерзительные дела. Только представьте себе: оставлять свои отходы у всех на виду, чтобы кто-то другой убрал их за тебя! Такие гнусные привычки объясняют, почему представители семейства псовых стоят на эволюционной лестнице ниже, чем кошачьи.

Я озвучиваю свое презрение вслух, и Прыгун снова хмурится в задумчивости:

— Но, мистер Полночный, если бы мы, койоты,

закапывали свою воду и помет, то мы бы не знали, что уже были в этом месте и кто был тут до нас. Мы бы не смогли метить свою территорию.

— А кому вообще нужна такая замаранная территория? — бормочу я про себя.

ГЛАВА 6

Лечебница в пустыне

Но все же я призадумываюсь. Может, все дело и правда в разметке территории?

Через пару часов обхода я уже сыт «Небесами Пейотов» по горло. И болтовни Счастливого Прыгуна с меня тоже достаточно. Я отправляю паренька домой: его желтая шерсть мгновенно сливается с пустыней цвета навоза. Наша беседа о туалетных привычках определенным образом повлияла на то, как я сейчас смотрю на мир.

С облегчением я становлюсь на одинокую вахту рядом с кустом олеандра (никаких сеянцев для обитателей «Небес Пейотов», только дорогие взрослые деревья!).

В трех домах от меня рабочие стучат молотками, что-то пилят, кричат. А здесь все спокойно. Слишком даже спокойно. Хотя я всей душой за мир без собак, но отсутствие этих популярных

домашних животных в округе меня настораживает. На улице ни единой собачьей души — за исключением неприрученных койотов. А те из них, кто приблизился к поселку на расстояние, с которого слышен их вой, уже мертвы.

Может «Небеса Пейотов» — место для собак чересчур чистое? Я знаю, что в некоторых жилых комплексах многое запрещают.

Людские голоса нарушают ход моих мыслей. Я плотнее вжимаюсь в тень от олеандра. Из дома выходит женщина в слаксах и свитере, окрашенных в те же гнилостные цвета, которыми изобилует вся округа. Естественно, на свитере воет бирюзовый койот.

На мужчине костюм, но костюм светлый, да и пиджак расстегнут.

— Какой из разбрызгивателей не работает, миссис Эберт?

— Да там не один, а целый ряд — вот тут, у олеандров.

— А, на границе участка.

Он идет в мою сторону, но меня не замечает: я черен как ночь, а глаза я прищурил, превратив их в узкие зеленые щелочки. Он стучит ногой по крохотным серебряным шипам, что торчат из дорогой травы подобно смертоносным цветам.

— Похоже, вся линия сломалась, миссис Эберт.

Он склоняется, чтобы повозиться с оросительной системой, но глазами шарит по границе с пустыней. Она так близко, что теплый сухой ветерок доносит до нас аромат лобулярии. Ну что ж, хоть дезодорант помещений у этих койотов есть.

Мужчина высок и тучен, как и любой занятой человек средних лет. Лицо у него, правда, слишком загорелое для офисного планктона; каштановые волосы уже редеют, а карие глаза оттенком напоминают грязь. Этакие бегающие глазки. Короткие волоски у меня на лопатках начинают подниматься дыбом. Он ведет себя так, будто знает, что за ним следят, но меня он не замечает. Чему я и рад.

Все еще стоя спиной к женщине, он достает что-то из кармана. Может, носовой платок? На залысинах начинают блестеть капельки пота. Рот кривится. Эта гримаса могла бы быть улыбкой, если бы он радовался. Но он выглядит напряженным и нервным.

Он кидает носовой платок за олеандры, в пустыню. Хороший, сильный бросок. Даже мне известно, что ткань не полетела бы так далеко: слишком легкая.

— Бракованная линия, миссис Эберт. Компания

заменит вам ее. Бесплатно.

— Как прекрасно, мистер Фелпс! — Разумеется, именно этого женщина и ожидала, но все равно издает довольные звуки.

— Мы в «Небесах Пейотов» хотим, чтобы наши жители были довольны всем без исключения. — Мистер Фелпс надевает маску добродушия и идет по густой траве обратно к женщине. — Джимми Рэй Раггле не для того создавал этот поселок с нуля, чтобы ваша бермудская трава жухла из-за сломанной трубы!

— Плюс к этому сломанная труба может привести к чрезмерному расходу воды, — напоминает ему она.

— Точно. — Хотя он повернулся ко мне своей широкой спиной в костюме из смеси хлопка с полиэстером, я все же слышу в его голосе самодовольную улыбку. — Здесь мы воду зря не тратим, — говорит он, стоя в океане изумрудно-зеленой травы. — «Небеса Пейотов» — это любимое детище Джимми Рэя Раггле, всё, до последнего листочка рассады. И это детище должно быть совершенным.

Они обмениваются улыбками и вместе прогуливаются к бледно-желтому дому. Я не жду, пока они войдут; я уже развернулся и бегу в пустыню.

Совсем неподалеку я нахожу оранжевый носовой платок. Рядом лежит камень размером с игрушечную мышь. Но это вовсе не носовой платок. Я бросаю на него взгляд и со скоростью койота мчусь дальше в пустыню огромными прыжками. Мне не нравится мысль о том, что еще одна жертва погибнет, пока я на посту.

Найти логово Поющей-с-Душами проще простого: оно как раз у густых зарослей кактуса, который так нравится койотам: для их племени его плоды — точно валерьянка. Я рассказываю Поющей-с-Душами о своих сложностях. Фоном то и дело тявкают детеныши. В ее желтых глазах становятся видны белки.

— Я могу позвать, но что дальше? — спрашивает она меня.

— Просто приведите его сюда. А там я что-нибудь придумаю.

Она встает в позу, до жути напоминающую рисунок на свитере того домовладельца, поднимает голову до тех пор, пока ее желтая шея не указывает полдень, и издает невообразимый вой.

Голос у Поющей-с-Душами такой, что она даст Дженис Джоплин сто очков вперед. Я, как и она, прижимаю уши к голове, только в моем случае это средство самозащиты. Даже детеныши пе-

рестают тявкать и подхватывают фальцетом. Ой-ой!

Днем эти завывания звучат неуместно, но, пожалуй, это-то и привлечет к ним внимание. Вскоре из желто-бурой пустыни один за другим, сами похожие на оживший песок, стали выпрыгивать койоты. Честно говоря, для меня они все на одно лицо, поэтому я не узнал никого из тех, с кем разговаривал прошлой ночью.

Но один плетется медленно. У меня все внутри сжимается, когда я узнаю жертву: Счастливый Прыгун. Старик, который поручил мне это дело, так и не появился. Не сказать, чтобы я был этим огорчен: хороших новостей у меня для него нет.

Когда меня окружают недоуменные койоты (хорошо, что я не из пугливых), я приступаю к объяснениям:

— Я обнаружил, кто и как убивает ваших сородичей. К несчастью, Счастливый Прыгун отведал отравленной пищи.

Головы резко поворачиваются к нему. Его собственная голова свисает ниже обычного. Большие уши уже не стоят торчком, как раньше, и я замечаю, что белки его глаз желтеют.

— Я… я устал, мистер Полночный, — скулит он. — Чем я могу помочь?

— Есть ли хоть что-нибудь в пустыне, чего вы не едите? — спрашиваю я остальных.

— Если койотам приходится, они съедят почти все что угодно, — отвечает один серомордый.

— Но должно же быть хоть что-то, какое-нибудь растение, которое вы и на спор есть не станете. От чего вас тошнит.

Поющая-с-Душами поднимает голову:

— Конечно. Мы просто слишком растерялись от шока. Антидот.

— Не факт, что поможет, — предупреждаю я, пристально разглядывая осоловелого Счастливого Прыгуна. — Я подумал было об олеандре, но он такой ядовитый, что может не вылечить, а убить. Что бы это ни была за отрава, если мы поторопимся…

— Листья лобулярии, — говорит безымянный койот с серой мордой. — От них во рту все горит. Неприятно.

— Перо принца, — вносит свое предложение другой койот. — На вкус еще хуже.

— Туполистный табак, — снова подает голос пожилой. — Его курили пайюты. От этой вонючки юнца точно протошнит как следует.

— Я знаю! — Поющая-с-Душами бочком отходит от своих большеглазых и большеухих

детенышей, которые наблюдают за нашим совещанием. — Щеткохвостику только неделю назад стало плохо, когда я приволокла его домой от того растения, вон там.

Все как один поворачиваются, чтобы взглянуть на неприметную поросль в треть метра высотой. Она вся покрыта крохотными тускло-зелеными листочками. Маленькие безлистые стебли увенчаны бисеринками семян.

Счастливого Прыгуна носами подталкивают к растению. Мы наблюдаем, как он откусывает несколько мелких стручков. А серомордый в это время трусит прочь, чтобы вскоре вернуться с душистым букетом лобулярии.

Пока Счастливый Прыгун поглощает эти дары пустыни, его морду перекашивает гримаса отвращения, но белки глаз при этом светятся страхом.

— Острое, — комментирует он, коротко пролаяв. — Горячее. Жжется.

Я молчу. Жжение может быть вызвано ядом. Я не большой поклонник овощей, но ради эксперимента надкусываю одну горошину. Тут я тоже не эксперт, но мне случилось отхватить кусочек бургера, и я узнаю ужасный вкус растения. По иронии, смертельная котлета Счастливого Прыгуна от души сдобрена горчицей.

Мы смотрим, как бедняга щенок жует эти твердые вкусовые бомбочки. Наконец его костлявые бока начинают ходить ходуном. Я с удивлением вижу, что собравшиеся койоты тактично отворачиваются от неприятного зрелища.

Когда дело сделано, вся грязная работа достается Полночному Луи.

Я неспешно подхожу, чтобы осмотреть остатки. В груде извергнутой зелени лежит смертоносный кусок мяса, на вид совсем непереваренный. Я прикасаюсь к нему острием когтя. После нескольких тычков он поддается и раскрывается по линии разлома. Внутри лежит горстка металлического порошка.

— Закопайте это, — рычу я клану койотов, что собрался вокруг.

Счастливый Прыгун уже не выглядит таким понурым:

— Похоже, мне полегчало, мистер Полночный.

— Продолжай в том же духе и, кхе-кхе, пей побольше жидкости. И отдыхай. Это никогда не повредит.

Койоты наперебой благодарят меня, а я прижимаю уши и отправляюсь обратно, в опасные земли «Небес Пейотов».

Теперь я знаю средство (если и не разновид-

ность яда), известен мне и мотив. Даже преступника я нашел. Но по-прежнему понятия не имею, как его остановить.

ГЛАВА 7

Тайная тень

Я следую за ним, точно тень.

Это вовсе не сложно: во-первых, моя окраска и так делает меня прирожденной тенью, да и слежка мне всегда давалась хорошо. Во-вторых, мистер Фелпс словно заполняет собой весь поселок.

Он, похоже, работает у Джимми Рэя Раггла специалистом по устранению неисправностей. Осматривает деревянные настилы, если слишком большое расстояние между планками ранит эстетический вкус хозяев. Приказывает заменить увядшие кусты. Следит, чтобы все были довольны.

И услужливо сознается в содеянном.

— Мои ребята так расстроенны, что им приходится держать Роки взаперти, — обеспокоенный домовладелец в костюме за тысячу долларов останавливает проходящего по подъездной аллее мистера Фелпса и принимается жаловаться. — Мы как-то не думали, что койоты тут будут бегать

вместе с нашими питомцами. Может, частокол…

— Джимми Рэй хочет, чтобы поселок не был ничем отгорожен от пустыни, в этом-то и весь смысл. Мы работаем над этой проблемой. Возможно, электроизгороди.

— А как насчет тех мертвых койотов по периметру? Это просто антисанитария. Трупы животных так близко от жилых домов.

— Мы очищаем от них территорию, как только обнаруживаем тела.

— Отчего они умирают? Они не бешеные?

— Нет, нет, — поспешно отвечает мистер Фелпс. Я прямо-таки вижу, как от слова «бешеные» в его мозгу возникают картины исков об ущербе и панике среди покупателей. — Обычные вредители. Паразиты. Койоты постоянно мрут. Старость. Ружья. Не волнуйтесь, сэр. Как только койоты поймут, что теперь эта территория заселена, они будут держаться в стороне от поселка.

Занятой мужчина в костюме запрыгивает в красный кабриолет BMW и уезжает. Похоже, слова мистера Фелпса его не убедили.

Мистер Фелпс направляется к самому большому из достроенных домов: белый, оштукатуренный; высокая крыша, покрытая красной черепицей, размером с цирковой шатер.

Я, единственный свободный четвероногий в округе, следую за ним. Что-то мне жутковато. С задней стороны огромного дома находится круглый зимний сад с высокими окнами, от пола до самого потолка. Помещение снаружи окружено настилом из выбеленного красного дерева.

Вскоре снаружи появляется мистер Фелпс. Его сопровождают мужчина и женщина, у последней на руках ребенок. Этим ребятам из «Небес Пейотов» явно по душе задние дворы и виды на пустыню.

Я стараюсь не отсвечивать, но при этом держаться достаточно близко, чтобы слышать каждое слово.

— Все идет как по маслу, Джимми Рэй, — сердечный голос мистера Фелпса, в котором слышится профессионализм рекламного агента, покрывает ложь сусальным золотом.

— А что там насчет смертности среди питомцев? — спрашивает начальник.

— Со дня на день мы избавимся от всех койотов — мертвых ли, живых ли. Попробуем низкие электроизгороди.

Лицо большого босса омрачается:

— Это испортит весь вид.

Мистер Джимми Рэй Рагглс в жизни не менее

привлекателен, чем на фото. Хотя на вид ему немногим более тридцати, от него даже пахнет деньгами (спасибо французистому одеколону). Миссис Джимми Рэй Рагглс, стройная женщина, блондинка с выгоревшими на солнце прядями, носит Шанель № 5 поверх белой теннисной формы.

Она ставит дочку на пол; темные волосы намекают, что мамочка порой черпает из бутылки с перекисью. Маленькой принцессе в розовом платьице около четырех. Она хватается за мамины шорты и прячется за ее ногами.

Мистер Фелпс снова выглядит беспокойным. Он смотрит с полосы газона на широкую даль бурой пустыни, что простирается дальше. Вид загораживает сооружение, словно созданное из детского конструктора: детский городок. В нем столько качелей, горок и шведских стенок, что хватило бы на целую игровую площадку.

— Мы пустим провода по самому низу, — говорит мистер Фелпс.

— Если койоты сильно захотят, то перепрыгнут такой забор.

— А может, и нет, — вставляет неубедительное слово мистер Фелпс.

Я чую, к чему он клонит: нет, если многие из

них умрут. Так начальник не знает про его личный план истребления вредителей!

Внезапно мистер Фелпс наклоняется и улыбается малышке:

— Как поживаешь, Кейтлин? Хочешь, дядя Фил тебя покачает?

Поживает Кейтлин не очень хорошо. На самом деле она выглядит столь же удрученной, как еще совсем недавно был Счастливый Прыгун. Ее темные глаза круглы, словно две луны в полнолуние, а бесценный отстоящий палец засунут в рот наподобие леденца. А ведь он там совершенно бесполезен. Ох, я бы все на свете отдал за большой палец! А еще лучше за два: я ценю уравновешенность.

— Что скажешь, Кейтлин? — взывает к ней мать. — Со стороны дяди Фила было очень любезно подарить тебе этот развлекательный комплекс. — Миссис Джимми Рэй бросает на мистера Фелпса извиняющийся взгляд: — Она так застенчива для своих лет.

— Ничего страшного, — теперь мистер Фелпс звучит как настырный продавец, навязывающий свой товар. — Она знает, что дядя Фил — ее лучший друг. Ну же, Кейти. Опля!

Одной рукой он подхватывает девочку, и я

вижу страх в ее глазах. Сам я не очень-то люблю, когда меня берут на руки. А уж рассекать воздух, мотаясь в высоте туда-сюда, и все это во имя веселья… Я вас умоляю!

Нежные родители улыбаются, а дядя Фил ведет маленькую Кейти к качелям.

Я крадусь под олеандрами, пока не оказываюсь на одном уровне с этими аляповатыми качелями. Радости мне от этого совершенно никакой. Ничего хорошего я тут не услышу, но все равно надо следовать за мистером Фелпсом, пока не нарою на него какого-нибудь очевидного компромата. По крайней мере теперь я знаю, что свои грязные делишки он обделывает в одиночестве.

Мистер Фелпс подсаживает девочку на сиденье. Она хватается лапками за цепи, и суставы белеют от напряжения. Он отталкивает ее, и вот она уже плавает туда-сюда по воздуху над его головой, опускается чуть не до земли, а потом вверх и вперед, и снова вниз и назад.

Я закрываю глаза. Это хуже, чем наблюдать, как Счастливый Прыгун расстается со своим бургером.

Мистер Фелпс поднимает взгляд на Кейтлин: она качается над его головой, и юбочка задирается на ветру. На секунду мне видно ее глаза: в них

застыл ужас.

Затем он замедляет ход качелей.

— Фил! — зовет его с террасы миссис Джимми Рэй Рагглс.

Мистер Фелпс наклоняется и шепчет что-то девочке. Ее пальцы все так же крепко обвивают цепи качелей.

Мистер Фелпс идет по зеленому газону к веранде. Я оборачиваюсь, чтобы последовать за ним, но что-то заставляет меня бросить еще один взгляд на Кейтлин.

Качели неподвижны. Она склонилась, чтобы подобрать что-то с травы: она кладет предмет себе на колени и смотрит на него несчастными глазами. А затем (словно таблетку от сильной головной боли глотает!) она подносит руку ко рту.

За долю секунды перед моими глазами вырисовывается полная картина. В моей памяти возник образ мистера Фелпса, койотоубийцы: руки подняты вверх, он толкает качели. Я снова вижу, как откидываются назад полы его пиджака, боковые карманы расположены под углом к земле. Я могу представить себе, как некий предмет выпадает из них и, никем не замеченный, летит на землю.

Маленькая девочка, этот застенчивый и печальный ребенок, который боится собственной

тени. Знакомая упаковка, ярко-оранжевая, в которую все еще завернуты остатки бургера. Наверное, она верит, что можно проглотить страх, затолкать его обратно внутрь. А может, некоторые дети просто глотают все, что попадется, прямо как койоты.

Я со скоростью пули несусь к ней.

Прыгаю и бью лапой по — о, какой знакомой! — оранжевой бумаге, а потом отталкиваю девочкину руку ото рта. Кейтлин жует. И вот глаза ее расширяются до невероятных размеров, и страх прорывается криком.

— Мамочка, мамочка!

Она все еще жует.

Я прыгаю к ней на колени (когти убраны) и хлопаю ее по щеке.

У нее изо рта вылетает кусок полупережеванной пищи и падает на колени, покрытые, точно салфеткой, оберточной бумагой.

Ошарашенная, она все еще пережевывает что-то по инерции.

Я хлопаю и хлопаю, пока она не выкашливает еще еды.

Но я-то видел: она успела глотнуть.

А затем они приходят за мной, эти три бегущие фигуры.

— Кейтлин! — вопят они.

— Кыш! — кричат они. — Убирайся!

Я спрыгиваю с ее колен, зажав в зубах обертку от бургера, и волочу ее прочь со двора.

— Мамочка, мамочка! — плачет Кейтлин. Мама хватает ее на руки, а двое мужчин, обутых в огромные ботинки, устремляются за мной.

Обогнать их мне было что метрдотелю пальцами щелкнуть, но я не решаюсь бросить отравленный бургер: это улика. Дядя Фил теперь знает наверняка, что ему надо ее уничтожить.

Я тащу бумагу к олеандрам, что отделяют меня от пустыни, и поглубже зарываюсь в тень кустов.

— Джимми Рэй! — голос у мамы Кейтлин раздраженный. — Похоже, она съела что-то, что притащил с собой этот мерзкий бродячий котище. Что это?

Топот ног рядом со мной замирает.

— Я видел упаковку, — кричит в ответ Джимми Рэй Рагглс. — Это бургер.

— Представь, сколько он тут валялся! Ох, Кейти…

Она возвращается в дом с ребенком на руках.

Я вижу ноги ее мужа: они поворачиваются и идут в ту же сторону.

Я вижу ноги мистера Фелпса: они все быстрее шагают вдоль ряда олеандров.

Мне не нужно видеть его лицо: я и так знаю, что он выглядит еще более встревоженным, чем обычно. И более злым. В данный момент Полночный Луи — это еще один койот, которого надо прикончить.

— Фил! — зовет его начальник. — Забудь ты про этого кота. Сначала надо успокоить Кейтлин, пусть поспит. Заходи в дом, позже поговорим.

Ноги перед моими глазами не двигаются, и я знаю почему. Я и сам охотник. Дядя Фил хочет уничтожить. Улику и меня. Я не шевелюсь. Если придется, то я расстанусь с трофеем, что достался мне с таким трудом, но без борьбы все равно не сдамся. На этот раз когти мои выпущены и клыки обнажены.

Наконец ноги поворачиваются и тяжело шагают прочь.

Я отступаю, но недалеко. Я знаю, чего жду.

ГЛАВА 8

Старый черный дьявол

Снова взошла луна — круглая, как клещ.

Я наблюдаю за темным домом.

Должно быть, уже наступил полночный час (мой тезка), когда наверху мигнул огонек. Я боком пробираюсь поближе и вижу, как загорается электричество во всем доме, до самой кухни внизу.

Через пять минут звучат сирены. Волны красных вращающихся огней омывают белые стены дома, как потоки крови. Вскоре вой утихает вдали, но яркое освещение не гаснет. Снаружи, в темной невидимой пустыне, сиренам от души подпевают койоты.

Приходит, как ему и полагается, рассвет. Я жду.

Около полудня на веранде появляется мистер Джимми Рэй Рагглс. В джинсах и мятой футболке он выглядит еще моложе. Он идет по газону, и мистер Фелпс следует за ним в почтительном шаге от хозяина. Лицо у мистера Джимми Рэя Рагглса измято куда больше, чем футболка. В его глазах блестит тот же страх, что день назад заполнял его дочь. Мне ведомо, на каких он качался качелях последние двадцать часов. И я хочу знать, что случилось с Кейтлин.

— Это случилось где-то тут, — говорит мистер Джимми Рэй Рагглс злым усталым голосом.

— Кот уже давно сбежал со своей добычей, — отзывается мистер Фелпс. Надежды, надежды.

— Я должен посмотреть, Фил. Мне нужно знать,

что это было.

Мистер Джимми Рэй Раглс встает на четвереньки и заглядывает под олеандры.

Я сижу на том же самом месте, где ждал все это время.

— Господи Боже, чертов кот еще тут! — шипит он. — И обертку вижу!

— Там уже ничего не осталось.

— Черт возьми, Фил! Для анализа сгодятся даже мелкие крошки — может, и молекулы. Я хочу знать, что… — его голос срывается. — Ну давай, киска. Мне просто нужна бумажка.

Он сует руку под куст. Я вижу его бледное лицо. И вижу, как мистер Фелпс — обеспокоенный вдвое больше обычного — заглядывает ему через плечо.

— Джимми Рэй, это крупный кот. Может, у него бешенство. А вдруг он укусит или оцарапает…

— Да плевать! Я это ради Кейти… — Рука дотягивается до смятой оранжевой бумаги с двумя комками полупережеванной еды.

Я сижу неподвижно. Пусть берет. Он медленно тянет бумагу на себя, весь сочась страхом. Жаль, что я такой страшный.

Затем он уходит, и мистер Фелпс смотрит на меня сквозь острые листья олеандра с такой

ненавистью, какой я и не видел раньше.

— Черный дьявол, — в его устах это звучит как ругательство.

Пожалуй, мне все-таки не жаль, что я такой страшный.

Я снова жду. Я хочу знать.

Но дом пуст, а часы идут. Я голоден, но я жду. Когда меня охватывает жажда, я крадусь полакать воды из разбрызгивателей. А затем возвращаюсь на свой пост.

Вполне вероятно, что я не узнаю никогда; в том же, что я не смогу об этом поведать, я уверен на сто процентов. Но я все равно жду.

Мое терпение вознаграждается на закате, когда небо над пустыней расплылось юго-западной палитрой лавандового, персикового… и оранжевого… проектировщикам поселка такие цвета и не снились.

Двое мужчин на газоне. Освещенный дом.

— Расскажи мне, — говорит мистер Джимми Рэй Рагглс. Металл в его голосе заставил бы заговорить и меня.

— Что рассказать? — раздается нервный смех.

— Мертвые койоты. Ты говорил, что справишься с этой проблемой. Как, Фил? Как?

— Джим…

— Ты говорил об отравленной еде, так? И случайно в это оказалась замешана Кейти. Слушай, ты можешь мне рассказать. Слава Богу, Кейти поправится. Она все еще без сознания, но доктора говорят, что серьезных последствий не будет; она проглотила мало яда. Во всяком случае, они на это надеются. Послушай, я не буду тебя винить. Я знаю, что ты предан «Небесам Пейотов», как и я сам. А может, даже чересчур предан. Расскажи мне.

— Ну, хорошо, — голос мистера Фелпса звучит безжизненно. Мужчины идут вдоль олеандров в мою сторону. — Я и в мыслях не мог представить… Джимми Рэй, я просто хотел отпугнуть чертовых койотов, и это работало. Мы уже неделю не находили трупов. Я приправил бургеры. И вот как-то одна из… приманок… выпала у меня вчера из кармана, а я и не заметил. Кейти подобрала ее, но я не видел…

— Ты разве не помнишь? — мягко отозвался мистер Джимми Рэй Рагглс. — Она всегда любила бургеры.

Голос мистера Фелпса обрывается, но Полночного Луи такой театральностью не растрогаешь:

— Я уже собирался прекращать.

— Но… Фил, таллий! Это же противозаконно! Яд

без вкуса, без запаха… яд, который не разлагается, хотя запретили его уже несколько десятков лет назад. Ты что, не соображал, что пострадать могут не только койоты, а еще и домашние животные, и дети? Где ты его вообще достал?

— В городе у меня есть несколько старых домов. В давние времена плотники использовали таллий как крысиный яд. Клали внутрь стен. Там я его и обнаружил. Решил, что так обману койотов; всем остальным их уже не обманешь, слишком умные. Богом клянусь, Джимми Рэй, если бы я знал, что пострадает Кейти, я бы правую руку себе отрубил…

— Я знаю. Знаю.

Мистер Джимми Рэй Рагглс остановился прямо напротив меня.

— Видимо, этот большой черный котище уже скончался от яда, но хвала Богу, что он отнял его у Кейти. Хвала Богу, что мы нашли его и образец яда. Теперь ее могут лечить.

Его ботинки разворачиваются и уходят. А ботинки мистера Фелпса остаются.

— Черный дьявол, — шепчет он сумрачному воздуху.

Я принимаю эту похвалу с молчаливой благосклонностью и наконец удаляюсь.

ГЛАВА 9

Бог-трикстер

Целый день уходит у меня на то, чтобы восстановить силы и унять измученный аппетит. Я рад, что ни один койот больше не будет принесен в жертву «Небесам Пейотов»; я рад, что дочка застройщика поправится. Но все же мне чрезвычайно жаль, что мистер Фелпс не получил по заслугам. Боюсь, скандал настолько повредил бы «Небесам Пейотов», что даже самый нежный отец постарался бы замять дело.

А затем я начинаю беспокоиться о своем гонораре. Я, в конце концов, не благотворительностью тут занимаюсь. На ближайшем грузовике со щебнем я несусь в пустыню и обнаруживаю, что Счастливый Прыгун снова кипит энергией (увы!) и что представители племени койотов и слыхом не слыхивали ничего о чудаке, что послал меня к ним.

И вот я снова томлюсь у пруда с карпами, чувствуя, что был вовлечен в мошенничество, как вдруг на омытой солнцем стене является знакомый профиль.

— Я думал, ты направился к холмам.

— Глупая кошка, — отвечает длинноухий силуэт на стене. — Я всегда соблюдаю условия сделок. Мне просто надо было убедиться, что ты выполнил то, о чем мы договаривались.

— Да еще как выполнил. Где мое вознаграждение?

Я смотрю, как двигаются тени челюстей, слышу, как резкий голос пустыни описывает место, которое — о, счастье! — находится на территории «Кристал Финикс».

— Когда-то весь Лас-Вегас был пустыней, — говорит койот. — И у моих предков было множество тайников. Ты найдешь мой клад за третьей пальмой с восточной стороны пруда.

— Где?

— В земле. Тебе придется его откопать. Ты умеешь копать?

— Занимаюсь этим ежедневно, — парирую я.

— Глубоко.

— Раз умею мелко, смогу и глубоко.

— Хорошо. До свидания.

На этом лаконичном прощании мы с койотом закончили свое сотрудничество.

Я прыжками несусь к пруду, огибая вонючих туристов, что жарятся в собственном жире на шезлонгах; кокосовое масло капает между пла-

стиковыми планками лежаков.

Я считаю пальмы. Незаметно отступаю за одну из них и копаю. И копаю. И копаю.

На глубине в полфута я натыкаюсь на богатую руду. Руду койотов. Копаю дальше, и вот наконец передо мной мое сокровище. Я присаживаюсь, дабы изучить его.

Я созерцаю россыпь маленьких коричневых комочков. Ну или бобов. Помет койотов, перемешанный с чем-то иным: бутоны мескаля, который индейцы называли пейотом. Со мной расплатились сполна: и койоты, и пейоты. Видимо, этот большеухий чувак считает, что его экскременты для всех что твоя карамель. А самое худшее здесь — понимать, что я заслужил это; нечего было доверять койотам.

К наступлению ночи я уже вернулся в Призрачный люкс «Кристал Финикса», чтобы зализывать душевные раны. Жестокие страдания не облегчает тот факт, что меня обставил какой-то грязный пес. Желтый пес. Дон Койот. Может, мескалин и стоит чего-то, но не в кругах, где я вращаюсь. Я не принимаю наркотиков, а моя единственная слабость — валерьянка — официально разрешена законом. Что же касается койотьего помета, то его и в качестве сувенира оставлять как-то

не хочется.

Я предаюсь этим размышлениям в старинной атмосфере номера 711 и тут вспоминаю, что есть койоты, а есть Койот. Койот из легенд коренных американцев, которого также называют Стариком, Трикстером и Грязным Стариком. Порой советы ему дают его же собственные экскременты. Говорят, что Койот умеет принимать разные обличья, и связываться с ним всегда рискованно, ведь он воплощает самое хорошее и самое плохое, что есть в человеческой природе.

Я размышляю о том, что я не только спас клан койотов от тайного нападения, но и человечество от рикошета этой атаки. Я думаю о том, что страдал от голода, терпел уколы шипов, и это я еще молчу про угрозы физическому и душевному благополучию, а в итоге мне и похвастаться-то нечем, кроме шариков от койотов и пейотов.

Самооценка у меня упала так низко, что, если бы мне пришлось танцевать под ним, то я выиграл бы состязание по лимбо.

А потом я замечаю, что у телевизионного ящика в другом конце комнаты откинулась крышка. Я уже много лет регулярно созерцаю этот продолговатый предмет окраса «пепельный блондин», но до сего дня не знал, что у него вообще есть

крышка.

По тому, как под крышкой пляшет свет (словно северное сияние), ее внутренняя часть покрыта отражающим материалом, и в этом зеркале отражается овальное изображение.

Картинка таинственно мигает, а затем загорается уверенней. Из недр корпуса исторгаются звуки. Я сижу, завороженный, и лишь позже понимаю, что смотрю на винтажный (конца сороковых) телевизор, в котором показывают совершенно обычное современное телешоу, до каких я обыкновенно не снисхожу, — эти потуги низкопробных журналистов под названием «Ежедневное ассорти», но я в септические моменты называю шоу «Ежедневным сортиром». Или правильно говорить «скептические»?

Как бы то ни было, угадайте, что появилось перед моим блуждающим взором? Конечно, панорамный снимок вывески над входом в «Небеса Пейотов». Голос за кадром рассказывает, какое это шикарное поселение, а потом переходит к массовым истреблениям койотов, в результате которых трагически была отравлена дочь застройщика. Вспыхивает фото улыбающейся счастливой Кейтлин.

А затем я вижу, как мистера Фелпса уводят в на-

ручниках какие-то мрачные ребята. Аллилуйя!

На экране появляется мисс Эшли Эймс, чрезвычайно привлекательная крашеная блондинка с анорексией и тощими коленками, и начинает тараторить, не переводя дыхания.

Похоже, поначалу отравление маленькой Кейтлин Раггл посчитали трагической случайностью, вызванной попытками одного из служащих «Небес Пейотов» избавить поселок от койотов, которые уводили с собой домашних животных… Заблуждение длилось до тех пор, пока девочка не очнулась и не заговорила о том, для чего нет слов в человеческом языке. Она подвергалась сексуальному насилию со стороны «дяди Фила».

Шокированные родители Кейтлин вызвали полицию. Как показало следствие, Ф. В. Фелпс, вице-президент компании «Небеса Пейотов», и в самом деле домогался ребенка; девочка стала поговаривать о том, что расскажет все родителям.

— Утверждают, — говорит мисс Эшли Эймс тоном, по которому, к восхищению моему, слышно: она-то не сомневается в этих утверждениях, — что он травил койотов для того, чтобы «случайная» смерть малышки Кейтлин показалась впоследствии лишь трагическим побочным эффектом

его действий. И если бы, — продолжает она, и я ушам своим не верю, хоть они и стоят сейчас по стойке «смирно», — по счастливой случайности рядом не оказалось изголодавшегося бродячего кота, который отнял у ребенка отравленный кусок гамбургера из крупной сети закусочных, этот гнусный план, возможно, никогда бы и не был раскрыт.

Я не на шутку возмущен прилагательным «изголодавшийся».

Но следующий же кадр отвлекает меня от этих эмоций: Лас-Вегас, Общество защиты животных; Кейтлин с родителями забирают маленького черного котенка. Все, даже сам котенок, улыбаются.

И я сам улыбаюсь. Черт побери! Подозреваю, что даже Койот, где бы он ни был, улыбается тоже.

Сказать по правде, когда изображение на старом телевизоре постепенно исчезает и затихает звук, мне кажется, я краешком глаза вижу сребровласого человеческого старичка с громадными ушами, который скользит сквозь трещину в двери.

Я припоминаю, что Джерси Джо Джексон в свое время зарыл пару-тройку кладов в окрестностях Лас-Вегаса. И что Койот остается неизменным, но

при этом постоянно меняется. И что он мастер выделывать трюки — возможно, даже с винтажными телевизорами.

Воплощение самого лучшего и самого худшего и в человеке, и в звере.

Вот уж действительно.

Пятьдесят четыре романа бывшей журналистки Кэрол Нельсон Дуглас сложно отнести к какому-либо жанру. В них часто сочетаются элементы детектива и фантастики. Дуглас является автором серии «Делайла-стрит, паранормальный следователь» («Delilah Street, Paranormal»), городского темного фэнтези. Также она была первой, кто использовал Ирен Адлер, диву из книг о Шерлоке Холмсе, в качестве протагониста для цикла книг, среди которых был роман «Бриллианты для Ирен Адлер» («Good Night, Mr. Holmes»), ставший книгой года по версии *New York Times.* Рассказы К. Н. Дуглас в разные годы появлялись в нескольких детективных сборниках, объединявших лучшие произведения жанра. Если вы хотите узнать об авторе больше, зайдите на сайт www.carolenelsondouglas.com.

Полночный Луи, частный детектив и кот, вы-

ступает в роли рассказчика (частично) в двадцати шести ее романах, последний из которых называется «Кот в топазовом танго» («Cat in a Topaz Tango»). Впервые Дуглас одарила настоящего Луи (бродячего кота из шикарной гостиницы в Пало-Альто, где тот воровал карпов из бассейна) речью в одном из своих газетных очерков.

Поэт и дочь изготовителя чернил
Элизабет Хэнд

Япония, период Хэйан

В правление той, что прославилась под именем Императрицы Черной Ивы, в одном дальнем городишке жил да был поэт по имени Га-шо. Как и все бедные поэты, он жил воспоминаниями и спитым чаем, но более всего подкрепляли его силы мысли о некоей юной женщине, что работала служанкой у одной из придворных Императрицы Черной Ивы. У этой молодой особы не было имени; во всяком случае, Га-шо оно было неведомо. Он видел ее лишь однажды: она сопровождала носилки со своей госпожой вдоль канала, а затем через мост на окраине города. Подол ее кимоно был забрызган грязью, к нему пристали гнилые водоросли, но лицо у нее — во всяком случае та его часть, что поэт мог разглядеть: она шла, склонив голову и держа у щек рукава, — было изысканно прекрасным, кожа — нежной и белой, точно рисовая бумага, а глаза, опушенные длинными ресницами, казались цветками хризантемы. Отступив на шаг, чтобы дать ей пройти по мосту, он

уловил аромат сладкого благовония *куробо*, что благоуханным ветром следовал за ней. По этой причине, а также за красоту глаз незнакомки, он прозвал ее Прекрасным Цветком.

После смерти отца Га-шо унаследовал немного денег: как раз хватало, чтобы снимать крохотную комнатушку в самом мрачном квартале города. Здесь, при свете жаровни размером не больше его горсти, Га-шо писал свои стихи на свитках рисовой бумаги.

Каждая строка прославляла красу Прекрасного Цветка, ее мягкость, набожность и добродетель (хотя о красе он писал более, чем о прочем). Неведомо было ему, что молодая женщина, в которую он был влюблен, отличалась сварливым и надоедливым нравом, а голос ее походил на треск ломающихся зеленых ветвей. Не знал он, что она, как и ее товарки, увлекалась азартными играми и успела накопить изрядный долг, по которому платить вовсе не собиралась; что она храпит во сне и дыхание ее часто осквернено сливовым вином, причем порою даже по утрам; что она уже давно назначает свидания красавцу садовнику, который работает на Императрицу Черную Иву, и что она также развлекалась с двоюродным братом садовника, а порой и с лучшим другом

двоюродного брата, который работает на кухне, внизу. (Они дали ей еще одно имя, не столь лестное, как Прекрасный Цветок, и раскрывать я его здесь не буду.)

Нет, в стихах Га-шо не было обо всем этом ни слова; может, оно и к лучшему. Правда зачастую слишком скучна для литературы.

При всей своей нищете Га-шо взял к себе кошку. Это было прихотливое создание, с коротким хвостом, как и все кошки того времени и местности, бледно-серыми глазами и черными передними лапками; возможно, она была не столь красива, как Прекрасный Цветок, но манеры у нее были намного более изысканные. Самым удивительным в ней был цвет: необычный коричневый оттенок с глубоким красным подтоном — цвет новой бронзы, подкрашенный кровью. Суеверные люди наделяли таких рыжих кошек особым могуществом и называли их *кинкванеко,* Золотой цветок. Но Га-шо, сентиментальный, когда дело касалось женщин, был не особо склонен к предрассудкам. Он называл свою кошку Чистоушкой.

Рыжая кошка спала с Га-шо на одной кровати и грела его по ночам. Утром она нежно терлась о его щеку, призывая проснуться. Садясь за стол, поэт всегда оставлял своей подруге кусочки ры-

бы. Когда у него заканчивались деньги или он забывал поесть, Чистоушка тихо, словно ветерок, кралась на улицу из его крошечной комнатушки и направлялась к городским докам. Около часа спустя она возвращалась, держа в зубах рыбешку (а может, и креветку), которую клала на деревянную подушку поэта. Она неизменно и с большим тактом отказывалась поужинать, пока поэт не заканчивал с трапезой, а он взамен оставлял ей лучшие части рыбных голов — в особенности глаза, к которым кошка питала слабость.

Одним из немногих торговцев, с кем бедность позволяла поэту иметь дело, был изготовитель чернил. Его магазин находился совсем недалеко от тесной комнаты поэта. Изготовитель чернил и сам был беден, но нищета не научила его ни доброте, ни снисходительности к должникам. Он был человеком злым, но заискивал перед всеми, у кого денег было больше, чем в его скудной мошне. А к одному человеку он был прямо-таки жесток.

Этим человеком была его падчерица, Укон. Он женился на ее матери, ошибочно полагая, что у той было небольшое состояние; обнаружив же, что денег нет, он сжил ее со света (во всяком случае, так полагали в округе, где слухи разбегались так же быстро и приносили столько же вреда,

как и пожары, которые часто случались в зимние месяцы). Считали также, что мама Укон была из лис-колдуний. Несколько недель после ее смерти изготовитель чернил клал у кровати дубинку на случай, если ее дух придет мстить.

Но то ли она не была колдуньей, то ли она боялась за благополучие своей дочери, но призрак так и не появился, и бедняжка Укон была оставлена на произвол судьбы. Поздними ночами соседи слышали ее жалобные крики: это избивал девушку ее отец — стены из бамбука и рисовой бумаги плохо умеют скрывать такое, — но никто не приходил ей на помощь. То, как человек обходился со своей дочерью, пусть и приемной, было его личным делом. Итак, отец проводил дни и ночи, напиваясь с покупателями и кредиторами, а все тяготы по изготовлению чернил легли на плечи его падчерицы.

Именно Укон следила всю осень и зиму за очагом, где жгли древесину и смолу красной сосны. Именно Укон отскребала сажу и клала ее в чашу, куда добавляла рыбий клей. И клей она тоже делала сама: выпрашивала на доках рыбьи кости, а затем варила их на другом очаге. Запах стоял ужасный, поэтому она клала в варево цветки сливы и пиона, а порой даже сандаловое дерево,

если на него хватало денег. Она смешивала рыбий клей и сажу на широкой доске, разминала густую пасту, пока та не становилась мягкой и податливой, точно сладкие рисовые пирожки, а затем утрамбовывала мягкие чернила в деревянные формочки: квадратные, круглые и прямоугольные. Но оставлять их там было нельзя, не то они бы растрескались. Укон очень осторожно переносила куски чернил в деревянные коробки, заполненные влажным углем. Здесь чернила суми медленно сохли — днями, а то и целыми месяцами, — и Укон приходилось менять уголь, когда он высыхал. Наконец они высыхали настолько, что их можно было заворачивать в рисовую бумагу и вывешивать в маленьком сарае в переулке за домом, где жили они с отцом. Там чернила выдерживались около месяца. И лишь затем Укон аккуратно метила каждый брусок чернил меткой своего отца, заворачивала в тонкую бумагу и складывала ровными рядами у задней стены магазина. Ее ладони и пальцы были так перепачканы чернилами, что она не могла отмыть их добела, а кожа ее насквозь пропиталась рыбным зловонием. От отца вместо помощи она получала одни насмешки.

— Тебе никогда не найти ухажера, — говорил

он с презрением, таращась на ее черные руки. — И мне еще повезет, если твой вид не отпугнет наших последних клиентов…

И он ударял ее по щеке с такой силой, что девушка отступала на шаг к огромной глыбе чернил, которые еще только предстояло разрезать.

А теперь, когда я написал, что никто никогда не приходил Укон на помощь, я должен сознаться, что был не совсем прав. Ибо девушка, как ни бедна и обездоленна она была, все же сохранила сердечную доброту и, подобно полузадушенному розовому кусту, что все же тянется к лучику солнца, стремилась к милосердию. Так как во всем квартале не сыскать было человека беднее и несчастнее ее самой, доброта Укон по необходимости простиралась к другим существам, меньше и еще голоднее, чем она. Девушка вызволяла увечных кузнечиков из бамбуковых клеток, когда мальчишкам наскучивало играть с ними и они отшвыривали игрушку в сторону; она берегла зернышки риса, чтобы кормить полумертвых от голода воробьев на зимнем снегу. А еще она втайне подкармливала кошку, которая часто приходила в переулок за магазином, маленькую рыжую кошечку с пушистым коротким хвостом, похожим на увядший цветок. Как и прочих

бродячих животных, кошку притягивал запах гниющей рыбы, что поднимался над сараем с чернилами. Но эта кошечка была меньше прочих, и нрав у нее был мягкий, и Укон неизменно приберегала для нее рыбьи хвосты и кости, на которых еще оставалось немного мяса, подобно тому, как на расческе остается порой несколько волосков.

И вот в один из таких дней, уже ближе к вечеру, в Одиннадцатом — Морозном — месяце Укон кралась тайком в переулок.

— Ох, *сутенеко,* — ворковала она, склоняясь, чтобы погладить рыжую кошку за ушком. — Бедняжка сутенеко, славная *кинкванеко* — ты так продрогла! Вот, смотри. Тут немного, но…

Она протянула запачканные чернилами пальцы, и кошка благодарно слизала с них рыбьи чешуйки.

— Вообще-то она не бродячая.

Укон вихрем повернулась и прижалась к хлипкой стене сарая. Она не думая наклонила голову, как бы выражая почтение посетителю магазина, но при этом подняла руку, словно защищаясь от удара.

Взглянув сквозь пальцы, она увидела не устрашающую фигуру отца, а молодого человека в оборванных одеждах и стоптанных деревянных

башмаках.

Поэт, подумала она, узнав его по чернильным пятнам на пальцах и по впалым щекам. Она медленно опустила руку, но от стены не отошла — съежилась там, не обращая внимания на дождь со снегом, что капал на ее непокрытую голову.

— Она живет у меня, — беззаботно продолжал поэт. — Сутенеко! — обратился он к кошке укоризненно и наклонился, чтобы подхватить ее на руки. — Она думает, что ты бродячая!

Он погладил ее по голове, подул в острые ушки, а потом поднял взгляд на Укон и сказал:

— Я называю ее *Кури-риоумими.* Кури-ри.

— А-а-а, — Укон робко улыбнулась. — Чистые ушки.

Поэт улыбнулся в ответ. Но улыбка его погасла, стоило ему взглянуть на ее почерневшие руки и красное лицо — красное, увядшее от слез лицо, на котором еще были видны следы последних побоев.

— Я… я заходил в магазин, но там никого не было, — сказал он, извиняясь. — Мне нужно еще чернил. Но я могу вернуться завтра…

— Нет, нет! — воскликнула Укон и поспешила обратно внутрь. — Мой отец ушел по делу. — На

самом деле он напивался в таверне. — Но я могу продать вам все, что нужно.

Она занялась поисками и упаковкой нескольких прямоугольных брусков чернил. Поэт всегда просил самых дешевых, — большего он позволить себе не мог, — но, доставая товар с полки, Укон неожиданно замешкалась. Она взглянула через плечо, чтобы убедиться, что он не смотрит и что в магазине не появилось других посетителей. А затем спешно заменила недорогую палочку суми блоком в форме хризантемы. То были самые дорогие из чернил, которые продавал ее отчим, с ароматом герани, глубокого цвета киновари. Она завернула их во второй слой рисовой бумаги, чтобы поэт не смог увидеть, сколь они ценны, и отказаться, а затем заспешила к покупателю.

— Вот, — сказала она и, протягивая покупку, поклонилась.

Пока она смотрела на него, ее лицо покраснело еще сильнее, и вовсе не от страха или боли. Поэт взял чернила суми и ответил ей задумчивым взглядом.

Она совсем не похожа на Прекрасный Цветок, размышлял Гашо. Никакого аромата, одна вонь вареных рыбьих потрохов, да и руки у нее черны, как лапы моей кошки, а кожа красна, как… да,

красна, как мех Чистоушки. И все говорят, что старик ее бьет…

И все же у нее была нежная улыбка, тихий голос и кроткий взгляд. И она была добра к бродячей кошке…

— Благодарю, — сказал он чересчур быстро, а затем повернулся и ушел.

Той ночью Га-шо написал стихотворение в честь дочери изготовителя чернил. Положа руку на сердце, он не мог сравнить ее с цветком, даже с цветущим сорняком. Но японцы создали множество поэм во славу кошек, и поэтому он начал свое произведение, сравнивая ее с Чистоушкой. Проведя таким образом какое-то время, он обратился мыслями от кошачьих достоинств к тем, что были больше свойственны девушкам, и вот, неожиданно для себя, он уже сочиняет вирши, которые (во всяком случае, по его собственному мнению) были никак не хуже стихов, вдохновленных Прекрасным Цветком. Он несколько раз продекламировал лучшие строки Чистоушке, а она сидела у лампы, умывая лапки (хоть они не стали белее, чем ладони Укон).

Красная щека, вороные волосы,
Руки цвета ночи и в ссадинах —

Я бы хотел знать ее имя!

Он взял лист бумаги, достал палочку суми, которую купил тем днем, и развернул ее.

— Ой!

Глаза поэта расширились от удивления. Он поднес к глазам брусок чернил в форме цветка характерного красноватого оттенка. Он почувствовал, как загорелись его щеки, и украдкой бросил взгляд на кошку, словно желая убедиться, что она не заметила его румянца.

Но кошка исчезла. Итак, улыбаясь себе под нос, он натер алые чернила на своем чернильном камне, облизал кончик кисточки из собольего меха и начал записывать свои стихи.

А в это время Укон ждала отчима в комнате за магазином, где находилось ее ложе: тонкий соломенный тюфяк на полу. Она не решалась заснуть до его возвращения: да и то сказать, мысли ее были полны молодым поэтом, и она никак не могла успокоиться. Поэтому она следила за очагом, что согревал их магазин, а еще снимала рисовую пленку с сухих палочек суми и заворачивала их в бумагу.

Было уже за полночь, когда она услышала неуверенные шаги в переулке, а затем заскрипе-

ла, открываясь, дверь.

— Отец! — мягко позвала девушка, выходя ему навстречу.

Ее отчим ввалился в комнату: одежды его были в беспорядке, жидкие волосы всклокочены. Укон устремилась к нему, чтобы он не завалился на бок.

— Сука ленивая!

Он яростно замахнулся, но был столь пьян, что его кулак врезался в тонкую стену. Укон побежала навстречу, но он снова накинулся на нее и ударил так сильно, что она с плачем упала у очага.

— Ты тут с мужиками нюхаешься, — с трудом выговорил он, пытаясь подняться на ноги. — Старуха-соседка сказала, что видела, как этот бездельник с ближней улицы…

— Это был покупатель, о самый бдительный из отчимов, — умоляюще проговорила Укон. — Ты, должно быть, помнишь его. Он поэт…

— Поэт! Такой же никчемный, как и ты сама! Распутничаешь, как и твоя мать!

Но на слове «покупатель» его взгляд метнулся к металлическому ящику, где они хранили ежедневную выручку. Он схватил ящик, потряс его, открыл, а затем обвиняюще уставился на Укон.

О нет! Она закрыла лицо руками. Она так счаст-

лива была услужить юному поэту, что восторг заслонил ей чувство долга: она забыла получить плату за палочку чернил!

— Папа, — запинаясь, начала она, но было уже поздно. Он принялся избивать ее ящиком, молотя бедную девушку по лицу и плечам до тех пор, пока она не упала.

— Я найду этого поэта и прикончу. — Она слышала, как ее отчим бормочет заплетающимся языком, отшвыривая металлическую коробку. — Да я его…

Укон слишком ослабела: ее сил хватило лишь для того, чтобы дотащиться до угла. Опухшими глазами она увидела, как ее отчим скользнул через заднюю дверь в переулок. Но вскоре страшная усталость затопила даже боль, как приливная волна со временем находит на замусоренный пляж, разглаживая изгаженный песок и хотя бы на время заставляя поверить, что во Вселенной царит мир. Итак, Укон уснула беспокойным сном на грязном полу, одной рукой все еще прикрывая несчастное, избитое лицо.

Она проснулась от того, что кто-то тихо звал ее по имени:

— Укон… Укон, проснись!

Она устало приподняла голову, порванный

рукав ее платья зацепился за угол маленького столика. Укон посмотрела вверх. В полусне ей показалось, будто голос принадлежал юному поэту.

Но, поморгав в темноте, она увидела, что перед ней стоит женщина. Она была старше Укон, из-под шапочки выбивались пряди седых волос; Укон на мгновение показалось, будто это ее мать. Затем она увидела, что, хотя остренькое лицо женщины было столь же живым, как и у матушки, глаза незнакомки были бледно-серого оттенка, словно морская вода, а кимоно сшито было из шелка глубокого алого цвета: такое мама бы в жизни не надела.

— Ты должна пойти со мной, — сказала женщина спокойно, но так, словно медлить было нельзя. Укон, запинаясь, попыталась было что-то спросить, но та подняла руку (ладонь была вся черная, как и у Укон): — У нас нет времени. Пошли!

Укон встала. В ушах звенело от ударов отчима, и ей показалось, будто она слышит что-то еще, какой-то знакомый звук, но незнакомка не дала ей оглядеться и найти источник шума.

— Сюда! — шепнула она и, схватив Укон за запястье, поволокла ее на улицу. Они побежали по узкому проходу, и их деревянные башмаки скользили по слякоти и мокрому снегу. Укон

услышала позади себя взволнованные голоса, а затем раздался крик:

— Огонь! Магазин изготовителя чернил горит!

— Ой-ой! — С этим восклицанием Укон остановилась и обернулась. Из переулка за магазином отчима поднимался столб дыма. Ветер резко переменился, и до них донесся запах горящей сосны. — Он, наверное, положил слишком много дров в печь в сарае! Мне нужно пойти…

— Нет! — На этот раз это точно был приказ. Пальцы женщины крепче сомкнулись вокруг запястья Укон. Когда она пододвинулась ближе к девушке, та почуяла, что изо рта незнакомки исходит запах гниющей рыбы. — Твоя жизнь здесь закончена. Теперь ты пойдешь со мной. И больше не оглядывайся.

Словно в бреду, Укон повернулась и позволила увести себя по петляющим улочкам прочь от магазина изготовителя чернил. Теперь со всех улиц доносился шум, звон гонгов и колоколов: люди подавали сигналы о том, что квартал в опасности и может сгореть. Десятки людей мчались к магазину с деревянными ведрами, наполненными водой и песком. Мало кто заметил дочь изготовителя чернил, которая спешила в противоположную сторону в сопровождении

маленькой рыжей кошки. А позже те, кто все-таки видел ее побег, не выразили ни осуждения, ни большого сожаления по тому поводу, что она оставила отчима погибать в пламени. Всем были хорошо известны его жестокость и пьянство; пожар (он действительно начался в сарае) не пошел дальше его дома, и никто, кроме него, не пострадал.

Укон с незнакомкой пришли на узкую улицу, где девушка раньше не бывала.

— Здесь, — сказала женщина, склоняясь и жестом указывая на дверь. — Здесь ты обретешь безопасность.

Укон не успела ничего возразить, не успела задать ни единого вопроса, как женщина уже исчезла. Бедная девушка стояла в снегу, дрожа, и слезы снова подступили к глазам, но внезапно маленькая дверца распахнулась, и… кто бы вы думали появился на пороге, зевая и протирая глаза? Да, то был юный поэт, Га-шо.

— Как?.. — Он уставился на нее, не веря своим глазам. Укон поникла от смущения и стыда, и уже собиралась уходить, когда Га-шо схватил ее за руку. — Не уходите! Прошу, останьтесь! Вы, наверное, ужасно замерзли, и… — Голос его оборвался, и он удивленно воскликнул: — Смот-

рите-ка, кого вы нашли! Кури-ри, несносная ты девчонка… — Он наклонился и поднял на руки рыжую кошку, которая появилась из ниоткуда и терлась о грязный подол кимоно Укон. — Где же ты была? — Га-шо прижал кошку к груди и посмотрел на Укон. — Она убежала после нашей с вами встречи — и ее не было дома целую ночь! Умоляю, входите.

Он отступил в сторону, чтобы Укон смогла зайти в дом.

Они поженились не сразу, и какое-то время в квартале судачили по поводу того, что дочь изготовителя чернил нашла приют в комнатах бедного поэта. Но вскоре у злых языков нашелся другой повод посплетничать, и к тому времени, как Укон и Га-шо поженились и ожидали прибавления в семье, рыжая кошка уже обзавелась собственными детьми.

Незнакомку, что спасла Укон, больше никогда не видели в тех краях. А потомки кошки по имени Чистоушка — рыжие, с черными лапками и серыми глазами, как у их матери, — по слухам, приносили удачу. Ибо как иначе объяснить успех, что пришел к поэту, и долгие годы счастливого брака, которыми наслаждались они с Укон? Такое нечасто случалось с бедняками в те времена. Уж

никак не чаще, чем сегодня!

В средневековой Японии рыжих короткохвостых кошек называли *кинкванеко*, Золотыми Цветками. Считалось, что они умеют принимать обличье прекрасных юных женщин и помогать девушкам в беде.

Элизабет Хэнд — многократный лауреат литературных премий, автор нескольких романов и трех сборников рассказов. Помимо этого, она многие годы пишет рецензии для различных изданий, включая *Washington Post, Salon, Village Voice* и *Boston Globe*, а также работает колумнистом в журнале *Magazine of Fantasy & Science Fiction*. Недавно в Соединенных Штатах был впервые опубликован ее последний на нынешний день роман, «Иллирия» («Illyria»), вдохновленный «Двенадцатой ночью» Шекспира. Он уже успел заслужить Всемирную премию фэнтези. Совсем недавно автор написала роман «Доступная тьма» («Available Dark»), который является продолжением «Потерянного поколения» («Generation Loss»), произведения, завоевавшего премию Ширли Джексон.

Говорит Э. Хэнд: «Когда мне было восемь или девять, моей любимой книгой были „Рассказы китайской бабушки“ Ф. Карпентера: традиционные сказки, переложенные для более современных читателей с Запада. Несколькими годами позже я влюбилась в японские истории о призраках Лафкадио Хирна; особенно мне полюбился рассказ „Мальчик, который рисовал кошек“. „Поэт и дочь изготовителя чернил“ — моя дань уважения тем рассказам. Существуют самые разные сказания о японских короткохвостых кошках, включая историю об их происхождении: в ней у кошки загорелся хвост, и она, несясь в ужасе по улицам, поджигала на своем пути дома. До сего дня ее потомки рождаются бесхвостыми».

Ночь тигра
Стивен Кинг

Впервые я встретился с мистером Леджером, когда цирк проезжал через Стьюбенвилл. Тогда прошло всего две недели с тех пор, как я присоединился к труппе; а так я и не знаю, когда начались его беспорядочные визиты. Никто особо не хотел говорить о мистере Леджере, даже в ту последнюю ночь, когда казалось, что настал конец света, — в ту ночь, когда исчез мистер Индрасил.

Но если рассказывать все по порядку, то надо начать с того, что зовут меня Эдди Джонстоном, и я родился и вырос в Сок Сити. Я и в школу местную ходил, и первая девушка была у меня именно там, а потом, окончив школу, я устроился в дешевый магазин мистера Лилли. Это было несколько лет тому назад… больше, чем мне бы хотелось порой думать. Не то чтобы в Сок Сити было плохо; жаркие и медлительные летние вечера на веранде многим кажутся вполне приятными, но у меня от этого чесотка начиналась, словно слишком долго просидел на одном и

том же стуле. Поэтому я уволился из магазина и устроился во Всеамериканский цирк Фарнума и Уильямса с тремя аренами и аттракционами. Я принял это решение в секунду головокружения, когда муза Каллиопа, видимо, на время лишила меня способности здраво рассуждать.

Итак, я стал подсобным рабочим: помогал устанавливать и разбирать шатры, разбрасывал опилки, чистил клетки, порой продавал сладкую вату, если нашему продавцу нужно было отлучиться, лаял вместо Чипса Бейли, у которого была малярия, и порой ему приходилось уезжать куда-то далеко, а еще выл. То есть по большей части делал все то, чем занимаются дети, чтобы их бесплатно пустили на представление — да я и сам этим занимался по малолетству. Но времена меняются. И уже не к лучшему, как бывало раньше.

Тем жарким летом мы колесили по Иллинойсу и Индиане, и толпы собирались приличные, и все были счастливы. Все, за исключением мистера Индрасила. Мистер Индрасил не был счастлив никогда. Он работал укротителем тигров, а выглядел, как Рудольф Валентино на старых фото: высокий, с привлекательным и надменным лицом и копной растрепанных черных волос. И

необычными безумными глазами. У него были самые безумные глаза из всех, что я видел. Обыкновенно он был очень молчалив: пара слов из уст мистера Индрасила казалась целой проповедью. Все в цирке держались от него в стороне, как в физическом, так и в интеллектуальном смысле; о его приступах ярости ходили легенды. Помню, как шепотом рассказывали о том, как после особо тяжелого выступления ему на руки пролили кофе, и мистер Индрасил едва не прикончил юного помощника, прежде чем его удалось оттащить от жертвы. Не уверен, правдива ли эта история. Но что я знаю наверняка, так это то, что со временем я стал бояться его больше, чем бездушного взгляда мистера Эдмонта (директора моей школы), мистера Лилли и даже отца, который был способен на такие холодные отповеди, что провинившегося трясло после них от отчаяния и стыда.

Когда я чистил клетки с крупными кошачьими, то не оставлял ни единого пятнышка. От воспоминаний о тех немногих случаях, когда на меня обрушивалась гневная брань мистера Индрасила, у меня до сих пор ноги становятся ватными.

Виной тому были его глаза — огромные, темные, абсолютно пустые. Глаза, а еще чувство, что человек, которому подчиняются семь диких

кошек в тесной клетке, сам должен быть отчасти диким.

Он не боялся практически ничего, кроме мистера Леджера и единственного циркового тигра, огромного зверя по кличке Зеленый Ужас.

Как я уже сказал, впервые я встретил мистера Леджера в Стьюбенвилле. Тогда он неотрывно смотрел в клетку Зеленого Ужаса, словно тигру были ведомы все тайны жизни и смерти.

Он был тощим, смуглым и молчаливым. На дне его глубоко посаженных глаз, там, где мерцала зелень, таились боль и нависающая угроза, а руки, пока он смотрел на тигра, были неизменно сложены за спиной.

И на Зеленого Ужаса действительно стоило посмотреть. То был громадный, прекрасный зверь с безупречной полосатой шкурой, глазами цвета изумрудов и массивными клыками, похожими на пики из слоновой кости. Территория цирка зачастую дрожала от его рыка: яростного, злобного рычания неукрощенного зверя. Казалось, он бросает вызов целому миру — вызов, полный отчаяния.

Чипс Бейли — он работал на Фарнума и Уильямса бог знает сколько лет — рассказал мне, что раньше мистер Индрасил использовал Зеле-

ного Ужаса в своих представлениях, пока одним вечером тигр внезапно не прыгнул со своей тумбы и чуть не оторвал ему голову. Мистер Индрасил едва успел выбежать из клетки. Я заметил, что волосы у него неизменно скрывали заднюю часть шеи.

Я все еще помню ту сцену в Стьюбенвилле. От жары бросало в пот, и все зрители пришли в одежде с короткими рукавами. Именно поэтому мистер Леджер и мистер Индрасил выделялись из толпы: первый из них (он безмолвно стоял у клетки с тигром) был облачен в костюм и жилетку; на его лице не выступило ни капли пота. А мистер Индрасил, одетый в одну из своих прекрасных шелковых рубашек и белые саржевые галифе, пристально смотрел на них обоих. Лицо его было мертвенно-бледным, глаза вытаращены от безумного гнева, отвращения и страха. Он нес скребницу и щетку, и руки его дрожали: так судорожно сжимал он инструменты.

Тут он увидел меня, и его ярость нашла себе отдушину.

— Эй, ты! — заорал он. — Джонстон!

— Да, сэр? — Я чувствовал, как внутри у меня все оборвалось. Я знал, что сейчас на меня обрушится злоба Индрасила; я ослабел от ужаса.

Мне нравится думать, что я не трусливей прочих и что, окажись кто-то другой на его месте, я бы решился постоять за себя. Но это не был кто-то другой. Это был мистер Индрасил, и глаза его были безумны.

— Эти клетки, Джонстон. Предполагается, что они чистые? — Он указал на них пальцем, и я проследил взглядом. Увидел четыре выбившихся клока соломы и обличительную лужицу воды из шланга в углу клетки.

— Д-да, сэр, — сказал я. Слова должны были прозвучать решительно, но обернулись жалким лепетом.

Тишина. Электрический заряд перед грозой. Люди начали оглядываться на нас, и я смутно ощущал, что мистер Леджер пристально смотрит на нас своим бездонным взглядом.

— Да, сэр? — внезапно разбушевался мистер Индрасил. — Да, сэр? Да, сэр?! Ты оскорбляешь мой разум, мальчишка! Ты что, думаешь, я не вижу? А запах! Ты использовал дезинфицирующее средство?

— Я использовал дезинфицирующее, да…

— Не дерзи мне! — рявкнул он, а затем внезапно понизил голос. У меня по коже побежали мурашки. — Не смей мне дерзить.

Теперь все смотрели на нас. Меня тошнило, мне хотелось умереть.

— А теперь проваливай в сарай для инструментов, возьми дезинфицирующее средство и протри клетки, — прошептал он, чеканя каждое слово. Внезапно рука его взметнулась и схватила меня за плечо. — И не смей — слышишь, никогда не смей! — мне дерзить.

Не знаю, откуда появились во мне эти слова, но внезапно они посыпались с моих губ одно за другим:

— Я не дерзил вам, мистер Индрасил, и мне не нравится, что вы утверждаете это. Мне это… мне противно. А теперь отпустите меня.

Его лицо вмиг покраснело, затем побелело, а потом стало сафранно-желтым от ярости. Глаза горели адским пламенем.

Я подумал, что настал мой смертный час.

Он издал неясный звук, будто поперхнулся, и хватка на моем плече чуть не раздавила мне кость. Рука поползла выше, выше, выше… а затем в единую секунду опустилась.

Если бы она достигла моего лица, я бы в лучшем случае потерял сознание. В худшем он сломал бы мне шею.

Но до моего лица она не дотянулась.

Передо мной возникла другая кисть — из ниоткуда, точно по волшебству. С глухим хлопком соприкоснулись две напряженные руки. То был мистер Леджер.

— Оставь мальчика в покое, — сказал он безо всякого выражения.

Долгий миг мистер Индрасил таращился на него, и во всей ситуации не было, мне казалось, ничего неприятнее, чем наблюдать, как в этих ужасных глазах смешивался страх перед мистером Леджером и бешеное желание причинить боль (или даже убить!).

Затем он повернулся и побрел прочь.

Я обернулся и посмотрел на мистера Леджера.

— Спасибо, — сказал я.

— Не благодари меня.

Было слышно, что он не скромничает; фраза звучала, как настоящий приказ. Интуиция — или эмпатия, если вам угодно, — сразу подсказала мне, что именно он имел в виду. Я был всего лишь пешкой в долгой борьбе, которая, должно быть, велась между этими двумя. Это мистер Леджер, а не мистер Индрасил, взял меня в плен. Он остановил укротителя львов не из сочувствия ко мне: это давало ему преимущество — пусть и совсем незначительное — в их личной войне.

— Как вас зовут? — спросил я, вовсе не обижаясь на то, что понял. В конце концов, он хотя бы проявил честность.

— Леджер, — кратко сказал он и повернулся, чтобы уйти.

— Вы ездите с цирком? — спросил я, не желая так быстро его отпускать. — Мне показалось, что вы знаете… его.

Тонких губ Леджера коснулась слабая улыбка, и на секунду глаза его потеплели.

— Нет. Ты можешь называть меня… полицейским.

И прежде чем я успел ответить, он исчез в нахлынувшей толпе.

Снова я увидел мистера Леджера в Данвилле, и — двумя неделями позже — в Чикаго. Я всеми силами старался избегать мистера Индрасила и вычищал клетки до блеска. За день до того, как мы отправились в Сент-Луис, я спросил Чипса Бейли и Салли О'Хара, рыжеволосую канатную плясунью, знают ли друг друга мистер Леджер и мистер Индрасил. Я был почти уверен, что знают. Ну не полакомиться же нашим восхитительным лаймовым мороженым приезжал мистер Леджер.

Салли и Чипс обменялись взглядами поверх

чашек кофе.

— Никто особо не в курсе, что там между ними происходит, — сказала она. — Но происходит это уже давно, может, лет двадцать. С тех самых пор, как мистер Индрасил пришел от братьев Ринглинг, а может, и того раньше.

Чипс кивнул:

— Этот Леджер появляется в цирке почти каждый год, когда мы проезжаем по Среднему Западу, и остается до тех пор, пока мы не загружаемся на поезд до Флориды в Литтл-Рок. В его присутствии старый кошатник становится таким же раздражительным, как и его тигры.

— Он сказал мне, что работает полицейским, — произнес я. — Как считаете, чего он тут ищет? Ведь мистер Индрасил же не…

Чипс и Салли посмотрели друг на друга как-то странно и заторопились уходить.

— Надо проверить, чтобы весы и противовесы уложили правильно, — сказала Салли, а Чипс пробормотал что-то не очень убедительное о том, что стоит проверить заднюю ось грузовика.

Примерно так заканчивался каждый разговор о мистере Индрасиле или мистере Леджере: торопливо, под лепетание вымученных оправданий.

Мы попрощались с Иллинойсом, а заодно и с

комфортом. Установилась невыносимо жаркая погода — казалось, случилось это в тот самый момент, как мы пересекли границу, — и оставалась с нами еще полтора месяца, пока мы медленно колесили из Миссури в Канзас. На всех, включая зверей, напала раздражительность. И, естественно, кошек (за них отвечал мистер Индрасил) это тоже касалось. Он безо всякого милосердия помыкал помощниками — а особенно мной. Я вымученно улыбался, пытаясь вытерпеть его обращение, хотя у меня самого от жары началась потница. С безумцами не спорят, а я был почти уверен, что мистер Индрасил был сумасшедшим.

Никому не удавалось поспать, а ведь отсутствие сна крайне губительно для работников цирка. От недосыпа замедляются рефлексы, а медленные рефлексы — это прямой путь к опасностям. В Индепенденсе Салли О'Хара упала с двадцатиметровой высоты на нейлоновую сетку и сломала ключицу. Андреа Солиенни, наша цирковая наездница, во время репетиции свалилась с одной из своих лошадей; пробегавший мимо конь задел ее по голове копытом, и она потеряла сознание. Чипс Бейли молча страдал от лихорадки, которая не покидала его никогда; лицо превратилось в восковую маску, а на висках блестели капельки

пота.

Во многих отношениях мистеру Индрасилу было труднее всех. Кошки нервничали и злились, и всякий раз, когда он ступал в Клетку Дьявольских Кошек (так мы ее окрестили), он рисковал жизнью. Прямо перед тем как зайти, он скармливал им безбожно огромные порции мяса (вопреки распространенному убеждению, укротители редко поступают так). Лицо его осунулось, а глаза были безумны.

Мистер Леджер почти неизменно находился там, у клетки Зеленого Ужаса, и наблюдал за ним. Конечно, жизнь мистеру Индрасилу это не облегчало. Весь цирк начал встревоженно провожать глазами фигуру, одетую в шелковую рубашку. Я знал, что все думали то же, что и я: *Скоро он сломается, и когда это случится…*

Одному Богу ведомо, что будет тогда, когда это случится.

Жара все не отступала; температура ежедневно переползала отметку в тридцать градусов. Казалось, что боги дождя смеются над нами: как только мы покидали какой-то город, на него снисходил благословенный ливень. Каждый город, в который мы приезжали, был раскален добела, жух и плавился на солнце.

И вот одной ночью, по дороге из Канзас-Сити в Грин Блафф, я увидел нечто, что расстроило меня больше, чем что-либо другое.

Было жарко — до ужаса жарко. Спать не стоило и пытаться. Я ворочался на своей койке, словно горячечный больной: я гонялся за Песочным человеком, но никак не мог его поймать. В конце концов я встал, натянул штаны и вышел на улицу.

Мы остановились на небольшой поляне и расположились кругом. Мы с двумя другими помощниками разгрузили клетки с кошками, чтобы те могли освежиться хоть на каком-то ветерке. Теперь клетки стояли на земле, и разбухшая канзасская луна красила их тусклым серебром. У самой большой из них стояла высокая фигура в галифе из белой саржи. Мистер Индрасил.

Он дразнил Зеленого Ужаса длинным заостренным прутом. Большая кошка молча металась по клетке, пытаясь увернуться от острого кончика. Самое страшное в этом было то, что, когда пика все-таки вонзалась в тигриную плоть, тот не рычал от боли и злости, как можно было бы ожидать. Тигр хранил зловещее молчание; тех, кто неплохо знаком с кошками, такая тишина пугает больше, чем самый оглушительный рык.

Мистера Индрасила это тоже пробрало.

— Молчаливый ты ублюдок, а? — прорычал он. Мощные руки его напряглись, и металлический прут скользнул вперед. Зеленый Ужас дернулся, и глаза его жутко завращались. Но он не проронил ни звука. — А ну вой! — прошипел мистер Индрасил. — Давай вой, чудовище. Вой!

И он ткнул прутом тигру в бок.

А затем я увидел нечто странное. Словно тень пошевелилась во тьме под одной из дальних повозок, и в лунном свете, казалось, блеснули пристальные глаза. Зеленые глаза.

Прохладный ветерок тихо пронесся по поляне, поднимая пыль и ероша мне волосы.

Мистер Индрасил поднял взгляд, и на его лице появилось странное выражение, словно он прислушивался. Укротитель молча уронил прут, повернулся и зашагал обратно к своему трейлеру.

Я снова уставился на дальнюю повозку, но тень уже исчезла. Зеленый Ужас неподвижно стоял у прутьев клетки, глядя на трейлер мистера Индрасила. И мне в голову пришла мысль, что он ненавидит укротителя не потому, что тот жесток или злобен, ибо тигры по-своему, по-звериному, уважают эти качества, а потому, что тот был

отклонением даже от тигриной дикой нормы. Он был разбойником. По-другому мне его и не назвать. Мистер Индрасил был не только тигром в человеческом обличье, но еще и тигром-разбойником.

Мысль эта — беспокоящая и немного пугающая — выкристаллизовалась в моем сознании. Я вернулся внутрь, но заснуть мне все же не удалось.

Жара все не спадала.

Каждый день мы сгорали, каждую ночь ворочались и исходили потом не в силах заснуть. Все были красны от солнечных ожогов, и по самым малейшим поводам вспыхивали ссоры. Мы готовы были взорваться.

Мистер Леджер оставался с нами молчаливым наблюдателем: при всей его внешней невозмутимости я чувствовал, что в глубине у него бурлило — что? Ненависть? Страх? Желание мести? Я никак не мог этого понять, но одно знал точно: он может быть опасен. Возможно, если затронуть его за живое, он был даже опаснее мистера Индрасила.

Он был на каждом представлении: неизменно, несмотря на удушающую жару, облаченный в свой коричневый костюм с аккуратными

стрелками на брюках. Он молча стоял у клетки Зеленого Ужаса и, казалось, вел с тигром исполненные глубокого смысла беседы. Тот, кстати говоря, в присутствии мистера Леджера всегда затихал.

От Канзаса до Оклахомы жара не давала нам передохнуть. Редко случался день, когда кого-нибудь не хватал тепловой удар. Толпы на представлениях постепенно становились все малочисленней: кому захочется сидеть под душным парусиновым шатром, когда можно сходить в ближайший кинотеатр с кондиционером?

Если подбирать особо подходящее выражение, то мы грызлись, как кошки с собаками. Располагаясь в Вайлдвуд-Грин, штат Оклахома, мы все уже, наверное, знали, что вскоре должна последовать развязка. И большинству было ведомо, что без мистера Индрасила тут не обойдется. Как раз перед нашим первым выступлением в Вайлдвуд-Грин произошло нечто невероятное. Мистер Индрасил был в Клетке Дьявольских Кошек, прогонял программу с этими раздражительными зверями. Один из них утратил равновесие, стоя на своей платформе. Немного пошатавшись, он почти сумел прочно встать на лапы, но тут Зеленый Ужас издал ужасный, оглушительный рев.

Лев упал, грузно приземлился и внезапно, с точностью выпущенной из винтовки пули, устремился к мистеру Индрасилу. Испуганно чертыхнувшись, мистер Индрасил швырнул стул под ноги льву, и передние лапы зверя запутались. Укротитель выбежал из клетки как раз в тот момент, когда животное бросилось на прутья.

Пока он, шатаясь, собирался с духом, готовясь снова войти в клетку, Зеленый Ужас снова зарычал — но на этот раз рык невероятно напоминал громогласный презрительный смешок.

Мистер Индрасил, бледный как полотно, пристально посмотрел на зверя, а потом повернулся и ушел. В тот день он больше не выходил из своего трейлера.

А день все тянулся и тянулся. Но температура росла, и мы стали с надеждой поглядывать на запад, где собирались огромные глыбы грозовых туч.

— Может, будет дождь, — сказал я Чипсу, останавливаясь у его платформы перед секцией аттракционов.

Но он не ответил на мою полную надежд улыбку.

— Не нравится мне это, — сказал он. — Ветра нет. Слишком жарко. Тут или град, или торна-

до. — Лицо его помрачнело. — Попасть в торнадо с целой сворой диких животных, Эдди, — это не шутка. Когда мимо нас проносился торнадо, я не раз благодарил Бога за то, что в нашем цирке нет слонов… Да уж, — добавил он хмуро. — Давай лучше надеяться, что облака останутся там, где и были.

Но они не остались. Они медленно двигались на нас, эти исполинские небесные колонны, пурпурные у основания и устрашающие своей синеватой чернотой там, где собиралась гроза. В небе все замерло, и жара легла на нас шерстяной плащаницей. Время от времени далеко на западе прочищал горло гром.

Около четырех появился сам мистер Фарнум, инспектор манежа и совладелец цирка. Он рассказал, что вечером представления не будет; «просто задрайте люки и найдите дыру поудобнее, куда сможете заползти в случае чего». Между Вайлдвудом и Оклахома-Сити были замечены несколько закручивающихся воронок, некоторые из них в шестидесяти километрах от нас.

Когда прозвучало это объявление, толпа только начала собираться: люди безразлично бродили между аттракционами или пялились на животных. Но мистера Леджера не было с самого утра;

у клетки Зеленого Ужаса стоял только потный ученик старшей школы с книгами под мышкой. Известив всех, что метеобюро Соединенных Штатов предупреждает об урагане, мистер Фарнум поспешно удалился.

Оставшуюся часть дня мы с двумя другими помощниками работали не покладая рук: закрепляли шатры, грузили животных обратно в повозки — в общем, следили, чтобы все было в порядке.

В конце концов осталась только клетка с кошками, а с ними дело было особое. К каждой клетке прилагался сетчатый «переход», сложенный гармошкой, который, если его вытянуть, доставал до Клетки Дьявольских Кошек. Когда необходимо было переместить клетки поменьше, кошачьих сгоняли в большую, вместе с которой их и грузили. Эта клетка вращалась на огромных колесах: толкая, ее можно было перемещать, и так кошки попадали туда, откуда пришли. Звучит сложно (да так оно и было!), но это был единственный выход.

Сначала мы занялись львами, потом — Черным Бархатом (так звали ручную пантеру, которая обошлась цирку в выручку от целого сезона). Нелегко было заманивать их вверх, а потом об-

ратно по переходам, но все мы были согласны на это: лишь бы не звать на помощь мистера Индрасила.

К тому времени, как мы были готовы приняться за Зеленого Ужаса, уже наступили сумерки: странные желтые сумерки, которые нависли над нами влажным туманом. Небо над головами стало плоским и блестящим: таким я его еще не видел, и зрелище это мне вовсе не нравилось.

— Поспешите, — сказал мистер Фарнум, пока мы в поте лица своего катили Клетку Дьявольских Кошек обратно — туда, где мы могли бы присоединить ее к выставочной клетке Зеленого Ужаса. — Барометр быстро падает. — Он обеспокоенно покачал головой. — Не нравится мне, как все это выглядит. Ох, не нравится.

Он поспешил дальше, все еще тряся головой.

Мы подсоединили переход для Зеленого Ужаса и открыли заднюю дверь клетки.

— Ну, давай! — подбодрил я его.

Зеленый Ужас угрожающе посмотрел на меня и не двинулся с места.

Снова загрохотал гром — ближе, громче, резче. По небу словно разлилась желчь: невероятно мерзкий цвет. Демоны ветра принялись резко дергать нас за рубахи и кружить сплющенные

обертки от леденцов и палочки для сладкой ваты, которыми была усыпана земля вокруг.

— Ну же, ну же, — торопил я, легонько тыча его прутом с тупым наконечником — такие раздавали нам, чтобы сгонять зверей вместе.

Зеленый Ужас оглушительно зарычал и резко ударил одной лапой. Я и глазом моргнуть не успел. Палка из твердой древесины вырвалась у меня из рук и раскололась на щепы. Тигр вскочил на ноги, и в его глазах я увидел смерть.

— Послушайте, — нетвердым голосом сказал я. — Кто-то из вас должен привести мистера Индрасила, вот и все. Ждать больше нельзя.

Словно в подтверждение моих слов, гром затрещал громче, будто какой-то гигант хлопнул в ладоши.

Келли Никсон и Майк МакГрегор подбросили монетку; меня исключили из-за прошлых конфликтов с мистером Индрасилом. Идти выпало Келли. Он молча окинул нас взглядом, словно говоря, что предпочел бы встретиться с ураганом, и ушел.

Его не было почти десять минут. Ветер начал набирать скорость, и сумерки сгущались в странную вечернюю мглу. Я был напуган, и не боюсь в этом признаться. Это стремительное безликое

небо, пустынная земля вокруг цирка, резкие вихри, что тянут тебя в разные стороны — я буду всегда помнить все так же ясно, будто это случилось лишь вчера.

А Зеленый Ужас все не хотел идти в переход.

Келли Никсон бежал к нам, вытаращив глаза.

— Я минут пять долбил в его дверь! — Он перевел дух. — Так и не смог его разбудить.

Мы обменялись растерянными взглядами.

Зеленый Ужас обошелся цирку недешево, нельзя было просто взять и оставить его на улице. Я в замешательстве оглянулся, ища взглядом Чипса, мистера Фарнума, да кого угодно, кто бы сказал мне, что нужно делать. Мы отвечали за этого тигра. Я подумал было попытаться загрузить клетку в трейлер вручную, но совать пальцы за прутья мне вовсе не хотелось.

— Ну что ж, нам все-таки придется пойти и привести его, — сказал я. — Всем троим. Пойдемте.

И мы побежали к трейлеру мистера Индрасила сквозь мрак наступающей ночи.

Мы так колотили в дверь, что он должен был подумать, будто за ним пришли все демоны ада. К счастью, наконец дверь резко распахнулась. Мистер Индрасил, пошатываясь, уставился на нас; веки его были воспалены, а безумные глаза

блестели от выпитого. От него несло, как от спирто-водочного завода.

— Оставьте меня в покое, черт побери, — прорычал он.

— Мистер Индрасил! — Мне приходилось перекрикивать нарастающий вой ветра. Это все вовсе не было похоже на ураганы, о которых я слышал или читал. Это было похоже на конец света.

— Ты… — мягко проскрежетал он, затем протянул руку и схватил меня за рубашку. — Сейчас я преподам тебе урок, который ты никогда не забудешь.

Он злобно зыркнул на Келли и Майка, которые съежились среди метущихся штормовых теней:

— Убирайтесь!

Они побежали. Я их не виню, я же сказал вам: мистер Индрасил был чокнутым. И не просто чокнутым — он был словно бешеное животное, словно один из его котов сошел с ума.

— Ну что ж, — пробормотал он, глядя на меня сверху вниз, и глаза его горели, как керосиновые лампы. — Теперь тебя никакой амулет не защитит. Никакой оберег. — Его губы изогнулись в дикой, чудовищной усмешке. — Теперь его тут нет, не так ли? Нас таких только двое: он да я. Может, нас осталась всего двое. Он мне заклятый

враг, а я — ему.

Он говорил бессвязно, но я не пытался его остановить. По крайней мере, думал он не обо мне.

— Натравил эту кошку на меня, тогда, в пятьдесят восьмом. В нем всегда было больше силы. Этот идиот мог миллионами ворочать — мы вместе могли бы, если бы он не был таким чертовски заносчивым… что это там?

Это был Зеленый Ужас, который оглушительно зарычал.

— Вы что, не загнали чертова тигра внутрь? — завопил он почти фальцетом и начал трясти меня, точно тряпичную куклу.

— Он не шел! — проорал я в ответ. — Вам нужно…

Но он отшвырнул меня в сторону. Я споткнулся на складных ступеньках его трейлера и загремел вниз, где и свалился грудой костей. Издав нечто среднее между всхлипом и чертыханием, мистер Индрасил пробежал мимо, и лицо его было маской ненависти и страха.

Я встал и, точно под гипнозом, последовал за ним. Интуиция говорила мне: сейчас разыграется последний акт этой драмы.

Как только я вышел из-под защиты трейлера, ветер задул с почти невыносимой силой.

Он визжал, точно товарный поезд, потерявший управление. Я был муравьем, песчинкой, беззащитной молекулой перед лицом этой громогласной космической мощи.

И мистер Леджер стоял у клетки Зеленого Ужаса.

Это было похоже на сцену из Данте: почти опустевшая территория в кругу трейлеров, где раньше располагались клетки; двое мужчин молча стояли лицом к лицу, и их одежды с визгом трепал штормовой ветер; небо над ними бурлило, пшеница на дальних полях извивалась, словно проклятые души под хлыстом Люцифера.

— Время настало, Джейсон, — сказал мистер Леджер. Ветер сорвал с его губ слова и понес их над пустынной землей.

Волосы мистера Индрасила бешено трепало ветром на его загривке. Он сжал кулаки, но промолчал. Я почти чувствовал, как он собирается с духом, призывает на помощь свою жизненную силу, свое Ид. Энергия скапливалась над ним, словно нимб над головой грешника.

А затем я, охваченный внезапным ужасом, увидел, как мистер Леджер отстегивает переход от клетки Зеленого Ужаса — и вот задняя стенка клетки открыта!

Огромный тигр выпрыгнул наружу и проскользил мимо мистера Леджера. Мистер Индрасил пошатнулся, но не убежал. Он склонил голову и сверху вниз уставился на тигра.

И Зеленый Ужас остановился.

Он мотнул огромной головой назад к мистеру Леджеру — почти повернул ее — а затем неспешно обернулся к мистеру Индрасилу. В воздухе повисло пугающее, почти осязаемое ощущение того, что энергию куда-то движут; вокруг тигра возникла сеть из переплетающихся воль. И эти воли были равновеликими.

Я думаю, что в конце концов весы пошатнула воля самого Зеленого Ужаса — его ненависть к мистеру Индрасилу.

Кошка пошла вперед. Глаза ее были маяками адского пламени. И что-то странное начало происходить с мистером Индрасилом. Казалось, что он сворачивается внутрь, сжимается, складывается гармошкой. Шелковая рубаха утратила форму, и темные развевающиеся волосы превратились в отвратительную шляпку ядовитого гриба, что выросла вокруг его воротника.

Мистер Леджер что-то выкрикнул ему, и одновременно Зеленый Ужас сделал прыжок.

Я так и не увидел, чем все закончилось. В

следующую секунду я распростерся на спине; казалось, из меня высосали дыхание. Я успел только взглянуть под каким-то невероятным углом на огромную возвышающуюся воронку урагана, а затем на меня опустилась тьма.

Когда я очнулся, то лежал на своей койке в задней части сарая, как раз за ящиками с зерном (мы возили с собой передвижной склад для разных нужд). Чувствовал я себя так, словно меня поколотили обитой войлоком дубинкой, как у индейцев.

Появился Чипс Бейли; его лицо было обеспокоено, лоб прорезали морщины. Он увидел, что я открыл глаза, и широко, с облегчением, заулыбался:

— Не знал, проснешься ли ты вообще когда-нибудь. Как чувствуешь себя?

— Будто я весь вывихнут. Что случилось? Как я попал сюда?

— Ты валялся за трейлером мистера Индрасила. Ураган мог запросто взять тебя с собой на память, мальчик мой.

Когда он упомянул мистера Индрасила, чудовищные воспоминания нахлынули на меня, как река.

— Где мистер Индрасил? А мистер Леджер?

Взгляд его помрачнел, и он начал уклончиво отвечать мне что-то.

— Говори прямо, — сказал я ему, пытаясь приподняться на локте. — Я должен это знать, Чипс. Должен.

Наверно, было в моем лице что-то такое, что убедило его.

— Ну, ладно. Хотя учти, это не совсем то, что мы сказали копам… да на самом деле мы им почти ничего и не сказали. Нас бы просто посчитали сбрендившими. Ну, так или иначе, Индрасил исчез. А про то, что тут был Леджер, я и не знал.

— А Зеленый Ужас?

Глаза Чипса снова сделались непроницаемыми.

— Они с другим тигром оба пали в битве.

— С другим тигром? Но ведь нет никакого…

— Да, но нашли-то двоих, они валялись в собственной крови. Черт знает что! Выгрызли друг другу глотки.

— Как?.. Когда?..

— Кто знает? Мы сказали копам, что у нас было два тигра — так проще.

И он ушел, прежде чем я смог сказать хоть слово.

И вот так заканчивается мой рассказ — хотя

есть еще две мелочи. Во-первых, слова, которые мистер Леджер прокричал как раз перед ударом урагана: «Когда человек и животное живут в одной оболочке, Индрасил, характер определяют инстинкты!»

И второе — то, от чего я не могу заснуть по ночам. Чипс позже сказал мне — предупредив, что за что купил, за то и продает. Сказал мне, что у другого тигра был длинный шрам на загривке.

Стивен Кинг в представлениях не нуждается. Со времени публикации своего первого романа, «Кэрри» («Carrie»), он развлекает читателей, умудряясь писать именно то, что хочет, и именно тогда, когда хочет. Порой он бывает в настроении написать рассказ для какого-нибудь журнала, причем сотрудничает автор с такими разными изданиями, как *OMNI, Playboy, The Magazine of Fantasy & Science Fiction, Cemetery Dance* и *New Yorker.* За свой рассказ «Человек в черном костюме» («The Man in the Black Suit») он был награжден в 1995 году премией О. Генри и Всемирной премией фэнтези.

«Ночь тигра» — это ранняя и довольно малоизвестная работа мастера ужасов. Цирк путе-

шествует по «одноэтажной Америке», и в этом чувствуется что-то от Рэя Брэдбери, но при этом произведение Кинга отличается б***о***льшим накалом страстей.

Каждый ангел ужасен
Джон Кэссел

Железнодорожник смотрел, как Бобби Ли схватил тело бабушки под мышки и поволок ее на ту сторону канавы.

— Чё б тебе не помочь ему, Хирам, — сказал он.

Хирам скинул куртку, пробежался до дна канавы и схватил пожилую даму за ноги, и вместе с Бобби Ли они потащили ее через поле к лесу. Ее изломанная голубая шляпка все еще держалась, прикрепленная булавкой, а голова склонилась Бобби Ли на плечо. По дороге в тенистый лес лицо женщины криво улыбалось.

Железнодорожник отнес кошку к «студебекеру». Он внезапно подумал, что не знал ее имени, и теперь, когда вся семья мертва, и не узнает. Это была трехцветная кошка, полосатая, с широкой белой мордочкой и рыжим носом.

— Как звать тебя, кис-кис? — прошептал он, почесывая ей за ушком.

Кошка замурлыкала. Железнодорожник обошел машину и поднял стекла всех окон. Лобовое стекло пересекала кривая трещина, а форточ-

ка со стороны пассажира на переднем сиденье разбилась вдребезги. Он заткнул дыру курткой Хирама. Потом он посадил кошку в машину и захлопнул дверь. Та оперлась передними лапами на приборную панель и, глядя на него, беззвучно замяукала.

Железнодорожник нацепил очки и вгляделся в полосу леса, куда Бобби Ли с Хирамом отнесли тела. Было жарко и тихо; безмолвие нарушало лишь пение птицы где-то на насыпи за его спиной. Он сощурился на безоблачное небо. Осталась всего пара часов до заката. Он потер место на плече, где к нему прикоснулась бабушка. Похоже, он вывихнул его, когда отшатнулся.

Последнее, что сказала старушка, задело его за живое: «Ты один из моих собственных детей». Она выглядела знакомой, но вовсе не была похожа на мать. Может, в былые дни его отец сеял там, где не пожинал — Железнодорожник знал наверняка, что так оно и было, — так что ж, а вдруг эта бабушка и была его настоящей мамой? Это объяснило бы, почему женщина, что вырастила его, добрейшая из женщин, заполучила такого ужасного сына, как он.

Эта мысль засела у него в мозгу. Жаль, что у него не хватило ума задать старушке пару вопросов.

Может, она бы и рассказала ему правду. Когда Хирам и Бобби Ли вернулись, Железнодорожник раскорячился под капотом машины.

— Что теперь делать, босс? — спросил Бобби Ли.

— Полиция может приехать в любой момент, — сказал Хирам. Штанина его брюк-хаки была заляпана кровью. — Может, кто-то слышал выстрелы.

Железнодорожник выбрался из-под капота.

— Щас волноваться стоит только о том, Хирам, как остановить течь в радиаторе. Найди монтажную лопатку и выпрями вентилятор вот здесь. Бобби Ли, сними с другой машины ремень.

Хирам думал, что «студебекер» этих ребят снова будет на ходу через полчаса, но починка заняла больше времени. Когда они закончили, уже смеркалось, и на дорогу из красно-бурой грязи пала тень от сосен. Они дотолкали украденный «хадсон», на котором сбежали, до деревьев и забрались в «студебекер».

Железнодорожник взялся за руль, и по колдобинам грунтовой дороги они поехали в сторону шоссе. Сдвинув шапку на затылок, Хирам исследовал бумажник мертвеца, а Бобби Ли на заднем сиденье посадил кошку на колени и чесал ее под

подбородком, бормоча «кис-кис-кис-кис».

— Шестьдесят восемь долларов, — объявил Хирам. — Плюс еще двадцать два из кошелька его жены. Итого девяносто баксов. Он развернулся и протянул Бобби Ли пачку купюр. — Избавься от этой чертовой кошки, — сказал он и обратился к Железнодорожнику: — Хочешь, подержу твои?

Тот протянул руку, взял банкноты и запихал их в карман желтой рубахи с ярко-синими попугаями, которая раньше принадлежала мужчине, который вел машину. Бейли Бой, так его называла бабушка. У Железнодорожника прострелило плечо.

Машина сотрясалась: во время езды разболтались колеса. Если бы он попробовал разогнать ее больше пятидесяти миль в час, от тряски они бы просто слетели с дороги. Железнодорожник чувствовал теплое давление пистолета с внутренней стороны пояса; оружие упиралось ему в живот. Бобби Ли фальшиво напевал что-то на заднем сиденье. Хирам сидел тихо, беспокойно елозил в кресле и поглядывал на темные деревья. Он вытащил свою потрепанную куртку из бокового окна и попытался встряхнуть ее, чтобы расправить складки.

— Лучше не брать чужих курток без спроса, —

проворчал он.

— Он не хотел, чтобы кошка сбежала, — заговорил Бобби Ли.

Хирам фыркнул:

— Может, ты вышвырнешь эту долбаную кошку из долбаного окна?

— Она тебе ничего плохого не сделала, — ответил Бобби Ли.

Железнодорожник промолчал. Он всю жизнь представлял себе, будто мир немного нереален, что он должен был жить в каком-то другом месте. Его разум был коробкой. Снаружи этой коробки находился мир, который отвлекал его, мир, полный развлечений и неприятностей. Внутри коробки продолжалась его настоящая жизнь: борьба между тем, что он знал, и тем, чего не знал. Он вел себя вежливо и отстраненно, чтобы его не отвлекали. Если его отвлекали, он выходил из себя. Когда он выходил из себя, происходили всякие гадости.

Потом он глубоко раскаивался, но теперь чувство было острее, чем в детстве. Он был слишком невнимателен. Он посчитал пожилую женщину лицемеркой и удалился обратно в свою коробку. Ему казалось, что она — лишь очередная дурочка в этом мире марионеток. Но та секунда, когда она

коснулась его… Она хотела его утешить. А он ее пристрелил.

Что там сказала старушка? «Ты мог бы жить честно, если бы просто попытался… Подумай, как прекрасно было бы жить в покое и не думать, что за тобой постоянно кто-то гонится».

Он знал: она говорила это лишь для того, чтобы спасти свою шкуру. Но это ведь не исключало того, что в ее словах был смысл.

Снаружи коробки Хирам спросил:

— А что это за трепотня у вас с бабулей была про Иисуса? Мы, понимаешь, людей тут убиваем, а он треплется.

— Но старушку-то он пристрелил, — сказал Бобби Ли.

— И заставил нас нести ее к лесу, хотя можно было подождать, и она сама дотопала бы туда, как и остальные. А у нас теперь вся одежда в крови.

Железнодорожник тихо спросил:

— Сынок, тебе что-то не нравится?

Хирам дернулся на сиденье, словно у него зачесалось между лопатками:

— Ничего я такого не говорю. Мне просто хочется, чтоб мы побыстрее уехали из этого штата.

— Мы едем в Атланту. Там можно затеряться.

— Найду там себе девчонку, — сказал Боб-

би Ли.

— В Атланте больше копов, чем во всем остальном штате, — сказал Хирам. — Во Флориде…

Не отрывая взгляда от трассы, Железнодорожник щелкнул Хирама по переносице. Хирам дернулся, больше ошарашенный, чем напуганный, и шапка его скатилась на заднее сиденье.

Бобби Ли рассмеялся и протянул Хираму его головной убор.

К окраинам Атланты они подъехали, когда уже стукнуло одиннадцать. Железнодорожник въехал на территорию закусочной под названием «Сладкое местечко»: красный кирпич, крыша, обшитая асбестом, в воздухе запах сигарет и барбекю из свинины. Хирам втер немного грязи в пятно на штанине. Железнодорожник открыл багажник и вытащил оттуда чемодан мертвеца, доверху забитый одеждой. Когда они зашли внутрь, он внес чемодан с собой.

По радио (приемник стоял на полке за стойкой) Китти Уэллс пела «Не Бог создал ангелов из борделя». Железнодорожник изучил меню вдоль и поперек и заказал печенье и соус. Пока они ели, Бобби Ли распространялся о девочках, а Хирам угрюмо курил. Железнодорожник был уверен, что Хирам скоро выкинет какую-нибудь глу-

пость. Они оба были ему уже не нужны. Поэтому, когда с едой было покончено, Железнодорожник оставил ключи от машины на столе и удалился в мужской туалет. Он запер дверь. Вытащил из-за пояса свой пистолет тридцать восьмого калибра, положил его в раковину и переоделся из слишком обтягивающего комбинезона в мешковатые штаны мертвого мужа. Он умыл руки и лицо. Почистил очки о подол рубашки с попугаями, а затем заправил рубашку в брюки. Он пихнул пистолет в чемодан и вышел. Бобби Ли и Хирам уже ушли, и машины на стоянке тоже не было. На столе, рядом с непотушенной сигаретой Хирама, лежал чек на шесть долларов восемьдесят центов. Железнодорожник сидел на диване и пил кофе. В окне закусочной рядом с дверью красовалась картонка, прилепленная на клейкую ленту. Объявление гласило: «ТРЕБУЕТСЯ ПОВАР». Допив кофе, он отклеил картонку и направился к кассе. Заплатив по счету, он протянул кассиру табличку со словами:

— Я — тот, кто вам нужен.

Кассир позвал управляющего:

— Мистер Котрон, этот человек говорит, что он повар.

Мистеру Котрону было около тридцати пяти.

Его морковно-рыжие волосы были уложены в высокую прическу, напоминавшую петушиный гребень, а из-за ремня уже вываливалось небольшое брюшко.

— Как вас зовут?

— Ллойд Бейли.

— Какой у вас опыт работы, Ллойд?

— Я могу приготовить любое блюдо, указанное в вашем меню, — сказал Железнодорожник.

Управляющий отвел его на кухню.

— Отойди-ка, Коротыш, — сказал он высокому чернокожему, что стоял у сковороды. — А вы сварганьте мне денверский омлет.

Железнодорожник вымыл руки, надел фартук, разбил в миску два яйца. Он швырнул на сковородку пригоршню рубленого лука, еще одну — зеленого перца и еще — кубиков ветчины. Когда лук стал мягким, он влил взбитые яйца поверх ветчины и овощей, добавил соли и кайенского перца.

Когда готовое блюдо скользнуло на тарелку, управляющий склонился над ним, словно осматривая краску на подержанном авто. Затем он выпрямился:

— Оплата тридцать долларов в неделю. Приходите к шести утра.

Оказавшись снаружи, Железнодорожник поставил чемодан и огляделся. В жаркой городской ночи гудели цикады. За углом закусочной он заметил большой дом Викторианской эпохи с вывеской «Сдаются комнаты» над крыльцом. Он уже собирался идти, когда краем глаза уловил движение у мусорки рядом с сетчатым ограждением. Он вгляделся во мрак и увидел, как кошка пытается запрыгнуть на мусорный ящик: ей хотелось порыться в отбросах. Он подошел к ней и протянул руку. Кошка не убежала; она обнюхала его и ткнулась головой ему в ладонь.

Он поднял кошку и отнес ее (а также сумку) к пансиону. Под густой тенью дубов стоял большой темный обшитый досками особняк с зелеными ставнями. На крыльце висели кашпо с бегониями. Были на крыльце и качели. В дубовую дверь был вставлен овальный витраж из толстого стекла, по краям уже стертый. Медная дверная ручка от старости потемнела.

Дверь была незаперта. Его сердце слегка дрогнуло: такой отличный шанс предоставляла ему эта хозяйская неосторожность, но также ему захотелось предупредить владельца, чтобы впредь он так не глупил. Внутри с одной стороны стоял маленький столик, накрытый кружевной сал-

феткой, на которой стояла ваза с засушенными цветами, с другой рядом с дверью располагалась табличка с надписью «Управляющий».

Железнодорожник постучал. Через минуту дверь открылась, и показалась женщина с лицом ангела. Она была немолода, наверное, около сорока, с очень белой кожей и светлыми волосами. Она посмотрела на него, улыбнулась, увидела кошку у него под мышкой:

— Какая милая.

— Я бы хотел снять комнату.

— Простите, мы не принимем постояльцев с животными, — сказала она по-доброму.

— Но это не животное, мэм, — возразил Железнодорожник. — Это мой единственный в мире друг.

Хозяйку звали миссис Грейвс. Комната, которую она сдала ему, была двенадцать на двенадцть футов. Односпальная кровать, комод из вишневого шпона с зеркалом, деревянный письменный стол со стулом, узкий шкаф. На окнах кружевные занавески, на кровати — плед в ромбик. В комнате приятно пахло. На стене напротив кровати висела картина в дешевой раме: пустая шлюпка на свирепых волнах серого океана, небо заволокло тучами, лишь вдали из-за горизонта блещет

единственный солнечный луч.

Он платил за комнату десять долларов в неделю. Несмотря на свое правило по части домашних животных, миссис Грейвс на диво увлеклась кошкой Железнодорожника. Казалось, будто она сдает комнату именно кошке, а Железнодорожник просто идет с ней в комплекте. Подумав немного, он назвал кошку Отрадой. Он никогда раньше не видел таких привязчивых зверей. Она хотела быть рядом, даже когда он не обращал на нее внимания. Она давала ему чувство нужности, заставляла его волноваться. Железнодорожник смастерил дверцу в окне, чтобы она могла входить и выходить, когда ей вздумается, и не сидеть взаперти, пока хозяин будет работать.

Единственными его соседями по пансиону были Луиза Паркер, школьная учительница, и Чарльз Фостер, продавец дамского белья. Миссис Грейвс прибиралась в комнате Железнодорожника раз в неделю, раз в две недели меняла плед на другой, с узором из роз (такие он помнил еще со времен своего детства). Он работал в закусочной с шести утра, когда Мейси, кассирша, открывала дверь, до тех пор, пока Коротыш не сменял его в три пополудни. За стойкой стояла Бетси, а Сервис, темнокожий мальчик, убирал со столов и мыл

посуду. Железнодорожник сказал им называть его Бейли и в разговоры особо не вступал.

Свободное от работы время он проводил по большей части в пансионе, а вечерами сидел в маленьком парке неподалеку. Железнодорожник обычно вытаскивал Библию из ящика стола, покупал вечернюю газету и нес их с собой. Отрада часто сопровождала его на прогулке в парк. Она прыгала за белками и скрывалась от кошек, сопровождая побег шипением. Кошкам нравилось убивать белок, собакам нравилось убивать кошек, но в этом не было греха. Отрада не попадет ни в ад, ни в рай. У кошек нет души.

В мире было полно глупцов вроде Бобби Ли и Хирама, которые лгали себе и убивали, сами не зная почему. Жизнь была тюрьмой. Повернешься налево — стена. Направо — стена. Посмотришь вверх — потолок. Внизу — пол. И Железнодорожник срывал злость из-за своего заточения на окружющих; по части своего поведения он не обманывался.

Он не верил в существование греха, но каким-то образом чувствовал его. И все же он не был ни кошкой, ни собакой; он был человеком. «Ты один из моих собственных детей». У него не было причин убивать людей. Он лишь хотел бы, чтобы ему

больше никогда не пришлось иметь дела с разными Хирамами и Бобби Ли. Он уставился через парк на рекламу зубной пасты «Ипана», нарисованную на стене супермаркета «Пигли-Вигли». *Белее белого.* Отрада пригнулась на другом конце скамьи, и задние ноги у нее подергивались; она наблюдала, как прыгал по тротуару вьюрок.

Железнодорожнк подхватил ее на руки и потерся щекой о ее усы.

— Отрада, вот что я тебе скажу, — прошептал он. — Давай заключим сделку. Ты спасешь меня от Бобби Ли и Хирама, а я больше никогда не буду убивать.

Кошка посмотрела на него ясными желтыми глазами.

Железнодорожник вздохнул. Он поставил кошку на землю, откинулся на спинку скамьи и развернул газету. Прямо под линией сгиба на первой странице он прочел:

> **Сбежавшие заключенные погибли в аварии**
>
> *Валдоста — Двое сбежавших заключенных и неопознанная пассажирка погибли во вторник, когда автомобиль последней модели, в котором они передвигались,*

въехал в береговую опору моста. В тот момент их преследовала полиция штата.

Погибшие заключенные, Хирам Лерой Берджетт, 31, и Бобби Ли Росс, 21, сбежали 23 июня во время их транспортировки для психологической экспертизы в государственную больницу для невменяемых преступников. Третий сбежавший, Рональд Руэл Пикенс, 47, все еще находится на свободе.

Обычная для обеденного перерыва толчея уже рассасывалась. У стойки стояли двое, да четыре дивана были заняты, и Железнодорожник уже положил на полку сэндвич с ветчиной, латуком и помидорами и порцию жареного цыпленка с капустой, когда Мейси вернулась на кухню и позвала управляющего.

— Мистер Кей, с вами хочет поговорить полиция.

Железнодорожник осторожно выглянул из-за ряда свисающих бланков с заказами. За стойкой, потягивая сладкий чай, сидел человек в костюме. Котрон вышел, чтобы поговорить с ним.

— «Двое изгоев на плоту», — громко сказала

Бетси Железнодорожнику.

Котрон говорил с мужчиной несколько минут; тот показал ему фотографию. Котрон покачал головой, кивнул, снова покачал головой. Они посмеялись. Железнодорожник посмотрел было на заднюю дверь закусочной, но затем снова повернулся к плите. К тому времени, как он поджарил тосты и яичницу, человек уже ушел. Котрон вернулся в свой кабинет, не сказав ни слова.

В конце смены он отвел Железнодорожника в сторону.

— Ллойд, — сказал он. — Нам надо поговорить.

Железнодорожник проследовал за ним в каморку (так он называл свой кабинет). Котрон сел за заваленный бумагами металлический стол и достал из верхнего слоя всего этого мусора письмо.

— Тут у меня уведомление из общества соцстрахования, в котором говорится, что номер, который ты дал мне, недействителен.

Он поднял взгляд на Железнодорожника; взгляд его фарфорово-синих глаз был непроницаем.

Железнодорожник снял очки и потер переносицу большим и указательным пальцами. Он промолчал.

— Полагаю, тут просто какая-то ошибка, — сказал Котрон. — Так же, как и с этим детективом,

что приходил днем. Не переживай из-за этого.

— Спасибо, мистер Котрон.

— И еще одно, Ллойд. Я сказал, что твоя зарплата будет тридцать долларов в неделю? Я имел в виду двадцать пять. Сгодится?

— Как скажете, мистер Котрон.

— А еще я думаю, для оживления торговли надо бы работать с пяти утра. Я бы хотел, чтобы ты работал на час больше. Начиная с понедельника.

Железнодорожник кивнул:

— Это все?

— Да, Ллойд, все. — Казалось, Котрону внезапно очень понравилось называть его Ллойдом. Он перекатывал это имя на языке и наблюдал за реакцией. — Спасибо за то, что в твоем лице я обрел доброго самаритянина среди подчиненных.

Железнодорожник вернулся в свою комнату в пансионе. Отрада помяукала и, когда он присел на кровать, запрыгнула к нему на колени. Но Железнодорожник просто уставился на рисунок шлюпки, что висел на противоположной стене. Посидев немного, кошка спрыгнула на подоконник и сквозь свою дверцу отправилась на крышу.

Только безумец будет использовать знания о том, что кто-то является убийцей, чтобы платить

этому человеку поменьше. Откуда ему было знать, что Железнодорожник не убьет его, или не сбежит, или не сделает и того, и другого?

К счастью для Котрона, Железнодорожник заключил эту сделку с Отрадой. Но теперь он не знал, что ему делать. Если устами старушки говорил Господь, то это могло быть первым испытанием. Никто и не говорил, что быть хорошим легко. Никто не говорил, что лишь потому, что Железнодорожник обратился к добру, все, кого он встретит, тоже будут добрыми. Железнодорожник попросил Отраду избавить его от Бобби Ли и Хирама, а не от мистера Котрона.

Нужно, чтобы ему указали, что делать. Он выдвинул ящик стола. Рядом с Библией лежал тридцать восьмой калибр. Он откинул цилиндр, увидел, что во всех гнездах были пули, а затем убрал оружие обратно. Взял Библию и открыл на случайной странице.

Его взгляд упал на стих из Второзакония: «Из всех, которые в воде, ешьте всех, у которых есть перья и чешуя; а всех тех, у которых нет перьев и чешуи, не ешьте».

Он заложил страницу пальцем, поднялся и открыл дверь. Миссис Грейвс стояла с парой высоких запотевших стаканов на подносе.

— Это невероятно мило с вашей стороны, миссис Грейвс. Хотите зайти?

— Благодарю, мистер Бейли. — Она поставила поднос на стол и дала ему стакан. На вкус напиток был как нектар. — Сахара достаточно?

— Все идеально, мэм.

На ней было желтое ситцевое платье с узором в мелкий цветочек. В каждом движении было спокойствие, какого он прежде не видел в женщинах, а серые глаза источали сочувствие, будто говоря: я знаю, кто ты, но это не важно.

Они присели: он на кровать, она на стул. Она увидела Библию у него в руках:

— В Библии я нахожу очень много утешительных слов.

— Не могу сказать, чтобы меня она сильно утешала, мэм. Слишком много крови.

— Но и много добра.

— Это вы верно сказали.

— Иногда я жалею, что не живу в мире, исполненном добра. — Она улыбнулась. — Но наш мир все равно хорош.

Она правда так думала?

— С тех пор, как Ева съела яблоко, мэм, мы живем в мире добра и зла. Как может доброта исправить все плохое? Это для меня загадка.

Она сделала глоток чая.

— Конечно, загадка. В этом-то все и дело.

— Все дело в том, что на вас вечно кто-то охотится, заслуживаете вы того или нет.

— Какая печальная мысль, мистер Бейли.

— Да, мэм. Минуту за минутой мы словно растворяемся. Единственный способ попасть в Рай — это умереть.

После того как миссис Грейвс ушла, он сидел и думал о ее прекрасном лице. Она похожа на ангела. И титьки ничего такие. И все же ему даже не хотелось ее изнасиловать.

Он бы женился на ней. Он бы остепенился, как и советовала бабушка. Но ему придется раздобыть обручальное кольцо. Он подумал о том, что мог бы тогда взять старушкино кольцо, но разве ж он знал, когда убивал ее, что так скоро влюбится?

Он открыл комод, порылся среди одежды мертвеца, пока не нащупал носок со сбережениями. Там было всего сорок три доллара.

Единственным выходом было попросить Отраду о помощи. Железнодорожник шагал по комнате. Прошло уже много времени, и он начал беспокоиться, что кошка все не возвращается. Но вот она неслышно проскользнула в комнату, легла на столе — вот так вот, запросто! — в клин

солнечного света, что тянулся от окна. Железнодорожник встал на колени, лицо его было вровень со столом. Кошка сказала «Мммрф?» и подняла голову. Железнодорожник уставился в ее глаза.

— Отрада, — сказал он. — Мне нужно обручальное кольцо, а денег не хватает. Раздобудешь его для меня?

Кошка смотрела на него.

Он ждал какого-нибудь знака. Ничего не происходило.

А затем, словно плотину прорвало, в него хлынул поток уверенности. Он знал, что ему нужно сделать.

На следующее утро он пошел в «Сладкое местечко», насвистывая. Весь день он представлял себе, как и когда он попросит миссис Грейвс ее руки. Может, в субботу вечером, на качелях? Или каким-нибудь утром, во время завтрака? Он мог бы оставить кольцо рядом с тарелкой, и она бы нашла его — и записку, — когда будет убирать со стола. Или он мог бы прийти к ее комнате посреди ночи, и в темноте наброситься на нее, а потом, когда она начнет всхлипывать, положить ей на грудь бриллиант совершенной формы.

В конце смены он взял бифштекс из холодиль-

ника закусочной — он хотел принести его в дар Отраде. Но, когда он пришел в комнату, кошки там не было. Он оставил мясо на кухне внизу завернутым в толстый пергамент, а потом вернулся наверх и переоделся в мешковатый костюм Бейли Боя. На углу он сел в автобус до центра и зашел в первый попавшийся ювелирный. Попросил продавщицу показать ему несколько бриллиантовых обручальных колец. Затем зазвонил телефон, и, когда женщина пошла отвечать, он сунул одно кольцо в карман и вышел из магазина. Ни один служащий, находясь в здравом уме, не позволил бы себе такую неосторожность, но все прошло именно так, как он и представлял себе, без сучка и без задоринки.

Той ночью ему приснился сон. Он был наедине с миссис Грейвс, и они занимались любовью. Но, пока он двигался на ней, он чувствовал, как кожа на ее полной груди сдувается и сморщивается под его рукой. Он обнаружил, что занимается любовью с мертвой бабушкой, и ее лицо ухмылялось той же бессмысленной улыбкой, как и тогда, когда Хирам с Бобби Ли тащили ее в лес.

Железнодорожник проснулся в ужасе. На его груди сидела Отрада; мордочка ее была в паре сантиметров от его лица, и она мурлыкала

громко, как дизельный мотор. Он схватил кошку обеими руками и швырнул ее через комнату. Она с глухим стуком ударилась о стену, затем упала на пол и проскребла когтями по полу. Она поспешила к окну, шмыгнула в дверцу и оказалась на крыше крыльца.

Еще минут десять его сердце бешено колотилось, и потом он долго не мог заснуть.

За вами вечно кто-то охотится. Тем днем в закусочной, когда Железнодорожник решил сделать передышку и сидел на стуле перед вентилятором у окна, потягивая воду со льдом, Котрон вышел из своего кабинета и положил руку ему на плечо — на то, что время от времени еще побаливало.

— Ну и жара тут, а, приятель?

— Да, сэр. — Железнодорожник был на десять или двенадцать лет старше Котрона.

— И куда только катится мир, — промолвила Мейси в пустоту. У нее на стойке лежала раскрытая газета, и она пробегала глазами заголовки. — Смотрите, что пишут: какой-то мужчина стянул бриллиантовое кольцо прямо из-под носа у продавщицы из «Мерриамс Джуэлри».

— А я это уже читал, — сказал Котрон. И прибавил через мгновение: — Какой-то белый, так?

— Ага, — вздохнула Мейси. — Должно быть,

какой-нибудь голодранец из лесов. Один из тех бедняков, которым не посчастливилось получить христианское воспитание.

— Его поймают. Таких людей всегда ловят. — Котрон оперся на косяк своего кабинета и сложил руки над животом. — Мейси, — сказал он, — а я тебе говорил, что Ллойд — наш лучший из поваров в буфете с 1947 года? Лучший из *белых* поваров в буфете.

— Да, я слышала, как вы говорили это.

— То есть интересно ведь, чем он занимался, пока не приехал сюда. Может, работал поваром в разных буфетах Атланты? Тогда, наверно, мы бы о нем слышали, да? Если подумать, Ллойд никогда мне особо не рассказывал, где он был, пока не появился у нас в тот день. А тебе рассказывал, Мейси?

— Не припомню такого.

— Не припомнишь, потому что он и не говорил. Что скажешь, Ллойд? В чем дело?

— Времени болтать нет, мистер Котрон.

— Времени болтать нет, Ллойд? Ты что, дуешься на нас? Мы мало тебе платим?

— Я этого не говорил.

— Потому что, если тебе тут не нравится, мне будет очень жаль расстаться с лучшим белым

поваром в буфете, какие были у меня с 1947 года.

Железнодорожник поставил пустой стакан и нацепил бумажный колпак.

— Мне нельзя терять эту работу. И простите уж, что говорю так, мистер Котрон, если бы меня заставили уйти, вы бы об этом пожалели со временем.

— Ты что, не слушал меня, Ллойд? Я же сказал только что то же самое.

— Да, сказали. Но, может, лучше нам перестать докучать Мейси своей болтовней и вернуться к работе?

— Люблю людей, которым нравится их работа. — Котрон снова хлопнул Железнодорожника по плечу. — Нужно уж совсем зла себе желать, чтобы выгнать хорошего работника вроде тебя. По мне ведь не скажешь, что я желаю себе зла?

— Нет, не скажешь, мистер Котрон.

— Я постоянно вижу, как Отрада ходит копаться в отбросах у «Сладкого местечка», — сказала ему миссис Грейвс, когда они вместе сидели на качелях тем вечером. — Если будете так часто выпускать кошку, она может попасть в неприятности. Это очень оживленная улица.

Фостер ушел на футбол, а Луиза Паркер отправилась навестить сестру в Чатануге, поэтому они

остались одни. Именно такой возможности и ждал Железнодорожник.

— Не хочу держать ее как пленницу, — сказал он. Они медленно раскачивались на качелях, и цепи поскрипывали. Он чувствовал исходящий от нее аромат сирени. Свет, лившийся из окна гостиной, падал на изгиб ее бедра.

— Вам пришлось много времени провести в одиночестве, не так ли? — спросила она. — Это так загадочно.

Он держал руку в кармане, сжав пальцы вокруг кольца. Он медлил в нерешительности. Им кивнула пара, что прогуливалась по тротуару. Он не мог сделать этого здесь, у всех на виду.

— Миссис Грейвс, не поднимитесь ли вы ко мне в комнату? Мне нужно кое-что вам показать.

Она не замедлила с ответом:

— Надеюсь, ничто не сломалось?

— Нет, мэм. Просто мне нужно кое-что переделать.

Он открыл перед ней дверь и последовал за ней по ступеням. Часы в зале громко тикали. Он распахнул дверь своей комнаты и пригласил ее внутрь. Закрыл дверь. Когда она повернулась к нему лицом, он упал на колени.

Протягивая кольцо — эту свою жертву — обеи-

ми руками, он сказал:

— Миссис Грейвс, я хочу жениться на вас.

Она по-доброму посмотрела на него, лицо ее было спокойно. Молчание затянулось. Она сделала жест навстречу; он подумал, что она собиралась взять кольцо, но вместо этого она тронула его за запястье:

— Я не могу выйти за вас замуж, мистер Бейли.

— Почему нет?

— Но я же вас совсем не знаю.

У Железнодорожника закружилась голова.

— Скоро узнаете.

— Я больше никогда не выйду замуж, мистер Бейли. Дело не в вас.

Не в нем. Дело никогда не в нем, вот вечно дело было не в нем. От стояния на жестком полу у него заболели колени. Он посмотрел на кольцо, опустил руки и зажал украшение в кулаке. Она скользнула рукой от его запястья к плечу и сжала его. В руку ему вонзился нож боли. Не вставая, он ударил миссис Грейвс в живот.

Она беззвучно охнула и упала на кровать. Он тут же лег на нее, зажал ей рот одной рукой, а другой разорвал платье от самой горловины. Она пыталась сопротивляться, и он достал из-за спины пистолет и приставил к ее голове. Она

замерла.

— Только попробуй меня остановить, — пробормотал он, стянул с себя штаны и сделал, что хотел.

Она, как истинная леди, не издала ни звука.

Гораздо позже, когда он лежал на кровати, мечтательно уставившись на светильник в центре потолка, до него дошло, что же именно беспокоило его касательно бабушки. Она совсем не задумывалась о том, что скоро умрет. «Она была бы хорошей женщиной, если б в каждый миг ее жизни кто-то стоял над ней с пистолетом у виска», — сказал он Бобби Ли. И это была правда. Но тогда, в последние минуты, она действительно стала хорошей женщиной: ведь как только Железнодорожник убедил ее, что она скоро умрет, ей уже можно было забыть об этом. В самом конце, когда она протянула к нему руку, она совершенно не думала о смерти, о том, что он убил ее сына, ее невестку и внуков и вскоре убьет ее саму. Ей просто хотелось его утешить. Ей было безразлично даже, можно ли вообще его утешить. Она жила в том единственном мгновении, не помня о прошлом и не заботясь о будущем, жила побуждением своей души — и ничем больше.

Словно кошка. Отрада именно так и жила:

кошка не знала о жертве Иисусовой, об ангелах и бесах. Кошка смотрела на него и видела, что он собой представляет.

Он приподнялся на локтях. Миссис Грейвс лежала рядом с ним, не шелохнувшись, и ее волосы разметались по пледу в ромбик. Он пощупал пульс на ее шее.

Было уже темно: по воздуху проплывали шум машин с перекрестка и жужжание насекомых, что доносилось из дубовых деревьев за окном. Железнодорожник тихо проскользнул в зал, а оттуда — в комнату Фостера. Приложил ухо к двери — оттуда не доносилось ни звука. Он вернулся в свою комнату, завернул миссис Грейвс в плед и, стараясь как можно меньше шуметь, дотащил ее до шкафа и закрыл дверь.

Железнодорожник услышал мурлыканье: Отрада сидела на столе и наблюдала за ним.

— Да пропади ты пропадом! Чтоб тебя черти взяли! — сказал он кошке, но, прежде чем он успел ее схватить, она метнулась прочь через окно.

Он все понял. Мысль о женитьбе на миссис Грейвс была лишь одним из этапов в коварном плане отмщения, что мертвая бабушка замыслила против него и теперь осуществляла с помощью

кошки. Отрада исполняла его желания, но это была лишь приманка; кошмар должен был его предостеречь. Но он не послушался.

Он потер больное плечо. Жест пожилой дамы упал в почву, словно горчичное зерно, и теперь из него произросло огромное дерево в сердце Железнодорожника, и вороны небесные укрывались в нем.

Ну и шутку же сыграл с ним дьявол. Теперь, как он ни старайся исправиться, он никогда не сможет избавиться от того, что натворил.

Было жарко и душно, ни ветерка, будто мир окутало одеяло. Молочно-белое небо. Кухня в «Сладком местечке» раскалилась, точно адская кузница; пот у него тек под рубашкой так, что заткнутый за пояс пистолет стал весь скользкий. Когда вошел детектив, Железнодорожник выкладывал горкой блинчики, замешенные на пахте.

Детектив подошел к стойке и уселся на один из стульев. Мейси тогда отлучилась; скорее всего, пошла в туалет. Детектив огляделся, затем выцепил меню из-за салфетницы и принялся читать. По радио Хэнк Уильямс пел «Я так одинок, что мог бы расплакаться».

Железнодорожник беззвучно развязал фартук и скользнул сквозь черный ход. Стоя в переулке

рядом с мусорными ящиками, он оглядел парковку. Он собирался уже перепрыгнуть через заграждение, как увидел, что машина Котрона остановилась на углу у светофора.

Железнодорожник вытащил пистолет, спрятался за мусорным ящиком и нацелился на место, где обычно парковался Котрон. Что-то ткнулось ему в ногу.

Это была Отрада.

— Не зли меня сейчас, — прошептал Железнодорожник, мягко отталкивая кошку.

Кошка вернулась и с мурлыканьем положила передние лапы ему на бедро.

— Ах черт! Да ты же у меня в долгу, дьявол ты мелкий! — прошипел он. Он опустил пистолет и посмотрел на кошку сверху вниз.

Кошка посмотрела на него снизу вверх:

— Мяу?

— Что тебе нужно? Ты ведь помешать мне хочешь, так? Тогда верни все назад. Сделай так, что я никого не убивал!

Ничего не произошло. Это же, черт побери, просто долбаный зверь. В ярости он уронил пушку и схватил кошку обеими руками. Она извивалась и шипела.

— Ты знаешь, что такое, когда болит сердце? —

Железнодорожник рывком расстегнул рубашку и прижал Отраду к груди. — Вот! Почувствуй, как оно бьется! — Отрада вертелась и царапалась, полосуя его грудь паутиной царапин. — Ты у меня в долгу! В долгу! — Теперь Железнодорожник орал. — Пусть оно уйдет!

Отрада наконец вырвалась из его хватки. Кошка упала, покатилась и заспешила прочь; когда Котрон въезжал на стоянку, она прыгнула ему под колеса. Левое переднее колесо переехало ее с глухим шлепком.

Котрон ударил по тормозам. Отрада, еще живая, выла и извивалась, пытаясь ползти на передних лапах. У нее был сломан позвоночник. Железнодорожник посмотрел на ограждение, потом оглянулся.

Он подбежал к Отраде и встал на колени. Котрон вышел из машины. Железнодорожник попытался поднять кошку, но она зашипела и укусила его. Ее бока дрожали от прерывистого дыхания. Глаза помутнели. Она положила голову на гравий.

Железнодорожнику стало трудно дышать. Он поднял взгляд и увидел, что Мейси с несколькими клиентами вышли из закусочной. Среди них был детектив.

— Ллойд, я это не нарочно, — сказал Котрон. — Она просто выбежала прямо передо мной. — Он помедлил секунду. — Господи Боже, Ллойд, что с твоей грудью?

Железнодорожник взял кошку в окровавленные ладони и сказал:

— За все нужно платить. Теперь я готов идти.

— Куда идти?

— Обратно в тюрьму.

— О чем ты?

— Мы с Хирамом и Бобби Ли убили тех людей в лесу и взяли их машину. Это была их кошка.

— Каких людей?

— Бейли Боя, его мать, жену и детей. И младенца.

Детектив сдвинул шляпу назад и почесал в затылке:

— Давайте-ка пройдем внутрь и обсудим все как следует.

Они зашли в закусочную. Железнодорожник не разрешал им забрать кошку, и ему дали смятую жестяную коробку, куда он положил ее тельце. Мейси принесла ему полотенце, чтобы вытереть руки, и Железнодорожник рассказал детективу (звали его, кстати, Вернон Скотт Шоу) про государственную больницу для невменяемых

преступников, и про похожий на катафалк «хадсон», и про семью, которую они прикончили в лесу. Но больше всего он говорил про бабушку и про кошку. Шоу внимательно его выслушал. А потом захлопнул записную книжку и сказал:

— Очень занятный рассказ, мистер Бейли. Но мы ведь уже поймали преступников, и это были не вы.

— Что вы хотите этим сказать? Я же знаю, что натворил.

— И еще. Вы думаете, мы бы не знали, если бы с зоны сбежал убийца? Никаких побегов не было.

— А что вы тогда делали здесь на прошлой неделе, когда расспрашивали народ?

— Я ел блинчики и пил кофе.

— Но не придумал же я это.

— Вы говорите, что нет. Но мне кажется, мистер Бейли, вы слишком долго стояли у горячей плиты.

Железнодорожник промолчал. Сердце у него разрывалось на части.

Мистер Котрон сказал ему, что он может взять отгул и пойти домой отдохнуть. Он найдет, кого поставить у сковородки. Железнодорожник неуверенно поднялся на ноги, взял коробку с телом Отрады и сунул ее под мышку. Он вышел

из закусочной и пошел в пансион.

Взошел по ступеням. Мистер Фостер сидел в передней и читал газету.

— Доброе утро, Бейли. Что у тебя там?

— Моя кошка попала под машину.

— Боже! Мне очень жаль.

— Вы видели сегодня миссис Грейвс?

— Еще нет.

Железнодорожник прошел по лестнице и медленно прошагал через зал к своей комнате. Зашел в дверь. Пылинки танцевали в солнечных лучах. Шлюпка на картине была не темнее, чем вчера. Он положил мертвую кошку на стол рядом с Библией. На кровати плед в ромбик сменился другим, с цветочным узором. Он положил руку в карман и пощупал обручальное кольцо.

Дверь шкафа была закрыта. Он подошел к нему, притронулся к ручке. Повернул ее и открыл дверь.

Джон Кэссел преподает литературное творчество в Государственном университете Южной Каролины. Лауреат премий «Небьюла» и «Локус», наград имени Теодора Старджона и Джеймса Типтри-младшего. Является автором книг «Хоро-

шие новости из космоса» («Good News from Outer Space»), «Доктор Миляга Искуситель» («Corrupting Dr. Nice») и «Чистый продукт» («The Pure Product»). *New York Times Book Review* назвал в 2002 году сборник его рассказов «Встреча в бесконечности» («Meeting in Infinity») выдающейся книгой.

Кэссел выступил в качестве соредактора сборников *Feeling Very Strange: The Slipstream Anthology* и *Rewired: the Post-Cyberpunk Anthology* (работал он над этими антологиями вместе с Джеймсом Патриком Келли). В его недавний сборник «„План Баума по достижению финансовой независимости“ и другие истории» («The Baum Plan for Financial Independence and Other Stories») входит «Гордость и Прометей» («Pride and Prometheus»), рассказ, получивший премию «Небьюла» и награду имени Ширли Джексон.

По поводу рассказа «Каждый ангел ужасен» он говорит следующее:

«В душераздирающем рассказе Флэннери О’Коннор „Хорошего человека найти нелегко“ („A Good Man is Hard to Find“) из всей семьи выживает лишь кошка; мне показалось очень естественным продолжить эту тему в своем произведении. Но я довольно долго изучал кошек (а они, в свою очередь, окидывали меня безразлич-

ными взглядами) и верю, что они могут менять реальность — метафизическую, если и не физическую».

Кандия
Грэм Джойс

Кандия. Это точно случилось в Кандии, этом городе разваливающихся домов с видом на море, как в Венеции, и заброшенных минаретов, и пристани, которая с каждым днем на несколько дюймов заходила дальше в море цвета роз. Бен Уиллер, когда я впервые увидел его, сидел на своем неизменном месте снаружи кафе «Черная орхидея» с бутылкой ракии, и запотевший стакан был словно приклеен где-то посреди между поверхностью стола и его нижней губой.

Я только что вышел из ржавого допотопного автобуса (и был единственным пассажиром, который выгрузился на этой пыльной площади), когда увидел его. Как раз тогда, когда — как мне казалось — уже точно не встречу никого из знакомых.

Его стакан ракии остановил механическое движение вверх, и Бен взглянул поверх его кромки прямо мне в глаза. Он сидел за столом у края бетонной набережной полуразрушенного причала. За его плечом солнце, нанизанное на шпиль дав-

но пустовавшего минарета, обливало тихие воды причала сиреневой краской и расплавленным золотом. Он отхлебнул из стакана и отвернулся.

— Уиллер! — позвал я. — Эй, Уиллер!

Услышав свое имя, он обернулся и посмотрел на меня снова, на этот раз со смесью недоверия и ужаса. Затем он испуганно огляделся, словно ища путь к отступлению. На секунду мне показалось, что вот сейчас он бросится бежать. Я пересек площадь и вытащил из-под стола стул, но Бен не выказал никаких признаков того, что он приглашает меня присоединиться, и поэтому мне пришлось над ним нависнуть:

— Ты что, не помнишь меня?

Прежде чем я получил ответ, на площади раздался голос певца. У него была картонная коробка от обуви, куда он собирал пожертвования. Пел он один, тем причудливым гортанным голосом, которым обыкновенно поют обездоленные горцы. Звуки были полны красоты и почти невыносимой меланхолии.

Уиллер поставил стакан и засунул под ремень большие пальцы. Он смотрел на меня немигающим взглядом. Но меня-то не обдуришь. Он определенно нервничал, словно ему надо было куда-то срочно уходить, но он был слишком по-

ражен, увидев меня, и не мог сдвинуться с места.

— Так что ты тут делаешь? — спросил я.

Он смотрел на меня, не отрываясь.

— То же самое можно спросить и у тебя.

Он оглянулся на площадь и погладил белую щетину на подбородке. И снова мне показалось, что я отвлекаю его от чего-то важного.

— Я приехал сюда, чтобы упиться до смерти, — пошутил я. Во всяком случае, доля шутки в этом была, но он серьезно кивнул, точно я сказал что-то совершенно разумное.

Приход официанта принес минутное облегчение. Уиллер не сразу его заметил, но затем резко развернулся и пригвоздил его своим необычайным взглядом. Юноша беспокойно переминался с ноги на ногу и постукивал стальным диском подноса по бедру.

— Давай я угощу тебя выпивкой, — предложил я.

Уиллер поднес руку ко рту и снял с языка какую-то крошку.

— Ага. — Он опустил взгляд. — Садись. Я выпью пива. Да, я выпью пива.

Я сел, но сразу же пожалел об этом. Бен Уиллер выглядел ужасно. Я увидел, что воротник его рубашки с коротким рукавом страшно засален.

Штанины его хлопковых брюк были подвернуты, и из них торчали босые ноги в разваливающихся сандалиях на веревочной подошве. Когда подали пиво, он принялся жадно его хлебать. Мы немного посидели в напряженной тишине, и лишь рулады певца разносились по площади в этой испепеляющей полуденной жаре.

Наши пути сошлись ненадолго в восьмидесятых, когда мы оба работали в «Эйд-Директ», печально известном лондонском благотворительном обществе, за три или четыре года до того, как предприятие закрылось после шумного скандала. Уиллер тогда работал начальником отдела сбора пожертвований. Этакий колоритный тип в двубортном костюме и с прической «привет из шестидесятых», которая выглядела так, словно ее сплели из коричневой саржи. Некоторые серьезно настроенные работники из сферы благотворительности находили, что он чересчур увлечен шампанским, вечеринками и смазливыми девушками, но деньги он доставал так же ловко, как браконьер вылавливает форель из ручья. О, эти восьмидесятые! Нувориши стремились вкладываться в добрые дела, но не из соображений филантропии, а просто чтобы пролезть в список награжденных королевой.

А Уиллер любезно организовывал благотворительные вечеринки для толстосумов. На таких мероприятиях разного рода дельцы под прицелом папарацци отхлебывали шампусик из туфельки какой-нибудь фотомодели, и сразу вслед за этим выписывали солидные чеки.

После одной из таких пирушек в «Савойе» или «Дорчестере» (длились они обычно до утра) мешок-другой риса отправлялся в Эфиопию или Сомали. Тогда мне было безразлично, откуда берутся деньги и какой процент от изначальной суммы действительно идет в дело; мне было важно лишь, что они помогали мне спасти мир. Или даже так: я не был уже столь наивен, чтобы считать, будто мир можно спасти в одиночку, но я действительно верил, что можно спасти жизнь хоть одному человеку, и этого мне было достаточно.

Я всего полгода проработал в «Эйд-Директ», когда нагрянули ревизоры. Нам не сказали, что именно произошло, но вот неожиданно для всех Уиллер получил огромное выходное пособие. После прощальной вечеринки мы с ним оказались в одном лифте. Он был пьян вдрызг.

— Эй, — сказал он мне в тот день, — перед тем как уйти, я хочу кое-что сделать.

— Что же? — спросил я, поднимая руку к кнопке.

Он пошатнулся, рискуя совсем завалиться.

— А вот эта милашка из твоего отдела. Как ее там? На кошечку похожа. Ну, шлюшка эта. Кошечка.

Я хранил молчание, и он сам вспомнил имя: Сара.

— И что она?

Лифт начал опускаться.

— Перед уходом. Десять минуток с кошечкой Сарой. На складе. Ну, это… Десять минуток.

— Удачи.

— Нет, нет. — Он смахнул с моего пиджака невидимую пылинку. — Я хочу, чтобы ты попросил за меня.

— Убирайся!

Двери лифта раскрылись.

Я шагнул было наружу, но меня остановила его огромная наманикюренная лапа. Он порылся в пиджаке, достал пару купюр и сунул их мне в нагрудный карман.

— Попроси ее.

— Да пошел ты!

К банкнотам присоединились еще несколько.

— Попроси ее за меня.

И еще купюры, крупные.

— Просто попроси. — Его унизанная кольцами пятерня потрепала меня по щеке.

Мы вышли из лифта, и я вернулся обратно в отдел, где Сара, с наушниками на голове, печатала на машинке. Изящная, иссиня-черные волосы зачесаны в хвост — вылитая балерина. Кто бы не захотел провести с ней десять минуток? Я вот хотел. Несколько раз приглашал ее на свидания, но, несмотря на щедрое угощение, она никак не поддавалась. Каждый мужчина, который не смог соблазнить какую-нибудь женщину, в душе таит на нее хоть небольшую, но обиду. Признаться, я поддался низменному побуждению и с затаенным садизмом вступил в сговор с пьяной похотью Уиллера.

Я осторожно отвел от ее головы один наушник.

— Нам нужны еще конверты. Можете сходить за ними?

— Сейчас?

— Пожалуйста.

— Отчего такая спешка?

Она вопросительно посмотрела на меня, но я уже развернулся. Было слышно, как она кладет на стол гарнитуру. Она вышла, и дверь закрылась. Через полчаса Сара вернулась, вся запыхавшая-

ся; было похоже, будто она обучалась каким-то новым борцовским приемам.

Наши глаза встретились, но я отвел взгляд первым. Ее лицо стало маской вины, стыда и унижения, и я исполнился сожаления и отвращения к себе. Она снова надела гарнитуру и вернулась к работе, с такой силой забарабанив по клавиатуре, что я бы не удивился, если бы та разлетелась вдребезги. Мне была противна мысль о том, что Уиллер с такой легкостью превратил эту почтенную юную женщину в шлюху, а меня — в сутенера. Что же до денег, которые он пихнул мне в нагрудный карман, то мне стыдно даже говорить, как ничтожно мала была сумма. Надеюсь лишь, что Сара получила намного больше.

Я дождался, когда Сара уйдет с работы. Я слышал, как яростно застучали ее каблучки по линолеуму коридора.

Тогда я видел Уиллера в последний раз. Прошло лет десять, а может, и больше. И вот его выбросило на берег здесь, в Кандии, и лицо у него потрескалось, словно стена старого склада на побережье, а глаза напоминали грязную, подернутую нефтью воду, что остается за винтом парохода. Помнил ли он о том эпизоде в лифте в последний день его работы в «Эйд-Директ»? Я в этом сомневал-

ся. Но бывает, что люди умышленно стараются что-то забыть. Или притворяются, что забыли. Он поднес пальцы ко рту и снял с языка нечто, что показалось мне табачной крошкой. Ловко смахнув ее с пальцев, он опустошил стакан.

— Выпей еще, — предложил я. Мое дружелюбное поведение было вызвано скорее невыносимым одиночеством; нельзя сказать, чтобы я так уж жаждал пообщаться с Уиллером. А еще мне было любопытно.

Он покачал головой, но с места не сдвинулся. Я помахал официанту, и тот принес еще пива и ракию — для меня.

— Ты слышал, что случилось с компанией после твоего ухода?

Лампочка в его мозгу зажглась.

— Так ты работал в «Эй-Ди»? Так вот откуда я тебя знаю.

Вспоминал ли он эпизод с Сарой? Да он вообще забыл, кто я такой!

Я заново представился:

— Уильям Блайт, из отдела подготовки кадров.

— Да, да, да. Помню. — И опять рука его потянулась ко рту.

— Чем ты занимался потом? Ну, после «Эйд-Директ»?

— Да так, шлялся туда-сюда. То тут. То там.

Уже стемнело. Певец ушел, унося с собой картонную коробку без единого пожертвования. От набухающих черных волн поднялся легкий ветер, и Уиллер поежился. Прибой чавкал и причмокивал у волнорезов. С той стороны залива из какого-то бара доносились порывы смеха, и Уиллер обернулся через плечо. Я догадался, что он голоден.

— Пойдем куда-нибудь перекусим, — предложил я.

Мы пошли в маленький ресторанчик недалеко от берега, переделанный из склада специй. Я заказал несколько закусок, и Уиллер накинулся на них с жадностью человека, который не ел несколько дней. После пары бокалов смолянистого вина он начал потихоньку расслабляться.

— Давно ты тут?

— Несколько лет. Около четырех. Уже не помню точно.

— Как же ты выживаешь здесь?

Он опустошил стакан и посмотрел на меня в упор:

— Не знаю. Я ничего не делаю. Один день сменяется другим. Я всегда голоден, но как-то выживаю. Не знаю как.

Он отвлекся и уставился на что-то за моим плечом.

Его пальцы снова потянулись ко рту, машинально снимая что-то с языка и бросая на пол. Он снова посмотрел на меня напряженным взглядом.

— Ты пытался когда-нибудь уехать из этого города? — Что за нелепый вопрос. Я ведь только приехал. — Это несложно. Туристические автобусы летом ходят каждый день.

Он горько расхохотался:

— Ага, конечно. Но я-то не турист. И ты тоже. Вот скажи-ка, чем ты занимался, пока не приехал сюда?

Я задумался, но в голове была пустота. Ему это показалось забавным. Он снова рассмеялся и, кажется, почувствовал себя свободней. Он вернулся к еде и сделал нечто, чего я не видел уже очень давно: поднял пустую тарелку и вылизал соус языком.

— Отменная тут еда. Что они кладут в этот соус?

— Зная это местечко, — пошутил я, — возможно, это была дохлая кошка.

Мне не стоило этого говорить. Уиллер осторожно поставил тарелку обратно и отодвинул ее от

себя, глядя на нее так, словно она загорелась.

Я вывел его из гипнотического состояния, задав вопрос о том, где же он живет.

Он, казалось, был озадачен.

— Да где угодно. Где мне разрешат остаться. А сейчас мне надо идти.

— Не уходи. Давай еще выпьем. Послушай, сегодня мой день рождения. — Это было правдой. Хотя Уиллер был явно не из тех, кого я бы пригласил на праздник первым, но все же мне было себя жаль. Если ты в одиночестве, то хлопок пробки от шампанского становится крайне унылым звуком.

— Хорош врать! — Казалось, Уиллер ошарашен.

— Зачем мне врать? Двадцать первое сентября. Мой день рождения.

Уиллер встал:

— Но это же значит, что сегодня день осеннего равноденствия!

Я пожал плечами.

— И ты прибыл сегодня? Ты не понимаешь. Возможно, это шанс.

— Шанс?

— Если сегодня правда твой день рождения, то, возможно, «Клуб Теней» будет открыт!

— Теней? Это еще что?

— Ты не был там? Могу отвести.

Я не был уверен, что хочу попасть в «Клуб Теней», где бы он ни был и что бы собой ни представлял. Но Уиллер настаивал. Теперь — впервые за вечер — он всерьез заинтересовался мной. Ну и что мне оставалось делать? Мне было не к кому возвращаться домой, да и дел особых тоже не было. Меня мог подхватить любой дурно пахнущий ветерок с моря. Когда я заплатил по счету в ресторане, была уже почти полночь.

Пока мы шли по берегу, над заливом проносились звуки из других кафе, еще раз раздался взрыв мужского смеха, а потом — нездешний и резкий голос лиры… Кто-то водил по ее струнам, которые были натянуты так же, как нервы людей в Судный День.

Уиллер провел меня по заброшенным задворкам на пустынные улицы, где раньше, в дни торгового величия Кандии, стояли склады специй. На этих узких улочках все дышало запахами древнего гипса, рапы, специй и заглохшей торговли.

И вот Уиллер стал карабкаться по груде разбитых кирпичей. Он заметил, что я медлю, и сделал знак следовать за ним.

— Я впервые попал в «Клуб Теней» как раз на свой день рождения, — объяснил он, а потом, пригнувшись, пролез под треснувшую арку, и я увидел, что он направляется к разрушенной мечети. Света затуманенной облаками луны едва хватало, чтобы осветить иглу минарета.

Во славе своих торговых дней, в четыре века правления Османской империи, Кандия процветала, но затем вернулись неверные, и купол мечети теперь лежал расколотый, словно надтреснутое яйцо, которое снесла какая-то гигантская мифическая рептилия. Минарет вызывающе парил над руинами, залитыми лунным светом, но причудливые выклики азана теперь остались только в памяти камней. Жасминовые заросли, что росли среди булыжников, наполняли ночь ароматом.

Я последовал за Уиллером сквозь трещину в полуразвалившейся стене, и вот мы очутились на темной улице. За тенью, отбрасываемой мечетью, начинался пролет из каменных ступеней. Снизу пульсировала музыка в ритме анапеста. Там, где заканчивалась лестница, шипела неисправная неоновая вывеска, выплевывая красную надпись: «КЛУБ ТЕНЕЙ». Буква «Б» время от времени гасла.

В заведении было почти совсем пусто. В темном углу бара сидели две женщины, мешая соломинкой коктейли в длинных бокалах. Юбки на обеих открывали ноги почти полностью.

— Да это же притон, — раздраженно сказал я Уиллеру. Бар был в точности похож на все похожие заведения, где я бывал: ты платишь за подкрашенную водичку для девушки, и цены там такие заоблачные, что испугали бы и профессионального верхолаза.

— Нет. Тут все иначе. Садись, все будет в порядке.

Я взял стул у барной стойки. Старомодный музыкальный автомат хрипел роком; что-то из раннего. Кто-то за моей спиной протирал столы грязной тряпкой. Я видел, как девушки окинули нас взглядом, но, осмотрев Уиллера, они потеряли интерес.

Уиллер удивил меня: он пронесся за барную стойку и уверенно принялся смешивать водку с мартини.

— Меня тут знают, — заверил он меня.

Помня, что он на мели, я вытащил кошелек, но мой спутник лишь отмахнулся:

— Не переживай, это бесплатно.

Услышав его слова, одна из девушек хмык-

нула:

— Бесплатно! Слышите, что говорит? Бесплатно. Нет ничего бесплатного.

Вторая — та, что молчала, — улыбнулась мне, поднеся ко рту бокал. Бар освещался мягким светом синих и рубиновых ламп, и мне она показалась невероятно привлекательной. Она явно ждала, что я отвечу на замечание ее подруги. Может, потому, что Уиллер напомнил мне об этом событии, но девушка показалась мне невероятно похожей на Сару того времени, когда мы все работали в «Эйд-Директ».

— Да вы философ, — сказал я.

Приняв это за отповедь, разговорчивая девушка отвернулась, всем своим видом демонстрируя, что ей убийственно скучно, но другая продолжила смотреть в моем направлении.

— Ты имеешь успех, — заметил Уиллер, вернувшись от стойки.

— А она ничего, — шепнул я.

Уиллер чуть стакан не уронил.

— Она тебе нравится? То есть действительно нравится?

Я не понимал, что его так изумило. Я снова окинул девушку взглядом. По реакции Уиллера было заметно, что он считает ее чем-то вроде

ящерицы.

— А она не напоминает тебе… — Он посмотрел на меня, ожидая продолжения. Я решил не продолжать. — Она красивая.

Она и правда была красива, или, по крайней мере, казалась таковой при тусклом освещении: длинные каштановые волосы, фигура фарфоровой куклы, что-то неуловимо восточное в чертах лица. Уиллер позвал ее жестом, и она встала с табурета и подошла к нам. Теперь я смог как следует ее разглядеть.

Она была еще более прекрасна, чем мне показалось сначала. Лишь теперь я разглядел, что на обеих женщинах были полукарнавальные костюмы: трико и простые колготки из черного нейлона. Глаза девушки были густо накрашены. Уиллер, почему-то разволновавшись, представил нас, и она скользнула на соседний табурет.

— Это Лилли, — сказал Уиллер и добавил, чуть ли не заслонив ладонью рот: — Мне кажется, я нашел дорогу из этого города.

Я не знал, что он имел в виду, и мне совсем не понравилось, как он сказал это. Это напомнило мне о том, что я ему совсем не доверяю. Я снова вспомнил об «Эйд-Директ» и о том, как после его ухода обнаружилась вся глубина его

испорченности. Организация, вся по уши в долгах, развалилась, точно карточный домик. Начальство, эти активисты, которые верили в руку помощи, эти либералы, чьи сердца кровоточили при виде чужого горя, начали обдирать свое детище как липку, спеша, пока не приехали ликвидаторы. Офисное оборудование увозили на грузовиках, парковка опустела за одну ночь, и раздутые до невероятных размеров расходы были обналичены до того, как банки сумели почувствовать, откуда дует ветер. Мой непосредственный начальник остановил погрузку партии риса и продал фирме, которая занималась экологически чистыми продуктами, а выручку прикарманил. Вынужден признать, что, деморализованный, я присоединился к всеобщей панике.

Но я был слишком занят с Лилли, чтобы всерьез подумать над странным замечанием Уиллера. Мы с Лилли сразу же нашли общий язык. Не помню ничего конкретного из того, что сказал ей или что она сказала мне, но дело сразу пошло на лад, и следующие пятнадцать минут промчались в беседе, освещенной чудесным взаимопониманием. И лишь когда я предложил купить ей напиток, то заметил, что Уиллер о чем-то увлеченно говорит с другой женщиной. Они оба пристально на меня

смотрели. Я чувствовал, что они заключают какую-то сделку и что эта сделка касается меня.

Музыкальный автомат заглох. Лилли вскочила с места, чтобы бросить монетку, и вот тогда я увидел, что из задней части ее трико торчит длинный хвост, такая вот деталь костюма. У другой тоже был хвост, и он строго вертикально стоял торчком на стуле за ее спиной. Лилли наклонилась над автоматом, чтобы выбрать песню, и хвост слегка зашуршал в воздухе.

— Как это у тебя получается? — спросил я, подходя сзади. Я немного опьянел от коктейля и той сливовой водки, что употребил ранее. Хвост был окрашен в телесный цвет; посередине было меховое кольцо, и еще одно на кончике, словно промежутки между ними были выбриты. Я схватил бурый мохнатый кончик хвоста, который все еще мягко колыхался в воздухе, пока Лилли одну за другой трогала пластиковые кнопки на автомате. Я сжал кончик сильнее.

И этого делать не стоило. Лилли резко развернулась и стукнула по автомату.

— Не делай так! — зашипела она. — НИКОГДА так не делай!

Она вся сжалась, точно пружина, и ее глаза источали яд. Ошеломленный такой резкой пере-

меной, я смущенно извинился.

— Ненавижу, когда мужчины так делают!

— Прости.

Я осмотрелся, ища Уиллера и другую женщину, но они ушли. Как и призрачная фигура, что вытирала столы за нашими спинами. Мы с Лилли остались в баре одни.

— Куда же…

Винил пошипел несколько секунд, а потом из автомата засочились медовые звуки саксофона. Лилли вернулась в хорошее расположение духа и придвинулась ко мне, обнимая за плечи.

— Пойдем потанцуем. Прости, что так отреагировала. Я просто чувствительная. Ну же, подойди поближе.

Бар вокруг нас растаял. Я забылся в объятиях Лилли. Ее духи — а может, это был ее собственный аромат — разожгли во мне пламя.

Часом позже она уже стояла, обнаженная, в моей квартире, и я внимательно исследовал ее хвост. Во всем остальном она была сложена совершенно нормально. Внешность девушки с журнального разворота, но хвостатой. На этот раз она позволила мне потрогать его, но осторожно. Разрешила погладить. Разрешила пробежать пальцами по всей его длине в чувственных из-

гибах.

Три кольца из бурой шерсти остались несбритыми: на кончике (именно по отношению к этой части я совершил преступные действия), в середине (там хвост был особенно чувствителен) и у копчика, где хвост присоединялся к телу у основания позвоночника. Там, где она сбрила с хвоста волосы, кожа была значительно светлее, чем на желтовато-бледном теле.

— А почему ты бреешь его? — спросил я, пока она стояла надо мной, обнаженная. Мне было дивно наблюдать, как она слегка водит им из стороны в сторону.

Она пожала плечами:

— Так модно.

— А, конечно, — сказал я. — Кто же не бреет хвосты, в наши-то дни!

Ей надоела моя одержимость хвостом, и она яростно уселась на меня верхом, толкнув на кровать. В течение следующего часа она перекатывалась по мне, как волна жара. Язык у нее был шершавый, словно у кошки, а аромат ее тела опьянял, как запах склада специй на берегу моря в золотые дни Кандии. Я полностью отдался ей, а она мне, и все равно меня не переставало интересовать, что же делает ее хвост за ее спиной,

или под ней, или рядом с ней. Когда она достигла оргазма, я инстинктивно схватил ее за хвост над копчиком. Она резко выдохнула, глубоко впилась ногтями мне в спину и легонько прикусила мне плечо своими острыми зубками.

Проснувшись утром, я, пожалуй, ожидал, что она исчезнет. Но она лежала на подушке рядом со мной, уже проснувшись. Она грустно поморгала на меня.

— Что такое? — спросил я, большим пальцем утирая слезу.

Она не ответила. Выскользнула из постели, торопливо оделась и затем одарила меня глубоким страстным поцелуем:

— Мне нужно идти.

— Когда мы увидимся снова? — Я не хотел ее терять. — Ты придешь в «Клуб Теней»?

— Ага, — ответила Лилли с какой-то странной усмешкой. — Как только он откроется.

И она ушла. Я хотел было крикнуть ей вслед, но что-то прилипло к моему языку. Это был темный волосок. В отвращении я снял его с языка, но к тому времени Лилли уже ушла. Там, где она меня покусала, кожа зудела. У меня поднялась высокая температура.

Вечером я вернулся в «Клуб Теней», но он был

закрыт. Сломанная неоновая вывеска не светилась совсем. Мне не удалось найти никого, кто бы сказал мне, когда клуб откроется снова. Я обошел город вдоль и поперек, надеясь встретить Лилли, или Уиллера, или даже ту другую девушку из бара. Изможденный, я вернулся в комнату, где на несколько дней погрузился в горячечный сон.

Я не знаю, когда это произошло: год назад или позавчерашней ночью. Время в этом городе напоминает гармошку: сжимается и растягивается по своему усмотрению. Я часами слоняюсь по улицам, возвращаюсь к «Клубу Теней» по вечерам, но он вечно закрыт. Я спрашивал официантов в других барах, знают ли они что-нибудь об этом месте. Кто-то из них работал там в ночь, когда я познакомился с Лилли, но никто не смог сказать мне ничего определенного. Они печально смотрели на меня, наливали выпить, а иногда и кормили.

Я пытался выбраться из этого города, но каждый раз, когда я решаю уехать, меня что-то отвлекает: еще один волосок на языке или непроизвольное подергивание хвоста. Я не знаю, когда у меня появился хвост. Однажды утром я проснулся — а он уже был там, будто так и надо. Когда мне надо выйти на улицу, я застенчиво складываю его

кольцами и прячу в брюки; остается только надеяться, что его движения меня не выдадут.

Но неудобство хвоста — ничто по сравнению с глухой болью, голодом, страстным желанием, чтобы какое-нибудь событие совпало с другим так, чтобы образовалась цепь, логическая последовательность, чтобы в этом был смысл. Ибо часто я замечаю, как меня прибивает волной к той улице или к тому клубу. Я и понятия не имею, почему пришел туда и чего ищу.

Меня преследует жажда узнать, что я делаю в этом месте.

С той ночи я больше не видел Бена Уиллера. Я знаю, что он заключил какую-то сделку, которая касалась меня, и она помогла ему выбраться из города. И пока что я жду. Жду, что «Клуб Теней» снова распахнет свои двери. Жду, что старый знакомый объявится в одном из прибрежных баров, и, может, на этот раз я сам заключу сделку. Время от времени у меня во рту появляется какая-то мелочь: волосок, несколько шерстинок… они похожи на что-то позабытое, может, на первые слова странного, невозможного рассказа, который я собираюсь поведать. Рассказа о городе с названием Кандия, с его сонным берегом, заплутавшими барами и исчезнувшими улочками. С

его разрушенными храмами, построенными для богов, которых увидишь лишь раз за всю жизнь. Рассказа о Кандии, городе, который не присягнул на верность ни грекам, ни туркам и тем обрек себя на падение.

Но затем меня омывает волна сна, что снится перед самым пробуждением. И я снова сижу в одном из баров на берегу, потягивая из стакана ракию, и в этом городе забытых чудес певец на площади изливает песни из своего разрывающегося сердца.

Грэм Джойс является автором шестнадцати романов и одного сборника рассказов. За свое произведение «Правда жизни» он получил Всемирную премию фэнтези, а лауреатом Британской премии фэнтези (номинация «Роман») становился рекордное количество раз, а именно пять. Его работы переведены на двадцать с лишним языков. В 2009 году он был награжден премией имени О. Генри за рассказ «Всего лишь солдат королевы» («An Ordinary Soldier of the Queen»). В данный момент он работает над компьютерной игрой Doom 4.

Говорит автор:

«Пока я только пытался уговорить издателей опубликовать мои произведения, я какое-то время жил на греческих островах, и вот шесть месяцев я провел в Ханье — это такой городок на западе Крита. Несколько веков остров находился под властью Османской империи, и тогда селение называлось Кандией. И однажды кто-то привел меня в странный ночной клуб за складами специй, у самого берега. Человек, который сводил меня туда, внезапно покинул остров, и потом найти это заведение я не смог. Там, где, как мне казалось, должно было находиться пустое здание, стоял дом, кишащий бродячими кошками, и эта последняя деталь и вдохновила меня на создание рассказа».

Мбо
Николас Ройл

Самое главное тут — прийти вовремя. Для этого необязательно, к примеру, появляться каждый вечер в одно и то же время. Надо перебрать в уме самые разные обстоятельства: насколько сейчас жарко, какие в небе облака — кучевые, слоистые или, может, те и другие вместе — вот эти все штуки. Вы хотели появиться как раз в нужный момент, чтобы хватило времени занять место с хорошим видом, но ни минутой раньше. В конце концов, терраса гостиницы «Эфрика Хаус» — это не то место, где хочется проводить больше времени, чем того требует необходимость.

Отчасти потому, что там вас окружали те самые люди, от которых вы и сбежали на Занзибар: белые, европейцы, туристы — мзунгу, как называют их местные, «красные бананы». Белые внутри, но красные снаружи, стоит им побыть пару часов на солнце. Очевидно, на острове растет какая-то порода бананов с красной кожурой.

А отчасти потому, что место и правда было не фонтан. В колониальные дни в гостинице «Эф-

рика Хаус» располагался английский клуб, но, с тех пор как англичане отчалили в 1963 году, заведение постепенно стало приходить в упадок.

Но вы приходили сюда не поглядеть на побитые молью охотничьи трофеи на стенах, не насладиться посредственным сервисом у барной стойки. Вы приходили, чтобы сесть как можно ближе к краю террасы, заказать пиво, дождаться, пока вам его принесут, и полюбоваться на солнце, погружающееся в Индийский океан. Там, прямо за горизонтом, находилась континентальная Африка. Удивительно, что ее отсюда не видно, думал Крейг. На самом деле было не важно, далеко она или близко отсюда — в двадцати милях или в тридцати, — если смотреть на карту, остров Занзибар казался лишь клещом, прицепившимся к огромному слону по имени Африка.

Официант угодливо скользил между столами и расставленными в беспорядке стульями; Крейг заказал у него светлое пиво «Касл». То был странный усталого вида уроженец Северной Африки, и коричневые штаны у него держались на поясе с пряжкой в форме змейки. Примерно такой был у Крейга, когда он ходил в школу — в тринадцати тысячах километров отсюда, на востоке Лондона.

Ему было неудобно заказывать «Касл», да и не хотелось, чтобы его видели с этим пивом в руках (стаканов в гостинице «Эфрика Хаус» не полагалось). Этот напиток был из Южной Африки, и все знали, что он местного розлива. То есть по сути, ничего плохого в этом не было, но все же если люди видели, что вы пьете такое пиво, то они могли подумать, будто вы и сами из Южной Африки. Покупать южноафриканские товары не возбранялось, но быть самому оттуда — другое дело.

Крейг не был родом из Южной Африки и не хотел, чтобы про него так думали, но не так велик был его страх, как нежелание снова отведать пива «Сафари», которое делали в Танзании, или кенийского «Таскера». В первом было слишком много дрожжей, а второе было таким жиденьким, словно это не пиво, а моча летучей мыши.

Он уже третий вечер подряд проводил в этой гостинице и теперь был готов к тому, что люди думают, что он, возможно, родом из Южной Африки. Конечно, он остановился не в этой гостинице — о Боже, разумеется, нет! Его номер располагался в отеле «Мейзсон», в нескольких минутах пути отсюда. Кондиционер, спутниковое телевидение, ванна и душ, а еще бизнес-центр. Последний пункт и решил дело. А также тот факт,

что платила за него газета.

Крейг снял резинку с хвоста и встряхнул светлыми волосами. Зачесал их назад, чтобы ничто не торчало, и снова нацепил резинку. Он снял свои большие темные очки от «Окли» и ущипнул переносицу большим и указательным пальцами. Надел очки. Сощурился на солнце, которое все еще находилось над скоплением слоистых облаков: тем самым скоплением, из-за которого посетители «Эфрика Хаус» вот уже третий день подряд не смогут насладиться закатом.

Крейг осмотрел террасу сквозь темные стекла. Он наблюдал за людьми, причем на этот раз у него была определенная цель. Новости об исчезновениях явно не мешали туристам приезжать на Занзибар. По большей части происходило это потому, что и новостей-то никаких не было. Ни для одной стороны это не составляло особой проблемы, создавать кризис никому не хотелось. Одна семья из Саттон Колфилда, вся в слезах: «Сара просто не могла уйти с кем попало, она хорошая девочка»; заплаканная мать-одиночка из Стратклайда: «От Луизы не было вестей уже три недели». Этого было недостаточно, чтобы заинтересовать таблоиды; крупные газеты не брали такие материалы, если не были уверены,

что за всем этим есть какая-то реальная история. Сенсационная история. А раз новостей не было, то и в печать попадать было нечему.

Крейг взялся за историю Сары, прочтя эмоциональное письмо ее матери, которое она написала редактору его газеты. Он сказал выпускающему редактору, что по доброте душевной не может и думать о том, как хорошие люди сидят на краешке своего икеевского дивана в цветочек и ждут, рыдая, когда зазвонит телефон. Нет, это невыносимо, особенно если люди эти живут в Саттон Колфилде. Но МакНилл, вот уже три года принимавший статьи от Крейга, знал, что этот юноша брался за репортаж лишь тогда, когда за ним стояла добротная история. А так как присутствия журналиста на месте в тот момент не требовалось, МакНилл разрешил ему уехать. Ну так, втихую. Ни правительство Танзании, ни полиция Занзибара не признавали наличия проблемы — по иронии, она могла слишком навредить зарождающемуся туризму этих стран, — поэтому Крейгу нужен был какой-то благовидный предлог. Его придумала сестра Крейга, которая фотографировала для разных изданий дикую природу.

Некоторые считали, что занзибарский леопард совсем вымер, другие утверждали, что несколько

особей еще сохранилось. Один из путеводителей заявлял, что, если они и остались на островах, их давно одомашнили травники — по-нашему, знахари. Водитель из местных, везший Крейга из аэропорта, от души посмеялся над этой мыслью. Позже Крейг прочел в другом путеводителе, что, по слухам, больше всего знахарей было на острове Пемба, в восьмидесяти пяти километрах к северу от Занзибара (хотя, по сути, они находились на одной территории). Если вы пытались поговорить об этом с местными жителями, они смущались или вежливо переводили разговор на другую тему. Но то была Пемба, а все исчезновения — до сего дня их, по данным Крейга, было 37 — произошли, без всякого сомнения, на Занзибаре.

Тридцать семь. Двадцать три женщины в возрасте от семнадцати до тридцати, и четырнадцать мужчин, некоторые из них постарше, около сорока. Из Дании, Германии, Австрии, Великобритании, Франции, Италии, Австралии и Штатов. По мнению Крейга, вполне себе проблема. И теперь его, хоть он и стыдился в этом признаться, разрывали на части два желания: он хотел, чтобы мир пробудился и объединил свои усилия (и, если получится, как можно раньше

обнаружил Сару — или тело Сары — и тридцать шесть остальных пропавших), но одновременно надеялся, что о случившемся все узнают именно из его уст.

Итак, легенда. Естествоиспытатель, работает в Университете Сассекса. Заданием его было узнать, вымерли дикие леопарды на острове или еще нет. Они даже проинформировали о своем плане профессора зоологии из Сассекса, разумеется, за плату, которую они назвали вознаграждением консультанта. Если кто-нибудь позвонит из Занзибара, чтобы проверить Крейга, то придраться будет не к чему.

Тем днем Крейг сходил в Музей естественной истории, самый странный из всех, что ему приходилось видеть. Стеклянные витрины, доверху заполненные птицами, предположительно, набитыми, но без подставок — они лежали, похожие на свежие трупики, и их крохотные лапки были связаны бечевкой. К ним прилагались ярлычки. Глаза из кусочков угля. В другой грязной витрине располагался одинокий скелет птицы додо: проволока удерживала кости в стоячем положении. Пара набитых летучих мышей — американский крылан и крылан с Пембы — в десять раз больше, чем те похожие на ласточек существа, что

порхали над его головой, когда он шел с ужина прошлым вечером. Корзина с неплотно закрытой крышкой. Он открыл ее, и оттуда вылетело облако мух; одна из них забралась к нему в нос. Внутри была дощечка с тремя приколоченными к ней крысами. Мертвыми, конечно, и, возможно, набитыми, но их лапки были скручены в крошечных суставах. Никто и не попытался придать им жизнеподобный вид. Никаких прутиков и листочков. Никаких стеклянных глазок. И витрины тоже не было. Он положил крышку на место.

И самое странное из всего: ряд за рядом выстроились стеклянные банки с мертвыми морскими тварями и искореженными эмбрионами животных; стекло, пушистое от пыли; стекло, на котором окаменели отложения. Чтобы разглядеть бескровные останки камень-рыбы или огромного краба, у которого на панцире были нарисованы два верблюда с погонщиками, приходилось сгибаться вдвое и щуриться. Были там и собранные из кусочков южноафриканские антилопы.

И чучело леопарда. Он не очень-то хорошо у них получился. Таксидермист собирался оставить грядущим векам волшебную картину: живой наклон головы, стеклянное мерцание глаз. Музей естественной истории Занзибара должен был

потребовать деньги назад. И все же леопард в этом чудище угадывался. Если бы вам не сказали, кто это, вы бы посмотрели на него и сказали, что это леопард. Крейг исследовал его со всех углов. Вот этого-то зверя ему и надо было найти. Якобы надо. Не помешает знать, как он на самом деле выглядит.

А на террасе зазывалы обрабатывали толпу: не спеша, аккуратно, менее навязчиво, чем обычно делали в Каменном Городе: там эти же самые ребята преследовали бы вас на улице день за днем.

— Джамбо, — сказали бы они.

— Джамбо, — ответили бы вы, потому что промолчать было бы грубо.

— Хотите поехать на Тюремный Остров? Хотите сегодня поехать на восточное побережье? А может, вы хотите поехать на Нунгви? Вы хотите такси?

Вот вы бежите по узенькому переулку, ведущему к Кеньятта-стрит, и нет вам ни минуты покоя, когда вы находитесь рядом с садами Джамьятти. Оттуда уплывают лодки на Тюремный остров с его рифами и гигантскими черепахами. Да, не сомневайтесь, все это он уже прочел в книгах.

— Джамбо, — голос раздался совсем близко.

Крейг тайком огляделся, допивая пиво одним

глотком. Молодой занзибарец начал подкатывать к светловолосой англичанке, которая сидела в одиночестве. Девушка улыбнулась, слегка застенчиво, и юноша присел рядом с ней.

— Солнце садится, — заметил он, и девушка посмотрела на океан. Солнце начало понемногу погружаться в пространство за облаками. — Хотите съездить на Тюремный остров завтра? — спросил он, вытаскивая из кармана пачку сигарет.

— Нет, спасибо, — покачала головой девушка. Она все еще улыбалась, но Крейг заметил, что она немного занервничала. Сражаться с собственной застенчивостью — вот была цель ее дерзновенного путешествия в такую даль из какого там поселка на севере она приехала. Ей явно льстило внимание юноши, но из памяти ее не выходили тысячи предостережений, которыми засыпали ее родители перед отъездом.

Зазывала перечислил весь обычный список, но она вежливо отклоняла его предложения. В конце концов он сменил тактику и предложил угостить ее напитком. Крейг услышал, как она согласилась выпить пива. Юноша встретился взглядом с официантом и что-то быстро сказал ему на суахили. Когда официант в следующий раз проходил мимо, на подносе у него была банка

«Стеллы» для девушки и кока-кола для зазывалы. Крейг наблюдал за тем, как девушка открыла банку и едва заметно сдвинулась на сиденье так, что оказалась немного меньше развернута в сторону от юноши и немного больше — в сторону океана. Может, ей не следовало соглашаться на пиво, подумал Крейг. Или он был слишком уж старомоден. Может, в эти дни девушка имела право принять от незнакомца напиток и отвернуться от него. Он просто не был уверен, что африканский мальчик воспримет все именно так. Был ли он правоверным мусульманином — а отказ от алкоголя намекал именно на это — или нет.

Тонкое жужжание раздалось у Крейга над ухом. Предплечье словно иголкой укололи. Он сильно шлепнул себя по руке и поднял ладонь, чтобы увидеть, что было под ней.

Крейг вздрогнул: никогда не выносил вида крови, не важно, своей или чужой. Однажды днем он выбежал из кинотеатра, когда там показывали «Сияние». Он упал в обморок, увидев аварию на дороге. Точнее, увидев ногу пострадавшего пешехода: чулок девушки вымок в ее же крови. Она отделалась легкими повреждениями, а у Крейга на виске остался шрам от падения на асфальт.

Москит уже изрядно напился крови, и Крейг

не был его единственной жертвой. Его едва не стошнило, пока он быстро осмотрел завтрак насекомого, запачкавший ему руку. Красное пятно в форме Мадагаскара длиной в добрых три сантиметра. Крейг задумался о том, чья же была эта кровь, ведь у комара едва хватило времени погрузить хоботок под кожу. Это кто-то из тех, кто пьет сейчас на веранде? Крейг оглянулся. Только не этот итальянец в тесных шортах. И желательно не вот эти двое южноафриканских регбистов, которые сидят, растопырив ноги, у самой ограды.

Он плюнул на бумажную салфетку и, не глядя, принялся энергично тереть руку, пока не решил, что следа уже не осталось. От силы удара пузырь с кровью лопнул: пустое тельце насекомого, разорванное, но формы не потерявшее, прилипло к руке Крейга, точно обертка от леденца.

Это беспокоило его меньше, чем крохотная капелька крови, застрявшая в прозрачной коже насекомого.

Когда он поднял глаза, то увидел, что блондинка присоединилась к группе европейцев — на вид скандинавов или немцев — и изо всех сил старалась вставить пару слов в их рассказы о путешествиях. Юный зазывала кидал злобные

взгляды на гряду облаков, что заслоняли солнце. Левая нога у него дрожала, как провод под напряжением. Крейг надеялся, что он недостаточно сердит, чтобы сделать какую-нибудь гадость. Но это было маловероятно; в конце концов, здесь такое наверняка случается сплошь и рядом. Вряд ли парнишка ожидал, что ему всегда будет сопутствовать удача.

Крейг подождал минут пять, а потом подошел к юноше и сел рядом. Тот повернулся, и Крейг заговорил.

Через десять минут они вместе покинули веранду, но дальше их пути разошлись. Крейг направлялся в отель «Мейзсон» (и в кровать), а паренек, определившись с планами на завтра после разговора с Крейгом, тоже пошел домой. Домом ему служила полуразрушенная квартира в Каменном Городе, в которой, среди крыс, мусора и вод протекающей канализации, жила вся его семья. Ради справедливости стоит сказать, что власти уже занялись канализационной системой, но до квартала, где жил парнишка, еще не добрались.

К компании, к которой присоединилась Элисон (та блондинка), подошел еще один зазывала, постарше и повыше. В нем было больше уверен-

ности, и он меньше поддавался не относящимся к делу порывам, меньше отвлекался от своего главного дела. Обзаведясь спутниками, Элисон уже не так боялась отправляться на экскурсию. Она хотела поехать на Тюремный остров — да что там, все этого хотели; все посмотрели на нее, пока зазывала дожидался ответа. И она кивнула с облегченной улыбкой. Оказалось, что среди них были две немки, но, естественно, они превосходно говорили по-английски; третья девушка и молодой человек (они были парой) приехали из Дании, хотя по ним этого не скажешь: оба отменно говорили по-английски, с легким американским акцентом.

— Мы только что с Гоа, — сказала Кристин, одна из немок. — Отличное место. Ты бывала там?

— Нет. — Элисон покачала головой. — Но мне бы хотелось. Я слышала про Гоа.

Ну естественно, она слышала. О тусовках и пляжных вечеринках, о наркотиках и мальчиках из Австралии, Америки, Европы. Сложно было уговорить родителей отпустить ее на Занзибар, особенно в одиночестве, но они уважали ее право на независимость.

— Оу! — воскликнула Анна, вторая немецкая девочка, безуспешно размахивая голыми руками

в попытке схватить москита. — Шайзе!

— Элисон, а где ты остановилась? — спросил датчанин Лиф, приобнимая за плечо свою девушку.

Элисон назвала дешевый отель на краю Каменного города.

— Тебе надо переехать в Дом Эмерсона, — посоветовала Карин, подружка Лифа. — Мы все там остановились. Очень клевое место. Прекрасные шоколадные пирожные… — Она взглянула на Лифа, и они почему-то захихикали. Кристин и Анна присоединились, и вскоре смеялась вся компания, включая Элис, и хохотали они так громко, что больше ничего не смогли бы расслышать.

На них начали оборачиваться, но они слышали только собственный смех.

Попо — тот паренек — на следующее утро подъехал к «Мейзсон» на помятом, но исправном джипе марки «судзуки».

— Джамбо, — сказал он, пока Крейг забирался на соседнее сиденье. — Лес Джозани.

— Джамбо. Лес Джозани, — подтвердил Крейг пункт назначения.

Они прогромыхали из города (чем дальше они отъезжали от центра, тем запущенней дома им попадались). Попо каждые несколько секунд

жал на клаксон, разгоняя велосипедистов: их тут были целые сотни. Крейг заметил, что тут, в отличие от его родины, никто не возмущался из-за того, что им приказывали расступиться. Попо ловко объезжал ямы, а те, которые объехать было невозможно, преодолевал осторожно и медленно. Почти все мужчины, что встречались им по пути, были одеты в легкие белые наряды и тюбетейки, но, чем дальше отъезжали они от города, тем слабее становилось арабское влияние. На женщинах были ярко окрашенные *кикои,* и на головах они носили непомерно огромные тюки и сумки. Школьницы в белых головных уборах и темно-синих туниках организованными толпами устремлялись в школы (последние скорее походили на скопление каких-то хозяйственных построек).

Между поселками до самой дороги простирались банановые плантации. Огромные связки зеленых фруктов нацеливались в небо, а под колесами джипа потрескивали коричневые листья, похожие на волокно рафии.

— Вы ищете обезьянку красный колобус? — спросил Попо, не отрывая взгляда от дороги.

— Я сказал тебе вчера вечером, — напомнил Крейг. — Занзибарский леопард. Я ищу леопарда.

— Нет леопарда тут. — Попо потряс головой.

— Я слышал, что их приручили знахари.

— Нет леопарда.

— А знахари, значит, есть?

Попо ничего не ответил. Они проезжали мимо очередной крошечной деревушки, и толпы детишек, слишком маленьких, чтобы ходить в школу, подбегали к джипу и махали Крейгу. Старики сидели под навесом, сделанным из высушенных пальмовых листьев. Дети кричали им вслед: «Джамбо, джамбо!» Крейг махал в ответ.

— В лесу Джозани… — медленно проговорил Попо, — обезьяна красный колобус. Только тут, на Занзибаре.

— Я знаю, — сказал Крейг, вытирая рукой потный лоб. — А леопарды? А знахари? Мне надо их найти.

— Нет леопардов тут.

Из Попо много не вытянешь, это было ясно. Когда он свернул с дороги, Крейг быстро схватил его за руку, но они всего лишь направлялись на парковку у леса. Он отпустил руку парня.

— Прости. Это я от неожиданности.

Попо медленно моргнул.

— Нет леопардов тут, — повторил он.

Гул двигателя лодки перекрывал любые звуки

голосов. Вести беседу не стоило и пытаться, но шум не мешал Лифу время от времени жестами передавать короткие фразы о том, как сегодня жарко или как колышется вода за бортом.

Прочие — Карин, Анна, Кристин и Элисон — широко улыбались и кивали, хотя у последней улыбка получалась немного вымученной. Поездка на Тюремный остров уже превратилась для нее в пытку, а ведь плыть-то надо было всего каких-то полчаса. Элисон и по луже не могла пройти, чтобы у нее не началась морская болезнь. Когда деревянное судно в семь с половиной метров длиной подпрыгнуло на очередной волне и устремилось вниз, девушка резко наклонилась вперед и почувствовала, что содержимое ее желудка сделало то же самое, с той только разницей, что останавливаться на этом оно не собиралось. Ее вырвало, и она упала, ожидая, что сейчас ее накроет волной. Но этого не случилось: лодка с трудом взобралась на следующую волну и, недолго продержавшись на гребне, резко пошла вниз. Элисон застонала.

Датчанки оживленно щебетали на своем языке; судя по всему, им было очень весело. Подняв взгляд, Элисон увидела, как они улыбаются ей сверху.

— Все в порядке? — спросила одна из них, и Элисон едва сумела покачать головой.

— До острова уже недалеко, — сказала Анна, вглядываясь вперед, но лодка закачалась, поворачивая налево, и ее сбило с ног. Она приземлилась на колени к Элисон, которую снова стала одолевать тошнота.

— О Боже, — промычала она. — Я больше не могу.

— Теперь недалеко, — попытался успокоить ее Лиф, хотя его самого удивляло, почему они крутятся на месте; теперь нос лодки указывал в открытое море.

— Куда мы плывем? — спросила Анна, поднимаясь на ноги и не обращаясь ни к кому конкретно.

Теперь и Кристин спросила, что происходит, так как нос повернулся еще на несколько градусов левее. Теперь даже с большой натяжкой нельзя было сказать, что они направлялись к Тюремному острову.

— Куда вы везете нас? — прокричала она шкиперу — пареньку не старше восемнадцати, что стоял у руля, положив руку на регулятор двигателя.

Теперь они шли ветру навстречу, и с каждой седьмой или восьмой волной через борт перехле-

стывали брызги. Элисон начала плакать: слезы тихо текли по ее позеленевшим щекам, уголки рта потянулись вниз, образовав упрямую дугу, лоб решительно нахмурился, и она погрузилась в задумчивость.

Лиф неуверенно поднялся на ноги и спросил у парнишки, что же все-таки происходит. Юный шкипер безмолвно смотрел на горизонт.

— Мы хотим поехать на Тюремный остров. Мы заплатили вам. Куда вы нас везете?

Однако парень даже не смотрел на него. Лиф наклонился вперед, чтобы схватить его за руку, но тут его рывком оттянули назад. Это был другой африканец: до сего момента он сидел на корточках в носу лодки. Он жестами показал Лифу, что тот должен сесть. Пальцы его левой руки сжались вокруг короткой рукояти рыбацкого ножа.

— Сидеть, — приказал он. — Сидеть. — Он посмотрел на девушек: — Сидеть.

Африканец указал на деревянные скамьи. Все послушались. Теперь Анна тоже начала плакать, но не так тихо, как Элисон.

— Руки! — рявкнул юноша. Челюсти его сомкнулись вокруг ржавого разделочного лезвия, и он схватил Лифа за запястья. Куском бечевки он быстро связал ему руки за спиной; у девушек

не хватило сообразительности, чтобы сбить его с ног, пока руки его были заняты и он был временно безоружен. До своих последних дней они жалели об этой упущенной возможности.

Анна и Кристин оцепенели от ужаса. Элисон уже была готова броситься в волны, полагая, что в самой воде вряд ли будет хуже, чем в лодке над водой. Судно все продолжало плыть наперерез волнам, и вскоре они все промокли до нитки из-за брызг. Лодка взбиралась на буруны и падала с них, взбиралась и падала. Элисон перегнулась через борт, и ее снова стошнило. Она надеялась, что ей станет лучше. Забавно, что даже страх смерти не отвлек ее от морской болезни.

Оказалось, рвота тоже не помогает. На самом деле ей стало только хуже (если это вообще было возможно), а когда лодка повернулась еще на несколько градусов левее и волны стали бить судну в бок, Элисон совсем стало плохо. Всякий раз, когда их узкий кораблик накренялся набок, ей казалось, что сейчас она окажется в воде — и снова она подумала о том, не сделать ли этого специально. Анна и Кристин плакали уже вдвоем, глядя попеременно то друг на друга, то на смертельно бледного Лифа. Элисон пыталась придумать оправдание своему прыжку за борт.

По ее мнению, необщительность спутников сейчас была вызвана тем, что перед лицом невыносимого страха они поддались атавистическому инстинкту вернуться к изначальному делению на социальные группы. Они вряд ли попытаются ее спасти — так же, как они не стали бы спасать своих похитителей. Как давно они знакомы с ней? Двенадцать часов. Какая душевная связь могла возникнуть за столь короткое время? Едва ли очень уж надежная.

Она вспомнила, как однажды мама сказала ей (они тогда переправлялись на пароме в Кале): «Смотри на горизонт. Смотри на берег. Не смотри в воду». Мысли о матери вызвали новый поток слез, и, когда она перевела взгляд на поросший пальмами берег, легче не стало. Она совершенно точно не сможет доплыть до острова, даже если от этого будет зависеть ее жизнь. Наверное, страдать от морской болезни все же лучше, чем утонуть или пойти на корм молотоголовым акулам — она дома исследовала этот вопрос. Эти самые странные в мире рыбы обитали в нескольких заливах у Занзибара.

Она снова наклонилась вперед, чтобы украдкой взглянуть на африканского мальчика. Тот, связав Лифу руки и убедившись, что ни он, ни девушки

не смогут атаковать их с капитаном, вернулся на нос. Было похоже, что он ищет что-то на берегу, но время от времени он все равно бросал взгляды на пленников. Элисон, конечно, могла ошибаться, но ей казалось, что парень из-за чего-то беспокоится. Интересно, смогут ли они обернуть это себе на пользу. Может, он лишь недавно начал играть в эти игры, каковы бы они ни были.

— Послушайте, — обратилась она к остальным. — Нам надо что-то делать.

Девушки посмотрели на нее, а Лиф еще больше замкнулся в себе. Он выглядел так, словно вот-вот может совсем отключиться. Если бы не он, они могли бы по сигналу прыгнуть за борт и помочь друг другу добраться до берега. Но у него были связаны руки, поэтому доплыть сам он не сможет, а если тащить его почти километр по воде, как делают спасатели, то они скоро выбьются из сил.

Карин с Анной все еще плакали; Кристин уняла слезы и казалась теперь спокойнее.

— Что мы можем сделать? — спросила она.

— Эй! — крикнул им мальчишка на носу, угрожающе размахивая ножом.

— Мы можем все прыгнуть за борт и взять Лифа с собой, — прошептала Элисон. — Может, получится доплыть до берега. Или еще можем

наброситься на одного из них, вырубить его, ну, а там уж как пойдет. Но сидеть сложа руки нельзя.

— Даже если мы прыгнем за борт, лодка-то останется у них, они запросто нас догонят.

Внезапно лодка накренилась: парень перемахнул через деревянные сиденья, широко замахнулся и ударил Кристин в челюсть, сбивая с ног. Элисон с ужасом смотрела, как девушка шатнулась у планширa, не подозревая, что с правого борта идет седьмой вал. На ее щеке оказалась алая полоса: это от ножа, который был у мальчишки в руке, когда он наносил удар.

Волна врезалась в борт, и девушка мгновенно исчезла в воде.

— Нет! — завопила Элисон, карабкаясь на ту сторону лодки и перевешиваясь через заграждение. Волны поглотили Кристин. Видимо, оцепенев от шока, первый вдох после падения она сделала уже под водой.

— Убийца хренов! Сучий ты…

Элисон в ярости прыгнула к юноше, но тот схватил ее за тонкие запястья и удерживал на расстоянии от себя, с ухмылкой глядя, как она вырывается. Она попыталась его пнуть, но он бросил ее на дно лодки и угрожающе занес над ней нож. Девушка отползла на безопасное расстояние.

— Хватит, — сказал он.

Подруга Кристин Анна обхватила колени руками и с тихим стоном качалась взад вперед на сиденье. Карин всхлипывала, одновременно пытаясь защитить Анну и помочь замкнувшемуся в себе бойфренду.

Когда молодой человек почувствовал, что никто больше не посягает на его авторитет и на авторитет его подельника, он вернулся на свой пост на носу и сидел там, время от времени выкрикивая какие-то замечания на суахили. Элисон забралась обратно на сиденье. Она была не в силах справиться с охватившей ее дрожью. Она все представляла себе, как волны прибивают Кристин к берегу: поначалу кажется, что она неподвижна, а потом она выкашливает полные легкие морской воды и сплевывает, пытаясь отдышаться. Когда ее видения прервались очередным тошнотворным падением их суденышка с волны, она поняла, что Кристин умерла. Возможно, рано или поздно ее прибьет к берегу где-нибудь у мангровых лесов в юго-западной части Занзибара, но к тому времени ее кости будут начисто обглоданы акулами.

Впередсмотрящий крикнул что-то, и лодка резко повернулась. Теперь они плыли к берегу.

Элисон сомневалась, что Лиф вообще сможет встать.

Лес Джозани был последним кусочком джунглей, что когда-то покрывали остров почти целиком. Туристы приезжают сюда посмотреть на красных колобусов, но обезьяны эти по счастливой случайности обитают в маленьком уголке леса совсем рядом с дорогой, неподалеку от одной из плантаций с пряными растениями.

Первая обезьяна, которую увидел Крейг, была цвета, который даже отдаленно не напоминал красный.

— Синяя обезьяна, — сказал гид. — А вон там, — он указал куда-то между деревьями, — вон там красный колобус.

Крейг увидел, как среди деревьев резвятся красновато-бурые мартышки самых разных размеров. Они отпрыгивали друг от друга в разные стороны, и, когда приземлялись на сухие кожистые листья, раздавался изрядный треск.

— Отлично, — отозвался Крейг. — А как насчет леопардов?

Гид посмотрел на него безо всякого выражения:

— Хотите увидеть настоящий лес?

— Да, я хочу увидеть настоящий лес.

Он последовал за гидом обратно к дороге и на парковку. Тур по лесным глубинам, как знал Крейг, на самом деле охватывал только самые окраины Джозани.

— Меня проводит мой водитель, — сказал Крейг, вкладывая пятидолларовую купюру в ладонь гида. — Оставайся здесь. Отдохни. Расслабься. Купи себе пива, что ли.

Казалось, проводник колеблется, но Крейг уже сделал знак Попо. Тот подошел непринужденной походкой, медленно переставляя свои ноги в сандалиях и длинных мешковатых штанах из хлопка.

— Скажи ему, что все в порядке, — сказал ему Крейг. — Ты проводишь меня в лес.

Поразмыслив немного, Попо что-то быстро сказал гиду; тот пожал плечами и удалился ко входу, который был обозначен несколькими креслами и досками с приколотыми к ним фото и информационными листками.

— Пойдем, Попо.

Попо направился в лес.

Они шли по тропе, пока Крейг не почувствовал, что они ходят кругами. Он остановился, сдвинул очки на лоб и закурил сигарету.

— Знаешь, я бы хотел немного отойти от дорож-

ки, — сказал он, протягивая Попо сигарету.

Тот взял ее и прикурил. От его взгляда не укрылась стодолларовая купюра, в которую была завернута пачка.

— Как думаешь, может, возьмешь сразу целую пачку? — спросил Крейг. — Мне нужно будет немного отойти от тропы. Ну, понимаешь, леопарды…

— Нет леопарда тут. — Рука Попо зависла в воздухе.

— Ну, тогда знахари. Так тебе интересно или нет?

Крейг снова предложил ему взятку и кивнул в том направлении, куда собирался пойти. Попо взял упаковку «Мальборо», вынул деньги из-под целлофановой обертки и сунул их в задний карман. И тогда он повел журналиста в настоящий лес. Пройдя несколько метров, он встал на колени у какого-то дерева. Крейг опустился рядом и посмотрел туда, куда показывал парень. Там он увидел десятки крошечных черных лягушек, каждая не больше кончика пальца. Они сидели группками на широких опавших листьях.

— Сюда приходит вода, — сказал Попо. — С моря.

— Затопляет?

— Да. Никто сюда не ходит. Опасно.
— Отлично. В таком случае продолжим путь.

Как только лодка ударилась о песчаное дно, африканец спрыгнул с носа и стал вытаскивать ее на берег. Паренек, что стоял у руля, толкал лодку с кормы. К ним навстречу по пляжу вышли трое долговязых оборванных юношей. Элисон, Карин, Лифа и Анну заставили выйти из лодки, угрожая ножом, и команда суденышка, обменявшись парой слов с пришедшими, вернулась обратно в море, оттолкнув лодку от берега.

Девушек заставили идти до деревьев со сложенными за головой руками; у Лифа запястья все еще были связаны. На его лице не отражалось ни единой эмоции. Элисон поразило, что он вообще смог встать и пойти. Что касается ее самой, то ноги у нее были ватными, несмотря на то, что на суше ей стало все-таки полегче. Их новые захватчики тоже были вооружены и выглядели угрожающе.

Ветер в вышине дул по верхушкам пальм, словно без остановки мрачно что-то шептал. Но они углублялись все дальше в лес, и пальмы расступились, уступая место более крепкой растительности. Листва была так высоко над головами, что тишина тут стояла, точно в собо-

ре. Элисон слышала лишь шуршание поросли под их вялыми ногами, редкий стук дятлов и крики других неизвестных ей птиц. Время от времени она замечала, что на земле среди дерна поблескивают ракушки. Она чуть не наткнулась на мышь и отпрыгнула — правда, позже оказалось, что это был широкий коричневый лист, что вот-вот готов был сорваться со склоненной ветки. Она ударила по нему, но он все не падал, и тогда она заколотила по листу, словно он был боксерской грушей. Вся компания остановилась, и двое из африканцев пошли к ней с ножами наготове. Она, отбросив на время здравомыслие, подумала о том, что могла бы сбежать. Какое-то время она стояла так, взвешивая преимущества и недостатки вариантов, пытаясь выбрать между самосохранением и верностью команде.

Но прежде, чем она успела додумать эту мысль до конца, ноги уже несли ее прочь. Один из молодых людей, должно быть, кинул в нее нож: лезвие сверкнуло прямо у нее под носом, но наверняка она сказать не могла. Случилось что-то, что побудило ее действовать. И Элисон мгновенно пожалела об этом, в основном потому, что теперь уже нельзя было переиграть ситуацию, а она знала, что ей ни за что не убежать от местных. А

еще потому, что она покинула своих спутников. В ее личном кодексе чести такой поступок был непростителен. И все же она не знала, как бы они сами поступили на ее месте. Да и к тому же ее побег явился отвлекающим маневром, которым они воспользуются, если у них осталась хоть капля здравого смысла.

Все эти мысли проносились у нее в голове, пока она с треском неслась по лесу, цепляясь за ветки, кору и огромные зазубренные листья. Боли девушка не чувствовала из-за выброса адреналина. Она не слышала своих преследователей, но знала, что это еще ничего не значит. Возможно, эти ребята умеют летать. Они сделают все возможное, лишь бы ее попытка сбежать не удалась.

Как только они услышали бой барабанов, Попо запаниковал. Крейг подождал минут пять, а потом спросил:

— В чем дело, Попо? Что происходит?

— Мбо, — только и ответил он. Глаза его бегали. — Мбо.

Барабаны били тихо; должно быть, звуки доносились издалека, но спутать их ни с чем было просто невозможно. Это не был шум прибоя, это не был стук падающих кокосов; это чья-то рука выбивала ритм по натянутой коже. Пара тамта-

мов — а может, и больше… Ну, вот эти штуки, по которым бьешь ладонями, сидя со скрещенными ногами. Как они там называются? Крейг, хоть убей, не знал точного названия. Что до Попо, то он куда-то скрылся. Крейг даже не заметил, как он ушел обратно по пути, которым они пришли. Те сто баксов привели Крейга сюда, а больше он от паренька ничего и не требовал.

Над его ухом зажужжал москит. Он отмахнулся и продолжил путь, медленно и осторожно шагая в направлении звуков.

Он остановился, когда услышал другой шум, идущий справа. Другой, похожий, но более рваный, не такой музыкальный. Такой звук, внезапно понял он, будто кто-то бежит сюда. Мысли Крейга помчались с бешеной скоростью. Он представлял себе человека, спешащего навстречу опасности, и он уже собирался броситься наперерез и остановить бегуна (которого он все еще не мог разглядеть), но тут прямо перед собой увидел целое облако москитов.

Мошки едва заметно шевелились и были похожи на вибрирующие молекулы. В какой-то момент ему показалось, будто они устремились к нему, но их остановила невидимая преграда, и они отпрянули. Из-за шума, который издавал

бегущий человек, он не слышал ужасающего писка, но представить себе его он мог отлично.

И вот бегун появился, бешено молотя руками и ногами, натыкаясь на деревья. Это была юная девушка, та самая девушка с террасы «Эфрика Хаус»! И она неслась прямо туда, откуда раздавался барабанный бой.

— Эй! Остановитесь! — крикнул Крейг. Весь рой москитов повернул к девушке тысячеглазую голову. Туча задрожала и изогнулась в ее сторону. Когда они сомкнулись у нее над головой, девушка закричала. Она сделала все возможное, чтобы ее появление заметили. Крейг понятия не имел, кто играл на барабанах (или что вообще вызывало этот звук); не знал он, угрожает ли с той стороны опасность. Но инстинкты у него работали.

Девушка уже сильно его обогнала. Он бежал как мог, но догнать ее не получалось. Слишком часто засиживался он во время обеда в «Орле». Слишком много упаковок от фастфуда скопилось в мусорке под его рабочим столом. Сердце колотило в ребра, словно выбивая татуировку. Он выбросил вперед руки и ухватился за дерево; только так у него получилось остановиться вовремя и не выбежать на поляну, как случилось с девушкой. Москиты все еще следовали за ней.

Барабаны лежали у его ног. Барабанщик встал во весь рост — выше метра восьмидесяти, кожа да кости. Он выглядел, как учебный манекен в натуральную величину, каким пользуются студенты-медики. Он был белым; возраст его определить было невозможно. Его ступни и нижняя часть ног были обнажены, остальные части тела покрывала одежда. Крейг протер глаза: со зрением у него начали происходить какие-то фокусы. Возможно, это все от жары и напряжения. Возможно, и от страха тоже — это он осознал только сейчас, определил по стремительному биению пульса. Одежда мужчины то обрисовывалась четче, то расплывалась, словно на стереоснимке. То ли Крейгу в глаза попало что-то, мешающее ему видеть, то ли кусты между ним и поляной занавешивала пленка, нечто вроде паутины или выделений каких-то еще насекомых. Высокий мужчина передвинулся ближе к Элисон, и она шарахнулась в сторону. Он уставился на нее выпученными глазами (видимо, у него было что-то не так со щитовидной железой). Его одеяния казались естественным продолжением плеч, тощих, точно вешалка. Элисон вскрикнула, и плащ зашевелился. Она выбросила вперед правую руку; та прошла сквозь плотную живую

ткань из москитов. Мгновение они покружились над ее головой, смешиваясь с роем, что летел за нею следом, а потом сила притяжения снова привлекла их к хозяину.

Этот человек двигался медленно, словно нехотя и не по собственной воле. У него были слишком впалые щеки и слишком белая кожа, чтобы лицо могло выразить хоть какие-то эмоции. Отступив на шаг от девушки, он наклонился к барабанам и поднял с земли длинный запачканный кровью инструмент цвета кости. Привязал его к голове. Накладной хоботок длиной сантиметров в тридцать омерзительно заколыхался, когда мужчина снова стал приближаться к девушке. Основание этого жала, сделанное из сустава (посмотрим правде в глаза, предмет был сделан из человеческой бедренной кости), было прижато к его рту. Он дунул сквозь хоботок и издал низкий булькающий свист. Москиты заметно успокоились и расположились вокруг него; Элисон потеряла сознание и рухнула на колени, и он обнюхал ее распростертое тело.

Крейг лихорадочно размышлял, что ему предпринять, когда из леса снова раздался треск, и прибыли связанные друзья Элисон из «Эфрика Хаус» в сопровождении мрачных африканских

юношей, каждый из которых пробормотал какое-то почтительное приветствие рослому мужчине. Похоже, все они произнесли слово «мбо».

Лиф, датчанин, всю дорогу с пляжа ни на что не реагировал. Его подружка Карин дрожала от страха, а Анна просто кричала, когда кто-нибудь подходил к ней слишком близко. Двое юношей схватили Карин и Анну и уложили их ничком на землю. При помощи сухих пальмовых листьев они несколько раз обмотали девушкам лодыжки, а затем, сделав петлю, повторили то же в противоположном направлении, пока не убедились, что пленницы связаны надежно. Руки им они оставили свободными. Третий африканец быстро перевязал ноги Лифа похожим образом. Крейгу пришлось напрячься, чтобы разглядеть, куда их отнесли: за сарай в дальней части поляны. Но что было за сараем, Крейг не видел.

Высокий бледнокожий мужчина все еще осматривал Элисон, когда один из юношей вернулся и начал обматывать ей лодыжки, как и прочим. Человек снова уселся на землю, и под его дымчатым одеянием ноги казались парой удочек, разведенных в стороны. Он поднял свои барабаны и начал играть.

Крейг воспользовался поднявшимся шумом,

чтобы отойти на несколько метров от края поляны. Отступив метров на двадцать, он, неслышно ступая, направился к задней части лагеря. Ему приходилось идти медленно, чтобы ничем не выдать свое присутствие, но в конце концов он добрался. А затем еще какое-то время ему потребовалось, чтобы понять, что же он видит перед собой, даже хотя именно это он и искал. Именно за этим он и приехал в Африку.

Они свисали с ветвей одного-единственного дерева. Как летучие мыши.

Как мыши, они свисали с дерева вверх ногами.

Как летучие мыши, или как те несчастные создания, которых Крейг видел в городском музее. У всех были связаны лодыжки. И было их не меньше трех дюжин.

Большинство были совершенно обескровлены, высушены, словно рыба бомбиль, которую Крейг смеха ради всегда заказывал к карри. Просто мешки с кожей, болтающиеся на ветру. По длинным волосам можно было опознать женщин, в то время как мужские скелеты были покрупнее. Однако точнее что-то сказать по этим несчастным останкам было невозможно.

Ближе к земле висели последние жертвы — Карин, Анна и Лиф. Крейг услышал, как высокий

мужчина обошел хижину сбоку, а потом уж увидел его. Теперь ветер дул слабо и не заглушал ноющего концерта москитов, которых высокий мужчина держал возле себя, как толпу приживал. Выпученными глазами он сам напоминал насекомое; он осмотрел новоприбывших. Они висели, вздернутые на дереве, только руку протяни.

Вслед за ним появились двое юношей: они принесли Элисон.

Высокий мужчина с костяной флейтой на носу сделал крошечный шажок в сторону Анны. При его приближении из ее горла вырвался вопль.

Я уже ощущал острый запах меди, которым обычно пахнет кровь. Ощущал его еще до того, как древний эктоморф в плаще из москитов проткнул шею девушки заостренной бедренной костью, которую носил на лице.

Крейгу было стыдно, но вступление к рассказу очевидца уже начало появляться в его мозгу.

Я чувствовал запах уже пролитой им крови. Должно быть, ею пах сам человек… или воздух. Крови сей мужчина не проливал. Этот европеец в изгнании, эта рослая тщедушная тень, едва похожая на человека, пила кровь до последней капли. Именно кровь поддерживала в нем жизнь. Я чувствовал это; я угадал это, глядя на трупы,

что свисали с тамаринда, похожие на летучих мышей. В то же время я почувствовал, как на мое сердце пала тень, и я знал, что никогда не смогу от нее избавиться, даже если каким-то образом смогу сбежать сам и спасти юных существ, которые попали в коллекцию этого чудовища.

Вот в этом для Крейга и заключалась сложность. Подписчики газеты не оценят его изысканную прозу, но, когда он думал о происходящем как о новостном сюжете, который он приехал раздобыть, это помогало ему отстраниться и не повредиться рассудком, сохранить здравомыслие. Пусть обстоятельства складывались не в его пользу, на его стороне был элемент неожиданности.

Он все еще думал, напрягал изо всех сил мозг, пытаясь придумать план побега, а высокий человек тем временем рванулся вперед и погрузил кончик костяной флейты в ямку на шее Анны. Вокруг прокола тут же запузырилась кровь, но тут же исчезла в хоботке. Крейг зажмурился, пытаясь справиться со своим страхом перед кровью. Но он услышал первый глоток, это жадное бульканье: видимо, мужчина попытался слишком много проглотить за один раз. Крейг всегда считал себя крепким орешком, настоящим репортером,

которого ничем не проймешь и которого невозможно шокировать. Его боязнь крови никогда не вызывала сложностей раньше: он просто избегал сюжетов, которые оставляли кровавый след, — всех этих аварий и перестрелок. Не его конек.

Его вырвало, и он, спотыкаясь, поспешил укрыться в лесу. Он уже знал, что под этой историей в газете не появится его имени: во-первых, он не выберется отсюда живым, а во-вторых, даже если это и случится, из-за психической травмы он просто не сможет пережить эти моменты заново.

Двое юнцов рванули к нему, взволнованно тараторя что-то на суахили. Третий убежал в лес искать сообщников Крейга.

Пока ему связывали лодыжки, Крейг наблюдал, как высокий жадно глотает кровь немецкой девушки. Он пил так торопливо и с таким живым наслаждением, что можно было всерьез поверить, будто он выкачал из нее все три литра. Щеки его зарумянились, и Крейгу показалось, что и в его теле произошли изменения. Оно раздалось вширь, и москиты теперь не покрывали почти всю его серо-белую наготу.

Интересно, когда настанет его собственный черед? Будет ли этот монстр выпивать их по од-

ному, день за днем, или устроит гулянку? Тот уже повернулся к Элисон, а она, свисая на своих путах, отчаянно пыталась освободиться. Вот это боевой дух! Висящая рядом Карин плакала навзрыд, а Лиф пребывал в том неведомом мире, куда он удалился еще на лодке. Когда Крейга разместили вниз головой и привязали к ветке, он подумал про себя, что предпочел бы оказаться следующим. Будто услышав его молчаливую мольбу, высокий мужчина резко повернулся, чтобы посмотреть, а вдруг он подойдет больше, чем девушка.

Попо примчался быстро и незаметно. Первым, что заметили присутствующие, был внезапный хаос звуков: треск тел, пробиравшихся через сухие ветви, гортанное рычание голодных зверей, дружные визги и вопли спасателей. Зрение уловило какое-то черно-золотое мелькание, сверкающие зубы цвета слоновой кости и нити слюны, что качались на тяжелых челюстях леопардов во время прыжка.

В тот самый миг Попо спас мне жизнь. И именно тогда умер *старый* Крейг. Если я собирался выжить, это было необходимо. Упертый журналист был мертв: так же, как и трупы, что качались под ветром на верхних ветвях. Не он напишет о произошедшем; это сделаю я — но еще не скоро,

и в газеты моя статья не попадет. Теперь это история, это легенда, миф — именно так всегда было для Попо и для людей из Джозани.

Выжившие — а их осталось мало — редко говорят о случившемся. Лиф ведет одинокую размеренную жизнь в своем домике на берегу моря в родной Дании. Карин, его бывшая подружка, вернулась в Африку гуманитарным работником. В последнее время она работает в восточном Заире: я видел ее по телевизору, она давала интервью по поводу кризиса с беженцами. Ни с Лифом, ни с Карин я не общаюсь. Мы с Элисон попытались остаться на связи: обменялись парой писем да встретились разок в одном из баров Вест-Энда, но нам обоим стало нехорошо от шума и света, и мы быстро расстались. Понятия не имею, где она сейчас и чем занимается.

По совету врачей я оставил работу репортера и какое-то время гулял по вересковым пустошам в Южном Уэльсе. Наконец я почувствовал себя лучше и смог вернуться к работе, но на сей раз в типографии: мне не нужно читать статьи или разглядывать иллюстрации. Моя задача — следить, чтобы слова оказались на странице и цвета не перепутались.

Время от времени я хожу в Лондонский зоопарк

посмотреть на леопардов. Когда я вижу, как они рыщут по клеткам, я вспоминаю секунду своей жизни, когда чувствовал себя полностью, совершенно живым. Это случилось, когда я увидел, с почти фотографической четкостью, как один из леопардов Попо взмахнул лапой и ударил упыря в живот. Тот лопнул, и наружу хлынул кровавый дождь. Дождь из крови Анны. Кожа, сдувшись, захлюпала — прозрачная, точно у москита, которого я раздавил ладонью на террасе отеля «Эфрика Хаус».

Попо с товарищами — знахарями, а может, гидами по лесу Джозани, этого я так и не узнал — развязали нас и осторожно спустили на землю. Позже тем вечером, когда вызвали полицию и началась операция по зачистке, Попо сам отвез меня обратно в город Занзибар на своем «судзуки». На окраине города он внезапно выключил мотор и хлопнул себя по лбу, словно пытаясь отогнать невидимого врага.

— Что случилось? — спросил я, наклоняясь к нему.

— Мбо, — пробормотал он.

Я услышал тоненький писк над ухом и тоже яростно взмахнул рукой.

— Москит? — спросил я.

— Мбо, — кивнул он.

Оказалось, я все-таки попал по мелкому мерзавцу, хотя и совершенно бестолково молотил руками по воздуху. Может, его просто оглушило. Он лежал у меня на ладони. Я с облегчением увидел, что крови он еще не пил.

— Мы называем их москитами, — сказал я и поежился. Интересно, не из леса ли мы его принесли на одежде?

Потом несколько месяцев я находил москитов (общим числом не больше шести) среди вещей, которые привез из Занзибара. И все они были мертвы.

Николас Ройл родился в Манчестере в 1963 году. Он написал пять романов, включая «Двойники» («Counterparts»), «Режиссерская версия» («The Director's Cut») и «Антверпен» («Antwerp»), а также две новеллы — «Аппетит» («Appetite») и «Загадка отъезда» («The Enigma of Departure»). Он издал около 120 рассказов, двадцать из которых вошли в сборник «Смертность» («Mortality»), много публикуется в качестве журналиста; его статьи регулярно появляются в *Time Out* и *Independent*; также он выступил в качестве редактора две-

надцати антологий, среди которых два тома *Darklands* и *The Tiger Garden: A Book of Writer's Dreams*. Трижды лауреат Британской премии фэнтези, он преподает литературное творчество в университете Манчестер Метрополитен. У него живет черный кот по имени Макс.

«Мбо» — одно из самых беспощадных и жестоких произведений в данном сборнике. Оно хорошо демонстрирует яркий талант Ройла-рассказчика и сводит воедино две легенды.

Говорит автор:

«Острова интересны именно в силу своей изолированности. Эволюция здесь может пойти по иному пути. Ямайский тигр (вымерший), тасманский тигр (обычно считается, что он тоже вымер; на самом деле это даже не кошка, а сумчатое животное), занзибарский леопард (возможно, вымер, но мало ли…). Занзибарский леопард был мельче своего континентального сородича, и пятна у него выглядели иначе. Поиски следов его пребывания на острове в девяностых успехом не увенчались, но, стоя на краю леса Джозани и всматриваясь в глубь деревьев, несложно представить, что где-то там, внутри, рыщет леопард».

Кошки-пуфики®
Эдвард Брайант

ОТПРАВИТЕЛЬ: Джон Дж. Финнеган, Президент «Уэйк и Финнеган», Отдел маркетинга

ПОЛУЧАТЕЛЬ: Дэвид Брукс, Главный копирайтер, Отдел креативных проектов

Ну что ж, сынок. Где же оно? Ребята из лаборатории «Лайф-Про» начинают нервничать. За этот проект они выкладывают столько зелени, что ты и не подозреваешь. Покажи мне свои наработки.

ОТПРАВИТЕЛЬ: Брукс

ПОЛУЧАТЕЛЬ: Финнеган

Вы хотели этого, босс, — вы это получили. Непросто было придумать, как продать кошку, похожую на штрудель. Вот мои наметки.

Рекламная кампания кошек-пуфиков будет в основном направлена на городских потребителей. Генетически модифицированное стационарное животное отлично подходит для обитателей съемных и кооперативных квартир.

Представьте, как удобно будет пользоваться живой кошкой без лап и ног. В стандартный набор аксессуаров должны входить ремешки на

липучках, которые позволили бы размещать и закреплять кошек-пуфиков на подлокотниках, стульях или любых других поверхностях в ограниченном жизненном пространстве.

Поначалу модельный ряд будет включать в себя десять самых популярных кошачьих пород. КП будут поставляться в двух форматах: «котенок» и «взрослая особь», причем котята при помощи гормональной терапии не будут развиваться и до окончания срока годности останутся хорошенькими.

Еще такая деталь: в «Лайф-Про» говорят, что проблему с кривой роста решат примерно за год, и тогда мы сможем предложить потребителю КП, которых можно приобретать котятами, а затем наблюдать, как они вырастают до взрослого состояния за считаные недели.

Нужно будет просто поменять приспособление СаниКис. Таких КП можно рекламировать отдельно в качестве обучающего материала для детей, чтобы учить их заботиться о домашних животных, так сказать.

А теперь что касается СаниКис. Потенциальные покупатели наверняка поймут, что КП не смогут самостоятельно добираться до лотка — или, во всяком случае, не смогут перемещаться туда с

нужной скоростью — поэтому в рекламной кампании необходимо будет упомянуть о мешках СаниКис, которые владелец должен будет менять как минимум раз в три дня.

Необходимо придумать какой-то способ без лишних подробностей объяснить хозяевам, что, если они не будут соблюдать график замены мешков, это приведет в лучшем случае к почечной недостаточности у КП, а в худшем — к тому, что кошку разорвет и ее останки разлетятся по всей комнате. Возможно, в отделе научных разработок придумают какой-нибудь предупреждающий сигнал, вроде индикатора низкого заряда батареи в домашних дымовых пожарных сигнализациях. Назовите их «Набор СаниКис», и лаборатория «Лайф-Про» может потирать руки в ожидании прибыли от продаж этих аксессуаров.

В рекламе обязательно подчеркните, что Кошки-пуфики смогут мурлыкать, облизываться, точить зубки и изгибаться, в точности как изначальная модель. Но при этом они не будут обдирать мебель, гоняться за птицами и шляться по району по ночам.

ОТПРАВИТЕЛЬ: Финнеган
ПОЛУЧАТЕЛЬ: Брукс
Пока что выглядит потрясающе. Лаборатория

будет в восторге. От них поступило сообщение о том, что у них там какие-то неполадки со сплайсингом ДНК у котят. Первую партию придется изменить операционным путем, только так они останутся конкурентоспособными. Нужно, так сказать, покрыть товар сладкой глазурью. Ничего?

ОТПРАВИТЕЛЬ: Брукс
ПОЛУЧАТЕЛЬ: Финнеган
Без проблем. Это как смерть на конфетной фабрике: ужасная кончина, зато все в шоколаде.
Кстати, а что вы мне предложите после того, как я закончу с кошками-пуфиками?

ОТПРАВИТЕЛЬ: Финнеган
ПОЛУЧАТЕЛЬ: Брукс
Конфетку.
Как насчет Модульных Собак®?

Эдвард Брайант начал карьеру писателя в 1968 году, и с тех пор опубликовал более дюжины книг, включая «Среди мертвецов» («Among the Dead»), «Киноварь» («Cinnabar»), «Феникс без пепла» («Phoenix Without Ashes», написана в соавторстве с Харланом Элиссоном), «Солнце Вайоминга»

(«Wyoming Sun»), «Теория частиц» («Particle Theory»), «Фетиш» («Fetish») и «Баку: Сказки ядерного века» («The Baku: Tales of the Nuclear Age»). Сначала он прославился как писатель-фантаст, заслуживший множество премий именно в этой области литературы, но затем его занесло в жанр хоррор: он создал серию пробирающих до костей рассказов о современной ведьме Энджи Блэк, восхитительный рассказ про зомби «Последняя печальная любовь в закусочной для проклятых» («A Sad Last Love at the Diner of the Damned») и другие потрясающие произведения. Однако научную фантастику он пишет до сих пор.

«Кошки-пуфики®», рассказ, который он написал в 1983 году для журнала *Omni,* является сплавом обоих жанров.

Реликвии
Джон Краули

— Конечно, было еще Поветрие Неверности в Чешире. Эпидемия длилась недолго, но все же игнорировать это явление мы не можем.

Мы с сэром Джеффри засиделись в «Клубе путешественников» допоздна, обсуждая всякие сверхъестественные вторжения чуждого и непривычного человеческой природе в жизнь нашего родного острова. Мы часто предавались этому занятию во времена наивысшего расцвета и наибольшей шаткости нашей великой Империи. Итак, мы говорили о тех незаметных и неожиданных эффектах, которые на нашу расу домоседов оказали все эти века приключений и захватнических походов. Во всяком случае, мне так казалось. Я был тогда еще молод.

— Зря вы говорите «конечно» таким обыденным тоном, — сказал я, пытаясь перехватить взгляд Барнетта, чье перемещение по тускло-дымному пространству курительной комнаты я не только созерцал, но и чувствовал. — Я понятия не имею, что такое «Поветрие Неверности».

Из глубин своего вечернего наряда сэр Джеффри извлек портсигар, который очертаниями смутно напоминал ряд выложенных в ряд сигар — так же, как саркофаг похож на заключенное внутри него тело. Сэр Джеффри предложил мне закурить, и мы не спеша зажгли свои сигары; мой собеседник покачал бокалом бренди, вызвав этим жестом маленький водоворот. Я понял, что это были некие вступительные ритуалы — то есть на рассказ я могу рассчитывать.

— Случилось это в конце восьмидесятых, — начал сэр Джеффри. — Не помню, как впервые услышал об этом; не удивлюсь, если из какой-нибудь фривольной статьи в «Панч». Поначалу я не обращал на слухи внимания; мне казалось, это что-то из разряда «популярных заблуждений и сумасшествия толпы»[6]. Незадолго до того я вернулся с Цейлона, и меня ужасно, чудовищно угнетала погода. Когда я ступил на берег, только начиналась осень, и следующие четыре месяца я почти не выходил из дома. Дождь! Туман! Как я мог о них забыть? И самое странное было то, что, похоже, все остальные особенно не страдали. Мой слуга по утрам поднимал портьеры и чрез-

[6] Примечания: 6

По названию книги Ч. Маккея «Чрезвычайно популярные заблуждения и сумасшествие толпы», 1841.

вычайно бодрым голосом объявлял: «Еще один ненастный денек, сэр!» Я просто отворачивался к стене.

Он, казалось, почувствовал, что его отвлекли воспоминания личного характера, и затянулся сигарой так, словно из нее бил источник памяти.

— Ситуация изменилась после обычного убийства — обычного, как казалось тогда. Жена уинсфордского крестьянина (они состояли в браке несколько десятков лет) пришла однажды вечером в питейное заведение «Стог пшеницы», где ее супруг засиделся за пинтой пива. Достала из-под юбок старое охотничье ружье. А потом сказала фразу, которую очевидцы передавали впоследствии очень по-разному, и пальнула из обоих стволов. Один дал осечку, но единственного выстрела оказалось достаточно. Мы выяснили, что муж, увидев, к чему все идет, не выказал ни удивления, ни страха, просто поднял на нее взгляд и… ну, ждал своей гибели.

Когда проводили расследование, свидетели сообщили, что убийца, готовясь выстрелить, сказала следующее: «Я делаю это во имя всех остальных». Или, может: «Я делаю это, Сэм (так звали крестьянина), чтобы спасти остальных». Или просто: «Мне нужно сделать это, Сэм, и спа-

сти тебя от другой». Женщина, казалось, совсем спятила. Следователям она поведала очень запутанную и пугающую историю, которую они, к сожалению, не записали, потому что ничего не поняли. Но суть была в том, что она больше не могла вынести вопиющей безнравственности своего мужа, поэтому и пристрелила его. Когда судья спросил свидетелей, знали ли они о распущенности жертвы — ну, вы понимаете, в маленьких селениях таких вещей не утаишь, — мужчины, все как один, заявили, что не знали. Однако уже после судебного следствия из женской части общины раздались несколько смутных и абстрактных намеков о том, что они могли бы кое-что рассказать, если бы да кабы, ну и всё в таком духе. Посчитали, что преступница не может предстать перед судом по состоянию здоровья, и вскоре после этого она повесилась в Бедламе.

Не знаю, хорошо ли вы знакомы с удручающей жизнью представителей этой части общества. В те годы сельское хозяйство было делом в лучшем случае утомительным; крестьянин был приговорен к уединенному существованию, отупляющей скуке и низкому заработку. Батраки все пили горькую. Цены искусственно занижались. Жен-

щины быстро старели из-за бесконечных родов и тяжкого труда: работать им приходилось не меньше, чем мужчинам, а то и больше. То есть я хочу сказать, что эта часть общества в прошлом (а может, и сейчас) менее всего склонна к супружеским изменам, интригам и романам. И все же, как ярко показал тот случай с убийством, в северном Чешире распространилось мощное поветрие мужских измен.

— Я что-то не совсем понимаю, — отозвался я, — каковы могут быть доказательства подобных вещей.

— Мне случилось поехать в графство Чешир той осенью, как раз в разгар событий, — продолжал сэр Джеффри, водя по пепельнице кончиком сигары. — В конце концов я взял себя в руки и снова начал принимать приглашения. Один приятель, с которым мы познакомились в Александрии, на удивление преуспевающий торговый агент, пригласил меня пострелять.

— Неожиданный выбор места для охоты.

— Неожиданный человек. Нувориш, если уж по правде. Он принял меня по-королевски; домом ему служил один из этих красно-кирпичных особняков в псевдоготическом стиле, каких полно в Чешире, ну, вы знаете такие. Удивительно,

каким одиночеством и меланхолией там веяло. Пострелять так и не удалось: все выходные лил дождь. Мы сидели дома, листали журналы, играли в каирский вист — так тогда называли бридж — или просто смотрели в окно. Одним вечером, не зная, что еще придумать, хозяин, которого звали Вотт, так…

— Хозяин, которого звали Вот так? — переспросил я.

— Да, Вотт. Он так загорелся мыслью устроить гипнотический сеанс. Давно увлекался месмеризмом, или, как он предпочитал называть это, гипнотизмом. Он предложил нам заглянуть в темные глубины нашего подсознания. Мы все отказались, но Вотт настаивал, и в конце концов уговорил одного здоровяка из местных. Тот происходил из старой помещичьей семьи, и был — это важно! — фермером до мозга костей, до кончиков грязных ногтей. Все его разговоры вращались вокруг репы.

— Даже когда он говорил из темных глубин подсознания?

— О, вот к этому я сейчас и веду. На собрании также присутствовала жена данного джентльмена, и невозможно было не заметить, сколь виновато он выглядел в ее присутствии: его глаза

бегали, он вздрагивал, когда кто-то заговаривал с ним из-за спины, и временами на него нападала какая-то отстраненность, мечтательность.

— Может, переживал за свою репу?

Сэр Джеффри раздавил сигару с таким видом, словно упрекал меня в легкомыслии.

— В общем, суть была в том, что этот красноликий, ничем не примечательный тип изменял своей жене. У него на лбу это было написано. Казалось, для жены это тоже не было тайной: лицо у нее было стянуто не хуже, чем ее ридикюль. Когда он согласился на эксперимент, она вся побледнела и попыталась увести его, но Вотт попросил его не расстраивать всю честную компанию, и в итоге под предлогом головной боли она ушла. Не знаю, о чем думал этот парень, соглашаясь на такое; может, бренди в голову ударило. Так или иначе, свет в зале приглушили, достали обычные приспособления: крутящийся диск, все как положено. Сквайр, к изумлению Вотта, упал как подкошенный. Поначалу мы подумали, что он просто во власти винных паров, но затем Вотт начал задавать вопросы, и тот отвечал хоть и медленно, но четко. Имя, возраст и так далее. Уверен, что Вотт хотел, чтобы его подопытный постоял на голове, надел жилетку задом наперед

или что-то в этом духе, но не успел он начать, как мужчина заговорил. Он к кому-то обращался. К какой-то женщине. И он сразу так изменился, это было просто поразительно.

Сэр Джеффри, когда пребывал в нужном настроении, умел неплохо изображать других, и теперь он превратился в загипнотизированного сквайра. Глаза его заблестели, рот приоткрылся (усы, правда, все так же стояли торчком), одну руку он поднял, словно силясь отогнать докучливого духа.

— «Нет, — говорит он. — Оставь меня. Закрой эти глаза… о, эти глаза. Почему? Почему? Оденься, о боже!»

Казалось, он сильно мучается. Конечно, Вотт должен был сразу же разбудить его, но он, как, признаюсь, и все мы, был заворожен зрелищем.

«С кем ты разговариваешь?» — спросил Вотт.

«С ней, — говорит сквайр. — С иностранкой. Женщина с когтями. Кошка».

«Как ее зовут?»

«Баст».

«Как она попала сюда?»

Тут сквайр ненадолго замолчал. А затем он дал сразу три ответа:

«Из-под земли. По причине отсутствия спроса.

На „Джоне Диринге“».

Этот последний ответ сильно удивил Вотта. Позже он рассказал мне, что «Джоном Дирингом» называлось грузовое судно. Оно регулярно курсировало между Александрией и Ливерпулем.

«Где ты видишь ее?» — спросил Вотт.

«В стогах пшеницы».

— Он, видимо, имел в виду паб, — вставил я слово.

— Не думаю, — мрачно отозвался сэр Джефф-ри. — Дальше он продолжал распространяться о пшеничных стогах, становился все оживленнее, хотя понимать его стало сложнее. И он начал издавать звуки… ну, как бы объяснить. Он тяжело задышал, и его движения…

— Кажется, я понял.

— Хм. Не думаю, на самом деле. Потому что я в своей жизни не видел ничего более удивительного. Этот человек занимался любовью с кем-то, кого он называл кошкой. Или стогом пшеницы.

— То имя, которое он назвал, — сказал я. — Оно египетское. Богиня, считается покровительницей кошек.

— Именно! И вот, в самый разгар этого ритуала Вотт все же собрался с мыслями и дал сквайру приказ проснуться. Тот выглядел ошарашенным;

с него градом катился пот, и, когда он доставал из кармана носовой платок, рука его тряслась. Казалось, он одновременно пристыжен и доволен, как… как…

— Как кошка, которая съела канарейку.

— Да вы мастер сравнений! Он оглядел собравшихся и спросил застенчиво, не опозорился ли он каким-нибудь образом. Старина, мы были просто вынуждены его успокоить.

Внезапно перед нами материализовался Барнетт. Вид у него был такой, будто он собирается изречь какое-то трагическое и неотвратимое пророчество. Впрочем, так он выглядел всегда. Он всего лишь сообщил нам, что начался дождь. Я попросил виски с содовой. Пока мы общались с Барнеттом, сэр Джеффри сидел, погруженный в свои мысли. Когда он заговорил снова, то голос его звучал задумчиво.

— Не правда ли, странно, — сказал он. — Как естественно для нас думать о кошках в женском роде, хотя всем отлично известно, что эти животные бывают обоих полов. Насколько я знаю, в других частях света люди чувствуют абсолютно так же. Например, если в сказке кошка оборачивается человеком, то всегда становится женщиной.

— Глаза, — сказал я. — Движения. Все эти из-

гибы.

— И независимый вид, — добавил сэр Джефф-ри. — Естественно, это лишь маска. Кошка всегда зависит от человека, хотя и не считает так.

— И непринужденность.

— И коварство.

— Возвращаясь к эпидемии, — сказал я, — не понимаю, как одна-единственная помешанная да сквайр под гипнозом могут считаться целым поветрием.

— О, так дело на том не кончилось, вовсе нет. Всю осень по графству проносился, так сказать, шквал разводов и судебных исков о супружеской неверности. Один самоубийца оставил такую записку: «Я не могу обладать ею и не могу жить без нее». Не одна фермерская жена, прожив много лет в мире и согласии со своим мужем и нарожав уйму детей, собирала вещи и возвращалась жить к престарелым родителям. Ну и так далее.

Я вернулся в город в понедельник утром после того постыдного эпизода со сквайром. Случилось так, что по понедельникам в деревне проходила ярмарка, и у меня была возможность воочию уви-деть, как повлияло поветрие на жизнь местных. Я видел, как мужья с женами сидели в разных концах повозки, не в силах поднять друг на друга

глаз. Внезапные ссоры, вспыхивавшие из-за овощей. Я видел слезы. И раз за разом я видел все то же виноватое, пристыженное, увертливое выражение лица, которое заметил у нашего сквайра.

— И все-таки неубедительно.

— Есть и еще одно доказательство. В той местности никогда не ослабевала власть Римско-католической церкви. Примерно в это время целая группа жен-католичек объединилась и послала прошение епископу, в котором говорилось, что в их области необходимо провести обряд экзорцизма. Если конкретней, они считали, что их мужей мучает суккуб. Или суккубы.

— М-да, неудивительно.

— Что меня особо озадачило, — продолжал сэр Джеффри, рассеянно протирая монокль, — так это то, что в неверности обвиняли только мужчин; женщины выступали только в качестве пострадавшей стороны. Если принять слова сквайра всерьез, а не считать их просто созданными «из вещества того же, что наши сны», пред нами предстанет образ иностранки (а может, и иностранок), которая сошла с корабля в Ливерпуле и никем не замеченная прошла до Чешира, ища, кого бы поглотить, и соблазняя йоменов в их же сараях среди корзин с урожаем. Эта мысль столь

меня поразила, что я связался с одним пареньком из компании «Ллойд» и попросил его показать мне списки пассажиров «Джона Диринга» за последние несколько лет.

— И?

— Таких списков не существовало. Два или три года корабль стоял в сухом доке. Той весной он совершил один рейс, а потом его поставили на консервацию. И в тот единственный раз пассажиров на борту не было. Груз из Александрии был вполне обычный: масло, финики, саго, рис, табак — и нечто, обозначенное как «реликвии». Так как никаких уточнений напротив этого пункта не стояло, мы на этом и распрощались. Поветрие Неверности длилось недолго: следующей весной мне пришло от Вотта письмо, и в нем ни слова не говорилось обо всем этом, хотя он очень любил рассказывать обо всем, что происходит вокруг. Большая часть информации, которой я владею, поступает либо от него лично, либо из выжимок из газеты «Рупор Уинсфорда», или как там ее, которую он читает. Возможно, я никогда бы не пришел к определенному выводу касательно всей этой истории, если бы не одна случайная встреча в Каире, которая произошла год спустя.

Я направлялся тогда в Судан (дело было сра-

зу после того происшествия в Хартуме) и, так сказать, собирался с духом в баре у Шепарда. Я завязал беседу с археологом, который раскапывал что-то в окрестностях Мемфиса. И, естественно, разговор зашел о египетских мистериях. Он сказал, что его не переставала удивлять основательность разума у древних египтян. Как только они принимали решение, что какое-то действие было необходимо для ритуала, они выполняли его неизменно и неукоснительно.

Он привел в пример кошек. Мы знаем, каким почтением пользовались кошки в Древнем Египте. А если их почитали, то должны были и мумифицировать после смерти. Так оно и было. Из всех — или почти всех — кошек делали мумии, и потом их относили к гробницам (за телом шла, рыдая, вся осиротевшая семья). В саркофаги для загробного путешествия усопшей клали ее любимые игрушки и еду. Не так давно, сказал он, в Бени Хасан раскопали около трехсот тысяч мумифицированных кошек. Целый кошачий некрополь, который многие века оставался нетронутым.

И затем он сказал нечто, что заставило меня задуматься. Глубоко задуматься. Он сказал, что раскопанных кошек отправили в Англию, всех

до единой.

— Боже правый, зачем?

— Понятия не имею. В конце концов, это же не мраморы Элгина. Именно так и отреагировали англичане, когда груз прибыл в Ливерпуль, ибо ни один музей, ни один коллекционер древностей не выказал ни малейшего интереса. Чтобы заплатить за недешевую перевозку, пришлось продать всех кошек с молотка.

— Кому продать? Кому они, черт побери, могли пригодиться?

— Сельскохозяйственной фирме из Чешира. Они, дорогой мой мальчик, порубили кошек в труху и перепродали местным крестьянам. В качестве удобрения.

Сэр Джеффри уставился глубокомысленным взглядом в свой бокал бренди (он к нему почти не притрагивался) и загляделся на дорожки, что оставлял напиток на стекле, словно надеялся прочесть там какие-то тайные знаки.

— Человек науки сказал бы, — продолжил он наконец, — что триста тысяч кошек, древних, как сам мир, любовно замотанных в пелены и заснувших вечным сном в окружении специй и заклинаний, можно раскопать в далекой стране, — и в далеком прошлом! — нарубить в

капусту, вмешать в чеширскую глину и в результате получить лишь урожай зерна. Я в этом не уверен. Абсолютно не уверен.

Курительная комната «Клуба путешественников» совсем опустела, в ней остались лишь мы да усталый неупокоенный призрак Барнетта. Над нашими головами висели, прибитые к стенам, темные и почти неотличимые друг от друга головы экзотических животных. Казалось, они только что пробили своими прокопченными стеклянноглазыми головами стену и теперь высматривают что-то, а тела их остались с другой стороны стены. И что же они высматривали? Может, членов клуба, которые убили их когда-то и принесли сюда, а теперь и сами давно уже были мертвы?

— Вы ведь бывали в Египте, — сказал сэр Джеффри.

— Лишь проездом.

— Я всегда думал, что египтянки — едва ли не самые прекрасные женщины в мире.

— Да, глаза у них потрясающие. Конечно, из-за этих покрывал особо больше ничего и не увидишь.

— А я говорил о тех случаях, когда они остаются без покрывал. Во всех смыслах слова.

— Да?

— Многие из них депилируют волосы, — он заговорил тихим мечтательным голосом, словно наблюдал сцены из далекого прошлого. — Я всегда находил это… интригующим. Если не сказать больше.

Он глубоко вздохнул, одернул жилет, собираясь вставать, и поправил очки. Он снова стал собой.

— Как вы думаете, — сказал он, — можно ли в этот поздний час найти вид транспорта, называемый кэбом? Ну что ж, сейчас мы это узнаем.

— Кстати, — спросил я его, прощаясь, — а что там с прошением жен об экзорцизме?

— Кажется, епископ направил его на рассмотрение Папе. Ватикан, знаете ли, в таких вопросах не спешит. Возможно, прошение еще не рассмотрели.

Джон Краули родился в штате Мэн на авиабазе во время Второй мировой войны, вырос в Вермонте, штат Кентукки, и Индиане, а потом уехал в Нью-Йорк, где делал документальные фильмы и рекламные ролики. Там же он начал писать романы. А теперь он живет в Массачусетсе. Краули трижды становился лауреатом Всемирной премии фэнтези, заслужил премию Флайано и на-

граду по литературе от Американской академии и Института искусств и литературы. Среди его работ выделяются роман «Маленький, большой» («Little, Big») и четырехтомная серия «Эгипет» («Aegypt»). Среди прочих можно назвать романы «Переводчик» («The Translator») и «Роман лорда Байрона: Вечерняя земля» («Lord Byron's Novel: The Evening Land»). Его последняя на настоящий день публикация — это роман «Четыре свободы» («Four Freedoms», 2009).

Рассказ «Реликвии» написан в форме, традиционной для жанров фантастики, фэнтези и хоррор: так называемый «клубный» или «барный» рассказ. В нем повествование построено в форме истории, рассказанной у камина в Английском клубе или в баре. Краули сообщает, что центральный элемент рассказа — египетский мавзолей с мумиями кошек — действительно существует, также правдива и история о том, как этот груз попал в Англию и был продан в качестве удобрения.

«Реликвии» — самый старый рассказ в данном сборнике (не считая отрывка из Льюиса Кэрролла). Впервые (в 1977 году) его опубликовал Стюарт Дэвид Шифф в классической серии сборников *Whispers,* и, похоже, это произведение до сего дня

ничуть не устарело.

Сказка мантикоры
Кэтрин М. Валенте

Воспойте, воспойте же все мантикору, чьи мышцы напитаны солнцем! Алые ноги ее — громогласный флот, и грозно разносится эхо рычания. Охотника нет терпеливее нас, и змея не сыщешь с таким ядовитым хвостом, прыжков нет пружинистей, клыков нет с сиянием ярче, чем наше — чем наше! — на наших родимых песках, где растут лишь кусты.

Ха! Нет уж, такого не надо. Не пойте о нас. Мы не хотим ваших песен. Петь будем мы, а вы слушайте.

Широка пустыня и бела, и суха, как старые кости. Мы тревожим ее, мы терзаем, и мучим, мы изгрызаем ее и снимаем с нее кожуру. И мы поем, когда луна пляшет на песке, точно тощая белая мышь, мы поем тогда, а соляные кусты рыдают. Оазисы трепещут от нашего дыхания, рябит прозрачная и синяя вода, и около нее ведут бой носороги, гепарды мурлычут и лапы лижут себе, и дерево Анчар дрожит зеленью и пурпуром на обжигающем ветру!

Вам скажут, что Анчар — жилище смерти. Его прозвали гидрою пустынь. Вам скажут, что лежать под ним опасно, пусть даже ночь одну — проснувшись, вы не узнаете мира людей. Вам скажут, что сотня солдат, закованных в бронзу и с перьями в шлемах, однажды лагерь разбили под древом Анчар — там, где струился ручей под ветвями Анчара. Испили они той воды, а позже, лишь солнце коснулось их стоп, мертвы они были уже, холодны, точно ужин. Это все так, глупые сказки. Но предполагаю, что не все в этом ложь, ибо Анчар — наша мать, а мы смертоносны, никто пред нами не устоит. И если солдаты улеглись отдохнуть под ветвями Анчара, когда дерево плодоносило, не вина голодных котят, что они упали прямиком на ужин, сочный, разложенный на песке ужин.

Взгляните же, прохожие, только не слишком близко! — на сияющую Анчар, любовницу солнца в его золотой спальне. Красные ветви ее толсты и прочны, словно бедра, изрыты ямками, утыканы шипами, ее зеленые иглы слишком прочны и гладки, чтобы расти в этой иссушенной пустыне. Взгляните на ее плоды, что притаились в тенистых излучинах узловатого ствола: какие они алые, какие лиловые, как мясисты и сочны!

Притроньтесь к ним на свой страх и риск, ибо сияющие ягоды суть не плоды, но яйца, и в них растем мы, в этих пунцовых волдырях, что разбухают на обжигающем солнце. Анчар наполняет свои плоды жиром, и мы пьем его жадно, помногу, и хвосты наши наполняются ядом на всю оставшуюся жизнь, а потом мы разрываем эту тонкую, как шелк, кожу и кубарем летим в воду, или на солдат, смотря что было удобнее.

Я помню молоко дерева Анчар. Сладкое, как ежевика, как кровь.

Внутри плода мы знаем все: как Солнце прихорашивалось, глядя в озеро оазиса, как одна Анчар — хотя она была не выше, не красивей прочих детей пустыни — раскрыла свои ветви и схватила румяные лучи, стремясь удержать их для себя. Ее древесина нагрелась, озеро подернулось рябью: Солнце бы не заметило ее, если бы его зеркало не потускнело. Оно бы разозлилось и спалило дерево за кражу, если бы первый плод с мантикорой не лопнул прямо перед ним и оно не подумало бы, что маленький котенок с зубками острыми, как иголки, и проворным хвостиком — самое прелестное существо из всех, что только можно себе вообразить. Оно сразу принялось учить кошечку и жалить, и рычать, и петь, и уби-

вать — всему, что умело само. Анчар улыбнулась и сказала сестрам последовать его примеру.

Когда мы опадаем, помнить все это становится сложнее, помнить и знать, что рассказы эти — правда. Но мы изо всех сил стараемся любить родителей и возносим молитвы небесам и песку.

Жаль только, что, когда Анчар выпускает нас на волю, мы еще беспомощны. Не более опасны, чем крошечные красные котята или змейки, слепые, мокрые, мяукающие. Наши острые хвосты, конечно, и в эти первые часы разят стремительно и без разбора, ибо мы еще не вполне умеем управлять ими, когда оазис, засыпанный кокосами и ребрами антилоп, ловит нас в свои зелено-золотистые объятия. И вот тогда, если они умны, приходят погонщики с серебряными нахвостниками, что сверкают в свете пустыни.

Я бы хотел рассказать вам, что меня воспитали на открытых равнинах, среди белых и измученных костей, что я разрывал на части леопардов, антилоп и носорогов, что я помню вкус этой жесткой серой плоти и этого рога. Я бы хотел рассказать вам, как мы бегали вместе с Солнцем, прыгали, краснолапые, среди соляных кустов и бледных сорняков, что среди теплых рдяных камней я перекатывался, задрав к небу лапы, и

чесался, и рычал, и ел, сколько мне было угодно. Я бы хотел рассказать вам, что эхо тех мест научило меня петь. Я бы хотел рассказать вам, что я был счастлив и что Солнце светило высоко в небе.

Но пришли погонщики с маленьким серебряным нахвостником, похожим на наперсток с ремнями и застежками, и закованные в полированные металлы, исцарапанные последними отчаянными сражениями бесчисленных котят. Они прицепили эту штуку на мой зазубренный хвост. Теперь мой хвост стучал глухо и разбрызгивал песок тонкими струйками, но вот и все. Я выл; не только волки предаются этому занятию. Я выл, и они поразились моему вою, ибо голос мантикоры ужасен, пронзителен и сладок, слаще и ужасней всех голосов в мире, словно флейта и труба играют вместе. Зазубрин на нем не меньше, чем на хвосте. Я выл и причитал, и жалобно стучал по земле бесполезным хвостом. Они достали восковые затычки и закрыли от меня свои уши, и отправился я в янтарную клетку, и надели на меня янтарный ошейник, и заткнули мне пасть кожей, и я замолчал.

Расскажите мне снова о том, как поют газели. Расскажите мне, что нет мелодий прекраснее, чем их песни.

От высот янтарного города у меня закружилась голова. Платформы вились все вверх и вверх по этим невозможным кедрам, и на висячих мостах я чуть не лишился сознания, так далеко внизу качалась и дрожала земля. Они подняли меня на скрипучих блоках и движущихся платформах, тянули за мокрые веревки. Меня вырвало в намордник, и я давился своей же желчью. Зеленые ветви взрезали облака, а я поднимался и рассыпался на части на взмывающем ввысь полу, я плакал среди ремней, которые кусали мое лицо, и вкус крови становился у меня во рту все сильнее с каждым дюймом. Я дергался, я давился, ошеломленный и напуганный, как любой потерянный зверь. Но я был ближе к небу — так близко! — и Солнце нежно стучало меня по спине.

На янтарной клетке был янтарный замок, и была девочка с янтарным ключом. Она держала его на нитке бус, что обвивали ее цепью; ключ качался как раз у основания шеи. В те дни зверей без счета приводили из каждого укрытия, с каждой вершины, и все это, чтобы порадовать сие создание, чьи чистые спокойные глаза смотрели на все с одинаковым почтением. Она, как и положено, поразилась меху моему и хвосту, как и положено, испугалась моего заглушенного рыка,

как и положено, погладила меня по голове и перешла к следующему чуду природы, что подняли по деревьям ей на потеху. Она не радовалась одному животному больше, чем другому, и голос ее был мягок и благодарен, когда она благодарила погонщиков за то, что те привели ей всех этих удивительных и чудовищных созданий. Под последними она понимала, конечно же, меня.

Несколько недель подряд приходила она, как и положено, и навещала зверинец в сопровождении погонщиков и высокородных нянек и, время от времени, своего отца. Он играла с карликовым слоном и юным кентавром, у которого дрожали колени: в ее отсутствие ему перевязывали ноги, чтобы он не вырос выше нее, что было бы просто возмутительной дерзостью. У нее были джинн, дым которого уже давно испарился, и золотая рыбка, которая еще была должна ей два желания. Игры их были причудливы и серьезны: она пела им и сажала пить чай из янтарных чашек, которые те, естественно, разбивали, а потом ругала их за дурные манеры. Она принуждала их склонять непокорные головы к ней на грудь, и все восклицали, дивясь тому, как чудесно она умеет своей кротостью духа и чистотой сердца очаровать даже самых диких чудовищ.

Меня она не очаровала.

Попытавшись напоить меня из своих изящных чашечек и заставить спеть с ней дуэтом, пока она занимается шитьем, девочка объявила с великой скорбью в голосе, что зверь, коего она назвала так в шутку, и впрямь чудовище, спасти которое совершенно невозможно, и что меня следует отослать, ибо я, конечно, в глубине своего неизмеримого сердца был здесь несчастен. Я знал: меня либо отправят на бойню, либо просто столкнут с платформы в узкую полосу моря. Но разве ведомо хоть одной деве, как искажают мир для того, чтобы ее добродетель не подверглась ни единому испытанию?

Когда девочка со свитой удалились, осталась лишь одна малая темная фигура, что четко вырисовывалась в дверях проклятого зоосада. Она вышла на свет, и я увидел, что это была девочка, похожая на первую, и потерял к ней всякий интерес. Но она подошла к моей клетке и, потянув за нитку черных бусин у горла, вставила свой собственный янтарный ключ в замок и открыла янтарную дверь.

— Бедный Гроттеши. Видишь эти бусины? Когда янтарь сжигают, чтобы получить смолу, и золотое масло, как и положено, переливают,

чтобы сохранить, остается это ужасное черное вещество. Никому не нужный мусор. Как и я: я тоже осталась от нее, я — то, что выбрасывают, когда она проходит дальше, то, что остается в углах, когда она проскользит мимо.

Она положила руки на застежки намордника и расстегнула их. К тому времени я вырос, я был размером с небольшую лошадь, но намордник мне так и не поменяли. Мои челюсти никогда не смогут правильно сомкнуться. Она не испугалась моих зубов. Она погладила мне подбородок и щеки, вытерла запекшуюся кровь подолом платья. Ее звали Хинд. Она была хорошей девочкой, и с той ночи я спал в ее кровати.

И даже когда я совсем вырос, она спала, свернувшись клубочком между моих лап, и потребовала железных подпорок для своей невероятно хрупкой кровати. Вместе мы крались по ночам в библиотеку, и она учила меня читать по книгам, что я доставал с самых верхних полок. Это были истории о потерянных девочках и потерянных зверях и чудовищах вроде нас. Она приносила мне пироги с кухни, покрытые глазурью, не в пример гуще и питательней, чем дробленое сгнившее мясо из зоопарка ее сестры. Когда она стала даже прекраснее, чем ее сестра, я частенько

пел у ее окна мужчинам, которые собирались там поиграть на флейтах или арфах. Мои песни были лучше, и, заслышав их, поклонники разбегались в стороны, а я неслышно шел обратно к Хинд и ее черным бусинам. Я был счастлив. Солнце сияло высоко в небе. Счастье, когда оглядываешься на нее, кажется таким скоротечным, но тогда, с ней, вся моя жизнь, казалось, проходила под трепещущими тенями кедров. А потом настал день, когда она вбежала в нашу комнату и захлопнула за собой дверь, грудь ее вздымалась под этими черными бусинами, а лицо раскраснелось от слез. Я подбежал к ней, и она зарылась лицом в мою гриву. Наконец она отстранилась и ужасно зарыдала, завыла долгим прерывистым воем. Я помню, когда выл точно так же.

Из ее рта выпала жемчужина.

Хинд умоляла меня увезти ее. Она поклялась мне, что знает, как пользоваться передвижными платформами, сказала, что мы можем сбежать из Янтарограда в другой город, где ее жемчужная болезнь сможет сослужить нам хорошую службу. Итак, девушка, унизанная черными бусинами, сложила пироги и самые драгоценные из своих книг, взобралась мне на спину, гордо расставив ноги, а ведь отец столько раз говорил ей не де-

лать так.

Кто-то отравил ее. Кто-то, кто приехал в Янтароград только затем, чтобы сделать мою подругу несчастной. Стоило ей заговорить, и изо рта ее выпадала жемчужина. Потому что отец терпеть не мог ее книги, ее пироги и ее зверей. И вот мы вместе спустились из небесного города, сошли по ветвям и облакам на длинную дорогу, и весь путь вниз она крепко держалась за меня, ее длинные пальцы вцепились мне в гриву. Она боялась упасть, когда я спрыгнул с последней янтарной платформы. Я старательно держал хвост внизу, чтобы этот упрямец опять не завился колечком и не поранил ее. Мы ступили в густую траву, и моя подруга рассмеялась, ощутив под ногами твердую почву. Мы вышли в мир, надеясь найти другой город, который любил бы нас, который прижал бы нас к себе, который был бы богат и ярок и становился бы все богаче от наших прогулок, песен и смеха.

Кэтрин М. Валенте родилась на западе Северной Америки в 1979 году и уже написала больше десятка поэтических и прозаических работ, включая «Палимпсест» («Palimpsest»), цикл «Рассказы

сироты» («Orphan's Tales»), «Лабиринт» («The Labyrinth») и уникальную книгу, изданную на средства читателей, под названием «Девочка, которая совершила кругосветное плавание по волшебной стране на собственноручно сделанном корабле» («The Girl Who Circumnavigated Fairyland in a Ship of her Own Making»). Она является лауреатом премии Типтри, премии Мифопоэтического общества, премии Рислинга и премии Миллиона Писателей. Она живет на острове неподалеку от штата Мэн со своим спутником жизни и двумя собаками.

Слово автору:

«Я люблю мантикор, этих чрезвычайно сложных созданий. В компьютерных играх им уделяют массу внимания, а вот в литературе их пока недооценивают. Может, дело в том, что они кошки, а кошкам чужда любая мораль. Я много дней провела, пытаясь придумать историю о том, как появились мантикоры, и желательно, чтобы она не начиналась словами: „Пришли как-то в бар лев, змея, человек и скорпион…“ Анчар — настоящее мифическое дерево; одна из тех вещей, существование которых опровергал Дарвин. Мне нравится мысль о том, что смертельно опасное дерево может порождать смертельно опасных су-

ществ. Хотя, конечно, все виды просто стремятся выжить любой ценой».

Воплощенная
Нэнси Спрингер

И вот она материализовалась. Стоя на привычно мягких подушечках, она огляделась вокруг. Место было чрезвычайно странное. Всякий раз после долгого сна мир менялся все больше, и после каждого воплощения следующая жизнь казалась все чуднее. В последний раз это была норвежская крестьянка, которая, спасаясь от «священных» войн, уплыла в края, что зовутся Новым Светом. А теперь все казалось таким новым, что она едва узнавала саму Землю. Под ее лапами лежала большая серая плита, на ощупь напоминавшая камень, но пахла она не тем старым добрым каменным запахом. Мимо нее с визгом проносились на какой-то совершенно невероятной скорости раскаленные колесницы из стекла и металла, и от них ужасно воняло. Повсюду высились чудовищные строения, и она чувствовала, что там живут люди, и людей было больше, чем когда-либо вмещал мир. То были новые люди: они тревожили воздух своими страхами, своим ничтожеством, своими сомнениями

в богах и в себе самих.

Как и всегда после пробуждения от долгого сна, она была очень голодна, но нужна ей была не еда. Место это, однако, совсем не подходило для охоты, оно приводило ее в ужас. Пустившись бегом, точно золотой ручеек (так умеют лишь кошки), она неслась прочь от колесниц с их невыносимым смрадом, от зданий, от носившихся в воздухе мелочных мыслей. Остановилась она лишь тогда, когда увидела нечто, напоминавшее деревню. За чертой города было место с деревьями и травой.

И на траве расположились люди, чьи мысли и чувства не зависали в воздухе, притягивая его к земле, но порхали и смеялись, точно сороки. *Нам плевать, что думает мир,* пели эти сороки. *Среди нас есть воры, есть и проповедники. Есть чудаки, и есть звезды, у некоторых по три головы, а другие и с одной-то управиться не могут, но какая разница? Мы все хорошо ладим. Мы все — люди карнавала. Будь ты сутенером, будь ты шлюхой, будь ты странным, будь ты аферистом, если ты один из нас —* у *тебя есть дом, а мир пусть идет к чертям.*

Кошка, конечно, гуляет сама по себе. Но, ох, *карнавал! Да,* подумала она, золотой карнавал. *Вот так-то лучше. Здесь я, может, найду его.*

Ибо она была очень голодна, и запахи карнавала ей понравились. В конце концов, она была плотоядной, а карнавал весь сделан из мяса. День клонился к серебристым сумеркам, огни карнавала уже освещали небо, а рев его поднимался в воздух, словно сорочьи крики. Кошка резво пробежала в ворота и попала в парк развлечений, где траву уже втоптали в грязь.

— Зайдите посмотреть на окаменевшего карлика! — кричали зазывалы. — Зайдите посмотреть на ружье, которое убило Джесси Джеймса! Взгляните на гуттаперчевую женщину, на девочку с ослиной головой, на железного человека-тайпана!

Измерьте силу своего удара, прокатитесь на чертовом колесе, вот мотодром, а вот комната смеха. Все это было для нее так ново, и все же в воздухе разносилось знакомое ей, почтенное чувство: жадность. Карнавал — это карнавал, он оставался неизменным с тех времен, как появились похоть и праздники. Картошка фри, колбасные огрызки, крошки коричного пирога падали на землю, но она к ним и не притрагивалась. Вместо этого кошка прогуливалась по парку развлечений, мимо клоуна Бозо и электромобилей, мимо рулеток и кольцебросов, она

выискивала мужчину, любого мужчину, который был бы молод, силен и не уродлив. Как только она соблазнит его и получит, что ей нужно, она прогонит его прочь. Таков был священный обряд, и ей необходимо было его исполнить. Несколько раз в предыдущих жизнях она была неверна себе, вышла замуж и оказалась в распоряжении человека, который пытался ею управлять. Она поклялась себе, что такого больше не повторится. Восемь из ее жизней прошли. Осталась лишь одна, и в этот раз она уж точно не сделает ничего, о чем смогла бы пожалеть.

Во время охоты ей оказалось сложно разобраться в людях, которые толпились на карнавале. И мужчины, и женщины носили брюки, хлопковые рубахи и бесформенные матерчатые ботинки. И кожаные пиджаки. Волосы их были либо короткими и торчали в разные стороны, либо вились длинными локонами. Она была сбита с толку и злилась. Да, в некоторых можно было опознать мужчин, и некоторые мужчины были молоды, но все они ходили обезьяньей походкой, и пахло от них чем-то странным, какой-то химией. Такой запах вовсе ее не привлекал.

— Эй, котенок! Хочешь, я угадаю твой возраст, твой вес и дату рождения?

Кошка вздрогнула и припала к земле. Хотя слова этого языка, на котором говорили в новом мире, для нее не значили ровным счетом ничего, обычно она понимала мысли, что стояли за ними, и на секунду ей показалось почему-то, что возглас прорицателя был обращен к ней. Сузив глаз и приготовившись бежать, она уставилась на него.

— Да, мамаша! Мои поздравления. — Он стоял лицом к пухлощекой женщине с большим животом. — Что прикажете мне угадать? Имя? Возраст? Дату свадьбы? Да? Хорошо. Пятьдесят центов, пожалуйста. Если я ошибусь, то вы получите одну из этих прекрасных фарфоровых кукол.

Он все-таки говорил не с кошкой. Да и с какой бы стати? — мысленно осадила она себя. Он обращался со своим предложением к десяткам прохожих, и многие останавливались. Может, потому, что в его голосе была какая-то ироническая поэзия, а возможно, потому, что он был молод и не уродлив. Стройный, одетый в джинсы и сапоги, он казался высоким, хотя на самом деле был среднего роста. Перед кабинкой, которая отмечала его место в парке, он стоял, точно бард во внутреннем дворе замка. В нем было что-то такое, что вызывало у нее желание взглянуть ему в глаза, но она не могла: на нем были темные очки.

Его лицо было спокойным и невыразительным, но чувствовалось, что ему есть что предложить, помимо мускулов и мужественности.

Не то чтобы ей было нужно что-то еще… Было достаточно того, что он молод и не уродлив. Он вполне сгодится.

Она продолжила путь, ища укромного места. Чтобы обратиться, ей потребуется не больше минуты.

Через несколько шагов ее вибрисс коснулся знакомый мускусный запах: похоть. Тонкая губа обнажила крошечные острые зубки, и она скользнула под полог шатра. Она пришла в заведение «Богини в бикини: представления у Хинкльмана».

Сгодится.

Внутри все заполняла жара, москиты, тусклый свет и запах потеющих мужчин. Здесь их столпилось около сорока. Они наблюдали, как на крохотной сцене работает стриптизерша. Золотая посетительница вскочила на спинку стула и тоже стала смотреть. Никто ее не заметил. Она села, обернув длинный хвост вокруг стройных ног, и его кончик, покрытый нежным мехом, подрагивал от презрения к тому, что она видела.

Тупая деревенская корова. Она пользуется те-

лом, словно дубинкой. Не знает, как ходить, как двигаться, как дразнить. Груди у нее размером с арбуз, а больше похвастаться и нечем.

Мысли зрителей гудели в воздухе громче, чем москиты. Поэтому кошка быстро узнала, что стриптизерша должна была не просто слегка возбудить мужчин, которых здесь звали клиентами. Она знала, что репертуар этой девушки ограничен вследствие скудных талантов и что она собиралась вылезти из стрингов, чтобы достичь максимального эффекта. Она знала, что некоторые из клиентов подумывали о том, что неплохо бы и зрителям участвовать в представлении. Она знала, что позади шатра находится трейлер, и, если у вас было пятьдесят долларов, вы могли уединиться там для приватной встречи со стриптизершей.

Мужчины взревели. Девушка демонстрировала свои гениталии. Соскочив со своего сиденья, кошка метнулась за сцену, вся пылая от презрения и гнева.

И вот что теперь называют женщиной? Им что, никто не мог показать, как это делается?

За сценой были еще две полуобнаженные стриптизерши. Они обрызгивали друг друга спреем от насекомых. Мистер Хинкльман, владелец,

тоже находился там: сидел, откинувшись, в кресле меж горячих и шершавых стен. Он потягивал джин и явно скучал. Немного в стороне стояла кабинка с подобием занавески. Она предназначалась для переодевания, и женщины, которым и так предстояло раздеваться перед зрителями, пользовались ею редко. Золотая кошка вошла внутрь, и через мгновение наружу вышла золотая женщина.

— Карамба!

Мистер Хинкльман многое повидал за двадцать три года работы на карнавалах, и все же ножки его кресла стукнули о землю, и он вскочил, выпрямившись:

— Хо-хо! Откуда ты, милашка?

Она ответила ему слабой улыбкой. В прежние времена в ней было больше от человека, и тогда она могла говорить. Но эта способность была утрачена тысячу лет и четыре жизни назад. И она не сожалела о потере. С каждым воплощением людей, с которыми ей хотелось бы поговорить, становилось все меньше. Разговоры значили мало, а вот мысли говорили ей правду.

— Как тебя зовут?

Она одарила его таким взглядом, что он вмиг — и безо всякой горечи! — вспомнил о маминых

уроках вежливости, которые, казалось, давным-давно позабыл. Он встал, чтобы поприветствовать свою нагую посетительницу.

— Здравствуйте, мэм, и добро пожаловать в… ну, как бы там ни называлась эта дыра. Меня зовут Фред Хинкльман. — Его рука зависла в воздухе, а затем скользнула к голове, словно он снимал невидимую шляпу. — Чем могу быть полезен? Вы хотите поучаствовать в моем представлении?

— Да у нее сиськи крошечные, — вставила презрительно одна из стриптизерш. Девушка со сцены вернулась за кулисы, и все три Богини Хинкльмана сбились в кучку, точно лоси, заслышавшие запах пантеры.

— Знаю, почему она вся так сверкает, — пожаловалась темненькая, которая выдавала себя за индианку. — Просто морковку ест, вот и все. Так каждая может. Ешь морковку, пока из задницы не полезет.

Фред Хинкльман, казалось, вовсе ее не слышал. Его взгляд был прикован к новенькой.

— Знаете что, — сказал он ей. — Идите на сцену и покажите, что у вас там. А я прямо сейчас объявлю ваш выход. Как вас представить?

Ее улыбающийся рот раскрылся в беззвучном мяуканье.

— Кошка? Хорошо. Вам подходит. — Он вышел, и мгновение спустя можно было услышать, как он обещает клиентам «самый горяченький талант в сфере развлечений для взрослых. Изящную и грациозную мисс Кошку, м-м-м, мисс Кошку Язычницу!»

— Еще одна киска, — пробормотала какая-то из стриптизерш.

Она взошла на сцену. Вопреки смыслу слова «стриптизерша», было вовсе не обязательно надевать на себя что-то перед выступлением. Кошка была нага, но пресыщенные клиенты посходили с ума и запрыгнули на свои сиденья не поэтому. Дело было в том, как она носила свою наготу.

Она не делала резких движений, не терлась о шест, не светила своим телом. Она просто проходила, останавливалась в грациозных позах, намекала на возможности и завладела сценой так же, как когда-то обладала целым миром. Достоинство облачило ее в золотые одежды. Ни один клиент и не подумывал притронуться к ней. Все знали, что на свидание с ней у них не хватит никаких денег.

Глядя на них сверху вниз, она знала, что любой из них может принадлежать ей — и многие были молоды и хорошо сложены, у многих было куда

больше мускулов, чем у мужчины в темных очках из парка. Но нет. Ей был нужен он. Дело было в том, как он стоял. В нем тоже было достоинство.

Когда она решила, что клиенты уже увидели достаточно, она прошла за кулисы и взяла себе платье: красное, без лямок и с юбкой-клеш. Она прихватила немного кружев, чтобы набросить на плечи, и большую нарядную шляпу. Прочие девушки из шоу «Богини в бикини: представления у Хинкльмана» молча смотрели на нее, не пытаясь остановить. Теперь, когда она показала, на что способна, она была одной из них. За сценой она с удивлением почувствовала их стоическое принятие. Она ожидала, что вызовет недовольство, а может, и ненависть. Но эти женщины все были из карнавала. Они завтракали с глотателями змей и шпаг, они мылись в бочках, ночевали в грязи, и каждый день от них ожидали чудес, ждали, что они сотворят роскошь из праха. Что им была еще одна чудачка, еще одно странное происшествие? Если незнакомке захотелось появиться ниоткуда, ну и ладно. Они и не такое видали.

— Кошечка-душечка, да ты просто ходячая реклама, — заметил Хинкльман, увидев ее. — Иди в парк, повеселись.

Стриптизерша с арбузами вместо грудей пошла

вместе с ней. Девушке хотелось, чтобы их видели вместе, догадалась Кошка. Мысли другой женщины она замечала, не обращая на них особого внимания, как замечают носящуюся в воздухе мошкару. Арбузики хотела извлечь из сложившейся ситуации максимум возможного. Не такая уж она и дурочка.

— Обошла пару раз вокруг карусели, милочка? — прощебетала Арбузики.

То есть была ли она замужем. Проигнорировав вопрос, Кошка направилась прямо к будке Предсказателя. Теперь, когда она была в своем человеческом обличье, она должна была убедиться, что мужчина ее заметил. По опыту она знала, что больше ничего и не понадобится. Она просто слегка улыбнется, посмотрит ему в глаза, и потом, когда уйдет, он последует за ней, словно она поведет его на невидимой золотой цепи.

Вокруг его кабинки собралась толпа. Прорицатель пользовался успехом. Когда его спрашивали об обычных вещах вроде возраста или веса, он часто ошибался. Но если вопросы были посложнее, например, о семейном положении, количестве детей или внуков, домашнем адресе, или где находилась первая школа клиента, или ясли, или тюрьма, он почти всегда отвечал правильно, и

в этом было что-то сверхъестественное. А еще в нем было какое-то тихое обаяние. Люди стояли и завороженно слушали его, и вновь и вновь приносили ему свои деньги.

Чуть поодаль от толпы Кошка ждала своей очереди, едва сдерживая терпение. Она была не так уж далеко; он просто должен был ее увидеть… Желая насладиться его реакцией, она на ощупь нашла его разум. На самом деле он ждал ее. И да, он осознавал ее присутствие в своих мыслях, но это не было похоже на настороженность, которую она раньше чувствовала в людях. Он осознавал, что она здесь, но не испытывал похоти. Несмотря на ее гибкую босоногую красоту в алом платье, ее присутствие никак не влияло на него. Вообще никак.

— Кто следующий? — Он взял деньги клиента и отдал их мальчику в кабинке. Симпатичный паренек. Его сын, поняла Кошка, прикоснувшись на мгновение к его разуму. Мать давно умерла, но по ней все еще сильно скучали. Он сам воспитывал ребенка.

Мальчик вернул клиенту сдачу. Отец наугад назвал возраст и вес клиента, оба раза неправильно, и с улыбкой протянул ему дешевый керамический приз. Улыбка была теплая и необычная, в

ней сквозило веселое недоумение: «прекрасные фарфоровые куклы» были такими никчемными, что он зарабатывал, даже отдавая их бесплатно. Но еще в улыбке была сердечность: ему нравилось радовать людей. Кошка внезапно поняла, что ей ужасно нравится эта улыбка.

— Кто следующий?

— Мы здесь, Олли, — сказала Арбузики, толкая Кошку вперед. — Привет, Олли, познакомься: это Кошка.

— Я знаю. Мы уже виделись. — Он повернулся к ней лицом. У него была чудесная улыбка, но темные очки он так и не снял, несмотря на то что настала ночь. Она не видела его глаз. — Привет, Кошка, — сказал он. — Добро пожаловать.

— Наверно, она хочет, чтоб ты угадал ее возраст, — сказала Арбузики. — Не знаю. Она, похоже, совсем не разговаривает. Словно ей кошка язык откусила. — Она расхохоталась над собственной несмешной шуткой, запрокинув голову к небу, колыша грудями. Олли улыбнулся, но смеяться не стал.

— Как-нибудь в другой раз я отгадаю все, что она захочет. Но не сейчас. Не думаю, что тебе сейчас нужно именно это, не так ли, Кошка? — он говорил мягким дружелюбным тоном. И совсем

не заигрывал с ней.

В замешательстве она подумала: *Я хочу, чтобы ты снял эти преграды со своих глаз. Я хочу посмотреть в твои глаза и заставить тебя пойти за мной. Я хочу познать тебя плотью, хочу узнать, что ты такое.*

Нет, ответила его мысль на ее мысль. *Нет, прости, я не могу сделать ничего из этого. Даже для вас, миледи Кошка.*

* * *

Вернувшись часом позже в палатку стриптизерш, она поняла, что все еще дрожит. Этот человек заставил ее почувствовать себя обнаженной, незащищенной, беззащитной гораздо больше, чем если бы на ней просто не было одежды. Кем бы, чем бы он ни был, он мог прикасаться к ее разуму. Возможно, он даже мог сказать, кто она. Или кем была раньше.

Отчасти она чувствовала злость, унижение, досаду. Она хотела его, как не хотела ни одного мужчину до него, и он не отозвался так, как должен был. Он отказал жаждущей богине плодородия, а это не шутки.

А еще она очень испугалась. Боги старых религий в новых всегда становятся бесами. Однажды

за ее трижды три жизни Кошку вывели на чистую воду и приговорили к сожжению, пока она еще была в своем зверином обличье. Она хорошо помнила даже не столько ужасную боль, сколько беспомощность ее хитрого тела, скованного ремнями из сырой кожи, и прыжки алчного огня, вонь собственной горящей кожи, горящей шерсти. Снова испытать такую смерть ей совсем не хотелось.

Проплывая по сцене и позируя на следующем стриптиз-шоу, она выцепила из толпы широкоплечего привлекательного юнца и призвала его взглядом. По ее беззвучному приказу он ждал ее в задней части шатра после представления. Он сам не вполне верил своему счастью, и рот его двигался неуверенно, как у младенца. Она провела его во тьму за пределы карнавала, и он сделал, что она хотела, все, чего ей хотелось, и был очень, очень хорош. А потом она прогнала его взмахом когтистых рук. Зачем наказывать его еще? Она знала, что через несколько дней мысли о ней сведут его с ума.

Она должна быть довольна. Раньше ей всегда было достаточно простого и священного акта похоти. Но все же чего-то ей не хватало. Из места, где кто-то понял ее истинную сущность, нужно

было сразу нестись на четырех не связанных лапах. Но все же, к своему удивлению, она этого не сделала.

Нелегкая забери этого Олли. Он опозорил меня и напугал, но все равно меня не одолел. Посмотрим, будет ли он презирать меня в итоге.

Хотя «презирать» — это слишком сильно сказано, наверное: когда она вернулась на карнавал в одиночестве, то обнаружила, что он ждет ее у трейлера Хинкльмана.

— Я просто хочу попросить прощения, если обидел тебя, Кошка, — сказал он вслух. — Я не хотел.

Слова ничего для нее не значили. Но мысль, что таилась за словами, была прозрачной, словно слеза: *Я не хотел вызывать твой гнев, и мне не нужны враги. Я просто хочу, чтобы меня оставили наедине с моим сыном и моей скорбью.*

Это чувство возмутило ее. Она оскалила зубы и едва не зашипела, прошла мимо него в трейлер, где девочки уже освободили для нее койку. Через несколько минут вошел сам Хинкльман. Он хотел воспользоваться негласным правом хозяина шоу и разделить с ней ложе, но она ударила его, оставив четыре длинных алых царапины на лице. А затем она с отвращением слушала, как он утешается с индианкой. Этот стареющий козел

с пивным брюшком и смрадным дыханием… Отвратительный. Почему он так распален, в то время как единственный мужчина, который привлекает ее, этот Олли, так равнодушен?

Мужчины. Пропади они все пропадом. Так Олли хочет, чтобы его оставили в покое? Ну что ж, как-нибудь переживу.

И все же на следующий день, когда огни карнавала зажглись на закате, она сначала подошла к цветочному ларьку и взяла цветок; пожилая итальянка отдала его с улыбкой. Обитатели карнавала делились друг с другом, чем могли. Этот цветок был похож на женскую юбочку: весь гофрированный, в оборочках и складках. Казалось, раньше он был белым, а потом его окунули в краску, которая разлилась от кончиков лепестков по его венам в центр, и теперь он алел, словно кровь. Очень красивый. Кошка воткнула его в золотые волосы, а потом снова прошла по парку в своем красном платье и вышла к кабинке, к его кабинке, и встала там, глядя на него. Она снова пришла к нему, говорила себе Кошка, из любопытства. И она знала, что отчасти это была правда.

— *Привет, Кошка,* — поздоровался он с ней, не говоря ни слова и не смотря в ее сторону.

— *Привет.*

— Ты — единственная, с кем я могу говорить так.

— Ты — единственный, с кем я вообще могу говорить.

Наступила пауза. Потом он подумал очень, очень мягко:

— Да, да, понимаю. Мне не приходило в голову, но ведь правда одиночества может быть слишком много.

— Да нет, не сказала бы. Мне нравится бывать одной.

— И все же… Если ты захочешь поболтать, мне будет приятно поговорить с тобой.

Так, пожалуй, можно разузнать, сколько он на самом деле о ней знает. А что касается того другого, чего она хотела от него… она все еще изнывала от желания, но все же не чувствовала в нем никакого отклика. Но даже сама ледяная преисподняя не заставила бы ее попросить снова. Цветок в волосах был и так достаточно красноречив. И этот призыв в ее взгляде…

Она разговаривала с ним при помощи разума так же небрежно, как если бы вела придворные беседы с вассалами. Так ты понимаешь мысли. Когда люди приходят к тебе и задают вопросы, ты всегда можешь найти ответы в их сознании?

Да. И еще многое из того, что они не хотели бы открывать. Иногда что-то очень прекрасное, иногда что-то очень уродливое. В его тоне ей слышалась тоска поэта. Из того, что он видел в людях, он хотел создать песню или сагу, нечто настолько великое, чтобы в нем содержалось все, что он услышал и узнал. Но ей не хотелось оказаться в его песне.

Она не могла спросить его, сколько ему известно о ней. Да и почему бы ему говорить ей правду? Он постоянно лгал.

— Получается, что какой бы тебе ни задали впрос, ты можешь ответить правильно? Каждый раз?

— Да.

— Зачем же ты так часто даешь неверные ответы?

— Чтобы они были довольны. Людям нравится побеждать. Я позволяю им выиграть, и тогда они приходят снова. Понимаешь? И снова пытаются.

Она развернулась и пошла прочь. За спиной она слышала его голос. Он зазывал клиентов: «Я могу угадать ваш возраст, ваш вес, вашу профессию! Испытайте мое умение, дамы и господа! Задайте мне любой вопрос. Посмотрим, смогу ли я ответить».

Кошка отошла на безопасное расстояние и лишь затем разрешила себе подумать: *Он делает так, чтобы они приходили снова. Он делает так, чтобы я приходила снова.*

А потом она подумала: *Если я выиграю, может, это просто он позволит мне выиграть?*

И еще она подумала: *Кто он такой? Что он такое?*

Однако страх несколько ослабел. Если она, прикоснувшись к его разуму, не узнала, кем он был, то вряд ли ему о ней ведомо больше.

Той ночью она снова возлегла с клиентом, но обнаружила, что ей противен и он сам, и то, что она с ним делала.

— Почему они тебе не платят? — рассерженно объявила ей Арбузики после того, как мужчина ушел. — Это же просто глупо. И нам ты жизнь не облегчаешь.

Она гневно уставилась на стриптизершу, но если бы она и правда исполняла священный акт за плату, то все равно не смогла бы ненавидеть себя больше. Ее не утешала даже мысль о том, что мужчина поплатится за свою дерзость рассудком.

На следующее утро она пришла к Олли в трейлер, где с ним жил его сын. Часами она сидела

у них на кухне и молчаливо беседовала с Олли. А еще она приготовила им обоим на завтрак свежепойманную форель. Обычно завтраками занимался мальчик. Он же помогал отцу по вечерам в кабинке, разменивая клиентам купюры. Причина была проста: Прорицатель не мог делать это самостоятельно.

Олли был слепым.

— Слепым? Но… я не знала!

— Мало кто знает. Не рассказывай никому, ладно?

Его улыбка сказала ей, что это была шутка: он знал, что она не сможет никому рассказать. И все же вопрос был нешуточный. Предполагалось, что прорицатель видит подсказки, догадывается, но не знает. Иначе дар его был бы слишком пугающим. Если бы клиенты знали правду, Олли лишился бы работы.

Конечно.

Кошка чувствовала себя глупой — но на душе у нее было удивительно легко. Так, выходит, он ни разу не видел ее в красном платье, не знал, каким золотистым светом сияют ее волосы в огнях карнавала, он не видел, как качалась у ее виска гвоздика, не мог разглядеть, как она была прекрасна. И все же ему было жаль огорчать

ее. И все же он поприветствовал ее, как только почувствовал, что она прошла мимо.

— Твои глаза… как это случилось?

— Несчастный случай.

Та же огненная трагедия, что убила его жену. После нее он продал свой дом, бросил работу и отправился путешествовать с карнавалом. Зажил так, как ему нравилось. Позволял людям выигрывать. Дарил им счастье.

Или — прикасался к их разуму, узнавал о них всю правду, а потом лгал им.

Наступила тишина. А потом Кошка спросила мягко: *Можно мне теперь посмотреть в твои глаза?*

Он помедлил, но лишь секунду, а потом поднял руки и снял темные очки. Глаза у него были нестрашные. Она и так знала, что они не могут быть уродливыми. Серые, затуманенные, будто смотрят куда-то вдаль. Глаза прорицателя. И его лицо без этих темных барьеров, мешавших увидеть его целиком… Как она могла подумать, что у него было обычное лицо? Оно было изысканным: высокие скулы, мечтательный изгиб бровей…

— Ты очень красив.

— Ты… они говорят мне, что и ты очень красива, Кошка. Я знаю… это чувство, что остается

у меня от твоего разума… оно кажется мне прекрасным. Что-то горделивое, словно вещь из золота, словно закат.

— Ты знал все. С самого начала.

Молчание. А потом он признал вслух:

— Да. Я знаю.

— Я не понимаю этого странного варварского языка. Я понимаю лишь то, что чувствую в твоем разуме. И сейчас там великая скорбь. Ты знаешь, что я хочу тебя. Но ты все еще влюблен в свою жену.

— Мне кажется… Сейчас я влюблен только в память о моей жене.

— Значит, ты боишься. Ты думаешь, я накажу тебя, как наказывала других.

— Нет, я не боюсь. Опасность — это часть твоей красоты. Все прекрасное исполнено риска.

— Но, когда я пришла призвать тебя, ты не хотел меня.

— Я не знаю… Я упрямый. Наверно, мне не понравилось, как ты планировала взять меня.

— Ты не хотел меня.

— Сейчас я хочу тебя.

Она победила. Но, может, это он позволил ей победить.

Мальчик, закончив оттирать тарелки, улыб-

нулся отцовской приятной улыбкой и вышел побродить по территории карнавала, посмотреть на новый «харлей» мотоциклиста-каскадера, и на то, как большеголовые играют в покер, и поговорить с Бородатой Дамой, и с Грудастым Мужчиной, и с Дикаркой с Борнео, и с Восхитительной Девушкой-Аллигатором.

Кошка дотронулась до дивно изваянного лица Олли. Он потянулся к ней и, позволив ее прикосновениям вести его, поцеловал.

Его тело, как она обнаружила в следующий час, было столь же прекрасно, как и лицо. Оно было пылким и неловким, словно он снова стал мальчиком. Действительно, прошли многие годы с того времени, как он отдавался женщине, и эта верность делала его дар еще более драгоценным. Она обнимала его, она баюкала его голову, она целовала его, она боготворила его неловкость, она чувствовала, как сердце ее раскрывается подобно красному-красному цветку и расцветает любовью к нему.

А позже она испугалась. Она испугалась. Любовь терзала ее страхом. Она поклялась больше никогда не отдавать своего сердца мужчине.

Он сказал мягко:

— Карнавал завтра переезжает.

Да.

— Суть карнавала в том, что он захватывает самых разных людей. Преступников, шлюх, уродцев, чудаков, святош, игроков в кости, все это не важно, мы все — жители карнавала. Наше место здесь. И твое тоже.

Да. Мне это по душе.

— Но при этом мы похожи на диких гусей, мы, карнавальцы. Мы движемся вслед за временами года, все постоянно меняется. Мы привыкли переезжать, покидать людей, а возможно, терять какие-то частички себя. Моя беда в том, что я слишком часто оглядываюсь назад. Мне нужно научиться не делать этого.

Ей уже было безразлично, что он позволил ей победить. Это был его дар. Он предложил ей выбор. Он знал, чем она была. Она знала, что кошка должна гулять сама по себе.

И, возможно, он надеялся, что так она будет приходить снова и снова.

Но она еще не спешила его покидать. Она надела платье, но снова легла к нему на кровать. Умирающий цветок выпал из ее волос. Она переплела свои пальцы с пальцами Олли. Она тихо подумала ему: *Угадай мое имя и возраст?*

— Зачем, Кошка?

— Ты сказал, что когда-нибудь попробуешь угадать.

— Ну, ладно. Раз ты просишь. — Он сделал глубокий вдох. Или, может, вздохнул. — *Тебя зовут Фрейя. Во всяком случае, это одно из твоих имен. Ты была великой богиней плодородия, и в разных странах тебе давали разные имена.*

— Да.

— Твой возраст? Гораздо старше, чем я могу помыслить. Около четырех тысяч лет?

— Да. Хотя большую часть этого времени я спала.

— Урывками, как спят кошки.

Она почувствовала, что он мягко улыбается разумом, и поняла, что он никогда ее не предаст.

— Да.

Она молча полежала, а потом попросила его: *А теперь ты расскажи. Кто ты такой?*

— Кошка, — в его мыслях звучали одновременно горечь и веселье, — *я должен отдать тебе приз, маленькую фарфоровую куколку. Это — единственный вопрос, на который у меня нет ответа.*

Ну конечно. Иначе она нашла бы этот ответ в его разуме. *Ты не знаешь?*

— Миледи… Я чувствую, что мне снился сон, ко-

торый я позабыл. Я пытаюсь найти слова песни, но они исчезли. Я правда не знаю.

Она лежала, положив голову ему на плечо и нежно поглаживая его щеку, висок и шею. Находясь в ее власти и в ее объятиях, он поддался прикосновениям и заснул, как ей и хотелось. И тогда она мягко отстранилась и обратилась кошкой. Ее платье лежало на кровати. Она, золотая кошка, стояла у подушки своего любовника.

Есть какая-то магия в мягком подергивающемся пушистом кончике кошачьего хвоста. Деревенские жители знают это и порой отрезают кошкам хвосты, чтобы использовать в своих заклинаниях. Но это кощунство. Мир, в котором больше не помнят о священных обычаях золотой богини, опасен для кошки.

Фрейя свернула кончик хвоста так, что он напоминал тяжелый и зрелый колос пшеницы. Ее символ. Она мягко провела им по глазам спящего мужчины.

Олли, мой милый вероломный любовник, когда ты проснешься, то снова сможешь видеть. Пусть мне не будет места в твоей песне, не надо вспоминать обо мне. И не надо больше тебе висеть на древе печали, о прекрасный мой. Будь счастлив.

Невдалеке, с карусели, раздался звук каллиопы.

Кошка спрыгнула на пол и мягко приземлилась на подушечки лап.

Еще не поздно остаться. Буду ли я сожалеть, что покидаю его?

Но, может, не бывает жизни без сожалений. И странный новый мир ожидал ее странствий. Она протиснулась сквозь неплотные занавески на кухонном окне, тихо ступила на землю и заспешила прочь.

Этот мужчина, осененный ее благословением, проживет долгую жизнь. И — вот странно — теперь она наконец почувствовала, что довольна.

Она скользнула в серебряные сумерки, эта золотая тень, быстрая, словно мысль. Но, уходя, она ощущала, как за ее спиной в воздухе дрожит песня карнавала: шальная и пронзительная сорочья песня. *Нам наплевать, что думает мир,* пели разумы уродов, зазывал и продавцов. *Мы стары, мы давно уже странствуем по миру, точно цыгане. Приходите посмотреть на щепку от Истинного Креста! Приходите посмотреть на маринованные мозги инеистого великана Имира! Приходите посмотреть на мизинец Наполеона! Приходите посмотреть на засушенный цветок из Эдемского сада, с самого Древа Жизни.*

Прожив в Пенсильвании сорок шесть лет и попробовав себя в жанрах фэнтези, ужасов и детектива (она опубликовала пятьдесят романов для детей, взрослых и подростков), Нэнси Спрингер переехала в штат Флорида, где теперь наслаждается красотой нетронутой природы. Там она закончила детективный роман «Случай с цыганским прощанием» («The Case of the Gypsy Good-bye»), шестой по счету том ее серии о младшей сестре Шерлока Холмса. Два ее предыдущих детективных романа получили премию Эдгара Аллана По.

Нэнси Спрингер рассказывает о своих отношениях с кошками:

«В детстве у меня не было кошки, потому что мой отец их не любил, а когда я выросла, у меня не было кошки, потому что у мужа была на них аллергия. Глаза у него распухали до размера мячиков для гольфа. Когда я написала „Воплощенную“, у меня тоже не было кошек, но, возможно, тут вмешалась интуиция или предвидение, потому что, стоило мне избавиться от мужа с мячиками, я обзавелась сразу пятью кошками, и одной из первых стала девочка по имени Демоническая

Амазонка, Принцесса-Воительница с Дальних Окраин Мрачнейшей Преисподней. Она все еще со мной и все еще властвует. Я умею распознавать богинь».

И Старым Фоссом все зовут его кота
Дэвид Сэнднер

Друзей полно в кругах мирских и клерикальных,
И Старым Фоссом все зовут его кота.
Собою шар он образует идеальный,
И в шляпе ходит — что за красота!

«Как приятно знать мистера Лира» — Эдвард Лир

Старый Фосс наблюдал, как Старик, стоя под дождем, босиком и в ночной сорочке, что-то декламирует; ну что ж, по крайней мере, ливень разогнал мальчишек, что кидались камнями и грязью. У Старика вся спина была в черных пятнах, а на лбу красовался шрам. Сам он, правда, этого не замечал. Но ночь надвигалась на город, она росла из теней, что тянулись по ветхим крышам с красной черепицей, и тьма разливалась,

словно чернильное пятно по столу. И Старый Фосс помнил: есть вещи пострашнее дождя и мальчишек с камнями. Вскоре из воды появятся джамбли, и они увезут Старика в море в решете. И, естественно, все, кто отправляются в море в решете, не возвращаются никогда. Они тонут и идут на дно.

Дождь плакал на стекло, а Старый Фосс безразлично смотрел в окно. Старик бегал туда-сюда по мощеной улице, его белая сорочка вся вымокла и облепила несуразное тело, раздавшееся брюшко и тонкие бледные ноги. С его грязной бороды текло ручьем, и целые потоки низвергались на землю, стоило ему потрясти головой и прореветь: «Где моя Дева джамблей?» Старик стучал во все двери, к которым подходил, но никто ему не отвечал: все они хорошо знали этого пожилого англичанина.

Поначалу, когда эти концерты только начинались, местные лишь качали головами, а затем спорили с ним на ломаном английском или слишком беглом итальянском, особенно если собирался дождь. Они толкали его к вилле, которую он снимал вместе со Старым Фоссом. Но, если на него находило замешательство, он просто смотрел на них, ничего не понимая, или смотрел на их

давно захлопнутые двери с невероятно странным выражением неутоленного желания. А потом он уходил и снова стучался не в ту дверь. Ибо никто, кроме него и Старого Фосса, джамблей не видел. Никто не знал, что он проводит время со своей Девой джамблей, кроме Старого Фосса и его самого. Пусть бы все так и оставалось: только Старый Фосс да он сам, потому что Дева джамблей, что бы она там ни обещала, принесет ему лишь смерть. Почему же он этого не понимает, рассерженно подумал Старый Фосс, и забил хвостом. Зачем ему вообще любить эту Деву джамблей?

Солнце ослепительно отражалось на песке и прорывалось на синей воде бликами и перекатывающимися пятнами света, словно хрусталь разбился о черепицу, словно искры от ревущего костра, что взлетают и кружатся в воздухе. Все это не было похоже ни на что из того, что Старик мог ухватить на своем холсте.

— Это ни на что не похоже, Старый Фосс, почему поэты никогда так не говорят? Это не похоже ни на что из того, что мы можем увидеть и сказать, это больше, чем мы можем узнать, меньше, чем я могу зарифмовать, и больше, чем могу показать.

И тем не менее Старик возил кистями по холсту, пытаясь как-нибудь передать белое мерцание за,

между и перед пятнами синевы. Он качал своим грушевидным телом, втиснутым в слишком тесный коричневый костюм, из которого торчали белые изношенные манжеты рубашки; расстегнутый пиджак открывал вид на жилетку не в тон, на которой не хватало каждой второй пуговицы; он шагал из стороны в сторону, обозревая холст с разных углов. Как уловить этот особый наклон луча, этот момент соприкосновения, когда время пульсирует за порогом смысла до того, как его можно будет передать в словах? Он снял картину с мольберта, который качался в сыпучем песке, и швырнул в море.

— Ну, Старый Фосс, чем мы займемся вместо этого? Чего достойно это мгновение?

Старый Фосс был котом рыжим в черную полоску, упитанным, с широким пушистым хвостом. Он лежал на красном в клеточку одеяле для пикника, изогнувшись так, как людям и в голову бы не пришло: выгнувшись назад так, что едва не лежал на себе же самом, и лишь кончик хвоста подрагивал, когда ветер ерошил мех. Только уши были настороже: он уже целый час лежал неподвижно. И это у него называлось «делать то, чего достойно это мгновение». Когда Старый Фосс внезапно открыл глаза, он сделал это не для того,

чтобы ответить Старику, а чтобы проследить за полетом холста в море. Он разок мяукнул.

— Что такое? — Старик повернулся, чтобы посмотреть, и его округлое тело как-то сдулось, обмякло, рот обвис, раскрывшись в каком-то тупом изумлении. Из ниоткуда — или с самого края мира — плыли джамбли. Они выплывали на его выброшенных холстах, скользя по ослепляющему свету к земле и белым пескам пляжа, напевая матросские песни, слишком громко смеясь, словно заключенные, которых ведут на виселицу, или сновидцы, которых слишком рано разбудили и оторвали от волшебных видений.

Джамбли плыли в решете из сияющего отполированного серебра, и в нем кругом были дыры, дыры, дыры, из которых струями била вода, когда они мчались с попутным ветром; мачтой им служила вешалка, а парусом — выдержанный швейцарский сыр, прошитый красной и золотой нитью.

— К добру это не приведет, — сказал Старый Фосс.

Старик моргнул и, не отводя глаз от джамблей, произнес:

— Почему я понимаю тебя лишь иногда? Порой ты просто кот, но в другое время становишься

голосом, другом. Почему так, Старый Фосс?

— Я всегда твой друг, — сказал Старый Фосс. — Просто иногда ты глохнешь. Не знаю почему.

Джамбли гурьбой высыпали из решета и запрыгали по берегу, пиная песок каблуками, и вот все они оказались перед Стариком и Старым Фоссом. Их зеленые неуклюжие руки торчали под самыми невообразимыми углами, глаза смотрели из самых неожиданных мест: из-под локтей, со спины, и кто был кем, и где было что, и сколько их было, и как они перемещались все вместе — это были вопросы, которые было невозможно задать и на которые было невозможно ответить, поэтому Старик и не пытался. Они были цвета зеленого горошка, но когда улыбались, то окрашивались в легкую синеву. И как раз сейчас они одаривали Старика синими улыбками.

— Пойдешь ли ты с нами в море на сияющем решете? — спрашивали они.

Джамбли маняще заулыбались, показывая наполовину заостренные, ослепительно белые зубы, и зашаркали вместе по берегу, и Старику до боли захотелось тоже стать частью того, что составляли они. Эта синяя нелюдская масса была для него мечтой о сопереживании, о том, чтобы находиться так близко к другим, что, стоит одно-

му из вас заговорить, как другой сразу понимает, что тот имеет в виду. Понимает не что-то другое, но именно это; и каждое слово тогда — наконец! — значит именно то, что значит, а не что-то другое. И нет никакого трагического падения в одиночество, в войну, в голод, во мрак, в смерть.

— Мы увидим такое, чего никогда не видели ни ты, ни подобные тебе. Мы будем продавать безделушки Хранителям сорока ветров в их пещерах, что находятся за пределом вещей, мы будем жить там, где кальянное дерево растет на солнечных островах бесконечного лета, мы поплывем выше звезд, фениксы унесут нас в небо на серебряных канатах, которые они держат в огненных клювах. Мы будем ступать по чернильной тьме, пока не дойдем до ночной реки, и не заснем на ее берегах, и не увидим неведомого. Что скажешь?

Наступило молчание.

— Ты должен ответить.

— Они похожи на то, что должно быть за горизонтом, — сказал Старый Фосс. — Или на стихотворение, которое увидишь во сне, но не сумеешь закончить; они — желание и утрата. Откажись. Откажись, повернись, и беги, и не оглядывайся назад.

— Но почему бы не пойти? — спросил Старик. —

Я хочу пойти. Все мое искусство жаждет этого, все мое сердце, да и ноги, — все хочет пойти с ними.

— Ох, — сказал Старый Фосс. — Но ведь решето утонет и, естественно, ты окажешься в месте, которого не знаешь. Но не ты первый придешь к смерти с визитом, и не ты последний. Встретить ее легко, и поэтому можно спокойно подождать, пока она сама нас найдет, а не отправляться на поиски ее. Мне кажется, там снов не будет.

И Старик повернул голову и посмотрел на Старого Фосса, и тогда, в первый раз, этого оказалось достаточно, чтобы его спасти. Ибо Старый Фосс зевнул и снова превратился в простого кота. А джамбли стали просто ветром, который насыпал песок горкой и бросал его обратно в море, стали шепотом, который не спрашивает, пойдешь ли ты с ними.

Но в следующий раз пришла лишь она, Дева джамблей. Пришла ночью, когда он видел сны, и Старый Фосс не мог его защитить.

Старый Фосс остановился и сморщил нос: ему придется потерпеть дождь. Но он любил Старика, а Старик любил его; Старик нашел его давным-давно, еще маленьким потерянным котенком, и поднял его, и отнес к себе, и накормил. Есть такие долги, размышлял Старый Фосс, которые

не оплатить вовек.

Он спрыгнул на пол и поспешил посмотреть, не осталась ли открытой передняя или задняя дверь, но нет. Все окна были плотно захлопнуты на случай бури. И поэтому придется воспользоваться трудной тропой, проскользнуть в щель между тут и там и на секунду распутать мир, как умеют лишь кошки.

Я уже слишком стар для такого, подумал Старый Фосс, слишком упитан, слишком привычен к комфорту, слишком устал, слишком самолюбив, слишком раздражителен, слишком все на свете.

Наружу из мира и обратно в мир, но с внешней стороны. Нешуточное дело, думал Старый Фосс, даже для кошки. Он бегал по комнате, подпрыгивал и, где находил, пытался ухватить мир за истрепанные нити… и промахивался. Казалось, они сворачиваются вокруг углов, сворачиваются в пустоту. Надо действовать быстрее, думал он. Его взор обезумел от погони, он преследовал потусторонние тени у очага, на стенах, за несуществующими углами. Он носился что было духу по комнате и громко пыхтел, пока не исчез.

И вот он уже был там, словно заполз под ковер, был в темном коридоре; сквозь обтрепанные края проливались лучи света, указывая ему путь.

Он устремлялся вперед, прижав уши, и от усилий мяукал; и вот, наконец, ощутил особо истончившийся участок: дождь. Ну что ж, сойдет. Он прорвался наружу и чуть не угодил со всего размаху в стену, вместо этого он взбежал по ней наверх и остановился, лишь достигнув вершины: крыша из красной черепицы, влажная и скользкая. Он неуклюже заскреб когтями, пытаясь найти опору, нашел, подтянулся и оглянулся вокруг. Глаза его были навыкате, сердце колотилось, дождь холодил шерсть, а изо рта уже вырывался пар. Он потерянно мяукнул от жалости к себе.

Но с этой обзорной точки он увидел, как Старик уменьшается где-то вдали, словно волна после прилива. О нет, подумал Старый Фосс, нет, он направился к морю.

Старый Фосс побежал, грохоча по крышам. Он спешил догнать Старика, который слишком стремительно шагал на встречу только лишь с собственной смертью. Старый Фосс знал, что она с безмолвным терпением ждет его под непрекращающимся потоком воды.

Однажды Старик уже уходил в море на решете со своей Девой джамблей и ее нефритовыми очами в тон кожи, и с ее улыбками, похожими на сладкую синюю боль в сердце. От ее прикосно-

вений к щеке останавливалось сердце, от звуков ее голоса в ушах одна мысль заполняла бесконечность. Они и правда поехали встретиться с шестью десятками противоборствующих ветров, которые дали им вино в обмен на безделушки, принесенные из мира, и дали им сладкого как манна напитка под названием Ринг-Бо-Ри за кольца из свиных носов и незавершенные картины, которые выкинули в море, и за изящную ложку. Они поплыли в подвижную густоту запределья, и их подняли на небо огненные птицы, и они заснули рядом с островами солнца и ночной рекой. И — кто мог знать! — решета тонут медленней, чем обычно предполагаешь. Во всяком случае, иногда. Может, когда ветер дует в нужную сторону и поддерживает их? Или когда движешься так быстро, что не замечаешь, что тонешь.

Старый Фосс пришел за ним тогда и спрятался среди снастей, а может, и под связками с товаром. Он ждал и наблюдал.

И вот однажды, когда воды ночи подступили слишком близко и высоко, и некому было их вычерпать, да и поздно было что-то делать, Старый Фосс прошептал на ухо Старику, пока тот спал:

— Время вернуться домой, ибо вода поднимается. Время пробудиться, сейчас или никогда. Время

спать немного меньше и жить немного больше, старина. — И так он выплатил часть долга, от которого ему было не избавиться никогда.

— Спасибо, — сказал Старик, проснувшись и снова оказавшись в своей кровати. — Ибо воистину я бы утонул.

И все же, у него словно тоже что-то забрали, что-то такое, что никогда не сможет вернуться — то, что значила для него Дева джамблей, — и вот появился новый долг, который не оплатишь вовек.

— Почему ты отвлек меня? — порой спрашивал Старик, когда на него нападало помешательство. — Почему не оставил мирно утонуть, наслаждаться блаженством иных предметов вместе с моей Девой джамблей?

Ибо они пытались удержать его.

— Останься, — говорили ему, несмотря на то, что вода прибывала, потому что протекало решето.

— Пойдем со мной, — сказал он своей Деве джамблей. — Пойдем со мной, стань моей любовью. Мы придумаем, чем занять время, хоть дела и будут иные… Мы будем рисовать незаконченные картины на берегу и держаться за руки под дождем. Я буду писать тебе стихи, а ты будешь рассказывать мне несмешные шутки. Будет не

так, как сейчас, но все-таки что-то будет.

И она согласилась пойти с ним, встретиться с ним поутру, на берегу всего мира, под солнцем, рядом с ночью, куда птицы небесные приходили, чтобы отнести их домой на серебряных канатах, зажатых в огненных клювах, на плоту, сделанном из листьев дерева Твангум; они со Старым Фоссом ждали, что она придет из решета, когда оно будет погружаться на дно реки ночи. Но она так и не появилась.

Казалось, что он, ступив из решета на берег, а оттуда на плот, куда-то не туда ее поместил; когда он обернулся, чтобы протянуть ей руку и помочь выйти на берег, она исчезла.

И больше не появлялась. И джамбли исчезли из решета с первым утренним светом, будто туман отступил в море, но оставили после себя боль, словно ты вспомнил свои юные и глупые мысли о том, каков будет для тебя мир.

— Пойдем, Старик, — сказал Старый Фосс. — Решето быстро тонет.

— Увижу ли я ее снова?

На такие вопросы ответа не было, и Старый Фосс ничего не ответил. Но Старик спросил снова, и спрашивал столько раз за эти годы, что Старый Фосс не выдержал и сказал:

— Прости, Старик.
— О, я знаю, все хорошо, Старый Фосс.
Но все не было хорошо.

Старый Фосс прыгал с крыши на крышу, точно юный кот, которому нечего терять, а не старый толстый котище, который поставил на кон все, что у него было. Дождь сначала его удручал, потом расстраивал, а потом привел его в ироническое расположение духа, в какое-то горестное ликование. Он пел: «Сколько же жизней, сколько же жизней осталось прожить коту? Не меньше одной, не меньше одной, и одна, как закончишь ту!» Он прыгнул через узкую улицу и зацепился когтями за крышу на другой стороне. Когда он добрался до окраины города, он быстро, шумно и неловко взобрался по водосточной трубе, через которую с шумом неслась вода, протекая в щели. Спрыгнув с нее, он неудачно приземлился, но быстро огляделся, непонятно зачем вылизал плечо под дождем и зашагал как можно величавей к берегу. Его рыже-черный мех потускнел и прилип к его выдающемуся телу — в тех местах, то есть, где не торчал смешными клочками.

А потом он увидел Старика. Тот свернулся клубочком на холме на полдороге к пляжу — белое размытое пятно на фоне серой падающей воды;

Старый Фосс побежал к нему.

Старый Фосс зашептал ему в ухо:

— Ну, Старик. Пора пойти домой, вода течет быстро, а твоя сорочка тонка.

— Она пришла ко мне во сне, — внезапно прокричал Старик, широко и дико раскрыв глаза. — Она пришла ко мне во сне! Они снова пришли в решете, чтобы забрать меня в море.

— Это, должно быть, в последний раз, — отозвался Старый Фосс. — Подожди немного, и мы найдем, как провести время. Будем рисовать неоконченные картины на берегу, или ты можешь погладить меня у камина, когда будет идти дождь, или…

Он не знал, что сказать. Может ли он поступить так снова, увести его от его Девы джамблей?

Ибо джамбли были у берега, и Дева джамблей была с ними. Дождь утихал, и их стало видно. Она покинула их и шла вверх по холму, этот призрак в зеленом, и голос ее мчался вместе с ветром:

— Иди с нами, иди и останься, и мы поплывем под воды морские, и мы никогда не выйдем оттуда, но мы и не захотим…

Старый Фосс отвернулся, чтобы не смотреть на нее.

Полагаю, тебе лучше уйти, подумал Старый

Фосс, полагаю, ты можешь уйти, а я должен остаться, потому что я просто хотел, чтобы ты был со мной. Старый долг, который мне не оплатить вовек. Он не сказал этого, потому что говорить такое было слишком больно.

Но Старик не повернулся, чтобы посмотреть на свою Деву джамблей.

Она подошла ближе, все еще призывая его:

— Пойдем, пойдем, пойдем в море, в решето, которое тонет под волнами, пока мы не погрузимся на дно, в затерянные под солнцем миры.

Но Старик не повернул головы.

Дева джамблей остановилась:

— Ты не слышишь меня, любимый?

Старый Фосс не решался повернуться и снова посмотреть на нее. Старик не слышал. Он не видел. Старый Фосс не будет выдавать ее присутствия.

Дева джамблей стояла, сотрясаясь, и, видимо, плакала, как предполагал Старый Фосс, а может, это был дождь. Во всяком случае, он пытался себя в этом убедить.

И Старик тоже плакал. Это было понятно, даже несмотря на дождь, потому что Старик бил себя в грудь, рвал на себе редеющие волосы и яростно дергал себя за скудную старую бороду, пока не

вырвал несколько клоков.

— Я хочу умереть, — сказал Старик, и Дева джамблей протянула ему руки в зеленом объятии, с вечной и бесконечной любовью к нему, до смерти, да, до смерти — это уж точно, а может, и дальше.

— Прости, я тогда, давным-давно, совершил ошибку, — сказал Старый Фосс. — В тот раз, у реки ночи, мне надо было позволить тебе утонуть. А может, это ты со мной утонул.

Но Старик не слышал. Или не слушал.

Старый Фосс жалобно замяукал. Он весь вымок.

— Ох, Старый Фосс, — сказал Старик. — Посмотри-ка на себя. О, ты весь промок!

Старый Фосс весь дрожал; он смотрел на него так, как уже смотрел на него однажды давным-давно, когда был потерянным котенком под дождем.

— Ну, Старый Фосс, пойдем домой, — сказал Старик, вставая и притягивая к себе кота. Он направился обратно вверх по холму. — Они все-таки не придут… — Он подавился этими словами. — Их здесь нет.

Старик склонился над Старым Фоссом, и Старый Фосс посмотрел через плечо Старика. Он

увидел, как джамбли гурьбой высыпали на берег и побежали к Деве джамблей, что плакала на холме. Они укрыли ее своей любовью и своими руками, что торчали под разными углами, и сапогами, что пинались во все стороны, и своим зеленоглазым сочувствием. Они благословляли ее синими улыбками.

— Нам жаль, — сказали они Деве джамблей, и, повернувшись, все ушли, или скатились, или зашаркали вниз. — Нам жаль, — говорили они и обнимали ее, пока не скрылись вдали.

— Скоро опять домой, — сказал Старик нежно, но голос его был усталым, как у пьяного, который протрезвел от горя, возвращаясь после еще одной потерянной ночи в городе, как у побитого штормами матроса, которого выбросило на берег и который ковыляет все дальше от моря, пытаясь скрыться от опасности. — Все хорошо, все хорошо, все хорошо, Старый Фосс.

— Прости, — сказал Старый Фосс.

— Ну, ну, — сказал Старик, хотя он и не слышал кота. — Все хорошо. Все правда хорошо.

Но хорошо не было.

Дэвид Сэнднер работает в должности доцента английского языка в Калифорнийском государственном университете, где преподает литературу эпохи романтизма, детскую литературу, поп-литературу и литературное творчество. Его работы появлялись в таких журналах, как *Asimov's Science Fiction, Realms of Fantasy* и *Weird Tales,* а также в сборниках *Clockwork Phoenix, The Mammoth Book of Sorcerers' Tales* и *Baseball Fantastic.* Он редактировал труд *Fantastic Literature: A Critical Reader,* написал работу по романтизму *The Fantastic Sublime* и выступил соредактором сборника *The Treasury of Fantastic.*

Сэнднер говорит о своем рассказе:

«Старый Фосс действительно существовал. Эдвард Лир неоднократно упоминал его в своей викторианской поэзии абсурда, а также рисовал на него карикатуры. Я уверен, что, как и подобает порядочному коту, Старый Фосс воспринимал эти знаки внимания как нечто само собой разумеющееся. Любой, кто читал стихи Лира, знает, что они очень забавны, написаны в том высоком стиле нонсенса, который отсылает нас прямо к писателям вроде Доктора Сьюза, но все же есть

в них какая-то глубокая грусть. Причина этой грусти, кажется, может быть в одиночестве. В своем рассказе я тоже постарался добиться высокого стиля, высвободить абсурд и при этом как-то подойти к теме одиночества автора и его прославленной дружбы с котом. Мне хотелось достичь баланса, подобного тому, какой удался Лиру, — наверное, для того, чтобы лучше понимать его стихи, ведь они всегда брали меня за душу».

Безопасное место
Кэрол Эмшвиллер

Все началось со странного чувства в подошвах ног. Скоро что-то случится. Может, землетрясение. Да, так всегда бывает. Или террористы. Как бы то ни было, что-то грядет.

Почему из всех людей именно я, старушка, получаю это предупреждение, а остальные люди продолжают жить, как жили? Может, у меня есть уникальный талант?

Хотя мой кот тоже это ощущает. Он трясет лапами, словно их тоже покалывает, как и мои ноги. Он смотрит на меня, словно говоря: «Почему ты ничего не делаешь?» — и я отвечаю ему: «Сделаю».

Оно приближается. Я выберусь отсюда, пока все не начали пытаться сбежать одновременно.

Хотя… Может быть, я просто чувствую будущее в общем смысле слова. Всех нас поджидает беда, а в мои-то годы, видимо, до нее и вовсе рукой подать. Я буду так же мертва, как и большая часть человечества. Мама… папа… Достоевский.

Но стоит ли мне рисковать? Стоит ли успоко-

иться и решить, что это покалывание совершенно нормально?

Если бы я тогда знала. А еще: кому бы мне рассказать об этом? Мне бы хотелось быть не одной. Нет-нет, не подумайте, хороший кот — это отличная компания, и порой я правда обсуждаю с ним всякое разное, но и представитель моего вида тоже бы не помешал. Но я не могу вспомнить ни одного человека, который бы мне поверил; никого, кто хотя бы не стал мне мешать, когда я попытаюсь сбежать в поисках безопасного места.

Это дрожание, это вибрирующее покалывание становится все хуже. Оно распространяется от самой земли и по ногам переходит в позвоночник. Сегодня я почувствовала его аж на шестом этаже, в своей квартире. Я побежала в главный коридор. Простояла там двадцать минут. Потом я схватила Нэтти, надела на него ошейник, прицепила поводок и помчалась наружу, пробежала весь квартал и спряталась под деревом. И снова стала ждать. Кот трясся не меньше моего. Значит, я права. Я пробежала еще дальше, но остановилась у какого-то подъезда рядом с парком, чтобы перевести дыхание.

Раньше здесь вечно бродили голуби, а теперь

все куда-то исчезли. Не осталось ни одного! Мы с Нэтти перепугались еще больше.

Должно быть, лицо мое выдавало то, что происходило в душе: кто-то спросил у меня, что случилось. Я сказала, что просто закружилась голова. Не хотела, чтобы другие знали. Надо уйти на безопасное расстояние до того, как другие поймут, что им грозит что то страшное.

Я проверяю, не исчезло ли странное чувство в ногах. Нет, они дрожали пуще прежнего. Интересно, почему остальные не чувствуют этого? Ну что ж, тем лучше для меня: будет больше времени сбежать.

Хорошо бы забраться на какую-нибудь гору. Оттуда на меня ничто не упадет, и вода туда не добежит, но в окрестностях нет даже холмика. Я пойду на запад, хотя не уверена, есть ли еще время. В любом случае, на природе будет лучше, чем в городе. Возьму все деньги и дождевик.

Я иду домой, в последний раз плотно обедаю, упаковываю в рюкзак побольше кошачьего корма (сгодится для нас обоих) и свои витамины. Мы выдвигаемся в путь. Нэтти тоже едет в рюкзаке, сверху. Он не против. Он рад, что я наконец что-то делаю.

Я даю таксисту двадцать долларов и прошу

его отвезти меня на запад, на какое расстояние хватит денег. Он такой милый, проезжает еще дальше. Он не возражает против того, что я притащила в салон кота. Я спрашиваю, не пойдет ли он с нами. Мы бы не отказались от спутника. Особенно от такого приятного человека, да еще и с машиной. Я рассказываю ему, почему сбежала. Я говорю, что нам надо поторопиться, пока дороги не заполонили спешащие люди. Он этого не говорит, но мне кажется, что он мне не верит. Предпочитает вернуться к работе.

Итак, я отправляюсь пешком. Он завез меня довольно далеко в пригород. Не думала, что доберусь так далеко за один день. Я все еще напугана, но все складывается удачно. Я стою неподвижно и снова прислушиваюсь к ощущениям в ногах. Да, сомнений нет: опасность не дремлет, хоть я и пытаюсь напомнить себе, что жить вообще опасно, и особенно в моем возрасте.

Но прямо сейчас мне нужно найти место для ночлега. Не хочу тратить больше денег, чем необходимо. Нужно растянуть их, хотя бы пока не доберусь до Скалистых гор.

Наступает ночь, но я все бреду. Надеялась миновать домишки и склады и добраться до сельскохозяйственных угодий, но нет, не получилось.

Мне хотелось уснуть где-нибудь на природе, в лесу или парке. Но я так вымотана, что не могу продолжать путь и падаю, где остановилась. Поблизости нет ни дерева, ни кустика, только склады; над головой низко летают самолеты. Я настолько устала, что они мне вовсе не мешают, разве что утром я проснулась именно от их гула. Я забеспокоилась, что кот мог испугаться и убежать, но он остался со мной. Я почти все время держу его на поводке, но не привязываю ни к чему. Он не сбежит: слишком старый.

И мы снова отправляемся в путь (разделив по-братски завтрак из кошачьего корма). Почему же никто больше не пытается убежать? Почти все направляются в город, словно ничего не происходит. Может, у меня есть особый талант, который необходимо изучать? Как у животных, которые предсказывают землетрясения? Может, мне надо рассказать об этом ученым до того, как это произойдет, чтобы, когда это наконец случится, я уже все предскажу? Как вообще найти ученого? И ведь нужен еще такой, которому это будет интересно. Вряд ли на моем пути попадется много университетов. Если опасность столь близка, как я чувствую, мне надо поторопиться с поисками.

Я так счастлива нашему быстрому продвиже-

нию, что отвожу нас поужинать в закусочную. Мне — гамбургер, а Нэтти — рыба.

Этой ночью я нахожу отличное место для ночлега: три метра в высоту, метр с небольшим в длину, меньше метра в ширину. Есть даже подобие окна. Я не скажу вам, где мы остановились, хотя не думайте, что я чего-то стыжусь. На самом деле, похоже, я вообще ничего такого не стыжусь, даже если приходится сильно запачкаться.

Теперь мы ушли так далеко, что о цунами можно не беспокоиться. Но теперь мы вошли в область ураганов. Мы с Нэтти пристально изучаем небеса.

Где бы я ни останавливалась, мне хотелось, чтобы рядом было маленькое деревце. Если уж больших не сыскать. С тех пор как я давным-давно приехала в город, у меня не было собственного дерева. А еще мне хотелось бы, чтобы поблизости лежал славный кругленький камень в лишайниках, который нагревается днем и весь вечер остается горячим. Мне бы хотелось где-то развести огонь, и чтобы можно было посидеть на бревне. И чтобы Нэтти было где устроиться на ночь.

Я покупаю в магазине тележку, чтобы возить в

ней всякую всячину, например бутылки с водой. Готовлюсь пересекать среднюю область Америки: там редко где можно остановиться и отдохнуть.

На парковках я прошу людей подвезти меня, но, если мне отказывают, я просто иду пешком. И обычно мне отказывают. Я никого не виню: в конце концов, я сейчас грязная, вся в лохмотьях, а мои мешки и тележка очень громоздки и влезают разве что в грузовик. Если бы я увидела себя ковыляющей по дороге со всем этим скарбом, я бы решила, что рехнулась. И подвозить в машине бы себя не стала. И все же время от времени люди сажают меня в свои авто. Обычно в старый пикап. И обычно поездка длится недолго.

Я уже не помню, сколько прошло дней, но сейчас мир кажется спокойным. Конечно, новостей я не получаю. Может, беда уже случилась, а я о ней не знаю, хотя, думается, об этом говорили бы в закусочных и зонах отдыха. Когда мне на глаза попадаются газеты, я всегда читаю заголовки (но денег своих я на такое не трачу). Да и вообще, если бы буря уже разразилась, мои ноги перестали бы посылать мне свои сигналы. И лапки Нэтти тоже. С другой стороны, после одного несчастья вполне может случиться и другое. Сразу за первым.

Впереди дорога вьется по холму. Ужас какой:

мне надо будет толкать тележку в гору. Но прежде, чем добраться туда, мне нужно пройти город. Я иду мимо одной из этих крошечных сельских больниц. Как удобно: она совсем рядом. Зайду-ка я туда и попрошу их проверить мои ноги. Может, им следует меня осмотреть. Чтобы увидеть знамения. И лапки Нэтти тоже.

Я прячу тележку в кустах неподалеку от входа.

Дама у стола спрашивает меня, не хочу ли я сначала принять душ. Я и так подозревала, что от меня уже изрядно попахивает, но я говорю ей, что все равно опять испачкаюсь.

— Я путешествую, — говорю ей.

— Но разве вам не хочется воспользоваться этой возможностью?

Я не мылась с самого начала путешествия. Так, ополаскивалась на остановках.

Я знаю, на самом деле она имеет в виду, что доктору будет гораздо приятней осматривать меня, если я вымоюсь.

— А как насчет моего кота?

Она разрешает ему пройти в ванную комнату со мной:

— Он ведь на поводке.

И в кабинет врача его тоже пускают.

Какие тут все милые!

— Я хочу заявить о своих ногах. И о лапках моего кота.

Врач не верит, что мои ноги предсказывают несчастья. Прямо он об этом не сообщает, но догадаться можно.

— Ну что ж, — говорит он, — тут повсюду столько несчастий, что только предсказывай и предсказывай.

У него узкие черные усики. Такие усы всегда действуют на меня угнетающе, но на самом деле он довольно милый человек.

— Это что-то очень, очень масштабное. Вроде торнадо, или землетрясения, или огромного грязевого оползня. Все зальет грязью, насколько хватает глаз.

— Где вы живете? Вы вообще едите?

— Да, ем, и рыбы много ем. Знаю, что она полезная.

Не хочу, чтобы он считал меня безграмотной бродяжкой.

— Если пройти немного дальше по дороге, вы увидите приют. Там можно бесплатно поесть.

— А кошачий корм у них есть?

— Вам есть, где жить?

— Но, доктор, это мое дрожание… Оно становится все сильнее. Я думала, вам может быть

интересно. Я думала, вы захотите взглянуть.

— Беспокоиться не о чем. У пожилых часто подергиваются конечности. Это от нервов. Давайте я напишу вам адрес приюта, вам там помогут.

Но я боюсь, что меня там запрут. Мне придется остаться здесь, и, если несчастье случится где-то поблизости, я не смогу сбежать.

Говорю, что сразу же туда и отправлюсь. Но на самом деле я туда не пойду.

— Если подождете немного, я могу вас отвезти.

— Я, пожалуй, лучше пройдусь.

Он не отпускает меня, пока я не показываю, сколько у меня денег. Их у меня осталось порядочно. А еще я показываю ему витамины и масло из печени трески. (Мы с Нэтти вместе его принимаем.) Доктор впечатлен.

Но хоть за прием он много не берет. Хотя он ничего и не сделал, просто сказал мне, что у меня все хорошо.

Да, грядет что-то плохое… То есть большое несчастье… А в мире столько славных людей, вроде этих из больницы. Жаль, что так многим придется умереть. Я пытаюсь сказать им, но они не хотят слушать.

И в бесплатную столовую я не иду, хотя обед пришелся бы кстати. Я уже давно не ела овощей.

Но я волнуюсь: вдруг меня остановят. Знаю, что со стороны это выглядит, мягко говоря, странно: старушка с огромным тюком идет пешком — *пешком!* — через всю страну. Надо бы придумать хороший повод. Может, сказать, что это мой марафон против рака груди? Почему я раньше до этого не додумалась?

К вечеру я все-таки добираюсь до холма. Дорога петляет. Она все еще широкая: четыре полосы. Придется непросто. И еще это опасно. Наверняка часто бывают оползни.

Я с трудом продолжаю идти. Негде остановиться на ночлег. Одни уклоны и косогоры.

Рядом со мной останавливается серебристая спортивная машина. Верх откинут. Это доктор. Да, такая машина хорошо подходит под его усы. Что же он здесь делает?

Он говорит, что ему не нравится мой вид. Уже смеркается. Неужто он так хорошо может меня разглядеть?

Он открыл багажник:

— Ставьте свою тележку внутрь.

Я схожу на придорожные камни. Он не может последовать за мной. Он же в машине.

Но вот он выходит и открывает для меня пассажирскую дверь:

— Я вас отвезу.

Слава Богу, что уже почти стемнело. А в тени булыжников, где притаились мы с Нэтти, и того темнее. Нэтти — котик разговорчивый, но он знает, когда лучше помолчать.

Доктор несколько раз кричит мне: «Я могу помочь!»

Вот уж чего мне не надо, так это помощи.

Наконец он уезжает.

И что теперь? Меня что, будут преследовать? Чтобы схватить сумасшедшую? Стоит ли мне еще о чем-то беспокоиться? И какое им вообще дело?

Буду идти всю ночь. Так безопаснее.

Когда мимо проезжает машина, я прячусь в канаве. С моей тележкой и прочим скарбом это не так уж просто. Но хотя бы машины видно издалека.

Мы доходим до вершины холма. Теперь — и довольно долго, к счастью, — дорога снова будет идти прямо.

Наконец мне приходится остановиться и заснуть прямо здесь, в канаве.

Утром я вижу, что кто-то идет далеко, далеко, далеко впереди меня — я бы сказала, километрах в девяти. Здесь дорога такая ровная, такая прямая, да и деревьев так мало, что видно очень

далеко. До следующего холма, как мне кажется, километров восемнадцать.

Часы идут, и я приближаюсь к незнакомцу. Он не останавливается отдохнуть. И я тоже. А что, если он тоже чувствует что-то странное? Чем нас будет больше, тем безопаснее. Ну, для меня, во всяком случае. Может, если доктор увидит, что я не одна… а особенно, что со мной мужчина… он больше не будет меня беспокоить.

От надежды я вся трясусь. Может, есть кто-то еще, кто знает то, что знаем мы с Нэтти. Он не подумает, что я свихнулась.

И вот наконец он присел. Через полчаса я его догоняю, и затем прохожу мимо него, чтобы как следует разглядеть.

Мы оба немолоды. Оба исхудали от долгой ходьбы. Оба загорели на солнце, у обоих обветрились губы. На нас большие шляпы. Я раздобыла свою, когда стала задумываться о том, как буду пересекать пустыню.

Он таращится на меня, когда я прохожу мимо. Ему так же интересно узнать обо мне, как и мне — о нем. Его тележка гораздо больше и прочнее моей. Даже больше похожа на тачку. Он обвязал себя канатом и другой конец прицепил к тележке, чтобы можно было ее тащить. Не удивлюсь, если

у него нет палатки. А сверху привязана сковородка. Бьюсь об заклад, ему автостопом прокатиться не удалось ни разу. Слишком много вещей.

Для отдыха он нашел приятное местечко. Там течет ручей, и вдоль берегов даже растут несколько чахлых тополей. Не то чтобы они давали много тени… Под дорогой проходит водопроводная труба на случай, когда в ручье есть вода. Вот там, наверное, он справляет малую нужду.

Я разворачиваюсь и иду назад.

На вид он напоминает деревенского жителя… крестьянина, может… хотя сейчас, наверное, я тоже на горожанку не похожа.

Перед тем как присесть (не слишком близко к нему), я гляжу на небо. Там, на дороге, этого неба — хоть завались.

Я говорю:

— Пока что все в порядке.

Он не снисходит до ответа. И так понятно, что пока все хорошо.

Мы сидим, ничего не говоря, но я не знаю, это неловкое молчание или все-таки ловкое.

Единственным, кто задает вопрос, оказывается Нэтти: «Мяу?»

Когда мужчина встает, чтобы продолжить путь, я следую его примеру. Он не просил меня идти с

ним, но от моего общества и не отказывался.

Уже вечер, и то место отлично подходило для ночевки, но он все равно уходит. Может, он пытается от нас отделаться? Некоторые просто не любят кошек.

Он собирается идти всю ночь? Я не решаюсь спросить. Если спрошу, возможно, он скажет мне не идти за ним.

Мы все идем и идем. Ближе к утру он подходит к чахлой рощице. Я стою метрах в тридцати позади него, чтобы не беспокоить. Я падаю прямо у дороги. Можно сказать, в канаву. По крайней мере, тут достаточно уединенно: вдоль дороги растут кусты. Почти как по берегам реки. У меня даже не хватает сил достать нам банку кошачьего корма.

На следующее утро я просыпаюсь поздно. Просыпаюсь от звуков дорожного движения, если только одна машина раз в десять минут может считаться дорожным движением. Мои ноги колет еще больше, чем раньше. Неведомое подбирается ближе.

Я изучаю небо: ни облачка. Деревьев тоже нет, за исключением той купы, где мужчина разбивал лагерь. Теперь он ушел вперед. Прошел уже несколько миль по дороге. Может, ему правда не нравится, что мы преследуем его, но все же уйти

я ему не дам.

Мы с Нэтти едим наш кошачий корм и спешим ему вслед. Мы идем быстрее, чем он, ведь ему приходится тащить такую огромную тележку.

Утро стоит чудесное. Вдоль обочин вовсю цветет хризотамнус. Ярко-желтые цветки. Несмотря на грядущее несчастье, я напеваю себе под нос. Необязательно хандрить только потому, что у тебя покалывает ступни, мир полон уныния и нечто грандиозное и ужасное должно вот-вот произойти.

Довольно скоро мы почти достигаем своей цели: до мужчины остается всего-то несколько метров.

Пока он не сказал ни слова.

Но вот и серебристая докторская машина. Его я не ожидала увидеть. У меня не хватает времени не то что скрыться, а даже подумать об этом.

Старик останавливается, поворачивается и смотрит.

Выглядит это так, словно мы и впрямь вместе, словно старик меня ждет.

Я бегу к нему и хватаю его за руку.

Не успел доктор перегнуться через боковое стекло и сказать хоть слово, я выпаливаю:

— Это марафон в поддержку жертв рака груди.

Забыла сказать вам.

— Но я могу помочь. Вам обоим.

Но в его машину все равно бы не поместились мы оба вместе с нашими пожитками и Нэтти.

— Не нужна нам никакая помощь.

Что приятно, старик разрешает мне держаться за его костлявый локоть. Я не была уверена, что он разрешит, ведь он постоянно уходил без меня, не сказав ни слова.

А затем он все-таки заговорил:

— Она со мной.

Голос у него хриплый, будто он все время молчит… и мне кажется, что так и есть.

— Почему вы не хотите в наш приют? Помыться? Отдохнуть? Да и сколько вам лет-то? Я бы не хотел, чтобы вас прямо тут хватил сердечный приступ.

Мужчина говорит:

— Мы достаточно молоды, чтобы шагать целый день.

Доктор хватает меня за другую руку — за ту, которой я держу тележку. Нэтти сидит на ней, это его обычное место. Он бьет лапой, и у доктора по всей руке тянутся отличные длинные царапины.

Я выпускаю тележку. Так уж вышло. Она с грохотом летит в канаву и переворачивается. Я

бегу к ней, чтобы посмотреть, не поранился ли Нэтти, и старик бежит за мной. А доктор нет. Он смотрит на свои царапины. Что это вообще за врач такой?

Но Нэтти там нет. Я поднимаю тележку: вдруг его придавило внизу. Но потом я вижу, как он мчится по дороге, и поводок волочится за ним. Если бы поблизости было дерево, он бы обязательно на него забрался.

Я должна была догадаться. Кошки такие быстрые. И с ними почти ничего плохого не случается.

Я бросаю тележку в грязи и бегу по дороге за ним. И вот уже машина доктора оказывается прямо рядом со мной.

— Садитесь. Я помогу вам поймать животное.

Животное!

Я снова сбегаю в канаву. А затем и дальше, в кусты.

Доктор сдается и уезжает.

Старик дожидается меня рядом с тележкой.

— Кошки возвращаются, — говорит он.

Мило с его стороны, но моему коту некуда будет вернуться.

Как Нэтти выживет без меня? В таких-то глухих краях.

Это меняет все.

— Вот что мы сделаем, — медленно и спокойно говорит старик своим скрипучим голосом. — Мы пройдем немного дальше и остановимся там, куда, как нам кажется, он убежал. И будем сторожить его, пока кот не отыщется.

Он протягивает мне яблоко. Я уже очень давно не ела яблок, но сейчас мне кусок не лезет в горло. Я откусываю один раз и возвращаю яблоко. Я знаю, что это ценный продукт.

У старика с собой уйма вещей, о наличии которых я и не подозревала. Он достает газовую горелку и заваривает чай. Вот от этого мне и правда легчает. По крайней мере, у меня появляются силы, чтобы пойти искать Нэтти.

Мы идем еще дальше по дороге и зовем его. Тут кругом одна пустыня. Нэтти тут нечего будет пить. Еще я беспокоюсь из-за поводка, который волочится за ним следом. А ястребы!

Время от времени я схожу с дороги и оглядываюсь. Я всматриваюсь в тени. Теперь Нэтти уже стал жителем пустыни и знает, что в тени прохладней.

Если случится несчастье, я хочу встретить его вместе с Нэтти, а если я спасусь, то не хочу бежать без Нэтти.

А может, это и есть то самое бедствие. Во всяком случае, для меня так и есть.

Когда мы устраиваемся на ночь, я ложусь чуть поодаль от старика на случай, если кот его испугается. Открываю банку кошачьих консервов и ставлю ее рядом с собой. Сама я есть не могу. Мне слишком плохо. Еще я оставляю чашку воды. Интересно, каких тварей я могу этим привлечь? Нравится ли гремучим змеям кошачий корм?

Может, Нэтти уже умер. Тут повсюду койоты.

Мы со стариком разбиваем некое подобие лагеря. Просто кладем наши котомки, ставим его горелку, кладем сковородку. Наша стоянка находится в нескольких метрах от дороги, у старой полуразрушенной стены. Может, раньше тут была остановка для дилижансов, где меняли коней. Он не поставил палатку: в ней просто нет нужды. Здесь никогда не идет дождь.

Оказалось, у него есть не только яблоки, но и морковь. Несколько вялая, но все еще вкусная. Но есть я не могу.

Мы слоняемся по окрестностям, выкрикивая: «Кис-кис-кис». Смотрим под каждым кустом. Надеюсь, Нэтти хорошо ловит ящериц: тут их полно. Хотя поводок будет ему мешать.

Доктор приезжает дважды в день. Должно быть,

он живет в городке рядом с больницей. Периодически он останавливается и кричит нам, что просто хочет помочь. Однажды он выкрикнул, что хорошо, что мы по крайней мере спрятались за этой старой стеной. Что он вообще имеет в виду?

Если он действительно хочет помочь, мог бы принести нам бутылки с водой. Долго мы тут не протянем.

Но старик говорит, что он сбегает обратно в город — и он правда хочет именно побежать, — чтобы принести воды. Он возьмет мою тележку, потому что она легче. И тогда мы сможем остаться тут дольше.

После его ухода я провожу утро как обычно: зову Нэтти, высматриваю в тенях мертвого или умирающего кота.

А потом, тем же днем, начинается дождь. Настоящий ливень. Поначалу мне кажется, что это и есть то самое происшествие, но это не так. Я выбегаю под струи воды и зову: «Кис-кис-кис!» Я вся вымокла, но мне наплевать. И лишь позже я вспоминаю, что надо выставить кружки и сковородку этого старика, чтобы собрать воды.

Когда дождь прекращается, внезапно расцветают цветы! Насколько хватает глаз: нет, это не

грязь, это цветы.

Я иду к ним. Запах просто волшебный. Вижу целый рой маленьких бабочек, которые светятся голубым. Никогда не думала, что такие вообще бывают.

Может, я все это время заблуждалась насчет катастрофы? Может, должно случиться что-то прекрасное, а не что-то плохое? Лавина цветов?

Но потом я чувствую резкое покалывание в ногах, словно призванное напомнить мне, что я заблуждаюсь: нет, огромная опасность все еще есть, она просто ждет, когда лучше на нас обрушиться.

Я снова вглядываюсь в небеса.

Но теперь мне все равно. Я ору: «Ну, цунами, иди сюда! Приходите, потоп и огонь, ураган и метеориты!»

Ничего не происходит. Затем я слышу, как возвращается старик. Он насвистывает. Тут такая красота, что невозможно не свистеть. Он замечает меня и машет: «Я купил помидоры и персики!» Будто знает, что именно их я не ела с начала бегства к спасению.

Но я сажусь среди цветов и плачу. Он кладет все за нашу стену и выходит к цветам и бабочкам — осторожно, стараясь не наступить на

растения, — и садится рядом.

Я присматриваюсь к нему… разглядываю хорошенько, не то что раньше.

Он сидит, обняв себя за одно колено. На нем шорты. У него волосатые жилистые ноги, все в шишках, но зато выглядят сильными. Его большая шляпа закрывает часть лица, но я ведь знаю: он уродлив, ему нужно побриться. Зубы у него торчат наружу, подбородка почти нет, а на самой середине носа выросла шишка. Но внезапно он кажется мне красивым. Как Нэтти. Нэтти — не самый привлекательный кот, но я не видела ни одного, который нравился бы мне больше него.

Я говорю спасибо.

Он кивает несколько раз, словно говоря «да, да, да», а затем трясет головой, будто говоря «да это все не важно».

Интересно, как его зовут.

Я уже собираюсь протянуть руку и тронуть его за колено, сказать что-то приятное, но вот опять появляется доктор. Его серебряная машина припаркована как раз напротив нашей стены.

Он идет к нам, топча цветы. Бабочки разлетаются в разные стороны. На руке — там, где Нэтти оцарапал его, — у него повязка.

— Я думал, вы к этому времени уже уйдете. Или

хотя бы позовете кого-нибудь на помощь.

О Боже, у него красный кожаный поводок. Нэтти. Он легонько стучит им себя по бедру, а потом протягивает мне:

— Вот ваш поводок.

Мы искали и искали, звали кота, пока не охрипли, а Нэтти все время был у него. Или, во всяком случае, он знает, где Нэтти. Я так ясно себе это представляю: вот доктор едет по дороге, видит красный поводок и заманивает Нэтти. Или, еще вероятней, поводок зацепился за колючий куст колеогине.

Я хватаю поводок и начинаю лупить им доктора. Он к этому был явно не готов. Он падает спиной в цветы, а я все хлещу его.

Пока перевес на моей стороне, старик стоит и наблюдает, но вот доктор встает, отвешивает мне хорошую пощечину и сбивает с ног, и старик хватает его сзади и удерживает. Он ниже доктора, но по его жилистым рукам понятно, как он силен.

И я думаю: *мой* старик.

Доктор говорит:

— Животное *(опять «животное»!)*... оно... в Уилкервильском питомнике. Если его еще не усыпили. Долго их там не держат.

Я даже не беру с собой бутылку воды. Сразу

принимаюсь бежать обратно к дороге.

Доктор кричит мне:

— Не глупите!

Мы ушли, вероятно, всего на десять — двенадцать километров от города. Долгие, долгие дни я толкала свою тележку, и от этого сильно окрепла. Я все бегу и бегу.

Вскоре ко мне подъезжает машина доктора. Верх, как обычно, откинут, и я сразу вижу, что старик тоже сидит внутри. Он говорит мне залезать в машину. Если он там, то, видимо, все в порядке. Хотя, может, доктор сделает так, чтобы мы оба оказались в питомнике для людей. В машине всего два места. Мне приходится сидеть у старика на коленях; он обнял меня за талию. Как тут мило.

Но потом прямо впереди нас появляется гигантская черная туча. Похожая на огромного, огромного пустынного дьявола. И в ней полно цветов! И звуков. Ну вот, наконец, и катастрофа. На самом деле я даже рада, что это произошло. Я не могу обнять Нэтти, но старик так славно и крепко обнимает меня сам.

Доктор останавливает машину и начинает натягивать крышу, но в последнюю минуту бедствие обходит нас стороной: туча поднимается и затем развеивается дождем из цветов. Цветы

падают на нас, влажные и ароматные.

Мы все запыхались, хотя ничего не делали, просто сидели. Мы смотрим друг на друга… даже доктор. Я смотрю в черные глаза старика. И быстро отворачиваюсь. Я думаю: так вот откуда исходит все его спокойствие. Откуда-то оттуда, изнутри.

И снова мне становится интересно, как его зовут.

Доктор везет нас — слишком быстро даже по меркам пустыни — в город.

В питомнике нам говорят:

— Этот тощий старый рыжий кот? Он был чудной.

— Так где он сейчас?

— Он сбежал. Вот прямо сегодня. Понятия не имеем, как ему удалось.

Я всегда знала, что он смышленей многих, но сейчас мне жаль, что это так. Я сажусь на тротуар.

Старик говорит это вслух:

— Смышленый кот. — А потом: — Он вернется… — Его сиплый медленный голос: — Они всегда возвращаются.

Звучит ободряюще, мне нравится, но все-таки он меня не убеждает.

Старик это замечает и повторяет:

— Он вернется!

Доктор говорит:

— Да Бога ради, это всего лишь кот. Вы отлично проживете и без него.

Да как у него наглости хватает! Конечно же, я без него не проживу.

Я встаю и снова нападаю на него. Пока никто не успел вмешаться, я наношу ему два отличных ударах.

Но он пощечиной сбивает меня с ног.

— Горожане хотят, чтобы вы отправились в приют. Вы всем мешаете, настоящее бельмо на глазу. Посмотрите на себя.

Старик отталкивает его, получает удар в челюсть и падает на спину. Это приводит меня в такую ярость, что я встаю и сражаюсь еще отчаянней. Толку от этого никакого. Я снова оказываюсь на земле рядом с моим мужчиной.

Но вот раздаются ужасный вой и мяуканье, и с крыши приюта появляется оранжевый шар с когтями. Он приземляется доктору на голову. Стоит ужасный шум. Я слышала, что кошки умеют издавать жуткие звуки, но раньше никогда этого не слышала.

Доктор пытается спастись бегством, но как же

убежать от кота, который сидит у вас на голове?

Он уже скрылся с глаз, но мы все еще слышим Нэтти.

Мы со стариком снова смотрим друг на друга, и на этот раз я позволяю себе заглянуть в него глубже.

Он кивает, и я киваю.

Он берет меня за руку. (Какие у нас обоих сильные и мозолистые руки! Точно наждак.)

Мы садимся и ждем, пока вернется Нэтти.

— Ты знаешь, что безопасных мест на земле нет, — говорит он.

— Знаю, — отвечаю я.

— И что не все катастрофы так уж ужасны.

И я говорю:

— Да, знаю.

Вскоре нам навстречу вальяжной походкой выходит Нэтти.

И мы отправляемся навстречу другой жизни, и Нэтти сидит у меня на плече.

— Пора идти дальше.

— Пока мы не найдем какое-нибудь славное зеленое местечко у реки?

— И среди деревьев.

— И холм, чтобы забираться на него?

— И домик.

Интересно, как же его зовут?

Детство Кэрол Эмшвиллер прошло в Мичигане и во Франции, а теперь она делит свое время между Нью-Йорком и Калифорнией. Она является лауреатом двух премий «Небьюла» за рассказы «Существо» («Creature») и «Я живу с тобой» («I Live With You»). Также она заслужила Всемирную премию фэнтези за достижения в области литературы. Была удостоена гранта Национального фонда поддержки искусств и двух грантов Штата Нью-Йорк. Ее рассказы публикуются во многих литературных и научно-фантастических журналах; среди последних книг можно назвать романы «Мистер Бутс» («Mister Boots») и «Тайный город» («The Secret City»), а также сборник «Я живу с тобой, а ты этого не знаешь» («I Live With You and You Don't Know It»). Скоро в издательстве *P.S.Publishing* выйдет еще одна коллекция ее рассказов.

Эмшвиллер говорит так:

«Я не думала о какой-то конкретной кошке. У меня уже давно не было котиков, но я люблю задействовать в своих рассказах животных. Раньше у нас жил кот похожего рыжего окраса. Перед тем

как его кастрировали, он каждую ночь уходил драться и возвращался с порванными ушами. Он отправился в колледж с моей дочерью, где жил с группой студентов, у которых был ручной кролик. А потом вернулся, растолстел и прожил долгую и ленивую жизнь».

Девять жизней Шэрин Маккрамб

Тогда это казалось хорошей идеей. Конечно, Филип Дэнби просто шутил, но сказал он это серьезным тоном. Хотел задобрить своих тупоголовых клиентов, этих поклонников нью-эйдж: казалось, они всерьез верят в такие штуки. «Я бы хотел переродиться котом», — сказал он, шутливо улыбаясь в пламя свечи на обеденном столе Эскериджей. Пока все болтали про реинкарнацию, ему приходилось задерживать дыхание, чтобы не расхохотаться. Женщины хотели бы вернуться на эту землю стройными блондинками, а мужчины мечтали о самых разных вариантах, от футболистов из команды «Даллас Ковбойз» до дубовых деревьев. Дубовых деревьев? И все это время ему нужно было строить серьезную мину в надежде, что эти тупицы заключат с фирмой контракт.

На что только ни приходилось идти, чтобы умаслить клиента. А вот у его делового партнера, Джайлса Эскериджа, по этой части проблем, похоже, не было никаких. Он часто говорил, что богатство и безумие идут рука об руку, и поэтому

архитектор, который хочет хорошенько подзаработать, должен быть готов к самым разным чудачествам. Также ему придется смириться с ненормированным рабочим днем, упрямыми подрядчиками и капризными комиссиями по районированию. Может, именно поэтому Дэнби и выбрал стать котом. Своим сотрапезникам тем вечером он объяснил так:

— Коты независимы. Им не нужно ни перед кем пресмыкаться; они спят по шестнадцать часов в день, и все же им есть где жить; их кормят и даже любят — просто за то, что вот такие они противоречивые маленькие негодяи. По мне, так это выгодная сделка.

Джули Эскеридж засмеялась и игриво потрепала его по щеке:

— Только уж проследи, чтобы переродиться симпатичной и породистой киской, Филип. Потому что к старым и уродливым бродячим котам жизнь не так уж благосклонна!

— Я запомню этот совет. Лет через пятьдесят он мне пригодится.

Но на самом деле он пригодился гораздо раньше: дней через пятьдесят, а не лет. Можно было и догадаться, хотя бы потому, что Джайлс хотел в следующей реинкарнации быть акулой. Ко-

гда они обнаружили, что только что построили здание стоимостью в три миллиона долларов на свалке токсичных отходов, подрядчик с радостью согласился держать язык за зубами за каких-то там десять тысяч. Джайлс был готов избавиться от улик и защитить фирму от судебных исков и штрафов АООС.

Оглядываясь назад, Дэнби понимал, что ему не следовало настаивать на том, чтобы сообщать о свалке властям. А особенно ему не стоило настаивать на этом в шесть пополудни на пустынной стройке, где не было никого, кроме них с Джайлсом. Тогда ошибка в буквальном смысле слова стоила ему жизни. Не успел он произнести фразу «философские разногласия», как Джайлс уже схватил лопату, что валялась у злосчастного котлована, и одним быстрым ударом отослал дело в верховный суд. Летя вниз головой в вонючую улику, Дэнби успел испытать холодную ярость: до того это все было несправедливо.

Следующей его мыслью было, что он смотрит черно-белое кино. Одновременно с этим его обоняние изо всех сил пыталось разобраться в целом потоке из разных запахов. Полироль… выдохшийся кофе… грязные носки… шампунь «Прелл»… земля для цветочных горшков… Он

потряс головой, пытаясь собраться с мыслями. Где он? Ответ, очевидно, звучал так: лежит на сером диване в черно-белом фильме, потому что куда ни посмотри — везде он видел ту же самую бесцветную перспективу. Может, сотрясение мозга? В его памяти вспыхнуло воспоминание: Джайлс Эскеридж замахивается лопатой. Дэнби решил позвонить в полицию, пока Джайлс не предпринял новых попыток. Он встал и тут же упал с дивана.

И, конечно, приземлился на ноги.

На все свои четыре ноги.

Чтобы пока не думать ни о чем чрезмерно мрачном, Дэнби принялся лениво размышлять, в чем еще могли быть правы те поклонники нью-эйдж. Может, Стоунхендж был посадочной площадкой для летающих тарелок? Хрусталь снижает уровень холестерина в крови? Теперь у него не было никакого права в этом всем сомневаться. Он сидел, поигрывая кончиком хвоста и жалея о том, что так легкомысленно отнесся к вопросам загробной жизни на том ужине у Эскериджей. Он даже не особенно-то и любил кошек. А еще ему хотелось наложить на Джайлса лапы, отомстить за тот инцидент с лопатой. Сначала он вгрызется Джайлсу в горло, вцепится в самый позвоночник,

а потом отпустит его на пару секунд. Спрячется у него за спиной и прыгнет из засады. Загонит в угол. Дэнби от таких приятных размышлений даже замурлыкал.

Но вид кофейного столика, возвышающегося на фут над его головой, обрисовал ему масштабы проблемы. На настоящий момент Дэнби весил около семи пушистых килограммов, и он довольно плохо представлял себе, где сейчас находится. При таких условиях отмщение за собственное убийство станет делом хлопотным. С другой стороны, каких-либо еще срочных дел у него не было, ну разве что надо было прилечь вздремнуть часов на восемь. Но все по порядку. Дэнби желал знать, как он выглядит, а еще необходимо было найти кухню и посмотреть, не оставили ли Грязные Носки и Шампунь «Прелл» что-нибудь съедобное на кухонных поверхностях. У него еще будет время для философских размышлений и планов мести: он займется этим, пока будет чистить усики.

От вида гостиной архитектор содрогнулся. Громоздкие диваны в колониальном стиле. Куча хлама. Хорошо хоть цветового решения он не видит.

Над диваном, однако, висело зеркало; он

вспрыгнул на дешевую обивку, чтобы взглянуть на свой новый образ. На него глянуло лицо… определенно, кошачье. И такое злобное, что Дэнби удивился: как вообще кто-то принимает кошек за домашних животных? Желтые (а возможно, зеленые) миндалевидные глаза сверкнули на него с массивного лица треугольной формы и тигриного окраса. Голова была окружена кольцом из серо-коричневого меха. Из-под воротника еле виднелся ошейник из темной кожи, оснащенный медным колокольчиком. Так вот от чего у него звенело в ушах. Тело казалось громоздким — даже за вычетом меха! Он смотрел на себя в зеркало, и его огромный пушистый хвост ритмически покачивался. Он подавил глупое желание шлепнуть по зеркалу там, где изображение двигалось. Итак, он был пестрым, или как там называют этих котов в коричневую полоску? Длинношерстным. И он остался самцом. Ему не нужно было заглядывать под хвост, чтобы проверить. Да и аммиачная вонь рядом с диваном намекала, что он не стеснялся демонстрировать свою мужественность в различных уголках своего королевства.

Без сомнения, тем клоунам из нью-эйдж было бы интересно узнать, что он явился в этот мир не котенком, а половозрелой особью. И, похоже,

появился он тут абсолютно неожиданно. Он почему-то всегда полагал, что в загробной жизни вам проведут какой-то вступительный курс, а потом уж одарят новой личностью. Некое божество, напоминающее Джона Денвера, в очках без оправы и футболке с логотипом «Сьерра клуб» в непринужденной беседе выяснит, в кого повелевает ему переродиться карма. По крайней мере, в этом его убеждали нью-эйджеры. Но на самом деле все оказалось вовсе не так. Вот он летел в яму для сточных вод, и через мгновение он уже мечтает о хрустящем «Вискасе». Вот так запросто. Ему стало интересно, что за разум освещал этот узкий череп до его прибытия. Скорее всего, разума этого было кот наплакал. Мозг с потребляемой мощностью как у светлячка смог бы контролировать большинство обычных процессов: еду, сон, перекусы, послеполуденную дремоту и так далее. Кстати, раз уж заговорили о еде….

В два мягких прыжка он оказался на полу и зазвенел на кухню, руководимый лимонным ароматом жидкости для мытья посуды и запахом спитого кофе. А полы неплохо бы подмести, подумал он с неудовольствием, заметив, как царапает мусор его бархатные подушечки.

Кошачья кормушка приютилась за ящиком

умывальной стойки. Чего-то такого он и боялся, если учитывать склонность местных жильцов к пошлости. Две пластиковые миски, воткнутые в картонную кошачью фигурку. Она выкрашена в белый цвет и украшена мультяшной мордочкой. Если бы речь не шла о его еде, Дэнби бы спрыснул как следует эту кормушку и выразил этим свое профессиональное мнение. А так ему пришлось ограничиться гордым хмыканьем и склониться, дабы исследовать содержимое. Вода была несвежая, в ней плавали куски сухого кошачьего корма. Они что, думают, что он будет пить вот это? Возможно, ему следует опорожнить эту емкость; так они наверняка поймут намек. Да и корм явно не хранили в герметичном контейнере. Он презрительно его обнюхал: дешевая марка, в основном там просто хлопья. Наверное, ему придется выйти на улицу и убить какую-нибудь дичь хотя бы для того, чтобы желудок не слипся. Но сначала проверить кухню: вдруг есть какие-то другие варианты. Ему стоило значительных усилий оторвать от земли свое внушительное тело и приземлиться на столешницу. Секунду он шатался на краю раковины, пытаясь удержать равновесие (его колокольчик зловеще звенел), но, выпрямившись, он тут же беззаботно про-

шагал по столешнице с таким видом, словно его чувство собственного достоинства ни на секунду не подверглось опасности. В раковине он обнаружил две тарелки, оставшиеся после завтрака. В верхней — о, счастье! — остался застывший яичный желток и кусочки намасленного тоста. Он доел эти кусочки, дочиста вылизав остатки желтка своим шершавым языком. Он задумался о том, какую услугу оказал этим людям, помыв за ними тарелки.

Все еще стоя на раковине, он выглянул из кухонного окна: вдруг поймет, где находится. Газон за окном был густой и роскошный; рядом с низкой каменной стеной рос раскидистый дуб. Ну что ж, это точно не Альбукерке. Возможно, и не Калифорния: слишком уж хорошо выглядит трава. Может, он все еще в Мэриленде. Место действительно напоминало ему дом. Возможно, перемещение душ было ограничено географически, как вещание на АМ-волнах.

Вылизывая испачканную переднюю лапку, он немного поразмыслил, и ему пришло в голову посмотреть на телефон, что висел над столом. Цифры все еще что-то для него значили; выходит, читать он не разучился. И, конечно, код штата был 301. Он недалеко ушел от родных мест. Во

всяком случае, в теории до Джайлса можно было лапой подать. Надо как следует все обдумать, вот прямо здесь, на подоконнике, где дневное солнце так ласково, так чудесно пригревает, и… хррр…

Несколькими часами позже его разбудил женский вопль, дама кричала: «Барсик! А ну слезай сию же минуту! Пусик, ты рад, что мамочка вернулась?»

Дэнби приоткрыл один глаз и бесцеремонно оглядел женщину. Барсик? Есть ли предел унижениям, которые ему приходится здесь терпеть? Свежая волна шампуня «Прелл» возвестила, что самопровозглашенная мамочка была кастеляншей этого буржуазного бунгало. И она отлично подходила на эту роль; брючный костюм из полиэстера, несколько подбородков… Она положила на столешницу сумку с покупками и груду писем и протянула к нему руки. «Мой лапуленька готов ням-ням?» — заворковала женщина.

Он одарил ее театральным зевком, а затем сверкнул на нее леденящим душу взглядом Аттилы. Но, похоже, очарованная миссис — он взглянул на стопку писем — Шеррод не замечала его враждебности. Она продолжала сиять на него такой улыбкой, словно он ластился к ее ногам. На самом же деле он так внимательно изучал

адрес на конвертах с макулатурой, которая приходила на имя Шерродов, что едва взглянул на нее. Да он даже в городе том же остался! Его хвост победоносно задергался. Улица Морнинг Глори была ему незнакома, но он был готов побиться об заклад, что она находится в районе Сассекс-Гарден Эстейтс, как раз за объездной дорогой. Отсюда было буквально несколько километров до этого безобразия в стиле фахверк, которым владел Джайлс Эскеридж. В дорожном движении Дэнби разбирался, и если ему немного повезет, то он сможет добраться туда за пару часов. Если срезать через поля, то можно даже перекусить по дороге мышкой-другой.

Подгоняемый мыслями о свежем вкусном обеде, который будет умолять его о пощаде, Дэнби-Барсик рысцой пробежал к задней двери и принялся жалостно мяукать, скребя по двери так высоко, как только мог достать.

— Ну-ну, Барсик! — лукаво обратилась к нему миссис Шеррод. — Ты же прекрасно знаешь, что лоток стоит в ванной. Ты просто хочешь наружу, чтобы приударить за кошечками, да? — С этими словами она принялась разбирать покупки, фальшиво напевая себе под нос.

Дэнби пронзил ее удаляющуюся фигуру ядо-

витым взглядом, а потом вернулся к насущной проблеме. Такой же насущной, как хлеб. Надо приложить к этому руку, но в этом-то и была проблема. *«Мама, смотри, я без рук!»* И все же, подумалось ему, должен же быть какой-то выход. На улице было тепло, и поэтому наружная дверь была распахнута. Единственной преградой между Дэнби и свободой была металлическая вторая дверь с прямой ручкой: стоило потянуть вниз — и замок бы открылся. Дэнби обдумал свои перспективы: дверная ручка в метре от пола, защелка открывается при нажатии, семикилограммовый кот очень хочет оказаться на воле. Прыгнув строго вверх (такому прыжку позавидовал бы Майкл Джордан), Дэнби метнулся к ручке и ухватился за нее. Она, естественно, подалась вниз, и дверь приоткрылась под весом кошачьего пушечного ядра. К тому моменту, как за дело уже взялась гравитация и вернула его на землю, он уже по самые когти был в шершавой ароматной траве.

Он прыжками помчался в сторону улицы; за спиной он слышал грустный вой: «Баааарсииииик!» Голос почти потонул в звоне этого треклятого колокольчика у него на шее.

Двадцать минут спустя Дэнби загорал на камне в каком-то заброшенном поле и отдыхал от

быстрого бега, столь мало похожего на расслабленную прогулку. Издали доносился гул машин с федеральной автострады № 95; легкий ветерок овевал кота запахом бензина. Мчась по улицам, он успевал читать вывески и теперь лучше представлял себе, где находится. Виндзорский Лес, этот пафосный крошечный пригород, который Джайлс называл своим домом, был всего в нескольких километрах отсюда. Стоило пересечь автостраду — и он сможет срезать путь через лес. Он надеялся, что миссис Шеррод не предупредит все полицейские посты о пропавшем котике. Ему бы не хотелось, чтобы общество по защите домашних животных вмешивалось в его дела, когда он прибудет на место назначения. Надо бы снять ошейник, подумалось ему. Вряд ли кто-то примет его за бродячего, если под подбородком у него будет звенеть этот колокольчик.

По счастью, ошейник сидел неплотно. Возможно, из-за пуха вокруг головы шея казалась в два раза толще. Сказано — сделано: через пару минут сконцентрированных усилий он протолкнул ошейник лапами, и тот скользнул вперед, за уши. Теперь просто потрясти головой (дзззынь! дзззынь!) — и Барсика как не бывало. Интересно, сколько животных из тех, кто «однажды

просто исчезли неведомо куда», на самом деле обзавелись новой личностью и отправились по срочным делам?

Он добежал до объездной дороги, когда еще не стукнуло пять, и тем самым избежал вечернего часа пик, когда все возвращаются с работы. Так как он знал правила дорожного движения, ему не составило особого труда пересечь шоссе в минуту затишья. Он не понимал, что такого сложного находят в этом опоссумы. Ну да, на белой полосе лежал зловонный серый труп, молчаливое предупреждение о том, как опасно не смотреть по сторонам, когда переходишь дорогу. Он понюхал тело на всякий случай, но жертва аварии пролежала здесь слишком долго, чтобы заинтересовать порядочного кота.

Оказавшись на той стороне дороги, Дэнби направился к полям, стараясь идти параллельно дороге, что вела в Виндзорский лес. Время от времени он отвлекался на стаю птиц над головой или на заманчивый шорох в траве (может, то была полевая мышь!), но все равно неуклонно продолжал свой путь. Если он не придет к дому Эскериджей к закату, ему придется ждать до утра, пока его заметят.

Чтобы добраться до Джайлса, думал Дэнби,

придется сначала очаровать Джули Эскеридж. Интересно, тронет ли ее сердце попавший в беду котик. Он не помнил, была у них кошка или нет. Нестерилизованная кошечка пришлась бы кстати. Лучше бы сиамка с огромными синими глазами и эротичным голосом.

По расчетам Дэнби, найти дом Джайлса не составит особого труда. Он часто бывал там в гостях. А кроме того, их фирма построила несколько чрезмерно пышных особняков на окрестных просторах. Однажды Дэнби предложил оптом закупить венецианских окон, раз каждый нувориш настаивал, что ему нужны именно такие, независимо от стиля здания.

Но Джайлса такое замечание не веселило. Его вообще редко веселили замечания Дэнби. Ему не хватало не только чувства юмора, с порядочностью и моралью тоже были некоторые проблемы. Зато это с лихвой компенсировал хорошо развитый инстинкт зарабатывания и удержания денег. Дэнби был более талантливым проектировщиком и исполнителем, но у Джайлса был дар привлекать богатых клиентов и убеждать этих вульгарных лохов тратить целые состояния на образцово-показательные дома. Дэнби, правда, оговорил, что не будет обрезать старин-

ные панели в стиле «Шератон», чтобы сделать из них тумбы для раковин. Но когда он захотел отказаться и от экологического преступления, Джайлс, видимо, решил, что такая совестливость — удовольствие слишком дорогое, и фирма его позволить себе не может. И вот в результате — неглубокая могила на стройке и новая жизнь Дэнби, взятая в аренду. Это было так несправедливо со стороны Джайлса, размышлял Дэнби. Они дружили с колледжа, и когда у Дэнби умерли родители, он переписал завещание, отказываясь от своей доли в бизнесе в пользу Джайлса. И как тот отплатил за его дружбу? Рукояткой лопаты он отплатил! Дэнби остановился поточить когти о кору сосны, что оказалась тут весьма кстати. Право слово, подумал он, Джайлс не заслуживает ни капли милосердия. Ну и отлично, поскольку, как и подобало коту, Дэнби не располагал ни единой каплей этого самого милосердия.

Когда Дэнби дошел до дома Эскериджа в стиле фахверк, солнце уже начинало садиться за окружавшие особняк сосны. По пути Дэнби отвлекся на запах другого кота, рыжего кастрата. (Даже его глаз дальтоника разглядел, что кот был рыжим. Может, дело было в оттенке серого или в том, насколько белыми казались его грудка и

горло.) Он выследил своего собрата и разве что из кожи вон не вылез, пытаясь наладить контакт. Но, насколько он мог судить, за этими пустыми зелеными глазами не светилась ни единая искра высшего разума. По мнению Дэнби, разумом там и вовсе не пахло. С таким же успехом можно было поговорить и с кустом у дороги. Устав, наконец, от немигающего взгляда этого евнуха, он удалился, решив более не вступать в социальные контакты и сосредоточиться на своей миссии.

Довольно долго он просидел под живой изгородью из форситии в палисаднике Джайлса, пытаясь заметить внутри хоть какие-нибудь признаки жизни. Он пренебрег стайкой воробьев, что резвились в купальне для птиц, но потом понял, что, если вскоре его не покормят, придется ему перейти на подножный корм. Мысль о том, что надо будет бросаться всей своей массой на эту тощую кучку щебета и песен, заставила его оскалиться пуще прежнего. Он облизал переднюю лапу и злобно уставился на молчаливый дом.

Минут через двадцать он услышал дальний рев приближающейся машины и учуял выхлопы бензина. Дэнби выглянул из-за забора, как раз когда показался «мерседес» Джули Эскеридж: она выруливала из-за угла с Виндзор-вэй. Торопливо

облизав кольцо шерсти у шеи, Дэнби вальяжно пошел к подъездной дороге и очутился там именно тогда, когда машина парковалсь. А теперь самое сложное: как впечатлить Джули Эскеридж, не вынимая чековой книжки?

Раньше он не замечал, как похожа жена Джайлса на жирафу. Он аж моргнул, увидев, как ее огромные стопы заколыхались в опасной близости от его носа. За ними появились две точные копии Аляскинского трубопровода, обтянутые нейлоном. Лучше не выпрыгивать ей навстречу. Вот зацепится коготь за чулок — и приобретешь врага на всю жизнь. Джули была одной из тех, кто посылает воздушные поцелуи, потому что не хочет портить макияж. Даже не попытавшись привлечь ее внимание, пока она была рядом с машиной (там она запросто могла нанизать его на шпильку и не заметить), Дэнби допрыгал до ступеней бокового крыльца и жалобно замяукал. Когда Джули подошла к лестнице, он взглянул на нее широко распахнутыми глазами, ожидая возгласов восхищения.

— А ну кыш! — сказала Джули, отпихивая его ногой в сторону.

Дверь перед его носом захлопнулась, и тут Дэнби понял, как ужасно он просчитался. И еще

забыл разработать план Б. М-да, в хорошую он попал заварушку. Мало того, что его убили и сделали котом. Теперь он еще и бездомный.

Он все еще ошивался у крыльца, когда минут двадцать спустя домой пришел Джайлс. Дэнби медлил на пороге, потому как еще не придумал, что ему делать дальше. Когда он увидел, как черная спортивная машина Джайлса припарковалась за «мерседесом» Джули, его первым импульсом было убежать, но потом он понял, что, хотя Джайлс и может его видеть, он определенно не распознает в нем старого делового партнера. Да и кроме того, ему было интересно, как выглядит непойманный убийца. Может, Джайлс весь извелся от горя и раскаяния? Может, он втайне прислушивается: не раздастся ли вдали полицейская сирена?

Джайлс Эскеридж насвистывал. Он выбрался из машины, загорелый и улыбающийся, и губы его были сложены в веселом фальшивом свисте. Дэнби протрусил поближе, чтобы встретиться со своим убийцей лицом к лицу. Он аж скалился в высокомерном возмущении. Но реакция последовала совсем не такая, как он ожидал.

Джайлс увидел громадного пушистого кота и тут же присел на корточки, призывая: «Сюда,

кис-кис, сюда!»

Дэнби посмотрел на него так, словно ему сейчас сделали какое-то гнусное предложение.

— Ну разве ты не красавчик! — ворковал Джайлс, протягивая руку к незнакомому коту. — Готов поклясться, ты породистый, не так ли, приятель? Мальчик, ты что, потерялся?

Общаться с нераскаявшимся убийцей было ему чрезвычайно не по душе, но Дэнби бочком подобрался к протянутой руке и разрешил почесать себя за ухом. Он посчитал, что интерес к нему Джайлса — это единственный шанс получить доступ в дом. Теперь было очевидно, что Джули кошек не жалует. Но кто бы мог подумать, что бессердечный старый Джайлс — такой любитель животных? Возможно, чует сходство характеров, подумал Дэнби.

Он позволил взять себя на руки и отнести в дом, а Джайлс тем временем гладил ему спинку и приговаривал, какой он красавчик. Довольно унизительно, но Дэнби не жаловался: по сравнению с их последней встречей в поведении Джайлса наметилось явное улучшение. Зайдя в дом, тот тут же закричал: «Дорогая, посмотри, кого я привел!»

Она, хмурясь, вышла из кухни:

— Опять этот мерзкий кот! Верни его, откуда взял.

Дэнби сосредоточил все свои усилия на том, чтобы замурлыкать. Он решил, что это было все равно что храпеть, но должный эффект все равно был произведен: как только Джайлс пришел в кабинет и удобно устроился в кресле, разместив Дэнби у себя на коленях, то снова принялся его гладить и нахваливать.

— Джули, это прекрасный кот, — сказал он своей жене. — Бьюсь об заклад, чистокровный мейн-кун. Может, стоит сотни две баксов.

— Мои шерстяные ковры стоят не меньше, — ответила миссис Эскеридж. — И мои новые диваны! И кто будет за ним убирать?

Дэнби словно того и ждал. Он уже придумал гвоздь программы в своей кампании по приручению этих людей. Промурчав что-то вроде «Сюда, господа!», он соскочил с колен своего бывшего напарника и поспешил вниз по лестнице в ванную. Он часто захаживал туда во время праздничных ужинов и поэтому знал, что дверь оставляют открытой. К этому моменту он подготовился особо. Джайлс с женой смотрели, как он вспрыгнул на туалетное сиденье, свернул колечком свой изящный пушистый хвост и воспользовался унитазом

по его прямому назначению.

Он ощутил в лапах странное покалывание, ему захотелось что-нибудь поскрести и закопать свои труды, но он не обратил внимания на этот позыв. Он упивался похвалой, что в изобилии лилась на него из уст его самопровозглашенного защитника. Интересно, почему он не выказал такого же энтузиазма, когда речь шла о проекте дома Дженнера, подумал Дэнби с горечью. У некоторых людей вся система ценностей словно вывернута наизнанку. Тем не менее пока что он может в полной мере наслаждаться бурной радостью, которую испытывал Эскеридж по поводу его мастерского владения кишечником. У кошек довольно мало способов продемонстрировать интеллект. Не может же он процитировать строку-другую из Шекспира или определить, что за вино подали к ужину. По счастью, среди кошачьих умение пользоваться туалетом считается за признак гениальности, и даже Джули была потрясена его талантом. После этого и речи быть не могло о том, чтобы вернуть Дэнби обратно в жестокий мир. Вместо этого его отнесли на кухню и открыли банку консервированного тунца. Мол, наслаждайся. Ему пришлось есть из миски на полу, но миска была из высококлассного фарфора.

Хоть какое-то утешение. Пока он утолял голод, то слышал, как Джайлс все не устает восхищаться, что за прекрасный ему встретился кот. Его приняли в дом.

— Ошейника нет, Джули. Наверно, его просто оставили у шоссе. Как мы назовем его?

— Паразит? — предложила его жена. Угодить ей было непросто.

Джайлс не обратил внимания на ее холодность к новообретенному чуду.

— Назову-ка я его Мерлином. Он же такой волшебный кот!

Мерлин? Дэнби поднял взгляд, не успев проглотить кусок тунца. Ну что ж, Мерлин и тунец все же лучше, чем Барсик и дешевый сухой корм. Не все же коту масленица.

Вскоре он стал полноправным членом семьи. Ему купили новую миску, игрушечную мышку и еще один ошейник с еще одним треклятым колокольчиком. Дэнби чуть не откусил Джайлсу большой палец, когда тот застегивал ненавистный ремешок на его шее. К этому времени он уже привык к безумному дребезжащему аккомпанементу, которым сопровождался каждый его шаг. Что за болезненная привязанность у людей к колокольчикам?

Конечно же, это расстроило его планы касательно уличной охоты на певчих птиц. Чтобы поймать воробья, ему бы пришлось двигаться со сверхзвуковой скоростью. Впрочем, он и так нечасто оказывался снаружи: Джайлс считал, что он может опять убежать, и потому старался как можно чаще оставлять его дома.

Но Дэнби был и не против. Это давало ему возможность как следует ознакомиться с домом и с привычками его хозяев: очень ценная информация, когда планируешь отмщение. Пока что Эскериджи его (то есть прежнего Дэнби) в своих разговорах ни разу не упомянули. Интересно, что рассказывал Джайлс о его исчезновении? Тела, судя по всему, не нашли, и это значило, что месть придется вершить ему самому.

Дэнби особо радовался дням, когда Джайлс с Джули оба покидали дом. Он даже пренебрегал утренним, предобеденным и послеобеденным сном, чтобы получше изучить каждую комнату. Он искал любые места, где таилась смерть: бутылочки с лекарствами или, может, небольшой электроприбор, который можно столкнуть в ванну.

Но подстраивать несчастные случаи он пока не решался: боялся, что жертвой падет не тот

член семейства Эскеридж. Джули нравилась ему не больше, чем он ей, но причин убивать ее у Дэнби не было. Все это следовало тщательно обдумать. У него было время проанализировать все возможности для отмщения. Еда была хороша, работа домашнего кота много сил не отнимала, и ему даже нравилась ироничность ситуации: его будущая жертва разве что на него не молилась. Хозяином быть у Джайлса получалось гораздо лучше, чем партнером по бизнесу.

Но один вечерний разговор между Джайлсом и Джули убедил его, что стоит поторопиться. Они сидели в кабинете после ужина из запеченного цыпленка. Костей ему, однако, не доставалось: Джайлс все настаивал, что они поранят его желудок и он умрет. Дэнби лежал на коврике перед камином, притворяясь, что спит. Наконец они забыли о его присутствии. Обычно в это время он крался на кухню и рылся в мусоре. Он бросил курить, не так ли? И, хотя одним вечером ему довелось полакать скотча, казалось, он потерял к нему вкус. Надо же хоть в чем-то быть неблагоразумным!

— Если ты так уж хочешь оставить этого кота, Джайлс, — сказала Джули Эскеридж, внимательно разглядывая свои свежеотполированные

коготки, — то, по-моему, надо отвезти его к ветеринару.

— Ветеринар. Я об этом как-то не подумал. Конечно, надо будет сделать ему прививки, да? — пробормотал Джайлс, все еще изучая газету. — Бешенство, все такое…

— И раз уж все равно ехать, можем заодно его и кастрировать, — сказала Джули. — А то он начнет метить занавески и вообще все подряд.

Дэнби мгновенно подскочил в полной боевой готовности. Чтобы они не догадались, что он их понимает, он сосредоточился на вылизывании идеально чистой передней лапки. Настало время исполнить отмщение, иначе скоро он будет мяукать фальцетом. И хватит разговоров о невинных жертвах; теперь речь шла о самозащите.

Той ночью он дождался, пока в доме все стихнет. Джайлс с Джули обычно отправлялись спать около половины двенадцатого и выключали везде свет, но Дэнби это ничуть не мешало: ему даже нравилось слоняться по дому, используя свое инфракрасное зрение. Хотя по ночным телепередачам он скучал. Однажды он подумал включить телевизор лапой, но даже для кота по имени Мерлин это было бы слишком. Дэнби не хотел очутиться в какой-нибудь лаборатории с

прицепленными к голове электродами.

Он проинспектировал свою коллекцию кошачьих игрушек. Джули складывала их в его корзинку, потому что терпеть не могла беспорядка. Там была игрушка в форме кошки, резиновая рыбка и маленький красный мячик. Просто смешно: Джайлс купил этот мяч в надежде, что уговорит Дэнби поиграть в него. Он принялся катать его по полу, а Дэнби, развалившись, следил за ним высокомерным взглядом. Следующую четверть часа он наслаждался зрелищем того, как Джайлс бегает на четвереньках по полу, пытаясь научить кота ловить мячик. Наконец хозяин сдался, и с тех пор шарик так и остался лежать в корзинке. Дэнби взял его в зубы и понес вверх по лестнице. Джайлс и Джули спускаются по правой стороне ступеней, так? С той стороны находились перила. Он осторожно положил мячик на третью ступеньку — примерно там, где человеческая нога коснется пола. Натяжная проволока подошла бы лучше, но Дэнби вряд ли бы справился с такой сложной конструкцией.

Что бы еще придумать на погибель Эскериджей? Отравить их он не сможет, а из-за антиблошиного ошейника даже эпидемии бубонной чумы в доме не начнешь. Атаковать при помощи

когтей и зубов было бы чересчур глупо, даже когда они спят. Тот из них, кого он не будет кусать, сможет с ним побороться. Семикилограммового кота убить довольно-таки просто, если человек этого захочет. А если они и не убьют его на месте, то избавятся от него в ту же секунду, и шанс навсегда будет упущен. Нет, это чересчур рискованно.

Значит, нужно действовать хитростью. Дэнби осмотрел дом, выискивая, где еще притаилась смерть. Рядом с ванной не было никаких электроприборов, да и Джайлс предпочитал принимать душ. В другой жизни Дэнби мог бы поменять проводку в бритве так, чтобы от нее можно было схватить электрошок, но теперь для такого подвига ему не хватит сноровки. Неудивительно, что землю захватили люди: их так чертовски сложно убить.

Даже его попытки заручиться помощью в этом деле оказались бесплодными. В один из тех редких случаев, когда ему удалось покинуть пределы дома (Джайлс уехал играть в гольф, и Дэнби выскользнул за дверь, пока Джули не видела), он рыскал по окрестностям в поисках… ну… киски. Вместо этого он нашел несколько тупоумных котов и одного добермана, который явно был тут важной шишкой. Дэнби свел общение к миниму-

му; ему не очень-то по душе были острые клыки этого зверя. Он заподозрил, что раньше этот пес работал в налоговой. Конечно, он наплел, что был серийным убийцей, но это, видимо, только чтобы придать Дэнби ложное ощущение безопасности. В любом случае, хоть собака и одобряла от всей души план по убийству животных, она не была заинтересована в том, чтобы вступать в заговор. С чего бы ему отправляться в газовую камеру, решая чьи-то проблемы?

Самого Дэнби терзали те же сомнения, и поэтому он не рисковал делать что-то уж совсем из ряда вон, устраивать поджог, например. Ему не хотелось инсценировать несчастный случай, если в числе жертв должен был оказаться он сам. Побродив по темному дому несколько утомительных часов, он растянулся на диване в кабинете, чтобы вздремнуть перед тем, как снова приняться за свои коварные планы. После отдыха ему легче будет думать.

А потом он почувствовал, как кто-то безжалостно схватил его за воротник и потянул вперед. Открыв глаза, он обнаружил, что уже настало утро, а рука на его горле принадлежит Джули Эскеридж, которая пытается затолкать его в металлическую переноску для кошек. Он попы-

тался вцепиться когтями в диван, но было уже поздно. Не успел он и глазом моргнуть, как его подняли за хвост и швырнули в переноску. У него едва хватило времени убрать хвост, как дверь за ним захлопнулась. Дэнби пригнулся, выглядывая через боковые отверстия и пытаясь понять, что же ему теперь предпринять. Получается, из резинового мячика орудие убийства вышло никудышное. И почему только он не переродился пумой?

Всю дорогу к машине Дэнби кипятился из-за беспощадных ударов судьбы, что один за другим обрушивались на него. От мысли о том, куда они направлялись и что с ним вскоре сделают, легче не становилось. Джули Эскеридж поставила переноску на заднее сиденье и захлопнула дверь. Когда она завела мотор, Дэнби протестующе завыл.

— А ну тихо! — прикрикнула Джули. — Ты все равно ничего с этим не поделаешь.

А вот это мы еще посмотрим, подумал Дэнби, и повернулся, чтобы выглянуть через дверь своей клетки. Между стальными прутьями клетки зазор был около двух сантиметров, и за ними — никакой сетки, ничего. Оказалось, он легко может высунуть лапу наружу и немного

вбок. Если ему удастся взглянуть на устройство защелки, есть небольшая вероятность, что получится выбраться. Он лег на бок и прищурился на металлическую защелку. Похоже, это старый добрый засов. Чтобы закрыть переноску, надо было задвинуть металлический прут в паз, а потом повернуть его вниз, и тогда замок закрывался. Если у него получится толкнуть прут обратно вверх, а потом отодвинуть его назад…

Машина постоянно меняла скорость, то тут, то там попадались повороты. Задание было не из легких. Переноска слегка покачивалась, и у Дэнби даже голова закружилась от усилий. Но в конце концов они доехали до федеральной автострады, и оттуда дорога пошла ровнее. Ему удалось положить лапу именно туда, куда нужно, и он поднял прут вверх. В следующие три минуты он усиленно пытался продвинуть прут. Полсантиметра, еще полсантиметра… И вот замок открылся. Конечно, из машины сейчас не выберешься. Джули закрыла все окна, да и ехали они на скорости девяносто километров в час. Дэнби целую минуту размышлял о том, как бы решить эту дилемму. Но с какой бы стороны он ни смотрел на проблему, альтернативы оставались прежними: или решиться на отчаянный шаг, или попасть под

нож. Да и умирать-то, по сути, оказалось не так страшно. Всегда есть еще один шанс.

Пока страх не помешал ему, Дэнби быстро метнулся всей своей шерстяной массой на дверь переноски и довольно шумно приземлился на пол заднего сиденья. Он снова запрыгнул на кресло и взлетел в воздух с прочувствованным рыком. Вцепился в правое плечо Джули Эскеридж и поглубже запустил когти, чтобы не упасть с этого шаткого насеста.

Последнее, что он помнил, были вопли Джули и ощущение, что машина вышла из-под контроля.

Когда Дэнби открыл глаза, мир все еще оставался черно-белым. Он слышал приглушенные голоса; в нос ему ударила путаница запахов: кровь, бензин, дым. Он попытался подняться на ноги и обнаружил, что все еще находится меньше чем в футе от земли. И все еще покрыт мехом. Все еще кот Эскериджей. Вдали виднелся искореженный остов хозяйкиной машины.

Над ним гудел знакомый голос.

— Должно быть, его вышвырнуло из переноски, когда случилась авария. Офицер, это точно Мерлин! Моя бедная жена везла его к ветеринару.

Дюжий полицейский стоял рядом с Джайлсом и сочувственно кивал:

— Выходит, верно говорят про кошек, сэр. Что у них девять жизней. Мне очень жаль, ну, насчет вашей жены. Ей повезло меньше.

Джайлс поник:

— Да. Это такой шок. Сначала исчезает мой деловой партнер, а теперь я и жену потерял.

Он замолчал и взял Дэнби на руки.

— Одно утешение: со мной остался мой котик-котенька. Ну что ж, мальчик, пойдем домой.

Злобный взгляд желтых глаз Дэнби не дрогнул. Кот без возражений позволил отнести себя в машину Джайлса. Он может подождать. Кошки отлично умеют ждать. Жить с Джайлсом не так уж и плохо, особенно раз теперь Джули не будет ему надоедать. А пока он сможет насладиться тем, как его будут баловать: изысканные кошачьи лакомства, свободный доступ ко всем помещениям в доме. Можно время от времени оставлять мячики на ступеньках и выдумывать новые способы поиграть с Джайлсом. И ждать, не заявится ли полиция расспросить Джайлса о пропавшем партнере. Если нет, Дэнби придумает еще несколько способов, как убить своего бывшего партнера. Рано или поздно ему это удастся. Кошки бесконечно терпеливы, когда надо выслеживать жертву.

— Теперь, приятель, остались только мы с тобой, — сказал Джайлс, сажая кота на соседнее сиденье.

А когда он убьет Джайлса, то, возможно, отправится на поиски подрядчика, которого тот подкупил, чтобы его маленький грязный секрет не всплыл на поверхность. Он определенно заслуживает смерти. И та мерзкая женщина, которая жила по соседству и вечно жаловалась, что он слишком громко включает магнитофон и газон у него зарос сорняками. А может, еще и тот неприветливый главный весовщик. Бродячим кошкам всюду доступ открыт.

Дэнби замурлыкал.

Шэрин Маккрамб, лауреат многочисленных премий, родилась на юге Штатов. Более всего известны ее романы аппалачского «балладного цикла», где действие разворачивается в горах Северной Каролины и Теннесси. В цикл входят такие бестселлеры, отмеченные газетой *New York Times*, как «Она ходит по этим холмам» («She Walks These Hills») и «Шкатулка из розового дерева» («The Rosewood Casket»). Среди прочих популярных романов можно назвать «Балладу о Фрэнки

Сильвере» («The Ballad of Frankie Silver») и «Ловца песен» (Songcatcher»). В 2008 году Шэрин Макрамб вошла в список «Женщин из Виргинии, оставивших след в истории» за достижения в области литературы. В числе ее прочих наград — премия Американской ассоциации писателей за выдающийся вклад в развитие аппалачской литературы; премия Чаффина за вклад в литературу Юга и награда Американской ассоциации писателей за лучший аппалачский роман. Она живет и работает недалеко от Роанока, штат Виргиния.

Слово автору:

«На написание этого рассказа меня вдохновил престарелый почтенный мейн-кун, что жил у одного из моих друзей. По выражению на морде этого кота можно было догадаться, что он нас не одобрял, считал своими подчиненными и, в общем и целом, скучал в нашем присутствии. Мне стало интересно, кем он был раньше. (Сама-то я хотела бы переродиться сурком. Они все лето едят, не переставая, а когда толстеют, то становятся еще милее. Потом наступают ненастные деньки, и они забираются в норы и спят, пока снова не потеплеет и не выглянет солнце. А когда просыпаются, то они снова худые! Говорят, что самые умные животные на земле — это дельфи-

ны, но у сурков зато все схвачено. Ну, таково уж мое мнение.)»

Тигриная ловушка
Каарон Уоррен

Платье Тары было таким тесным, что она едва могла дышать. Позже Карл заставит ее остаться в нем, а потом она откинется на спину, чтобы принять его.

Она проследовала за ним в обеденный зал.

Кроме нее там была всего одна женщина: она смеялась, как мужчина, и ее вовсе не смущали их грубоватые беседы. За столом было семеро мужчин. Это был единственный стол в зале.

Тара заметила, как прочна льняная скатерть. Интересно, каково было бы на ней спать. После каждой смены блюд (всего их было тридцать) столовое белье меняли. Официанты уносили приборы, не зазвенев ни единой тарелкой. В углу зала, пока убирали со столов, демонстрировались различные весьма странные номера: нагая женщина выгибалась назад, чтобы схватить себя за пальцы ног; гном пил из кубка выше него самого; дети целовались и трогали друг друга за потаенные места; кошка, которую как-то запихали в большую бутылку, все вращалась и враща-

лась там, вращалась и вращалась, вращалась и вращалась; голый мужчина с глазами идиота и гигантским пенисом, который доходил ему почти до жирных розовых сосков без намека на волосы; женщина с гноящимися порезами вставала в позы профессиональной модели, демонстрируя червей, занятых поеданием ее плоти; высокая умасленная безволосая девушка полосовала себя лезвием, пока вся кожа ее не засияла от тонкой кровяной пленки. Старик, бессильно топчущийся ногами в двух прозрачных корзинах с виноградом; мужчина, измотанный и седой, танцует джигу; руки под мышками у него безволосые, сморщенные гениталии бьют его по бедрам; с каждым прыжком жить ему остается на день меньше.

Все это — для того, чтобы пирующие не заметили, как снимают скатерть. Она пощупала материал под столом и пожалела, что колени у нее прикрыты: так она бы смогла ощутить текстуру и ногами тоже.

Покровительственным жестом Карл протянул ей имбирный леденец, вынутый из недр кармана в его пиджаке. Чтобы заклеить ей рот, чтобы в эту важную ночь она молчала.

Вокруг нее все разговаривали. Рты были заби-

ты щупальцами осьминогов, супом из латука, хорошо прожаренными улитками в соли и перце, китайским чаем, вином. Она думала об истории Маленького Черного Самбо; теперь этот рассказ показался бы верхом расизма. Маленький Черный Самбо умолял маму испечь ему на завтрак блинов, и она согласилась, если он сбегает в лавку за маслом.

— О, да, — согласился он. — Такое лакомство.

Но по дороге домой его приметили тигры-людоеды. Они загнали его на дерево, и от солнечных лучей масло растаяло и стекло им прямо на головы. Они разозлились и стали бегать вокруг дерева все быстрее и быстрее. Они надеялись, что у Маленького Черного Самбо закружится голова, и он упадет вниз.

Но было так жарко, и они бегали так быстро, что их прекрасная шерсть цвета топленого масла превратилась в одно сияющее пятно. Они бежали так быстро, что сами превратились в масло, которое Маленький Черный Самбо и отнес домой маме.

— Какое прекрасное масло, — сказала она.

— О, да, — сказал он и уселся за тарелку с горкой аппетитных горячих блинчиков.

Тара в детстве очень любила эту историю; ей

всегда хотелось, чтобы эта тарелка с блинами досталась ей. Когда подали что-то на раскаленном блюде, она снова пожалела, что это не блинчики.

Карл взял ее тарелку и положил целую гору какого-то серого мяса. Та, другая, женщина даже помаду не смазала. Казалось, она всасывает пищу без помощи губ, не пережевывая. Тара смотрела, как она ест мясо, и не спрашивала, чье оно было.

— Нравится? — спрашивали мужчины Тару один за другим. Она пока не проглотила ни кусочка из того, что взяла в рот. Мясо лежало у нее на языке. Она улыбнулась, держа куски во рту.

Они ждали ее ответа. Конечно, это была ловушка. Если она скажет, что нравится, мясо окажется медвежатиной, кошатиной или человечиной, и, когда ей об этом скажут, ее стошнит. А если мясо ей не понравится, то это будет всего лишь особым образом приготовленная говядина, и она выставит себя идиоткой.

Карл не разрешал ей отлучаться в туалет, хотя ужин продолжался много часов. Это было испытанием на выносливость. Она подумала, что, возможно, переполненный мочевой пузырь сойдет за возбуждение, может, это и была его цель.

Она проглотила мясо и не ответила на вопрос.

Тарелка была такой огромной, что в ней, должно быть, поместилось животное целиком; что бы это могло быть? Они ели саговый бульон с опиумом и медом, жареный имбирь, семена тмина, кориандр, морковь, горох, шпинат, капусту, картофель и лук. Они ели помидоры, начиненные авокадо, трюфелями и стручковым перцем. Каждое блюдо выносили, чистили стол, а представления в углу зала продолжались. Мужчины громко командовали слугами, стараясь перещеголять друг друга в строгости. Карл рассказал им, что раньше слуг называли тиграми. А тех, что прислуживали дамам, — пажами. Мужчины начали говорить слугам: «Эй, тигр», потому что это был единственный способ приручить подобных существ: дав их имя слуге.

Тара с другой женщиной не стали называть прислужников пажами.

Пока готовили суп, к их столу подошел человек, который, по слухам, убил тигра. Все они знали, что он охотник, и все хотели услышать рассказ о том, как отважны тигры и как этот мужчина едва не погиб.

— Тигр одержим зверем, которого убивает. Он не оставляет ни малейшего кусочка: съедает внутренние органы, глаза, копыта, жилы этого

возлюбленного животного.

Охотник наблюдал за Тарой, словно впитывая в себя ее позу, ее грудь, цвет кожи.

Охотник, разговаривая, двигался вокруг стола. Они ели куропаток, бросая кости через плечо, и треск этих костей казался под его ногами звуками джунглей, кладбищем его жертв.

Охотник кружил вокруг стола, заставляя их выгибать шеи.

Карл выскреб остатки соуса из центральной чаши. У кого-то зубы заскрипели о хрящ.

— Плоть гниет, а тигр все не уходит. Он будет жить рядом с этим мясом, спать там, сколько бы ни потребовалось времени.

Подали следующее блюдо, и всем достались разные порции: кому больше, кому меньше. Она наблюдала, как они таращатся друг другу в тарелки, зарясь на чужие куски. Спаржа с голландским соусом, вдоволь редиса и хлеб фаллической формы, который они ели, разламывая и даже не утруждаясь намазать маслом.

— Тигр не делится с падальщиками. Оленя ему хватает на шесть дней, буйвола, может, на несколько недель. Тигру приходится очень тяжело трудиться, проводить свою жизнь в охоте. Поэтому крупная добыча похожа на праздник,

который он хочет растянуть подольше.

«Получается, все, что нужно сделать охотнику, — подумала Тара, — это наблюдать за стервятниками над головой, и так он найдет место, где пирует тигр. И там его будет ждать перекормленный отдыхающий тигр, который защищает свою добычу и не ждет опасности. Все, что нужно сделать, — это взять свою добычу с полным желудком».

От каждого блюда она отщипывала буквально по кусочку, но все равно живот ее под отливающим металлическим блеском платьем раздулся, словно шар. Ее мать тоже носила тесное платье, а до нее — бабушка. Они носили узкие платья и молчали, всегда готовы были раздвинуть ноги и умереть по чьему-то капризу.

— Ах да. Так было, пока тигры не узнали, что людям известна эта их особенность. Тогда веселье закончилось: тут кусочек, тут пообедать разок, отщипнуть от каждой жертвы, а затем бежать дальше, искать еду. Тигру нужно тридцать голов скота в год. Как думаете, сколько требуется человеку?

Никто не знал. Они больше не слушали охотника. Другая женщина начала рассказ о недавнем свидании. Она говорила, каким дураком выгля-

дел тот мужчина. Каждый за столом представлял себе, как бы смог ее впечатлить. Им захотелось срочно отведать супа из тигриного пениса, вобрать в себя его соки, его животворящую, все возрастающую питательность.

Охотник взял стул и сел позади Тары. Ей одной было интересно, как умер тигр. Подали суп, и мужчина, на которого Карл особенно хотел произвести впечатление, сказал:

— Я слышал, что когда человек или зверь умирают, их душа переходит в пенис. Поэтому мы будем пожирать тигриную душу.

Все от души рассмеялись. Карл ткнул ее, и Тара тоже широко раскрыла рот, словно от восторга.

Ей было интересно (хотя она и не спросила этого вслух), куда уходит душа женщины.

Суп этой компании из девяти обошелся в тысячи долларов, и столько же стоил весь банкет, а ведь было еще и вино. В супницу на десятерых им нужно было два пениса. В дикой природе нечасто встретишь двух самцов одновременно: им нравится проводить время в одиночестве, да и самок они между собой не делят. Считалось, что суп пробуждает желание.

Бульон был куриный: свежая курица, от топора сразу в кастрюлю, готовится на огне целые сутки

и процеживается сквозь муслин. Очень изысканно. Мясо отделяют от костей, отдают кошке или кладут в фаршированные блинчики.

И вот суп перед ними, в фарфоровой супнице с позолоченными бортами; дело рук лучшего из горшечников. Охотник приподнял крышку, и пар достиг обоняния сидевших за столом.

— Вы только понюхайте, — сказал он, делая глубокий вдох.

— Я заплатил за этот пар, — сказал начальник Карла.

А Таре казалось, что пахло просто вареным мясом.

Наступила тишина: все глотали суп. И с каждым глотком они ждали обещанной эрекции, обещанного желания, и они подмигивали друг другу, как мальчишки, у которых только-только заколосились волосы на лобке.

Тара съела свою порцию, но секретного ингредиента не кусала: он просто скользнул ей в горло.

А позже она будет думать о тигрином пенисе. Позже, когда Карл будет притворяться мужественным. Она будет представлять, как его тигриный член по кишкам дойдет до легких, и там будет сжимать, сжимать их, не давая ей вздохнуть.

Другая женщина облизывала пальцы мужчины, что сидел от нее слева; тот, что был справа, облизывал губы, подбородок и щеки шершавым языком.

— А как насчет остального тигра? — спросил босс. — Мы его отведаем?

— О, нет, — ответила прислуживавшая им женщина. Она была низкорослa, но шпильки делали ее высокой. — Тигра выбрасывают. Никакой пользы. Шкура с дырой от пули, запачканная. Раньше тигров использовали целиком, в другое время, когда люди верили во всякую чепуху. Мясо ели при желудочных болезнях. Из меха делали дамские наряды. Мозгом, конечно, лечили лень. Желчные камни излечивали близорукость. И хвост — им пользовались в ванне, он придавал коже мягкость. Глаза останавливали судороги, а все его клыки, когти и усы служили хорошим приворотным амулетом. — Она рассмеялась. — Люди были такие глупые. А теперь мы берем только пенис, для супа. Вам понравилось?

Мужчина, сидевший напротив Тары, ущипнул официантку, подмигнул ей, сжал ножку.

— Просто прелестно. Прелестно.

Принесли следующее блюдо: целую гору чего-то неведомого в кляре, и Таре вовсе не хотелось

пробовать это «что-то».

Карл протянул руку, чтобы взять еще один личи, и она вдруг поняла, какие у него огромные руки, настоящие бейсбольные перчатки или лапы с широкими короткими пальцами. Огромная равнина ладони.

Охотник сказал:

— Раз тигров нельзя уже было поймать, забрав у них еду, охотник устанавливал Тигриную ловушку.

Слушала его только Тара. Только она могла расслышать.

— Охотники привязывали к дереву отменную лань и ждали. Они шуршали и шумели, потому что у тигров хороший слух. Зрение тоже, но обоняние неважное, если только он не охотится на излюбленную жертву. Если животное остается совершенно неподвижным и будет сидеть тихо, тигр ни за что его не найдет. Он прыгает, только когда существо пытается сбежать.

Они ели пироги с айвой, груши, тушенные в имбирном вине и замаринованные в мяте, соты с прилипшими к ним пчелиными крылышками, ванильное и шоколадное мороженое, и вот, наконец, ужин подошел к концу. Мужчины удалились в комнаты, куда уже вызвали женщин. Другая

женщина пошла с начальником. Тара отправилась с Карлом.

Он лежал на кровати, и живот его напоминал розовый воздушный шар. Когда он закрыл глаза, она заперлась в ванной и облегчилась.

— А ну, выходи, — сказал он. По игривому тону было слышно, что он уже разделся.

И вот заработал его тигриный пенис, и пальцы сжались вокруг ее горла, и он сжимал и сжимал их все сильнее. Она потянулась, чтобы достать какое-нибудь оружие, нащупала ремень, высоко подняла его. Раздался звонкий шлепок: ремень хлестнул Карла по спине. Ему нравились такие ласки.

Она почувствовала, что над ним склонилась чья-то фигура. Это был охотник. Он поднял дубинку и ударил Карла в висок, сшибая его с Тары, как можно дальше от нее.

— Спасибо, дорогуша, — сказал охотник. Он согнулся над телом и взял в руку пенис Карла, а Тара тем временем подбирала свою одежду. Покинув комнату, она услышала знакомый глухой щелчок: нож брата, нож отца, нож любовника.

Она тихо закрыла за собой дверь, чтобы не потревожить охотника во время работы.

Тара не стала ждать лифт: ей хотелось почув-

ствовать силу своих мускулов. Спускаясь по ступенькам, она растерла макияж, и он потеками сполз с ее лица. Пальцами она пригладила кудри. Вряд ли охотник пощадит ее в следующий раз.

В следующий раз она будет готова.

Первый роман Каарон Уоррен, «Обиды» («Slights»), был опубликован в 2009 году в издательстве *Angry Robot Books*; за ним последовали «Прогуливаясь по дереву» («Walking the Tree») и «Мистификация» («Mistification»). Вышел в свет ее сборник «Стеклянная женщина» («The Glass Woman»), в который, в числе прочего, был включен рассказ «Положительный вывод источника напряжения» («A-Positive»), экранизированный студией «Беаркейдж Продакшнс». Ее отмеченные наградами рассказы публиковались в журналах *Poe*, *Paper Cities*, *Fantasy Magazine,* а также во многих других изданиях в Австралии и по всему миру. Рассказ «Призрачная тюрьма» («Ghost Jail») вышел в свет в 2012 году и был перепечатан в сборнике *The Apex Book of SF,* а «Синий поток» («Blue Stream»), второй из опубликованных ею рассказов, очутился в антологии *Dead Souls.* Каарон Уоррен живет со своей семьей в Канберре

(Австралия).

О своем рассказе Уоррен пишет:

«Когда я писала „Тигриную лувушку“, то была очень зла. Я и взялась-то за перо от отвращения: узнала, что пенис тигра использовался в качестве афродизиака. Мне стало интересно: что за люди стали бы убивать животное вроде тигра только чтобы лучше заниматься сексом. Я провела небольшое исследование и обнаружила, что афродизиаков существует огромное количество. Также я изучила повадки тигров, и именно тогда у меня родилась идея об охотнике. Мне хотелось показать сцену абсолютно варварскую, которая произошла бы в привилегированном обществе. А еще мне хотелось поговорить о женщинах, которые в подобном окружении воспринимаются как вещи».

Что-нибудь получше смерти Люси Сассекс

Насколько я могу судить, виной тому была смена часовых поясов, это занятное состояние фуги, когда тело проскочило сквозь время и пространство словно в семимильных сапогах, а протестующий дух — или душа — пытается его нагнать. А может, виной тому таблетки, что я принимала в полете. Или это из-за того, что я зависла между этапами своей жизни — или так мне казалось, а подсознание пыталось убедить меня в обратном. Как бы то ни было, я спала наяву, мне являлись галлюцинации, и реальное с ирреальным переплетались самым безумным образом. В конце концов это вообще перестало меня волновать: я просто плыла по течению.

Все началось в аэропорту Сиднея, у стойки регистрации на международные рейсы. Девушка-подросток, что стояла впереди меня, воскликнула:

— О боже правый! У меня что, галлюцинации?

Хорошо бы, дорогуша, подумала я. Всю предыдущую ночь я глаз не сомкнула, и нервы мои были на пределе. Тело двигалось на автомате,

а разум метался в самых разных направлениях. В аэропортах с их кондиционерами и пресным сахариновым привкусом все кажется искусственным, а сегодня — так особенно. Мне пришлась по душе мысль, что нереальность здесь не кажущаяся, а настоящая.

Я проследила взглядом в направлении, куда указывал ее палец (ноготь был выкрашен в черный). Рядом с тележкой, заполненной бортовыми сумками, стояла группа из четырех человек. И та часть меня, которую я решила оставить в прошлом, ударила копытом о землю и сказала: «Ага! Рок-группа».

Проблема с работой агента музыкальных коллективов в том, что если долго заниматься этим делом, так долго, что оно уже перестает быть развлечением и ты не чувствуешь себя фанатом, то начинаешь на автомате раскладывать всех по рыночным нишам. Эта девушка, определенно, гот. С группой сложнее: татуировки, черная одежда, длинные волосы могут значить что угодно, от рокеров, которые играют на стадионах, до норвежского блэк-метала, с которыми возни много, а толку мало, а все из-за этой их раздражающей привычки сжигать церкви. Возможно, спид-метал, решила я, а девушка тем временем

начала задыхаться от восторга. Да тут речь идет о целом культе, если говорить в экономическом смысле. Я могла довольно уверенно сказать, с какого они едут фестиваля, а может, и угадать их агента. Моя старая жизнь снова стала рыть землю лапой, жаждая поболтать на профессиональные темы про организацию фестиваля, оборудование, трнспорт. А еще было бы забавно шокировать девочку-гота: мне было больше сорока, а значит, по ее мнению, я уже одной ногой стояла в могиле, но все же я смогла бы одержать над ней верх.

Но я подавила это желание и продолжила кротко стоять в очереди. Ведь я находилась на пороге новой жизни, оставляла позади все легкомысленное, всю эту поп-культуру. Группа миновала стойку регистрации, а затем и охрану, безо всяких происшествий. Если готка и получила свои автографы, я этого не увидела, с головой погрузившись в мир дьюти-фри. Чем же еще порадовать серьезного мужчину, как не серьезным алкоголем? Я размяла ноги как следует побродив по коридорам (в следующий раз мне это удастся сделать аж в Чанги); в плеере играл диск с уроками немецкого. Я снова приметила готическую фанатку: она ждала рейса в Вануату, где ее могильная бледность канет в прошлое. Назвали

номер моего рейса, и вот я протягиваю посадочный талон стюарду. К очереди присоединилась команда в черном: опять та группа. Сжимают в руках аляповатые провинциальные сувениры. Не такие уж вы исчадия ада, как хотите казаться. Вот так всегда с металлистами: на поверку они оказываются милейшими и воспитанными людьми, не то что представители христианского рока.

Я так часто летаю самолетами, что процесс уже превратился для меня в рутину. Однако даже скука не спасла меня от мандража. По дороге я смотрела фильм, «Жизнь по Джейн Остин», и решила, что не верю ни единой реплике. Выделялся только Джимми Смитс в непривычном для себя амплуа примерного семьянина. Я что-то на автомате пожевала, еще раз переслушала диск, нырнула в электронную книжку, куда загрузила все, что нашла о Германии, — от путеводителя до сказок братьев Гримм. Стюарды раздали чашки с какао, начали приглушать свет. Снаружи было темно, словно мы проходили через бесконечный туннель. По-моему, времени было два ночи, и через несколько часов снова будет светло, и мы очутимся в аэропорту. Я приняла таблетку и просто на всякий случай запила ее остатками красного вина, оставшегося после ужина.

И проснулась, когда вокруг меня все спали, а мои нервы снова были натянуты, как струны. Ноги в моих «носках для полета» сводила судорога, и поэтому я прошлась по проходу. Приближаясь к заднему ряду (центральный проход), я ощутила, что за мной наблюдают. Мой взгляд остановился на массивной темной фигуре, с головы до ног замотанной в плед с логотипом авиакомпании; человек даже сделал подобие капюшона. Из-под этого навеса сияли огромные блестящие глаза. Рядом с наблюдателем располагались еще несколько человек, похожим образом обмотавшиеся одеялами и сбившиеся в кучку на узких сиденьях, словно зверьки в корзине. Я заметила выступающий крашеный ирокез. Та группа, подумалось мне.

И, естественно, мое дорожное платье зацепилось за выступающую конечность, завернутую в одеяло. Не знаю, что это было — локоть или колено: руки и ноги торчали во все стороны. Согнувшись, чтобы отцепить платье, я прошептала: «Простите», и вместе с ответным: «Нет, это вы меня извините», завязалась тихая беседа. Теснота салона самолета заставляет вести с самыми неожиданными людьми еще более неожиданные разговоры. Но тогда, когда я, нагнувшись, шепта-

ла слова в пространство между капюшоном и его ухом, и он отвечал мне с непонятным акцентом, это все казалось таким естественным и простым; вспоминая об этом сегодня, я даже думаю, что слишком простым.

Во сне или под воздействием таблеток события случаются очень быстро и безо всякой видимой связи. Мы словно переходим к самой сути, без ненужной светской болтовни — и тогда случилось именно так. Вскоре мы уже обсуждали личные вопросы на смеси английского и немецкого (я все еще изучала этот язык).

— Warum?

Почему что? Почему я путешествовала?

— Ein Mann, — я сказала правду, просто, чтобы избежать возможных приставаний.

— И что это за человек, ради которого вы летите через полмира?

— Ein Musik-mann.

Он издал мягкий смешок, словно резко выдохнул носом, и в этом звуке было больше иронии, чем веселья.

— Вы вряд ли его знаете. Играет классику и руководит небольшим ансамблем в Бременской музыкальной школе, — я произнесла это по-немецки, «брей-менской».

— Осел, — сказал он.

— Что, простите?

— Катц.

— Да, я Джейн Катц, — ответила я. Мы что, работали с ним, когда он играл в какой-то другой группе?

Он снова рассмеялся, но теперь казалось, что он просто доволен услышанным.

— Осел, кошка, — повторил он. — И хунд. И петух.

— А-а, — сказала я, наконец, уловив смысл. — Вы тоже вспомнили братьев Гримм?

Я только-только прочла сказку по электронной книжке, и она еще не выветрилась из моей памяти. В первый день Рождества мой любимый даже прислал мне мягкую игрушку, туристический символ города: осла с собакой на спине, а на собаке кошка, а на кошке петух. Четверо Бременских музыкантов, изготовлено в Китае.

— Очень любопытная история, гораздо глубже, чем кажется на первый взгляд. Как и почти все, что писали братья Гримм.

— Начинается все с осла, — сказала я.

— Он уже слишком стар, чтобы работать на ферме.

— И вместо того, чтобы умереть и отдать по-

следнее ценное, что осталось у него, — свою шкуру, он скачет прочь по дороге в Бремен.

— Мне кажется, тут есть шутка «для своих». Почему осел бежит в Бремен? Чтобы стать городским музыкантом. Выходит, что, по слухам, музыканты из Бремена играют хуже, чем ослы.

— Интересно, — говорю я. — Он утверждает, что умеет играть на лютне.

— Как может осел играть на лютне?

Я обдумала этот вопрос:

— Зубами, как Хендрикс. Или прижимал одним копытом струны, словно горлышком бутылки. Или делал глиссандо.

— Вир гут, — сказал он. Очень хорошо.

— Пес говорит, что умеет играть на литаврах, — сказала я, перескакивая на следующего персонажа. — Может, у него палочка была привязана к хвосту.

— Чтобы показать, что старую собаку можно научить новым фокусам.

— Этот тоже был беглецом: слишком старый, чтобы охотиться. Хозяин избивал его до полусмерти.

— И потом они встретили кошку.

— Промокшую насквозь и страшно разъяренную.

— Сбежала, когда ее хотели утопить.

— Потому что и она была слишком стара для охоты, даже на маусен.

— А на чем играет кошка?

Я подумала еще:

— Может, на каких-нибудь струнных? Своими цепкими когтями.

— У них уже есть гитарист.

— Ну, тогда на басу. — Я в свое время поигрывала на бас-гитаре, как и многие другие девчонки в восьмидесятых. Когда я получила доступ к сцене (а не на сцену), то бросила это занятие, но в моей душе не умерло почтение перед басистами. По большей части они были клевыми ребятами, особенно джазмены.

— И последний, — сказал он. — Петух.

— Кукарекал что было мочи.

— В тексте это обозначалось как «пробирало до мозга костей». Вир гут, очень зловеще.

«Как и то, что вы почти дословно знаете историю, которую я только что прочла», — хотелось мне сказать. Под покровом сна колышутся смутные сомнения, но их никогда не выражаешь открыто.

— Ему предстояло пойти на суп.

— Это экономика сельского хозяйства, — заме-

тила я. — Лишенная всяких сантиментов. Крайне практичная. Я сама выросла на ферме.

И уехала оттуда как можно дальше.

— Итак, с приходом петуха группа была укомплектована, — сказал он.

— Да, у них появился солист с чрезвычайно пронзительным голосом.

— И все они ищут в Бремене «что-нибудь получше смерти», как сказал Эзель, осел.

От этого аж мурашки по коже забегали. Если есть на свете что-то, чего боятся все без исключения и чего стремятся всеми силами избежать, так это старости, истечения срока своей годности, приближения конца. Перестарка, говорят про пожилых женщин, только на суп и годится. Как петух у Гриммов.

Кажется, именно тогда я вернулась на свое место; так расстроилась, что не могла продолжать разговор. А потом я внезапно очнулась от тяжелой дремоты: в кабине загорелся свет, мы шли на посадку в Чанги. Там я воспользовалась бесплатным Интернетом, чтобы отправить сообщение в Бремен, и, так как строка «что-нибудь получше смерти» прочно засела у меня в мозгу, я купила в дьюти-фри ночной крем, который, несмотря на отсутствие пошлины, стоил больших

денег. В баре я снова столкнулась с группой. Они выглядели ужасно невыспавшимися. Никаких ирокезов я не заметила. И нельзя сказать, что среди участников кто-то особо выделялся своими размерами. Я внезапно поняла: кто бы со мной ни говорил, он был старше, потому что постоянно подчеркивал возраст животных. Молодой такого бы не сделал; они все верят, что бессмертны. «А ну слезай с пожарной лестницы, выпей воды, нет, не надо нюхать васаби…» — все это мне приходилось говорить в те дни, когда моя работа агента скатывалась до обязанностей няньки.

Так с кем же я говорила в этом ночном полете? Это был человек незаурядный, явно непохожий на моих попутчиков, что снова выстраивались в ряд у охраны аэропорта, одетые в треники или джинсы, чьи дети сжимали в руках книжки про Гарри Поттера. Наверное, он летит в Германию, раз говорил со мной по-немецки. Я внимательно осмотрела людей в очереди, но тщетно.

Ну да не важно, я так устала. Завернувшись в одеяло, я закрыла глаза и просыпалась каждые четверть часа по дороге в Гамбург. Mein mann рассказал мне, что есть в местном аэропорту потайное место, известное лишь бывалым путешественникам, где можно сесть в шезлонг

и понаблюдать, как самолеты отрываются от земли. Это место я нашла, но все же, пока не объявили мой рейс на Бремен, расслабиться у меня не получилось.

Самолет был забит немецкими бизнесменами, которые сходили по трапу с портфелями в руках или серьезно ждали своих чемоданов у вращающегося конвейера. И тут опять начали происходить странные вещи: могу поклясться, что видела, как на конвейер вспрыгнула ищейка. «Ого, у кого-то нашли наркотики!» — подумала я, счастливая оттого, что на сей раз мне не придется выручать какого-нибудь клиента из беды. Вместо этого собака взяла в зубы ручку одного из чемоданов и стащила его с ленты, а потом отнесла мужчине, который просто взял его и ушел; собака резво семенила за ним следом. Чему только сейчас не учат собак-поводырей, подумала я.

Оказалось, что немцы берут с собой собак повсюду: в универмаги, в музеи, поэтому собака в аэропорту вскоре стала казаться мне явлением не таким уж необычным. Уж точно не столь необычным, как новая страна, даже если знакомил меня с ней местный гид-музыкант. Как описать его, не употребляя расовых штампов и банальных фраз о любви? Он был высок, светловолос, голу-

боглаз, привлекателен (естественно!), честен, методичен, серьезен. Читатель, мы трахнулись сразу же, как добрались до его идеально чистой квартиры. А потом я заснула, несмотря на всю свою решимость не ложиться, пока по местному времени не наступит ночь. После секса я всегда засыпаю, даже после такого честного, методического и серьезного. Я проснулась и увидела, как он одевается, чтобы идти преподавать. Почему бы, пока он будет работать, мне не пройтись по зимней ярмарке, не посмотреть рождественские schmuck (украшения) и не выпить Lumbaba (кофе с ромом)?

И вот я уже одна в Германии, температура упала ниже нуля; я вся замотана в шерстяные вещи и брожу по рождественской ярмарке. А вот и зеленые ветви омелы: впервые вижу их на холоде. Вот карусели, картонные силуэты сценок Рождества, имбирные пряники в форме сердца. Этот праздник словно говорил: веселитесь и не пускайте сюда ледяных великанов!

— Ich möchte ein Kaffee, — тщательно проговорила я свою просьбу человеку в ларьке с Schmaltzküchen. А потом, когда получила свой кофе, ответила «Danke schon».

Я слегка согрелась. Но все же сквозь рукава мне

задувал ледяной ветер, пробирая до мозга костей. Не зная, что мне делать дальше, я оглянулась по сторонам (желательно, чтобы занятие мне нашлось где-нибудь в тепле) и увидела объявление об экскурсии по историческому зданию Ратхауса (то есть ратуши) на немецком и английском языках.

Я заплатила причитающуюся сумму в евро, снова встала в очередь. Люди были облачены в стеганые куртки и шерстяные шапки, как правило, с разноцветными косичками. Очень удобная мода, без сомнения, но на мой вкус слишком уж в духе хиппи. Внутри меня ждало тепло — и наш гид.

Двуязычная экскурсия была очень подробной, но проводили ее легко, с ноткой остроумия. Я узнала о существовании ганзейского языка, о Бременской республике, о епископе Ансгаре родом из Бремена, который около тысячи лет тому назад просвещал Скандинавию. А ведь Сиднею всего двести лет, подумала я. Это всем известно, кроме участников фолк-группы *Yothu Yindi.*

Однако, как ни интересна была экскурсия, меня постоянно отвлекали всякие странные мелочи: собака, что шла вместе с туристами, словно тоже заплатила свои кровные евро за

вход; морда горгульи, что щурилась с пышной деревянной резьбы; иронический, себе под нос, смешок гида…

— Только что кто-то спросил меня про символ города, ключ. Это сейчас стали вручать ключи от города в качестве награды, раньше все было иначе. Это был символ не открытости, а замкнутости. Средневековые города были окружены стенами — защищались от тех, кто приходил снаружи, из областей за лугами и пашнями: от воров и феодалов-разбойников. Ключи хорошо охранялись, ибо мир за стенами города был жесток. Им приходилось поступать так, чтобы выжить.

Я впервые внимательно посмотрела на гида. Это был огромный мужчина, уже с проседью, примерно моего поколения; без особых примет (словно нарочно добивался такого эффекта, хотел вписаться в окружающую среду, как деталь пазла).

— Раз уж вы заговорили про символы, может, расскажете про Бременских музыкантов? — спросила я.

Мои спутники словно исчезли, и мы говорили один на один, как тогда, в самолете.

— Они так и не добрались сюда, — сказал он. — Отклонились от дороги.

— Пошли на огни лесного домика, — выдохнула я.

— И когда они посмотрели в окно…

— …то увидели свет очага и разбойников, которые пировали за столом.

— У них слюнки потекли от голода.

— И они прокрались обратно во тьму.

— Обсудили, что им делать.

— И разработали план.

— Они наблюдали и ждали, пока разбойники не напились, но все еще могли стоять на ногах.

— И тогда осел встал на колени, а пес забрался ему на спину.

— Кошка грациозно прыгнула с бочки с водой на загривок собаки.

— А петух, собравшись с духом, взлетел на спину кошки.

— Осел осторожно встал, поднимая пирамиду животных.

— И грабители увидели в окне чудовищный силуэт. Одновременно с этим раздались демонические вопли. Завопил осел.

И снова этот смешок.

Собака, что до сего момента тихо сидела рядом и прислушивалась, негромко пролаяла.

— Кошка завыла, — сказала я, призывая на

помощь свою память в поисках нужного слова. — Das Miaoen!

Из толпы экскурсантов раздался звук, который завершил диалог о Бременских музыкантах: у кого-то на мобильном был рингтон, имитирующий петушиное кукареканье. Чары рассеялись; гид вздохнул и погрозил нарушителю пальцем. Теперь он снова стал всего лишь экскурсоводом, а я — обычным туристом, одиночкой в незнакомой стране.

Еще один день, еще одно место, и я снова не знаю, где нахожусь. Mein Mann в выходные был свободен, и поэтому мы поехали дальше знакомиться с его обожаемой Германией. Выдвигаться надо было в шесть утра, а я проснулась в два и лежала рядом с шести футами спящего мужчины, не в силах даже задремать, не в силах даже найти себе какое-нибудь занятие в этой странной квартире, полной книг, которые я не могла прочесть, и устройств, пользоваться которыми я пока толком не научилась. Когда рассветало, мы уже были на Hauptbahnhof и садились на *ICE*, междугороднюю экспресс-электричку. Постепенно из мрака начали вырисовываться пейзажи: по большей части это были ветроэлектростанции и по-зимнему бурые леса. Мы пересели в Ганно-

вере, потом — на станции, о которой я помню только очертания дерева во льду, похожего на игрушку, сделанную руками феи: момент чистого волшебства, который не затмило даже мое переутомление. А затем, много часов спустя, мы приехали в Арнштадт, город, славный своими баховскими местами. Наша поездка имела четкую структуру и была организована хронологически. Именно в Арнштадте Бах получил свою первую работу: играл на органе в лютеранской церкви.

Наши ботинки вмерзали в сугробы, а мы стояли и смотрели на памятник. «Присел у старого органа», как поется в древней песне. Mein Mann был исполнен почтения, но я едва могла сдержать смешок. Скульптура была явно фаллической формы; ну что ж, подходит для отца двадцати детей. И шпагой он ведь, кажется, тоже владел? Он напомнил мне юного Кита Эмерсона, но я решила не делиться этой ассоциацией, особенно с человеком, с которым мне вскоре предстояло разделить жизнь. Мы вошли в Neuekirche, где я продолжила думать неподобающие мысли, потому что интерьер здесь напоминал белый с золотом свадебный торт. Даже орган! «Можно мне тоже такой торт?» — чуть не сказала я. Нам придется пожениться, если я останусь в Герма-

нии. Это лучше, чем продолжать отношения на расстоянии. У него был чрезвычайно стабильный доход, а я была чужачкой, иммигранткой, которая ищет ключи от города, чтобы наконец оказаться в тепле, у очага.

В обнесенных стеной городах нет места толерантности, вспомнила я, и меня затрясло. Он неправильно понял и обнял меня укутанной в шерстяную перчатку рукой. Какое исполненное теплоты непонимание! Я наслаждалась им, пока мы стояли как жених и невеста посреди этой бело-золотой церкви.

Мы пообедали в заведении с названием «Кафе музыканта» (естественно!): кофе, schwarzbrot, tagessuppe («суп дня», вегетарианский, — я, в отличие от моего спутника, не питала нежности к куриному бульону). В серебристо-сером свете зимы я смотрела, как упитанная белая кошка идет вдоль Арнштадтского Ратхауса. Какое уместное зрелище, да еще с двуязычной игрой слов[7].

— Сегодня около полудни у меня назначена встреча. Музыкальные дела.

Ну разумеется.

— Пока меня не будет, может, ты посмотришь

---

[7] Примечания: 7

Rat — *англ.* «крыса», Haus — *нем.* «дом». — *Примеч. пер.*

Puppenstadt?

— Кукольный дом? — спросила я после того, как мысленно перевела его фразу.

— Очень известный. Остался со времен Баха.

Как скажешь, подумала я. Он мог предложить мне покататься на коньках на ближайшем пруду, и я бы согласилась — так мне хотелось ему угодить. Но кукольный дом? Я не была ни ребенком, ни слащавой дурочкой. Что он вообще обо мне думает?

К моему удивлению, зрелище меня захватило: около восьмидесяти комнат в стеклянных витринах, целое немецкое княжество в миниатюре, собранное бездетной и вдовой принцессой Августой Доротеей, если судить по портрету, пухленькой и дружелюбной особой. Ну что ж, это будет посерьезней, чем работать музыкальным промоутером, подумала я. Я шла вдоль витрин, почти прилипнув носом к стеклу, и изучала подробности жизни давно ушедших времен: музыканты, горничные, ткачи, пекари, пляшущие медведи и все прочие. За моей спиной вошла и ушла группа туристов — пожилые немецкие пенсионеры с гидом. Но кто-то из них остался, я ощущала чужое присутствие, хотя пристально разглядывала миниатюрную копию зала

для приемов принцессы. Была тут даже ручная обезьянка — или кошка? Она пряталась за складками ее шелковых юбок.

— Вы бы не хотели очутиться там? — спросил голос за моей спиной. Уже слишком знакомый голос. Боковым зрением я заметила быстрый взмах руки, держащей крохотный ключ между указательным и большим пальцами.

— В кукольном мире? Он чем-нибудь отличается от мира средневекового огороженного города?

— Восемнадцатый век был гораздо более цивилизованным. Принцесса души не чаяла в своих питомцах и придворных музыкантах. Но взгляните-ка на человека, продающего мышеловки, на пляшущего медведя. — Это был полярный медведь, сделанный из настоящего меха. — Взгляните на старую нищенку.

— Мы еще можем к этому прийти. — До чего же страшно очутиться одному, постареть, обеднеть, лишиться друзей. Я снова вздрогнула.

— Представьте себе, — продолжил он, — если я встану у окна, на меня заберется собака, а вы, Женщина-кошка, окажетесь между собакой и петухом, и мы все вместе раскроем рты и устроим страшный тарарам…

— И напугаем жителей кукольного домика,

как мы напугали грабителей, — выдохнула я. — Miaoen!

Мяуканье у меня вышло мягкое, но в тишине музея оно все равно прозвучало чудовищно громко, особенно с аккомпанементом смеха за моей спиной и собачьего лая; даже рингтон с кукареканьем раздался снова: иа-гав-мяу-кукареку. Стекло витрины словно превратилось в воду: оно зарябило от моего дыхания. Внезапно я оказалась не снаружи, а внутри провинциального зала семисотых годов, припала к земле у подножия трона, обитого желтым шелком. На стенах китайские обои и мебель с инкрустацией.

Я стояла лицом к лицу с обезьянкой. Я оскалила зубы и зашипела; мартышка умчалась прочь. А я поступила так, как сделала бы любая кошка: вспрыгнула и уселась на лучшем сиденье в зале, на мягком шелке княжеского трона под балдахином в тон обивке.

— И каковы будут ваши распоряжения, княгиня Женщина-кошка? — вопросило лицо на стене зала для приемов.

Женщина-кошка небрежно взмахнула лапой:

— Освободите обезьянку от оков и медведей тоже. Снимите упряжь с лошадей и запретите всех крысоловов, за исключением меня!

— Вир гут, — проговорил голос за стеклом, снова рассмеявшись. Витрина задрожала, изображение перевернулось, и вот я снова стою, глядя на зал для приемов с неподвижными куклами принцессы, обезьянки и кошки.

— Кто вы? — спросила я. — Какой-то борец за права животных?

— Я вряд ли смог бы стать кем-то еще, — сказал он, и голос его протянулся нитью, которая внезапно оборвалась. Я повернулась и обнаружила, что стою в одиночестве. В кармане зазвонил мобильник, который мне дал mein Mann: фуга Баха. Пора идти.

Следующие несколько дней я помню обрывками. Картинки сказочной туристической Германии в Рождество. Тем вечером мы ужинали в Golden Sonne, где многие поколения семейства Бахов ежегодно встречались, чтобы помузицировать; спали мы в гостинице над рестораном и были там единственными посетителями. Секс вышел на шестерочку. Может, дело было в моей затяжной усталости, а может, мы смутно ощущали, что призраки Бахов взирают на нас с неодобрением. На следующий день мы пошли послушать орган Баха в лютеранской церкви, и во время проповеди я чуть не уснула. Обратно

в Бремен ехали на поезде. Выпало много снега, и пейзаж за окнами до приторности напоминал рождественскую открытку (если бы еще не ветроэлектростанции). На следующий день я осталась одна, смотрела немецкое телевидение. Оказалось, это такая же помойка, как и везде в мире. Набравшись отваги, я вышла на улицу и в совершенном одиночестве направилась за пределы Neustadt («нового города»; обычно такие имена носили районы, которым стукнуло много веков) вдоль реки.

Мне хотелось посмотреть на знаменитую бронзовую скульптуру Бременских музыкантов. Она была до блеска отполирована руками любопытных туристов, и я тоже ее потрогала: сначала кошку, катц, а потом осла. Вместо теплого меха и волос я ощутила лишь прикосновение холодного металла. Пока счастливые туристы щелкали камерами, я стояла и ждала, словно прислушиваясь к характерному смеху, похожему на ослиный рев. Но ничего не произошло, и я утешилась порцией glühwein, которую выпила в ларьке, пока рождественские гуляки хлопали друг друга по спинам и распространяли дух веселья на всех, кроме меня.

Наступил вечер, я придала себе самый очаровательно-зимний вид, на который была способна,

и отправилась с mein Mann посмотреть на выступление его оркестра. Бывает, что авангардная музыка встречается с роком; чаще всего это происходит на фестивалях. И вот стареющая агент по продвижению рок-групп знакомится с парнями, играющими серьезную классику. Не сомневайтесь, я знала кое-что и о Стиве Райхе, и о Филе Глассе, хотя предпочитала все равно своих любимых Sonic Youth. Так почему же представление показалось мне какофонией, замаскированной под искусство? И ведь у них даже не было честной цели отпугнуть грабителей от богатств, нажитых неправедным трудом. И я уже не говорю о том, что я и правда умудрилась заснуть во время так называемой «медленной части». И вот уже потом, на пронизывающем зимнем ветру, мы устроили грандиозный скандал. По счастью, бранил он меня и выдвигал список претензий на немецком. При других обстоятельствах я бы уже в ярости удалилась, но на таком морозе, да еще в чужой стране, у меня не было выбора: я кротко проследовала за ним домой. В его дом.

К следующему утру мы вроде бы помирились. На завтрак он ел салями (немецкая традиционная еда, такая же ужасная, как и австралийская паста «Веджимайт»). Мы снова сели на поезд,

на этот раз в Любек, куда Бах когда-то пришел пешком, чтобы послушать игру Букстехуде. До чего это похоже на поведение юной фанатки, подумала я, но вслух не сказала. Экспресс был забит немцами, их чемоданами и свертками подарков: они в панике загружались в вагоны в последнюю минуту, отправляясь домой к семьям на Weihnachtsfest. Мы, как и по пути в Арнштадт, сделали пересадку. Правда, на этот раз мы поменяли электричку в крупном городе. В тот день я не успела выпить свою обязательную утреннюю чашку кофе (мы спешили на поезд), и мысли у меня путались, я никак не могла вернуться к реальности. Мы стояли у ларька, дожидаясь своего кофе, и я спросила:

— А где мы?

И прочла на его лице: «Она что, не знает?»

— В Гамбурге, конечно.

— О, — сказала я, внезапно связав город с известным мне культурным событием. — Тут же Битлз учились выступать!

И тут же застыла, увидев, как снисходительное изумление сменилось неприкрытым отвращением. Так вот что ты думаешь обо мне, о моих достижениях, о том, чем я восхищаюсь! Я ощутила толчок, словно вагоны собирали в состав,

и мой отставший из-за часовых поясов дух (или душа) догнал меня, и с ним ко мне вернулся здравый смысл. И тогда я поняла, что свершила огромную ошибку: я что, правда поверила, что возможна истинная любовь с незнакомцем, с которым у меня совершенно противоположные музыкальные вкусы?

— Сноб! — заорала я. Это слово одинаково понимают и англоговорящие, и немцы. Вокруг нас стали что-то кричать в ответ, раздался рев пения и даже какой-то звук, напоминающий ружейные выстрелы. Затопали ноги, засвистел свисток, и полицейские с дубинками и пистолетами заполонили станцию. На следующей платформе остановился поезд с футбольными фанатами. Они энергично что-то распевали и взрывали петарды. Навстречу им побежали полицейские, и через несколько секунд начался мятеж, причем не только на платформе, но и у нас, больше-не-влюбленных. Мы припомнили вчерашнюю ссору. На этот раз я сполна давала ему сдачи, используя слова с германскими корнями: короткие, едкие, отвратительные и знаменующие окончательный разрыв.

Наступило время драматического прощания, эффектного, как поклон у задернутого занавеса. Я

повернулась на каблуках и шагнула в бушующий хаос толпы. Мне случалось выживать на танцевальных площадках фестивалей перед самой сценой, и я знаю, как протиснуться сквозь бурю и остаться невредимой. В отличие от фаната сбоку от меня, который поскользнулся и получил башмаком по голове, отчего у него слетела вязаная шапка. Вокруг нас колыхалась толпа, и я рывком подняла его на ноги, чтобы не затоптали.

Казалось, он оглушен: кровь стекала по его ирокезу, выкрашенному в цвета команды. Я сделала то, что обычно делала, когда мой клиент попадал в переделку: провела его к краю толпы, а затем наружу, мимо пассажиров-зевак, к тишине и безопасности. По пути нам случилось натолкнуться на полицейскую собаку. Я зацепила его капюшон и, так как битва шла уже совсем рядом, шагнула в сторону и вниз по ступенькам. Возможно, нас вела собака, а может, и я сама. Как бы то ни было, мы проковыляли вниз к пригородным поездам, где стояло всего несколько пассажиров с сумками.

Подошел поезд, и мы, не задумываясь, вошли внутрь. Состав запыхтел обратно в сторону Бремена, и из сгустившихся туч повалил снег, и мы ехали через пустынные сельские просторы, проезжая одну крошечную станцию за другой.

Путь наш нырял в лесные чащи, и там, в самом центре, тоже была безлюдная остановка, меньше всех прочих, что попадались нам до сих пор. Собака залаяла и потянула меня за подол зубами. Я подняла своего обдолбанного подопечного, и мы вышли в метель, и никто не пошел за нами в этот мороз. Фанат согнулся, зачерпнул пригоршню снега и протер голову. Казалось, ему стало легче, и он, пошатываясь, направился к выходу. Я не могла оставить его в таком состоянии, и поэтому пошла следом. Собака тоже увязалась следом и шла, помахивая щетинистым хвостом.

Под козырьком крыши нас ждал громадный серый осел; фанат обнял его за шею, а затем пошел, опершись на него, как до этого опирался на меня. И так мы вышли в снег, все четверо, и пошли через деревню. В каждом окне сияли, словно на рождественском календаре, украшения и подсвечники. Мы миновали несколько улиц, и вот деревня закончилась. Наши лапы, копыта и сапоги перестали скрипеть по снегу: теперь мы в тиши шли по ковру из влажных сосновых игл. Начался лес. Теперь фанат шел один, но зато я споткнулась о древесный корень и полетела кубарем, сломав каблук сапога. Собака рядом со мной, тяжело дыша, осел склонил морду, словно

переживая, фанат дал мне руку, чтобы я смогла встать. Я зашаталась, и он подхватил меня на руки с такой легкостью, словно я была комочком снега, и посадил на спину осла. Это не Назарет, думала я, а я — уж точно не беременная Дева Мария. И тем не менее я ехала на спине осла через лес и доехала до поляны, где стояло здание, напоминавшее переделанную конюшню или амбар.

Я знаю, что осел ткнулся мордой в дверь, и она открылась. Я помню это, но что случилось дальше, представляю себе смутно. Как-то оказалось так, что я больше не ехала на спине осла, а меня внесли на руках через порог, как невесту, и усадили в кресло у очага. Затем какие-то суматошные движения: видимо, разжигали огонь. Я стянула промокшие сапоги и поставила их на засыпанную пеплом каменную плиту у камина. Огонь загорелся, вверх по трубе стали выстреливать огненные полосы, и я соскользнула на прикаминный коврик. Рядом со мной со вздохом устроилась собака. Вскоре она заснула. Через мгновение я тоже сомкнула веки.

Много часов спустя я пробудилась от освежающего сна: я выспалась впервые за неделю. Наступили ранние зимние сумерки, и с ними пришло Рождество, которое в Германии отмеча-

ют с вечера. Огонь освещал стол, накрытый для пиршества. В комнате стояла наряженная елка. Фанат куда-то исчез, но собака все еще храпела рядом, и у нее подергивались лапы. В кресле по ту сторону от камина сидел гид из Ратуши.

— Вы Эзель, — сказала я.

Кивок, улыбка.

— Скажите, что произошло в сказке дальше. Итак, Бременские музыканты выгнали разбойников?

— И четверо животных захватили дом и устроили пир.

— А воры потом вернулись?

— Они выслали разведчика. Он проник в дом в темноте, и его оцарапала кошка, лягнул осел, укусил пес и почти оглушил петух. И вот он убежал прочь, причитая о ведьмах с длинными когтями, мужчинах, вооруженных ножами и дубинками… И о прочих вещах, в которые он поверил со страху.

— Но только не в нашествие животных, — сказала я.

Теперь у очага стало жарко, как в кузнице, а ведь я была вся замотана в шерстяные одежды. Я села и вот тогда разглядела петуха: он сидел на стропилах, и на гребешке у него — нет, не может

этого быть! — красовалась полоска, напоминавшая пластырь.

— Осел, hund, hahn… Vo sind die Katz?

— У нее девять жизней. Она может уйти и пожить какой-нибудь из этих жизней, но потом возвращается.

Читатель, мы провели это Рождество вместе, и дом наш был завален снегом до самого Нового года. В этих краях такие снегопады случались нечасто. Мы болтали, готовили с Эзелем потрясающие блюда, пили glühwein и все лучше и лучше узнавали друг друга. Вот и все, на сей раз я решила не торопить события. Мы прослушали всю огромную коллекцию пластинок и DVD, и тогда появились музыкальные инструменты. А как Эзель владел глиссандо на гитаре! Я осторожно перебирала струны, исполняя партию бас-гитары. Хан свисал со стропил и голосил футбольные кричалки, подражая Роберту Планту. Хунд был застенчив (порой барабанщики бывают и такими), но время от времени он спускался в подвальную студию, и откуда потом доносились звуки барабанов, на которых выбивали бешеную дробь.

И вот как раз тогда, когда в доме закончилась вся еда, за исключением коробки шоколадных мышей, из деревни на снегокате приехали люди

и откопали нас. И именно потому, что теперь я могла уехать, я, вопреки кошачьим обычаям, осталась.

Однажды давным-давно братья Гримм взяли устное предание, причесали его для печати, но основной смысл оставили нетронутым. Доберитесь до сути, и перед вами окажется история о том, как найти тихую гавань, или о том, как полезно иногда сбиваться с пути. Я уехала из родных мест, чтобы выйти замуж за исполнителя классической музыки, а в итоге живу с рок-группой. Я так делала и раньше, в дни безумной юности, в своей прежней жизни, и к этому же теперь мне суждено было вернуться.

— Как заканчивается сказка? — спросила я Эзеля, когда мы наблюдали за рассветом Нового года, вместе свернувшись под целым Эверестом одеял. — Они жили долго и счастливо?

— Нет, в сказке говорится иначе.

— Так что же?

Он лег на спину и задумался.

— С этим квартетом все обстояло благополучно.

— Отлично!

— Но осталось неизвестным их точное место пребывания.

— Какие формалисты эти братья Гримм!

— О, только не в последней строчке. Она звучит так: «И они по сей день живут там, насколько я знаю».

О случившемся можно написать двумя способами. Во-первых, это романтическая сказка: по дороге к тому, что казалось мне любовью всей моей жизни, а на деле оказалось пустой тратой времени, я встретила в самолете господина, с которым у нас было больше общего, и в смысле музыки, и вообще. Затем я встретила его снова: он взял на себя работу гида в экстремальных условиях. И я обнаружила, что могу пережить снежное Рождество с ним и его товарищами по группе. А им, кстати говоря, пригодился бы агент.

А вторая мысль будет несколько более необычной: вся наша жизнь — это непрекращающаяся сказка братьев Гримм, в которой время от времени встречаешь музыкантов-оборотней.

А может, правда и то и другое.

Насколько я знаю.

Люси Сассекс родилась на Южном Острове (Новая Зеландия) и теперь живет в Австралии, где работает исследователем и пишет книги. Ее

проза удостоилась премии Дитмара и премии Ауреалис, а также была номинирована на получение наград за вклад в защиту окружающей среды и премию Международной гильдии ужасов. Ее рассказы были опубликованы в сборниках «Моя Леди Язык» («My Lady Tongue»), «Гид по Утопии» («A Tour Guide in Utopia») и «Абсолютная неуверенность» («Absolute Uncertainty»). Также она написала несколько книг для молодых читателей и роман для взрослых «Алый Всадник» («The Scarlet Rider»). Сейчас она заканчивает работу над нехудожественной книгой, «Ищите женщин» («Cherchez les Femmes»), о женщинах-преступницах и детективах в истории.

Люси Сассекс говорит о своем рассказе:

«Раньше я никогда не писала святочных рассказов, и мне подумалось, что лучшим материалом для такого начинания будет визит в европейский город, где и зародились многие рождественские традиции: в Германию во время Сочельника, ведь именно оттуда пришла в мир рождественская елка. Почти все детали в рассказе основаны на реальных событиях: метал-группа из Восточной Европы в аэропорту, кошка у ратуши в Арнштадте. Я остановилась тогда в Бремене; у меня сохранились фотографии известной статуи, этой

китчевой приманки для туристов. И все же, пока я была там, мне так и не довелось прочесть ту самую сказку братьев Гримм о бременских музыкантах. Воспоминания о ней у меня были крайне расплывчатые. Это не давало мне покоя, беспокоило, как песчинка, попавшая в устрицу. Я доверяю такому чувству: если оно длится долго, то, скорее всего, неспроста. И вот, вернувшись в Южное полушарие, в самый разгар жаркого лета я все же прочла эту сказку, и она меня удивила. Оказалось, это чрезвычайно сложная многоуровневая история, изысканно омерзительная, посвященная таким темам, как права животных и старение. Легко подать историю братьев Гримм, сосредоточившись на кровавых подробностях или дав волю сентиментальности. Гораздо сложнее рассказать ее просто и реалистично, как и сделали сами авторы».

Господство
Кристин Лукас

Утром Седьмго Дня в Эдемском саду царили мир и тишина. Змея потянулась. Нужно бы это исправить. Совершенство — это очень, *очень* скучно.

Она подползла в высокой траве к прайду львов, что подставляли меховые бока солнцу, нежась на берегу Евфрата.

— Эй, а ты знаешь, из чего созданы ягнята? Мясо. Свежее, сочное мясо. Вот зачем делать существ из мяса, если их никто не будет есть? Давай сходи и попробуй их на зуб, — прошептала она одной львице, указывая чешуйчатым хвостом на стадо, что паслось поблизости. Овцы никогда ей особо не нравились.

Львица перевернулась на другой бок, ее янтарные глаза были полузакрыты.

— Слишком жарко, неохота бегать. Ягнята меня не трогают, и я не трогаю их.

Она зевнула и снова задремала.

В разочаровании Змея подползла к бурому медведю, что ел ягоды у реки.

— А в воде, знаешь ли, плавает жирная ры-

ба, — сказала она ему. — Сочный, извивающийся лосось и карп. В них столько питательных веществ, шкура от такой еды вся засияет. И на вкус они куда лучше, чем ягоды.

Медведь поднял на нее взгляд, вся его морда была выпачкана соком.

— А мне ягоды нравятся. Зачем мне мокнуть и беспокоить карпов?

К обеду Змея была уже на взводе. Никто из Эдемских зверей не захотел ей угодить. Последние творения Бога, эти бесшерстные двуногие, выглядели многообещающе, но она не решалась к ним подойти. Воробьи начирикали, что Он создал их по своему образу и подобию. И, судя по тому, как явно Он предпочитал агнцев, ничего хорошего из этого бы не вышло. Свернувшись вокруг Древа Жизни, Змея решила, что миру не хватает занятных — и озорных — созданий. Она видела, как Он создавал людей из глины. Вряд ли это очень уж сложно, особенно если призвать на помощь запретные плоды. На той стороне поляны человек почесал в паху, глядя на облака. Вряд ли у нее получится что-то хуже, чем вот *это.*

Она собрала кучку мягкой земли из-под корней Древа Жизни, обвилась вокруг нее и принялась месить и лепить, как только умела. Возможно, в

отстоящем большом пальце, как у людей, и правда были свои преимущества. Она потратила на это почти весь день, и вот, наконец, отпрянула назад и внимательно осмотрела плод своих трудов.

Создания выглядели отлично: один самец и одна самочка, ибо всем нужен спутник в жизни и сообщник в шалостях. Она сделала самца крупнее, подарила ему более массивную голову, быстрые когти и ядовитую мочу, чтобы оставлять свои отметки по всему тварному миру. Самка была более изящной, но также более быстрой и яростной, чтобы защищать свой помет. Змея облизнулась раздвоенным языком и заспешила вверх по Древу Жизни. Уже всходила полная луна, а она так и не закончила еще своей работы.

Она схватила плод и выжала его сок на свои создания, словно помазывая их на царство.

— Я дарую вам знание Добра и Зла, — прошептала она, и внезапный ветер зашелестел листвой вокруг. Глиняные звери задрожали, и грязь обернулась шерстью и плотью. — Я дарую вам зрение, чтобы вы могли проникать взглядом сквозь темные часы ночи и сквозь темные души. Луна да будет вашим союзником, солнце да согреет ваш мех. Ступайте быстро, ступайте неслышно и сбивайте все хрупкие предметы на своем пути.

Она дохнула на них и плюнула на них.

— Я дарую вам свободную волю, и по вашему выбору она станет либо лекарством, либо отравой. Ту божественную искру, что осталась во мне, я разделяю с вами.

По Саду пробежал трепет. Она обтерла их плодом с Древа Жизни, и сухая глина спала, открывая мягкий мех.

— Кошки, я дарую вам Жизнь. Идите и размножайтесь. Размножайтесь часто, размножайтесь громко, пока ваши потомки не заполонят весь тварный мир.

Котята моргнули и понюхали воздух. Их глаза загорелись, отражая лунный свет. Когда они заметили друг друга, Змея затаила дыхание. Их глаза расширились, спины изогнулись, хвосты поднялись торчком и распушились. Трехцветная кошечка, что была отважней своего рыжего приятеля, осмелилась обнюхать его мордочку, а потом робко облизала. И вот они уже сцепились в клубок и вылизывают друг другу шерстку. А потом им это надоело, и они стали гоняться за своими хвостами.

Совершенство не всегда бывает серьезным.

Котята преследовали ничего не подозревающих светлячков, рвали на мелкие кусочки древесные

листья и, цепляясь когтями, карабкались вверх по Древу Жизни. Змея лежала на земле животом кверху и до слез смеялась над их проделками. Когда котята спустились вниз, уже почти рассвело. Они примостились рядом со Змеей, что свернулась клубком, и быстро заснули. Их усики и хвосты подергивались: им снились сны про охоту и проказы.

Настоящее совершенство никогда не бывает скучным.

Следующим утром Змея грела свои чешуйки на солнце и наблюдала за играми котят. Скоро ей придется их кормить. Возможно, они смогут сами поймать пару жуков или даже лягушку, но лучше бы им не охотиться, пока они не научатся защищать себя. И, надеялась она, охотиться они тоже будут на приличную дичь, вроде ягнят.

Внезапно что-то задвигалось. Почти не поворачивая головы, Змея увидела, что за густыми кустами неподалеку прячется самка человека. Широко раскрыв глаза и рот, Ева наблюдала за игрой котят. Змея облизнулась раздвоенным языком и еле смогла подавить смешок. Се грядет та, что решит проблему с кормежкой.

— Подойди ближе, Ева.

Ева облизнулась. Она медленно и осторожно

вышла из-за кустов. Протянула руку, чтобы потрогать котят.

Они распушились и выгнули спинки. Трехцветная зашипела и показала острые маленькие клычки.

Ева отдернула руку и нахмурилась:

— Почему оно так делает? — Она повернулась к Змее, и в ее глазах блестели слезы. — Почему я ему не нравлюсь?

— Возможно, оно голодное. — Змея склонила голову, показывая на ближайшую равнину. — Там пасется стадо коров. Может, если ты принесешь им молока, они позволят себя погладить. Они очень мягкие, знаешь ли. И мурлыкают.

Ева моргнула:

— Мурлыкают? Как это?

— Мурлыканье — это блаженство, — ответила она и стала наблюдать, как Ева заторопилась к ближайшей корове. Изобрести мурлыканье — это было гениально. По всем статьям лучше этого отстоящего большого пальца.

К обеду котята подружились с Евой. Она принесла им молока, и они терлись спинками о ее ноги, играли с ее локонами и сворачивались клубком у нее на коленях и мурлыкали.

Змея, довольная, лежала в полудреме под

Древом. Ее работа была окончена. Она создала совершенство и нашла для малышей защитника. На пороге сна ее разбудил мужской голос, раздавшийся где-то вблизи.

— Ева, ты где?

Взгляд Евы метнулся от сопящих котят на ее коленях к источнику голоса и обратно. Трехцветная потянулась и закрыла мордочку крохотными лапками. Ева понуро опустила плечи:

— Я должна идти. Я нужна Адаму.

Змея вытянула шею. Нельзя было позволить ей уйти. Не сейчас. И не к *нему.*

— Почему ты ему нужна?

— Ну, собирать фрукты, расчесывать его бороду, и…

Змея закатила глаза.

— Он что, сам не может это сделать?

Зачем тебе отстоящий палец, если ты им не пользуешься?

— Да, но…

— Котятам ты нужна больше, — прошипела она. — Они не умеют доить коров.

Ева бросила взгляд через плечо:

— Наверное, я могу остаться ненадолго.

— ЧТО ЭТО ТАКОЕ?

Глас его был подобен грому и молнии, и Ева

упала лицом на землю. Котята резко пробудились ото сна, зашипели и стали карабкаться вверх по Древу Жизни. Змея оставалась спокойной и вытянула верхнюю часть туловища: конечно, она увидела сердитое лицо Адама: он прятался за кустами на заднем плане.

Среди сонмов ангелов и серафимов пред ними предстал Сам Господь Бог.

— Что ты наделала? — Он обратил огненный взор на Еву. — Разве у тебя нет спутника, жено? Иди к нему. Он искал тебя везде, чуть не заболел от беспокойства.

Ева встала и заспешила прочь.

Он повернулся к Змее:

— Скажи, чтобы они спустились вниз.

Она хмыкнула:

— Даже если я и скажу, они меня не послушают. Когда творила их, забыла добавить покорности.

Бог поднял бровь:

— Ну, разумеется.

Он погладил бороду и позвал жестом одного из серафимов:

— Принеси их ко мне, чтобы я мог в полной мере осмотреть плоды непослушания Змеи.

Серафим улетел к котятам, которые примостились на ветке.

— Последуйте за мной к вашему Господу Богу.

Глаза их расширились, завороженные непрестанным трепетанием шести серафимовых крыл. Трехцветная протянула лапу, чтобы схватить одно из них. Она облизала усики, повиляла задом и бросилась на медленно отступавшего серафима. В следующий же миг рыжий бросился ей вслед.

Среди шипения и целого облака оторванных перьев злосчастный серафим поспешил к ногам своего Владыки. Архангел бросился ему на помощь, и у него получилось оторвать обезумевших котят от потрепанных крыльев.

Котята стояли у стоп Господних, и Он склонился над ними. Рыжий котенок увлеченно гонялся за парящим в небе пером серафима, а трехцветную поразила борода Господа. Она попыталась дотронуться лапой до одной длинной белой пряди, но тут ей на глаза попалось перышко, и она погналась за ним.

— Какие нахалы, — сказал Он.

— Я называю это свободной волей, — проговорила Змея.

Теперь котята гонялись друг за другом у ног Бога, не осознавая нависшей над ними опасности.

Он нахмурился.

— Я дал человеку господство над всеми созда-

ниями. Они *должны* ему подчиниться.

— Тогда котят не существовало. Они не участвуют в этом соглашении.

— Они только нарушат мир. Плод называется запретным не просто так.

— Ты сказал, что нельзя его есть. Но других способов использования не запрещал.

Лоб Его нахмурился еще сильнее.

— Семантика. — Он дал знак одному из своей свиты: — Люцифер, проводи этих существ из Эдемского сада.

— Нет! — Змея бросилась вперед, встав между котятами и архангелом. — Снаружи им не выжить.

— Но они не беззащитны. Ты-то должна это знать, раз сама создала их.

Голос Его звучал твердо, но была в нем и доброта.

Она опустила голову:

— Но они ведь совсем малыши…

Бог повернулся к Люциферу, который стоял, переминаясь с ноги на ногу.

— Ну так что?

Люцифер закусил губу:

— Господь мой Бог, они не хотят идти.

Котята съежились у корней Древа. Разноцвет-

ный клубок шипящего меха. Бог повернулся к Змее.

— *Тебя* они послушают, — теперь в его тоне слышались намеки на огонь и потоп. — Присмотри за ними, но выведи их из сада.

Она кивнула, признавая поражение:

— Но выдержат ли они? Ты всеведущ. Пожалуйста, скажи мне.

Он склонил голову набок:

— Да будет так. Истинно говорю Я тебе: им будут поклоняться, как божествам, и на них будут охотиться, как на демонов. Часто Моим смертным слугам будет ведомо, что они — не Мои создания. Их будут считать порождениями зла, их будут топить в воде и жечь огнем.

— И Ты ничего не сделаешь, чтобы остановить это?

— Я не оправдываю их действия, и безнаказанными они тоже не останутся. — Он ухмыльнулся: — Что случилось с твоей любовью к свободной воле?

— Она ушла вместе с котятами.

Змея проводила котят через дикие земли к уединенному оазису. У них тут будут свежая вода и деревья, на которые можно взбираться, и ничего не подозревающие птицы и лягушки, на

которых можно охотиться. Но они будут совсем одни. Легкая добыча для всех опасностей, что таятся за стенами Эдема.

Вернувшись в сад, она больше не могла спокойно спать, в тревожных снах ей представали картины страдания котят. Ей нужно было найти им защитника, оградить их на все предстоящие тысячи лет. Разве Он не сказал: *«Присмотри за ними»?*

И вот утром она взобралась на Древо Познания и схватила ароматный плод, а потом направилась к поляне, где обитали люди.

— Ева! У меня для тебя кое-что есть.

Кристин Лукас живет в Греции с целой компанией избалованных кошек. Офицер военно-воздушных сил в отставке, она самостоятельно научилась английскому языку. Теперь в своих сочинениях ей нравится исследовать забытые уголки вымышленных миров, особенно жизнь животных, что населяют эти вселенные. Ее работы публиковались в различных печатных и электронных журналах, включая *Renard's Menagerie,* сборник *Footprints,* журналы *Expanded Horizons, Murky Depths* и *Andromeda Spaceways*

Inflight Magazine. В данный момент она пишет свой первый роман.

О своем рассказе Кристин Лукас говорит следующее:

«Несколько лет назад я изучала историю кошек для одной статьи и наткнулась на еврейский миф. Там говорилось, что в Эдемском саду кошек не было. Они были созданы позже, на Ноевом ковчеге, чтобы грызуны не слишком плодились и корабль не затонул. По-моему, вывод очевиден: когда Бог дал человеку господство над животными, владычество над кошками в договоре прописано не было.

Мало того: понаблюдав как следует за кошкой, вы поймете, что им ведомо Добро и Зло. Просто посмотрите, как они рвут туалетную бумагу или сбивают с подоконника цветочные горшки. Они знают, что так поступать не положено, но им наплевать. У человека нет над ними власти, и они приходят в мир, уже обладая запретным знанием. Тот, кто создал их по своему образу и подобию, просто обязан был быть трикстером. И моя кошечка по имени Спита клянется, что каждое слово этого мифа — правда».

Тигр в снегу
Дэниел Уинн Барбер

Джастин почувствовал тигра, как только дошел до улицы. Он не видел его, не слышал. Он просто… чувствовал.

Когда теплый и безопасный свет, что отбрасывал фонарь на крыльце Бакстеров, рассеялся, он устремился по переулку, который выходил на Стейт-стрит, и ощутил, как ночь заглатывает его одним жадным глотком. Дойдя до границы бакстеровского участка, он с тоской оглянулся на их парадную дверь.

Как жаль, что этот вечер вообще закончился. Это был лучший вечер из всех, что он помнил. Не то чтобы они со Стивом раньше не веселились, как умеют только лучшие друзья, нет, но этот вечер был, ну, совершенно волшебный. Они поиграли в «Братьев Шот» на приставке в подвале дома, пока мистер и миссис Бакстер смотрели наверху телевизор. Когда игра шла хорошо и все им удавалось, Джастин почти верил, что они со Стивом и на самом деле братья. И чувство это никогда не было таким сильным, как сегодня

вечером.

Когда миссис Бакстер прокричала им сверху, что пора расходиться, Джастину показалось немножко странным, что она отправляет его домой в такую ночь, особенно если учесть, что они со Стивом то и дело оставались друг у друга по выходным. Но этот вечер был особенным. Несмотря на снег, дом тихо призывал его сладкими голосами сирен.

Миссис Бакстер одела его в парку, сапоги и варежки, а затем, к его великому удивлению, поцеловала в щеку. Стив проводил его до двери, быстро попрощался и затем поспешил к себе в комнату. Как занятно… Казалось, глаза у него влажно блестели.

А затем Джастин ступил в ночь, и миссис Бакстер закрыла за ним дверь, оставляя его наедине с темнотой, холодом и… И тигром.

На краю владений Бакстеров Джастин оглянулся: не видно ли зверя. Но улицы казались пустыми. Лишь дома и припаркованные машины стояли укрытые пуховым одеялом свежего снега. Теперь снежинки лениво спускались с неба, словно устав после сильного снегопада днем. Джастин видел пляшущие точки под конусами света от уличных фонарей, но в остальном

черный воздух казался холодным и пустым. Ряд фонарей вдоль Стейт-стрит создавал впечатление светлого туннеля, который уходил в пустоту, а за этим туннелем на мир надвигалась тьма.

На секунду Джастину ужасно захотелось побежать обратно к дверям Бакстеров, попросить у них приюта, но он знал, что ему пора домой. Кроме того, он не был каким-нибудь там трусом, который спасается от темноты бегством. Он был одним из Братьев Шот. Крепким орешком, всегда готовым к бою. Бесстрашным. Разве он не доказал это буквально на днях тупице Дейлу Коркленду? «Испугался?» — спросил его тогда старина Коркленд. И Джастин показал ему.

На углу Джастин посмотрел в обе стороны, хотя знал, что в такую ночь на дорогах вряд ли будет много машин. А потом внимательно оглядел живую изгородь у ближайшего дома, где на ветвях повисли замерзшие пятнистые тени. Отличная маскировка для тигра — особенно для одного из этих, амурских, о которых он когда-то читал.

Переходя улицу, он не отрывал взгляда от изгороди. Снег бурлил у его ног и причмокивал под сапогами. Если из-за почтового ящика на дальнем углу выпрыгнет тигр, убежать от него будет совершенно невозможно. Он остановился,

не дойдя до этого ящика, и прислушался: не раздастся ли низкого урчания, которое порой издают сидящие в засаде тигры. Но услышал лишь свое прерывистое дыхание. «Испугался?» Да. С тиграми шутки плохи. Они так же опасны, как лед на пруду Шепердс.

Джастин, глядя тогда на лед, размышлял о том, что на прошлой неделе стояла теплая погода. А потом он поднял взгляд на лицо Дейла Коркленда. Он был тремя годами старше Джастина, и на его коже красовался целый парад прыщей. «Испугался?» И Джастин показал ему.

Но то было тогда. Разве тигры не безжалостней, чем лед? Ох, да, так и есть.

Джастин мысленно встряхнулся. Он попытался вспомнить все то, что говорил ему отец, когда его охватывал страх перед тиграми. *Не веди себя как ребенок.* По ночам, когда он с воплями просыпался от кошмаров про тигра. *Это всего лишь сон.* Или когда он был абсолютно уверен, что тигр притаился в подвале. *В городе у нас нет тигров. Только в зоопарке.*

Он уютно закутался в эти заверения и прошагал мимо подпорной стены на углу Стейт-стрит и Шестнадцатой улицы, даже не взглянув на паутину тополей, в которой мог прятаться тигр.

Он завернул за угол и продолжил идти. Блин, да он десятки раз ходил по этому пути. А может, и сотни.

Но сегодня ночью эти привычные, успокаивающие очертания из-за выпавшего снега казались чуждыми, искаженными, ненастоящими. Окруженный этим причудливым белым пейзажем, Джастин вдруг почувствовал, что страх перед тигром вернулся к нему. Он перемещался вверх-вниз в его теле, и вот мальчик уже почти ощущал близость хищника. Он был так близко, что, казалось, щеку Джастина согревает горячее дыхание джунглей.

Он прошел полдороги по кварталу, когда увидел, как чья-то тень непринужденно скользнула за третий от него дом. Казалось, она перетекла по снегу, словно во сне, а потом скрылась за машиной, припаркованной на дорожке. Это была всего лишь тень, но, пока она не исчезла, Джастину примерещились полоски.

В городе тигров нет.

Джастин смотрел и ждал. Ждал, пока она появится снова. Он даже подумал о том, чтобы вернуться, пройдя другим маршрутом, по Рашстрит, но тогда тень окажется у него за спиной.

Ну давай же, бранил он себя. Тигры водятся

только в Индии. Или в зоопарке. *Или за припаркованными машинами.* Чепуха. Тигры не выслеживают детей из-за припаркованных машин посреди американских городов. Только малыши позволяют себе пугаться ночных теней. И уж точно не один из Братьев Шот. Не парень, который отважился ступить на лед на пруду Шепердс. Не тот, кому всего два года осталось до того, чтобы пойти в старшие классы школы Рэтберн, где вам дают шкафчик, чтобы хранить вещи, а еще после каждого урока ученики переходят из класса в класс и обедают на трибунах стадиона. Ребята в Рэтберне не хнычут, если увидели тень на снегу. Может, ее отбросила ветка, что качается на ветру.

Но ветра сегодня нет.

Джастин сглотнул комок в горле и устремился вперед. Шел он медленно, не отводя взгляда от габаритных огней припаркованной машины. Если бы только можно было заглянуть за нее, не подходя ближе. Если что-то пряталось за ней, то оно набросится на него, не успеет он и полутора метров пройти. А потом…

…Зубы и когти, царапают и рвут на куски.

Испугался?

А то.

Поравнявшись с подъездной дорожкой на другой стороне улицы, Джастин остановился. Еще пара шагов, ну, может, три, — и он увидит, прав ли его отец и ребята из школы Рэтберн. Или тигры и впрямь сидят в засаде на заснеженных улицах? Конечно, можно было еще повернуть назад.

Скорее всего именно эта мысль толкнула его вперед. Если он вернется, то никогда не узнает правды, но если он посмотрит и увидит, что тигра за машиной нет, тогда и страх исчезнет, и он перестанет видеть тигров повсюду. В кустах. За деревьями. Между домами. Всего три шага, и тигр упокоится навеки.

Джастин прошел эти три шага так же, как прошел по льду пруда Шепердс. Прыщавый Корклэнд взял его на «слабо», и он принял вызов.

Один — два — три.

Он повернулся и посмотрел.

Ничего. За машиной не было ничего, кроме старых детских салазок, завалившихся набок. Никаких тигров. Ни львов, ни медведей, ни оборотней, ни страшилищ. Все это время папа был прав.

Последние полтора квартала он прошел походкой легкой и беззаботной, словно поступь июньского дня, когда в воздухе пахнет све-

жескошенной травой и солнце красит кожу в коричневый цвет загара. Но, конечно, на дворе был не июнь, и, взбегая по ступенькам крыльца, Джастин понял, что успел как раз вовремя: он едва видел пар от своего дыхания. Еще минуту на таком ужасном холоде — и его легкие могли бы смерзнуться.

Ступая в привычное тепло своего дома, он услышал голоса из гостиной. Было похоже, что его родня устроила праздник, хотя голоса звучали как-то приглушенно: словно в те вечера, когда играли в бридж. Сначала все шло тихо, но чем становилось позднее, тем больше было шума.

Джастин на цыпочках прокрался по залу, посчитав за лучшее никого не отвлекать. Проходя мимо гостиной, он услышал обрывок разговора. Мужской голос говорил:

— …рано или поздно это должно было случиться. Это место надо было давным-давно огородить забором. Я подумываю…

— Ох, Гордон, ну ради Бога, — ответила женщина (похоже, это была тетя Филлис). — Сейчас не время.

Он поспешил в комнату, и больше ничего не услышал.

Когда он щелкнул выключателем, его попри-

ветствовали те сокровища, в которых, словно в зеркале, отразились все подробности его недолгой жизни. Плакат с Дартом Вейдером, флажок футбольной команды «Пэкерс», модель истребителя «Спитфайр» на комоде, постельное белье в логотипах железнодорожных компаний.

И вот — новое прибавление в коллекции, сидит в углу, согнув огромные кошачьи лапы.

На кратчайший миг Джастин испытал непреодолимое желание бежать — скрыться в гостиной, броситься в объятия матери, как он часто делал в прошлом. Но, глядя немигающим взглядом в огромные изумрудные глаза тигра, он почувствовал, что страх соскользнул с него черным плащом и сменился мягкой, легкой накидкой понимания.

— Пора идти, да? — сказал он тихо, но голос его не дрогнул.

Глаза тигра оставались бесстрастными — глубокие и молчаливые, как зеленые лесные озера. Теплые озера, которые никогда не замерзали, не то что пруд Шепердс.

Мысленно Джастин снова услышал звук, как от пистолетного выстрела: это треснул под ним лед, и он почувствовал, как холодная вода смыкается над его головой. Было почти не больно, не так

больно, как могло бы показаться. Не столько боль, сколько сожаление, когда он понял, что больше не увидит родных… и Стива…

…так это был сон, этот последний прекрасный вечер со Стивом? А сам-то Стив хоть будет о нем помнить?

Джастин посмотрел на тигра, ища ответа в его спокойном взгляде, но бездонные глаза надежно хранили тайну.

— Ты следовал за мной сегодня ночью? — спросил Джастин.

Усы дернулись, и тигриная морда сморщилась в легкой ухмылке.

— Да, — мягко проговорил Джастин. — Я так и подумал, что это был ты. Ты шел за мной всю жизнь, да?

Он повернулся, чтобы закрыть дверь спальни. Когда он повернулся обратно, тигр припал к полу и приготовился к прыжку.

Дэниел Уинн Барбер живет в Денвере (Колорадо), где преподает историю в школе Энглвуд. У них с женой Патрисией двое взрослых сыновей, Шон и Джоэл, и безумная кошка по имени Фиби. Получив несколько ранений во Вьетнамской войне

в 1969 году, Барбер был отправлен в армейский госпиталь Фитцсиммонс в Денвере, влюбился в Колорадо и тут же бросил родную Миннесоту ради жизни в Денвере. В последние двадцать лет он целиком посвятил себя преподаванию и воспитанию детей, но все же его не оставляет надежда, что однажды он найдет время и для писательства. Творческий огонь зажегся в нем много лет назад и с тех пор не угасал никогда. Его единственная история, помимо «Тигра в снегу», вошла в 1985 году в антологию *Bringing Down the Moon: 15 Tales of Fantasy and Terror*.

Когда его спросили, что вдохновило его на этот рассказ, автор ответил следующее:

«В детстве я ужасно боялся львов. Не могу сказать точно, откуда появился этот страх, но львы преследовали меня во сне. Когда я поздно возвращался домой от друга, то знал: лев идет за мной, ожидает меня в засаде. Многими годами позже, когда у меня у самого уже были дети, я снова вспомнил про этот свой страх. Я ходил в магазин за молоком и возвращался, когда уже стемнело. Шел снег, и почему-то я опять подумал о львах. К тому времени, когда я вернулся домой, в голове у меня уже сложился сюжет рассказа. Мне самому не до конца понятно, почему я поменял льва на

тигра. Отчасти, может, это вызвано тем, как красиво контрастировала бы рыже-черная тигриная шкура с невероятной чистотой свежего снежного покрова. А может, для меня все еще невыносимы мысли о льве, поэтому использовать тигра мне было проще».

Обитатель Высот
Сюзанна Кларк

Для начала скажу, что зовут меня Люси Мэннерс, и мне двенадцать лет. Прошлым летом моя старшая сестра Тиз вышла замуж за мистера Рейнворта. Для меня это была печальная перемена, поскольку мы с Тиз все время проводили вместе. Мой брат Гоуленд сейчас с лордом Веллингтоном в Испании, сражается с французами. Поэтому, когда наступил январь, папа сказал, что ему надоел мой кислый вид, и отправил меня в школу к миссис Хэкетт на улице Грейт-Титчфилд.

В первый же день ко мне подошли две девочки. Я обрадовалась, думая, что сейчас заведу новых друзей, но вскоре обнаружила, что у них были иные намерения. Они назвали меня костлявой, сообщили, что мое муслиновое платье все измято, а туфли старомодны. Если верить Эммелин Твист и Амелии Фроггетт, то недостаткам моим не было числа; словно обзывательств было недостаточно, они постарались напугать меня глупыми историями о призраках.

— О, разве ты не слышала? — сказала Эммелин. — В школе поселилась безумная учительница, которой миссис Хакетт отказала от места!

— Она живет на одном из чердаков, — добавила Амелия. — Иногда слышно, как она говорит на иностранных языках, а еще бывает, что она зовет нас через дымовую трубу.

— А те девочки, — с огромным удовлетворением проговорила Эммелин, — что заговаривают с ней, не доживают до конца недели.

— Не верю я в это, — сказала я. — Кто умер? Думаю, никто не умер.

В один серый и ветреный четверг миссис Хакетт дала Эммелин, Амелии и мне длинный список немецких глаголов, который надо было выучить. У меня не было никакого желания сидеть над уроком, поэтому я забралась чуть ли не на крышу, в комнату под чердаком. Я совсем немного просидела там, когда услышала сверху шум: тихий прерывистый топот. У меня не было времени, чтобы решить, испугалась ли я: через трубу в комнату свалился скворец и заметался, натыкаясь на стены.

Из той же трубы просвистел голос:

— Англичанин! Англичанин! Моя птица улетела вниз! Принесите ее наверх, если вам будет

угодно!

Я подумала, что это обращение какое-то грубоватое. Тем не менее, я вежливо сказала в трубу:

— Прошу прощения, мэм, но зачем вам птица?

— Какой глупый вопрос! — крикнула незнакомка. — Конечно, я хочу ее съесть!

Я открыла окно в надежде, что птичка вылетит через него. А потом я выбежала из комнаты и понеслась на чердак. Было довольно темно, и дорогу мне освещало лишь одно слуховое окно, через которое врывались дождь и ветер. Там пахло мертвечиной. Под ногой у меня захрустело: я опустила взгляд и увидела, что по полу разбросаны маленькие косточки, будто бы птичьи и мышиные. В потемках двигалась темная фигура. Поначалу я не могла ее разглядеть, но потом увидела женское лицо, и сердце у меня ушло в пятки. *Лицо у нее было не с того конца.* Оно находилось внизу темной фигуры, и подбородок едва не касался половиц.

Я подумала, что упаду в обморок.

Внезапно она ступила в луч неяркого света, и я увидела, что это была вовсе не женщина. Большей частью это был львица. А кроме того, у нее были пара потрепанных крыльев и приятное, но беспокойное лицо. Женская грудь была скромно

прикрыта заношенной синей шалью, а в волосах виднелись папильотки, которые как накрутили много лет назад, так и забыли снять: на голове царил страшный беспорядок. Она представляла собой столь печальное зрелище, что я пожалела ее от всего сердца.

Мы уставились друг на друга. Она задумчиво стучала себя по бокам львиным хвостом.

— Прошу прощения, мэм, — сказала я. — Но вы ведь не этот, как его… сфинкс?

— Я не «этот, как его, сфинкс», — произнесла она беззаботно. — Я тот самый сфинкс. В Египте сфинксов много, но в Греции — только я одна.

— Ой!

Мы немного помолчали.

— Простите, мэм, — начала я робко. — Но нельзя ли мне расчесать ваши волосы? Мне очень нравится это занятие, и, судя по всему, ваши локоны давно нужно распутать.

Она слегка кивнула с высокомерным видом.

Поэтому я достала из кармана гребень и приступила к работе. У нее были как раз такие волосы, какие нравятся мне больше всего: мягкого золотистого цвета, и они слегка вились.

— Хорошую горничную найти сложно, — сказала я. — Видимо, не только для людей, но и для

чудовищ.

— Чудовищ! — возмущенно воскликнула она. — Кого это ты называешь чудовищем?

— Прошу прощения, но у вас же тело льва, а лицо и грудь женские. И…

— Что за чепуху ты несешь! Мир кишит монстрами, и ты, несомненно, один из них. Обычно я стараюсь тактично обходить такие вопросы стороной, но ты просто вынудила меня. Лев — это тело сфинкса с головой кошки. Ужасное зрелище. А люди еще хуже. В человеке прекрасную голову и грудь сфинкса оскверняют руки отвратительной макаки и ноги, похожие на раздвоенную морковь. — Она вздрогнула: — Брррр!

В темноте раздался шум крыльев. Она резко повернула голову.

— Птица, — сказала она. — Скворец. Они совсем не добрые, эти птицы. Вечно называют меня гадкими именами.

— Ой! — сказала я. — Понимаю, каково вам. Есть тут две невоспитанные и невежественные девчонки, которые тоже обзываются.

— Раскуси их пополам, — посоветовала она.

— Не думаю, что миссис Хакетт это одобрит. Да и в любом случае, я не умею так широко раскрывать рот.

— А я умею, — заметила она, весьма довольная собой.

Несмотря на ее вздорный нрав, мы в тот же день стали друзьями, и всякий раз, как миссис Хакетт давала мне задания, которые я могла выполнить в одиночестве, я бежала наверх и выбиралась через слуховое окно на крышу, и мы проводили время в дружеских беседах. Ей нравилось сидеть где-нибудь наверху и взирать на мир сверху вниз. Если дамы или господа ехали по улице Грейт-Титчфилд на лошадях, она смотрела вниз на мостовую и бормотала: «Кентавры. Мерзкие кентавры».

Однажды, расчесывая ей волосы, я сказала:

— Как это случилось, Сфинкс, что вы пришли в Лондон?

— О, это рассказать несложно. Я приехала на корабле, на котором мне прислуживали привлекательные юные моряки. Все это организовал француз по имени мсье Фовель. Видишь ли, Люси, мсье Фовель живет в Афинах, и задача его — покупать самые прекрасные греческие статуи и переправлять их во Францию. Представь его огорчение, когда он узнал, что некие шотландцы, лорд и леди Элджин, прибыли в Афины с той же целью! Мало того: леди Элджин пользовалась

большой благосклонностью турецкого султана (а ведь он правит Афинами). Мсье Фовелю пришлось смотреть, как величайшие сокровища (которые, по его мнению, должны были украсить Париж) грузили и отправляли его врагам в Лондон. Посему он пришел ко мне, принес в дар синюю вязаную шаль и умолял на коленях приехать в Лондон и наказать его жителей. Конечно, я с радостью согласилась.

— Боже правый! — воскликнула я. — Но как же вы это сделаете?

— Я буду загадывать им загадки, а когда они не смогут ответить, буду их душить.

— Ой! Не надо! — воскликнула я. — Пожалуйста, не надо! То есть зачем это вам? Не сказать, чтобы подарок мсье Фовеля был так уж хорош. Я могу принести вам шаль куда красивей, чем эти синие лохмотья.

— Дело не в подарках, — сказала она с достоинством. — Я — Задающая Загадки. Я — Спрашивающая. Я — Хранительница Темных Дверей. Я — Обитатель Высот. Я — Гибель Людская.

— Как скажете, дорогая. По мне, звучит не очень-то. Но если я правильно помню миф об Эдипе, то герой правильно ответил на ваш вопрос, и вы были вынуждены броситься со скалы

и разбиться вдребезги.

Сфинкс зевнула:

— Ага. Эдип именно так и говорил, да?

— Когда вы начнете? То есть… я говорю про Лондон.

— Со дня на день, — ответила она и начала вылизывать лапу.

Лично мне кажется, что она не проявляла усердия, какое ожидал в ней увидеть мсье Фовель.

О методах обучения миссис Хакетт она была не самого высокого мнения:

— Мне кажется, тебя не учат ничему полезному, Люси. К счастью, мне известно много мудрых учителей. Мой брат Цербер — он сторожит врата Ада — принесет тебе сколько угодно мертвецов, и они поведают тебе все свои тайны. А еще ведь есть Ламия, эта восхитительная девушка, и хвост у нее такой изысканный, с зеленой чешуей! О, ты будешь от нее в восторге! Она научит тебя, как вынимать глаза из глазниц и вставлять обратно!

Она так и не объяснила мне, почему же, по ее мнению, это такой уж полезный навык.

Однажды в конце декабря, когда день близился к закату, я сказала:

— Сфинкс, дорогая, вы знаете, что я очень привязалась к вам и хотела бы, чтобы вы остались

в Лондоне. Но, если вы все еще собираетесь задавать лондонцам загадки, тогда, думаю, вам следует спросить меня первой и позволить мне, если получится, спасти город.

— Но ты же знаешь, что, если ответишь неправильно, мне придется первой задушить тебя, — сказала она.

— Да.

— Ты думаешь, что настолько умнее остальных лондонцев?

— Нет, конечно! Я вообще не считаю себя умной. Но я знаю вас, Сфинкс, и, возможно, это мне поможет.

— Отлично.

У меня ужасно колотилось сердце. Она так долго молчала, что я заволновалась еще больше и брякнула:

— Это что, будет загадка о существе, которое ходит на четырех ногах утром, на двух ногах днем и на трех вечером? Если так, то…

— Конечно нет. Все, я придумала. Готова?

— Да, дорогая Сфинкс.

— *Я скажу вам о том, кто молвой вознесен до небес,*

Ну а я не согласна с молвой: он лукав, точно бес.

А потом — и о том, что рисует на окнах мороз,

Когда холодно так, что за дверь и не высунешь нос.

Но вот приходит Люси, чтоб город свой спасти,

И имя ей должна ты сейчас произнести.

Я на минутку задумалась.

— Ну что ж, — сказала я. — Молва возносит до небес героев. А я знаю, как вы ненавидите героев, потому что они вечно важничают, преувеличивая свои подвиги. И, раз уж мы заговорили об этом… Не рассказывала ли я вам, Сфинкс, что французского императора, Наполеона Бонапарта, считают образцовым героем? Поэтому мне кажется, что с вашей стороны немножко странно выполнять его поручения. Что же до второго… Зимой на окнах появляется иней. — Я начала плакать, никак не могла удержаться от слез. — И если сложить эти слова вместе, то получится «героиней». Я крайне польщена, что вы назвали меня так. И мне правда очень, очень жаль, что я вынуждаю вас броситься вниз и разбиться вдребезги.

Сфинкс улыбнулась:

— Умная девочка, — сказала она и лизнула ме-

ня острым розовым язычком. Наверное, сфинксы так целуются.

И затем она спрыгнула с парапета вниз… вниз на улицу Грейт-Титчфилд.

И — ох! — что за глупости рассказывают нам в мифе про Эдипа! У Великого Сфинкса есть орлиные крылья, и как же крылатое создание может упасть и разбиться?

Медленно взмахивая крыльями, она поднималась все выше и выше. Лондон под ней был сумрачен и хмур, похож на город могил и таинственных духов — это звучит довольно пугающе, знаю, но я была рада, ибо именно такой город пришелся бы ей по душе. Пролетев над серебряной лентой Темзы, она свернула на восток и скрылась вдали, направляясь в Грецию; и все рдяно-золотое великолепие заката отражалось на ней, на этой Обитательнице Высот.

Сюзанна Кларк живет в средневековой части Кембриджа (Англия). Она является автором произведения, получившего множество различных наград и пользующегося любовью публики, — романа об английской магии «Джонатан Стрейндж и мистер Норрелл» («Jonathan

Strange & Mr Norrell»). Также она написала целый ряд рассказов о магии, где действие происходит в Англии XVII и начала XIX века. Большинство из них попали в сборник «„Дамы из Грейс-Адье“ и другие истории» («“The Ladies of Grace Adieu“ and Other Stories»).

«Обитатель Высот» — это рассказ о юной девушке, которая заводит необычного друга на чердаке школы-пансиона. Изначально история была написана для Би-би-си и до этого сборника нигде не публиковалась.

Исцеление Бенджамина
Деннис Дэнверс

В бескорыстной и самоотверженной любви зверя есть нечто покоряющее сердце всякого, кому не раз довелось изведать вероломную дружбу и обманчивую преданность, свойственные Человеку.

Эдгар Алан По, «Черный кот»

Я получил дар исцеления, когда мне было шестнадцать. Я стоял на коленях в спальне, склонившись над своим умирающим котом Бенджамином. Он пытался заползти под кровать и умереть там, но я ему не позволил: вытащил его наружу и крепко обнял, прижавшись лбом к его голове. Он был на год старше меня. Он был со мной всю жизнь. Я не представлял себе, как буду жить без него. Он перестал дышать, сердце его остановилось, и я стал молиться за него, хотя вообще я тогда редко молился, да и сейчас молюсь нечасто. Я сжимал его в объятиях, пытаясь сосредоточить на нем свою волю, представляя, как он восстанет из мертвых, живой и здоровый. Я не знал, что еще делать; я рыдал, и сердце мое

разрывалось на части под мучительную песню Джоан Баэз «Старина Хмур».

...Умер мой Хмур, хоть не мог никак умереть:

Даже земля затряслась у меня во дворе.

Вырыл могилу лопатою из серебра,

Опустил на цепях его тело: настала пора.

И с каждым звеном я по имени звал его:

Старый мой Хмур, ничего, старина, ничего.

Верный мой пес, скоро снова я встречу его!

Бенджамин шевельнулся под моей рукой, и я ладонью ощутил, как тяжело и уверенно забилось его сердце. Я отпустил кота: он встал и пошел к двери, задрав хвост трубой. Он хотел наружу. Через час он проголодался и запросился обратно. Выглядел он хорошо. Отлично выглядел.

После этого исцеления я отвел его к ветеринару на осмотр. Но не к тому, к которому мы носили его еще котенком, не к мистеру Дидерада. Я поду-

мал, что он нипочем не поверит, что это тот же самый полуслепой, кастрированный старый кот на негнущихся лапах, который дышал на ладан и был так слаб, что врач буквально отказался его лечить всего неделю назад. Новому ветеринару я сказал, что Бен был бродячим, и я собирался взять его к себе. Доктор определил, что коту около четырех лет, и уверил меня, что животное абсолютно здорово. И за все эти годы все ветеринары говорили, что Бену около четырех и что он находится в прекрасном здравии. По кошачьему летоисчислению это около двадцати восьми; отличный возраст, как мне кажется. Видимо, Бенджамин выбрал наиболее подходящий и решил остаться в нем. А я тем временем взрослел. Вот уже много лет, как я перестал водить его к ветеринару: поблизости просто не осталось тех, которые не были с ним знакомы. Бену доктор был не нужен, и мне казалось бессмысленным раз в полгода тратить деньги на то, чтобы меня снова уверили в бессмертии моего кота. У него даже клещи в ушах не заводились, блох тоже не было, словно даже в мире насекомых было известно, что о нем заботится само Провидение.

И вот тридцать лет спустя, когда мне было 46, Бенджамин все еще жил у меня. Давайте я

посчитаю за вас: ему было 47. По-кошачьи это 329. Даже если принять на веру теорию о девяти жизнях, получалось, что в каждой из них он прожил больше, чем 36 лет. Нет. Бенджамин не был обычным котом.

Когда ему было 17, родители поверили, что доктор Дидерада воскресил его при помощи каких-то волшебных витаминов. Они охотно верили в разную чушь, но даже для них сорокасемилетний кот был бы чересчур. После того как я съехал из родительского дома, мы виделись нечасто, но я каждый раз врал им, что Бен — это новый кот. Им казалось странным, что я всех новых питомцев называю одним и тем же именем, но они и так знали, что я странный, я же был их сыном. Хорошо, что Бен был довольно обычного окраса — серый, полосатый, с белыми носочками — и с совершенно стандартным мяуканьем. Моя бывшая жена Пенни знала Бена семь лет, жила с ним в одном доме пять лет, но так ни разу и не заметила, что он не стареет. Она не была кошатницей. И вообще, насколько я знаю, никаких животных особо не жаловала. Ей нравилось наблюдать за обезьянами в вольере, но ведь это не считается? Знаю, звучит странно, но это одна из причин, по которым мы расстались. Я не мог жить с челове-

ком, который равнодушен к животным. И в этом есть смысл: люди ведь тоже животные, умные и беспокойные, но все же.

Так или иначе, она мирно сосуществовала с Беном, и он никогда не нарывался на неприятности. Больше года я ни с кем не встречался, и никто из моих подруг не проводил с Беном много времени. А потом, когда мне было 46, я познакомился с Шэннон. Но на свидания мы ходили недолго: наш третий совместный выход в свет начался в пятницу в четыре — она закончила работу на час раньше — и закончился во вторник днем. Я сказал Бенджамину, что никогда в жизни еще не испытывал ничего, что сильнее напоминало бы мне воскрешение, и, может, теперь я начну понимать его лучше. А он отметил, что для того, чтобы воскреснуть, обязательно нужно сначала умереть. Он притворился мертвым и затем резко подскочил, виляя хвостом: это был его любимый трюк. Хитрый мерзавец! Я всегда разговаривал с Беном. Но отвечал он не всегда.

Какое-то время мы с Шэннон практически жили вместе, курсируя между нашими домами, но ей больше нравилось у меня, потому что тут жил Бенджамин. Она называла его «малыш Бенни». Если бы он был мужчиной, я бы с ума сошел от

ревности. Сказать, что они хорошо ладили, значило заявить, что Ромео слегка увлекся Джульеттой. Бен был от Шэннон в таком же восторге.

Все это было замечательно. Меня она тоже любила — меня, который всю жизнь дружил с малышом Бенни, чистил его лоток, хранил открывашку для его консервов, и я уже молчу про свои сверхъестественные целительские способности. Но потом она начала задавать вопросы. «Разве ему не пора проверить здоровье? А как насчет прививок?»

Моей ошибкой было, что я просто откладывал объяснение. А потом она увидела карточку от одного из многочисленных ветеринаров малыша Бенни: в ней говорилось, что он уже восемь лет назад должен был явиться на всевозможные осмотры. Она позвонила и записала Бенджи к доктору. Такова уж была Шэннон, и это мне в ней тоже нравилось (как и многое другое), только пока дело не касалось Бенджамина. Я всегда знал, что рано или поздно мне придется столкнуться лицом к лицу с реальностью. Я словно бы заключил сделку много лет назад: я просто не мог бы справиться со смертью кота тогда, но Однажды у меня не останется выбора, и мне станет еще больнее, когда это наконец произойдет. Но если

я смогу хранить в тайне его смерть и необычно долгую жизнь, ничто не изменится.

— Сколько ему лет? — спросила Шеннон, когда они встретились. Около четырех, сказал я, не ожидая, что меня поймают на такой удобной лжи. — Но как же тогда ты мог на восемь лет опоздать с прививками?

Я боялся, что чем дальше заходит этот разговор с Шэннон, тем ближе подходит то самое Однажды. Но я не мог остановиться. Я не мог остановить ее. Бенджамин, запертый в переноске, вел себя стоически, не останавливая нас и не предпринимая никаких действий, но позволяя событиям нести его по волнам жизни, а нам — нести его в клетке к ветеринару.

Бену нравилось в многолюдных приемных у ветеринаров; чем больше толпа, тем лучше. Он наслаждался зрелищем. Сегодня для него приготовили нечто особенное: пятнистый немецкий дог носился по помещению, сорвавшись с поводка. Его сопровождающий, облаченный в пиджак, никак не мог его остановить: тот совал нос пациентам под хвост, загораживал собой выход, до полусмерти пугал животных. Под животными я также подразумеваю и людей; один лишь Бен спокойно наблюдал за псом из своей переноски

и мурлыкал, мурлыкал, издавая тот глубокий гортанный звук, который, как я знаю, означает у него смех. Бену нравилось смотреть на чужую глупость. Он уже много повидал ее, за свои-то годы.

— Он такой спокойный, — изумилась Шэннон, заглянув в клетку и погладив его безмятежный лоб пальцем. Она бросала на дога беспокойные взгляды. — Он всегда такой спокойный?

— О да, — уверил я ее.

И вот настал наш черед заходить в кабинет. Шэннон попросилась с нами, и разве я мог ей отказать?

После длительного осмотра ветеринар — по-отечески добрый мужчина, возможно, лет на десять старше Бена, но по кошачьим меркам еще совсем дитя, — осторожно завел разговор. Он поверх очков взглянул на почти пустой анамнез Бена.

— Согласно вашим записям, я в последний раз осматривал Бенджамина двенадцать лет назад?

Я просто не мог соврать: рядом со мной стояла Шэннон, обеими руками почесывая Бену голову, как ему нравилось. Она ждала моего ответа.

— Да.

— Получается, что Бену, — он снова опустил

глаза на бумаги, — девятнадцать?

Несмотря на все его старания, в его мягком голосе все же слышалось недоверие. Руки Шэннон застыли на благородном профиле Бена. Все смотрели на меня. Даже Бен.

Нам с Беном нравился этот паренек, поэтому мы наблюдались у него целых три года. Цифры не врали. Этот врач был последним. Бену было тридцать пять, он уже был вполне готов обходиться без ветеринаров — во всяком случае, без прививок и без градусников в заднем проходе. Остальное казалось ему занятным. Хорошо еще, что мы не пришли к самому первому ветеринару Бенджамина. С тем-то схитрить бы не получилось.

— Это верно, — ответил я.

— Вы… вы не возражаете, если мы оставим здесь Бена, чтобы сделать кое-какие анализы? На часок, не больше? И, естественно, бесплатно.

Бен посмотрел на меня взглядом, который не оставлял никаких сомнений. *Да ни за что,* — так звучал точный перевод его послания.

— Боюсь, что нет, — ответил я.

— Но почему? — спросила Шэннон. Она тоже кое-что подсчитала. В ее вселенной Бену было максимум шесть, а выглядел он, естественно, и

того младше.

— Но ведь с ним все в порядке, так? — спросил я ветеринара.

Доктор кивнул:

— Более чем. Он — самый здоровый кот из всех, что я видел за последний год. Это *точно* то же самое животное?

Я колебался, не соврать ли мне, но не смог придумать ни единого объяснения для Шэннон, после которого не стал бы выглядеть психом или достойным жалости человеком.

— Да. Это то же самое животное.

— Он — самый здоровый девятнадцатилетний кот из всех, что я видел… а до такого возраста доживают немногие. Да у него же даже зубного камня нет.

Он обнажил Беновы зубы, указывая шариковой ручкой на сверкающие клыки. Бен с достоинством перенес эту унизительную процедуру.

— Знаю. Думаю, на сегодня с него достаточно.

Бен подтвердил мои слова тихим мяуканьем, которое, если вы хоть немного понимаете кошек, прозвучало бы для вас как «мое терпение исчерпано, и вам угрожает опасность встречи с уже упомянутыми клыками и крючковатыми бритвами, что по первому требованию выдвига-

ются из лап на зависть всем забиякам, когда-либо жившим на этом свете». Ветеринар тут же понял намек и посадил Бена обратно в переноску, щедро насыпав туда угощений.

Не сказать, чтобы я с нетерпением ждал дороги домой. Теперь никакое своевременное мяуканье меня уже не спасет.

Была секунда, когда Шэннон уже села в машину, а я собирался разместить Бена на заднем сиденье, и мы с ним остались наедине. Я поставил его переноску на крышу машины и притворился, будто не могу найти ключи (хотя, признаться, не думаю, что Шэннон вообще обращала на нас хоть малейшее внимание). Она смотрела сквозь лобовое стекло, и вид у нее был решительный. Мы с Беном тихо беседовали сквозь прутья его дверцы, и мое лицо было совсем рядом с его мордой. Машины ехали за моей спиной; им не было до нас никакого дела.

— Что мне делать? Она ведь в жизни не поверит; что тебе девятнадцать.

— Скажи ей, сколько мне лет на самом деле.

— Ты думаешь?

— Я знаю.

— Но у меня нет доказательств, что тебе сорок семь. Она мне не поверит.

— Плевать на доказательства. Вот посмотришь. Она чувствует, что я необычный кот. У нас особая связь.

— Я тебя умоляю. Она что, чувствует, что ты маленький кастрированный манипулятор?

— Для кота я не так уж и мал, — он рассмеялся над собственной шуткой. Ох уж эти мне кошачьи шутки.

Я посадил его на середину заднего сиденья, чтобы он смог смотреть вперед, сколько ему будет угодно, а потом сел сам и тут же завел машину.

— Разве Бену может быть *девятнадцать*? — спросила Шэннон.

Мы были припаркованы параллельно движению. Я, не отрываясь, смотрел в боковое зеркало: когда же откроется просвет между машинами? Следуя совету Бена — насколько мне известно, он еще никогда не ошибался, — я все ей рассказал.

— Ему не девятнадцать, — начал я. — Ему сорок семь.

Я протиснулся между другими машинами.

В определенном смысле очень удобно говорить правду, сидя за рулем. От меня не ждали, что я буду смотреть собеседнику в глаза; можно было разговаривать короткими фразами, словно передавая телеграммы. И она вряд ли стала бы

спорить со мной, прерывать меня или задавать вопросы, пока я собирался каким-то невероятным образом повернуть налево, пересекая идущий навстречу поток. Минус же был в том, что, пока мы не приехали домой, я понятия не имел, как она относится к моим словам. Я выключил двигатель и взглянул на нее. Вы, наверное, подумаете, что она просто отказалась мне верить, и точка, но Шэннон была не такой. Не была она и какой-нибудь чокнутой, которая поверила бы в любую чушь просто потому, что любила меня.

— Ну, ладно, — сказала она. — Я хочу разобраться в этом.

Она повернулась к Бену и посмотрела на него через прутья решетки. *У малыша Беннн были секреты от его подружки Шэннон?* Он ответил на ее взгляд. Черт побери. Откуда мне знать? Может, у них и правда была какая-то особая связь.

* * *

Было еще рано, и Шэннон заставила меня раскопать медицинские документы Бена. Пока я готовил завтрак, она позвонила всем докторам, у которых он бывал. Второй уже умер, а третий, похоже, уехал из города. Она записала Бенджамина ко всем остальным, и целый день у него оказался

забит с утра до вечера. Интересно, осознавал ли он это, когда посоветовал мне рассказать ей правду. Я-то на такое не рассчитывал. Я проверил счет на кредитке, и мы отправились в путь.

У меня неплохо получалось рассказывать эту историю сжато. Сцену с молитвой я опустил целиком: встреч со священниками нам не предстояло, нас ждали одни ученые. Просто невероятно, сколько было среди этих недоверчивых ветеринаров тех, что помнили Бена. И особенно всех поражало, что у него нет зубного камня. Но тем не менее они единогласно исключили возможность того, что кот прожил сорок семь лет, и отрицали, что это может быть то же самое животное, несмотря на все видимое сходство. Один так вообще разозлился. Будто мне была какая-то радость от того, что я заплатил бешеные деньги за десять минут его времени, в течение которых рассказал ему историю, в которую он никогда не поверит. Он что, идиот? Не видит, что я сделал это ради любви? Но по большей части ветеринары были любезны; они бросали взгляды на Шэннон, словно спрашивая: *Вы тоже ненормальная? Может, вам отправить его к врачу?* А Шэннон просто нужны были факты. Она внимательно просмотрела все записи о прекрасном здоровье Бена, за

исключением тех, что оставил рассерженный ветеринар: он выгнал нас из кабинета раньше, чем она успела взглянуть на документы.

Интересно, но самый первый и самый любимый ветеринар Бена, доктор Дидерада, больше прочих был склонен поверить моему рассказу. В списке Шэнон он значился последним. Возможно, ему следовало выйти на пенсию много лет назад. Была в нем какая-то мечтательность, отстраненность, как у старого кота. Он сказал нам почти то же самое, что и остальные (почему кот не может дожить до сорока семи лет, а уж тем более при всех проблемах со здоровьем, которые были у Бена). Но в его повествовании было нечто от донкихотовской мечтательности; он словно хотел сказать, что, среди всех этих умерших и умирающих котов *может* быть и такой, который будет жить вечно и никогда не состарится, но, естественно, вы же не ждете, что ученый и профессионал своего дела в открытую заговорит о таких вещах.

Он склонился, посмотрел Бену в глаза, почесал его указательным пальцем под подбородком, и жест этот казался призывом, словно он приглашал настоящего кота появиться из этого нереального.

— Некоторые коты — особенные. Так ведь, Бенджамин? Весь мир раскрывается перед ними, подобно створкам устрицы.

Одновременное почесывание подбородка и упоминание устриц (Бен обожал устриц, особенно жареных) — против такого мой кот устоять не мог, и из глубин его кошачьего существа раздался такой звучный рокот, что блестящий смотровой стол загудел, как камертон. Дидерада и Бен оба заулыбались улыбкой Будды. Стены за нашими спинами были обклеены жутковатыми анатомическими плакатами, на которых кошачьи внутренности были раскрашены в цвет сырого бифштекса. Пластиковый скелет кошки тоже улыбался на своей подставке.

Шэннон отвернулась, прошептала: «Я подожду в машине», и поспешила из кабинета.

— Очаровательная женщина, — сказал Дидерада.

Последней остановкой на пути Шэннон к истине был дом моих родителей, единственных свидетелей воскрешения Бена, с которыми я сохранял связь. Ангелы, которые присутствовали (а может, и нет) при знаменательном событии, все эти годы неизменно отказывались явить себя моему взору, а я стремился занимать в этом вопросе

позицию блаженного неведения. Большую часть времени мне удавалось только раздраженное неведение; блаженства я так и не достиг, но хоть ярости избежать у меня получилось. И все же: никаких ангелов, никаких ответов. Мне нравилось жить с Беном, но с неразрешимой загадкой жить было уже не так весело.

Мама с папой, разумеется, любили Шэннон; им было приятно, что однажды утром она позвонила и пригласила нас всех на ужин. И еще они были счастливы повидаться с Бенджамином. После того как скончалась Анджелина, их последняя кошка (ей было шестнадцать, под конец она лишилась всех зубов, потеряла зрение и каждый день лежала под капельницами), они решили больше не заводить животных, но все равно скучали по присутствию кошки в доме.

Как я уже упоминал, мои родители были не очень-то в ладах с реальностью. Они спали под пирамидой и верили, что дыхательные упражнения, биодобавки и правильно размещенный кристалл хрусталя даруют им вечную молодость. Конечно, в глубине души они знали, что это не так. Им нравилось заигрывать со сверхъестественным, но все же они ни на секунду не поверили, что перед ними *тот самый* Бенджа-

мин, с которым я съехал от них почти тридцать лет назад. Может, в метафорическом смысле, в духовном… Может, он телепортировался, попал в другое время, прошел реинкарнацию, был похищен инопланетянами, клонирован, да что угодно, черт побери… Возможно! Но это не может быть *в буквальном смысле* тот же самый кот, который жил с тех самых пор, день за днем, и которому недавно стукнуло сорок семь лет. Это было бы чистым безумием.

Бен, которому в тот день уже запихнули в зад полдюжины градусников, не особо интересовался происходящим вокруг, пока не принесли десерт. Когда мама принялась взбивать сливки, он терся о ее ноги, а потом встал на задние лапы (передние были протянуты вверх в немой мольбе) и «станцевал» с необычной для себя неуклюжестью. Мама дала ему венчики. Я указал ей, что, когда я был ребенком, они частенько проделывали тот же номер — и тогда Бену тоже доставались оба венчика, — но мама настаивала, что это ничего не доказывает, так поступил бы любой кот на его месте.

Все это время Шэннон хранила отстраненное молчание, разве что время от времени задавала какой-нибудь вопрос, уточняя детали, но своего

мнения не высказывала. За десертом мама предложила мне обратиться к психотерапевту. У нее как раз есть один знакомый.

— Я вот сходил, — сказал отец. — У меня были суицидальные мысли. — Он сунул в рот клубнику. — А теперь нет!

Он рассказал нам о своем «кризисе». Насколько я понял, он заключался в следующем: отец понял, что все мы когда-нибудь состаримся и умрем. Он преподнес это так, будто нас, молодежь, это должно потрясти, но сам же и сказал, что «нам столько лет, на сколько мы себя ощущаем, так?» Нет, не так. Похоже, он забыл про Анджелину. Теперь, чтобы развеселиться, отец принимал антидепрессанты, глотал различные чаи для улучшения настроения, которые мама покупала по Интернету, и в общем и целом чувствовал себя заново родившимся. Я даже заскучал по дням, когда папа курил в подвале травку и думал, что я об этом не знаю (а я, конечно, и сам вовсю экспериментировал). Я часто размышлял о том, что, возможно, какое-то странное сочетание химических элементов в моем организме, которое проявилось в дыхании и слезах, и могло необъяснимым образом повлиять на Бена, вернув его к жизни. С таким же успехом можно верить и

в фей. Божья воля? Провидение? Да ну вас. Это же кот. Если у него и есть миссия на этой земле помимо той, чтобы наслаждаться жизнью и как можно меньше беспокоиться, то Бог забыл его об этом предупредить. *Иди же, помазанник мой, и оближи оба венчика.* Что-то я сомневаюсь.

— *Может, это ты должен выяснить, Джеффри,* — сказал однажды Бен. — *Именно тебя интересует вся эта религиозная чушь.*

Да, так оно и было, но я никак не мог разгадать этой загадки. Что за толк Богу заботиться о коте, которого так мало заботил Он Сам? Я всегда хотел быть верующим, но до конца у меня этого не получалось; так, временные вспышки благоговения, которые обычно зовут агностицизмом. Если благодаря Бену существование Бога стало более возможным, то также более возможным стало и то, что Он абсолютно спятил. Нет, я все-таки выбираю агностицизм. А если мне вдруг захочется во что-нибудь поверить, то у родственников всегда есть в запасе парочка вариантов. На этот раз их объектом веры был психотерапевт-мессия с бланками рецептов под мышкой. Что-то старики мои становились неоригинальными.

Шэннон не больше моего хотела слушать о папином перерождении, поэтому вскоре после

десерта мы задерживаться не стали. В дверях мама сунула мне в карман рубашки номер психотерапевта и слегка похлопала меня по груди. Вы даже не представляете, какие восхитительные чувства я по этому поводу испытал, в моем-то возрасте.

Шэннон еще раз спросила, держа «Экземпляр А» в переноске (морда и лапы его были мокрыми от вылизывания после взбитых сливок):

— Но он выглядит *точно так же,* как Бенджамин, которого вы помните, да?

— Да, дорогая, — сказала мама. — Но это ведь не может быть он.

Она еще раз похлопала меня по карману, как бы говоря Шэннон, что теперь она несет ответственность за то, чтобы как можно скорее отвести ее безумного сынка к психотерапевту. Но я бы лучше пошел к доктору Дидерада, чем к врачу, которого советуют родители.

Всю дорогу до моего дома Шэннон была молчалива: она смотрела в окно на ночные улицы с таким видом, словно была в этом городе впервые и сильно скучала по дому. Время от времени ее взгляд за что-то цеплялся, и она поворачивала голову, будто никогда не видела этого раньше.

Я мог себе представить, что за мысли проноси-

лись у нее в мозгу. Как ложиться в одну постель с парнем, который верит, будто его кот бессмертен? Как позволить ему и дальше массировать тебе ноги, готовить завтрак, восхищаться тобой, писать тебе плохие стихи после того, как он достал из шляпы своего волшебного кота? Сбежать, что-то сделать, запереть меня, *что угодно.* Она любила меня, любила моего кота и даже говорила, что ей нравятся мои родители. Но разве она согласилась бы быть со мной, если бы знала, что я настолько сумасшедший? Не думаю.

Я почти ждал, что она скажет: «Я сажусь в свою машину и еду к себе домой». Я думал, она будет спать одна, как следует все обдумает и наутро меня бросит. Но нет, Шэннон так не поступит.

Когда мы добрались домой, она скинула туфли, вынула Бена из переноски и принялась тереться об него носом, баюкая кота на руках. Казалось, в ласке участвует все ее тело. Выглядело это даже как-то эротично.

— Малыш Бенни, как жаль, что ты не умеешь разговаривать.

А он просто промурлыкал в ответ так, словно в этих словах — «тебе столько лет, на сколько ты себя ощущаешь» — был какой-то смысл. Потом она поставила его на землю и с восхищением

стала смотреть, как он медленно побрел по коридору к кровати, где обычно спал всю ночь и полдня в придачу.

Она налила себе бокал вина:

— Хочешь?

— Конечно.

Она налила и мне, до самых краев. Выпила сама.

— Я верю тебе, — сказала она. — Я не замечала, чтобы у тебя был бзик на кошек. Двадцать лет подряд носить ко всем этим ветеринарам разных котов было бы слишком странно — да и для чего это? Чтобы ты смог убедить меня сейчас? Должно быть, это тот же самый кот. Должно быть, это Бен. Остальные варианты просто нелепы. Доктор Дидерада тоже думал так. А ты как считаешь?

Я не мог поверить, что Бен опять оказался прав. Я в замешательстве потряс головой:

— Я считаю так же. Он сказал, что такое невозможно, но было в этом что-то… Словно время остановилось. Насколько я помню, мне было пять, когда я впервые увидел доктора Дидерада с Беном на руках. Угощая Бена, он протянул мне леденец, но мама не разрешила мне его съесть. Сахар — это белая смерть.

— Ты, наверно, был такой хорошенький в дет-

стве.

— Я боялся, что ты посчитаешь меня чокнутым. Я бы сам решил, что я чокнутый, если бы меня тогда там не было.

Она рассмеялась, качая головой:

— Это было чудо. Подарок небес.

Она взяла меня за руку и посмотрела мне в глаза:

— А ты никогда не пробовал… Ну, знаешь…

— Нет. Ни за что. Одного раза достаточно. И тогда-то все было страннее некуда. Я никак не мог уложить это у себя в голове. Поначалу пытался убедить себя, что вернулся совсем не Бен, что это какой-то другой кот, который ведет себя в точности так же, как он… Но даже тогда ему сейчас должно быть тридцать. По кошачьему исчислению это двести десять лет.

Она состроила гримасу, расстегнула лифчик и вынула его через рукав. Повесила на спинку стула.

— Я думала, пропорцию уже поменяли. Что из-за возможностей современной медицины теперь считают пять к одному.

— Хорошо, сто пятьдесят. А выглядит на двадцать. Какая разница? Он не стареет. Я не знаю, как это объяснить.

— То есть все эти годы он был абсолютно таким же?

— Не совсем. Он выглядит так же, но он меняется, пробует что-то новое, учится…

Я чуть не сказал «развивается», но остановился. Я и так уже наболтал лишнего.

— Например? — Она налила себе еще вина. Я к своему не прикоснулся.

— Хм. Ну, разное.

— Приведи пример. Что он сейчас умеет из того, что не мог, когда ему было семнадцать.

Я мог бы перечислить десятки таких вещей, но ни одна не приходила мне сейчас на ум. Все это заслонялось одним невероятным фактом, о котором я не хотел упоминать: *он разговаривает.* Мне что, придется потом объяснять, что он бегло говорит по-английски и что голос у него мягкий, почти шепот, этакое мурлыканье на выдохе. Его гортань не была приспособлена для речи, поэтому обучение заняло много времени. Но меня он понимал задолго до того, как сам научился говорить.

Мне что, придется потом объяснять, что он читает запоем, обожает обсуждать политику и выражает свою гражданскую позицию оригинальными способами, например, мочится и

испражняется на каждый «Хаммер», что имел глупость припарковаться в нашем районе.

Сказать ли, что после их первой встречи он сказал мне: «Она — тот, кто тебе нужен, Джеффри»? Это было бы слишком мелодраматично, не находите? С самого начала Бен предложил, а я согласился, что любое упоминание его лингвистических способностей просто недопустимо, и в присутствии посторонних он никогда не говорил четко, разве что слово-другое, что легко можно было принять за ослышку. Он был убежден, что, узнай кто о его таланте, его навеки запрут в неволе, а потом и препарируют, чтобы разгадать его секрет. Он всегда был склонен к театральным эффектам, но здесь, боюсь, мой кот был прав. Но как же мне не рассказать все Шэннон? И в этот момент Бенджамин вернулся на кухню. Он одарил меня таким взглядом, словно мы опять были в кабинете доктора Как-бишь-его-там, который заварил всю эту кашу, и настало время анализов.

— Он говорит мне, когда пора менять наполнитель в лотке, — сказал я. — У него есть… э-э-э… особое мяуканье.

Она подняла Бена на руки и прижала к груди.

— Это правда, малыш Бенни? И чем же мы заслужили такое чудо, как ты? — Она посмотрела

на меня поверх его мурчащей головы. — Я только что поняла. Ты ведь *всю жизнь* с ним прожил.

Я не совсем понял, что она хотела этим сказать, что это значило для нее, а она не пожелала развить тему.

— А теперь я пойду спать.

Я прошел за ней в спальню. Она положила Бена на его привычное место, на ходу сняла джинсы и оставила их лежать на полу, отогнула одеяло и залезла в кровать рядом с котом. Через минуту она уже спала; они дышали в такт.

Я лег с другой стороны от Бена.

Когда я выключил свет, он тихо и нараспев выбранил меня:

— *Ты чуть не рассказал ей.*

— *Ох, да иди ты на хрен.*

— *Не помнишь, меня же каструррирровали!* — Он мягко усмехнулся, в восторге от своей шутки, в восторге от своей бесконечной жизни.

Я лежал с открытыми глазами и слышал, как они храпели вместе, точно старые супруги. Интересно, как эти откровения скажутся на нас всех, подумал я, и вскоре задремал. Мне снилось, что Шэннон попала в ужасную аварию, и я исцелил ее, но, очнувшись, она потеряла дар речи, не могла сказать ни слова. И винила в этом меня. Это

было видно по ее глазам: в них были одиночество, ярость и страх.

Утром Шэннон сразу перешла к делу.

— Джеффри, — сказала она, — ты поможешь Обри?

Бен, отлично похрустев у своей миски, вспрыгнул на диван и дернул хвостом: *Осторожней!*

Младший брат Шэннон, Обри, пять лет назад разбился в автокатастрофе: скрывался на большой скорости от погони, да еще и под кайфом (причем наркотики были как в его крови, так и в машине). С тех пор он не выходил из комы. До настоящего момента он был просто фактом из жизни Шэннон до ее встречи со мной, таким же, как имя собаки, которая была у нее в детстве, или адрес школы. Он был все равно что мертвый. Говорить о нем не было смысла. До настоящего момента. А теперь смысл был.

— Ты имеешь в виду…

— Исцелить его. Как Бенджамина.

— Но я ничего не делал для Бенджамина. Просто один раз случилось нечто странное.

— Откуда ты знаешь? Ты же больше не пытался. Да я *поверить не могу,* что ты не пытался.

В ее глазах зажегся огонь, от которого мне стало не по себе. Дело здесь было не только в

Обри: ее семья единодушно считала его вредным маленьким засранцем, который даже умереть нормально не смог, когда выпала такая возможность.

— Просто поверь. Шэннон, послушай, мне правда кажется, что это не очень хорошая идея.

— Но это мой брат. Ты мог бы его спасти. Я знаю, что смог бы.

— Дай мне подумать, ладно? Мне нужно об этом подумать.

— Хорошо. Сколько времени тебе нужно?

Психолог как-то сказал Шэннон, что с ее нетерпеливостью можно справиться, если просить других ставить четкие временные рамки (дедлайны), и что это вполне нормально. Я уже привык к этому. С дедлайнами она и правда была гораздо терпеливее, чем без них. Но на этот раз все было иначе. Я уже тридцать лет никак не мог понять, что тогда случилось и как это случилось. Что я по этому поводу чувствовал, вообще ничего не мог понять! И тут она спрашивает, сколько мне нужно времени! Очевидно, куда больше, чем его у меня было.

— Завтра. Завтра после ужина. Я сам приготовлю. Хочу попробовать один рецепт Рейчел Рэй. С курицей.

— Ты уверен, что курица не пропала? Она уже давно там лежит.

— Я купил ее всего пару дней назад. Не волнуйся.

— Ты же не считаешь меня эгоисткой из-за того, что я попросила за Обри?

— Конечно нет. Ты же не за себя просила, какой же это эгоизм.

— Но я не подумала, вдруг тебе будет тяжело. Пожалуйста, только не делай того, чего не хочешь сам, Джеффри. Я люблю тебя. Ты знаешь это?

— Естественно.

— Ну хорошо. Тогда завтра после ужина. — Она отхлебнула кофе. — Так ты каждый день смотришь шоу Рэйчел Рэй?

— Ее показывают в мой обеденный перерыв. Должен признать, она горячая штучка. Тебе понравится курица.

Сказать по правде, я не то чтобы помнил рецепт, но там точно смазывали курицу смесью из рубленой зелени, чеснока и оливкового масла, а потом это все запекали. Я вспомнил руки Рейчел: их показывали крупным планом, пока она намазывала грудки и бедрышки. Она всегда делала все руками. Приятно поглядеть. Я-то сам люблю готовить птицу целиком, но мне понра-

вилась сама идея. Я подумал, хорошо, что надо запекать: не придется стоять над плитой, пока мы будем разговаривать. Не думаю, что Шэннон будет дожидаться окончания ужина, чтобы начать беседу. Побеги эстрагона на окне выглядели так, словно уже готовы были к жатве, и я нарвал их, вылил к ним немного белого вина, порезал грибов, добавил пригоршню мускатного ореха, немного соли, целую тонну черного перца и толченого чеснока и (разумеется) оливкового масла холодного отжима. Получилась паста приятного зеленого цвета.

Я решил, что откажу Шэннон и не буду пытаться воскресить Обри. И вот каковы были мои причины. Главную роль, полагаю, здесь сыграло мое чутье. И неудивительно: оно уже тридцать лет говорило ясное и громкое «нет», не колеблясь ни секунды. Но раз меня просила Шэннон, то мне приходилось искать рациональные объяснения для своих чувств. Другими словами, придумать правдоподобные причины для того, почему мне нужно слушать свое чутье. Если ваш мозг работает иначе, тем лучше для вас, да здравствует рационализм и все такое, но мой разум существует, чтобы прислуживать интуиции. И в данном случае он, как и обычно, с заданием справился.

Во-первых, я сомневался, что справлюсь. Когда Бен вернулся к жизни, я *правда* хотел, чтобы это случилось. Никогда в жизни я не желал ничего более отчаянно. Что же до Обри, я мог бы *попытаться* захотеть, чтобы он воскрес, просто ради Шэннон — хотя она вроде и без него неплохо справлялась все то время, что мы были знакомы, — но у меня не получалось. В глубине души я считал, что если Обри и надо куда-то двигаться, то вперед, к смерти, а не назад, к жизни. Так что, если моя воля и мои желания играли в процессе хоть какую-то роль, с Обри у меня вряд ли дело выгорит.

И даже если я смогу вернуть его к жизни, оставалось множество вопросов. Бен из умирающего (по всем признакам) семнадцтилетнего превратился в четырехлетку, и вот уже тридцать лет оставался неизменным. Обри в момент аварии было двадцать шесть. А вдруг он навсегда вернется к состоянию шестилетнего ребенка? А какое действие на него оказали пять лет бессознательного существования? А еще Бен сказал: чтобы воскреснуть, нужно сначала умереть. Технически говоря, Обри не умер. Он находился в том неопределенном состоянии, которое называется «все равно что мертвый». Даже мой

недалекий отец походя описал свое состояние за десертом в тех же словах. Но ведь так не бывает! Таблетки по рецепту и болтовня психолога от *смерти* не спасают. Нет ничего, что было бы «все равно что мертвым». Мертвый — это состояние исключительное, и от него не придумали ни психотерапии, ни лекарства.

Но, ладно, допустим, все проходит гладко. Обри просыпается от глубокого сна к новой жизни, становится здравомыслящим человеком и проживает долгую плодотворную жизнь и умирает в приличном возрасте, как прочие люди. Он, несмотря на социопатические наклонности юных лет, становится гордостью человеческого рода: наверное, его настигло просветление, или что там бывает у воскрешенных, и этот опыт полностью изменил его личность. Так что я *правда* хотел бы стать тем, кто вернул его на этот свет? Да я из больницы не успею выйти, как надо мной начнут проводить всякие эксперименты, повезут на кладбище, чтобы посмотреть, на что я способен. Нет уж, благодарю покорно.

Я не знаю, почему Бен воскрес и до сих пор живет. И пока я это не выясню, дальше дело не пойдет. Может, у Бога и есть план, и в этом случае я, конечно, никак не смогу воспрепятствовать его

осуществлению, поскольку у меня и представления-то о нем никакого нет; а если Бог не строил никаких планов, то у меня тоже обязательств никаких. Пусть все идет своим чередом, то есть давайте сойдемся на простой истине: все умирают. Так уж устроена жизнь. Все, за исключением Бена.

Позволит ли Шэннон объяснить мне все это после того, как услышит «нет»? Будет ли это иметь для нее какое-то значение? Может, я ее потеряю? Только это-то меня и заботило: я не хотел ее терять. Я знал, что мне надо было переживать о ее брате, но для меня он был всего лишь актером массовки из старого фильма с Женевьев Бюжольд. Но я просто не мог потерять Шэннон. Как и напророчил Бен, она оказалась для меня той самой, единственной. И беда была в том, что она один-единственный раз попросила меня о маленьком одолжении, а я не могу его выполнить.

А вот и она, прошла на кухню с бутылкой вина в руке на полчаса раньше назначенного срока. Я так и знал. А вот и я — с моих рук капает смесь из чеснока, оливкового масла и эстрагона, и я обмазываю ею курицу с головы до ног, весь погруженный в свои мысли, пока руки мои погружены в курицу. Если только мне удастся зашвырнуть

эту птицу в духовку, пока Шэннон не задала мне Тот Самый вопрос, то мы сможем побеседовать, пока блюдо готовится.

Она чмокнула меня в щеку, стараясь не испачкаться о мои измазанные жиром руки, и открыла бутылку вина, вяло поведала мне о том, как прошел ее день. На улицах было меньше машин, чем обычно, и, мол, поэтому она добралась раньше, чем ожидала. Я притворился, что поверил.

Бен, который явился, чтобы понаблюдать за приготовлениями ровно в ту минуту, когда я достал курицу из холодильника, даже не взглянул на Шэннон. Он сидел на стуле, вперив взор в свою долю богатства, а именно, внутренности, которые обыкновенно доставались ему: печень, сердце, желудок. Я разложил их на разделочной доске и оставил до того времени, пока не поставлю птицу в духовку. Бену нравилось, когда их слегка пассеровали с чесноком и маслом, добавив самую капельку Вустерского соуса. Он пожирал это блюдо, как лев, если бы у льва был личный повар. Шею я приберег для бульона. Я нечасто баловал Бена такими лакомствами. Он говорил, что ему нравится китайская кухня. «Думаю, они что-то туда кладут, — говорил он. — Когда ешь, остановиться просто невозможно. Может, валерьянка?»

У Бенджамина серьезные проблемы с валерьянкой, но все мы не без недостатков, не так ли?

Шэннон, смеясь, налила еще вина; ее забавляло, с каким восхищением Бен взирает на мои труды. Она почесала ему затылок, и он поднял голову, чтобы вжаться ей в ладонь, выгнулся под ее рукой, которая уверенно пробежала по его спине. Но глаз от своего сокровища не отводил.

— Надеюсь, ты вымыл руки, — сказала Шэннон. Она поднесла бокал к моим губам, чтобы я глотнул вина, и снова осторожно отодвинулась от моих сверкающе зеленых рук и намасленной птицы. — Я поставлю твой бокал вот сюда. — Она оставила его на столешнице там, где он никому не помешает, и села на стул рядом с Беном. — Так ты подумал насчет Обри?

Черт.

— Конечно. Давай я сначала засуну птицу в духовку, хорошо? А потом поговорим.

— Ладно.

Она еще немного погладила Бена, просто от нечего делать. Шэннон становилась все задумчивее. Она мягко обхватила его хвост рукой, и он медленно просунул хвост между ее пальцами, словно салфетку продел через кольцо.

— Значит, ты откажешься. Если бы согласился,

то сразу бы мне сказал.

Насколько я помню, крайний срок был *после* ужина. Я не рассчитывал, что, когда она приедет, мои руки будут по локоть засунуты в наш ужин.

— Я почти закончил. Мне просто нужно вымыть руки и поставить курицу в духовку.

— И почему же ты этого не сделаешь?

— Это может подождать хоть *пять* минут?

— Наверно. Я пять лет ждала. Мы все ждали. И я просто поверить не могу, что ты…

Я швырнул курицей о стол; масло с эстрагоном разбрызгалось по всей кухне.

— А вот поверь! Я не стану этого делать! Нет! Я даже не знаю, могу ли я!

— Да ты же даже не пробовал. — Она дотронулась до моей жирной руки.

Было в этом что-то жутковатое: ее рука цвета слоновой кости лежит на моей, словно я не был весь перепачкан жирной пастой, словно капли не повисли на ее бежевой шелковой блузке. Я чувствовал себя Болотной Тварью. А ведь его тоже, насколько я помню, кто-то любил. Я взглянул Шэннон в глаза, и там снова был этот свет. Она хотела, чтобы я испытал свои силы. Она хотела этого больше, чем спасти брата. Давайте начистоту: по некоторым братьям не очень-то и скучают.

Но люди всю жизнь ждут, чтобы на их глазах случилось чудо.

— Так вот в чем все дело? Ты просто хочешь посмотреть, как я это сделаю?

— Конечно нет! — Себя она почти в этом убедила. Но меня — совершенно нет. Даже наоборот; это было уже слишком. Многие годы вины и непонимания; многие годы, когда я чувствовал себя ненормальным. И теперь любовь всей моей жизни хочет, чтобы я выступил перед ней, как дельфин, который прыгает через обруч. А сам спасенный, этот эпицентр бури, волшебный котик, даже не смотрит на меня; он мечтает о сердце мертвой птицы, приготовленном по его вкусу.

— Да нет, ну согласись. Именно это сводит тебя с ума. Настоящее чудо. У твоего приятеля задатки мессии! До чего круто! Ну что ж. Хочешь посмотреть?

Я сгреб внутренности, которых дожидался Бен, и запихнул их глубоко в курицу. Схватил ее за грудки и потряс перед лицом Шэннон, а потом поднял повыше, зажмурился, заполняя свой разум видениями о совершенной курице, что клюет зерно в райских обителях — или что там они клюют? — и кудахчет, кудахчет… Или это я сам? Шэннон в ужасе отступила назад, опрокидывая

стул. Я сжал птицу сильнее, ярче представил эту картину, сильнее возжелал ее воскресения.

— Давай, ублюдок ты мелкий, живи! *Живи! Живи!*

И тут я почувствовал: в руках моих что-то задергалось, заизвивалось, и птица рванула на свободу, ударилась о столешницу, понеслась: громадные куриные ноги, все в масле и без пальцев, побежали по огнестойкой пластмассе. Просто поразительно, как быстро передвигалась эта хрень, в таких-то условиях. Лишенная головы, птица металась взад-вперед безо всякого толка, перебегая от кофейника к мини-духовке, от кухонного комбайна к хлебопечке и оставляя на каждой белой поверхности липкую зеленую полосу. Я бросился за ней, поймал за ножку, но удержать не смог. Она ударилась о пол с тошнотворным шлепком и продолжила свой бег. А затем, словно из ниоткуда, появился Бен: он приземлился на ее спину и глубоко вонзил свои когти. Из его хватки спастись было невозможно. Он широко раскрыл рот и несколько раз погрузил клыки в бедра и грудь птицы, отрывая огромные куски плоти и заглатывая их целиком, но все же курица продолжала бороться. Сражение все не прекращалось; куриные останки извивались, пытаясь выбраться

из когтей Бена, а кот все пожирал мясо, оставляя голые кости. Он нырнул в грудную полость, вытащил оттуда сердце (оно все еще билось) и заглотил его в один присест.

За моей спиной раздался ужасный грохот, и Шэннон снова закричала. Она, насколько я помню, к тому моменту уже несколько раз вскрикивала. На сей раз это слетела крышка с кастрюли для бульона. Чертова шея птицы пыталась выпрыгнуть из кастрюли, что твоя рыба. Я схватил длинную вилку и всадил в шею, а потом швырнул Бену на пол, и тот за считаные секунды расправился с этим даром. Ну и ничего страшного. В морозилке у меня был большой запас бульона.

Бен, как и я, был весь измазан зеленой пастой. Болотная Тварь и его Болотный Кот. Пол превратился в лагуну с блестящей и маслянистой жижей. *Дорогая Рейчел Рэй, я попробовал твой рецепт курятины, и не сказать, чтобы остался в полном восторге…*

Я опустился на колени и начал вытирать Бена мокрым полотенцем. Он был точно пьяный и тарахтел, словно лодочный мотор: участник соревнований, который неожиданно для себя самого победил чемпиона. Обычно он предпочитал чиститься сам, но награда была такой, что

ради нее стоило претерпеть любые унижения. Не каждый день ему доставалась птица весом в три килограмма. Нам с Шэннон придется идти в ресторан, думал я, или заказать что-нибудь на дом. Я пока что был не вполне готов встретиться лицом к лицу с грустной правдой.

Я старался не встречаться с Шэннон взглядом, хотя, похоже, это именно она всхлипывала. Я поднял глаза от своего мокрого кота (вид у него был совершенно безумный, он шумно дышал, и пузо у него надулось так, словно он ждал котят). Шэннон все еще стояла в углу у кухонной двери, вжавшись в вешалку, и все еще держала зонтик наподобие бейсбольной биты. Она схватила его, когда вернувшаяся к жизни курица побежала к ней, а Бен еще не пришел на помощь.

— Все еще хочешь, чтобы я исцелил твоего брата? — спросил я. Оглядываясь назад, должен признать, что реплика вышла не самая удачная.

Она посмотрел на зонтик, словно не понимая, как он очутился в ее руках. Судя по тому, какой ужас отразился на ее лице, она вспомнила (возможно, даже слишком ярко), что только что произошло — ту невероятную битву, которая разыгралась у ее ног, сражение двух бессмертных существ.

Бен шагнул к ней:

— *Все в порядке, Шэннон,* — сказал он. — *Теперь она умерла.*

Шэннон уронила зонтик и бросилась вон из дома. Через несколько секунд завелся двигатель ее машины, и она умчалась прочь, только шины завизжали. Я понятия не имел, что Шэннон умеет так водить.

— *Не переживай,* — сказал Бен. — *Она вернется.*

— *Да уж. Какая женщина устоит перед нами?*

Аромат эстрагона, чеснока и смерти густой пеленой висел в воздухе. Я подумал, что мне надо бы прибраться, но пока я не был готов снова пережить эти моменты. Моя единственная, любовь всей моей жизни, ушла. Бен отошел от меня и принялся вылизывать пол. Может, его стошнит от того, что он вылизывает следы трагедии? Но что это я, Бена же никогда не тошнит. *Прррравильно.*

— *Я пойду прогуляюсь,* — объявил я.

Бен счел за лучшее промолчать.

Я пошел в заведение, где подавали барбекю, и заказал курицу, которая на вкус была как уксус и дым, огонь и сера. Я пил дешевое пиво и слушал непрерывный поток причитаний в стилях кантри и вестерн; парни один за другим умо-

ляли своих возлюбленных простить их грехи. Надежды им хватало на то, чтобы перебирать три аккорда и повторять чудовищно самоуверенные просьбы. Но духом их отчаянной надежды мне проникнуться не удалось, и я пребывал в унынии. Эти ребята изменяли, врали, пили, что там еще делают такие негодяи. Но никто из них не воскрешал трехкилограммовых кур во время взвешенного обмена мнениями. Нет. В какой-то момент от такой дикости неизбежно должна была сработать тревожная сигнализация (инстинкт самосохранения сидит в людях глубоко), призывая бежать, теряя тапки и не оглядываясь. Понятия не имею, как вообще можно остаться в здравом уме после того, что пережила Шэннон, начиная с того дня, как стала записывать Бена к ветеринарам.

Я откуда-то знал, что на этот раз — возможно, единственный раз в жизни! — я был прав, а Бен — нет. Шэннон не вернется. Я заплакал, и в зале появился управляющий. Он сказал, что я должен уйти. Я ушам своим не поверил. Я ел его плохую еду, слушал его грустные песни (эти композиторы мигом бы лишились работы, если бы не умели рифмовать слезы, розы, грозы и слезы, слезы, слезы), и теперь он хотел меня выгнать за

то, что я *заплакал*? Да это еще цветочки, я мог бы вести себя куда хуже. Я подумывал даже пойти в холодильное помещение и воскресить весь инвентарь, пусть побегает по залу, измазанный в этом говняном соусе. Но, конечно, я так не поступил. Не стал бы так поступать. Никогда.

Бенджамин и курица — на этом моя карьера целителя закончена.

* * *

Все попытки найти Шэннон закончились провалом. Видимо, она уехала из города тем же вечером, и о ней никто не слышал. Или мне не говорили.

Несколько лет спустя умер папа, а через год и мама. Я немного надеялся, что Шэннон придет на похороны, но, конечно, она так и не появилась. Обри умер — видимо, родители отсоединили аппарат жизнеобеспечения. Я прочел об этом в газете. Я проник на кладбище и подошел к могиле, но там были только его родители и проповедник.

Когда я вернулся домой, Бен, наконец, признал, что больше мы Шэннон не увидим.

— *Прости,* — сказал он. — *Мне не следовало поддаваться своим охотничьим инстинктам.*

— Это не твоя вина. Господи, помилуй, да ты ведь и есть хищник. Это я виноват. Мне не нужно было воскрешать эту курицу.

Он серьезно кивнул, соглашаясь:

— Верно. Верно.

Мы ужасно скучали по Шэннон, но почти никогда о ней не заговаривали. Нам обоим было слишком больно.

Родители оставили мне скромное состояние, и я вложил его в фондовую биржу. Проведя несколько недель в настройке аппаратуры по распознаванию голоса, я передал портфель Бену, и он за считаные дни сделал нас богачами: мы теперь могли выйти на пенсию и путешествовать. Мы побывали всюду. Если Бен читал о каком-то месте, ему хотелось туда поехать, а если ему хотелось поехать, то мы, как правило, туда и отправлялись. И, если мы отправлялись, я ни разу об этом не жалел. Мы побывали в восхитительных местах. Но и в обычных тоже, однако Бен знал, что и там таятся чудеса, которые только нужно найти, — и находил.

Вскоре я обнаружил, что, если у вас достаточно денег, вы можете брать с собой кота буквально всюду. А особенно если вы стареете. Люди обычно мирятся со странностями стариков; возможно,

они полагают, что мириться все равно придется недолго. Вот бессердечный сторож не пустил дедушку, а ведь, может, это была его последняя возможность исполнить свое желание! А какой старости хочет для себя такой бессердечный тип? Что он будет делать, когда придет его час странствовать со старым котом в переноске, когда у входа черным по белому будет написано: «ВХОД С ЖИВОТНЫМИ ЗАПРЕЩЕН»? Что? Вы думаете, homo sapiens не являются животными? А кто же они тогда, хотел бы я знать! Ну да, к восьмидесяти четырем я могу брать кота с собой всюду.

Проблема лишь в том, что я уже слишком слаб, чтобы куда-то ездить.

Мы остановились в Катемако: чудесный городок у озера в Мексике, кишащий кошками и *brujas* — ведьмами. Нам тут очень нравится. Мы сняли домик с видом на озеро. Рыбаки тут до сих пор забрасывают сети с маленьких лодчонок, где помещается всего один человек. Мне нравится наблюдать за ними на рассвете: они кидают сети в море, которое, как и небеса, окрашено в цвет полированной меди. Рыба получается просто восхитительная, если ее приправить зубчиками чеснока и запечь целиком.

Но для меня теперь это просто воспоминание. Я

не могу ничего проглотить; на вкус любая еда для меня как пепел. Доктор пришел и ушел; он сказал, что ничего уже нельзя поделать. Он мог бы забрать меня в больницу, может, мне там будет удобнее, но я сказал, что мне удобнее будет здесь, я хочу вместе со своим котом смотреть на рыбаков. Он кивнул, думаю, выражая почтение моему преклонному возрасту, и сказал, что понимает.

Бенджамин, который обзавелся друзьями и среди кошек, и среди ведьм, вернулся с женщиной по имени Хермалинда — она делает различные травяные отвары для нас обоих. С ней он прервал свой обет молчания, и она согласилась прийти и посмотреть, чем может помочь. «Это излечит меня?» — спросил я Бена, пока она заваривала свой чай. Удивительно, но я даже чувствовал его запах. Я думал, что уже давно утратил обоняние. Мне пришлось бросить готовку.

— *От старости,* — отвечает Бен, но я уже забыл, о чем его спросил.

— *Я боюсь,* — признаюсь я своему старому другу.

— *Я знаю,* — говорит он. — *Все будет хорошо. Я буду с тобой. Прям как египтянин.* — Он хитро смеется над своей же шуткой, но я ее не понимаю. Интересно, что заваривает Хермалинда ему. Вале-

рьянку, наверное? Вечно у него одна валерьянка.

Хермалинда сажает меня в кровати так, чтобы я мог глядеть на медные воды, на сети рыбаков, что складываются и раскладываются, словно дамский веер, и оставляют за собой сверкающий след воспоминаний. Она подносит к моим губам чашку. Я чувствую вкус гвоздики и можжевельника. Она терпеливо ждет, пока я выпью всю чашку, глоток за глотком. Последний сладок, точно мед, точно розы.

Она ставит соусник на пол: это для Бена. Тихо скользит за дверь. Бен быстро лакает свой чай и запрыгивает на кровать, бодрый, как и всегда; он раздвигает мои слабые руки и укладывается в мои объятия. Я чувствую его сквозь кожу, тонкую, точно пергамент. Чувствую пальцами, как сильно и ровно бьется его сердце. «Спокойной ночи, Джеффри». Он негромко мурлычет, и мои руки дрожат. Я вспоминаю мелодию, которую слышал давным-давно, несколько веков назад по кошачьему летоисчислению:

…Умер мой Хмур, хоть не мог никак умереть:

Даже земля затряслась у меня во дворе.

Вырыл могилу лопатою из серебра,

Опустил на цепях его тело: настала пора.

И с каждым звеном я по имени звал его:

Старый мой Хмур, ничего, старина, ничего.

Верный мой пес, скоро снова я встречу его!

Бен больше не мурлычет, и мгновение спустя сердце его останавливается. Вот так он и умер. Он обманул меня. Знал, что я пойду за ним, куда бы он ни направлялся, что побегу от невыносимой пустоты мира, где его больше нет. Он показывал мне дорогу. То самое Однажды наконец пришло.

Все умирают. Даже Бен.

Ради меня.

Из-под пера Денниса Дэнверса уже вышло семь романов, включая «Участок рая» («Circuit of Heaven») и «Часы» («The Watch»), а также детектив о ближайшем будущем «Яркое пятно» («The Bright Spot»), написанный в соавторстве с Робертом

Сидни. В последнее время он пишет рассказы, которые появляются в таких изданиях, как *Strange Horizons, Orson Scot Card's Intergalactic Medicine Show, Lady Churchill's Rosebud Wristlet, Space and Time* и *The Magazine of Fantasy and Science Fiction.*

По словам автора, рассказ «Исцеление Бенджамина» был вдохновлен двумя животными: кошкой по имени Ниневия, которую писатель очень любил. Он взял ее маленьким котенком, и она прожила в его доме 19 лет. А когда он писал этот рассказ, ему пришлось принять нелегкое решение: надо было усыпить престарелую собаку — Элис уже исполнилось 15, и она страдала от тяжелой формы артрита. Дэнверс говорит: «Я сильно привязываюсь к животным, а век их недолог, и поэтому мне приходится сильно страдать. Но эти двое были среди моих самых драгоценных друзей. „Исцеление Бенджамина“ помогло мне выплеснуть свою боль, я встретился с ней лицом к лицу, одновременно плача и смеясь».

Пума
Теодора Госс

— Мистер Прендик, вас желает видеть некая дама.

Должно быть, я подпрыгнул, потому что помню, как задел коленом о стол. С тех пор как переехал в этот отдаленный уголок Англии, куда даже поезда не ходят и где я часами брожу по холмам, не встречая ни единой живой души, посетитель был у меня лишь однажды. То был местный викарий. Должно быть, в моей речи — а может, и в лице — было что-то, что его взволновало, потому что он не остался на ужин и не стал убеждать меня посещать службы в маленькой каменной церквушке, где он проповедовал (она располагалась внизу, в долине). Мне было жаль, что он ушел. Он казался разумным человеком, хотя своими любознательными карими глазами и худым лицом — возможно, это было свидетельство ранней нищеты — он напоминал мне лемура. За все это время мне ни разу не угрожало посещение человеческого существа, которое можно было хоть отдаленно принять за леди.

— Кто-кто? — Мне было интересно, что именно миссис Пертви подразумевала под словом «леди». Возможно, одну из прихожанок, что жили в деревне рядом с каменной церковью: там была почта, паб и шесть-семь домов. Может, это и впрямь прихожанка пришла просить за какое-нибудь миссионерское общество, трудящееся во имя спасения наших братьев-варваров?

— Леди, мистер Прендик. Она… — Миссис Пертви помедлила. — Она называет себя «миссис Прендик».

Я споткнулся о стул. На следующий день миссис Пертви пришлось как следует отмывать пятно от чернил на ковре. Она пользовалась каким-то особо действенным мылом.

Она ждала меня в гостиной: в это святилище миссис Пертви входила лишь затем, чтобы исполнить обязанности домохозяйки перед китайским фарфором и мебелью с набивкой из конского волоса. Я же этой комнатой не пользовался ни разу с тех пор, как въехал, и не видел необходимости менять этот заведенный порядок.

На ней была густая вуаль.

— Эдвард, — сказала она. — Как отрадно видеть тебя снова.

Все мы — двойственные натуры. Одна часть ме-

ня знала, что это не может, просто не может быть она. А другая знала, что ни одна другая женщина в мире не назвалась бы моей женой. И эта вторая часть была права. Ее голос я не перепутал бы ни с чьим другим: глубокий, может, даже слишком глубокий для женщины, звучный, словно она говорила из самой глубины своей гортани. Как виола.

— Ты выглядишь лучше, чем когда мы виделись в последний раз, там, на острове.

— Кэтрин.

— Ах, так у меня теперь есть имя. Ты что, забыл его, когда писал вот это? — Она показала мне экземпляр моей же книги. Той книги, которую мне не стоило писать, книги, на написании которой настаивал мой психиатр. — Ты забыл, что у нас у всех были имена? Какой же ты ужасный лжец, Эдвард.

— Дай мне взглянуть на твое лицо, — сказал я. Вуаль приводила меня в замешательство. Мне нужно было знать наверняка, что она действительно разговаривает со мной, что это не какая-то галлюцинация.

Она рассмеялась, будто была обычной женщиной, и подняла вуаль.

Когда я видел ее в последний раз, ее лицо было

исполосовано шрамами: следами работы Моро. А теперь кожа ее была совершенно гладкой. Высокие скулы, орлиный нос — лучший, по-моему, из тех, что создал Моро. Глаза, смесь желтого и коричневого, цвета балтийского янтаря. Кончики ушей были спрятаны под волосами. Были ли на них кисточки? Она заметила, куда я смотрю, снова рассмеялась и откинула волосы. Они выглядели совершенно по-человечески. Я ученый и вовсе не знаток женской красоты. Но она была самой прекрасной женщиной из всех, что я видел.

— Как ты…

— Давай пройдемся, Эдвард. — Она указала на застекленные двери, что вели в сад. Жесты ее были неестественно грациозны. — Давай предадимся воспоминаниям, как старые друзья. А потом я попрошу тебя об одолжении. Но сначала расскажу, чем занималась последние несколько лет. Ну, с тех самых пор, как ты оставил меня умирать на острове.

— Я не оставлял тебя умирать.

— Разве?

Я прошел за ней в сад. Стоял обычный осенний день, по серому небу проплывали облака, а внизу в долине паслось стадо овец, похожих на облака. Я видел, как их гонит собака: сначала с одной сто-

роны стада, потом с другой. А где-то был человек, и именно по его свистку пес бегал туда-сюда. Уже сотню лет собаки, люди и овцы занимались этим делом. Какая типично английская сценка.

— Тогда скажи, что же, по-твоему, должно было со мной случиться после твоего отъезда.

Голос ее привел мне на память другую сцену, совершенно другую сцену. Южное солнце светило прямо на Моро, а тот лежал в грязи, и мухи роились над его рубашкой там, где лен был испачкан красным.

— Это Пума, — сказал Монтгомери. — Мы должны ее найти.

— Но как она сделала это? — Меня тошнило, по большей части, видимо, от шока. Я как-то не представлял себе, что Моро может умереть. И уж точно не так.

Он показал на голову Моро:

— Она ударила его. Посмотри, у него затылок смят. Видимо, своими же цепями и ударила. Должно быть, оторвала их от стены. Проклятье.

Слово прозвучало совершенно неуместно.

Мы легко прошли по ее следу. Она направлялась не к поселению зверолюдей, а к морю. Я на секунду подумал, а не собирается ли она утопиться, как хотел утопиться я сам в первый день на

острове. Но зверолюди такого не делают. Они убивают других, а не себя. Самоубийцей может быть только человек.

— А вот и она. — Монтгомери указал своим ружьем.

Она стояла по бедра в воде. Она смотрела на нас, а потом встряхнулась, разбрызгивая воду с мокрых волос во все стороны. Она пошла к нам. Так могла бы выйти из пены морской сама Афродита. Но у этой Афродиты кожа напоминала скорее золото, чем слоновую кость, и глаза ее были звериными. Все ее тело покрывали свежие рубцы.

— Боже мой, — сказал Монтгомери. — Так вот что он прятал от меня.

— Прятал?

— Целый месяц он не пускал меня в лабораторию. Говорил, что наконец все заработало. И посмотри-ка на нее. Она — его шедевр. Бедный мерзавец.

— Я убила одного плетью, — сказала она. Голос ее отражался от воды, как волны, что бьются в подводной пещере. — Вы убьете меня за то, что я сделала?

— Мы не убьем тебя, — сказал Монтгомери. — Ты зря его убила, но мы тебя наказывать не станем.

— Ты с ума сошел? — прошептал я ему и прицелился, но Монтгомери схватил меня за руку.

— Разве не видишь, что он сделал с ней? — шепнул он в ответ. — Этот человек был просто скотиной.

— Я правильно сделала, что убила его. И это доставило мне удовольствие, — сказала она и вышла из моря, подобная статуе из отполированного золота.

С этого неприятного заявления началась наша жизнь с Женщиной-Пумой.

Ее шрамы поблекли, но все равно их было видно по всему лицу и по всему телу. Она была похожа на жительницу Южных Островов, которые ходили в рубцах.

Монтгомери взял ее жить с нами, на огороженном участке. Он отдал ей свою спальню, а сам расположился в моей. Мы вычистили лабораторию, освободили всех животных, которые сохранили первоначальный вид, и убили тех, над которыми Моро успел поэкспериментировать. У нас была еда, оружие и Млинг, любимый зверочеловек Монтгомери, который охранял нас ночами. Мы планировали дождаться следующего транспортного судна, а потом — а что потом? Я предполагал, что мы покинем остров, оставив

чудищ Моро на произвол судьбы. Но как насчет нее? Казалось, Монтгомери к ней по-особенному привязался. Она расхаживала по участку в одной из его рубашек, заправленной в его же брюки, и подпоясанная веревкой. Видом она напоминала цыганенка.

Она ходила так тихо, что я и не догадывался о ее присутствии, пока она не заговаривала. Когда я спускал на воду лодку, чтобы порыбачить, она появлялась словно из ниоткуда, помогала мне толкать шлюпку, а потом прыгала внутрь. Монтгомери таращился на нас с берега, положив одну руку на оружейный ремень. Я не хотел, чтобы она отправлялась со мной, но что мне было делать, толкать ее в воду? И она сидела в лодке, молчала и смотрела на меня своими золотисто-карими глазами: женщина, и все же не женщина. Ни одна дама не смогла бы сидеть так спокойно.

Имя ей дал Монтгомери: «Кэтрин, смекаешь? — сказал он. — Кот-рин. Есть же в тебе что-то от кота!» Он выпивал. Смотрел, как она пересекает закрытый участок — так легко, так бесшумно, словно ходила на цыпочках. Мне не нравилось, как он смотрел на нее. Может, поначалу зеролюди и вызывали у него отвращение, как и у меня, когда я только высадился на острове, но с тех

пор он давно к ним привык. Они казались ему людьми, настоящими людьми. Подозреваю, что, если бы его поместить в гущу лондонской жизни, он бы содрогался от уродства мужчин и женщин, которые проходили бы мимо него. Она была самым прекрасным творением Монтгомери. И у Монтгомери самого были любимчики среди зверолюдей: Млинг, Септимус, Адольф. Что же он думал о ней?

Именно он научил ее стрелять, читать книги из собрания Моро. Пока она обучалась, он отвечал на любые ее вопросы: сначала об острове, потом о мире, от которого мы были отделены, и, наконец, об исследованиях Моро. Если бы нас спасли тогда, мне кажется, он бы взял ее с собой. Я представил ее израненное лицо, ее длинные коричневые конечности, в английской гостиной. Но иногда мне казалось, что она предпочитает мое общество. И порой, по ночам, я представлял ее такой, какой увидел впервые, когда она поднималась из волн, подобно Афродите. Афродите, только что совершившей убийство.

Однажды, когда мы сидели в лодке, она сказала мне:

— Прендик, а велика ли твоя страна?

— Гораздо больше этого острова, но меньше

некоторых других стран.

— Вроде Индии?

— Да, вроде Индии. Чертов Монтгомери. Что он там тебе нарассказывал?

— Что ваша английская королева еще и императрица Индии. Как может такая маленькая страна, как у вас, победить такую большую страну, как Индия?

— У нас есть ружья.

— Ах да, ружья, — она бросила самодовольный взгляд на свое ружье. — Так что ж, получается, дело опять в ружьях и хлыстах, как и на этом острове?

— Нет! — Я швырнул ярко-оранжевую рыбу в корзину. — Дело в цивилизации.

— Понимаю, — ответила она. — Вы научили их ходить прямо и носить одежду и почитать английскую королеву. Я бы хотела увидеть эту вашу королеву. Наверное, хлыст у нее длиннющий.

Но что же все это время делали зверолюди? Когда правление Моро над ними закончилось, они снова вернулись к своему естественному поведению. Хищники сбились в стаю, и вожаком стал Нерон, свино-гиена. Они перешли на другую часть острова. Другие остались в поселении, и Глэдстон, Глашатай Закона, собрал те остат-

ки правительства, которые у них еще были, а Адольф, собако-человек, стал отвечать за оборону. Септимус, этот болтливый обезьяно-человек, первый из тех, кого я встретил, когда впервые спасался от Моро, попытался создать для них новую религию с различными Большими Мыслями и Малыми Мыслями, но другим это было совершенно не нужно. Монтгомери думал, что нам следует раздать им ружья, но я отказался. Меня злило его сочувствие к ним. Да пусть они все сдохнут, думал я, пусть земля очистится от трудов Моро.

Так продолжалось несколько месяцев. Как я позже осознал, это был период спокойствия между убийством Моро и тем, что последовало дальше.

* * *

Она шла через сад, время от времени останавливаясь, чтобы потрогать лилию рукой в перчатке.

— У ваших английских цветов, — начала она, — так много почитателей. Но разве ты когда-нибудь видел хоть что-то прекраснее этого? Первый клубень привезли много поколений назад со склонов Гималайских гор. И он процветает на вашей английской почве.

— Где ты выучилась ботанике?

Она не ответила, просто шла впереди меня по полям, по холму, и мне было нелегко за ней поспеть. На верху холма мы взглянули вниз, на долину, где под серым небом спала английская деревня.

— Ты хотел бы услышать, что случилось, когда ты покинул меня на острове?

Я кивнул и снова искоса взглянул на нее. Что она сделала, чтобы стать тем, чем стала? Когда она говорила, движения ее рук были исполнены очарования; в этом было что-то итальянское. Но все равно ни одна женщина не смогла бы двигаться так плавно. Ее грация была человеку недоступна.

— Я жила в пещере, которую мы до этого делили с тобой. Я следила за ходом времени, как ты меня научил. У меня было ружье, но пуль не было. Да и творений его на острове осталось совсем мало. Ты думаешь, я не могу произнести его имени, но я могу: Моро, Господин Зверей. Это имя выжжено в моем мозгу, помнишь? Без сомнений, это будет последнее, что я произнесу перед смертью. Но это будет еще нескоро.

Ты написал, что зверолюди вернулись к изначальному дикому состоянию. Какой же ты лжец,

о мой супруг! Ты знаешь, что это было бы невозможно даже с точки зрения анатомии. Но ты не хочешь, чтобы твоя английская аудитория знала, что после смерти Монтгомери, когда закончились все запасы, ты лакомился человечиной. О да, у них были свиные рыла, или они болтали, точно обезьяны, но перед тем, как ты в них стрелял, они кричали по-человечески. Ты помнишь, как пристрелил и съел Адольфа, своего собако-человека, с которым раньше охотился? Который по ночам спал, свернувшись клубком у твоих ног?

Я посмотрел вниз, на долину. Эта женщина пробуждала все мои воспоминания. Руки у меня тряслись. Я поднес их ко рту, будто они могли защитить меня от охватившего приступа тошноты.

— Они были животными.

— Если твой друг, профессор Гексли, прав, то и ты животное. И я. Ты поражен. Почему? Потому что я упомянула Гексли? Ты и представить себе не можешь, сколько всего я сделала, уехав с острова. Я тоже занималась у профессора Гексли, о котором ты так часто говорил. Твои описания его опытов сослужили мне добрую службу. Конечно, он думал, что вопросы, которые я задавала ему после лекций, были чисто теоретическими. Он

сказал мне, что счастлив найти в юной леди такой научный разум. Он не знал, что меня создал биолог. Можно сказать, что я наточила зубы в биологии. Или что мои зубы сточились о науку.

Когда мы вместе жили на острове после смерти Монтгомери, я рассказывал ей о происхождении и истории жизни на земле. Мы осматривали геологические образования, изучали и каталогизировали то, что находили в приливных озерцах, следили за птицами, что гнездились на острове. На острове не было местных видов более развитых, чем черепахи, которые откладывали там свои яйца, но мы изучили анатомию зверолюдей, которых убивали, и обсуждали их особенности. Я объяснил ей, что именно соединял Моро, как свинью сшивали с собакой или волка с медведем. И я даже красноречиво — как мне тогда казалось — показал, что, должно быть, задумал Моро, как зверь должен был превратиться в человека.

— Ты тоже ими лакомилась.

— Они были моей естественной добычей. Если бы я оставалась тем зверем, что Монтгомери купил на рынке в Аргентине, я бы охотилась за ними без единой мысли, без единого колебания. Но я забегаю вперед. Многие месяцы я жила одна. Я вернулась к прежней жизни — не обликом, но

поведением. Я охотилась по ночам, разрывала своих жертв на части, ела мясо сырым. Когда я решила, что творений Моро больше не осталось, я питалась тем, что находила в приливных озерах — рыбой, когда мне удавалось ее поймать, моллюсками (их я разбивала о камни). Я рыла землю в поисках черепашьих яиц. Когда прибыл «Скорпион», я чуть не умирала от голода. На острове ничего не осталось, кроме нескольких кроликов и свино-человека, которому удалось сбежать от меня, да еще крыс, которых я не могла поймать, настолько я ослабела. Рано или поздно они сами бы меня сожрали.

— Они разыскивали обломки «Ипекакуаны». Капитан проявил ко мне особую заботу. Он решил, что я англичанка, что меня схватили пираты, которые грубо со мной обошлись. Эдвард, я должна поблагодарить тебя за то, что ты научил меня изъясняться правильно! Когда я имитировала твое произношение, мне и в голову не приходило, что я одновременно учусь говорить как леди. Более грубый акцент Монтгомери мог мне помешать. Я сказала капитану, что потеряла память. Они отвезли меня в Тасманию, и местный правитель обошелся со мной по-доброму; начали сбор средств в мою пользу. Вообрази себе:

все эти англичане и англичанки отдавали свои деньги для того, чтобы я могла вернуться домой, в Англию! Денег оказалось предостаточно: мне хватило на путь до Англии и на хирурга, очень хорошего хирурга, который закончил то, что начал Моро.

— После операции денег у меня не осталось, а в вашем цивилизованном мире без них не обойтись. Но я нашла мужчин, которые соглашались платить деньги за компанию красивой женщины. А ведь я красива, Эдвард, правда? Надо поблагодарить Господина Зверей: я стала его шедевром.

Она улыбнулась, и мне это не понравилось. Ее клыки все еще были длиннее, чем нужно. Иногда, когда я возлегал с ней, она кусала меня. Мне хотелось верить, что это происходило случайно. Но так ли было на самом деле?

— И так я начала учиться. В этой вашей Англии женщине нельзя посещать университет, но на научные лекции ходить можно. Женщина может читать в Британском музее. И если она красива, то может задавать столько вопросов, сколько ее душе угодно, и ученым мужам льстит ее интерес. Я бы даже сказала, Эдвард, что теперь я разбираюсь в биологии лучше тебя. И я собираюсь

использовать свои знания. Но мне нужна твоя помощь. Я пришла сюда, — она сделала жест, указывая на окрестные холмы, на птиц, что летали над нашими головами, на облака, что проносились по серому небу, — с самыми низменными целями. Мне нужны деньги. Понимаешь, я задумала один проект. Хирург, который чинил меня, который убирал оставленные Моро шрамы, был русским эмигрантом, евреем, который подвергся гонениям из-за своей религии. Как же вы, люди, любите гонения! Два года я проработала с ним и изучила все, что знал он сам. И теперь — как он благородно заметил — мои умения даже превзошли его собственные. Ваши женщины, которые агитируют за право голоса, считают, что у них должна быть профессия помимо брака. И я тоже хочу себе профессию. Я предполагаю пойти по стопам отца и стать вивисектором.

Я уставился на нее.

Она смотрела вдаль, через холмы; юбка и вуаль развевались по ветру, и она напоминала фигуру на носу корабля. Но куда она направлялась? Труд Моро однажды уже чуть не сгубил нас. Неужели она всерьез собиралась продолжить начатое им?

После его смерти наиболее миролюбивые из зверолюдей постепенно привыкли приходить к

нашему участку и обменивать то, что вырастили в своих садах, на нашу муку и соль. Дважды в неделю приходили они и наводняли нашу территорию, напоминая английский рынок вперемешку со зверинцем или картину эпохи Возрождения, изображающую какой-то из кругов Дантова Ада.

Монтгомери отчего-то не заметил, что на территорию пробрались Нерон и волко-медведь Тиберий. Млинг должен был охранять ворота, но на что-то отвлекся. Зверолюди начали понемногу перенимать наши пороки, за что больше всего следует винить Монтгомери. Он приучил их к табаку, который обменивал на еду, а еще, просто чтобы скоротать время, порой вырезал игральные кости, которыми они играли на луковицы, черепашьи яйца и что там еще приносили на обмен зверолюди. Тем утром Млинг играл с ними в кости.

— Почему у нее хлыст? — Услышал я крик и подошел к окну. Обычно в рыночные дни я прятался дома. Мне все еще было неуютно находиться в компании столь многих творений Моро.

Монтгомери стоял у двери склада, в котором хранились наши бочки с табаком, мукой, печеньем и вяленым мясом. Рядом с ним стояла

Кэтрин, одетая в точности, как он, с ружьем и хлыстом, заткнутым за пояс. Вокруг толпились зверолюди с товарами, которые они принесли на рынок, а сзади, рядом с воротами, стоял свино-гиена.

— Она одна из нас, одна из сотворенных. Почему у нее ружье? Почему у нее хлыст? Пусть присоединится к своему народу.

Зверолюди стояли, глядя на нее, и я видел, каким любопытством блестели их глаза.

— Почему она не идет с нами? — сказал Катулл, сатир. — У нас мало самок. Почему она не идет жить в наши хижины, работать в наших садах, как другие самки?

— Да, — сказал обезьяно человек. — Пусть живет с нами, с нами, с нами! Она может стать моей самкой.

Затем заговорили другие: они считали, что Кэтрин может достаться им самим.

Я видел, что Монтгомери в замешательстве. Прошлым вечером он допоздна пил и теперь страдал от похмелья. Он не понимал, отчего бунтуют эти обычно мирные зверолюди. Оттуда, где он стоял, свино-гиены видно не было.

Я видел, что Кэтрин положила руку на ружье.

Зверолюди начали пререкаться между собой,

споря, кому она достанется. Моро так и не сделал достаточно звероженщин, и они вечно пытались переманить их от одного к другому. Все толкались локтями. Скоро завяжется драка.

Я выступил в дверной проем, а затем вышел из помещения:

— Господин, который отправился жить среди звезд и наблюдает за вами сверху, предназначил ее для другой цели. Она не станет самкой ни одного из вас. Она останется без супруга, но все равно понесет ребенка, который продолжит ваш род. Вот цель, для которой он ее создал. Она станет матерью новой человеческой расы. Склонитесь пред той, что предана столь высокой цели!

Они смотрели на меня не мигая.

— Склонитесь! — сказал я, подняв ружье. Я заметил, как свино-гиена скользнул через ворота.

Один за другим они неохотно нагнули головы.

— Слава Священной Матери! — сказал обезьяно-человек. Он всегда был глупее остальных.

— Что ж, — сказал я. — Можете продолжать торговлю. Сегодня, несмотря на ваше непослушание, не будет никаких наказаний.

Той ночью Монтгомери разжег сигнальный костер. Он разжигал его каждый вечер. Если поблизости окажется корабль, мы не хотели его

пропустить. Порой зверолюди приходили потанцевать вокруг костра. «Настоящие ритуальные пляски», — называл это Монтгомери.

— Кэтрин! — позвал он, когда костер был зажжен. Я видел, как он стоял снаружи, и за его спиной светила полная луна, такая огромная, какой никогда не увидишь в Англии. — Выходи потанцевать. Сегодня их набралась целая толпа.

— Не сегодня, — ответила она. — Сегодня я хочу поговорить с Эдвардом.

— К черту Эдварда. Пошли, Кэтрин. — Я понял, что он уже успел выпить, а может, он и не прекращал.

Я не слышал, что она ответила, но он прокричал: «Ну и черт с тобой!». И затем хлопнули ворота.

— Он ушел, — сказала она через мгновение, встав у моей двери.

— О чем ты хотела поговорить со мной?

Она подошла ближе. Она чем-то пахла. Не то чтобы неприятно, подумал я, но очень по-кошачьему.

— Ты думаешь, у него был какой-то замысел касательно меня?

— У кого?

— У Моро. Ты видишь, как я создана. Не так, как

остальные. Мои руки… Над ними он особенно потрудился.

Ее ладони лежали у меня на плечах. Сквозь рубашку я чувствовал прикосновение когтей.

— Разве я плохо сложена, Эдвард?

Я посмотрел ей в глаза, что и в ночной тьме казались темными. Не знаю, что вдруг овладело мной.

— Ты… ты сложена божественно.

Она лизнула меня туда, где была расстегнута пуговица на моей рубашке. Туда — а потом в шею. Ростом она была почти с меня. Я не мог не вспомнить о разодранном горле Моро.

Он хорошо справился со своей задачей. Стоя на английском холме, наблюдая, как ветер отбрасывает ей за спину вуаль, я вздрогнул, вспомнив о ее смуглых бедрах, пушок на которых был мягче, чем волосы любой из женщин.

Она улыбнулась мне, и, несмотря на свитер и пальто, мне стало холодно.

Мы лежали среди смятых простыней, когда услышали выстрел.

— Возьми свое ружье, — сказала она.

Мы выбежали наружу — я в брюках, она — в рубашке Монтгомери. Пробегая мимо склада, она внезапно исчезла, а затем появилась снова. Через

плечо у нее был переброшен патронташ.

А на пляже вокруг костра танцевали зверолюди. Воздух дрожал, и вскоре я понял, что это были звуки барабана. Кто-то — похоже, Глашатай Закона — выбивал ритм, пока зверолюди вращались, и прыгали, и трясли в воздухе руками, и кричали каждый по-своему: кто-то хрюкал, как свинья, кто-то лаял, как собака, кто-то мяукал. Никогда не забуду этого зрелища: с сумрачных дюн я смотрел, как зверолюди скачут по песку, а женщина-пума, с ружьем в руке и патронташем на плече, стояла бок о бок со мной.

— Сегодня огонь ярче, — сказала она. — Что это они жгут?

Я пригляделся.

— Лодки!

Они были слишком малы, чтобы на них можно было уплыть с острова, но все же служили вещественными доказательствами того, что побег хотя бы возможен.

Не задумываясь, я побежал к ним.

— Будьте вы прокляты! Да будьте вы все прокляты! Какая скотина…

Один из зверолюдей повернулся ко мне. Я с криком отшатнулся. На нем была маска гориллы, но глаза за этой маской принадлежали Монтгомери.

Другие зверолюди остановились, натыкаясь друг на друга в замешательстве.

— Какого дьявола…

— Я… Я горилло-человек, не видишь? — Он начал подпрыгивать, сгорбившись и свесив руки наподобие гориллы.

Другие зверолюди рассмеялись. На их зубах плясали отблески костра.

— Ты напился! Да вы все напились! Какая мерзость…

— Да ладно тебе, консерватор! Прендик, старый ты лицемер! Развлекайся с Кошкой. Но и мне ведь можно повеселиться, тебе не кажется?

— Перестань, Монтгомери, — сказал я и попытался схватить его за руку, но он замахнулся и ударил меня в челюсть. Если бы он не потерял равновесие, то удар бы получился еще сильнее, но я и так почувствовал вкус крови. И затем увидел пару горящих глаз, и еще одну: они смотрели на меня. Там были и волко-медведь, и свино-гиена. Поддавшись инстинктивной реакции хищника, свино-гиена бросился на меня.

Я услышал треск. Свино-гиена упал у моих ног. Еще треск — и другие зверолюди попадали один за другим. Раздались крики, и плясуны побежали во тьму джунглей. Я подумал, что оглохну от этой

какофонии или меня просто затопчут. Но вот последний из них скрылся в зарослях, и внезапно настала тишина. Я все еще был на ногах, стоял в совершенном одиночестве. У моих ног распростерлось тело свино-гиены, а за ним лежали Млинг, женщина-волк, один из свино-людей и горилло-человек, Монтгомери.

— Ты убила его, — сказал я.

— Он стал одним из них, — откликнулась она из темноты.

Я не ответил. Я молча повернулся и хотел уйти обратно на наш участок. Там полыхал огонь. Я услышал вопль, который, как мне показалось, издал один из зверолюдей, но потом понял, что это кричу я сам. И я побежал, вот уже второй раз за ночь.

Нам ничего не удалось спасти. Спасать было уже нечего. Мы лишились наших запасов и, что еще хуже, патронов у нас тоже не осталось. После того как закончатся те, что взяла с собой Кэтрин, ружья наши станут совершенно бесполезны.

— Должно быть, кто-то из нас двоих перевернул лампу, — сказала она, сохраняя свою обычную невозмутимость. Единственное свидетельство ее гнева, которое мне довелось увидеть, осталось на горле Моро — вернее, на том, что осталось от

этого горла.

Что я мог ей сказать? Если я сам перевернул лампу, то это произошло случайно. Но она, такая ловкая… Может ли быть, что она сделала это нарочно? Я ненавидел ее в тот момент больше, чем ненавидел Моро. Если бы я думал, что могу убить ее, то убил бы. Но я не хотел умереть смертью доктора, быть похороненным (а то и хуже) на острове, где звери выглядели похожими на людей.

Сейчас, когда я вспоминаю, мне кажется, что это я опрокинул лампу. Монтгомери сжег лодки, чтобы отомстить мне, но ей мстить было незачем. Ее мотивы всегда были просты и логичны. Если она чего-то хотела, то добивалась этого прямо, без свойственных людям околичностей. Хотя она выглядела и смеялась как английская леди, она все еще мыслила как животное.

Так началась самая долгая часть нашего пребывания на острове. Мы сожгли тело Монтгомери, а что до других… Она была хищником, и медленно, неохотно, я последовал ее примеру. Мы вместе охотились, и со временем мое зрение становилось все острее, хотя с нею я все равно сравняться не мог. Она потешалась надо мной, но я все равно настаивал, что мы должны готовить себе пищу. Я отказывался смотреть, как она пожирает добычу

сырой. Мы пили из ручья, всасывая в себя воду. Одежды наши истрепались и висели на загорелой коже. Я лежал с ней в пещере, которую мы называли домом, и ненавидел ее, ненавидел то, во что я превратился сам, но все же я не мог ее покинуть. И даже сейчас я помню ее прикосновение, то, как ее шершавый язык пробегал по моей коже, помню золото ее глаз, когда она смотрела на меня сверху вниз и спрашивала:

— О чем ты думаешь, Обезьяно-человек?

— Не называй меня так!

Она смеялась и тыкалась в меня носом, как кошка, которая желает, чтобы ее погладили; она издавала звук, который не был ни мурлыканьем, ни рыком.

Однажды я прогуливался по пляжу, собирая все, что находил: крабов, моллюсков, водоросли. Мы экономили пули, но все равно их почти не осталось. Вскоре мы скатимся до того, что начнем охотиться, как животные. Я стану подобен ей. Я увидел, как навстречу мне что-то движется по воде. Парус! Но лодку качало, как пьяного матроса. Это была та самая шлюпка, которую я описал в книге: в ней сидели капитан «Ипекакуаны» и его первый помощник. Оба были мертвы. Может, это мой единственный шанс спастись с острова.

Если я умру в океане, то, по крайней мере, умру по-человечески.

Я ступил в лодку. Тогда я был уверен, что больше не увижу ее.

— Возможно, — сказала она, — тебе будет интересно знать, чем именно ты можешь мне помочь.

Закапал дождь. Капли застревали в ее вуали, точно в паутине.

Я отвернулся. Я не хотел этого знать, но все же не мог не слушать. Как ученому, как мужчине, мне было интересно, что она задумала.

— Я бы хотела сама выносить ребенка, но я не могу. Мы в этом убедились, не так ли, Эдвард? А ты бы хотел, чтобы у нас были дети? Интересно, какими бы они были. Моро лишил меня способности заводить потомство с представителями моего вида, но и с вашим видом этого тоже не получается. Даже мистер Радзински не смог подарить мне такую возможность, хотя он пытался. Есть тут какая-то несовместимость, и дело не только в анатомии. Возможно, однажды ваши ученые ее обнаружат, и тогда мы сможем создать настоящую расу зверолюдей. Но я нетерпелива, я хочу, чтобы мои дети процветали и населяли землю. И это, согласно мистеру Дарвину, более

чем естественное желание.

Здесь, в Англии, я создам клинику, где продолжу и усовершенствую опыты Моро. Но моя больница не будет Домом страдания. Мы воспользуемся всеми медицинскими достижениями последнего десятилетия — и образовательными тоже, ибо моя клиника будет также и школой. Подумай, Эдвард! Мои дети получат самое современное образование. И они вступят в новую эру, как хозяева Вселенной.

— И что же позволяет тебе думать, что я стану финансировать такой… такой безумный проект? Разве недостаточно того, что Моро уже попытался? Почему ты сама хочешь создавать таких же чудищ?

— Не чудищ. Взгляни на меня, Эдвард. Я разве чудище?

Я не знал, что на это ответить.

— Ты станешь финансировать мой, как ты выразился, безумный проект по трем причинам. Во-первых, ты джентльмен, а джентльменов заботит их репутация. Если ты не обеспечишь меня необходимыми денежными средствами, я сообщу вашей английской печати. Существует два закона, Эдвард, которым подчиняются все цивилизованные люди: во-первых, нельзя делить

ложе со своей матерью, сестрой или дочерью, во-вторых, нельзя есть плоть других людей. Ты нарушил второй из этих законов.

— Какое мне дело до того, что подумает общество?

— Но ведь начнутся вопросы. И, раз ничего нельзя доказать, люди предположат самое худшее. О тебе пойдет дурная слава. Где бы ты ни очутился, за тобой будут следить, тебя будут фотографировать, брать интервью. Представь только заголовки газет! «Чем завтракает каннибал мистер Прендик. Вкуснее ли это людской плоти?» А во-вторых, ты ученый. Я предлагаю тебе эксперимент. Я привезу из Америки молодых пум, младше двух лет. Отличные, здоровые особи. Операции будут проходить поэтапно, я собираюсь изменять зверей постепенно, что позволит им шаг за шагом привыкнуть к их новому обличью. Я буду давать им образование. Не будет никакой боли, не будет уродств. Мои дети будут прекрасны, как я сама.

Я хватался за последние соломинки:

— Твой план осуществить невозможно. Ты никогда не сможешь построить такую клинику в Англии. Где ты ее спрячешь? В сельской местности не осталось ни одного незаселенного уголка,

за тобой всюду будут наблюдать. Тебя найдут.

Она рассмеялась:

— Я не предполагаю строить клинику в сельской местности. Нет, она будет стоять в самом сердце Англии — в Лондоне.

— Но ведь полиция…

— Есть такие районы, куда полиция не заглядывает никогда. Тамошние жители лепечут на непонятном языке, и можно приобрести все, чего душа пожелает, от свеженькой сельской девчушки до трубки опиума, от которой будут сниться отнюдь не английские сны. За последние годы я хорошо ознакомилась с такими местами. Не заботься о практической стороне вопроса. Я уже все обдумала.

И, наконец, третье. Я сказала, что перечислю тебе три причины. Ты ведь последователь мистера Дарвина. Только подумай, Эдвард, — она снова повернулась, чтобы взглянуть на долину, — для эволюции необходим естественный отбор. Без него вид становится инертным, возможно, даже вырождается, возвращается к атавистическим формам. Как давно естественный отбор применялся к людям? Вы уничтожили всех хищников, что могли бы на вас охотиться. Сколько людей погибает от волков и медведей, скажем, в Евро-

пе? Вы заботитесь о своих бедняках, о больных, о тупых, о безумных, и они плодятся, заполняя ваши города. Те же из вас, кто способен мыслить, тратят столько сил на работу, что не размножаются. Ты все это и так знаешь, я уверена. Читал у Нордау и Ломброзо. Сама сила, само сострадание вашего вида станут вашей погибелью. С каждым годом, с каждым десятилетием, с каждым веком вы будете становиться все слабее. И в конце концов вымрете, как додо. Такова участь человека. Если только…

— Если только что?

— Если только не найти нового хищника. Вот это я тебе и предлагаю, Эдвард. Хищника как движущую силу естественного отбора. Вид, который я создам, будет питаться слабейшими из вас, и сделает человечество сильным.

Я подумал, что она сошла с ума. Я и до сих пор так думаю. Но в безумии есть своя логика; была она и у Моро, а ведь Кэтрин сама считала себя его дочерью. У него тоже была эта звериная прямота, эта простота.

С того дня, как мы стояли вместе на холме, я ее не видел. Деньги я отправил на банковский счет, а куда уж они пошли, это мне неведомо. Верю ли я, что ее создания сделают человеческий род

сильнее, а не ослабят его? Не знаю. Но она никогда мне не лгала. На ложь способны только люди.

Есть еще и четвертая причина, которой она не упомянула. Возможно, на то подтолкнула ее доброта. Но я не думаю, что общение с людьми могло научить ее доброте. Конечно, она должна была это знать. Порой по ночам я все еще думаю о ней, о ее пальцах в моих волосах, о том, как ее ноги переплетались с моими, а губы были близко, так близко к моему горлу. Наверное, я не любил ее. Но это безумие напоминало любовь, и, возможно, я все еще безумен, поскольку не отказал ей. Она должна была знать об этом: стоя в дверном проеме, готовясь уходить, она, эта респектабельная английская леди, шагнула ближе и лизнула меня в шею. Я почувствовал, как ее язык царапнул мою кожу.

— До свидания, Эдвард, — сказала она. — Когда я буду готова, но не раньше, я приглашу тебя в мою клинику, и ты увидишь нашего первенца. Нашего с тобой.

Вчера я получил приглашение по почте. Принять ли его? Я еще не решил. Но я ученый, и любопытство — мое проклятие. Я бы хотел посмотреть на ее создания. Интересно, достойный ли она преемник для Моро.

Рассказы и стихи Теодоры Госс появлялись в самых разных журналах и антологиях. Многие из произведений попали в сборник рассказов «В лесу забвения» («In the Forest of Forgetting») и книгу ее поэзии «Голоса из волшебной страны» («Voices from Fairyland», 2008). Вместе с Делией Шерман она стала редактором сборника краткой прозы *Interfictions.* За свои работы она удостоилась Всемирной премии фэнтези и награды Рислинга.

Говорит автор:

«Я думаю, очевидно, что на рассказ меня вдохновил „Остров доктора Моро“, который я читала в тот момент. Но меня уже задолго до этого начали интересовать персонажи, которые не получают в произведениях права голоса. Например женщина-чудовище, которую уничтожают в „Франкенштейне“. Она является движущей силой сюжета, но ей не дают сказать ни слова. Такова и пума из „Острова доктора Моро“: без нее произведения бы не получилось (в конце концов, именно она убивает Моро), но она так и не нарушает своего молчания, не достигает „человеческого“ состояния в терминологии доктора. Также она оказывается единственным значимым

женским персонажем в романе, хотя в ранней версии, надо признать, была еще и миссис Моро, но потом ее из сюжета убрали. Мне особенно интересны те женские персонажи, которые остаются молчаливы и от чьего молчания отчасти и зависит содержание истории. Если бы они заговорили, то, мне кажется, их рассказы выставили бы сюжет в новом свете… Поэтому мне нравится предоставлять им слово, дарить им собственные истории — посмотрим, что им есть сказать от своего имени. Уверена, что еще косвенным образом на меня повлиял мой самый любимый рассказ о кошках, „Кошки Ултара“ Г. Лавкрафта, который тоже посвящен теме мести, и в нем рассказывается, каким могуществом наделены эти животные. Моя кошка, к примеру, выражает свои тонкие критические наблюдения, обгрызая уголки моих рукописей…»

Примечание редактора:

Я пребываю в сомнениях, стоит ли публиковать эту рукопись, оставленную мне моим покойным дядей, Эдвардом Прендиком, ибо легковерная публика может связать это сочинение с серией жестоких убийств, которыми сейчас занимаются лучшие умы Скотланд-Ярда. Тем не менее про-

фессор Гексли, учитель моего покойного дяди, попросил меня издать эту рукопись в качестве приложения к описанию дядиного пребывания на острове. По моему мнению, разговор, описанный выше, является галлюцинацией. Следует помнить, что здоровье моего дядюшки после кораблекрушения серьезно пошатнулось: он остался единственным жителем острова в Южных Морях и до самой смерти пользовался услугами психиатра. Рад сообщить, что умер он естественной смертью. Сердечный приступ может случиться даже с довольно молодыми людьми, и, даже если не верить фантастическим событиям, свидетелем которых он, по его заявлению, являлся, моему дяде все же пришлось много выстрадать. Необходимо признать следующий факт: при исполнении завещания покойного мы обнаружили, что его состояние действительно сильно уменьшилось. Тем не менее для этого существует масса возможных объяснений, и до окончательного выяснения причин смерти скоропалительных выводов делать не следует. Надеюсь, публика отдаст должное памяти моего дяди, который, несмотря на неустойчивость рассудка, подавал в научном мире большие надежды до тех самых пор, пока злосчастное

кораблекрушение не озлобило его против рода людского. Надеюсь также, что читатель не поверит досужим сплетням с Флит-стрит и приложит все усилия, чтобы поймать истинного убийцу, который орудует в районе Лаймхаус.

Чарльз Прендик

Эллен Датлоу –
это имя знают все,
кто любит фэнтези и хоррор!

Многократная обладательница премий WORLD FANTASY, LOCUS, HUGO, INTERNATIONAL HORROR GUILD, премий Брэма Стокера и Ширли Джексон, она получила также премию Карла Эдварда Вагнера за «Выдающийся вклад в жанр фэнтези» и почетную награду Ассоциации авторов жанра хоррор.

«Вот это да! Это одна из лучших антологий, мною прочитанных! Каждая история интересна и достойна того, чтобы рекомендовать ее к прочтению, но некоторые из рассказов — просто шедевры. Душещипательные, красивые, мрачные, забавные, необычные... удивительно, как у редактора хватило таланта связать воедино столько разных авторов. Но ей, бесспорно, это удалось!»

ISBN 978-5-386-08388-5
9 785386 083885
РИПОЛ КЛАССИК

18+

Знак информационной продукции согласно Федеральному закону от 29.12.2010 г. N 436-ФЗ